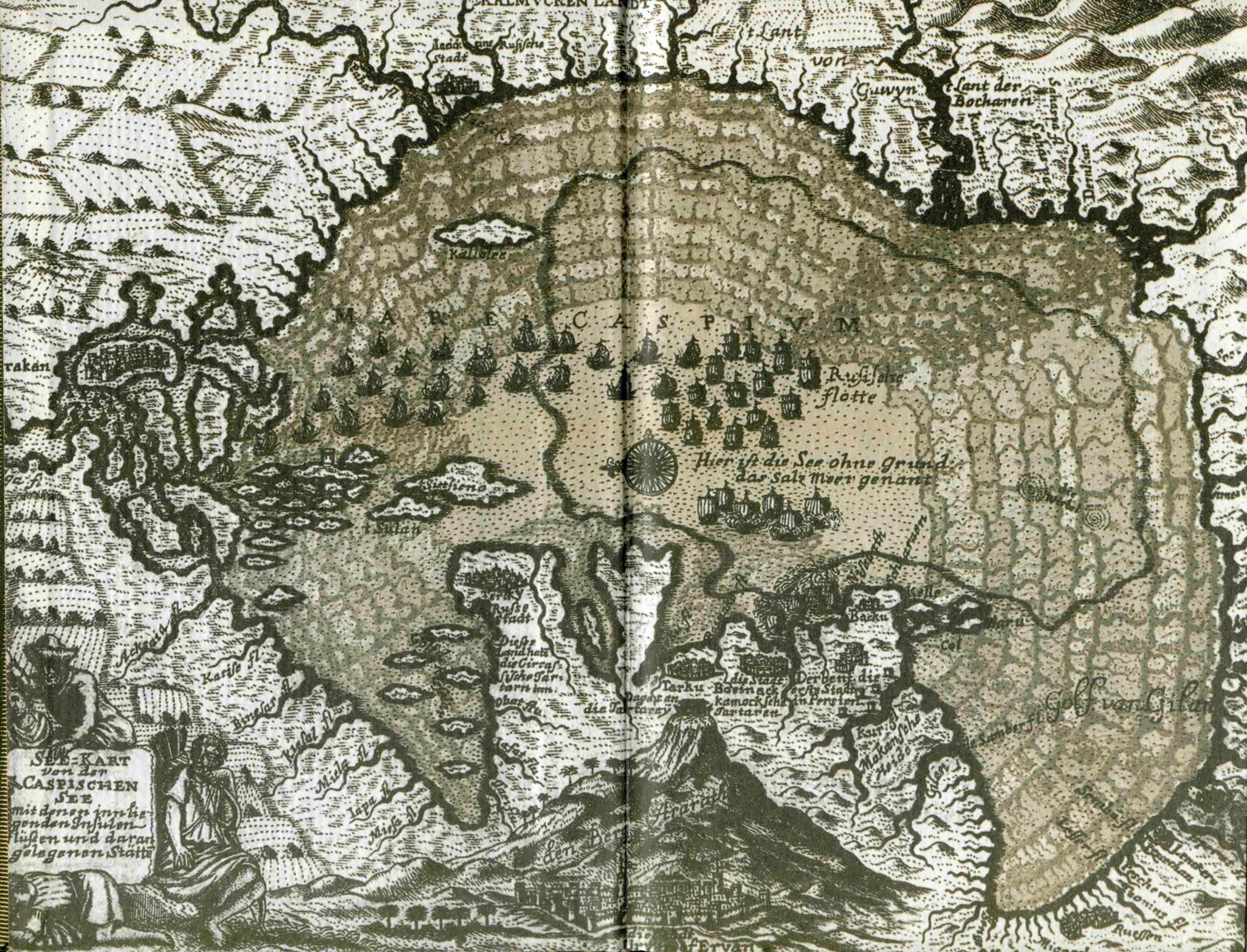

Lev N. GUMILEV

тысячелетие
вокруг Каспия

Лев Н. ГУМИЛЕВ

KASPIEN LAND

Land von Guwyn

Land der Bocharen

MARE CASPIVM

Russische flotte

Hier ist die See ohne Grund das Salz Meer genant

SEE-KART
von den
CASPISCHEN
SEE
mit denen umlie-
genden Inseln
flüssen und daran
gelegenen Stätt

Kaspien

Sithena

Russische Stadt

Die Stadt Derbent die
Tartaren

Golf von Gilan

ФОНД «МИР Л.Н.ГУМИЛЁВА»

Снова ночь, а мне не спится,
Кто-то страшный надо мной.
У сосны дрожат ресницы,
Месяц бродит над сосной.
Восемь сосен, восемь лестниц,
Все доходят до небес.
В небе мчится мертвый месяц
Облакам наперерез.
Он скользит по бездорожью
Близко, близко от меня
И дрожит последней дрожью
Утомленного коня.
Он один в своей пустыне,
Кровь в ноздрях, в глазах огонь,
Он совсем не месяц ныне —
Он издохший ханский конь.
Хоть внизу еще белеют
Кости павшего коня,
Хоть восток уже алеет
Кровью будущего дня, —
Надо мной довлеет опыт
Неприкаянного дня.
Как засну я, слыша топот
Белоглавого коня?

Лев Н. ГУМИЛЁВ

СОЧИНЕНИЯ

Составитель А.И.Курджи

ТОМ 11

тысячелетие
вокруг Каспия

Lev N. GUMILEV

УДК 947+957
ББК 63.3(2)
Г 94

Гумилев Л.Н.
Г 94 Тысячелетие вокруг Каспия / Составление и общая ред.
А.И.Курчки: — М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. — 592 с.: ил. —
(Серия “Сочинения Л.Н.Гумилева”; Том 11).
ISBN 5-87583-067-0

Книга Л.Н.Гумилева “Тысячелетие вокруг Каспия” посвящена историко-этнологическому исследованию ойкумены Евразии за 1500 лет — с III в. до н.э. по XIII в. н.э. Ее историческим центром, точкой пересечения этнических, политических и культурных интересов был Каспий. Автор рассказывает о рождении и гибели этносов на огромном околокаспийском пространстве, которое в течение долгих веков было ареной драматических событий, о рождении и развитии особой, сложившейся вокруг Каспия цивилизации, ее истоках и роли в общемировом историческом процессе. Особое место в книге уделено “дыханию” Каспия — ритму повышения и понижения его уровня как природному фактору, прямо влияющему на ход исторических событий.

© Институт ДИ-ДИК. 1998
© А.И.Курчки. Составление, подготовка
и общая редакция Собрания сочинений. 1998
© Ю.К.Курбатов. Обложка. Макет серии. 1998
ISBN 5-87583-067-0

В. В. Бартольд
М. М. Гришин
Б. А. Дорн
М. И. Павлов
М. П. Петров
А. Ф. Писемский
Н. Я. Половой
А. И. Фидман
А. А. Чибилев
Ю. М. Шокальский

в книге Л. Н. Гумилева
“Тысячелетие вокруг Каспия”

Содержание

<i>Предисловие</i>	11
<i>От автора</i>	19

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ВОКРУГ КАСПИЯ

<i>I. Ключ к решению поставленной задачи</i>	21
География поведения. Кривая этногенеза. История и этнология. Неудовлетворенность. Практический смысл этнологии. Физический смысл этногенеза. Уровни исследования и масштабы. Разочарование. Слово об утратах. Биполярность этносферы. Место человека в этногенезе.	
<i>II. Образ Ойкумены</i>	71
Между двух океанов. Почему китайцы не проникли в Европу? Туран и Иран. Между Ираном и Китаем. Глухой угол. Окоем.	
<i>III. В ареале пылающей пассионарности</i>	94
Великая степь Евразийского континента. Монголия до хуннов. Хунну и фаза подъема кочевого мира. Хунны разных сортов. Больные вопросы. Помехи. Фаза надлома и конец восточных хуннов. Без родины и отечества.	
<i>IV. В ареале этнических смещений</i>	125
Поиск начала эпохи. Загадка и задача. Встречи. Свободное	

место. Великая пустыня и север. Великая пустыня и юго-запад. Великая пустыня и юг. Цивилизация II—IV вв. Варварство II—IV вв. Каины и Авели. Диалог об этнографии древней и новой. Смена цвета времени. Как добыть достоверную информацию. Олень, или Непредвиденная победа. Аттила, Аэций и фазы этногенеза. Война 450—472 гг. и этногенез. Три поражения. Катастрофа.

- V. В ареале затухающей пассионарности* 182
Между историческими и природными закономерностями. Алтайское укрытие. Инерционная фаза — тюркский «Вечный эль». Тюркюты и хазары. Обновленный Китай — династия Тан. Конец тюркютов. Авары истинные и ложные.
- VI. В ареале остывающей пассионарности* 219
Уйгуры. Фаза обскурации — уйгурское ханство. Логика жизнеотрицания. Последствия соблазна. Последние хунны. Последние сяньбийцы. Несовместимость.
- VII. На излете* 244
Фаза и состояние. Персистенты. Позабитый этнос. Началось с трагедии. Опыт осмысления. Гузы и печенеги. Куда девались гузы? «Куманы, иже рекомые половцы».
- VIII. На чужбине* 263
После конца: этнические осколки. «Мир ислама». Египет и тюрки. Химера на Ниле. Надлом в «мире ислама». Химера на Джейхуне. Халифат и химеры. Этнос и химеры.
- IX. Богатыри, рыцари и убийцы* 296
«Христианский мир» (Chrétiainté). Пассионарный перегрев. Деяния куманов и сельджуков. Конец эпохи. Обновление этнической истории.
- X. Хронософия* 319
Легенда к синхронистической таблице. Синхронистические таблицы трех веков до н.э.. Диахрония как принцип. Диахронические таблицы этногенеза. Легенда.
- XI. Миф и действительность* 355
Память и истина. Друзья и недруги Великой степи. Неполноценных этносов нет! Миф против науки.

ДИАЛОГ ИСТОЧНИКОВ

МУЧЕНИЕ КАСПИЯ

Л.Н. Гумилев

История колебаний уровня Каспия за 2000 лет
(с IV в. до н.э. по XVI в. н.э.) 377

Лоции Каспийского моря 394

Ю.М. Шокальский

О недавнем значительном колебании уровня
Каспийского моря. 414

А.И. Фидман

Волго-Донской и Маньчский каналы 423

М.М. Гришин

Проекты использования вод бассейна Маньчэй 430

А.А. Чибилев

Яик — золотое дно 438

М.И. Павлов

Каракумский канал. 446

ВНУТРИ ГЛУБИННОЙ АЗИИ

Л.Н. Гумилев

С.И. Руденко и современная этнография аридной зоны Евразийского
континента. 463

М.П. Петров

Об усыхании Азии. 472

Б.А. Дорн

О походах древних русских в Табаристан 482

Н.Я. Половой

О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских
отношениях в 943 г. 485

В.В. Бартольд

Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древ-
нейших времен до XVII века 504

<i>В. В. Хлопов</i>	
А. И. Бутаков — исследователь Аральского моря (к 150-летию со дня рождения)	577
<i>А. Ф. Писемский</i>	
Баку	579
<i>Коротко об авторах</i>	586
<i>Первая публикация текстов Л. Н. Гумилева</i>	588

Предисловие

Книга “Тысячелетие вокруг Каспия” стала завершающей частью знаменитого трактата Льва Николаевича Гумилева “Этногенез и биосфера Земли”, в конце 1970-х преобразовавшего науку историю в науку об этнической истории, об этногенезе. Впервые интерес к социально-политическим казусам (от императорского Рима и до декабристов), подробно описанным в сочинениях профессиональной историографии, сменился интересом к тому, из чего реально состояла жизнь людей — людей разных национальностей. То, что разные национальности внутри СССР 70-х годов и вели, и ощущали себя по-разному, сказалось на пронизательности читающей публики, ставшей благодарной аудиторией Л.Н.Гумилева; подавляющее большинство этой публики составляли “технари” и “естественники” — они и оценили прозорливость ученого, впервые, за три столетия существования русской историографии, обратившегося к описанию и систематике некоего феномена, влияющего на процесс этногенеза. Разгадка этого феномена, обозначенного в депонированном “Этногенезе и биосфере Земли” еще как “фактор X”, но уже гулявшего по научным кругам под родовым названием “пассионарности”, “пассионарной энергии”, присутствует во всех основных работах Л.Н.Гумилева — но именно “Тысячелетие вокруг Каспия” стало первой официальной книгой, где пассионарность как научная дефиниция заявлена и описана открыто и где принцип пассионарного рассмотрения исторических процессов на Земле — то есть исследование поведения этносов в географическом ландшафте, в связи с биосферной реальностью Земли между III веком до н.э. и XII—XIII вв. н.э. — провозглашается открыто.

Отдельным изданием книга вышла в 1991 году в Баку. На волне политических перемен в стране она оказалась не очень замеченной русским читателем, но уже через два-три года стала для большинства адептов всевозможных национально-государственных начинаний, национал-народнических движений, партий, кланов и т.д. настольной книгой. Что вычитывали в этой книге бывшие ученые, филистеры, оппозиционеры и оперативные работники, ставшие главами государств, вождями и триумфаторами, руководителями гражданских подвигов — понять легко, но не нужно. У Л.Н.Гумилева можно выхватить одну-две цитаты для доказательства любой предвзятой идеи о том, что такая-то земля в таком-то веке принадлежала такому-то народу. Но его — гумилевский — скептически-оптимистический взгляд на историю как на необратимый ход всемирного прерывистого процесса, как на бесконечный пла-

вильный котел, круговорот этногенеза — не был воспринят. И, хотя широта Л.Н.Гумилева не отвечала практической узости сиюминутных политических эмоций, можно утверждать, что “Тысячелетие вокруг Каспия” стало первым политологическим сочинением о судьбе Евразии и смыслах так называемой геополитики сухопутного континента — после двух десятилетий псевдоморфоза 1970—80-х годов в системе межнациональных отношений, не только внутри СССР, но и в Третьем, и в либерально-беззаботном Первом мире.

Школу “Тысячелетия вокруг Каспия” прошли многие, но так и не приняли и не поняли в идеях автора главного: циклического характера исторических процессов и конечности каждого этноса. И, тем не менее, это настольная книга о десятивековой жизни этносов вокруг Каспия — центра Евразии, и ей суждено стать основой политических представлений в ближайшие годы, потому что она весомо отвечает любой постановке вопроса о том, что происходит с Россией в ее фазе надлома на ее единственно важном, уникальном рубеже Юга — в Прикаспии. Что происходит с прикаспийскими государствами, которые соприкоснулись с судьбой мирового пространства благодаря вечному “Каспийскому транзиту” и которые кризисно приступили к реорганизации этнического пространства между Ближним Востоком и Центральной Азией, к этническому переделу, не озаботившись тем, кто из них является наследником и чего именно. Случайные гости Прикаспия, утопавшие после XIV—XV вв. в неизвестности времени, вдруг обнаружили себя соперниками на брачном конкурсе у Пенелопы, неоспоримо утвержденными в своих правах. Накануне XXI века никто не желает поверить опыту ученого, не хочет предусмотреть смены этнической — и, следовательно, всей другой истории, хотя Л.Н.Гумилев описал, как быстро это может произойти: XII век еще прочно знал одну реальность, XIII мгновенно смещал карты и представил совершенно иную картину мира, лишив центр тогдашней Евразии всей пестроты и глубокомысленности ожиданий, заменив их совершенно другой доминантой человеческой истории.

Естественно, книга шире конкретных временных рамок своего появления на свет, в пределах которых, как опять-таки казалось, она сможет ответить на вопросы, на которые должны ответить сами люди, носители своих этнических предпочтений. Какие границы времени жизни у России, а также Азербайджана, Ирана, Казахстана, Армении, Калмыкии, Украины? У остальных стран, находящихся в непрерывно-неустойчивой смене своего демографического и культурного роста: долгие расчеты на бесконечность или лимит времени, которое вполне может закончиться через двести лет? У книги, которая заострила вопрос о ходе процесса этногенеза и о невозможности большинства этносов избежать смещения своей судьбы — своя история. У предмета исследования ученого — иная: смещение судьбы этноса не означает непредсказуемой загадочности; у этногенеза — свое предопределение.

“Тысячелетие вокруг Каспия” — это книга-история, книга-трактат, книга-назидание, возможно, в стиле ирано-арабских книг судеб. Поучительность

ее текста в том, что значение смыслов описанных событий поставлено в жесточайшую зависимость не от произвола авторского видения, но от закономерности смены фаз этнических процессов. Историческое время возникало для каждого этноса на поверхности земли локально, каждый новый процесс начинался или зачинался заново и шел необратимо. Под углом зрения этнической истории ученым заявлен к рассмотрению тысячелетний отрезок времени Евразии — на самом же деле, реально, в книге обсуждена более чем полугоратысячелетняя история эйкумены от Рима и Греции до Китая и Северной Сибири, подведена к Новому времени, в которое тянутся пока что только затухающие линии прежнего горения.

Книга посвящена четырем “началам”, четырем виткам этногенеза, четырем пассионарным толчкам, родившим и сдвинувшим громады этносов. Эти сдвиги — III в. до н.э., насыщенный кровавой борьбой сарматов, хуннов, парфян-иранцев с Западом и Востоком; I в. н.э., переломивший всю Восточную Европу, Западную Азию, Ближний Восток, создавший новую историческую перспективу, империю, родивший христианство; VI в. н.э., превративший мир в поле войны арабов, тибетцев, тюрок; IX в., создавший Западную Европу, превративший Запад и Китай в два ритмичных организма одного общего континента. Эпохи, уместившиеся внутри этих этнических бурь — целостны, хронологические границы и разрывы очерчены. При чем же тут Каспий? Как природное явление он, как будто, вне человеческой истории, но в том-то и дело, что природно-человеческая история Каспианы — это одно зеркало, в котором отразились параболические кошмары 1500 лет.

История Каспия — территории суши на несколько миллионов квадратных километров, соразмерных с размером Европы, и территории морской воды, соотнесенной с Аралом, реками и морскими заливами, — особая страница истории. Русская наука совершила около 200 экспедиций для ее изучения. Все, что осталось от меркнувшего мира, — это береговые линии, прихотливое, капризное и неузнаваемое прошлое, которое находится и на дне, и в меловых отложениях полуостровов и островов Арало-Каспия.

Л.Н.Гумилев совершал свои Каспийские экспедиции в конце 50-х — начале 60-х годов. До него по Каспию, Аралу, Волге плавали и рекогносцировали окружающие реки и пустыни арабы, русские, немцы, а также российские немцы из Прибалтики и Петербурга, англичане, хазары, евреи, голландцы.

Книга “Тысячелетие вокруг Каспия” представляет собой энциклопедию по истории грандиозной Каспийско-Аральской впадины, приютившей и поглотившей огромное число народов. Россия дорого заплатила за участие в Каспийской истории. Однако сегодня целостной проблемы развития Каспия и всей впадины не существует, и это симптом разрыва времени. Этническая история дивергентна. Природно-исторический объем деятельности на берегах моря, точнее двух морей и сухого аридного моря Евразии между ними, раздроблен и низведен до уровня приобретения прибрежного шельфа. Пять-

десять лет назад море-озеро Каспий и Арал, море-емкость двух величайших рек Туркестана, были предметом пристальной заботы государственного хозяйства СССР. Какой размах и какие основания имела эта забота, читатель увидит в первой части приводимого нами “Диалога источников”. Возможно Каспий, Арал-Аму- и Сырдарья и прибрежные территории, стянувшие активность большого числа людей в XVIII—XX вв., сыграли не последнюю роль в объединении народов Евразии в некий монолит государства, которое поставило геоприродную и гидротехническую задачу переделки природы на первый план. Утопия СССР рождалась не в мастерских Москвы и Ленинграда — она была реализацией исторической миссии человека XX в., совершенно нереализуемой на этих берегах.

Болевая точка развития России — болевое водное пространство перестало быть интересом страны. Евразия сухих степей и больших рек оказалась разбитой на отдельные отрезки суши и моря. Степная Атлантида — Прикаспийская цивилизация целомудренно скрепляет археологическими остатками и водо-географическими заботами — сохранением мира людей и мира животных — большое пространство в нечто большее, чем бывшее единство гигантского государства СССР. Здесь, у берегов Каспия, соединились Русь и Туран: страна еще языческого славянства и отуреченного иранского пространства Степи. Сегодня, возможно, Каспий станет местом раздоров, но ведь нет на земле области, более пострадавшей от исторических катастроф этногенеза и разломов геологической истории, отпечатанной в минеральных ресурсах.

Потому в приложении к книге Л.Н.Гумилева столь большое место занимает проблема планетарного переустройства водных, геохимических, минеральных ресурсов Арало-Каспийской впадины. Западная часть Евразии, одна из первых стоянок человечества, колыбель технологических революций, давших раннюю плавку металлов, ранние города, раннюю ирригацию — на глазах недавних современников, в 1950—70 гг. становилась ареной гигантской по затратам и, возможно, по бессмысленности этих трат, деятельности человека, ставшего “во главе прогресса” и поперек тысячелетней истории. Мы сопровождаем текст Л.Н.Гумилева фотографиями некоторых узловых исторических центров Земли, сделанными из Космоса: может быть, они помогут читателю задуматься об аналогиях, о связи истории с геоморфологией и о том, что такое подлинный исторический масштаб.

Каспий и впадины стали естественной геоклиматической лабораторией Северного полушария Земли. Кто владеет ключами от этой лаборатории, может управлять миром. Геоморфология и этногенез сливаются в один природный процесс — тезис, который Л.Н.Гумилев отстаивал в течение всей своей жизни.

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ВОКРУГ КАСПИЯ

От автора

Долгое время научная мысль историков Европы была зажата железным кольцом моноцентризма. С эпохи Ф. Гегеля казалось очевидным, что развитие цивилизации шло через древнюю Иудею, Элладу, Рим и нашло свое завершение в Западной романо-германской Европе, окруженной «неисторическими» или «отсталыми» народами. Аналогично мыслили китайские историки, с тем лишь исключением, что центром цивилизации они считали «Срединную равнину», отгородившуюся от Великой степи «Длинной стеной». В Южной Азии полуостров Индия, прикрытая с севера Гималаями, с запада пустынями Белуджистана, а с востока непроходимыми джунглями, рассматривалась учеными браминами как единственная страна, достойная внимания; поэтому всемирная история и глобальная география были вне круга их интересов. Помимо перенаселенных центров самолюбования и самовосхваления был обширный регион, лежавший на юго-восточных берегах Средиземного моря – Афразия. Его просто невозможно было не заметить. Но колоссальная территория между Западной Европой и Китаем, страна с оригинальной природой, разнообразным населением и неповторимой культурой – Евразия – долгое время была незамеченной, вследствие чего считалась несуществующей. Однако и китайцы и европейцы убедились, насколько мнение было ошибочно.

Сердце Евразии – это Великая степь от Китайской стены до Карпат, окаймленная с севера полосой сибирской тайги, а с юга пустынями Иранского плоскогорья и оазисами Персии. В древности эту Степь греки называли Скифией, персы – Тураном, а китайцы – степью «северных варваров», Бэй-ху.

В III в. до н. э. древние кочевники сменились тюркоязычными хуннами, тюркютами, уйгурами, кыпчаками и огузами, этнической истории коих посвящено наше исследование.

В XIII в. тюркский виток этногенеза сменился монгольским, но монголы быстро смешались с тюркскими этносами и, перетасовав этнографическую

карту Великой степи, не нарушили ни ее экологии, ни истории, ни культуры, ни соотношения Евразии с окрестными цивилизациями.

И все-таки в это время возник новый «цвет времени», заслуживающий особого изучения, которое было бы неосуществимо без понимания раннего Средневековья. Вот почему автор уделил половину своей жизни изучению сердца Евразии — циркум-каспийского бассейна в связи с историей сопредельных стран: Внутренней Азии, Тибето-Памирского нагорья и Древней Руси, граничившей с северо-западом Великой степи. Без описания сочетания кочевого мира с мусульманской культурой в Азербайджане и Гургане история становления тюркского суперэтнуса была бы однобока и неполноценна.

Степные народы Евразии, Русь и Туран имели свою культуру и традицию доблести и верности, не уступающую рыцарской Европе, мечтательной Индии и образованному Китаю. Разговоры о «дикости» тюркских кочевников и «отсталости» восточных славян — хитрая выдумка дипломатов эпохи крестовых походов, уцелевшая до XX века как обывательская клевета.

«История средневековой Евразии» была начата автором в 1935 г. и публиковалась во многих статьях и семи монографиях.

Книга «Тысячелетие вокруг Каспия» построена на дефинициях этнологии. Это этнологическое исследование ойкумены Евразии за 1500 лет с III в. до н. э. по XII в. н. э., в котором судьба Хазарского каганата — кусочек мозаичного панно. Выбор сюжета подсказан возможностью обозреть из одной точки историю ойкумены и этногенез древних этносов Великой степи в эпоху, когда этнические процессы были начаты и закончены, после чего наступило обновление — новый, еще не законченный виток этногенеза.

Наиболее репрезентативной оказалась история хуннов и гуннов, древних тюрков и уйгуров, огузов и кимаков, недостаточно освещенная во Всемирной истории и палеогеографии исторической эпохи. Окрестные регионы: Китай, Ближний Восток, Византия и Европа — являются как бы рамкой, обрамляющей картину — тюрко-монгольскую степь.

Традиционная методика исторического исследования, основанная на анализе источников, позволяет только перечислять события, происходившие в данном регионе за отмеченный период. Но *связи* между ними и логика событий при этом от исследователя зачастую ускользают. Возникает иллюзия ортогенного развития, а зигзаги и разрывы выпадают из поля зрения, ибо кажутся случайностями.

Этнологическая методика позволяет не только заполнить пробелы в этнической истории одной страны и ее соседей, по отдельности, но и более того — достичь понимания этнической истории всей Евразии как *целого*, выходящая за рамки физики, — решить задачу многих тел.

I. Ключ к решению поставленной задачи

ГЕОГРАФИЯ ПОВЕДЕНИЯ

Это странное словосочетание имеет право на существование. И даже более того: оно имеет наряду с теоретическим практическое значение.

Уточним значение терминов, поскольку они оба глобальны. География – это то, что можно нанести на карту. Поведение – это определенный способ существования в условиях постоянного соотношения «хищник» – «жертва». Без определенного стереотипа поведения не сможет выжить даже амeba. Но поведенческие стереотипы различны у популяций, даже в пределах вида. А поскольку нас интересует человек, то сказанное относится к нему, причем в наивысшей степени.

Было уже доказано, что природная форма существования вида *Homo sapiens* – этнос, и различие этносов между собой определено не расой, языком, религией, образованностью, а только стереотипом поведения, являющимся высшей формой активной адаптации человека в ландшафте. Разнообразии ландшафтов – вот причина удивительной этнической мозаичности антропосферы. А так как этнические карты составлялись издавна, то по сути дела они отражали разнообразие типов поведения, значит, и ландшафтов. Следовательно, изучение поведения относится к разряду географических наук.

Поведенческие стереотипы меняются не только в пространстве, но и во времени. Поэтому этнологу необходим стереоскопический подход, или «география» времени, которая обычно называется «исторической географией». Оказывается, время столь же неоднородно,

как и пространство¹. В нем есть свои «горы» и «пропасти», «леса» и «пустыни». Убедиться же в справедливости этого утверждения мешает одно печальное обстоятельство.

Часто люди искренне полагают, что прошлое, как бы грандиозно оно ни было, исчезло безвозвратно и, следовательно, никакого значения для сегодняшней, а тем более будущей действительности иметь не может. «Нам нужны современность и знание о ней!» – этот тезис приходилось слышать и в беседах за чаем, и в случайных разговорах в поездах, и на научных заседаниях, причем каждый раз с нескрываемым апломбом. Да и как не быть апломбу, если мнение сие очевидно и оспаривать его может только чужак?!

Однако, если подумать, большинство очевидностей ложно. То, что Солнце обходит плоскую Землю – очевидно, но ведь уже некому доказывать, сколь это неправильно. Подобных примеров так много, что и приводить их не стоит. Иллюзии очевидности устраняются еще в средней школе, хотя не столь полно, как было и нужно.

То же и в нашем случае. Достаточно спросить себя, откуда начинается так называемая «современность»? Пять минут тому назад? Или месяц? Или десятилетие? Или век, но если так, то почему не несколько веков? На этот вопрос еще никто не мог ответить. Это первое.

И второе: ведь даже момент, любое переживаемое мгновение тут же становится прошлым. А раз так, то оно ничем не отличается от аналогичных же моментов до новой эры или после нее. Капитуляция Наполеона, открытие Америки Колумбом, казнь Сократа, похищение Елены Парисом и вчерашний день, пережитый автором и редакторами этого текста, *принципиально* одно и то же – прошлое, подлежащее изучению историка. Только оно реально и доступно рациональному познанию. Дальнейшее зависит от постановки проблемы и цели, ради которой исследование проводится. Эволюция человечества идет спонтанно, по спирали. Это процесс глобальный и настолько грандиозный, что зигзаги, образуемые не только личными судьбами отдельных людей, но и целых этносов, взаимно компенсируются и не заметны. Но на низших таксономических уровнях они видны и имеют практическую значимость для каждого из нас, даже в тех случаях, когда событие – зигзаг истории – произошло за века до нас, ибо инерция событий очень велика.

Действительно, что такое этногенез? Это последствие негэнтропийного импульса, т. е. кратковременного толчка (вспышки) энергии живого вещества биосферы (В. И. Вернадский). В результате этого появляется пассионарность – рецессивный признак, рассеивающийся только за полторы тысячи лет. Сам негэнтропийный импульс – этот зигзаг в истории биосферы – нашими органами чувств даже не

воспринимается, но лишь обнаруживается по всевозможным последствиям. Поэтому его никогда не фиксируют современники, однако могут заметить только историки, да и то использующие специальную методику — этнологическую.

История в этом случае употребляется этнологом не как гуманитарная наука, а уже как вспомогательная естественно-научная дисциплина¹, позволяющая обнаружить как скопление событий, так и их разреженность в различных местах ойкумены, иными словами, зафиксировать неравномерность протекания времени в жизни этносов.

Читатель нашего «Трактата» помнит, что разнообразие исторического времени в рамках одного этногенеза зависит от сочетания двух причин: 1) величины и направления изменения пассионарного напряжения, которое может или возрастать, или снижаться, и 2) контактов с соседями, либо дружескими, либо враждебными. Первый вариант отразил И. С. Тургенев в романе «Отцы и дети», где смена цвета времени в русском этногенезе ощущается автором как смена поколений, смена эпох, проходившая на общем фоне снижения пассионарности и столкновения двух субэтнотосов: дворянства и нового зарождающегося субэтнотоса — интеллигенции. Второй — описал Л. Н. Толстой в повести «Казачья жизнь». Достаточно сравнить описанных им гребенских казаков со старосветскими помещиками Н. В. Гоголя, принадлежавшими к тому же этносу, но другому субэтнотосу. Постоянная война казаков с чеченцами делала здесь ощущение времени крайне напряженным. Оба описания, как литературные произведения, дают естественно сглаженную картину феномена, но история фиксирует и куда более резкие сдвиги традиций и завоевания целых стран. Поэтому целесообразно сопоставлять поколения на длинных отрезках абсолютного времени, а войны — такие, которые не ограничиваются перестрелками около пограничной реки. Тогда картина смены цветов времени станет четче.

В этногенезе возможны два состояния: инерция пассионарного толчка, фиксируемая историками как череда событий, и неустойчивое равновесие или гомеостаз, наступающий после того, как инерция иссякла, — достояние этнографов-структуралистов. Однако и в гомеостазе идут постоянные изменения, ибо никто не живет одиноко. Воздействия окружения тем сильнее, чем слабее сопротивление этноса, утратившего силу первоначального импульса. И если наблюдателю кажется, что он видит структурированный застой, то это лишь потому, что он ограничил себя кратким отрезком исторического времени и узким куском земной поверхности. Изоляты тоже подвержены воздействию губительного Хроноса.

Поэтому этнолог, в отличие от этнографа, вынужден помнить, что он изучает объект в постоянном изменении и что все отмеченные им особенности того или иного этноса вскоре могут измениться до неузнаваемости, хотя в недалеком прошлом были совсем иными. Если уж дети не похожи на отцов, то правнуки на прадедов тем более. Итак, цель этнолога — изучение изменения времени, поэтому прежде структурных схем ему следует вычертить кривую этногенеза и определить возраст этноса.

КРИВАЯ ЭТНОГЕНЕЗА

Во всех исторических процессах — от микрокосма (жизнь одной особи) до макрокосма (развитие человечества в целом) — общественная и природные формы движения соприсутствуют подчас столь причудливо, что иногда трудно уловить характер их связи. Это относится в первую очередь к мезокосму, где лежит феномен развивающегося этноса, т. е. этногенез, понимаемый нами как процесс становления этноса от момента его возникновения до исчезновения или перехода в состояние гомеостаза. Но если этнос — явление пограничное, значит ли это, что он продукт случайного сочетания биогеографических и социальных факторов? Нет, этнос имеет в основе собственную закономерность: вспышка энергии, расширение ее в пространстве, инерция и затухание, а в пределе — равновесие с окружающей средой.

В географическом аспекте этнос в момент своего возникновения — популяция, т. е. группа пассионарных особей, приспособившая определенный регион к своим потребностям и одновременно сама приспособившаяся к ландшафту этого региона.

Но момент рождения краток. Появившийся на свет коллектив должен немедленно сложиться в систему, с разделением функций между ее членами. В противном случае он будет уничтожен соседями. Для самосохранения он быстро вырабатывает социальные институты, характер которых в каждом отдельном случае запрограммирован обстоятельствами места (географическая обусловленность) и времени (стадия развития человечества как гиперэтноса). Именно потребность в самоутверждении обуславливает быстрый рост системы, территориальное расширение и усложнение внутриэтнических связей; силы же для развития ее черпаются в пассионарности популяции как таковой. Рост системы создает инерцию развития, медленно теряющуюся от сопротивления среды, вследствие чего нисходящая ветвь кривой значительно длинней восходящей (рис. 1)⁴.

Рис. 1. Изменение пассионарного напряжения этнической системы (обобщение)

Комментарии к рисунку 1'

По оси абсцисс отложено время в годах, где исходная точка кривой соответствует моменту пассионарного толчка, послужившего причиной появления этноса. По оси ординат отложено пассионарное напряжение этнической системы в трех шкалах: 1) в качественных характеристиках от уровня P₋₂ (неспособность удовлетворить вождение) до уровня P₆ (жертвенность). Эти характеристики следует рассматривать как некую усредненную «физиономию» представителя этноса. Одновременно в этносе присутствуют представители всех отмеченных на рисунке типов, но господствует статистически тип, соответствующий данному уровню пассионарного напряжения, 2) в шкале — количество субэтносов (подсистем этноса). Индексы п, п+1, п+3 и т. д., где п — число субэтносов в этносе, не затронутом толчком и находящемся в гомеостазе, 3) в шкале — частота событий этнической истории (непрерывная кривая). При этом предлагаемая кривая есть обобщение 40 индивидуальных кривых этногенеза, построенных нами для различных этносов, возникших вследствие различных толчков. Пунктирной кривой отмечен качественный ход изменения плотности субпассионариев в этносе. Снизу крупным шрифтом выделены названия фаз этногенеза соответственно отрезкам по шкале времени.

Даже при снижении жизнедеятельности этноса ниже оптимума социальные институты продолжают существовать, иногда переживая создавший их этнос. Так, римское право прижилось в Западной Европе, хотя античный Рим и гордая Византия превратились в воспоминание. Но что можно откладывать по ординате, если на абсциссе отложено время? Очевидно, ту форму энергии, которая стимулирует процессы этногенеза, т. е. пассионарность. При этом надо помнить, что максимум пассионарности, равно как и минимум ее, отнюдь не благоприятствует процветанию жизни и культуры. Пассионарный перегрев ведет к жестоким кровопролитиям как внутри системы, так и на границах ее, в регионах этнических контактов. И наоборот, при полной инертности и вялости населения какой-либо страны, когда уровень пассионарности приближается к нулю, теряется сопротивляемость окружению, этническому и природному, а это всегда — кратчайший путь к гибели. Пассионарность присутствует во всех этногенетических процессах, что создает возможность этнологического сопоставления в глобальном масштабе.

Нами не преодолена другая трудность: еще не найдена мера, которой можно было бы мерить пассионарность. На основании доступного нам фактического материала мы можем только говорить о подъеме или спаде, о большей или меньшей степени пассионарного напряжения (частоте событий в жизни этноса) — но во сколько раз? — мы не знаем. Однако это препятствие не существенно, ибо отношение порядка «больше» — «меньше» уже само по себе является достаточно конструктивным и плодотворным в естествознании для построения феноменологических теорий, а точность измерения наблюдаемых величин и формализация эмпирических наук — далеко не единственный и не всегда самый удобный путь познания.

Поэтому отмеченная «трудность» скорее не недостаток концепции, а ее особенность.

В наше время школьное образование приучило читателей к двум предвзятым мнениям: вере в непогрешимость источников и убеждению в реальности чисел натурального ряда. Оба мнения не то чтобы не верны, скорее они не точны.

Достоверность исторических источников ныне ограничена исторической критикой, основанной на принципе сомнения. Натуральные числа — абстракция, ибо в природе отношения физических величин непременно содержат иррациональные числа e , или π , а время — вообще мнимое число. Натуральные числа удобно применять в бухгалтерии, а не в природоведении или истории, где нет ничего принципиально равного или тождественного. Столь же наивна вера в формализующую силу математики. Математический аппарат при-

меняется в физике давно. Однако ни одна из современных физических теорий даже не аксиоматизирована, за исключением лишь термодинамики Каратеадори, что скорее исключение, чем правило⁶. Причина кроется в том, что язык науки — двойствен, он лишь на одну половину является языком теоретических понятий, а на другую — языком наблюдений, который с трудом переводим на первый для физики и почти не переводим для наук о мезомире⁷. Нельзя «думать, что все явления, доступные научному объяснению, подведутся под математические формулы... об эти явления, как волны об скалу, разобьются математические оболочки — идеальное создание нашего разума»⁸. А Альберт Эйнштейн сказал еще более категорично: «Если теоремы математики прилагаются к отражению реального мира, то они не точны; они точны до тех пор, пока не ссылаются на действительность»⁹. Но преклонение перед математикой в начале XX в. превратилось в своеобразный культ, отвлекший много сил у естественников и гуманитариев.

Для описания динамических этнических систем не требуется формализованной математической теории. Законы этногенеза и принципы этнологии, сформулированные нами в «Трактате», — не противоречивы и потому позволяют делать однозначные экспертные оценки основной функциональной переменной этнического развития — возраста этноса или фазы этногенеза, которая шкалируется с любой разумной точностью от 5 — 10 лет до времени жизни 1 — 2 поколений.

Для определения фазы этногенеза необходимо выявить главные параметры изучаемой эпохи, на основании сочетания коих можно дать ей однозначную характеристику. Таковыми будут: императив поведения, момент толчка и логика событий. Логика событий отражает веки флуктуаций биосферы, в том числе — пассионарности этносистемы¹⁰. Любая этническая система иерархична, т. е. суперэтнос включает в себя несколько этносов, этнос — субэтносов или консорций и т. д. Увеличение числа таксонов низшего ранга всегда связано с подъемом пассионарности, и наоборот. Таким образом, сопоставление величин пассионарности не прямо, но косвенно все-таки возможно, хотя подсчет числа таксонов может быть осуществлен только экспертным путем.

Непривычная для нас кривая проявления пассионарности равно не похожа ни на линию прогресса производительных сил — экспоненту, ни на синусоиду, где ритмично сменяются подъемы и упадки, повторяясь, как времена года, ни на симметричную циклоиду биологического развития. Предложенная нами кривая асимметрична, дискретна и анизотропна по ходу времени. Она хорошо известна кибернетикам как кривая сгорающего костра, взрыва порохового склада и вянущего листа.

Костер вспыхнул с одного края. Пламя охватывает сучья кругом и быстро поглощает кислород внутри костра. Температура падает, и окружающий кислород воздуха врывается внутрь поленницы, заставляя дрова вновь вспыхнуть. После нескольких всплесков остаются угольки, медленно остывающие и превращающиеся в пепел. Для повторения процесса нужен новый хворост и новая вспышка пламени.

Так же, если толкнуть шар — он сначала движется ускоренно, за счет силы толчка; затем теряет инерцию от сопротивления среды и останавливается, точнее, приходит в состояние равновесия со средой, что называется в механике «покоем».

Процессы этногенезов, как и выше описанные, вызываются «взрывами», или «толчками», внешними по отношению к антропосфере, которая из-за этих импульсов превратилась из монолитной в мозаичную, т. е. стала этносферой¹¹; единое человечество стало разнообразным, вечно меняющимся сочетанием особей и микропопуляций, чем-то похожих друг на друга, а чем-то разных, главным образом по стереотипам поведения.

Причинами «толчков» могут быть только мутации, вернее микромутации, отражающиеся на стереотипе поведения, но редко влияющие на фенотип, как правило, мутация не затрагивает всей популяции своего ареала. Мутируют только некоторые, относительно немногочисленные особи, но этого может оказаться достаточно для того, чтобы возникли новые «породы», которые мы и фиксируем со временем как оригинальные этносы.

Ареалы взрывов этногенеза, или пассионарных толчков, отнюдь не связаны с определенными постоянными регионами Земли (см. карту на рис. 2).

Легенда к карте пассионарных толчков

Римской цифрой указан порядковый номер толчка, в скобках — начальный момент толчка. Арабскими цифрами пронумерованы этносы, возникшие вследствие данного пассионарного толчка, причем вначале идет историческое или условное название этноса, затем в скобках название географической или этнокультурной области появления этноса, соответствующее точке на карте. В некоторых случаях след за этим дается краткая характеристика или важнейшие события фазы подъема.

I. (XVIII в. до н. э.) 1. Египтяне-2 (Верхний Египет). Крушение Древнего Царства. Завоевание гиксосами Египта в XVII в. Новое Царство. Столица в Фивах (1580 г.) Смена религии. Культ Озириса. Прекращение строительства пирамид. Агрессия в Нубию и Азию. 2. Гик-

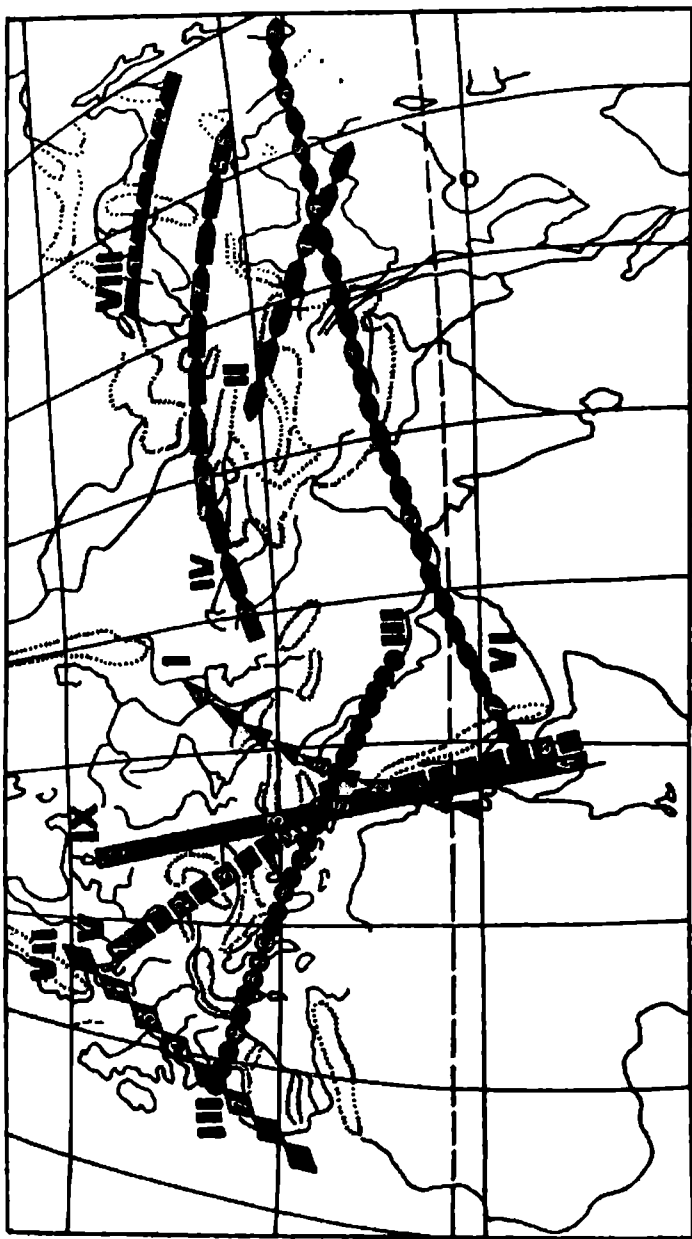

Рис. 2. Оси зон пассионарных толчков

сосы (Иордания, Северная Аравия) 3. Хетты (Восточная Анатолия). Образование хеттов из нескольких хетто-хурритских племен. Возвышение Хаттуссы, расширение на Малую Азию. Взятие Вавилона.

II. (XI в. до н. э.) 1. Чжоусцы (Северный Китай: Шэньси). Завоевание княжеством Чжоу древней империи Шан-Инь. Появление культа Неба. Прекращение человеческих жертвоприношений. Расширение ареала до моря на востоке. Янцзы на юге, пустыни на севере. 2. (?) Скифы (Центральная Азия). 3. Кушиты (Большая излучина Нила). Формирование и становление Напатского царства (в X–VIII в. до н. э.). Возвышение Напаты и объединенное Египетско-Кушитское государство.

III. (VIII в. до н. э.) 1. Римляне (Центр Италии). Появление на месте разнообразного италийского (латино-сабино-этрuscoго) населения римской общины-войска. Последующее расселение на Среднюю Италию, завоевание Италии, закончившееся образованием Республики в 510 г. до н. э. Смена культа, организации войска и политической системы. Появление латинского алфавита. 2. Самниты (Италия). 3. Этруски (Северо-Западная Италия). 4. (?) Галлы (Южная Франция). 5. Эллины (Средняя Греция). Упадок ахейской крито-микенской культуры в XI – IX вв. до н. э. Забвение письменности. Образование дорийских государств Пелопоннеса (VIII в.). Колонизация эллинами Средиземноморья. Появление греческого алфавита, реорганизация пантеона богов. Законодательства. Полисный образ жизни. 6. Лидийцы. 7. Карийцы. 8. Киликийцы (Малая Азия). 9. Персы (Персида). Образование мидян и персов. Дейок и Ахемениды – основатели династий. Расширение Мидии. Раздел Ассирии. Возвышение Персиды на месте Элама, закончившееся созданием царства Ахеменидов на Ближнем Востоке. Смена религии. Культ огня. Маги.

IV. (III в. до н. э.) 1. Сарматы (Казахстан). Вторжение в Европейскую Скифию. Истребление скифов. Появление тяжелой конницы рыцарского типа. Завоевание Ирана парфянами. Появление сословий. 2. Кушаны-согдийцы. (Средняя Азия). 3. Хунны (Южная Монголия). Сложение хуннского родо-племенного союза. Столкновение с Китаем. 4. Сяньби. 5. Пуё. 6. Когурё (Южная Маньчжурия, Северная Корея). Возвышение и падение древнего корейского государства Чосон (III – II вв. до н. э.). Образование на месте смешанного тунгусо-маньчжурско-корейско-китайского населения племенных союзов, выросших впоследствии в первые корейские государства Когурё, Силла, Пэкче.

V. (I в. н. э.) 1. Готы (Южная Швеция). Переселение готов от Балтийского моря к Черному (II в.). Широкое заимствование античной культуры, закончившееся принятием христианства. Создание готской

империи в Восточной Европе. 2. Славяне. Широкое распространение из Прикарпатья до Балтийского, Средиземного и Черного морей. 3. Даки (Современная Румыния). 4. Христиане (Малая Азия, Сирия, Палестина). Возникновение христианских общин. Разрыв с иудаизмом. Образование института Церкви. Расширение за пределы Римской империи. 5. Иудеи-2 (Иудея). Обновление культа и мировоззрения. Появление Талмуда. Войны с Римом. Широкая эмиграция за пределы Иудеи. 6. Аксумиты (Абиссиния). Возвышение Аксума. Широкая экспансия в Аравию, Нубию, выход к Красному морю. Позже (IV в.) принятие христианства.

VI. (VI в. н. э.) 1. Арабы-мусульмане (Центральная Аравия). Объединение племен Аравийского полуострова. Смена религии. Ислам. Расширение до Испании и Памира. 2. Раджпуты (долина Инда). Низвержение империи Гупта. Уничтожение буддийской общины в Индии. Усложнение кастовой системы при политической раздробленности. Создание религиозной философии Веданты. Троичный монотеизм: Брама, Шива, Вишну. 3. Боты (Южный Тибет). Монархический переворот с административно-политической опорой на буддистов. Расширение в Центральную Азию и Китай. 4. Табгачи. 5. Китайцы-2 (Северный Китай: Шэньси, Шаньдун). На месте почти вымершего населения Северного Китая появились два новых этноса: китайско-тюркский (табгачи) и средневековый китайский, выросший из группы Гуаньлун. Табгачи создали империю Тан, объединив весь Китай и Центральную Азию. Распространение буддизма, индийских и тюркских нравов. Оппозиция китайских шовинистов. Гибель династии. 6. Корейцы. Война за гегемонию между королевствами Силла, Пэкче, Когурё. Сопrotивление танской агрессии. Объединение Кореи под властью Силла. Усвоение конфуцианской морали, интенсивное распространение буддизма. Формирование единого языка. 7. Ямато (японцы). Переворот Тайка. Возникновение централизованного государства во главе с монархом. Принятие конфуцианской морали как государственной этики. Широкое распространение буддизма. Экспансия на север. Прекращение строительства курганов.

VII. (VIII в. н. э.) 1. Испанцы (Астурия). Начало реконксты, неудачно. Образование королевств: Астурия, Наварра, Леон и графства Португалия на базе смешения испано-римлян, готов, аланов, лугитан и др. 2. Франки (французы). 3. Саксы (немцы). Раскол империи Карла Великого на национально-феодальные государства. Отражение викингов, арабов, венгров и славян. Раскол христианства на ортодоксальную и папистскую ветви. 4. Скандинавы (Южная Норвегия, Северная Дания). Начало движения викингов. Появление поэзии и рунической письменности. Оттеснение лопарей в тундру.

VIII. (XI в. н. э.) 1. Монголы (Монголия). Появление «людей длинной воли». Объединение племен в народ-войско. Создание законодательства – ясы и письменности. Расширение Улуса от Желтого до Черного моря. 2. Чжурчжэни (Маньчжурия). Образование империи Цзинь полукитайского типа. Агрессия на юг. Завоевание Северного Китая.

IX. (XIII в. н. э.) 1. Литовцы. Создание жесткой княжеской власти. Расширение княжества Литовского от Балтийского до Черного моря. Принятие христианства. Слияние с Польшей. 2. Великороссы. Исчезновение Древней Руси, захваченной литовцами (кроме Новгорода). Возвышение Московского княжества. Рост служилого сословия. Широкая метисация славянского, тюркского и угорского населения Восточной Европы. 3. Турки-османы (запад Малой Азии). Консолидация бейликом Брусы активного населения мусульманского Востока с добавкой пленных славянских детей (янычары) и моряков, морских бродяг Средиземноморья (флот). Султанат военного типа. Оттоманская Порта. Завоевание Балкан, Передней Азии и Северной Африки до Марокко. 4. Эфиопы (Амхара, Шоа в Эфиопии). Исчезновение древнего Аксума. Переворот Соломонидов. Экспансия эфиопского православия. Возвышение и расширение царства Эфиопия в Восточной Африке.

Выделяемые узкие полосы, шириной около 300 км, тянущиеся то в меридиональном, то в широтном направлении примерно на 0,5 окружности планеты, похожи на геодезические линии¹². Возникают толчки редко – два или три за тысячу лет и почти никогда не проходят по одному и тому же месту. Так, за тысячу лет до н. э. отчетливо прослежены два толчка: в VIII в. от Аквитании, через Лациум, Элладу, Киликию, Парс до Средней Индии и в III в. по степям современной Монголии и Казахстана.

О толчках I тыс. н. э. мы будем подробно говорить в основном тексте этой книги.

Один и тот же толчок может создать несколько очагов повышенной пассионарности (и как следствие – несколько суперэтносов), если он длинен и проходит через разнообразные физико-географические регионы. Так, толчок VI в. задел Аравию, долину Инда, Южный Тибет, Северный Китай и среднюю Японию. И во всех этих странах возникли этносы-ровесники, причем каждый из них имел оригинальные стереотип и культуру. Соседи их: Византия, Иран, Великая степь, айны были старше. В XII в. появились чжурчжэни и монголы: они были моложе всех. Западная Европа, лежавшая в развалинах после Великого переселения народов, обновилась в IX в., а Восточная – в XIV в. Именно поэтому Россия и Литва не отстали по сравне-

нию с Францией и Германией, а более молодые этносы. Впрочем, Россию правильнее называть суперэтносом, ибо Москва объединила вокруг себя много этносов, не прибегая к завоеванию.

Описанную кривую можно в случае надобности применить к семье, консорции, конвиксии, соответственно меняя масштаб времени, и суперэтносу, но в последнем случае необходимо учитывать контакты разновозрастных этносов. На суперэтническом уровне при синхронизации бытующих в данный отрезок времени этногенезов мы увидим динамику этнокультурных систем (рис. 3) и их сочетания, которые бывают и кровавыми, и мирными, экономическими, идеологическими и эстетическими. В разных исторических коллизиях, климатических вариациях и спадах пассионарности результаты столкновений бывают различны. Эти контакты и есть предмет этнической истории.

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Схема этногенеза наглядна и облегчает изучение этнической истории, но только как вспомогательный мнемонический прием. Она относится к историческому повествованию, как каталог библиотеки — к содержанию книгохранилища или старый план Москвы — к нынешнему городу, где сохранены переулки, но заменены дома. Жить-то приходится не в плане, а в городе, хотя наличие плана весьма помогает передвигаться по измененным до неузнаваемости улицам.

В отличие от науки об этногенезе этническая история — полифакторное явление. В ней участвуют, наряду с географическими и биологическими, социально-политические, историко-психологические и культурологические факторы как соучастники многообразных фрагментарных процессов. Исключительное значение пассионарности лишь в том, что она — мера потенциальных возможностей контактирующих этносов и тем самым определяет расстановку сил эпохи, хотя и не детерминирует исхода событий. Но достоинство этнологии как науки о биосферном феномене этноса состоит в том, что она позволяет множеству привходящих факторов свести к небольшому числу поддающихся оценке переменных и превращает неразрешимые для традиционного исторического подхода задачи в элементарные. Ее методика относится к старой, как алгебра к арифметике. Она менее трудоемка, а значит, позволяет при равной затрате сил охватить больший регион и более длинную эпоху, что, в свою очередь, дает возможность внести ряд уточнений путем сопоставления далеких фактов, на первый взгляд — не связанных друг с другом. Более того, так же как алгебраическая формула может быть всегда проверена арифметически,

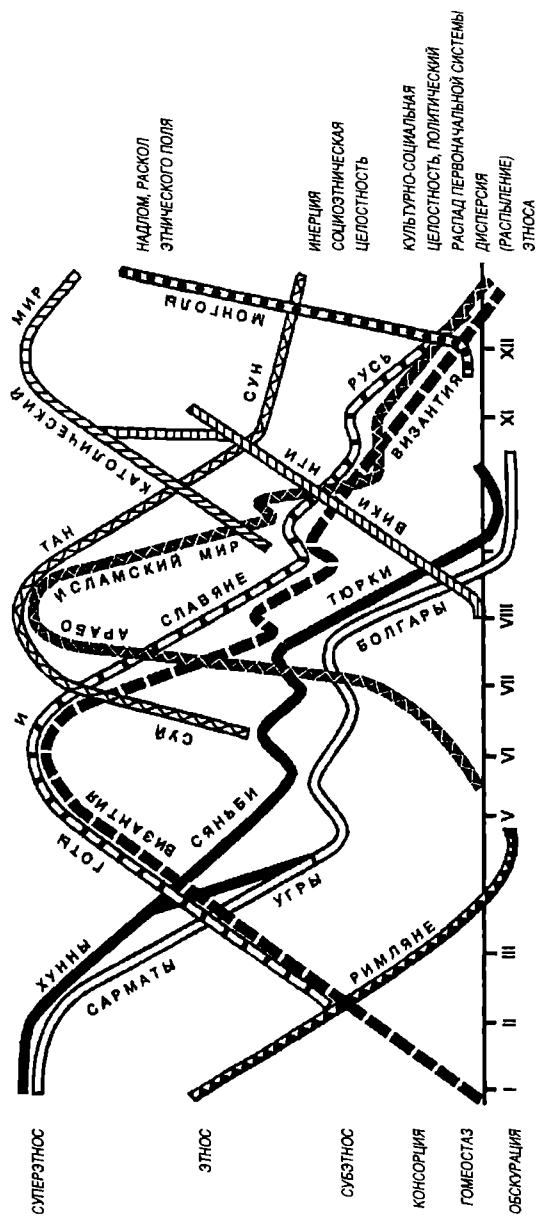

Рис. 3. Динамика этнокультурных систем Евразии I—XII веков

так и этнологические выводы могут быть проверены традиционными методами исторической науки. Но этнология отнюдь не замена истории общественной, хотя и использует историю в широком смысле этого слова, историю — как «поиск истины». Ведь история, как двуликий Янус, гуманитарна лишь там, где предметом изучения являются творения рук и умов человеческих, т. е. там, где изучаются здания и заводы, древние книги и записи фольклора, феодальные институты и греческие полисы, философские системы и мистические ереси, горшки, топоры и расписные вазы или картины.

Эти вещи человек создает своим трудом, при этом выводя их материал из цикла конверсии биоценоза. Он стабилизирует природный процесс, ибо эти вещи могут только разрушаться¹³.

Но человек не только член общества (*Gesellschaft*), но и этноса (*Gemeinwesen*)¹⁴. Вместе со своим этническим коллективом он сопричастен биоциферу. Вечно меняясь, умирая и возрождаясь, как все живое на нашей планете, он оставляет свой след путем свершения событий, которые составляют скелет этнической истории — функции этногенеза. В этом аспекте история — наука естественная точно так же, как, например, история болезни, и находится в компетенции диалектического, а не исторического материализма.

Иногда на это возражают, что исторические факты нельзя проверить экспериментально. Да, но ведь многие геологические, зоологические и географические явления тоже невозможно воспроизвести. Люди не научились устраивать извержения вулканов, тайфуны, миграции буйволов и даже муравьев. Подобные явления изучаются путем наблюдений и их обобщения, которое по достоверности равноценно наблюденному факту¹⁵. На этом же методе эмпирического обобщения зиждется и этнология.

НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ

Но как обобщить исторические факты? Оказывается, удовлетворившего бы нас способа нет, понятно; ибо это можно сделать только путем сознательного отказа от абстракций дальности и близости и еще некоторых привычных представлений, распространенных настолько, что они сделались не только привычными, но и обязательными.

Обыватель привык считать, что древний человек был настолько бездарнее современных жителей промышленных городов, что лишь постепенно — путем смены десятков поколений — накапливал способности и внедрял изобретения. На этом весьма зыбком основании возникло представление, разделяющееся и учеными, что время, т. е.

развитие в прошлом, шло медленнее, чем сейчас, и потому палеолит, например, кажется для историков единой эпохой, вроде затянувшейся эпохи Ренессанса. Это aberrация дальности, такая же, как уверенность ребенка в том, что солнце не больше кулака. Однако предки современных полинезийцев, хотя и не имели железных орудий, смогли пересечь Тихий океан на бальсовых плотах в те же сроки, что и Т. Хейердал. Предки майя, не зная современной селекции и генетики, вывели культурный вид хлопчатника, удвоив количество его хромосом, что постепенно сделать нельзя, а североамериканские индейцы, пользуясь обсидиановыми наконечниками для стрел, приручили одичавших испанских мустангов и освоили прерии менее чем за 60 лет¹⁶.

Дилетантам кажется, что этническая история — это «жизнь без начала и конца», а калейдоскоп «случайностей» ни в какую схему не укладывается, хотя бы уже потому, что разные наблюдатели видят разные стороны любого явления. Да, современники никогда не замечали пассионарного толчка. Все происходящее казалось им естественным. Древние римляне триста лет не замечали, что республика сменилась империей, и лишь когда Диоклетиан изменил придворный этикет, обнаружили, что у них — монархия. Таковы последствия aberrации близости, усугубляемые игнорированием параллельных процессов, — например, история ландшафта или климата. Последние вообще воспринимаются как нечто постоянное, хотя изменяются иной раз еще быстрее, чем политические формы власти.

Но этнолог, находясь в должном отдалении от сюжета, видит смену цвета времени даже тогда, когда делает поправку на плавность перехода одной эпохи в другую. Однако при этом он отходит от привычного — пересказа источников, потому что вместо живых рассказов летописцев он получает цепочки сухих сведений о событиях. Ему предстоит обнаружить логику событий, как палеобиологу или геологу, только иных процессов и в иных временных масштабах. Но ведь это прямой отход от методов гуманитарных наук. Допустимо ли такое нарушение канона, когда речь идет об изучении человека?

Да! Не только допустимо, но и необходимо. Принято думать, что гуманитарные науки — это те, которые изучают человека и его деяния, а естественные науки изучают природу: живую, мертвую и косную, т. е. ту, которая никогда не была живой.

Это банальное деление неконструктивно и полно противоречий, делающих его бессмысленным. Медицина, физиология и антропология изучают человека, но не являются гуманитарными науками. Древние каналы и развалины городов, превратившиеся в холмы, — антропогенный метаморфизированный рельеф, — находятся в сфере гео-

морфологии, науки естественной. И наоборот, география до XVI в., основанная на легендарных, часто фантастических рассказах путешественников, переданных через десятки руки, была наука гуманитарная, так же как геология, основанная на рассказах о всемирном потопе и Атлантиде. Даже астрономия до Коперника была наукой гуманитарной, основанной на изучении текстов Аристотеля, Птолемея, а то и Косьмы Индикоплова. Люди предпочитали жить на плоской Земле, окруженной Океаном, нежели на шарике, висящем в бесконечном пространстве — Бездне. Эти мнения бытуют еще и ныне, несмотря на всеобщее среднее образование.

Исходя из сказанного, легко заключить, что деление типов мышления, а тем самым наук, по предмету изучения, неправомерно. Гораздо удобнее деление по способу получения первичной информации. Тут возможны два подхода: чтение, выслушивание или сообщение плодов свободной мысли — мифотворчество и наблюдение, иногда с экспериментом — т. е. исследование или естествознание в прямом смысле этого слова. При таком делении этнология, основанная на эмпирическом обобщении наблюдаемых фактов, становится частью естествознания, а роль эксперимента в ней выполняет, как и в криминалистике, — экспертиза, не допускающая противоречивости свидетельств источников. Ведь и при расследовании преступления проводят сличение показаний, а не просто верят свидетелям, часто весьма заинтересованным в том, чтобы их версия была принята. Почему же считать летописцев беспристрастными?

Пока история представляла собой калейдоскоп отдельных фактов, всегда незаурядных, ибо только такие факты отмечались современниками, возможность построения «эмпирического обобщения» была нереальна. Единичное наблюдение не воспринимается критично. Оно может быть случайным, неполным, искаженным обстоятельствами, в которых находился наблюдатель, и даже его личным самочувствием. А все эти недостатки компенсируются только большим числом наблюдений, когда неизбежная ошибка становится настолько мала, что ею не только можно, но и нужно пренебречь, чтобы сформулировать вывод.

Именно путем учета *всех* известных в историческое время живших и живущих ныне этносов (принцип полноты. — Л. Г.) и руководствуясь принципом *актуализма*, согласно которому законы природы, наблюдаемые сейчас, так же действовали в прошлом, мы провели эмпирическое обобщение в нашем «Трактате» и обнаружили закономерности этногенеза, свидетельствующие о рождении этносов на фоне географической среды. Так появилась на свет этнология — естественная наука, непротиворечиво обобщившая материал, накопленный и не

использованный историками юридической школы и структуралистами¹⁷. Ибо те и другие изучали статику, а не динамику.

ПРАКТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ЭТНОЛОГИИ

Часто приходится слышать вопрос: «Если закономерности этногенеза лежат в природе и мы не можем их произвольно изменить, то на что нужна такая наука? Стоит ли на нее тратить время и силы?» Да, действительно, процессы этногенеза по сравнению с возможностями человека, даже вооруженного могучей техникой, столь грандиозны, что пытаться их исправить бессмысленно, но это не значит, что на них не следует обращать внимание. Как раз наоборот, и вот почему.

Циклоны, несущие дождь и снег, и антициклоны, порождающие засухи, — процессы географические. Люди влияют на эти явления не могут, но они влияют на людей очень сильно, особенно на хозяйство, и на земледелие, и на скотоводство. Поэтому метеорология — наука об осадках, иногда понимаемая как физика атмосферы, — нужна не только для выбора подходящего времени для пикников, но и для важных хозяйственных прогнозов.

А сейсмография — геологическая дисциплина, предупреждающая о возможных землетрясениях и цунами, — также трактует о предметах внечеловеческих, но очень существенных для человека. Думать, что люди могут влиять на бури или извержения вулканов, — это впадать в такие средневековые суеверия, которые уже для XVII в. были анахронизмами. Однако практическое значение метеорологии, климатологии и тектоники не подлежит сомнению.

Этногенез — тоже статистический природный процесс, проходящий в течение свыше тысячи лет, если считать от негэнтропийного импульса до затухания инерции, и оставляющий после себя следы, не меньшие, нежели наводнение или выброс пепла из вулкана.

Методика изучения природных процессов по существу является исторической. Сначала идет сбор наблюдений, выстраиваемых в ряд по ходу анизотропного времени. Затем наблюдения группируются по принципу сходства, но сходство это часто обманчиво. Тогда усугубляются причины явлений, что позволяет отделить случайные совпадения от истинных причин. Это самый трудный рубеж, но пока он не преодолен, о практическом применении кодифицированного материала не может быть и речи. Исторические науки, к сожалению, остановились на установлении последовательности событий и, в лучшем случае, классификации их по географическим ре-

гионам — подходе, позволяющем строить синхронистические таблицы.

В том, что этот этап развития науки необходим, нет сомнений, но что он недостаточен — тоже ясно. Поэтому уже в XIX в. возникали попытки интерпретации наблюдений и описаний исторических явлений в двух аспектах: всемирно-историческом у Ф. Гегеля и культурно-историческом у Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби. Первая концепция неизбежно приводила к европоцентризму и признанию внеевропейских народов «неисторическими» или «отсталыми», вторая, сосредоточив внимание на разнообразии «культурных типов», опускала то общее, что присуще всем процессам, — «возрасты» или смены фаз, так как последние не происходят в техносфере — создании рук человеческих, а имеют место только в природных явлениях, особенно в биосфере.

Только системный подход Л. Берталянди и учение о роли биохимической энергии живого вещества В. И. Вернадского позволили сделать эмпирическое обобщение — установить наличие в исторической географии замкнутых систем, ограниченных в пространстве — ареалы — и во времени — эпохи. С этого времени антропосфера перестала казаться калейдоскопом событий, а превратилась в мозаику каузальных цепочек, связанных друг с другом.

Вот и объяснение невозможности практического применения истории. Построения на спекулятивных философемах давали волю фантазии, не ограничивая ее рамками соразмерных наблюдений и сопоставлений систем равного ранга. Да и сами эти системы, везде присутствующие и единообразно развивающиеся, были заслонены более репрезентативными феноменами описаний культуры или военной, политической, экономической истории.

Поступки людей как на персональном, так и на популяционном уровнях в социальной и этнической средах имеют диаметрально противоположные последствия. В социальной среде важно, что человек *сделал*: каменный нож, электрическую лампочку или атомную бомбу. Чаще всего он не может предвидеть последствий своих изобретений, потому что социосфера имеет собственное спонтанное развитие, на близких отрезках изучаемое социологией, а глобально — теорией исторического материализма.

В этнической среде человек, или этнос, как система, может *не сделать* чего-либо вредного для природы, частью которой является он сам. Значит, следует предвидеть последствия своих поступков, ибо любая ошибка может стать роковой. Например, в XIX в. ученые-биологи подразделяли растения и животных на «полезных» и «вредных». Последних предлагалось истребить, а природу сделать «управляе-

мой». И вот в ботаническом заповеднике в Аризоне, где росли гигантские кактусы сангуаро, служба национальных парков, оберегая интересы туристов, уничтожила гремучих змей, из-за чего возросла численность сумчатых крыс, поедающих молодые побеги кактусов, существование коих было поставлено под угрозу¹⁸.

В этой крошечной коллизии, как в капле воды, отразилась мировая экологическая трагедия последнего трехтысячелетия¹⁹. Здесь не место рассказывать о поводах для борьбы за природу против цивилизации, хотя эта тема входит в компетенцию этнологии, но можно спросить, почему американские натурфилософы, еще незнакомые с понятием «биоценоз», не обратили внимания на этику индейцев сиу, сформулированную крайне просто: «Со всем сущим нас связывают узы родства; что Дух земли творит, то неделимо»²⁰.

Но, как известно, «цивилизаторы» считали индейцев дикарями и охотились за их скальпами, как за шкурами волков, и это вторая возможность практического применения этнологии: изучение межэтнических контактов и выбор оптимальной линии поведения для установления симбиоза. Вряд ли сейчас найдется человек, пожелавший бы проповедовать геноцид.

И наконец, хотя самочувствие человека в потоке этногенеза детерминировано статистической закономерностью, это не значит, что на персональном уровне исчезает свобода выбора между несколькими решениями, когда к этому предоставляется возможность. А она предоставляется то и дело; важно только не упустить случая.

Конечно, один человек не может повлиять на грандиозный процесс этногенеза, например, изменить его фазу или число подсистем в этнической системе, но на низких таксонометрических уровнях — субэтническом и, особенно, на организменном, возможны волевые усилия, способные породить события, которые, только впоследствии и далеко не сразу, компенсируются общей статистической закономерностью. Иными словами, человек с большой пассионарностью иногда может создать зигзаг на кривой развития, даже такой, который будет зафиксирован в истории. Конечно, очень соблазнительно все беды сваливать либо на Аллаха, либо на математические законы природы Лапласа, либо на пространственно-временной континуум Эйнштейна. Но волевой акт — тоже явление природы, ибо непосредственно связан с физиологией человека, нервной и гормональной. Поскольку ни один человек не может жить вне этнической системы, способной как усилить его напряжения, так и свести их к нулю, то именно людям механизм этногенеза не может быть практически безразличен.

ФИЗИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ЭТНОГЕНЕЗА

Механизм этногенеза понятен. Рост пассионарности приводит к усложнению этнической системы; снижение пассионарного напряжения — к ее упрощению и к разрушению этнической целостности.

Деструкция этноса объяснима крайне просто: любой инерционный процесс затухает от сопротивления среды; но откуда берутся негэнтропийные импульсы, порождающие однотипные мутации на очень длинных полосах Земли, причем эти полосы всегда не совпадают с предшествующими и последующими? На этот вопрос ответить трудно. Заранее можно отбросить солярную гипотезу, ибо Солнце освещает одновременно целое полушарие, и хтоническую (подземную), потому что эти полосы варьируют вне зависимости от геологического строения территорий, по которым они проходят. Не имеет значения и уровень социального развития этносов, подвергаемых мутагенному воздействию, а наземные физико-географические условия лишь способствуют этногенезу, после которого дальнейший ход процесса легко объясним, разумеется в пределах законного допуска и с учетом этнических контактов.

Остается не отброшенной только одна гипотеза — переменное космическое излучение. При нынешнем уровне знаний о ближнем космосе эта гипотеза не может быть строго доказана, но зато она не встречает фактов, ей противоречащих.

Представим себе поверхность Земли как экран, на который падают космические лучи. Большая часть этих лучей задерживается ионосферой, но некоторые достигают поверхности Земли, чаще всего ночью, ибо ионосфера и космическая радиация нестабильны, даже в суточном цикле²¹.

Однако космические импульсы будут деформированы магнитным полем Земли и примут облик геодезических линий, не зависящих от наземного ландшафта. Время каждого облучения не должно быть продолжительным, но оно должно быть и достаточным для того, чтобы произошла микромутация, изменяющая еще в зародыше психические свойства небольшого числа особей, рождающихся в облученном ареале. Разумеется, не все плоды в утробах матерей приобретают после мутации признак пассионарности. Исход любой мутации в большинстве случаев летален. Некоторые из затронутых проявляют себя после рождения как субпассионарии или просто рождаются физически неполноценными особями, но они быстро устраняются естественным отбором. Так появляется первое пассионарное поколение, распространяющее свой генофонд по популяции и образующее оригинальные биосоциальные коллективы — новые этносы. Остальное

понятно: пассионарность, как признак, устраняется медленно, за 40 — 50 поколений, либо в результате внутрисистемной аннигиляции, либо естественного географического рассеяния, с вытеснением за границы этнического ареала.

Если эта гипотеза не встретит противоречащих ей фактов, то этнология даст возможность получить данные о состояниях ближнего космоса и его контактах с поверхностью Земли в эпохи, строго фиксируемые абсолютной хронологией. Допуск в плюс-минус 50 лет — величина ошибки для определения длины инкубационного периода — невелик, а практическая ценность данных об энергетических вариациях в ближнем космосе за 4 — 5 тысячелетий несомненна.

Влияние ближнего космоса на наземные явления не парадокс, а, скорее, трюизм. Луна вызывает приливы в океанах; солнечная активность — причина смещения путей циклонов через воздействие на затропический барический максимум; он же вызывает мутации вирусов и связанные с ним эпидемии. Все это не мистика, а география. Так какие же причины к тому, чтобы отвергать воздействия окружения планеты на ее поверхность?

Ну, а если гипотеза воздействия каких-либо лучей на антропосферу не подтвердится? Если биологи обнаружат другую причину мутаций и, особенно, микромутаций, изменяющих не анатомию, а только физиологию организмов высших родов позвоночных? Значит ли это, что космос не причина всплеск этногенеза? Нет! Ибо линии толчков, по которым рождаются этносы-сверстники, — эмпирически зафиксированный факт.

Космические и планетарные вариации стоят на несколько порядков выше этногенезов, влияют на всю биосферу, включающую не только совокупность живых организмов, но и почвы, т. е. трупы растений и свободный кислород воздуха. И хотя этносы — капли в океане биосферы, они не могут не реагировать на ее флуктуации.

И если найдется талантливый психолог, который обнаружит физиологический механизм пассионарности и свяжет его не с вегетативной нервной системой организма, а с гормонами или влиянием микроорганизмов, живущих в симбиозе с их носителем? Или он объяснит повышенную активность пассионариев не как выброс излишней биохимической энергии живого вещества, а как способность выдавать эту энергию целенаправленно? Или генетик уточнит способ передачи пассионарности как признака? Что изменится в описании феномена этногенеза? Ничего? Потому что этногенез — явление, наблюдаемое не на молекулярном, и даже не на организменном уровне, а на популяционном, имеющем собственные черты, присущие только этому уровню, которые и изложены нами в Трактате.

И наконец, если философ-идеалист, наследник великих схоластов Средневековья, предложит деление этносов на «исторические», т. е. стремящиеся к Абсолюту, и «неисторические», просто живущие на поверхности Земли, ответ ему будет краток: нет ни одного этноса, который бы не испытал подъема пассионарности; и нет ни одного, который бы не превратился в реликт, если только он не рассыпался на куски раньше. При этом неизвестно, кому из них повезло.

Короче говоря, нами описана природная закономерность, не содержащая философемы. Описание построено на фактах, и только новые, несомненные факты могут поколебать концепции.

УРОВНИ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАСШТАБЫ

Перейдем к главной теме нашего исследования – этнической истории. В современной советской историософии сформулированы два тезиса, на первый взгляд исключаящие друг друга: «Мыслима ли история одной страны», с ответом «нет»²², и «Всемирная история существовала не всегда!» – с вопросом «а когда?»²³. Что же верно? Или то и другое неверно? Однако оба эти тезиса правильны и совместимы. Надо только условиться о применении научной терминологии и учесть масштабность изучаемых явлений или их ранг в этнической иерархии.

Так, наличие атомов несомненно, но изображать город Москву как скопление атомов хотя и правильно, но бессмысленно. Атомный уровень ограничен, с одной стороны, уровнем субатомных частиц, с другой – молекулярным уровнем, где атомы изменяют свои свойства: водород и кислород в обычных условиях – газы, а объединившись, образуют жидкость – воду или твердое тело – лед.

Следующий уровень – клеточный (в органике) или кристаллический (в минералах) – в свою очередь ограничен уровнем организменным, а тот – популяционным. В зоологии можно ограничиться следующим уровнем – видовым, но для изучения антропосферы необходимо ввести более дробное деление. Сопоставив популяционный уровень с субэтническим, мы увидим, что в промежутке между популяцией и видом *Homo sapiens* находятся этносы и суперэтносы – системы, обладающие свойствами, заслуживающими специального рассмотрения²⁴. Сведение их до уровня популяционного или, наоборот, обобщение до видового нецелесообразно, да и неверно, так как в обоих случаях специфика этносферы, состоящая в географических вариациях поведения, исчезает. Если этническую историю Евразии описать на уровне суперэтносов, то подтвердится второй тезис – всемирная история не правило, а, скорее, исключение. Вспышки этноге-

неза всегда локализованы. Даже тогда, когда они возникли в одну и ту же эпоху (с точностью до полувека), географические барьеры могут разделить пассионарные ареалы так, что они образуют не одну суперэтническую систему, а несколько суперэтносов-ровесников. Только совпадение фаз этногенезов показывает, что возникшие системы — продукт одного этногенного фактора.

Обратимся за примером в VI–VII вв. и взглянем на молодые, новорожденные этносы этого времени. Всекитайская империя Суй была ровесницей Арабского халифата. Пассионарный толчок VI в. четко прослеживается по географической оси от Хиджаса и Бахрейна на Аравийском полуострове через Южную Персию и Синд (область на западе Индии) и далее через Южный Тибет и Северный Китай до Южной Кореи и Японии.

В Индии так называемая «раджпутская революция» опрокинула империю Гупта, покровительствовавшую буддизму, и Индия раскололась на множество мелких княжеств, связанных реформированной религией и обновленной системой каст. Маленький Тибет попытался стать великой державой, но захлебнулся в крови внутренней войны.

В Японии произошел переворот Тайка с последовавшими реформами, а в Китае в это время династии Суй и Тан вели себя подобно Омейядам и Аббасидам. В X в. все отмеченные этносы испытали фазу надлома, который, например, в китайской историографии назван «периодом пяти династий и десяти царств». В отличие от Халифата Китай не распался на отдельные владения, но силу свою потерял и был вынужден примириться с потерей северных областей. Синхронность этногенезов до XI в. — полная, но впечатление единства Всемирной истории может возникнуть лишь при сужении поля зрения историка до линии указанного пассионарного толчка.

Не только географические границы являются причиной того, что в одном регионе два-три этногенных процесса оказываются независимы друг от друга. Так, в интересующее нас «тысячелетие» в одном только Средиземноморском бассейне один за другим возникли три суперэтноса: Византия, Халифат и «Европа», все названия условны.

И что же... Несмотря на постоянные пограничные войны, каждый из этих суперэтносов имел свою историческую судьбу, или, что то же самое, оригинальную культуру и линию развития. Возрастные фазы этногенезов не совпадали. Понятно почему: пассионарные толчки, их породившие, были различны и во времени, и в пространстве.

Таким образом, можно заключить, что на суперэтническом уровне доминирует ортогенное развитие — от негэнтропийного импульса (пассионарного толчка) до утраты инерции и перехода к гомеостазу, хотя при этом возможны грандиозные расширения того или иного су-

перэтнического ареала, причем кажется, что именно этот суперэтнос представляет собой «Всемирную историю», а прочие, еще не поглощенные – варварская периферия. Но это обман зрения, aberrация близости. Новые пассионарные толчки перетасуют этническую карту планеты Земля, энтропия разьет гипертрофированную систему, и ортогенные (прямолинейные) этногенезы потекут, как струи, по своим руслам, иногда соприкасаясь, но полностью не сливаясь, хотя политическое, а точнее, государственное единство может существовать и править на Земле. Ведь не мешала феодальная раздробленность средневековой Европе осознать себя как суперэтническое единство – «христианский мир», а единая административная система Китая династии Цинь не вызвала смешения маньчжуров с монголами, тибетцев с уйгурами и даже северных китайцев с южными. Закономерности этногенеза находятся в компетенции Природы.

Но как только возникает необходимость в подробном описании феномена этногенеза, что достижимо на уровне этноса, сразу оказывается, что факторов, на него воздействующих, много: это разнохарактерные межэтнические контакты и культурные влияния, экономические воздействия соседей и иногда метисация, в разных странах и разные эпохи имеющие отнюдь не одинаковое значение. Природные явления продолжают играть свою роль. Засухи подрывают хозяйство стран, но по-разному: на просторах степей и прерий они катастрофичны, на берегах рек и на склонах горных кряжей их влияние незначительно. Извержения вулканов губительны, но локализованы. Подъем уровней океана и внутренних морей, например Каспия, страшен для жителей окружающих равнин, но не оказывает существенного влияния на горцев. Эпидемии, тоже явления природы, иногда меняют расстановку сил при длительных войнах; это сделала «черная смерть» в XIV в., унесшая половину населения Англии и тем приостановившая Столетнюю войну на 30 лет.

А какие последствия приносят мысли, иногда мудрые, а иногда вздорные! Пропаганда манихейства в Европе возбудила альбигойские войны и разорение Лангедока. Доктрина ислама в упрощенной и потому общедоступной форме спаяла культуры разных этносов от Атлантики до Гиндукуша. Ослабление Халифата, разъединенного шиизмом, открыло дорогу тюркам-сельджукам, а развал «Священной Римской империи германцев» возвысил французскую корону, что, в свою очередь, повергло в прах папскую тиару, когда Святой престол был перенесен в Авиньон.

На этом уровне история каждой страны связана с соседними, и даже очень далекими, ибо причинные связи могут быть опосредствованы. И самым важным здесь является классификация этнических кон-

тактов, образующих наиболее заметные зигзаги истории. Пусть они не меняют грандиозных процессов этногенезов (генезиса суперэтносов), но для современников событий важны именно они.

Предел исторического исследования — суперэтнос, а за ним стоит изучение человечества как вида, что относится уже к биологии. А то, что называют обычно «Всемирной историей» — просто способ подачи материала, когда произвольно выбрана точка отсчета. Например: Западная Европа, в традиционных учебниках весьма условно делимая на Древнюю, Среднюю и Новую, а кругом — «дикость» или «отсталость»²⁵. Китайцы писали «Всемирную историю» тем же способом: «Срединное государство», а кругом «варварская периферия»²⁶. Древние персы за начало отсчета принимали «Иран», где почитают Ормузда по учению Авесты, и противопоставляли ему «Туран» — царство Аримана²⁷. В исторических книгах Библии такой же исходной точкой была Иудея.

Итак, само понятие «Всемирной истории» только литературный прием, впрочем весьма удобный. Мы воспользуемся им, избрав началом пространственного обзора низовья Волги и побережье Каспия. Это удобно, потому что отсюда обозрима Великая степь до Китайской стены — на востоке — и до пограничного римского вала по Дунаю — на западе. На этот раз периферией будут именно цивилизации, что допустимо принципиально, так как выбор пункта обзора здесь, как и везде, произволен.

Но, кроме пространственных, есть временные границы. Линии развития редко бывают прямолинейными (ортогенными). Чаще они включают зигзаги, взаимно компенсирующиеся на длинных отрезках этнической истории, после чего обобщенная линия того или иного этногенеза будет отвечать предложенной схеме. Поэтому целесообразно как во «Всемирной истории», так и истории отдельных стран выделять особо интересные неортогенные эпохи — зигзаги — крупным планом. Для этносферы таким зигзагом будет генезис отдельного суперэтноса, а для страны (суперэтноса) — этнический контакт, фаза этногенеза или стихийное бедствие. Соотношение степеней приближения при этом будет 1:5 в том смысле, что, например, описание полутора тысяч лет, за которые прошел виток хуннского этногенеза, и трехсот лет, за которые развернулась и загасла русско-хазарская трагедия, потребует не одинакового объема печатных страниц. Иными словами, изложение событий одного эпизода — контакта двух каганатов: Итильского и Киевского, — будет описано в пять раз подробнее, нежели заверченный процесс этногенеза.

Это соотношение оправдано сложностью, детальностью проблемы (зигзага) относительно общей (т. е. действующей на следующем таксономическом уровне) закономерности и должно строго выдерживать

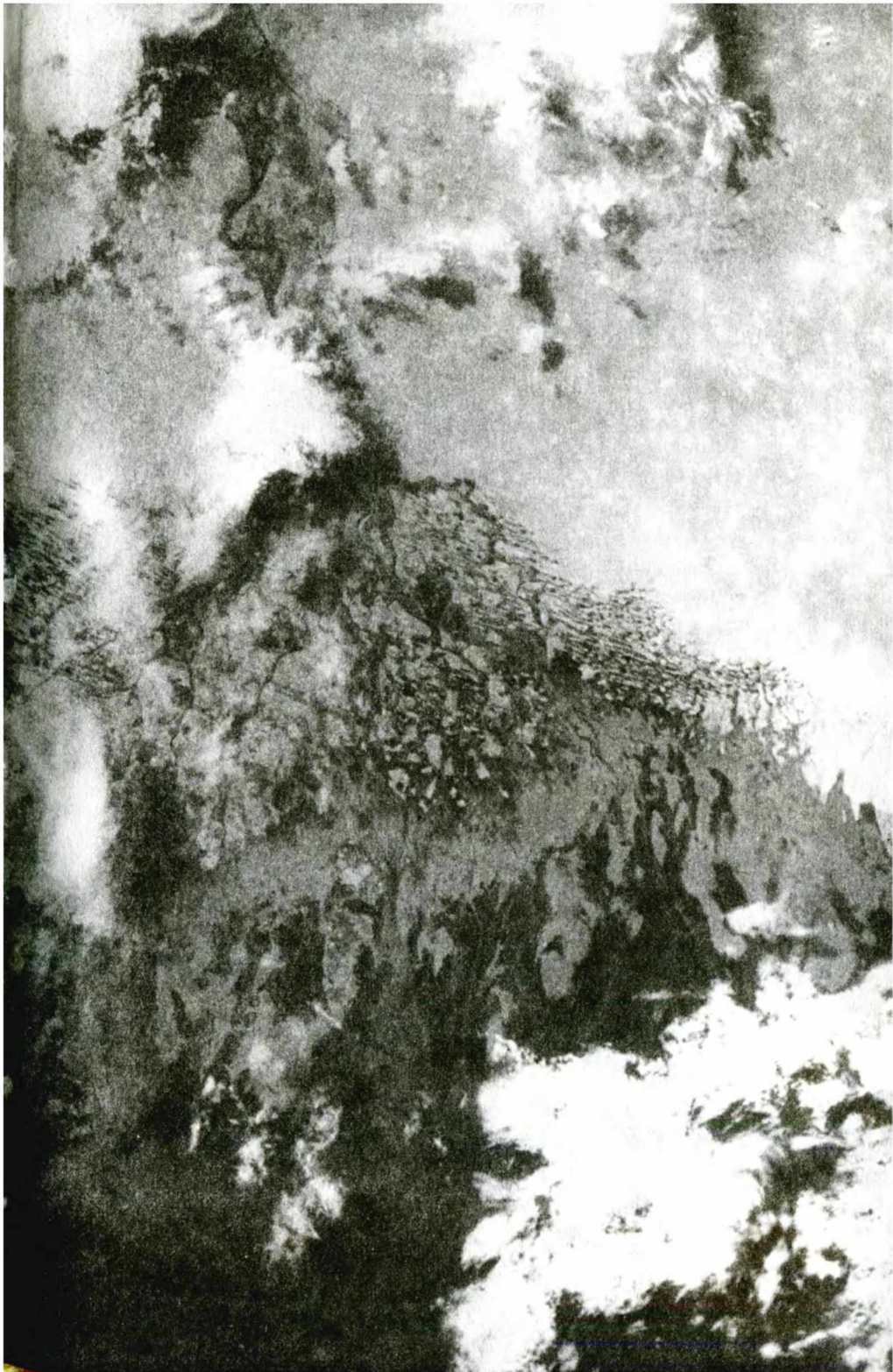
ваться в этнологическом исследовании, в противном случае решение проблемы необнаружимо, а место ее во всемирной истории неясно. Бессмысленно писать историю Англии так же подробно, как биографию Черчилля, — никто не сможет ее прочитать. Но этническая история ставит проблемы различной сложности, и для их решения требуются все три уровня, как для постройки здания необходимы фундамент, стены и кровля, после чего возможна внутренняя отделка. Важно уметь находить и правильно и последовательно выдерживать степень приближения. Только при этом условии можно надеяться, что цель этнолога будет достигнута.

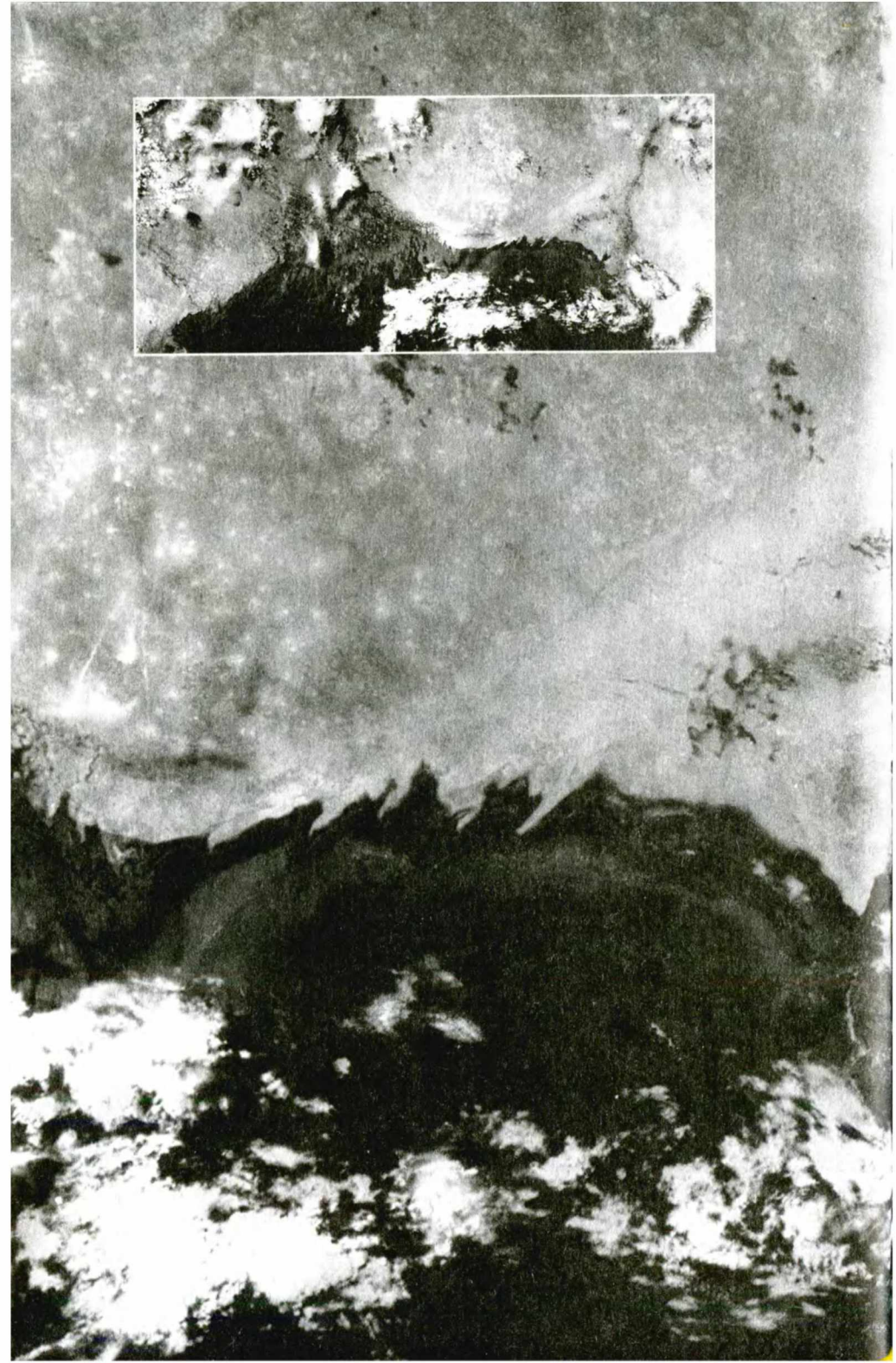
РАЗОЧАРОВАНИЕ

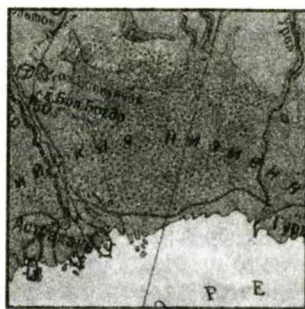
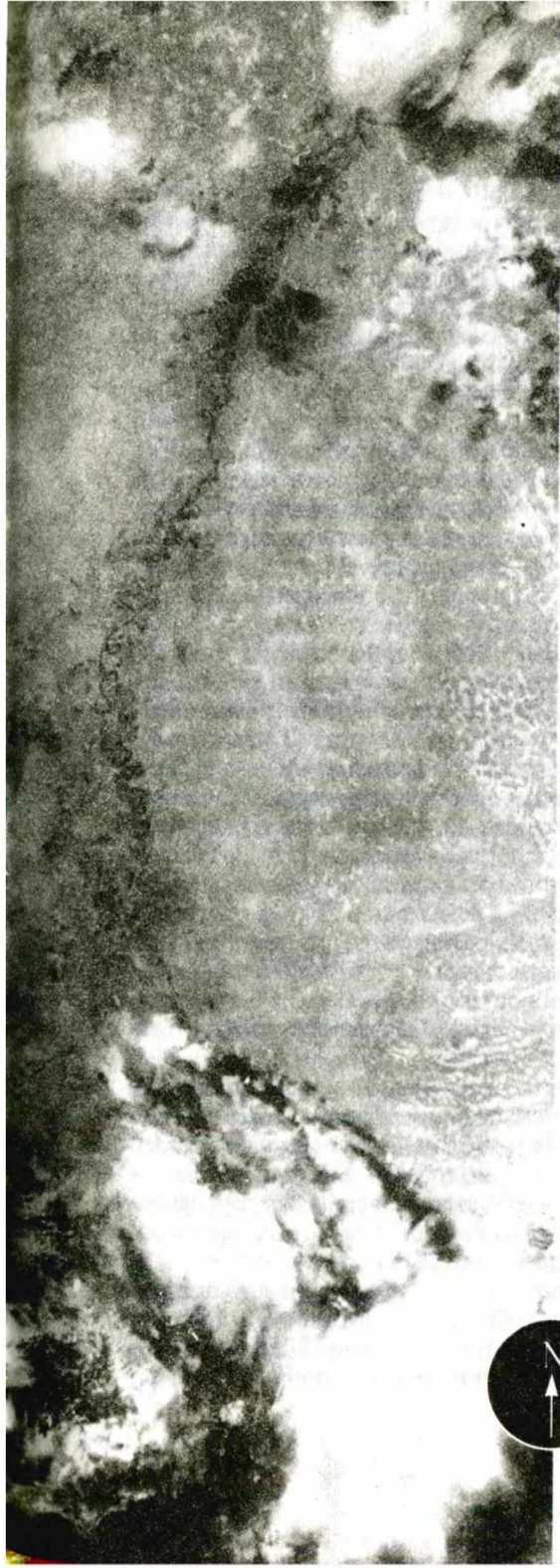
Итак, для работы над этнической историей необходим обильный и проверенный этнологическими методами набор фактов. Обычно историческое исследование начинают с кодификации явлений, лежащих на поверхности, т. е. памятников той или иной культуры. На первый взгляд — это самый верный и логический путь.

Каждый этнос создает своеобразную материальную культуру, т. е. сумму орудий, предметов быта, оружия, и духовную — мировоззрение, стиль в искусстве, способ восприятия прошлого, характер фиксации знаний: либо письменность, либо устное обучение молодежи — фольклор. Кремниевые орудия палеолита, обломки керамических сосудов, развалины жилищ, картины в музеях и рукописи в библиотеках наглядны и легко обнаруживаемы. Они показывают, что культуры разных стран и эпох были различны и более или менее оригинальны. Связи между культурами восстанавливаются на принципе их похожести друг на друга... и часто правильно. И тут у историка возникает соблазн подменить изучение этносов, людей, живших, творивших и погибавших, описанием памятников, т. е. вещей, созданных этими людьми. На первый взгляд, здесь должно быть полное соответствие, но на самом деле его вовсе нет. Молодой этнос использует изобретения своих предшественников. Градусная система отсчета пришла к европейцам из Вавилона, но генетической связи между французами и амореями нет. Форма металлических кинжалов не менялась весь железный век, ибо она оптимальна, а этносы сменялись неоднократно. И наоборот, свеча сменилась керосиновой лампой, а та — электрической за один век у совершенно разных народов. Это показывает, что творения рук человеческих — культура и явление природы — этногенез имеют разные характеры развития. Был Вавилон... и нет его, на месте древнего Рима построен

***Устья Волги и Урала —
Яика по-старому.***

***Водный поток Волги
обрушивается
в Каспий.***

***Бледная лента Яика
затеснена песками.***

***Северный Прикаспий —
уникальное биосферное
явление.***

***Две реки двух разных
водных систем
согласованно
действуют
тысячелетия,
не давая каспийской
пустыне стать
безжизненной
Сахарой.***

новый, по существу, другой город. Целые народы исчезли с лица Земли, а ныне процветающие когда-нибудь сменятся новыми. Конец и распад любой природной системы, в том числе и этнической, неизбежен. Такова «Диалектика Природы»: жизни сопутствует смерть, а смерти — жизнь: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12, 24). Но в истории культуры мы этой диалектики не видим.

В отличие от природы люди способны создавать только статические предметы, не имеющие способности видоизменяться и самовоспроизводиться. Растения и животные существуют в череде поколений; горы и реки — в постоянном, хотя, по людским меркам, медленном преобразовании. Горы вырастают вследствие тектонических процессов и становятся равнинами из-за денудации. Реки либо меандрируют и образуют террасы, либо прорывают глубокие каньоны. В этом их жизнь, измеряемая геологическими периодами. А пирамиды, Эйфелева башня, Парфенон или Венера Милосская — плоды человеческого сознания, и они не живут, хотя существуют веками, прежде чем окажутся разрушенными человеком или временем, превращающими их в прах навсегда.

Но современному цивилизованному обывателю они кажутся вечными. Возникает иллюзия постепенного роста процветания людей за счет беспредельных богатств Природы, которые только надо научиться от нее брать. Это называлось в XIX в. прогрессом. Однако все теории культурного прогресса не могли бы существовать, если бы не игнорировали феноменов вырождения, ослабления и вымирания целых народов и распада их цивилизаций. Посмотрим на интересующую нас Евразийскую степь. О застойности степных этносов не может быть и речи, столь напряженными были смены событий, а вот была ли это эволюция, под которой понимается целенаправленное развитие с накоплением определенных признаков? Проверим.

В VIII в. до н. э. скифы появились в Причерноморье, разогнали местных жителей — киммерийцев, подчинили лесостепные племена земледельцев и продержались 500 лет. За это время они наладили товарное хозяйство, торговлю с Элладой, создали великолепное искусство, оригинальную культуру... и в III в. до н. э. стали жертвой сарматов, которые повели против скифов истребительную войну. Констатируем: развитие оборвано ударом извне.

Сарматы продержались около 700 лет: они пользовались гончарным кругом, торговали хлебом с Византией, завели тяжелую конницу — прообраз рыцарства... и были разбиты гуннами, продержавшимися около ста лет (370 — 463 гг. н. э.). Опять обрыв традиции.

Болгары победили гуннов, продержались около 200 лет (463 – около 660 гг.) и были разогнаны по окраинам степи хазарами, о которых пойдет речь особо, потому что даже след их потерян. А сменившие хазар половцы растворились среди окрестных этносов уже в XIII в. Где же тут эволюция и накопление традиций?!

А ведь «упадков» и регрессов культуры не меньше, чем расцветов. Мы привыкли восхвалять научно-техническую революцию XX в., но забыли, что ей предшествовал чудовищный регресс европейской науки. Этот регресс наступил раньше, чем сломалась грандиозная система «Римского мира» (Pax Romana). Это заметно по исторической географии. Вместо трудов Страбона, Посидония и астронома Гиппарха изучаются сочинения Гая Юлия Солина «Сборник достопримечательностей». Это популярная география, полная нелепостей, но распространенная с III в. в Римской империи и потом среди христиан раннего Средневековья.

В священных книгах евреев гуманитары VI – VII вв. находили указания на форму Земли. Несторианский теолог Феодор из Мопсуесты, теологические труды которого через сто лет после его смерти были осуждены на V Вселенском соборе, полагал, что Земля имеет форму диска, в центре которого находится Иерусалим, а кругом – океан, за которым царит вечная тьма и покоятся основания небесного свода. Косьма Индикоплов и ученик Феодора Севериан придавали миру форму скинии. Выше неба помещалось вместилище вод²⁸.

В VIII – IX вв. космографы вернулись к старинному правильно-му учению о шарообразности Земли, но эта мысль была достоянием ученых, а прочие, в том числе творцы реформации XVI в. Лютер и Кальвин, вели борьбу с представлением о шарообразности планеты, опираясь на тексты из священных книг и логические рассуждения. К догматам христианства этот спор не имел отношения²⁹. Шел спор о преимуществе источника информации. Что главнее: тексты или наблюдения? Но откуда взялся такой жуткий регресс в науке, не имевший касательства к политике? Очевидно, упадок был закономерен и неизбежен. В. И. Вернадский справедливо указал, что «регресс науки связан с изменением психологии народа и общества, с ослаблением того усилия, той воли, которая поддерживает научное мышление... как поддерживает она все в жизни человечества»³⁰. Что же это за творческое усилие? Отчего оно возникает и почему исчезает? В XIX в. такой постановки проблемы не было, потому что не было способов ее решения. В XX в. они появились: системный подход Л. фон Берталанфи и учение В. И. Вернадского о биохимической энергии живого вещества биосферы. Эти два великих открытия позволили дать определение категории «этнос» и описать его

как биосферный процесс — этногенез закономерного изменения пассионарного напряжения в этнической системе.

Именно пассионарное напряжение поддерживает системные связи в этносе, обеспечивая его устойчивость и творческую активность. Если мы попытаемся найти место эпох упадка на кривой этногенеза, то обнаружим, что большинство из них относятся к последней фазе — обскурации, сопряженной не только с деструкцией этнической системы, но и забвением всего культурного наследия.

И наоборот, для роста пассионарного напряжения на первой фазе этногенеза, в подъеме, характерны эпохи сложения оригинальных культур: Каролингское возрождение в средневековой Европе, Танский период в Китае, Московская Русь времени Рублева и Феофана Грека. Но причина подъема культуры определяется не столько ростом пассионарного напряжения, сколько его уровнем. Ее расцвет возможен и на нисходящей ветви кривой этногенеза — в надломе и в инерционной фазе, т. е. при умеренных степенях пассионарного напряжения. Таковы итальянское Возрождение, Эллинизм, Ханьский период в античном и Минский период в средневековом Китае, эпоха Киевской Руси в славянском мире. Объяснение этому понятно. При очень высоких уровнях пассионарного напряжения — в акматической фазе — занятие наукой и искусством затруднено: пассионарный перегрев устраняет основное условие творческого процесса — отдохновение. При низких степенях — в обскурации — остается слишком мало пассионариев, а без пассионарности, жертвенности возможно лишь сохранение традиции, и то не всегда.

Таким образом, интенсивность процесса культурогенеза является функцией этногенеза — пассионарного напряжения этноса. Но это справедливо лишь для объяснения смены эпох в истории культуры того или иного этноса, но не для объяснения самого феномена культуры, представляющего причудливую смесь гениальных озарений с заимствованиями. История культуры и этническая история лежат в разных плоскостях.

Интенсивность процесса этногенеза измеряется числом событий в единицу времени. Так, но что считать «событием»? С банальной позиции вопрос не заслуживает ответа. Но вспомним, что столь же очевидны такие явления, как свет и тьма, тепло и холод, добро и зло. Обывателю все ясно и без оптики, термодинамики, этики. Но поскольку мы вводим понятие «событие» в научный оборот, то следует дать дефиницию, т. е. условиться о значении термина.

Однако здесь таится еще одна трудность: нам надлежит применять термин в том же значении, что и наши источники — древние хронисты. Иначе чтение их трудов станет чрезмерно затруднительно, а час-

то и бесперспективно. Зато, научившись понимать их способ мысли, мы получим великолепную информацию, усваиваемую читателем без малейших затруднений.

Легче всего определить понятие «событие» через системную методику. Рост и усложнение системы представляется современникам нормой, любая потеря или раскол внутри системы отмечается как нечто заслуживающее особого внимания, т. е. *событие*³¹. Но коль скоро так, то событием именуется разрыв одной или нескольких системных связей либо внутри системы, либо на стыке ее с другой системой. Последствия разрыва могут быть любыми, иной раз весьма благоприятными, но для теоретической постановки проблемы это не имеет значения. Так или иначе, событие — это утрата, даже если это то, от чего полезно избавиться. Значит, этническая история — наука об утратах, а история культуры — это кодификация предметов, уцелевших и сохраняющихся в музеях, где они подлежат каталогизации.

СЛОВО ОБ УТРАТАХ

Люди XX в. привыкли к теории прогресса настолько, что перестали даже задумываться над тем, что это такое? Кажется вполне естественным, что люди прошлого жили для того, чтобы оставить нам наследство из полезных навыков и вспомогательных знаний. Вавилоняне придумали начатки математики, эллины — философию и театр, римляне — юриспруденцию, арабы донесли до нас «персидскую мудрость» — алгебру (гебры — персы-огнепоклонники) и так далее. При этом угле зрения кажется, что все минувшее имело одну цель — осчастливить потомков, а мы якобы живем ради того, чтобы наши правнуки тонули в безоблачном блаженстве, предаваясь наукам и искусствам.

Не будем сейчас ставить вопрос о том, насколько общей для человечества является эта точка зрения. Опустим из вида эгоистов, обывателей, мизантропов и им подобных. Спросим себя о другом: разве ученые ничего не забывают? Разве в памятниках мировых культур, с их неповторимым разнообразием, историки в состоянии прочесть все шедевры и усвоить все творческие мысли? Конечно, нет! Но допустим, что коллективное сознание науки будущего окажется на это способным, так сделает ли оно эту работу? Нет, ибо это будет противоречить первому принципу — все ценное нам уже оставлено, а забытое — не нужно. И этот вывод будет логичен, ибо отсчет ведется от западно-европейской цивилизации и степень совершенства иных культур определяется похожестью на европейцев. А индивидуальные особенно-

сти этносов иных складов забываются как ненужные, как дикость, которую незачем хранить и помнить. А отсюда вырастает еще одна аберрация, характерная для психологии обывателя: люди II в. были грулее людей XX в., потому что остатки их культуры, обнаруженные археологами, куда беднее того обилия предметов техники, науки и искусства, которые существуют в наше время и для всех очевидны.

На первый взгляд это неоспоримо, так как несохранившееся считается небывшим. А если подумать?

Люди прошлых эпох жили не ради нас. Они имели собственные цели, ставили себе интересовавшие их (а не нас) задачи, руководствовались принципами поведения, отличавшимися от наших, и гибли согласно законам природного и исторического бытия, той диалектике, где жизнь и смерть — звенья одной цепи. Они действительно оставили потомкам кое-какое наследство, но до нас дошла из него ничтожная часть. Судить по уцелевшему, не учитывая пропавшего, — значит впасть в заведомую ошибку индуктивного метода: когда частное принимается за общее. Мы ведь знаем, что даже за последние 1800 лет исчезло много памятников, документов, мемуаров.

А теперь переведем проблему. Допустим, в качестве предположения, что Землю постигла катастрофа, вроде радиоактивного облучения, эпидемии «алой чумы» Джека Лондона, изменения состава атмосферы и т. п., причем большая часть человечества и наземных животных гибнет. Через короткое время биосфера восстановится, но вся бумага успеет окислиться. Значит, истлеют все книги, записи, обои, трамвайные билеты, деньги, игрушки из папье-маше. Учиться можно будет только со слов стариков, переживших катастрофу, а они будут путать и выдумывать. Без справочников и инструкций невозможно отремонтировать машины, которые придут в ветхость и превратятся в металлический лом. Вслед за ними состарятся и дома, так что на местах городов возникнут холмы из строительного мусора, которые зарастут сорными растениями. И через тысячу-другую лет от нашей цивилизации останется меньше, чем от Вавилона, потому что глиняные таблички с записями хорошо сопротивляются времени. А через двенадцать тысяч лет исчезнут даже рельсы, и асфальт будет взломан корнями растений.

Но будут ли правы наши потомки, если они, восстановив культуру, заявят, что до них никакой цивилизации не было, потому что ничего ценного не сохранилось? И, равным образом, они будут неправы, если будут приписывать своим предкам, т. е. нам, сверхъестественные способности и возможности. Единственно разумным для них будет критическое изучение наследия, т. е. разбор исторических источников, к числу коих относятся не только предания, надписи на стенах, предметы искусства и развалины архитектурных комплексов,

но и события, в которых запечатлены свершения погибших героев. Что же остается делать историку, рыщущему по степям и лесам пропавшего наследия?

Ведь интересующие нас в этой книге Евразийская степь и примыкающие к ней леса в I тысячелетии н. э. вмещали много народов и несколько больших культур, но до потомков дошли случайные намеки на них. То, что бережно хранили сухие почвы Египта и Эллады, под влажной землей Волго-Окского междуречья истлевало, а на песках возле Дона и Терека раздувалось ветром. Деревянные дома, как бы они ни были прекрасны, недолговечны, а войлочные юрты и того менее³². Вот почему самые тщательные сборы аланских, хазарских и древнерусских памятников не могут восполнить неизбежных потерь.

Хуже того, не только дерево и войлок, использованные как строительные материалы, исчезают бесследно, — недолговечны и камни. Здания на поверхности Земли всегда подвергаются процессам выветривания, стремящимся выровнять поверхность, т. е. повысить пространственную энтропию. Но, оказывается, это еще не все. Карбонатные породы камня являются окаменевшей древней атмосферой планеты, которая находится в динамическом равновесии с окружающей нас ныне средой. Памятники из этого материала сходны с живыми растениями и тоже подсасывают грунтовые воды, часто засоленные или содержащие водоросли; этим они ускоряют свою естественную гибель, а тем самым и превращение архитектурного шедевра в груды рассыпающихся камней.

Гораздо большей устойчивостью обладают силикаты: граниты, базальты, габбро, кварциты и другие соединения кремния. Но их слабое место — швы между монолитами, отчего глыбы легко выпадают из стен построек. Поэтому применение их ограничено³³.

Итак, любые создания рук человеческих обречены или на гибель, или на деформацию, причем для этого часто не нужно тысячелетий. Вот почему простое изучение материальной культуры неизбежно ведет к искаженному видению прошлого, а этнологическая реконструкция становится единственно возможным путем его понимания.

БИПОЛЯРНОСТЬ ЭТНОСФЕРЫ

В завершение обзора методов и принципов этнологического исследования следует сказать еще об одном принципе, вынесенном в заголовок параграфа.

Выше мы отметили, что в обскурации упадок культуры неизбежен. Пассионарное напряжение этнической системы спадает до гомеоста-

за, что при наличии множества субпассионариев снижает резистентность не столько этнической, сколько социально-политической системы, разваливающейся от этого в мучительных судорогах. Но субпассионарии нежизнеспособны. Они стекают с тела системы, как мутная вода, а гармоничные персоны продолжают трудиться, воспитывать детей и уже никогда не стремятся ломать здания, жечь книги, разбивать статуи и убивать ученых. А ведь это все делается, и не только в эпохи обскурации. Достаточно вспомнить немецких инквизиторов XVI в., которые были современниками гуманистов эпохи Возрождения, или византийских иконоборцев. И тех и других, да и всех им подобных, нельзя упрекнуть в нехватке пассионарности. Очевидно, однозначное решение проблемы будет неполным. Оно необходимо, но недостаточно.

В самом деле, наше стремление решать все задачи единообразно, на одном, пусть самом главном факторе — соблазн, и хуже того — искушение. Чтобы попасть в цель, даже в тире, нужно учитывать два параметра: горизонтальный и вертикальный, а не делать выбора между ними. Кроме фазы этногенеза, существует выбор доминанты или отношения к окружающей среде, природной и культурной, т.е. к жизни как таковой, и к смерти, своей и чужой. И самое страшное, что это не просто хулиганство разнузданных гонцов и одурелых фанатиков, а целый ряд мировоззрений, создаваемых людьми талантливыми, образованными и вполне сознающими последствия своей деятельности. Это люди, ненавидящие мир, сложный в своей иррациональности, и стремящиеся добиться его упрощения на базе разума, которым они, по своему мнению, обладают.

Разумеется, подавляющее большинство людей, избравших эту психологическую доминанту, не затрудняют себя философскими рассуждениями. Они действуют импульсивно, как описанный Анатолем Франсом аббат, который, увидев рожающую суку, убил ее зонтиком, или упомянутый Максимом Горьким дворник, убивший на его глазах кошку, мурлыкавшую у него на коленях, лишь для того, чтобы вызвать Горького на драку («В людях»). Но эти люди приносили вред лично, так сказать, на персональном уровне. Гораздо страшнее теории, безукоризненно логичные и потому обвораживающие умы современников и потомков, образуя псевдоэтнические целостности — антисистемы. Эти феномены, внешне напоминающие орден или общины, лежат на популяционном уровне, а следовательно, влияют на судьбы культур и этносов, как раковая опухоль на организм. И проявляется эта психологическая доминанта не только в поздних фазах этногенеза, а в любых, ибо для каждого мыслящего человека выбор доминанты произволен. Это и есть та «полоса свободо-

ды», за которую каждый человек несет моральную и юридическую ответственность.

Но и здесь есть свои закономерности, обнаруживаемые на более высоких, нежели индивидуальных, уровнях приближения к изучаемому явлению.

Пассионарность, возникшая вследствие естественного толчка или взрыва, хотя и деформирует биосферу, но без отрицательных для нее последствий. Зато при тесных контактах на суперэтническом уровне возникают необратимые деформации, превращающие роскошные страны в мертвые пустыни. Именно здесь, на границах суперэтнических систем, конструктивно связанных со своими ландшафтами, появляются экстерриториальные антисистемы, уродующие те этносы, в которые они проникают.

В I тысячелетии н.э. в Средиземноморском бассейне находились в тесном контакте три могучих суперэтноса: византийский, мусульманский и католический романо-германский, а кроме того, еще не исчезли среднеперсидский, разрушенный арабами в 650 г., но подававший признаки жизни до X в., и балтийский, славянская часть коего держалась до XII в. В этом разнообразии обрели себе место несколько конфессиональных общин гностического типа и близких к ним по психологическому настрою.

Учение пророка Мани, казненного в Иране в 276 г., распространилось на восток до Желтого моря, а на запад до Бискайского залива, но нигде не могло укрепиться из-за своей непримиримости. Повсюду, где только ни появлялись манихейские проповедники, они находили искренних сторонников. И повсюду текла кровь, хотя проповедь манихеев была самой мирной. Они призывали людей устраниваться от злого мира, в котором правит Сатана, учили аскетической жизни, запрещали своим адептам убивать теплокровных животных и невинных людей, жертвуя при этом собой. Но ведь убивали же!

И вот что странно, так вели себя все принявшие ту или иную разновидность манихейства: в Китае и Провансе, на Балканах и на Памире, у берегов Селенги и в долине Нила, они обладали одной общей чертой – неприятием действительности. Подобно тому как тени разных людей непохожи друг на друга не по внутреннему наполнению, которого у них нет, а лишь по контурам, так различались эти исповедания. Сходство их было сильнее различий, несмотря на то, что основой его было отрицание. В отрицании была их сила, но также и слабость: отрицание помогало им побеждать, но не давало победить. Это особенность антисистем.

Антисистемы возникают не при всяком этническом контакте. Исход столкновения, часто трагичный, зависит главным образом от

двух причин: 1) уровня пассионарного напряжения этносов, а также его направления (увеличение или снижение) и 2) от комплиментарности контактирующих суперэтносов. В первых выпусках Трактата мы подробно описали три варианта. Это ксения — устойчивое сочетание двух этносов, в котором один, «гость», — вкрапление в теле другого — живущий изолированно и заполняющий свободную экологическую нишу, не нарушая этнической системы «хозяина» и занимая в ее иерархии место одного из субэтносов. Ксения — это как бы субэтнос. Другим вариантом контакта является симбиоз — наиболее типичный случай сочетания двух или более этносов, в котором каждый из этносов в одном и том же географическом регионе занимает свою экологическую нишу, свой ландшафт. При этом этноценозы пространственно не пересекаются, а стереотипы поведения не испытывают существенных деформаций. Гомеостатические этносы легко превращаются в субэтносы более пассионарных соседей, а пассионарные — занимают равноправные места в суперэтнической иерархии. Но эти два сравнительно мирных типа контактов достигаются при положительной или нейтральной комплиментарности взаимодействующих этносов. В противном случае, а их немало, образуется химера. Для ее существования необходимо, чтобы один из этносов испытывал снижение пассионарного напряжения, что обычно имеет место при смене фаз этногенеза. Именно в эти кратковременные, по масштабам этногенеза в целом, моменты этническая система неустойчива и не резистентна. Системные связи разрушаются, происходит их перестройка. Субэтносы новой фазы еще не образовались, а предыдущей уже почти исчезли. Стереотип этнического поведения заметно модифицируется и потому легко деформируется. Это является причиной химеризации части этноса в зоне контакта, т. е. разрушения стереотипа как такового, что ускоряет снижение пассионарного напряжения неустойчивого этноса вплоть до полного распада этнической системы. Это особенно характерно для последних фаз этногенеза

Если при ксении и симбиозе нарушения ритма этногенеза не происходит: менее пассионарные этносы подчиняются ритму более пассионарного, то у химеры нет возраста. Она высасывает пассионарность из окружающей этнической среды, как упырь, останавливая пульс этногенеза. Химера не связана с физико-географическими условиями ландшафта, ибо она получает необходимые ей средства от тех этносов, в телах которых она угнездилась. Значит, у химеры нет родины — это антиэтнос. Возникая на рубеже двух-трех оригинальных суперэтносов, химера противопоставляет себя им всем, отрицая любые традиции и заменяя их постоянно обновляемой «новизной».

Следовательно, у химеры нет отечества. Это делает химеру восприимчивой к негативному мироощущению, хотя бы исходные этносы и не имели отрицательного отношения к природе. Поэтому химеры – питательная среда для возникновения антисистем.

Вместе с тем этнические химеры крайне агрессивны и резистентны. Абсорбируя пассионарность от соседних маргинальных этносов и не будучи связаны традиционными стереотипами поведения, представлениями о хорошем и плохом, честном и преступном, красивом и безобразном, химеры весьма лабильны, в том смысле, что способны применяться к меняющейся обстановке без затрат на преодоление внутренней традиции, составляющей основу оригинальных этносов. Поэтому химеры часто побеждают политически и экономически, но никогда – идеологически.

Почему? Казалось бы, должно было быть наоборот. Химерные целостности всегда составлены из разных людей, отколовшихся от своих этносов. Следовательно, пополняться путем инкорпорации для них наиболее естественно. При этом от неопита не требуется искренности, так как принцип антисистемы – ложь, – всегда присутствующий в химерах, допускает обман как поведенческий стереотип. Если же вовлекаемому в химеру мешает совесть, то средствами разума, логическими аргументами можно ее деформировать и приспособить к требованиям окружения. Нет! Отдельный человек не может противостоять статистической закономерности, даже антиприродной, и противоестественной, даже очевидно антинравственной.

Но мироощущению антисистем, отрицающих свое единство с биосферой и разрывающих связь с ней, что ведет к аннигиляции, которая представляется здесь желанной целью, противопоставит мироощущение позитивных систем-этносов, вступающих в гармоничный, конструктивный контакт с природой и становящихся верхним, завершающим звеном биоценоза. Любая позитивная концепция любой этнической целостности вводит запреты или табу. Она ограничивает свободу человека, иногда нравственными убеждениями проповедников, иногда – грозной рукой закона, иногда силой общественного мнения, а чаще – комбинацией всего перечисленного. Даже в тюрьме и на каторге есть закон из четырех пунктов: «Не стучи, не признавайся, не кради пайку у соседа, не собирай объедков в столовой». Последний имеет этическую природу, и цель его – заставить соблюсти собственное достоинство. Каждая религия, теистическая, космическая (почитание безликого космоса) или демоническая (почитание предка или «духа» стихии), подчиняет поведение отдельного человека тому или иному стереотипу. Это самому человеку бывает тягостно, но коллектив (этнос) благодаря ограничению произвола своих сочленов может существовать.

В антисистемах человек обретает внутреннюю свободу. Он должен только считаться со своими возможностями и рассчитывать последствия своих поступков. Но зато внешнюю свободу он теряет полностью. Ведь если нельзя положиться на совесть (внутреннее самоограничение), то приходится прибегать к жестокому ограничению внешнему, основанному на прямом насилии. Антисистемы жили среди врагов и должны были соблюдать в своих рядах строжайшую дисциплину, которая обеспечивала им победы. И наоборот, у этнических целостностей, особенно в средние века, политическая организация находилась на весьма низком уровне, что снижало их шансы в борьбе с жестко организованными антисистемами; ведь надежды на верность вассала и таланты сеньора часто бывали призрачны. Люди всегда люди, и совети у них то больше, то меньше... и ведь не угадаешь!

Но против тенденций к развитию антисистем, часто, хотя и необязательно, проявлявшихся в химерах, действовала преобразующая сила пассионарных толчков. Энергия живого вещества биосферы – сила природная. И, как таковая, она сметала некротферу – мертвую субстанцию, произведение рук людских, ибо упрощенные формы культуры, оскуденные биоценозы, искалеченные ландшафты имеют достаточно сил, чтобы восстановиться в новом обличи, лишь бы не было помех.

Но не только пассионарные толчки, даже просто высокие концентрации пассионарности, создаваемые регенерацией этносов, достаточны для уничтожения химер и антисистем. И даже в ее отсутствие судьба последних предрешена.

Негативное мироощущение в силу своей противоестественности никогда не охватывает большого числа людей. Поэтому антисистема всегда меньше позитивной системы, в недрах которой она возникает и за счет которой существует. Поэтому она неизбежно исчезает, унося за собой какую-то часть жизнеспособных этносов. Но при отсутствии полного взаимопогашения создается снижение пассионарного напряжения и пустеет экологическая ниша. А тогда на освободившееся место со стороны устремляется пассионарная популяция иного этноса. Она захватывает оскуденную землю вместе с остатками населения и рассматривает аборигенов как составную часть осваиваемого ландшафта. Захватчики становятся по отношению к местным жителям этносом-паразитом, иногда на недолгое время, если происходит ассимиляция, а иногда на века, если имеет место этническая несовместимость.

Но помимо позитивного мироощущения этнических систем, пульсирующих пассионарностью и адаптирующихся в симфонии ритмов биосферы, и его антипода – жизнеотрицающего мироощущения антисистем, существует еще одно, которое следует иметь в виду этнологу.

Любые идейные построения, как позитивные концепции рождающихся этносов, так и мировоззрения антисистем, возникают только при сильной пассионарности основателей и обращаемых, в то время как их субпассионарные современники остаются в плену традиционных воззрений. Так складается синкретизм, наиболее распространенное мироощущение, нейтральное по отношению к биосфере.

Декларативная часть философских систем, догматов веры и мифов не всегда соответствуют подлинному мировоззренческому наполнению. Не по словам, а по делам можно судить о той или иной концепции. Кроме того, слова, т. е. догматы, остаются неизменными, а практическое их воплощение всегда меняется вместе с процессом этногенеза.

Но мироощущение субпассионариев не развивается, ибо оно есть равнодушие. Субпассионарии не способны ни созидать, ни охранять, ни разрушать, хотя процессы разрушения происходят только благодаря им. Они ликуют при сожжении еретика и предадут в руки врагов своего энергичного правителя, даже без злобы, а просто по безразличию к чужой судьбе. То, что вслед за героем, кладущим жизнь за свой народ, пойдут на смерть они сами, просто не приходит им в голову, как не приходит им в голову и то, что станет с ними после того, как будут вырублены леса, выловлена вся рыба, перебиты дичь и дикие звери. Для самого элементарного прогноза нужна высокая степень пассионарного напряжения.

МЕСТО ЧЕЛОВЕКА В ЭТНОГЕНЕЗЕ

Из всего изложенного вытекает: человек – игралище природных и социальных процессов, веточка в бурной реке, а следовательно, он не отвечает и за свои поступки, что весьма удобно для людей аморальных. Философские споры о детерминизме велись очень давно, но без результата. Попробуем обратиться к физиологии.

Оказывается, что реакция на воздействие внешней среды у живых организмов коренным образом отличается от предметов косного мира. Горы, долины, камни пассивны, а организмы, даже одноклеточные, способны перестраивать цепи химических процессов внутри себя и тем предвосхищать удары извне: внезапный холод или жар, изменения состава воздуха или воды и т. п. Живая «молекула» классифицирует эти воздействия на «вредные» и «полезные», отчего возникает приспособление путем отбора³⁴. Высшие животные обладают нервной системой, накапливающей опыт опережения повторных ударов из внешнего мира. Это условный рефлекс³⁵. Люди же обладают еще и

сознанием, позволяющим делать выводы из анализа обстановки и принимать решения в альтернативных ситуациях. Пусть такие ситуации бывают редко, но от правильного выбора зависит иногда даже жизнь. Значит, живые организмы, наряду с подчинением глобальным закономерностям, на персональном уровне обладают свободой, точнее, правом на выбор решения или произвольность. Это свойство нейронов мозга, т. е. тоже природное явление, обязательная «составляющая» биосферы планеты Земля. Свобода – порождение природы!

Но свобода выбора – это тяжелый груз ответственности; за ошибку организм платит жизнью. А количество степеней свободы громадно. «В масштабе целого мозга оно с трудом может быть записано цифрой длиной в 9,5 млн км!.. Организованное поведение человека предполагает неизбежное ограничение этого разнообразия. Следовательно, принятие решения... представляет собой выбор одной степени свободы»³⁶, наиболее удачный, с точки зрения выбирающего субъекта. Однако его решение может оказаться ошибочным. Поэтому каждый организм платит за степень свободы риском гибели.

Эта физиологическая дефиниция имеет прямое отношение к этногенезу. К системным целостностям высших рангов она применима с существенными оговорками: она может объяснить не ход этнической истории, а ее зигзаги. На клеточном уровне «свободы» нет, так как она погашается деятельностью всего организма; исключения патологичны. Но на персональном уровне свобода выбора существует всегда, и хотя человека ограничивают природные условия, статистические закономерности, принудительные меры социального окружения, причинно-следственные связи, на уровне субэтническом и ниже у него остается свободный выбор, полоса свободы, сам факт существования которой не может не влиять на поведение человека, а тем самым на стереотип поведения этноса.

В этой полосе свободы заложено творческое начало человека – отклонение от стереотипа, что имеет исключительное значение в момент формирования нового этноса, но по ее же вине возникает ощущение ответственности за свои поступки, т. е. то, что на русском языке называется совестью. Какое бы ни было проявление свободной воли человека, оно не может не пройти через фильтр его совести.

Казалось, что общего у совести с этногенезом, но в ее компетенцию попадает и выбор знака мироощущения персоны. Вель люди, обладающие свободой выбора, могут переходить из позитивной этнической системы в антисистему. Разумеется, такой переход возможен не всегда, потому что при этом необходимо сломать инерцию окружения (этнического стереотипа и адаптационного синдрома) и традиции. Но в химерах такая смена легка, так как здесь взаимопроникающие

чуждые системы, этнические и культурные, влияя на творческого человека, уравновешивают друг друга, и его свободная воля оказывается в силах преодолеть инерцию традиции со всеми вытекающими из этого последствиями. И наоборот, человек может вырваться из англистемы и вновь обрести позитивное мироощущение (как это случилось, например, с бл. Августином — в молодости манихеем), реадптировавшись в этнической системе. Искренность таких превращений не может быть проверена на словах (чужая душа — потемки), но если вместо одного человека взять на рассмотрение большой коллектив, то характер его поведения покажет, где искренность, а где сознательный обман. Здесь вероятность ошибки уменьшается пропорционально числу элементов системы и числу наблюдений.

Таким образом, процесс этногенеза разворачивается в трех координатах: времени, пассионарного напряжения и полярности мироощущения. Следовательно, категория произвольности или свободы выбора является третьей переменной этнической истории.

Не следует смешивать понятия позитивного-негативного с обывательским представлением о «высшем» и «низшем». В этногенезе вообще нет ни «верха», ни «низа», нет здесь и «высших» или «низших» этносов. Лишь европоцентристы считали «высшими» себя, а прочих выстраивали по ранжиру. То же самое делали жители «Срединной равнины» — китайцы. Их противники, борцы за «равенство», понимали под ним «одинаковость» людей, что было столь же нелепо, ибо разноеобразие этносов и даже отдельных персон (организмов) очевидно.

Этнология ввела в этнографию системный подход, где усложнение этнической системы (рост системных связей) — повышение разнообразия, и упрощение ее (сокращение связей) — примитивизация — два противостоящих направления. Однако это относится к системам уровня этноса, но никак не к отдельным людям, их составляющим.

Гомеостаз — это преобладание гармоничных личностей. Такие особи есть всегда и везде: в Риме и Англии, Анахуаке и Бенгалии... Без них не может существовать ни один этнос, ибо они — его основа. А пассионарность — это неудовлетворенность разных степеней... Пассионарии лишают своих соплеменников покоя, но без них этнос беззащитен. И надо помнить, что «гармоничники», у которых импульс страстей равен инстинкту самосохранения, не могут быть выше или ниже своих соседей, современников и даже жителей разных стран и эпох, потому что в энтропийном процессе нет ни «верха», ни «низа». Этническая системная целостность может быть только сложнее или проще, но к такому делению качественные оценки неприменимы.

Ведь первоначальное усложнение этноса за счет избыточной пассионарности влечет ужасы перегрева (акматическая фаза), травмизм

надлома и постылый покой инерционной фазы. Где же тут «лучше» или «хуже», либо «выше» или «ниже»? Нечем измерять, и неизвестно, что именно измерять, так как неизбежная растрата пассионарности влечет за собой появление субпассионариев — особой с потребительской психологией, антисоциальных и аморальных, ибо их эгоизм, основанный на инстинкте самосохранения, не выходит за рамки рефлекса самоудовлетворения; а коль скоро так, то устранение всех запретов и обязанностей для субпассионария просто логично и детерминировано.

При снижении пассионарного напряжения в этносе возникает стихийная война между гармоничниками и субпассионариями. Если побеждают последние, а так было в Риме III в. и в Китае IV в., идет распад этноса, причем выживают единицы. Если побеждают гармоничники — этнос превращается в реликт, и, если он находится в изоляции, люди живут долго в гармонии с вмещающими ландшафтами, оставаясь храбрыми, сильными, умными, добрыми, удовлетворенными жизнью, но совершенно беззащитными перед хищными, инициативными, алчными и воинственными соседями. Что «лучше» — опять неизвестно. Только усложнение системы биоценоза, в котором этнос — верхнее замыкающее звено, мы вправе назвать позитивным, ибо оно поддается измерению и связано прямо пропорционально с устойчивостью всей биосферы в целом.

Сравнивать в этом смысле даже два этноса между собой уже невозможно, ибо их стереотипы поведения, а значит, и способы адаптации оригинальны и связаны с различными участками земной поверхности — ландшафтами, каждый из которых имеет право на существование. И считать один «выше» другого — нелепо.

Сравнение этносов возможно лишь по возрасту или фазе этногенеза, причем одни этносы старше, а другие моложе, и все. Но ни один из них не вечен, и каждому предстоит пережить, пусть по-своему, но один и тот же жизненный путь, пока его этногенетическое время не остановится. Итак, в этнической истории время неоднородно. Гладкое развитие цивилизации, заполняющей окружающую природную среду искусственными структурами: городами, мощеными дорогами, статуями, полями монокультур и стадами животных, обреченных на гибель от рук своих пастырей, время от времени нарушается взрывами энергии живого вещества биосферы — пассионарными толчками. Эти вспышки жизни, не только иррациональной, но даже антирациональной, ломают оковы сложившихся форм и зачинают новые процессы этногенеза, постепенно кристаллизующиеся в очередных омертвлениях — цивилизациях. Никогда не захватывая всей ойкумены, пассионарные толчки создают этническое разнообразие: сочета-

ние старости с молодостью, военной доблести с духовными озарениями, алчности с расточительностью, любви к природе с отвращением к материальному миру.

Таким образом, пассионарные толчки локализованы как в пространстве, так и во времени, образуя на поверхности Земли сетку однотипных линий (рис. 2). А коль скоро так, то следует интерпретировать историю смены этносов не как прогрессивное развитие, а как серию дискретных энтропийных процессов — возмущений живого вещества антропосферы. И каждое такое возмущение уносит в небытие накопленную этносом культуру, т. е. кристаллизованную пассионарность.

Статистические закономерности этнической истории восходят к пограничному взаимодействию биосферы и социо-техносферы, причем действующими лицами разыгрываемой повсеместно трагедии являются этносы. Чем обобщеннее процесс или сочетание процессов, тем меньше роль отдельных людей и их личных качеств, и наоборот, на субэтнических уровнях значение людей, наделенных разумом и волей, возрастает. Таким образом, этническая история есть продолжение истории биосферы, с поправкой на свободную волю (совесть) людей, проявляющейся в деталях этногенеза, взаимно компенсирующихся на уровне суперэтнических целостностей. Поэтому интерес к деталям исторических событий оправдан: поступки особей, объединенных в консорции, имеют свое значение для судеб отдельных биоценозов и ландшафтов. Важно лишь учитывать масштаб этнической коллизии и не смешивать уровни исследования.

Этнология, как наука о биосферном явлении — этносе, выработала арсенал надежных средств исследования, позволяющих провести реконструкцию самых темных страниц этнической истории. Одной из них является Евразийская степь, народам которой была посвящена наша «Степная трилогия»³⁷ — работа, выполненная как традиционное историческое исследование. Но, завершив ее, автор удовлетворения не получил. Казалось бы, в ней есть все, что необходимо для монографий подобного исторического охвата: обширная библиография, критика источников, анализ отдельных событий и эпох, наконец, не слишком сухое академическое изложение материала, делающее ее чтение не скучным, но... эмпирического обобщения нет.

Да и не могло быть. Для этого автору понадобилось почти на двадцать лет остановить востоковедческие штудии, в результате чего появилась наука об этногенезе и биосфере Земли с ее принципами этнологического исследования, изложенными выше. Пройдя только таким окольным и тернистым путем, мы в состоянии теперь с высоты птичьего полета окинуть Евразийский континент и заметить на нем

широкую ленту Великой степи, которую вот уже около трех тысяч лет населяют народы (этнотсы), чьи взлеты и падения, уже не кажутся чем-то особенным, отличительным от взлетов и падений всех остальных этносов, существовавших и существующих ныне на земле. Мы нашли закономерность феномена этногенеза. Именно она и является, как мы сказали уже, ключом к решению загадок этнической истории. Секрет прост.

Этническая история любого географического региона, какой бы мозаичной она ни казалась, представляет собой переплетение природных процессов трех типов:

1. Процесса адаптации каждого этноса во вмещающем и кормящем его ландшафте. Причем потеря адаптивных навыков необратима: упрощаются, а вернее, искажаются и ландшафт и культура этноса. Механизм связи «этнос – ландшафт» – сигнальная наследственность, она же – так называемая этническая традиция, превращающая этносферу в мозаику оригинальных поведенческих стереотипов.

2. Этногенеза – энтропийного процесса, начинающегося со вспышки пассионарности, образующей новый поведенческий стереотип (этнос), и проявляющегося в последующей ее утрате, что всегда сопряжено с событиями, которые и фиксируют источники.

3. Процесса этнических контактов – взаимодействия этносов между собой, результат которого не всегда нейтрален, но закономерен с точки зрения принципа биполярности этносферы. При этом идеал, т. е. далекий прогноз, желанная цель, формирующая психологическую доминанту не только на персональном, но и на популяционном (субэтническом) уровне, может менять полярность или знак. Это означает смену усложнения этнической системы ее упрощением или наоборот, объективный критерий чего – наблюдаемые (обратимые или необратимые) изменения в ландшафте, биосфере в целом (не смешивать с обывательскими понятиями: «хорошо» и «дурно» и с умозрительными «прогресс» и «отсталость»).

Этот третий тип биосферных процессов особенно важен для темы нашей книги, ибо Евразийская степь постоянно взаимодействовала со своим окружением, особенно в интересующее нас «тысячелетие». В это время четыре пассионарных толчка пересекли Европу и Азию, окружили пространство Великой степи и создали взбаламученное море, которое называется Великим переселением народов и движением викингов – на западной окраине ареала. На Востоке были войны хуннов, тюрков и уйгуров с Китаем, а в середине... но читатель увидит это сам, если прочтет книгу до конца.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 О квантовом времени см.: *Гумилев Л. Н.* Этнос и категория времени // Доклады географического общества СССР. Л., 1970. Вып. 15. С. 143–157.
- 2 См.: *Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы.* Л., 1984. С. 42–57.
- 3 Такое понимание отлично от бытовавшего еще недавно в этнографии: этногенез – происхождение этноса, т.е. процесс, завершающийся с появлением этнического самосознания.
- 4 См.: *Гумилев Л. Н., Иванов К. П.* Этносфера и космос // Материалы второго Всесоюзного совещания по космической антропозологии. М., 1988. С. 211–220.
- 5 Событие в нашем понимании – процесс разрыва этнических связей. В зависимости от таксономического ранга этнической системы: конвиксия (или консорция) – субэтнос-этнос-суперэтнос – можно говорить о масштабе события. Для построения кривой пассионарного напряжения мы выделяем события этнического масштаба: столкновения двух или более субэтнотосов.
- 6 См.: *Налимов В. В.* Вероятностная модель языка. С. 163.
- 7 Там же.
- 8 *Вернадский В. И.* Избранные труды по истории науки. М., 1981.
- 9 Цит. по: *Чечельницкий А. М.* Экстремальность, устойчивость, резонансность в астрономии и космонавтике. М., 1980. С. 174
- 10 См.: *Гумилев Л. Н.* Биосфера и импульсы сознания // Природа. 1978. № 12. С. 97–105.
- 11 См.: *Гумилев Л. Н., Иванов К. П.* Этносфера и космос. С. 211–220.
- 12 См.: *Иванов К. П.* Механизм этногенеза – инструмент исследователя этнокультуры // Проблемы изучения охраны памятников культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 79–80.
- 13 См.: *Калесник С. В.* Проблема географической среды // Вестн. ЛГУ. 1968. № 24. С. 94.
- 14 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 462–463.
- 15 См.: *Вернадский В. И.* Биосфера // Избр. соч. Т. 5. М.; Л., 1960. С. 19.
- 16 См.: *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 257. Ср.: *Стингл М.* Индейцы без томагавков. М., 1971. С. 274.
- 17 См.: *Гумилев Л. Н.* Гуманитарные и естественнонаучные аспекты исторической географии // Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Л.: Географическое общество СССР, 1984. С. 42–57.
- 18 См.: *Дуглас У. О.* Трехсотлетняя война. Хроника экологического бедствия. М., 1975. С. 22.
- 19 См.: *Ленькова А.* Оскальпированная Земля. М., 1971. С. 17 и сл.
- 20 *Дуглас У. О.* Указ. соч. С. 33.
- 21 См.: *Ермолаев М. М.* О границах и структуре географического пространства // Изв. ВГО. 1960. № 5. С. 423–425.
- 22 См.: *Поршнев Б. Ф.* Мыслима ли история одной страны. Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969.
- 23 См.: *Гулыга А. В.* Искусство истории. М., 1980. С. 26.
- 24 См.: Таблица приближений к изучаемому предмету. Вып. 3. С. 228.
- 25 «Римский мир», сменившийся «Христианским», а потом «Цивилизованным» миром.
- 26 Деление истории здесь более совершенное: по эпохам, условно обозначаемым названиями династий.
- 27 Оригинальные сочинения до нас не дошли, но концепция сохранилась в трудах историков X–XI вв.: Табари, Баями и поэта Фирдоуси.
- 28 См.: *Вернадский В. И.* Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 111.

Тысячелетие вокруг Каспия

²⁹ Там же. С. 113.

³⁰ *Вернадский В. И.* Указ. соч. С. 75.

³¹ См.: *Гумилев Л. Н., Иванов К. П.* Этносфера и космос. С. 211–220.

³² См.: *Динцес Л. А.* Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства //Сов. этнография. 1947. № 2. С. 67 – 94; *Городцев В.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве //Тр. Гос. Ист. музея. Вып. 1. М., 1926. С. 7–36.

³³ *Флоренский П. В.* Живой камень памятников //Природа. 1984. № 5. С. 85–96.

³⁴ См.: *Анохин П. К.* Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978. С. 10–11.

³⁵ Там же. С. 20–21.

³⁶ *Анохин П. К.* Указ. соч.

³⁷ См.: *Гумилев Л. Н.* Хунну. М., 1960; *Он же.* Хунны в Китае. М., 1974; *Он же.* Древние тюрки. М., 1967; *Он же.* Поиски вымышленного царства. М., 1970.

II. Образ ойкумены

МЕЖДУ ДВУХ ОКЕАНОВ

Этнология – наука географическая. Поэтому прежде чем устремить свой взор в Евразийские степи, посмотрим весь материк и соседние с Великой степью страны, где в интересующее нас тысячелетие и до него вспыхивали и угасали суперэтноты, сдерживаемые не только силой своих соперников, но и невидимыми на карте географическими рубежами.

Евразийский континент не монолитен. Его четко делят на части природные барьеры. Хотя ареалы этносов не совпадают с физико-географическими районами, но последние все же играют определенную роль. Западный полуостров Евразийского континента, омываемый Средиземным и Северным морями, отделен от холодной Восточной Европы невидимой, но крепкой границей – положительной изотермой января.

Сухие и жаркие области Переднего Востока и Северной Африки тоже являются ландшафтной целостностью, ограниченной с юга Сахарой, а с востока пустынями Средней Азии. Среднее, но вполне независимое положение занимает гористый район, тянущийся от Адриатического моря через Малую Азию до Закавказья. На стыке этих трех больших регионов постоянно возникали этнические контакты.

В Испании и Сицилии романо-германский суперэтнос смыкался с арабо-берберским, и там веками шла постоянная война креста с полумесяцем.

В Малой Азии, на Крите и в Закавказье византийское православие неустанно боролось с воинственным исламом, причем никто из них не мог достигнуть решающего успеха.

В Южной Италии и на берегах Адриатического моря православные и католики, задолго до разделения церквей, оспаривали друг у друга земли, которые каждая из сторон считала своими. Южную Италию временно захватили мусульмане — берберы, так же как и Крит, а единый югославянский этнос был разорван на православную Сербию и католическую Хорватию. Но не догматы религии, а этнопсихологические настроения оспаривали друг у друга господство над Средиземноморским бассейном.

Мусульманский суперэтнос и связанная с ним культура на восточной своей границе наткнулась на горцев Гиндукуша, оставшихся огнепоклонниками, и на степных кочевников. Она замкнулась здесь на естественных границах ландшафтных регионов.

Ограниченная высокими горами и жаркими пустынями Индия справедливо рассматривается как полуcontinent. Однако области Пенджаба и Синда уже в XII в. стали зонами контактов между индийцами, арабами, афганцами и тюрками. Природные барьеры не спасли Индию от вторжения иноземцев.

Субтропический, обильно увлажненный Китай отделил себя от сухой, холодной Великой степи Великой стеной, которая часто лежала в развалинах, но считалась естественной границей между двумя суперэтносами.

И наконец, внутренняя часть континента, Евразия в узком смысле слова, простиралась от Китайской стены до Карпат, включая степную, лесостепную и лесную зоны. Здесь районами контактов были: венгерская степь на западе и Западная Маньчжурия на востоке. На юге к этому региону можно причислить Тибетское нагорье и Семиречье, а Среднеазиатское междуречье рассматривать как район контактов.

Центральная часть Великого Евразийского континента только на первый взгляд кажется бесплодной и дикой страной, не приспособленной для развития самостоятельной культуры. Граница на востоке с древней культурой западноевропейского полуcontinenta Великая степь ограничена с севера непроходимой тайгой, а с юга горными хребтами. Эта географическая целостность, населенная разнообразными народами с разными хозяйственными навыками, религиями, социальными учреждениями и нравами, тем не менее всеми соседями ощущалась как некое единство, хотя содержание доминирующего начала ни этнографы, ни историки, ни социологи не могли определить.

И это не было случайным. Еще в первой половине XX в. само существование этнографических целостностей подвергалось сомне-

нию, так как наука еще не нашла аспекта, позволявшего их воспринимать как реалии. Но и не замечать их было нельзя, и тогда сложились такие абстракции, как «Запад» и «Восток» (бессмысленность их показал Н. И. Конрад), или «Лес и Степь»², или «желтая и белая расы»³.

Действительно, деление материала на два раздела всегда упрощает задачу, но далеко не всегда ведет к правильному решению. По сути дела классификатор неосознанно применяет обычный этнический принцип: «мы» и «не мы», лишь абстрагируя его в соответствии с требованиями академической подачи. Но мы обязаны отрешиться от этого примитивного аспекта и исходить не из двоичной системы отсчета, а из реального наличия этноландшафтных регионов, которых оказалось шесть, и из смены суперэтносов, которых еще больше. Поэтому мы изменили ракурс и рассматриваем Евразийский континент не из того или иного угла, а сверху. Это позволяет нам установить соразмерность этногеографических регионов.

Люди, жившие в этих регионах, различались не только языками, обычаями и учреждениями, но отношением к природе и истории, к жизни и смерти, к добру и злу. Посмотрим, как. В многочисленных первоисточниках мы не найдем ответа на то, что интересует нас, ибо их авторы писали для других читателей. Однако, наряду с разноречивыми и эмоционально насыщенными традициями, мы имеем в поле зрения массу немых фактов, объяснение коих — наша обязанность. Отчасти это затрудняет исследователя, отказавшегося от оценок, подсказываемых ему предшественниками. Но разве наука — это пересказ чужих знаний? Разве в естественных науках, где нет словесных сообщений, а только немые, невозможны обобщения? И разве только углубление в предмет дает познание, а расширение диапазона ведет к поверхностности?

Системный подход, давая возможность широких обобщений, отнюдь не мешает точности изучения деталей. Так, на пейзажах старинных мастеров второстепенные фигуры только кажутся цветными пятнами. Будучи увеличены путем фотографии, они представляются перед зрителем как законченные, вырисованные до мелочей. Все на них верно, но в композицию они входят лишь настолько, насколько они нужны. Этим приемом мы и собираемся воспользоваться.

Однако ограничиться только географическим районированием было бы недостаточно. Время столь же неравномерно, как и пространство. В разные эпохи границы этносоциальных регионов менялись, равно как и антропогенные ландшафты, вмещающие этносы.

Например, такое столь естественное для нас понятие, как «Европа», в I в. было бессмысленно. «Римский мир» включал в свою целостность Африку севернее Сахары и Ближний Восток до Евфрата, а в

Европе был ограничен Рейном и Дунаем. Германия, Сарматия и Фенния находились за пределами этого этносоциального региона.

Через тысячу лет границы «Европы» изменились. Добавились Германия между Рейном и Эльбой, но отпали Испания, кроме Астурии и Наварры, Северная Африка и Балканский полуостров. А к началу XVII в. у Европы появилось заокеанское продолжение. И весь этот процесс протекал в так называемом «историческом времени».

Уяснить сходства и различия этих этносоциальных регионов можно путем сравнения их друг с другом и путем изучения характеристик их взаимодействия. Но синхронные сравнения бессмысленны, так как этнические процессы дискретны. Это значит, что следует сравнить явления диахронно: начало процесса одного этногенеза с началом другого, середину с серединой, конец с концом, даже если эти фазы у разных этносов имели место в разных столетиях⁴.

Ведь никому не приходит в голову удивляться, почему юноша сильнее старца или ребенка, но при анализе межэтнических коллизий это обстоятельство всегда упускается из виду, что неизбежно ведет к недоумению. Так, но откуда начинать мерить? При старой методике найти точку отсчета невозможно, при нашей — это пассионарный толчок, зачинающий этногенетический процесс. Таким образом, естествознание дало истории скелет, необходимый для обобщений.

Поскольку мы избрали главным объектом исследования Великую степь, то естественно, что другие страны Евразийского континента предстанут перед исследователем в своеобразных ракурсах и степенях приближения. Это неизбежно, но отнюдь не беда: фон на любой картине выглядит более обобщенно, нежели центральное изображение. Воспользуемся же изложенным географическим принципом для того, чтобы очертить рамку вокруг сюжета хуннской трагедии, протекавшей в III в. до н.э. — XII в. н.э.

За пределами этой рамки окажутся Индия, Индокитай, Корея и Япония, циркумполярные области и Африка южнее Сахары. Нельзя сказать, что этногенезы в этих странах совсем не отражались на интересующем нас регионе, но воздействие их было столь слабо, что этой величиной можно пренебречь.

ПОЧЕМУ КИТАЙЦЫ НЕ ПРОНИКЛИ В ЕВРОПУ?

Странно, что никто до сих пор не поставил этого вопроса. Если исходить из банального восприятия истории, согласно которому развивающаяся культура при демографическом росте должна расширяться, подавляя разрозненные племена, то удивительно: почему ки-

тайская агрессия эпохи Хань (II в. до н. э.) и эпохи Тан (VII–VIII вв.) захлебнулась, да столь трагично, что после них Северный Китай дважды попадал в руки степных народов Сибири и Дальнего Востока. А ведь Китай, объединенный в III в. до н. э. первым императором династии Цинь — Ши-хуанди, имел армию в 20 раз большую, чем у племенного союза Хунну, и в таком же соотношении были военные силы империи Тан и Тюркского каганата. Экономика в земледельческом Китае была неизмеримо более развита, чем в скотоводческой державе Хунну. Культура эпохи Тан — это одна из кульминаций мировой культуры, и недаром Н. И. Конрад почтил ее названием «Китайского Возрождения». Правильно это его определение или нет — здесь мы разбирать не будем; в любом случае — это комплимент китайской цивилизации.

Подробный ответ на поставленный вопрос содержится в нашей «Степной трилогии», что дает нам право в этой книге ограничиться кратким резюме.

В истории Срединного государства, которое мы называем Китаем, были такие же взлеты и падения, как и во всех других краях ойкумены. Они хронологически не совпадали с пассионарными толчками Средиземноморья и Великой Евразийской степи, что крайне перспективно для понимания глобального этногенеза.

В этнической истории Китая, как и в прочих случаях, следует учитывать два параметра: пространственный и временной. Первый определяется условиями адаптации к региону с четкими ландшафтными и климатическими условиями. В данном случае — это область между двумя великими реками: Хуанхэ и Янцзы, обильно орошаемая тихоокеанскими муссонами, с климатом настолько теплым, что на юге региона, южнее хребта Циньлин, не выпадает снега. Джунгли к югу от Янцзы мало отличаются от прародины китайцев, и потому в течение всего исторического периода распространение китайского населения на юг шло беспрепятственно.

Иное дело на западе и севере. На западе лежит Тибет, нагорье холодное, с разреженным воздухом, дышать которым без привычки трудно, и с вечными снегами на вершинах гор. На севере — бескрайние пустыни: Гоби, Алашаньская, Такла-Макан — с сухими травами, тамариском и деревьями только на горных склонах. Обе страны для китайского населения Срединной равнины были непривлекательны; поэтому древние китайцы заселили только цепь оазисов на склонах Наньшаня и, по временам, осваивали Люкчунскую впадину, лежавшую ниже уровня океана и имевшую особый микроклимат. Но даже и тут обитатели Великой степи вытеснили китайских колонистов и освоили Турфанский оазис для себя. При несхожести

географических условий обратная связь этноса и ландшафта становится особенно жесткой.

Не менее важна хронологическая последовательность витков этногенеза. Их известно три: архаический, древний и средневековый. Возможно, что в XVIII в. начался новый виток, но утверждать что-либо невозможно из-за аберрации близости и сложности хода событий маньчжурским завоеванием XVII века.

Начало архаического витка в китайской истории датировано 2033 г. до н. э., но это не достоверно. Конец его, по тем же данным, — в 1066 г. до н. э. Последняя дата уточнена — 1027 г. до н. э., т. е. около 1000 лет, — нормальный срок затухания пассионарного импульса. Древний период известен лучше. Начался он с завоевания царства Шан племенем Чжоу, империя коих распалась на 1855 княжеств. С 842 г. до н. э. завоеватели и аборигены, уже слившиеся в единый суперэтнос, политически и культурно раздробленные, вступили в фазу подъема. Она выразилась в укрупнении удачливых государств (Го) и повальном истреблении побежденных. Это, естественно, вело к этнической нивеляции, и к 403 г. до н. э. осталось всего 7 этносов, находившихся в постоянной войне друг с другом. В пролитой крови остывала пассионарность системы. Победа царства Цинь (221 г. до н. э.) и последовавшие за ней казни побежденных снизили энергетический уровень оскудненного этноса.

Однако у китайцев хватило сил, чтобы сбросить жестокий режим Цинь, и в 202 г. до н. э. началась инерционная фаза этногенеза — эпоха Западной Хань. Это был экономический и культурный расцвет, сопряженный с неуклонной потерей пассионарности. Обскурация наступила в конце II в., а в 265 г. к власти пришли «солдатские императоры» — Цзинь и погубили страну и государство, отдав их на разграбление северным и западным варварам, захватившим север страны в 318 г. На юге агония длилась до 420 г., а после территория бывшей великой империи превратилась в мешанину из 29 племен, враждовавших друг с другом.

Новый пассионарный толчок проявился в VI в. (555) и положил начало средневековому «Китаю». В фазе подъема выкристаллизовались два новых этноса: окитаенные тюрки — династия Тан и китайские шовинисты — династия Суй (581–617) и Сун (960–1279). Первые одерживали победы — «танская агрессия» — и насаждали в стране мировую культуру, вторые — путем казней, интриг и народных восстаний подрывали мощь правительства, которое они считали инородным. После нескольких жутких кровопролитий шовинисты победили, и снова началась инерционная фаза, прерванная завоеванием Китая монголами.

У китайского этноса хватило сил для победы над немногочисленными завоевателями. Регенерация – империя Мин – продолжалась с 1368 по 1683 г., но конец этого периода составляла фаза обскурации, что и позволило маньчжурам покорить Китай. А ведь китайцев было в 300 раз больше, чем маньчжуров!

Итак, не только изобилие людей и средств обеспечивает военно-политический успех и удачные завоевания. Процессы этногенеза тоже играют не последнюю роль. И мы смело можем сказать, что попытки Китая овладеть Азией были уничтожены самими китайцами, хотя они о последствиях своих поступков совсем не помышляли.

Китай в древности был не монолитом. Его раздирали противоречия между этническими и субэтническими системами. Китайцы слишком часто обращали оружие против своих соплеменников и малых этносов, входивших в империи Хань и Тан, и массами гибли в гражданских войнах. Их энергия погашалась внутри суперэтнической системы. А ведь китайская армия была вооружена лучше даже римской.

Столкновение римлян с китайцами произошло неожиданно для обеих сторон.

В 36 г. до н. э. отряд ханьцев, преследуя хуннского князя, натолкнулся около города Талас в современном Казахстане на странных воинов, которые сдвинули большие четырехугольные щиты, выставили короткие копья и пошли в атаку на китайцев. Те удивились, посмеялись и расстреляли сомкнутый строй из тугих арбалетов. По выяснении оказалось, что побежденные были римскими легионерами, из легиона, сдавшегося парфянам при Харране, где погиб триумвир Красс. Парфяне перевели пленных на свою восточную границу и при первой же надобности отправили их выручать своего хуннского друга и союзника. Какое счастье, если подумать, что китайцы не добрались до Европы на рубеже нашей эры! А ведь могли, если бы их не задержали хунны, главный противник империи Хань.

Второе столкновение Востока и Запада произошло в 751 г. в той же Таласской долине. Танское (китайское) войско явилось туда по мольбе жителей страны Согд в современном Узбекистане, нещадно ограбляемых арабами. Бой на равнине шел три дня и был решен тюрками-карлуками, стоявшими неподалеку и державшими нейтралитет. Подумав, карлуки решили, что китайцы все же хуже арабов, и ударили на их фланг. Китайцы победили.

По иронии судьбы китайский полководец Гао Сянь-чжи не понес наказания за проигранное сражение и потерю Согдианы. Он остался при дворе и служил империи Тан в последующих войнах, а араб, победитель и герой Зияд ибн Салих, был вскоре казнен как политически неблагонадежный. Но так или иначе, Средняя Азия стала мусульман-

ской провинцией. А Срединная Азия, оккупированная Китаем при династии Тан, истребившей тюркютов, вернула независимость. Там возник Уйгурский каганат, разрушенный енисейскими кыргызами в 841 – 847 гг.

После этого Китай ослабел и к X в. утратил все владения севернее Великой стены. На северо-западной границе Китая возникла тангутская империя Си-Ся, а на северо-восточной – киданьская, принявшая китайское имя Ляо. Они отделили Китай от Великой степи.

Итак, именно тогда, когда Китай обладал силой и мощью для завоевания Азии и установления Pax Sinica, хунны и тюрки, а еще раньше жуны и ди, а позже монголы остановили агрессию Китая на Запад. И в этом – заслуга степных народов перед человечеством. Начиная с У-ди (140 – 87 гг. до н. э.), императоры династии Хань стремились создать мировую империю путем завоевания соседних народов, которых китайцы считали варварами, и насаждения в их среде китайской культуры, а следовательно, и власти. За истекшие 2000 лет китайцы, проникая в северные страны, вели себя в них как завоеватели, т. е. жили не за счет ресурсов природы, а за счет местного населения. Иными словами, они не занимались ни кочевым скотоводством, ни охотой, а взымали шкуры и меха как дань с местных жителей, чем подрывали их хозяйственную систему, основанную на балансе потребностей с природными ресурсами. Эта экономическая политика была откровенно хищнической. Она разрушала природные ландшафты, питавшие степные племена, которые, видя это, всеми силами сопротивлялись иноземным вторжениям. Но остается неясным, почему им это удавалось.

ТУРАН И ИРАН

И если Китай был антиподом Степного мира и его злейшим врагом на востоке, то на западе кочевникам среднеазиатских степей противостояла в начале нашего «тысячелетия» Древняя Персия. Однако события здесь развивались совсем по-другому, нежели на Дальнем Востоке.

Древние персы, покорив на западе Вавилон, Малую Азию, Сирию и Египет, а на востоке Согдиану и часть Индии, рассматривали себя как мировую империю – Иран, противопоставлявший себя Турану. Иран и Туран населяли близкородственные племена арийцев. Разделяла их не раса или язык, а религия.

Инициатива разделения древнеарийской культурной целостности приписывается пророку Заратустре, жившему в VI в. до н.э. и проповедовавшему монотеизм, почитание Ахурамазды («мудрого владыки») вместо пантеона арийских богов – дэвов, тех самых, которых эл-

лины помещали на Олимпе, а германцы – в Валгалле. Помощники Ахурамазды – ахуры эквивалентны эллинским гигантам и индийским асурам – врагам дэвов. Мифология и космогония в новом исповедании оказалась перевернутой на 180°.

Новую веру приняли далеко не все. Даже в Иране она возобладала не сразу. Но все арийцы, которые сохранили верность древним богам, стали туранцами, а сторонники Заратустры – иранцами. Так совершилось разделение на Иран и Туран.

Персидские цари покровительствовали учению Заратустры. В Туране, под которым понималась Средняя Азия и современный Афганистан, почитали не Ормузда, а дэвов.

Победа Александра Македонского над персами оказалась неожиданно легкой, а его царство, казалось, имело блистательное будущее, но...

В то же III столетие до н. э., когда династия Цинь устанавливала в Китае единодержавие, а среди северных варваров появились хуннские богатыри, героически отстаивавшие от циньцев родную землю, на западной окраине Великой степи начались войны не менее жестокие и кровавые.

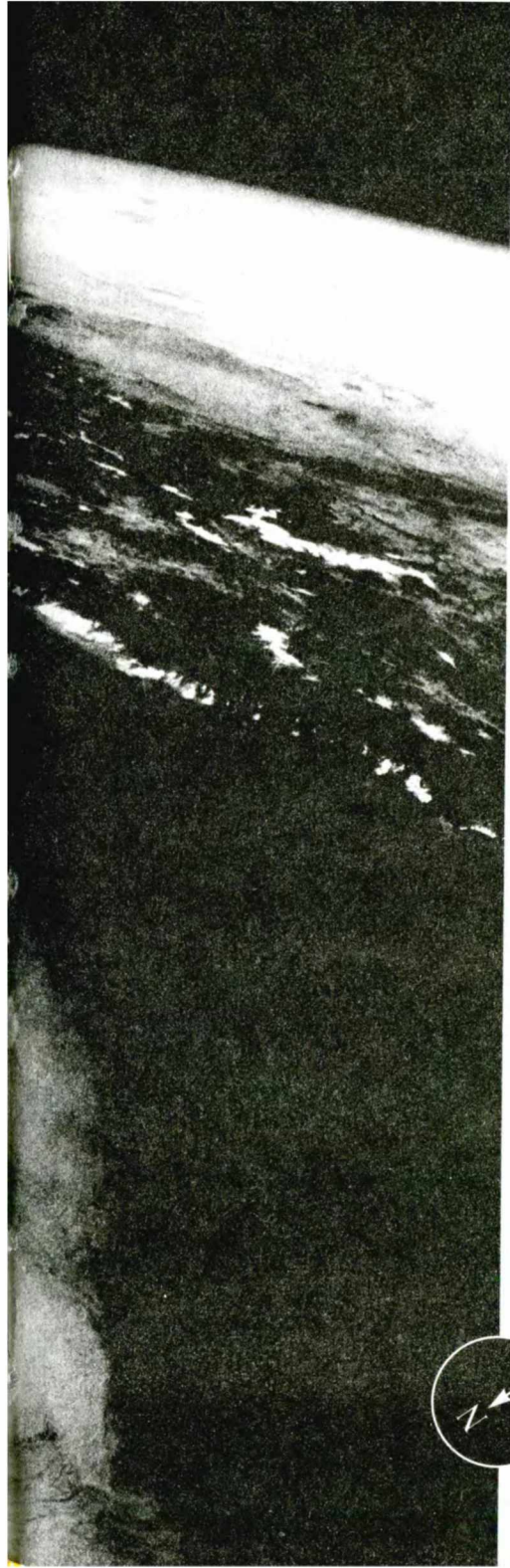
Кочевники-сарматы вторглись в Скифию и убивали там всех, кого могли настичь. Это было не завоевание, а война на истребление, но трудно объяснить, чем было вызвано такое ожесточение. Скифы и их подданные спаслись только в Крыму и на окраинах страны: в буковых и грабовых лесах Поднепровья и в прибрежных джунглях, окаймлявших Терек и Сулак. И тогда же, в III в. до н.э., родственные сарматам парфяне под предводительством сака (скифа) Аршака выгнали из Ирана македонян и основали на месте разрушенной Александром мидо-персидской монархии собственное царство. Так в степи началась новая эпоха, и цвет времени сменился.

Во II в. до н. э. парфяне захватили Вавилонию (141 г. до н. э.), в I в. до н.э. нанесли поражение римлянам (53 г. до н.э.) и затем удерживали западную границу до самого падения династии.

Парфия была страной феодальной и либеральной. Во главе стояли четыре царские фамилии Пахлавов, ниже – семь княжеских родов, 240 дворянских семей и дехканы – бедное дворянство, обязанное служить в войске. Еще ниже – купцы, городские ремесленники и крестьяне, а еще ниже – рабы. Кроме этого в городах были колонии христиан и иудеев, а в горах и степях – разнообразные племена, каждое со своими верой, обычаями и порядками. И все ведь уживались, не мешая друг другу.

Туранцы-парфяне, отбив Иран у Селевкидов, не могли не рассеять свой генофонд по популяции. Они пропитали своими пассионарными

*Черное море
тяжелой впадиной
вдавлено в Кавказ
и в побережье Грузии.
Начало шторма
у Новороссийска.
Устье Риони
в тумане. Гряда
Кавказских гор.
В самом верху слева —
там, где
заканчивается
Кавказский хребет,
у Талышских гор —
Каспий. Видны начала
двух десятков рек,
скатывающихся
со склона Кавказа
в половецкую степь,
в Россию.
Черное и Каспийское
моря встречаются
одновременно
в одном космофото
объектов на Земле.*

*Мангышлак.
Выступ Западной
Азии в Каспийском
море.
Кристаллическая
поверхность.
Залив
с тюленьими
островами, мыс
Тюп-Караган.
Внизу у небольшой
косы атомный город
Актау,
или Шевченко,
с опреснителем
морской воды.
Побережье Каспия —
начинающийся
нефтяной Кувейт
2000-х годов.*

генами Иран (что очень легко при полигамии), тем самым втянув персов в свой туранский суперэтнос, не по культурным традициям, которые сами парфяне заимствовали у персов, а по фазе этногенеза и исторической судьбе.

Но коль скоро так, то приходится подвергнуть сомнению персидскую традиционную версию истории Ирана, по которой парфянский период почти игнорировался, а Ахемениды рассматривались как предки Сасанидов. Эта версия весьма патриотична, но ведь Кир и Камбиз были царями города Аншана в Эламе, а Дарий и его потомки правили огромной страной с вялым, усталым, но многочисленным населением, в котором персы буквально тонули. Этим и объясняется внезапный успех похода Александра и гибель персидской державы в 330 г. до н. э.

Закономерность этногенеза заставляет отвергнуть еще один миф, подобный тем, согласно которым Византия – второй Рим, а Москва – третий. Наивное стремление удревнить свою систему не что иное, как обывательская тяга – к бессмертию вопреки законам природы; и персы не были исключением.

Перейдем к анализу этнической истории Ирана, точнее, парфяно-персидской этносоциальной системы и ее фаз. Первые 200 лет (259–53 гг. до н. э.) – фаза этнического подъема.

Второй период – акматическая фаза (50 г. до н. э. – 224 г. н. э.) – характеризовался разнообразием культурных влияний, династическими войнами и отказом от эллинизма ради зороастризма. Но эта смена век не спасла династию Аршакидов. Для персов они оставались туранцами, чужаками и захватчиками, и ослабление, закономерное в надломе, дало успех аборигенам, среди которых пассионарные парфяне рассеяли свой генофонд.

В 224 г. один из семи князей, Арташир из Парса, потомок Ахеменидов, при поддержке мобедов зороастрийского духовенства и местных дехканов разбил войско парфянского царя Артабана V и в 226 г. короновался шахиншахом Ирана. Он основал династию Сасанидов и новую империю, включавшую в себя собственно Иран, Афганистан, Белуджистан (покоренный как будто несколько позже), Мерв, может быть, Хорезм и Ирак⁶. С этого времени ведет начало «союз трона и алтаря». «Чистая религия» была объявлена государственной, и «идолопоклонство» (то есть племенные культы) подвергнуто гонению⁷. Сабейзм, гностицизм, греческий политеизм, халдейский мистицизм, христианство, буддизм и митраизм должны были склониться перед религией Авесты. Проповедь гностика Мани, позволенная при Шапуре I, в 241–242 гг., закончилась казнью мыслителя в 276 г. Только иудейство не подвергалось гонению, потому что евреи были искрен-

ними врагами Рима, с которым Иран вел постоянные войны. Инерционная фаза, связанная с Сасанидами, продолжалась до 491 г.

Шах Кавад (488—531) унаследовал сложную этносоциальную систему, которую его предки старательно поддерживали. Три знатных парфянских рода, уцелевших после восстания Арташира: Карены — в Армении, Сурены — в Хорасане и Михраны — в Кавказской Албании, — были опорой престола. Мобеды — жрецы и дабиры — писцы составляли интеллектуальную прослойку. Азады («свободные») служили в коннице. Четвертое сословие платило налоги, обрабатывая землю и разводя скот.

Но чтобы поддерживать эту систему, осложненную наличием малых этносов: дейлемитов, арабов, саков, иудеев, албан, иберов, армян, христианских общин несторианского и монофистского толков, митраистов и гностиков, требовалась постоянная трата пассионарности; однажды ее перестало хватать. Стихийные бедствия: засуха, недород, налет саранчи — вызвали в 491 г. беспорядки, и тогда фаворит шаха, визир Маздак, предложил свою программу, состоявшую из двух частей: философской и экономической. Маздак полагал, что царство света и добра — это сфера воли и разума, а зло — стихийности и неразумия. Поэтому надо построить мир разумно: конфисковать имущество богатых и раздать его нуждающимся. Поскольку «нуждающихся» выбирал сам Маздак, то понятно, что в короткое время к существовавшим группам населения (консорциям) добавилась еще одна — маздакиты, то есть желавшие жить за казенный счет, пополняя казну конфискациями.

Эта программа встретила сопротивление, особенно — изъятие женщин из гаремов, а недовольство повлекло казни, причем гибли знатные люди, составлявшие конницу — основную силу персидской армии. Так началось упрощение этносоциальной системы Ирана.

В 529 г. царевич Хосрой произвел новый переворот, казнил Маздака, лишил престола своего отца Кавада и перевешал за ноги маздакитов. Но восполнить потери было невозможно. Нечем было даже награждать участников переворота, лишившихся своего имущества, растраченного Маздаком и его приверженцами. Шах мог предложить им службу в армии за поденную плату... и тем пришлось согласиться, чтобы не нищенствовать. Так в Персии сложилась постоянная армия, а шах стал солдатским императором. Началась фаза этнической обскурации, то есть сокращение числа элементов, составляющих этносоциальную систему.

Последние 120 лет протекали трагично. Регулярная армия одерживала победы над греками, эфиопами и тюркютами, но она же оказалась соблазном, повлекшим губительные последствия. Двенадцать

конных полков были единственной реальной силой в Иране, и сын Хосроя, Хормизд (579–590), опираясь на армию, довершил дело Маздака: за десять лет он казнил 13 000 вельмож и мобедов. Отпали арабы Двуречья, дейлемиты отказали в покорности, оскорбленный спахбед (воевода) Бахрам Чубин восстал, а вельможи Биндой и Бизам, чтобы избежать смерти, убили Хормизда⁹.

Бахрам стал шахом, но византийская интервенция вернула престол Хосрою II, оплатившему грекам истребительной войной (604–628). Но коллизия повторилась. Шах пожелал убить победоносного полководца Шахрвараза, а был убит сам своими приближенными, при поддержке несториан. А после этого началась чехарда шахов, пока на престоле Ирана не оказался Йездегерд III. Этот быстро проиграл войну с арабами, бежал в Мерв, не был впущен в город, а зарезан мельником, у которого вздумал переночевать (651). Иранского государства не стало.

Халиф Омар, завоевав Персию, стремился не обратить персов в ислам, а собирать харадж и ажизы — налог на иноверцев. Чтобы воспрепятствовать чрезмерному обращению, он запретил мусульманам владеть землей на завоеванной территории. Поэтому богатые землевладельцы сохраняли и землю и религию, платя высокие налоги. Зато бедняки и дехканы, не дорожившие своими клочками земли, охотно переходили в ислам и получали высокооплачиваемые должности, например — сборщиков податей. Поэтому большая часть персов добровольно стала мусульманами, а богатые интеллигенты эмигрировали в Индию¹⁰. Так Иран стал мусульманским, притом искренне. Поэтому в дальнейшем он будет фигурировать в разделе «мусульманского суперэтноса».

МЕЖДУ ИРАНОМ И КИТАЕМ

Итак, за три века перед рубежом н. э. в Туране, как и в соседнем Хунну, одновременно шел подъем жизнедеятельности и повышенной активности, то есть наблюдался пассионарный толчок. В III в. до н. э., когда появились хунны, сарматы и парфяне, было его проявление, а начало, видимо, падает на середину IV в. до н. э. Уже в 307 г. правители княжеств Чжао и Янь вынуждены были соорудить против хуннов пограничные укрепления¹¹. Совпадение не случайно и позволяет нам хотя бы примерно определить ось пассионарного толчка. Видимо, она проходила по Южной Монголии, Джунгарии, Средней Азии и выклинивалась у восточного берега Каспия — севернее склонов Копет-дага, откуда начинают свой взлет туранцы — парфяне и сарматы.

С толчком III в. до н. э., условно названным нами хунно-сарматским, совпадает и возвышение Кушанской империи, больше связанной с завоеванной кушанами Индией. И хотя хронология кушан почти не известна, общий ход их этногенеза синхронен парфяанскому, очерченному выше. Одновременно с гибелью царского рода Аршакидов в 225 г. умирает последний великий царь кушанов – Васудэва и его империя распадается на части¹² – надлом. При Сасанидах кушанские князья не были лишены своих владений: на Иранском плоскогорье они лишь признали власть шахиншаха, а в Пенджабе просуществовали до V в.¹³ Наместник восточной границы с титулом «кушаншах» сидел в Балхе и следил за тем, чтобы не отлагались покоренные и не объединялись независимые варвары – хиониты в низовьях Сырдарьи и горные эфталиты Памира и Гиндукуша¹⁴ – инерция.

Но был еще один народ туранского мира, известный только под китайским именем.

Оно известно – юечжи, этнос, появившийся на северо-востоке с хуннами, а на юго-востоке с царством Цинь. Согласно китайской географии того времени, во владении юечжей находились пустынные земли между Ордосом и оазисом Хами¹⁵, но, по-видимому, эту территорию они просто захватили, имея базой богатую пастбищами Западную Джунгарию¹⁶, к которой с севера примыкает Монгольский Алтай. Во II в. до н. э. хунны вытеснили юечжей из Джунгарии и Семиречья (165 г. до н. э.). Юечжи ушли в Бактрию и поселились там на развалинах разрушенного ими Греко-Бактрийского царства (141–128 гг. до н. э.). Все это установлено с достаточной точностью, но непонятно, почему в среднеазиатских источниках название «юечжи» не только отсутствует, но даже не имеет ираноязычного аналога. Все попытки отождествить юечжи с каким-нибудь народом, известным в Средней Азии или Иране, например, тохарами, потерпели неудачу, хотя династия кушанов, основанная потомками юечжей, хорошо известна под этим самоназванием.

На эту запутанную проблему проливает свет небольшая работа Бертольда Лауфера «The Language of the Jue-chi or Indo-Scythians» [Chicago, 1917. 14 p.], изданная в виде брошюры тиражом в 500 экз. без цены и не попавшая в поле зрения европейских ориенталистов, видимо, из-за событий конца мировой войны, а позже утонувшая в библиографическом океане. Автор этой работы выписал ее фотокопию, которая ныне хранится в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Б. Лауфер проанализировал пять юечжийских слов, сохранившихся в записях династии Хань, и пришел к выводу, что эти слова принадлежали языку североиранской группы. Шестое слово – юечжи – он восстановил с учетом особенностей древнекитайской фонет-

тики, как *sgwied-di*, и сопоставил его с хорошо известным названием *Sogdoi*, т. е. Согд, причем приставку *di* истолковал как суффикс множественного числа по аналогии с осетинским, скифским, согдийским и ягнобским языками, отметив отличия этой группы от тохарского языка, более близкого к западноевропейским и, следовательно, далекого от иранских¹⁷.

Соображения Лауфера следует признать верными, потому что им соответствует все, что нам точно известно о юечжах, и становится понятным то, что вызывало недоумение. Народ, победивший бактрийских греков, потому и не назван нигде особо, что он назывался «согды», так же как и оседлое население Среднеазиатского междуречья. На границу Китая они попали вследствие того, что их экспансия дошла до Хунанхэ, а отброшенные хуннами, они вернулись на свою родину, где и навели порядок, покончив с последствиями македонского завоевания. Надо полагать, что Южный Алтай был захвачен ими еще раньше, в то время, когда Туран, почитавший древнего бога Митру, боролся с Ираном, принявшим учение Заратустры. Открытые С. И. Руденко погребения в вековой мерзлоте ныне считаются юечжийскими¹⁸.

глухой угол

Обычно как точку отсчета выбирали мировой город, например Рим, или могучую империю: Хань или Арабский халифат. Но так ли уж это обязательно? Для нашей цели — обозрения этногенеза хуннов на фоне этнической истории Евразийского континента — удобнее взять нейтральную географическую пусть даже не точку, а регион, откуда бы мы могли обозреть с равной степенью точности Восток и Запад, северные и южные окраины ойкумены. Такой точкой для континента являются берега Каспийского моря, но не все, а только северные берега. Дело в том, что южные, юго-западные и юго-восточные побережья Каспия гораздо больше связаны с внутренними регионами: Ираном, Азербайджаном и Согдианой, или, короче говоря, с царством Сасанидов (224–651) и Халифатом (632–1258), о котором пойдет речь ниже. Для тех и других прикаспийские области были далекой окраиной, мало влиявшей на судьбу этих великих держав.

Южное побережье Каспийского моря отличается от Персии даже климатом. Персия засушлива, Гилян и Мазендеран, отделенные от Иранского нагорья хребтом Эльбурс, изобилуют влагой. Ручьи, ниспадающие с гор, образуют мургабы — лиманы со стоячей водой, отделенные от моря мелями¹⁹. Вода в этих лиманах загнивает, и доступ к открытому морю затруднен.

Древнее население этой страны – кадусии не подчинялись ни ахеменидскому, ни македонскому, ни сасанидскому правительству. Племена их не были арийскими, подобно тому как баски удержались в Пиренеях, пережив кельтов, римлян, арабов и кастильцев, так и они удержались на склонах Эльбурса. Хотя племен там было много, но политическое господство принадлежало дейлемитам, которых ныне нет, так же как нет их соседей – гирканцев.

К востоку от Дейлема, ныне называемого Гилян, лежат области Мазандеран (Табаристан) и «волчья страна» – Гурган. Они покрыты цветущими лугами и лесами, благодаря изобилию осадков; родина самых смелых воинов, которые удерживали арабский натиск до 717 г., но и после того поставляли соседним странам наемников, весьма ценившихся за храбрость и боеспособность. Севернее Гургана располагались аридные степи, о населении которых пойдет речь ниже.

Дейлемиты и гирканцы умели сохранять фактическую самостоятельность до XI в., но не долее. Как все гомеостатические этносы, они жили в тесном контакте с вмещающим ландшафтом, а покидая его, они исчезали. И не то чтобы эти смелые воины дали себя истребить противникам. Нет, они умели постоять за себя. Их стубили не поражения, а победы!

В X в. дейлемиты воспользовались разложением Халифата. Их войска вышли из своей негостеприимной страны и овладели Западной Персией, Азербайджаном и даже Багдадом, превратив халифов в своих марионеток. Это им удалось потому, что в Багдадском халифате уровень пассионарности упал ниже нормального гомеостатического равновесия. В торговых центрах арабского мира численно преобладали субпассионарии, а те пассионарии, которые еще остались, становились карматами или исмаилитами, т. е. обретали отрицательную доминанту и создавали антисистему. Соперниками дейлемитов были только тюрки, мигранты, выходцы из степей Средней Азии. Тюрки-сельджуки победили дейлемитских пассионариев, а дейлемитские субпассионарии утеряли древние традиции, и Дейлем превратился в персидскую область – Гилян.

ОКОЕМ

В отличие от южного берега Каспийского моря северный берег – страна без четких географических границ. Низовья Волги, текущей в глубоком каньоне, окружены на западе ровной и бесплодной суглинистой степью, а на востоке – высокими песчаными барханами, которые ветер перемещает чуть ли не каждый год. Как ни странно, на

песчаных барханах есть животные – ядовитые змеи и скорпионы, а коль скоро так, то там есть и растительность – возможность для скотоводства, несколько иного типа, чем на равнинах Правобережья²⁰.

Южнее излучины Волги, западнее современного Каспия, лежит страна озер, или «подстепных ильменей». Вода в них горько-соленая, и, по-видимому, население этой страны было очень редким. Еще южнее лежит равнина, называемая Черные Земли, ибо зимой тонкий снежный покров мешается с пылью и бывают черные вьюги. Эта степь с юга ограничена Терекем, который даже в нижнем течении внушает пусть не страх, но уважение. Как многие широтные реки, Терек намыл себе высокую дамбу и иногда размывает свой берег. Тогда масса воды и сланцевого щебня, ею поднятого и принесенного с гор, устремляется на соседнюю долину, покрывая гумусный слой галькой и песком. Это – «прорва», беда прекрасной Терской равнины; но спастись от нее нетрудно: вода разливается медленно, и скот спокойно уходит в предгорья²¹. Здесь жили предки хазар.

Устья рек, впадавших в Каспийское море, были покрыты густым лесом, резко контрастным степям, окаймляющим речные долины. Реки и побережья изобиловали рыбой. Высокие травы увлажненных долин кормили стада скота, что позволяло отказаться от круглогодичного кочевания и ограничиться отгонным скотоводством. Таким образом, хазары издавна были оседлым этносом, рыболовами и виноградарями, и, по-видимому, находились не в дружеских отношениях с окружающими их степняками. Эта коллизия, подсказанная соотношением ландшафта и типов хозяйства, имела, наверное, место не только в средневековье, но и в древности. Но что еще можно сказать о предках хазар в начале нашего тысячелетия! Казалось бы, ничего! Хазары появляются впервые в истории только во II в. н. э. и, по-видимому, уже как реликт. Однако...

Было установлено, что моменты возникновения этносов обязательно связаны с мутациями – пассионарными толчками, располагающимися по геодезическим полосам на поверхности Земли как в меридиональных, так и в широтных направлениях. Пассионарный толчок – обязательное условие возникновения процесса, порождающего новые этносы, дальнейшая история коих – постепенная утрата инерции и переход этносистемы в гомеостаз. Продолжительность ненарушенного процесса – 1200–1300 лет, не считая инкубационного периода и реликтов. Значит, и у хазар должен быть когда-то свой взлет, но когда?

Там, где материал обилен, как в истории поздней античности и средневековья, эта задача относительно легка, но уже для II тысячелетия до н. э. приходится довольствоваться приблизительными ре-

шениями и экстраполяциями. Так, история древнего Ближнего Востока известна довольно плохо, и делится она на историю Шумера, Аккада и Нижнегипетского царства, с одной стороны, и мощного потрясения XVII – XVI вв. до н. э., когда сложился так называемый «классический Восток», – с другой. Переворот ознаменовался созданием эфемерного царства гиксосов около 1700 г. до н. э., консолидацией хеттских племен в Восточной Малой Азии, возрождением политической мощи Верхнего Египта, где даже культ Амона был сменен почитанием Осириса, и образованием малых, но крепких государств в Закавказье.

Если провести воображаемую линию от Фив до верховьев Евфрата по странам, кое-как известным, и продлить ее на северо-восток, то она выйдет к интересующей нас территории – северному побережью Каспия и низовьям Волги... А что было там во II тыс. до н. э.?

История молчит, и тогда берет слово археология: здесь окончился неолит и наступил бронзовый век, охота сменилась скотоводством со стойловым содержанием животных, началось мотыжное земледелие, создалась археологическая культура, условно называемая «андроновской». Перемены в технике, хозяйстве, культуре – налицо, и хронологически они совпадают с гиксосской революцией в Египте и Палестине и хеттской интеграцией в нагорьях Малой Азии.

Археология молчалива. Какие народы, племена, государства на берегах Каспия, в предгорьях Дагестана и заволжских пустынях вели между собой войны и заключали мирные договоры – неизвестно. Прямой путь исследования ведет в никуда, и вот снова предстоит окольный. Фазы этногенеза везде и всегда одни и те же, хотя судьбы этносов всегда различны. Приведем метафорическое сравнение. Дети рождаются одинаково (без учета уродств), растут до полового созревания, причем учатся, хотя и разным наукам и с разными успехами, влюбляются, часто неудачно, заводят семью и стареют за 70–80 лет. Суперэтносы проделывают то же самое за 1200–1500 лет.

Следовательно, отметив момент рождения, в нашем случае – приблизительно 1700 лет до н. э., можно сопоставить известную историю Ближнего Востока с неизвестной – историей Прикаспия. Судьбы народов и государств будут различны, а фазы этногенеза совпадут в пределах допуска. Первая фаза нового этногенеза – подъем – обычно проходит по линии пассионарного толчка. В это время она подняла Новоегипетское царство, Митанни (в Сирии), хеттов и, видимо, иберийские этносы Закавказья. В акматической фазе выросла Ассирия, импортировавшая новую пассионарность. Растратила она ее в VII в. до н.э., но в эту эпоху в систему суперэтноса втянулись окрестные этносы: мидяне, халдеи, ливийцы. Инерционная фаза ассирийского

господства перешла в фазу обскурации – VI в. до н. э., когда все древние государства почти без сопротивления достались немногочисленным, но пассионарным персам, а в IV в. до н.э. – совсем чужим завоевателям, македонянам и грекам. Подробности этнической истории опущены сознательно, ибо речь идет не о них.

Что происходило в это время в Прикаспии и Поволжье – неизвестно, но отсутствие сведений о событиях не означает отсутствия самих событий. Скорее следует предположить, что этнополитическая история там была не менее напряженной, хотя и не оставила следов в виде памятников; да и какие памятники может оставить степная война?!

Итак, с XVIII по VIII вв. до н.э. в Прикаспии шел «темный период историографии», а не истории, но приблизительно в VIII в. до н. э., когда аборигены были уже в фазе обскурации, появились скифы, этнос весьма пассионарный. Литература о них огромна², но не скифская тема сейчас нас интересует. Достаточно лишь отметить хронологическое совпадение чжоуского (древнекитайского) пассионарного толчка и скифского, причем оба этноса смыкались в южной части Центральной Азии в X в. до н.э. Расширились же они в разных направлениях: чжоусцы – на восток, скифы – на северо-запад. Чжоусцы породили древнекитайский суперэтнос (IX в. до н.э.–V в. н.э.), прошедший все фазы этногенеза; скифы пали жертвой сарматов в фазе надлома (III в. до н. э.), за исключением небольшой их группы в Крыму, которая дожила до фазы обскурации и была завоевана готами в III в. н. э.

Сарматы, как и их ровесники хунны, начали свой этногенез в III в. до н. э. и, подобно скифам, распространились из Внутренней Азии на запад, вплоть до Дуная. Фаза надлома оказалась и для них трагичной. В 370 г. хунны выиграли войну с сарматами и рассеяли их от Кавказа (Осетия) до Испании. Но в 463 г. хунны были побеждены болгарами и исчезли с исторической карты Великой степи. Ни чжоуско-скифский толчок, ни хунно-сарматский низовий Волги не задела (см. рис. 2). В 557 г. в Прикаспий пришли войска тюркютов (древних тюрков), и тогда началась история хазар.

Но в страну хазар, в дельту Волги и в низовья Терека, тюркюты пришли не как враги или завоеватели, а как друзья и союзники, потому что соседние стелняки были противниками и тюркютов, и хазар. Заселять дельту Волги тюркюты не собирались, так как заросли тростника и тучи комаров не привлекали обитателей горных склонов Алтая и Хангая или бескрайних равнин Монголии.

Тюркюты использовали Хазарию как базу для своей конницы, проходившей нелегкий степной путь от Тарбагатай до Волги, с тем

чтобы затем обрушиться на Кавказ или Крым. Хазары были гостеприимны и не отказывались пополнять войска тюркютов своими юношами, которые тоже мечтали о военной добыче.

Когда же Хазария отделилась от гбннувшего Западного Тюркского каганата и часть тюркютов вместе со своим ханом из рода Ашина поселилась на берегах нижней Волги, то сложилась устойчивая система, потому что тюркюты продолжали пасти скот в степях между Волгой, Терекон и Доном, отнюдь не мешая хазарам ловить осетров и стерлядь. Сосуществование этносов возможно, и даже благотворно, если каждый из них заполняет свою экологическую нишу. Если же пришлый этнос стремится присвоить себе достижения местного или, точнее говоря, создать на чужой земле колониальный режим, что делали англосаксы в Америке и Индии, а французы — на Мадагаскаре и в Африке, то возможны неустойчивые ситуации и непредвиденные коллизии. Так было и в Хазарии в IX—X веках²³.

А в 965 г. Хазарского каганата не стало, и этнос хазар рассеялся розно. Почему же территория Хазарии предпочтительна как исходная точка отсчета? Именно потому, что низовья Волги были доступны восточным и западным этносам и, тем не менее, отстояли себя от тех и других, потому, что здесь завязывались узлы мировой политики международной торговли, и потому, что специфический ландшафт Дельты²⁴ хорошо охранял своих обитателей. Хазария удобна как нулевая точка отсчета, как холм, с которого далеко видно и легко сравнивать окружающие этносы, не впадая в предвзятые мнения. Ведь хазар уже нет, а их потомки уже не помнят своих предков, значит, предвзятость и тенденциозность исключены.

Любой естествоиспытатель, сославшись на Аристотеля, скажет, что изучение — это сравнение разных предметов для установления их контактов: положительных и отрицательных. Если человечество — монолитная масса людей, не имеющих заметных различий, то при описании его возможны только банальные суждения, которые ничего не дают для описания феномена.

На это мы ответим легко. Человечество мозаично, и уровни исследования иерархичны по принятым масштабам. Для того чтобы уловить природные закономерности, необходимо начать с крупных таксонов — суперэтнических; при этом возникает множество неясностей, следует уточнять те или иные проблемы до тех пор, пока в этом есть необходимость. А исходная позиция должна быть по возможности нейтральной, то есть нулевой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Конрад Н. И.* Старое востоковедение и его новые задачи // Запад и Восток. М., 1966. С. 7—32.
- ² См.: *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Прага, 1927.
- ³ См.: *Соловьев В. С.* Три разговора. СПб.: 1901.
- ⁴ Подлинные «начала» должны быть раньше видимых современниками-хронистами на величину инкубационного периода, который может быть измерен теми средствами, которыми располагает историческая наука, лишь приблизительно.
- ⁵ См.: *Гафуров Б. Г.* Таджики. М., 1972. С. 27—64 (приведена литература).
- ⁶ См.: *Christensen A. L'Iran sous les Sassanides.* Copenhagen, 1936. P. 84.
- ⁷ См.: *Богданов Л. Ф.* Персия. СПб., 1909. С. 60.
- ⁸ См.: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. С. 121—124.
- ⁹ См.: *Гумилев Л. Н.* Бахрам Чубин: Опыт критики источников // Проблемы востоковедения. 1960. № 3. С. 228—241.
- ¹⁰ См.: *Богданов Л. Ф.* Указ. соч. С. 61.
- ¹¹ См.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. Л.; М., 1950. С. 45.
- ¹² См.: *Marshall J.* A Guide to Taxila. Calcutta, 1921. P. 22.
- ¹³ Ibid. P. 17.
- ¹⁴ См.: *Гумилев Л. Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. 1959. № 1. Эфталиты — горцы или степняки? // ВДИ. 1967. № 3.
- ¹⁵ См.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. III. М.; Л., 1953. С. 57.
- ¹⁶ См.: *Гумилев Л. Н.* Хунну. С. 39—40.
- ¹⁷ См.: *Laufel V.* Op. cit.
- ¹⁸ См.: *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. С. 175—176.
- ¹⁹ См.: *Бартольд В. В.* Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903. С. 153.
- ²⁰ См.: Очерки истории СССР: Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956. С. 131.
- ²¹ Подробнее см.: *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. М., 1966.
- ²² См., например: *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
- ²³ См.: *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 457—459.
- ²⁴ См.: *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. С. 112—113.

III. В ареале пылающей пассионарности

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ ЕВРАЗИЙСКОГО КОНТИНЕНТА

Посредине Евразийского континента, от Усури до Дуная, тянется Великая степь, окаймленная с севера сибирской тайгой, а с юга – горными хребтами. Эта географическая зона делится на две половины, непохожие друг на друга. Восточная половина называется Внутренняя Азия; в ней расположены Монголия, Джунгария и Восточный Туркестан. От Сибири ее отделяют хребты Саянский, Хамар-Дабан и Яблоновый, от Тибета – Куньлунь и Наньшань, от Китая – Великая стена, точно проведенная между сухой степью и субтропиками Северного Китая, а от западной половины – Горный Алтай, Тарбагатай, Саур и Западный Тяньшань. Это жестко очерченный географический регион, но культурные воздействия легко перешагивают за географические границы¹.

Западная часть Великой степи, как вмещающая ландшафт культурного ареала, включает не только нынешний Казахстан, но и степи Причерноморья и даже, в отдельные периоды истории, – венгерскую пушту. С точки зрения географии XIX в. эта степь – продолжение восточной степи, но на самом деле это не так, ибо надо учитывать не только характер поверхности Земли, но и воздух².

Атмосферные токи, несущие дождевые или снежные тучи, имеют свою закономерность. Циклоны с Атлантики доносят влагу до горного барьера, отделяющего восточную степь от западной. Над Монголией висит огромный антициклон, не пропускающий влажных западных ветров. Он невидим, ибо прозрачен, и через него легко проходят

солнечные лучи, раскаляющие поверхность земли. Поэтому зимой здесь выпадает мало снега, и травоядные животные могут разгрести его и добывать корм — сухую калорийную траву. Весной раскаленная почва размывает нижние слои воздуха, благодаря чему в зазор вторгается влажный воздух из Сибири и, на юге, тихоокеанские муссоны. Этой влаги достаточно, чтобы степь зазеленела и обеспечила копытных кормом на весь год.

А там, где сыт скот, процветают и люди. Именно в восточной степи создавались могучие державы хуннов, тюрок, уйгуров и монголов.

А на западе степи снежный покров превышает 30 см и, хуже того, во время оттепелей образует очень прочный наст. Тогда скот гибнет от бескормицы. Поэтому скотоводы вынуждены на лето, обычно сухое, гонять скот на горные пастбища — джейляу, что делает молодежь, а старики заготавливают на зиму сено. Так, даже половцы имели свои постоянные зимовки, т. е. оседлые поселения, и потому находились в зависимости от древнерусских князей, ибо, лишенные свободы передвижения по степям, они не могли уклоняться от ударов регулярных войск. Вот почему в западной половине Великой степи сложился иной быт и иное общественное устройство, нежели в восточной половине³.

Но в мире нет ничего постоянного. Циклоны и муссоны иногда сменяют свое направление и текут не по степи, а по лесной зоне континента, а иногда даже по полярной, т. е. по тундре. Тогда узкая полоса каменистой пустыни Гоби и пустыни Бет-Пак-дала расширяется и оттесняет флору, а следовательно, и фауну на север, к Сибири, и на юг, к Китаю. Вслед за животными уходят и люди «в поисках воды и травы»⁴, и этнические контакты из плодотворных становятся трагичными.

За последние две тысячи лет вековая засуха постигла Великую степь трижды: во II—III вв., в X в. и XVI в., и каждый раз степь пустела, а люди либо рассеивались, либо погибали⁵. Но как только циклоны и муссоны возвращались на привычные пути, трава одевала раскаленную почву, животные кормились ею, а люди обретали снова привычный быт и изобилие.

Но вот что важно: грандиозные стихийные бедствия не влияли ни на смену формаций, ни на культуру, ни на этногенез. Они воздействовали только на хозяйство, а через него на уровень государственной мощи кочевых держав, ибо те слабели в экономическом и военном отношении, но восстанавливались, как только условия жизни приближались к оптимальным. Вот почему принцип географического детерминизма не выдержал проверки фактами. Ведь если бы географических условий было достаточно для понимания феномена, то в историческом времени при сохранении устойчивого ландшафта не возникало бы никаких изменений, не появлялось бы новых народов, с но-

выми мировоззрениями, новыми эстетическими канонами. И не было бы социального развития, потому что пастьба овец не требует развития производительных сил и смены производственных отношений. Производственная сила — пастух и овца. Овца ходит по степи и ест траву, а собака ее охраняет. Лучше не придумать, и, значит, нужен не прогресс, а застой.

Но на самом деле никакого застоя в Великой степи не было. Народы там развивались не менее бурно, чем в земледельческих районах Запада и Востока⁴. Социальные сдвиги были, хоть и не похожие на европейские, но не менее значительные, а этногенез шел по той же схеме, как и во всем мире.

Легенда о пресловутой неспособности кочевников к восприятию культуры и творчеству — это «черная легенда». Кочевники Великой степи играли в истории и культуре человечества не меньшую роль, чем европейцы и китайцы, египтяне и персы, ацтеки и инки. Только роль их была особой, оригинальной, как, впрочем, у каждого этноса или суперэтноса, и долгое время ее не могли разгадать. Только за последние два века русским ученым, географам и востоковедам удалось приподнять покрывало Изиды над этой проблемой, актуальность которой несомненна.

МОНГОЛИЯ ДО ХУННОВ

Нет ни одной страны, где бы с времен палеолита не сменилось несколько раз население. И Монголия — не исключение. Во время ледникового периода Монголия была страной озер, ныне пересохших, а тогда окаймленных густыми зарослями и окруженных не пустыней, а цветущей степью. Горные ледники Хамар-Дабана и Восточных Саян давали столь много чистой воды, что на склонах Хэнтэя и Монгольского Алтая росли густые леса, кое-где сохранившиеся ныне, пережив несколько периодов жестоких усыханий степной зоны Евразийского континента, погубивших озера и придавших монгольской природе ее современный облик.

Тогда среди озер и лесов, в степи паслись стада мамонтов и копытных, дававших пищу хищникам, среди которых первое место занимали люди верхнего палеолита. Они оставили потомкам прекрасные схематические изображения животных на стенах пещер и утесов, но история этих племен, не имевших письменности, канула в прошлое безвозвратно.

Можно только сказать, что Великая степь, простиравшаяся от мутно-желтой реки Хуанхэ почти до берегов Ледовитого океана, была

населена самыми различными людьми. Здесь охотились на мамонтов высокорослые европеоидные кроманьонцы и широколицые, узкоглазые монголоиды Дальнего Востока и даже носатые американоиды, видимо, пересекавшие Берингов пролив и в поисках охотничьей добычи доходившие до Минусинской котловины⁷.

Как складывались отношения между ними — неизвестно. Но нет сомнения в том, что они иногда воевали, иногда заключали союзы, скрепляемые брачными узами, иногда ссорились и расходились в разные стороны, ибо степь была широка и богата травой и водой, а значит, зверем, птицей и рыбой. Так было в течение тех десяти тысячелетий, пока ледник перегораживал дорогу Гольфстриму и теплым циклонам с Атлантики..

Но ледник растет лишь тогда, когда теплый ветер (с температурой около нуля) несет на него холодный дождь и мокрый снег. А поскольку эти осадки неслись на восток от Азорского максимума, ледник наращивал свой западный край и передвигался от Таймыра (18 тыс. лет до н. э.) в Фенноскандию (12 тыс. лет до н. э.), откуда сполз в Северное море и растаял. А в эти же тысячелетия его восточный край таял под лучами солнца, ибо антициклон (т. е. ясная погода) пропускал солнечные лучи до поверхности земли или, в данном случае, льда.

С тающего ледника стекали ручьи чистой воды, которые орошали степи, примыкавшие к леднику, наполняли впадины, превращая их в озера, и создавали тот благодатный климат, в котором расцветала культура верхнего палеолита.

Но как только ледник растаял и циклоны прорвались на восток по ложбине низкого давления, пошли дожди и снегопады, а от избытка влаги выросли леса, разделившие северную степь — тундру от южной — пустыни. Мамонты и быки не могли добывать корм из-под трехметрового слоя снега, и на месте роскошной степи появилась тайга — зеленая пустыня, где живут лишь комары, зайцы и кочующие северные олени. А на юге высохли озера, погибли травы, и каменистая пустыня Гоби разделила Монголию на внешнюю и внутреннюю. Но, к счастью, в I тысячелетии до н. э. эта пустыня была еще не широка и проходима даже при тех несовершенных способах передвижения: на телегах, запряженных волами, где колеса заменяли катки из стволов лиственницы, просверленные для установки осей.

Накануне исторического периода — во 2 тысячелетии до н. э. — племена, жившие севернее Гоби, уже перешли от неолита к бронзовому веку. Они создали несколько очагов разнообразных культур, существовавших одновременно, и очевидно, взаимодействовавших друг с другом. Это открытие было сделано С. И. Руденко, применившим радиоуглеродные методы (определение возраста по полураспаду C_{14}) для датиров-

ки археологических культур наиболее изученного района — Минусинской котловины. Оказалось, что археологические «культуры» не следуют одна за другой, эволюционно сменяя друг друга, а сосуществуют⁸.

Согласно тем же датировкам, переселение предков хуннов с южной окраины Гоби на северную совершилось не в XII, а в X в. до н.э. и тем самым связывается с образованием империи Чжоу, породившей античный Китай и впоследствии знаменитую ханьскую агрессию. А эти грандиозные события, в свою очередь, сопоставимы с началом скифского этногенеза, последующие фазы которого описаны Геродотом⁹. Итак, рубеж доисторических периодов и исторических эпох падает на X в. до н.э., причем разница этих двух разделов истории лежит только в степени нашей осведомленности. Люди всех времен знали названия своих племен и имена своих вождей, но более древние до нас не дошли, а потому для изучения их приходится ограничиваться археологией и палеогеографией. Это, конечно, немало, но недостаточно для того, чтобы уловить и описать процессы древних этногенезов, не впадая при этом в тяжелые ошибки, аналогичные тем, какие сделали предшественники С. И. Руденко¹⁰, подменившие действительную историю вымышленной, хотя и отвечающей их предвзятым мнениям.

Наука развивается, хотя на ее пути постоянно возникают препятствия, требующие преодоления. Ныне в распоряжении ученых, кроме радиоуглеродных дат, появились имена народов, ранее называвшихся условно, по местам археологических находок или по искаженным чтением древнекитайских иероглифов, которые в I в. до н.э. произносились не так, как сейчас.

И оказалось, что вместо «пазырыкцы» следует говорить «юечжи», а Б. Лауфер доказал, что эти знаки произносились «согдо», то есть согды. «Тагарцы» обрели свое историческое имя — динлины, «сюнну» — хунны, «тоба» — табгачи, «сяньби» — сибирь, «ту-кю» — тюркюты. Только слово «кидань» пришлось сохранить, ибо его правильное звучание «китай» перешло на жителей Срединной равнины, которых по ошибке стали называть «китайцами» — менять этноним поздно.

Но несмотря на все успехи науки, связная история народов Великой степи может быть изложена начиная с III в. до н. э., когда безымянные племена Монголии были объединены хуннами, а полулегендарные скифы Причерноморья сменены сарматами. Тогда же создалась могучая держава Средней Азии — Парфия и был объединен Китай. С этого времени можно осмысливать этническую историю Евразийской степи.

Но для того чтобы последующий исторический анализ и этнологический синтез были успешны, напомним еще раз, что необходимо вести повествование на заданном уровне.

Понятие уровня исследования известно всем естествоиспытателям, но не применяется в гуманитарных науках. И зря! Для истории оно очень полезно.

Объясним тезис через образ. Изучать звездное небо через микроскоп — бессмысленно. Исаакиевский собор — тоже, да и человека или его кашне лучше наблюдать простым глазом. Но для изучения бактерий микроскоп необходим.

Так и в истории. Там, где требуется широта взгляда, например, для уяснения судьбы этноса или суперэтноса (системы из нескольких этносов)¹¹, равно как стиля: готики или барокко — мелкие отличия не имеют значения. А при повышении требований к подробности (скрупулезности) можно описать не только, допустим, амфору, но даже отбитый от нее черепок. Однако на этом уровне мы этноса не заметим, как муравей не видит Монблана.

Выбор уровня определяется поставленной задачей. Нам нужно охватить промежутки в 1500 лет, Великую степь и сопредельные страны — последние для самоконтроля и пополнения информации. Ниже этого уровня будут уровни: атомный, молекулярный, клеточный, организменный и персональный, граничащий с субэтническим. А выше — популяционный, видовой (относящийся уже к биологии), биосферный и, наконец, планетарный. Для нашей работы ни нижние, ни верхние уровни не нужны, хотя забывать о них не следует. За ними можно следить «боковым зрением», то есть учитывать по мере надобности. Если читатель согласен со всем вышеизложенным, можно пригласить его погрузиться в прошлое.

ХУННУ И ФАЗА ПОДЪЕМА КОЧЕВОГО МИРА

Нет, не было и не могло быть этноса, происходящего от одного предка. Все этносы имеют двух и более предков, как все люди имеют отца и мать. Этнические субстраты — компоненты возникающего этноса в момент флуктуации энергии живого вещества биосферы — сливаются и образуют единую систему — новый, оригинальный этнос, обретающий в этом слиянии целостность, созидающую свою, опять-таки оригинальную культуру.

Момент рождения этноса хунну связан с переходом племен хяньюнь и хунюй с южной окраины пустыни Гоби на северную и слиянием их с аборигенами, имевшими уже развитую и богатую культуру. Имя этноса, создавшего «культуру плиточных могил»¹², украшенных изображениями оленей, солнечного диска и оружия, не сохранилось, но нет сомнений в том, что этот этнос, наряду с переселенцами с юга,

был компонентом этноса хунну, иди хуннов, относящихся к палеосибирскому типу монголоидной расы¹³.

В IV в. до н. э. хунны образовали мощную державу – племенной союз 24 родов, возглавляемых пожизненным президентом – шаньюем и иерархией племенных князей – «правых» (западных) и «левых» (восточных)¹⁴. Отсчет у хуннов шел не с севера, как у нас, а с юга. Первоначальное слияние этнических субстратов в момент энергетического взрыва всегда ведет к усложнению этнической системы, т. е. новый этнос всегда богаче и мощнее, нежели старые, составившие его. Хуннам предстояло великое будущее.

Но не только хунны, но и их соседи оказались в ареале толчка IV – III вв. до н. э., на этот раз вытянутого по широте от Маньчжурии до Согдианы. Восточные кочевники, предки сяньбийцев (древних монголов), подчинили себе хуннов, а согдийцы (юечжи), продвинувшись с запада, из Средней Азии до Ордоса, обложили хуннов данью. На юге «Срединная равнина» была объединена грозным царем Цинь Ши-хуаном, который вытеснил хуннов из Ордоса в 214 г. до н.э., лишив их пастбищных и охотничьих угодий на склонах хребта Иньшань и на берегах Хуанхэ. А хуннский шаньюй Тумань готов был на все уступки соседям, лишь бы они не мешали ему избавиться от старшего сына Модэ и передать престол любимому младшему сыну от очаровательной наложницы.

Тумань и его сподвижники были людьми старого склада, степными обывателями. Если бы все хунны были такими, то мы бы не услышали даже имени их. Но среди молодых хуннов уже появилось пассионарное поколение, энергичное, предприимчивое и патриотичное. Одним из таких новых людей был сам царевич Модэ. Отец отдал его в заложники согдийцам и произвел на них набег, чтобы они убили его сына. Но Модэ похитил у врагов коня и убежал к своим. Под давлением общественного мнения Тумань был вынужден дать ему под команду отряд в 10 000 семей. Модэ ввел в своей войске крепкую дисциплину и произвел переворот, при котором погибли Тумань, его любимая жена и младший сын (209 г. до н.э.).

Модэ, получив престол, разгромил восточных соседей, которых китайцы называли «дун-ху», отвоевал у китайцев Ордос, оттеснил согдийцев на запад и покориł саянских динлинов и кыпчаков. Так создавалась могучая держава Хунну, население которой достигло 300 тысяч человек¹⁵.

Тем временем в Китае продолжалась истребительная гражданская война. Если объединение Срединной равнины победоносным полуварварским царством Цинь унесло $\frac{2}{3}$ населения побежденных царств, а угнетение покоренных – неизвестно сколько, то восстание

всей страны против циньских захватчиков завершило демографический спад. Циньские воины закапывали пленных живыми. Так же поступали с ними повстанцы, пока крестьянский вождь Лю Бан не покочил со всеми соперниками и не провозгласил начало империи Хань в 202 г. до н. э.

Население и военные силы Китая, даже после потерь в гражданской войне, превосходили силы хуннов. Однако в 200 г. до н. э. Модэ победил Лю Бана и заставил его заключить «договор мира и родства», т. е. мир без аннексии, но с контрибуцией. Этот договор состоял в том, что китайский двор выдавал за варварского князя царевну и ежегодно посылал ему подарки, т. е. замаскированную дань¹⁶.

Но не только венценосцы, а и все хуннские воины стремились подарить своим женам шелковые халаты, просо для печенья, белый рис и другие китайские лакомства. Система постоянных набегов не оправдывала себя: тяжело и рискованно. Гораздо легче было наладить пограничную меновую торговлю, от которой выигрывали и хунны, и китайское население. Но при этом проигрывало ханьское правительство, так как доходы от внешней торговли не попадали в казну. Поэтому империя Хань запретила прямой обмен на границе. В ответ на это хуннские шаньюи, преемники Модэ, ответили набегами и потребовали продажи им китайских товаров по демпинговым ценам. Ведь всех богатств Великой степи не хватило бы для эквивалентного обмена на ханьских таможах, так как необходимость получать доход на оплату гражданских и военных чиновников требовала повышения цен.

В аналогичном положении оказались кочевые тибетцы области Амдо¹⁷ и малые юечжи Цайдама. До гражданской войны западную границу охраняли недавние победители — горцы западного Шэньси — циньцы. Этот сверхвоинственный этнос сложился из шаньских аристократов, высланных на границу ванами (царями) Чжоу и перемешавшихся с голубоглазыми и рыжеволосыми жунами¹⁸. Но поражения от повстанцев унесли большую часть некогда непобедимого войска, и западная граница империи Хань осталась неукрепленной.

Мало помогла обороне и Великая китайская стена, ибо стены без воинов — не препона врагу. Для того чтобы расставить по всем башням достаточные гарнизоны и снабжать их провиантом, даже в то время, когда они просто сторожат стену, не хватило бы ни людей, ни продуктов всего Китая. Поэтому стена, сооруженная Цинь Ши-хуаном, спокойно разрушалась, а ханьское правительство перешло к маневренной войне в степи, совершая набеги на хуннские кочевья, еще более губительные, чем те, которые переносили китайские крестьяне от хуннов и тибетцев.

Почему так? Ведь во II—I вв. до н.э. в Китае бурно шли процессы восстановления хозяйства, культуры, народонаселения. К рубежу н. э. численность китайцев достигла 59 594 978 человек¹⁹. А хуннов по-прежнему было около 300 тысяч, и казалось, что силы Хунну и империи Хань несоизмеримы. Так думали сами правители Китая и их советники, но ошиблись. Сравнительная сила держав древности измеряется не только человеческим поголовьем, но и фазой этногенеза или возрастом этноса²⁰. В Китае была инерционная фаза, преобладание трудолюбивого, но отнюдь не предприимчивого обывателя, ибо процесс этногенеза в Китае начался в IX в. до н.э. Поэтому армию там вынуждены были комплектовать из преступников, называвшихся «молодыми негодьями», и пограничных племен, для коих Китай был угнетателем. И хотя в Китае были прекрасные полководцы, боеспособность армии была невелика.

Хунны были в фазе этнического становления и пассионарного подъема. Понятия «войско» и «народ» у них совпадали. Поэтому с 202 г. до 57 г. до н. э. малочисленные, но героические хунны сдерживали ханьскую агрессию. И только ловкость китайских дипломатов, сумевших поднять против Хунну окрестные племена и вызвать в среде самих хуннов междоусобную войну, позволила империи Хань счесть хуннов покоренными и включенными в состав империи.

Рост пассионарного напряжения в этнической системе благотворен для нее лишь до определенной степени. После фазы подъема наступает «перегрев», когда избыточная энергия разрывает этническую систему. Наглядно это выражается в междоусобных войнах и расколе на два-три самостоятельных этноса. Раскол — процесс затяжной. У хуннов он начался в середине I в. до н.э. и закончился к середине II в. н. э. Вместе с единством этноса была утрачена значительная часть его культуры, и даже исконная территория — Монгольская степь, захваченная во II в. сяньбийцами, а потом табгачами и жужанями. Но до этого периода хунны за 150 лет акматической фазы, которую трудно называть «расцветом», пережили несколько победоносных и столько же трагических периодов, устояли в неравной борьбе с Китаем и уступили только сяньбийцам (древним монголам), у которых «кони быстрее и оружие острее, чем у хуннов».

И тогда хунны разделились на четыре ветви. Одна подчинилась сяньбийцам, вторая — поддалась Китаю, третья — «неукротимые» — отступила с боями на берега Яика и Волги, четвертая — «малосильные» — укрепились в горах Тарбагатая и Саура, а потом захватила Семиречье и Джунгарию. Эти последние оказались наиболее долговечными. Они частью смешались на Алтае с кыпчаками и образовали этнос куманов (половцев), а частью вернулись в Китай и основали там

несколько царств, доживших до X века. Последние назывались «тюрки-шато», а их потомки – «онгуты» – слились с монголами в XIII в.

Такова видимая цепь событий, но то, что она развивалась столь причудливо, показывает, что мощные факторы нарушили запрограммированный ход этногенеза. Очевидно, без учета этих помех этническая история хуннов останется непонятной.

ХУННЫ РАЗНЫХ СОРТОВ

Хунны в I в. н.э. находились в акматической фазе этногенеза. Их историческая фаза подъема началась в 209 г. до н. э.²¹, но, видимо, ей предшествовал скрытый (латентный) период, который у византийцев занял около 250 лет, а у других этносов тонет в легендах и мифах. Но даже если пренебречь этим инкубационным периодом, то, согласно схеме, хунны успели пройти фазу этнического подъема. Они построили оригинальную социальную систему: родовой строй стал социальной основой державы Хунну и законсервировался до подчинения Хунну империи Хань в середине I в. до н. э. Структура управления была сложной и вместе с тем гибкой; искусство – разнообразным, так как оно впитывало скифские и динлинские влияния. Земледелие широко распространилось, и потребность в хлебе и просяной каше стала регулярной. Общение с Китаем стало тесным и плодотворным, потому что возникло стремление установить меновую торговлю, которая позволяла отказаться от грабительских набегов на пограничные области Китая²². Но это-то и принесло Хунну невозместимый ущерб. Как только китайский хлеб, шелк и металлическая посуда потекли в степь, хуннское земледелие и ремесло были заброшены. Их сменило разведение скота и добывание мехов на продажу²³. Хуннские юноши получили возможность служить в китайских войсках, что вводило их от родового быта. Знать усваивала китайские образование и навыки стяжательства и произвола. Единое «поле» хуннской культуры раскалывалось. В среде хуннов сложились две партии, противоположные по психическому складу. Они вбирали иноземные культуры, соответственно забывая свою, и группировались около престола как фавориты, китайские перебежчики и офицерский состав – гудухэу, что означало «удачливый князь» (куг – счастье, удача). Эти последние получали титул по выслуге, а не по праву рождения, т. е. были представителями демократии. Вторые, поборники традиций и аристократизма, опирались на авторитет родовых князей и на родовичей. Естественно, вторая партия включала в себя меньше пассионариев, чем первая²⁴.

Хуннам было бы очень трудно вернуть утраченную независимость, но, на их счастье, в Китае в I г. н.э. властью овладел канцлер Ван Ман. Это был «интеллигентнейший человек», конфуцианец, считавший высшим благом разум (разумеется, свой собственный) и начавший проводить радикальные реформы, которыми изобидел буквально всех. Хунны восстали в 9 г., китайские крестьяне Шаньдуна — в 18 г., старая знать — в 23 г. Ван Ман был убит повстанцами, взявшими штурмом его дворец в 25 г.

Экономика Китая была подорвана. Во время восстания погибло около 70%, ибо китайцы в плен не берут, а своих тем более²⁵. Хуннам пришлось снова набегами добывать себе китайские продукты, к которым сами китайцы их приучили. Поэтому война стала более жестокой, чем раньше, а значит, пассионарии стали перехватывать инициативу у традиционалистов, которые в 48 г. переехали Китаю. В ставках северных шаньюев скапливался весь пассионарный элемент и масса инертного населения, кочующего на привычных зимовках и летовках. Родовой строй здесь просто вреден. Общественная активность упала настолько, что кучка пассионариев могла направлять лишённую родовой организации массу. Родовая держава трансформировалась в орду, т. е. ставку военного вождя, окруженного пассионарными воинами. Ушедшие на юг благообразные старцы и почтительные отроки развязали на родине руки богатырям. Что из этого получилось?

Первое: держава северных хуннов из родовой превратилась в антиродовую военную демократию. В Европе этот процесс протекал иначе: дружины герцогов были многочисленны, а народ жил по-старому. В Великой степи возникли «орды» — слово это по звучанию и смыслу совпадает с латинским словом *ordo* — порядок (орден). Орды включали, кроме воинов, их семьи, что снимало сохранение родовых отношений. Родовые союзы и орды всегда враждовали друг с другом.

Второе: среди пассионарных удальцов неизбежно возникала борьба за место и влияние, ибо моральные основы исчезали вместе с традициями. Это ослабляло военную мощь орд.

Третье: массы субпассионариев были ненадежной опорой. Они хотели мира и были готовы сменить своих старых господ на новых, пусть даже чужих. У союзников Китая — сяньбийцев «кони были быстрее, а оружие острее, чем у хуннов». И северные хунны были разбиты в 93 г.

Демография древнего периода истории Евразии разработана далеко не достаточно, но кое-что все-таки дает.

Численность хуннов во II—I вв. до н.э. определялась в 300 тысяч человек²⁶. Это приблизительно половина того населения, которое в состоянии прокормить нынешняя Монгольская степь без ущерба для

собственных пастбищ. При увеличении количества скота неизбежно возникло бы оскуднение травяного покрова и вытеснение диких копытных овцами, потребляющими воду из немногочисленных источников на водораздельных массивах степи.

Но кроме хуннов по окраинам Великой степи жили динлины — в Минусинской котловине, сяньби — в Южной Маньчжурии и табгачи — в Восточном Забайкалье, а в саму Великую степь шла постоянная миграция из Китая. В докладе чиновника Хоу Ина своему правительству указано, что пограничные племена, угнетаемые ханскими чиновниками, невольники, преступники и семьи политических эмигрантов только и мечтают бежать за границу, говоря, что «у хуннов весело жить»²⁷. Хунны этих эмигрантов принимали, но не включали в роды, а селили отдельными колониями, где те смешивались между собой, а дети их усваивали хуннский язык, как общепонятный; хунны называли этих людей «кул», что впоследствии стало значить «раб», но не в смысле неволи и тяжелой работы, а пребывания на чужбине и подчинения иноплеменному правителю²⁸. Значит, кулы были субэтнотомом хуннского этноса. При фазе подъема инкорпорация — явление частое.

Акматическая фаза этногенеза или, что то же, пассионарный перегрев этносоциальной системы иногда служит спасению этноса в критической ситуации, а иногда ведет его к крушению, потому что консолидация всех сил для решения внешних задач, легко осуществимая в фазе подъема, становится сверхсложной и не всегда осуществимой. Пассионарное напряжение разорвало хуннский этнос на две части. На юг, к Великой китайской стене, ушли поборники древнего строя, наиболее консервативная часть хуннского общества. Ханское правительство охотно предоставляло им возможность селиться в Ордосе и на склонах Иньшаня, так как использовало их в качестве союзных войск против северных хуннов. Поскольку китайцы не вмешивались в быт хуннов, то те хранили родовой строй и старые обычаи. Но жизнь внутри рода тяжела и бесперспективна для энергичных молодых людей, особенно для дальних родственников, обычно нелюбимых. При любых личных качествах и совершаемых подвигах они не могут выдвинуться, так как все высшие должности даются по родовому, отнюдь не возрастному, старшинству. Пассионарным удальцам нечего было делать в Южном Хунну, где предел их возможностей — место дружинника у старого князька или вестового у китайского пристава. Удальцу нужны степные просторы, военная добыча и почести за подвиги. Он едет на север и воюет за «господство над народами».

Степных богатырей можно было перебить, но не победить. Перебить воинов, твердо решившихся не сдаваться, очень трудно. Север-

ные хунны после поражения закрепились на рубеже Тарбагатая, Саура и Джунгарского Алатау и продолжали войну с переменным успехом до 155 г.²⁹ Окончательный удар был нанесен им сяньбийским вождем Таншихаем, после чего хунны разделились снова: двести тысяч «малосильных»³⁰ попрятались в горных лесах и ущельях Тарбагатая и бассейна Черного Иртыша, где они пересидели опасность и впоследствии завоевали Семиречье. В конце III века они образовали там новую хуннскую державу — Юебань. История их описана нами в специальных работах¹.

А «неукротимые» хунны отступили на запад и к 158 г. достигли Волги и нижнего Дона. О прибытии их сообщил античный географ Дионисий Периегет, а потом о них забыли на 200 лет. Почему?

Вернемся к демографической проблеме, которая, несмотря на всю приблизительность цифровых данных, дает нам необходимое решение. Выше было указано, что хуннов в I в. до н.э. было 300 тысяч человек. За I—II вв. н.э. был прирост, очень небольшой, так как хунны все время воевали, и добавились эмигранты — кулы, особенно при Ван Мане и экзекуциях, последовавших за его низвержением. В III в. в Китае насчитывалось 30 тысяч семей, т. е. около 150 тысяч хуннов³², а «малосильных» в Средней Азии — около 200 тысяч. Так сколько же могло уйти на запад? В лучшем случае — 20–30 тысяч воинов, без жен, детей и стариков, не способных вынести отступление по чужой стране, без передышек, ибо сяньбийцы преследовали хуннов и убивали отставших. Воины сами рискуют жизнью и не щадят противника во время боя. Здесь же бой затянулся на два с лишним года, пока неукротимые хунны не оторвались от преследователей и не нашли покой в Волго-Уральском междуречье.

За это время, т. е. за 1000 дней, было пройдено по прямой 2600 км, значит — по 26 км ежедневно, а если учесть неизбежные зигзаги — то вдвое больше. Нормальная перекочевка на телегах, запряженных волами, за этот срок не могла быть осуществлена. К тому же приходилось вести арьергардные бои, где и погибли семьи уцелевших воинов. И уж конечно мертвых не хоронили, так как на пути следования хуннов... «остатков палеосибирского типа почти нигде найдено не было, за исключением Алтая»³³.

Действительно, на запад в 155–158 гг. ушли только наиболее крепкие и пассионарные вояки, покинув на родине тех, для кого седло не могло стать юртой. Это был процесс отбора, проведенный в экстремальных условиях, по психологическому складу, с учетом свободы выбора своей судьбы. И он повел к расколу хуннского этноса на четыре ветви, из которых одна, наименее пассионарная, слилась с победоносными сяньбийцами; другая — убежала в Китай³⁴, третья — образо-

вала царство Юебань в Семиречье и пережила всех современников³⁵, а о четвертой пойдет речь ниже.

БОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

И тут возникает первое недоумение: в синхроническом разрезе хунны были не более дики, чем европейские варвары, т. е. германцы, кельты, кантабры, лузитаны, иллирийцы, даки, да и значительная часть эллинов, живших в Этолии, Аркадии, Фессалии, Эпире, короче говоря — всех, кроме афинян, коринфян и римлян. Почему же имя «гунны» (хунны, переселившиеся в Европу)³⁶ стало синонимом понятия «злые дикари»? Объяснить это просто тенденциозностью нельзя, так как первый автор, описавший гуннов, Аммиан Марцеллин, «солдат и грек»³⁷, был историком крайне добросовестным и прекрасно осведомленным. Да и незачем ему было выделять гуннов из числа прочих варваров, ведь о хионитах он ничего такого не писал, хотя и воевал с ними в Месопотамии, куда их привели персы как союзников. Очевидно, у него были веские основания.

С другой стороны, китайские историки Сыма Цянь, Бань Гу³⁸ и другие писали о хуннах с полным уважением и отмечали у них наличие традиций, способности к восприятию чужой культуры, наличие людей с высоким интеллектом. Китайцы ставили хуннов выше, чем сяньбийцев, которых считали примитивными, одновременно признавая за ними большую боеспособность и любовь к независимости друг от друга, от Китая и от хуннов³⁹.

Кто же прав, римляне или китайцы? Не может быть, что те и другие ошибаются, а мы в XX в. знаем лучше! А может быть, правы те и другие, только вопрос надо поставить по-иному? Попробуем. Ведь у нас есть наука об этногенезе!

А была ли у хуннов самостоятельная высокая культура или хотя бы заимствованная? Первая фаза этногенеза, как правило, не создает оригинального искусства. Перед молодым этносом стоит так много неотложных задач, что силы его находят применение в войне, организации социального строя и развитии хозяйства, искусства же обычно заимствуют у соседей или у предков, носителей культуры распавшегося этноса.

И вот что тут важно. Предметы бытовые, оружие и продукты можно получать или заимствовать от кого угодно, потому что эти вещи нужны и никак не влияют на психику. А без предметов искусства вроде бы и можно обойтись, но ценны они лишь тогда, когда нравятся без предвзятости. Ведь без искренности невозможно ни творчество,

ни восприятие, а искренняя симпатия к чужому (ибо своего еще нет) искусству лежит в глубинах народной души, в этнопсихологическом складе, определяющем комплиментарность, положительную или отрицательную.

Хунну в эпоху своего величия имели возможности выбора. На востоке лежал ханьский Китай, на западе — остатки разбитых скифов (саков) и победоносные сарматы. Кого же было надо полюбить, повторю — искренне и бескорыстно?

Раскопки царского погребения в Ноин-Уле, где лежал прах Учжунлю-шаньюя, скончавшегося в 18 г. н. э., показали, что для тела хунны брали китайские и бактрийские ткани, ханьские зеркала, просо и рис, а для души — предметы скифского «звериного стиля», несмотря на то, что скифы на западе были истреблены свирепыми сарматами⁴⁰, а на востоке побеждены и прогнаны на юг: в Иран и Индию⁴¹.

Итак, погибший этнос скифов, или саков, оставил искусство, которое пережило своих создателей и активно повлияло на своих губителей — юечжи и соседей — хуннов. Описывать шедевры «звериного стиля» здесь незачем, так как это уже сделано, причем на очень высоком уровне⁴². Нам важнее отметить то, на что раньше не было обращено должного внимания: на соотношение мертвого искусства с историей Срединной Азии. Хотя искусство хуннов и юечжей (согдов) восходит к одним и тем же образцам, оно отнюдь не идентично. Это свидетельствует о продолжительном самостоятельном развитии. Живая струя единой «андроновской» культуры 2 тысячелетия до н. э. разделилась на несколько ручьев и не соединилась никогда. Больше того, когда степь после засухи V—III вв. до н. э. снова стала обильной и многолюдной, хунны и согды вступили в борьбу за пастбища и власть. В 165 г. до н. э. хунны победили в Азии, а после того как были разбиты сяньбийцами и вынуждены бежать в низовья Волги в 155 г. н. э., они там победили сарматское племя аланов, «истомив их бесконечной войной»⁴³. Тем самым хунны, не подозревая о своей роли в истории, оказались мстителями за скифов, перебитых сарматами в III в. до н. э.⁴⁴

Судьбы древних народов переплетаются в течение веков столь причудливо, что только предметы искусства — подвиги древних богатырей, кристаллизовавшиеся в камне или металле, дают возможность разобраться в закономерностях этнической истории, но эта последняя позволяет уловить смены традиций, смысл древних сюжетов и эстетические каноны исчезнувших племен. Этнология и история культуры взаимно оплодотворяют друг друга.

Итак, хотя хунны не восприняли ни китайской, ни иранской, ни эллино-римской цивилизации, это не значит, что они были неспособны. Просто им больше нравились скифы. Выбор вкуса — это право

каждого, будь то один человек или многочисленный этнос. И надо признать, что кочевая культура до III в. н.э. с точки зрения сравнительной этнографии ничуть не уступала культурам соседних этносов в степени сложности и системы — единственного критерия, исключаящего пристрастие и предвзятость.

Неправильно думать, что в кочевом обществе невозможен технический прогресс. Кочевники вообще, а хунны и тюрки в частности, изобрели такие вещи, которые ныне вошли в обиход человека как нечто подразумевающееся. Первое усовершенствование одежды — штаны — сделано еще в глубокой древности. Стремя появилось в Центральной Азии между 200 и 400 гг. Первая кочевая повозка на деревянных обрубках заменилась сначала коляской, а потом вьюком, что позволило кочевникам форсировать горные, поросшие лесом хребты. Кочевниками были изобретены изогнутая сабля, вытеснившая прямой меч, и длинный составной лук, метавший стрелы на расстояние до 700 метров. Наконец, круглая юрта в те времена считалась наиболее совершенным видом жилища. В курганах часто встречаются и китайские вещи: шелковые ткани, бронзовые навершия и лаковые чашечки. Это были предметы повседневного обихода, попавшие к хуннам как добыча или дань, также выполнявшаяся китайцами, перебежавшими к хуннам (цзылу). Такие вещи отнюдь не определяют направление развития культуры.

Мы так подробно остановились на этой теме, чтобы отвергнуть обывательское мнение о пресловутой неполноценности кочевых народов Центральной Азии, якобы являвшейся китайской периферией; на самом деле эти народы развивались самостоятельно и интенсивно⁴⁵, и только китайская агрессия I в. оборвала их существование, что было, как мы видели, одинаково трагично для Хунну и для Китая. Но историческое возмездие не заставило себя ждать.

ПОМЕХИ

Все этногенезы запрограммированы одинаково, но этнические истории предельно разнообразны. Если на этногенез воздействуют посторонние факторы — например, колебания климата или агрессия, его путь будет смещен и ритм нарушен, а иногда и оборван. Последнее бывает редко, так как для этого нужна очень большая сила, но случается — в моменты смены фаз. Эти трагические моменты чаще всего обойдены историками-эволюционистами, но историки-диалектики не имеют права игнорировать их. Поэтому мы отмечаем две переломные даты в этнической истории хуннов: 93 г., когда они потерпели со-

крушительное поражение от коалиции Китая, сяньбийцев, динлинов и чешысцев (жителей оазиса Турфан), и около 150 г., когда сяньбийский вождь Танши-хай отогнал самых неукротимых хуннов к берегам Волги, после чего сяньбийцы расселились по восточной части Великой степи до Тянь-Шаня, но почему-то не остались там. Вот на эти «почему» мы и дадим посильные ответы.

Специальная сторона проблемы лежит на поверхности. Где уж тут устоять, когда враги окружили Хунну со всех сторон, а внутри державы честолюбцы вместо обороны стали бороться друг с другом за власть, заодно расшатывая общественную основу — патриархально-родовой строй. Но такие бедствия у разных народов бывали довольно часто. Почему же именно хуннам так не повезло, что они утратили даже родную землю? Обычно этнос держится за родной ландшафт.

Вспомним, что циклоны и муссоны иногда меняют свои пути и перестают увлажнять степь, а начинают заливать тайгу и тундру. Именно это произошло во II—III вв. До этого у хуннов тоже были тяжелые времена, но их старейшины говорили: «Мы не оскудели в отважных войнах» и «Сражаться на коне есть наше господство, и потому мы страшны всем народам»⁴⁶. Но когда стали сохнуть степи, дохнуть овцы и тошать кони, господство хуннов кончилось.

Но и победители не выиграли, ибо степь превратилась в пустыню. Сяньбийцам пришлось ютиться около гор, откуда сбегали ручьи, и пересохших озер. Но таких было мало. Высох, хотя и не целиком, Балхаш, понизился уровень Иссык-Куля, а Аральское море стало «болотом Оксийским», то есть его дно заросло тростником⁴⁷. Это бедствие продолжалось 200 лет; лишь в середине IV в. циклоны и муссоны снова сменили путь своего прохождения⁴⁸.

Они понесли влагу, раньше изливавшуюся на сибирскую тайгу, в степь. Зазеленели дотопе сухие равнины, кусты тамариска связали вершины барханов, кони перестали страдать от бескормицы, а хунны на берегах Хуанхэ, Или и Волги снова ощутили себя могучими народами. Задержанный этногенез пошел по заданной схеме.

Но века засухи не прошли бесследно. Хунны не вернулись в Монголию.

Восточная половина Великой степи переживала такую же засуху, как и западная. Эта засуха не могла не отразиться на судьбе великой сяньбийской державы, созданной гениальным полководцем Танши-хаем, но сказалась она не прямым, а окольным путем, который оказался, пожалуй, еще более губительным.

Сяньби (предки древних монголов) жили по окраинам Великой степи, около хребта Хингана и долины реки Нонни. Там им воды хва-

тало. Захватив территорию державы Северного Хунну вплоть до Алтая, они могли пасти свой скот у непересыхающих рек: Селенги, Онона, Кэрулэна, оттеснив побежденных хуннов в высыхающие степи, но они этого не сделали. Наоборот, нуждаясь в воинах для войны с империей Хань, сяньбийцы приняли хуннов в свою державу и позволили им слиться в единый народ. Так как у сяньби и ухуаней «от старейшины до последнего подчиненного каждый сам пас скот и заботился о своем имуществе»⁴⁹, то и подчинившиеся Таншихаю хунны оказались в положении, одинаковом с победителями. А так как на запад и на юг ушли пассионарные хунны, дорожившие такими абстрактными понятиями, как «независимость», «гордость подвигами предков», «свобода», не личная, а общественная, то само собой понятно, что согласились на подчинение врагу субпассионарии.

Влившись в сяньбийскую державу, субпассионарные хунны снизили пассионарное напряжение системы до того, что она развалилась на части, каждая из которых была химерой. Описание истории их — это ряд трагических истреблений без возможности найти выход и избежать гибели.

ФАЗА НАДЛОМА И КОНЕЦ ВОСТОЧНЫХ ХУННОВ

Надлом этногенеза — это период, когда после энергетического, или пассионарного, перегрева система идет к упрощению. Для поддержания ее не хватает искренних патриотов, а эгоисты и себялюбцы покидают дело, которому служили их отцы и деды. Они стремятся жить для себя за счет накопленного предками достояния и, в конце эпохи, теряют его и свои жизни и свое потомство, которому они оставляют в наследство только безысходность исторической судьбы.

Но это отнюдь не конец этноса, если в нем сохранились люди непассионарные, но трудолюбивые и честные. Они не в силах возобновить утраченную творческую силу, творящую традиции и культуры, но могут сберечь то, что не сгорело в пламени надлома, и даже умножить доставшееся им наследство. В эту эпоху этнос или суперэтнос живет инерцией былого взлета и кристаллизует ее в памятниках искусства, литературы и науки, вследствие чего представляется историкам и искусствоведам своего рода «возрождением».

Так назывался период XV–XVI вв. в Италии, когда страна ослабела настолько, что стала добычей хищных соседей: французов, испанцев, австрийцев, а четырнадцать гуманистов переводили с греческого на латынь древние книги, и несколько десятков художников расписывали храмы, куда уже приходили не молиться, а назначать свидания.

Проливы.

География предоставила всей мировой истории вертеться 4000 лет, пересекая узкие линии Босфора и Дарданелл. С высоты 200 км виден полуостров Галлиполи, турецкий Гелиболу, греческий Херсонес Фракийский. У оконечности мыса — через Дарданелльский пролив — на азиатском берегу Троя. Вверху Мраморное море и вход в Босфор. Внизу двухлопастный остров Лесбос со столицей Митилена. В самом низу — полуостров Измир, Смирна турецкой истории, и рядом остров Хиос, принадлежит Греции. Слева — гористая Македония Фракийская. От кромки берега слева отходят три хвоста полуостровов. Рядом Фессалоники, город Салоники великого прошлого.

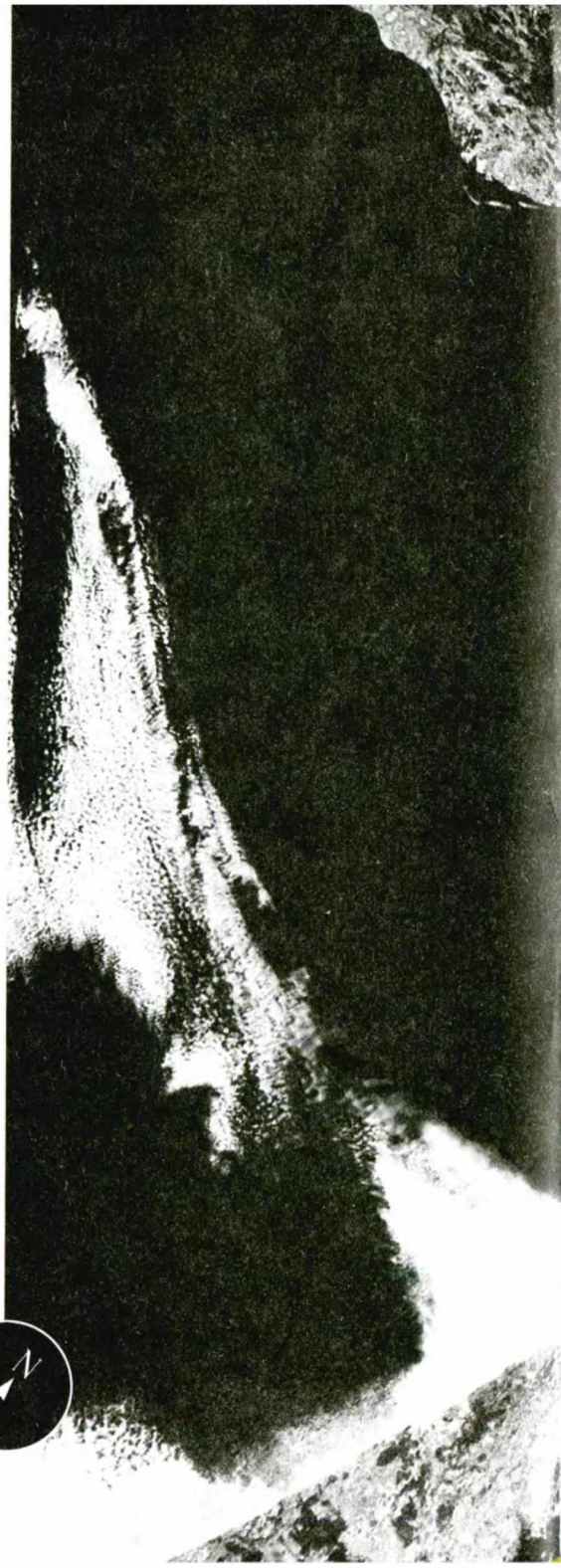

Гибралтар.

Пролив между Европой и Африкой. Мыс Тарифа, южная оконечность Европы, рядом залив с городом-крепостью Гибралтар. С юга на север надвигается плита Марокко. Слева, в Африке, — великий Танжер, на севере от Гибралтара, через 200 км, — Севилья, столица Андалусии.

Этому возрасту этноса в Риме соответствует «золотая посредственность» Августа, завершившаяся зверствами Калигулы и Нерона, а также солдатской войной 67–69 гг., когда сирийские, германские, испанские и италийские легионы резались друг с другом, был разрушен Рим и опустошена Италия. Но ведь и то, и другое – не конец культуры, а ее кризис, для которого характерна смена этнической доминанты и стереотипа поведения, подобно тому, как старика, пережившего тяжелую болезнь, привлекают покой и партия в шахматы с другом, а не утомительный туристский маршрут. До конца этноса еще далеко. Так посмотрим, как прошел этот период у хуннов.

В период «расцвета» кочевников Монголии объединяли и возглавляли сначала хуннские шаньюи, а потом – сяньбийский вождь Таншихай. В период надлома возникло и погибло 29 эфемерных этносов (племен), которых китайские историки того времени объединили в пять групп: хунны, кулы (совр. *кит.* – цзелу), сяньби, тангуты (ди) и тибетцы-кяны (цяны). Это первичное обобщение дало повод назвать эпоху «Уху» – «пять варварских племен». Чем вызвано такое дробление, явно нецелесообразное в смысле обороны?

Если бы все правители древности и средневековья умели всегда находить верные решения и проводить их в жизнь, то история народов текла бы гораздо спокойней и не возникло бы нужды в формулировке законов истории. Но древним людям доводилось поступать и умно, и глупо, а этногенезы развиваются, как все природные процессы. Надлом – это переход в свою противоположность, и этим объясняется смена этнической доминанты (чтобы было не так, как раньше!) и стереотипа поведения.

Так, Римская республика превратилась в солдатскую империю, полиэтническая Франция – в королевство, где «один король, один закон, одна вера», а кочевники распались самым причудливым образом. В одних случаях они смешались с аборигенами, в других – противопоставили себя им, в третьих – заимствовали чуждую культуру, буддизм, в четвертых – вообще потеряли традицию.

Сложность этого периода в том, что, кроме фактора этногенеза, активно действовали еще два: засуха, кончившаяся в IV в., и соседство с другим суперэтносом – Китаем, абсолютно враждебным к «северным варварам». Только учет этих трех параметров позволил дать интерпретацию этой жуткой эпохи в специальном исследовании, на результатах которого мы будем базироваться в дальнейшем повествовании⁵⁰.

Когда хунны, теснимые засухой, поселились в Ордосе и Шэньси, где усохшие поля превратились в сухую степь, все-таки пригодную для скотоводства, казалось, что эти два этноса могут жить в мире. Но в Китае, как в Риме, власть перешла в руки солдатских императоров

династии Цзинь, а это люди грубые и недалёковидные. Китайские чиновники безнаказанно обижали хуннов, хватали их юношей и продавали в рабство в Шаньдун, для вящего издевательства сковывая попарно хунна и кула. Хунны были «пропитаны духом ненависти до мозга костей», но их, вместе с сяньбийцами, было в Китае всего 400 тысяч, а китайцев уже 16 млн. Правда, в Шэньси были еще тангуты и тибетцы, всего около 500 тысяч, но они равно ненавидели китайцев и степняков. Кроме того, хуннских князей китайцы приглашали ко двору, обучали языку и культуре, а фактически – держали как заложников. Положение хуннов казалось безнадежным.

И вдруг в 304 г., во время очередной драки китайских воевод между собой, хуннский князь Лю Юань сумел вернуться домой. Старейшины хуннов обрели вождя и приняли решение «оружием вернуть утраченные права»³¹. Лю Юань повел свой народ к победе.

Хунны в 311 г. взяли столицу Китая Лоян, а затем – вторую столицу, Чаньань, и в ней – китайского императора. К 325 г. весь Северный Китай был захвачен хуннами.

Китайцы перешли к тактике заговоров. В 318 г. приближенный шаньюя – китаец – убил его, но хуннские войска разбили заговорщиков. Однако при этом потрясении держава их разделилась: кулы отложились от природных хуннов, победили их и истребили всю знать в 329 г.

Кулов постигла та же участь. В 350 г. усыновленный шаньюем китаец произвел государственный переворот и приказал убить всех хуннов, причем погубил много китайцев «с бородами и возвышенными носами» – типичный геноцид.

Изверга разбили южные сяньби – муюны, которые унаследовали Северный Китай. Их соперниками оказались тангуты, царь которых, Фу Цзянь, подчинил весь север Китая и Великую степь, которую пересекли сибирские сяньбийцы – табгачи, выходцы из Забайкалья. Они разгромили в Ордосе хуннов, избежавших истребления в 350 г., и южных сяньби-муюнов.

За это время тангутский царь Фу Цзянь совершил нападение на Южный Китай и потерпел поражение при р. Фэй. Все покоренные им этносы покинули его в беде, а тибетцы поймали Фу Цзяня в его царстве и убили. К 410 г. табгачи победили муюнов и стали самым сильным этносом на берегах Хуанхэ.

Это не конец перечня событий, но остановимся для их анализа.

Вначале, около 304 г., пассионарный уровень хуннов был столь высок, что они победили Великий Китай. Но этот уровень был ниже того, который требовался для сохранения связей внутри державы. Поэтому отложились кулы и, перебив хуннскую знать, еще снизили уро-

вень — до уровня южных китайцев. Результат был однозначен: китайцы вырезали кулов, а муюны-сяньбийцы, перемешавшиеся в Ляодуне с корейцами и китайцами, захватили низовья Хуанхэ.

Тангуты, жившие долгое время изолированно, победили муюнов, но, создав лоскутную империю, шагнули к гибели. Фу Цзянь растратил потенциал своего этноса на войны и казни своих соплеменников, так как хотел получить популярность среди завоеванных племен, а те его предали, ибо этнические симпатии не покупаются. И он погиб.

Наступила пора войны освободившихся муюнов, опиравшихся на плохо усвоенную китайскую традицию, с табгачами, которых все считали в IV в. дикарями. Табгачи победили, ибо были монолитным этносом, а не химерой — комбинацией нескольких компонентов из разных этнических систем. Но покорив Северный Китай, они встали на путь своих предшественников, а этот путь вел к гибели.

А хунны?.. Они не погибли, ибо были великим народом. Погибла только та часть, которая пошла на контакт с китайцами — народом многочисленным, хотя и находившимся в последней фазе этногенеза, за которой идет либо распад, либо гомеостаз. Безграмотные кочевники Ордоса обрели вождя, Хэлянь Бобо, который вспомнил, что его народ некогда — во 2 тысячелетии до н. э. — жил на берегах Хуанхэ и был изгнан оттуда предками китайцев. Подобно вождю вандалов Гензериху, разрушившему Рим, чтобы отомстить за разгром Карфагена, Хэлянь Бобо в 407 г. создал хуннское царство в Ордосе и объявил, что воссоздал древнее царство Ся.

Вот третий вариант хуннского этногенеза и культуры, но был и четвертый: в 400 г. некий хунн, Мэн Сун, захватил нынешнюю провинцию Ганьсу и основал в ней княжество Хэси (буквально — «западнее реки», подразумевается Хуанхэ). Это государство буддийские монахи называли «бриллиантом северных стран». Там были знаменитые пещеры Дуньхуана.

Оба хуннских государства были завоеваны табгачами: Ся в 431 г., а Хэси — в 460 г. Хунны на востоке погибли одновременно с гуннами на западе — в 463 г. Вряд ли это простое совпадение; скорее, здесь неудачно пережитый кризис — фаза надлома этногенеза в исключительно неблагоприятных условиях.

И наконец, около 488 г. племена теле уничтожили государство «малосильных хуннов» в Семиречье — Юебань. Казалось бы, это конец эпохи, но дело обстоит гораздо сложнее: хунны сумели передать эстафету культуры другому народу, покрывшему себя славой. Инерционный период кочевой культуры все-таки, несмотря ни на что, состоялся. И в этом — вторая заслуга хуннов перед мировой историей.

БЕЗ РОДИНЫ И ОТЕЧЕСТВА

Замечательный французский историк и ориенталист Рене Груссе, описывая в своей «Степной империи»³² эпоху IV–V вв., назвал ее «Великим переселением народов в Азии», тем самым уподобив ее европейскому передвижению германцев в Римскую империю. Некоторое сходство действительно есть, но различий гораздо больше.

Хунны просто вернулись на склоны Иньшаня и Алашаня, откуда их выгнали ханьские войска во II в. до н. э., причем китайский историк писал: «Хунны, потеряв эти земли, плакали, когда проезжали мимо этих гор». И вели себя хунны, вернувшись на утраченную родину предков, не так, как вандалы или свевы в Испании или Африке.

Сяньбийцы никуда не переселились, а только расширили свое царство за счет обессиленного и обеспокоенного Северного Китая. В Южном Китае продолжала существовать национальная династия Цзинь, лишь в 420 г. низвергнутая не пришельцами из Степи, а аборигенами, племенами группы «мань». Эти племена, близкие к современным вьетнамцам, малайцам и бирманцам, были завоеваны еще ханьцами, отчасти окитаены, но отнюдь не обожали своих правителей, сбегавших от хуннов за непроходимый барьер голубой реки Янцзы. На юге цзиньцев не уважали и при случае расправились с ними.

Тангуты (ди) и тибетцы (кян) жили на своих исконных землях. Попытку овладеть гегемонией в Северном Китае они сделали себе на беду. После катастрофы 383 г. тангутов не стало, а тибетцы отошли на запад, в горную страну Амдо, где их нашел Н. М. Пржевальский. До этого судьба их была связана с Тибетом, а не с Китаем и Великой степью.

Кто же переселился на юг? Только один этнос, зато самый замечательный — табгачи³³.

Табгачи, подобно всем этносам этой эпохи, были смесью, но не с китайцами или хуннами, а с древними тунгусами. Они, подобно последним, носили косы. Находясь вне зоны пассионарного толчка, они включились в активную историю позже всех, ибо пассионарность они импортировали путем контактов с южными соседями, как англичане, получившие ее от викингов и французских феодалов. Будучи самыми «отсталыми», табгачи в IV в. еще не прошли свою акматическую фазу и истратили энергию системы на внешние войны с муюнами, хуннами и южными китайцами. Достигнутая в V в. победа объясняется не столько мощью табгачей, хотя в доблести им отказать нельзя, сколько обскурацией Китая, подобной той, которая была в Риме в V в., и надломом хуннских этносов, не успевших обрести новые формы общественной жизни.

Однако победа табгачей была отравлена тем, что из среды разбитых ими племен выделились отдельные храбрые люди, которые покинули своих вялых соплеменников и ушли в пустыню, в IV в. вновь превращавшуюся в цветущую степь. Там они нашли для себя место под солнцем, но, будучи воинами, хотя и разбитых армий, они не могли вернуться к труду мирных скотоводов по закону необратимости эволюции. Они объединялись не в племена, а в банды, и жили больше за счет грабежа, чем пастбы скота. Это были жужани, этнос, возникший не вследствие мутации, а сложившийся из «отходов» хунно-сяньбийского этногенеза. Общим языком у них был сяньбийский, т. е. древнемонгольский, а различие происхождения людей, примыкавших к ним, никого не трогало и не интересовало. Для них важно было лишь то, чтобы каждый не навидел табгачей-захватчиков, жестоких покорителей и обидчиков. Так в V в. сложилась этнополитическая коллизия, напоминающая былое соперничество Хань и Хунну, но с крайне существенным различием, о котором стоит подумать.

Хань и Хунну были естественно возникшими этносами, органически связанными с ландшафтами своих стран. Разница была лишь в возрасте. Хань — мощный мудрый пожилой человек, еще не потерявший силы и воли; Хунну — юноша, для которого все впереди. Поэтому, когда Китай в III в. пережил очередную смену фазы этногенеза — Троецарствие, превратился в дряхлого эгоиста — Цзинь, хунны стали победителями и уступили только «отсталым», т. е. молодым, табгачам.

Но табгачи сменили ландшафт, т. е. лишили себя родины. Оказавшись меньшинством среди покоренных этносов, живших дома, а не на чужбине, табгачи были вынуждены с ними считаться, а следовательно, учиться у них. Так они потеряли отечественную традицию. У них остались только социальная система и государственная машина. Та и другая работали безотказно до VI в., пока в эти творения человека поступала энергия природы, а потом погубили своих создателей, прекратив действовать и развалившись на составные части.

Вкратце процесс распада табгачской державы шел так. Тоба Гуй (386—409) победами основал государство, но сделал ряд реформ, которые можно охарактеризовать как попытку создать феодальную систему, окончившуюся провалом. Самой важной реформой был закон об обязательном убийстве матери наследника престола сразу после его рождения. Дело в том, что сяньбийцы очень уважали женщин, и родственники ханши-матери требовали себе видных мест в органах управления. Поэтому знатные табгачи не отдавали дочерей в ханский гарем. Пришлось пополнять его китайянками, что повело к отчуждению правительства от народа. Это был необратимый процесс, ведущий к гибели.

Тоба Сэ (409–423) привлекал китайских крестьян на опустелые земли, восстановил китайскую бюрократическую систему и обложил свой народ – табгачей – налогами. Еще шаг к деэтнизации, вынужденный тяжелыми войнами с хуннами и жужанями, победа над которыми не давалась.

Тоба Дао (423–452) победил хуннов и отразил жужаней, но объявил государственной религией даосизм и начал религиозные преследования буддистов, конфуцианцев и язычников. К счастью, тирана убил офицер его собственной гвардии, интриган и мерзавец, которого прикончил другой офицер, его соперник. Табгачское ханство превратилось по духу и быту в полукитайскую империю Вэй. Строй, который в ней господствовал, точнее всего назвать «загнивающим феодализмом», а сочетание табгачского меньшинства, покоренных кочевников других племен и китайской угнетенной массы – этнической химерой, как все химеры, нежизнеспособной. Некоторое время государство держалось по инерции, но в 490 г. на престол вступил Тоба Хун II, матерью которого была китайка по имени Фэн (птица феникс). Она успела отравить своего мужа в 476 г. и правила как мать наследника, отдавая предпочтение китайцам перед табгачами. Ее сын закончил дело матери: в 495 г. был издан указ, запрещающий: употребление сяньбийского языка, одежды, прически (косы), браки сяньбийцев с соплеменницами и даже похороны в родных степях. Табгачские имена было велено сменить на китайские. За попытку уехать в степь и жить по-старому был казнен наследник престола и все его спутники. От табгачей осталось только имя.

После этой реформы в империи Вэй началось полное разложение: ханжество, лицемерие, фаворитизм и, наконец, восстания воевод и распадение империи на Восточную и Западную, немедленно начавшие войну друг с другом. В 536–537 гг. Северный Китай поразил голод, погубивший 80 процентов населения страны. Только то, что в Южном Китае разложение было столь же сильным, помешало тамошним царям вернуть себе Северный Китай. Но ведь и на Юге возникла вместо этноса химера. Там роль хуннов и табгачей выполнили мяо, лоло, юе и другие племена группы «мань». Они были не добрее северных соседей древнего Китая, который в VI в. угас.

А как же развивалась культура в это страшное время? Строго закономерно: угасала при каждом потрясении. Эпоха была насыщена событиями, а событие – это разрыв одной из системных связей. Когда разрывов много, энтропийный процесс этногенеза становится заметным даже без микроскопа и бинокулярной лупы. Но это – одновременно угасание культуры, уничтожение предметов искусства, забвение науки и остывание костра, ставшего пеплом.

И наоборот, творческие процессы, т. е. усложнение системы путем умножения системных связей, долгое время незаметны, потому что воспринимаются как естественные. Здесь события сводятся к освобождению от помех развитию. Поэтому так трудно бывает определить дату начала этногенеза и длину инкубационного периода. Зато новая либо восстановленная культура пленяет историка, и кажется, что она возникла из ничего. Но это — обман зрения. Процесс борьбы со временем так же реален, как и необратимость разрушения.

Не следует осуждать людей эпохи надлома за то, что они не оставили нам, потомкам, дворцов и картин, поэм и философских систем. И в это время были таланты, но их силы уходили на защиту себя и своих близких от таких же несчастных соседей, задвинутых вековой засухой в Китай, как в коммунальную квартиру, где все ненавидят друг друга, хотя каждый по-своему неплох. Ведь если бы Китай не пал в старческий склероз, а сохранил эластичность минувших фаз этногенеза, ассимиляция кочевников обогатила бы его культуру, а терпимость, не будь она утрачена, сохранила бы жизнь многим хуннам, тангутам, табгачам и дала бы им возможность принять участие в создании если не общей культуры, то целого букета культур этнических.

Итак, не следует осуждать эпоху за то, что она была трагичной, и людей, которые сражались, не имея возможности помириться. Лучше посмотрим на то, как воскресла кочевая культура без дополнительных импульсов, за счет остатков нерастраченных сил. Как ни странно, решающую роль в спасении народов от гибели сыграло искусство. Казалось бы, этногенез должен более взаимодействовать с техникой, изготавливающей предметы необходимые; но ведь когда эти предметы ломаются, их просто выбрасывают, потому что их можно использовать, но не за что любить.

В отличие от других предметов техносферы памятники искусства, тоже сделанные руками человека, способны сильно влиять на психику созерцающих их людей. Но это влияние, точнее, влечение бескорыстно, непредвзято и разнообразно, т. е. одни и те же шедевры на разных людей влияют по-разному, а это уже выход в этнические процессы. Предметы искусства формируют вкусы, а следовательно, и симпатии членов этноса, при постоянно возникающих контактах. Отсюда идут разнообразные заимствования, что либо усиливает межэтнические связи, либо, при отрицательной комплиментарности, ослабляет их. То же самое — с памятниками собственной древности и старины. Их либо любят и берегут, либо, считая старомодными, выбрасывают и губят. А это значит, что этнос может сделать выбор и тем проявить свою волю к восстановлению системных связей, что задер-

живает энтропию, или распад системы. Это сделали древние тюрки, о которых пойдет речь ниже, а пока вернемся в II—III вв., чтобы увидеть — как «хунны» превратились в «гуннов» и что из этого вышло.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Гумилев Л. Н., Эрдейи И. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века // Народы Азии и Африки, 1969. № 3. С. 78—87.
- 2 Гумилев Л. Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. № 1. С. 53—66.
- 3 См.: Гумилев Л. Н. Этноландшафтные регионы Евразии за исторический период // Чтения памяти академика Л. С. Берга. Вып. VIII—XI. Л., 1968. С. 184—134.
- 4 Грумм-Гржимайло Г. Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Извест. ВГО. Т. XV. Вып. 5. Л., 1933.
- 5 См.: Гумилев Л. Н. История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н. э. по XVI в. н. э.). Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 32—47.
- 6 См.: Гумилев Л. Н. Старобурятская живопись. М., 1975.
- 7 А. Каримуллин доказал, что очень много дакотских и тюрских слов совпадают по звучанию и смыслу. Это не может быть просто совпадением, но в Америке нет следов древнего пребывания азиатских монголоидов. Зато американоидные черты встречаются в скелетах Сибири III—II тыс. до н. э. Следовательно, не тюрки проникли в Америку, а индейцы — в Сибирь. (См.: Вопросы географии США. Л.: Географическое общество СССР, 1967. С. 123—126.)
- 8 См.: Руденко С. И. Культуры бронзы Минусинского края и радиоуглеродные датировки // Доклады Географического общества СССР. Вып. 5. Л., 1968. С. 39—45.
- 9 См.: Геродот. История в девяти книгах / Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. 1. М., 1888. IV. С. II.
- 10 Теплоухов С. А., Киселев С. В., Грязнов М. П. Наивный эволюционный подход, построенный на произвольных датировках памятников. (См.: Руденко С. И. Указ. соч., таблица на с. 43.)
- 11 Подробно см.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. С. 480.
- 12 Сосновский Г. П. Ранние кочевники Забайкалья: Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Т. VIII. М.; Л., 1940; Он же. Плиточные могилы Забайкалья // Тр. отд. ист. первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Т. I. Л., 1941.
- 13 См.: Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 121.
- 14 См.: Гумилев Л. Н. Хунну. С. 46—48.
- 15 Расчет прост: 60 тыс. всадников — 20% всего населения. См.: Haloun G. Zur Uetsi-Frage // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1937. S. 306.
- 16 См.: Гумилев Л. Н. Хунну. С. 66.
- 17 См.: Грумм-Гржимайло Г. Е. Материалы по этнологии Амдо и области Куку-нора // Изв. Русск. геогр. общества. Т. XXXIX. Вып. 5. С. 441—483.
- 18 См.: Грумм-Гржимайло Г. Е. Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми?: Отклик из журн. Мин. нар. просвещ. 1903.
- 19 См.: Захаров И. Историческое обозрение народонаселения Китая // Труды членов русской духовной миссии в Пекине. Т. I. СПб., 1852. С. 270—281. (Цифры нельзя воспринимать буквально, но соотношения их выдержаны, по-видимому, правильно.)
- 20 Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли.
- 21 См.: Гумилев Л. Н. Хунну. С. 71—84.

- 22 Там же. С. 89–91.
- 23 Там же. С. 194.
- 24 Там же. С. 148–149.
- 25 См.: *Захаров И.* Историческое обозрение народонаселения Китая //Тр. членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. I. С. 270–274.
- 26 См.: *Haloun G.* Op. zit. S. 306.
- 27 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 107.
- 28 См.: *Гумилев Л. Н.* Хунны в Китае. М., 1974. С. 28–29.
- 29 Там же. С. 242.
- 30 См.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. М.; Л., 1950. С. 258–259.
- 31 См.: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки; *Он же.* Поиски вымышленного царства.
- 32 См.: *Гумилев Л. Н.* Хунны в Китае. С. 27.
- 33 *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 123.
- 34 См.: *Гумилев Л. Н.* Хунны в Китае.
- 35 Потомки этой ветви хуннов частично слились с куманами, а частично вернулись в IX в. на родину и добровольно примкнули к Монгольскому улусу в XIII в.
- 36 См.: *Иностранцев К. А.* Хунну и гунны. Л., 1926.
- 37 *Марцелин Аммиан.* История. Т. III. Киев, 1908. С. 236–243.
- 38 См.: *Бичурин Н. Я.* Указ. соч. Т. II. Гл. «Хунну».
- 39 Там же. Гл. «Сяньби».
- 40 См.: *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 321.
- 41 В 161 г. до н.э. юэцжи отняли у саков Кашгар; в 127 и 123 гг. до н.э. парфяне отбили набеги саков, а в 114 г. до н.э. оттеснили их из Мервского оазиса на восток Ирана. В 58 г. до н.э. саки разбиты царем Индии – Викрамидитъей. При поддержке саков Фраат вступает на престол Парфии в 30 г. н. э.; союз саков с Парфией. Поражение саков в Индии в 124 г. Рассеяние саков в Индии в 124 г. Рассеяние саков в Пенджабе и Синде.
- 42 См.: *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962; *Он же.* Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н. э.). М., 1961.
- 43 *Иордан.* О происхождении и деяниях готы /Перевод с латинского и комментарии Е. Ч. Скржинской. М., 1960. С. 91.
- 44 См.: *Диодор Сицилийский.* Библиотека II, 43. Цит. по: Очерки истории СССР. М., 1956. С. 507.
- 45 См.: Вестник древней истории (в дальнейшем – ВДИ). 1962, № 3. С. 208–210.
- 46 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 88.
- 47 См.: *Гумилев Л. Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Вестник ЛГУ. 1966. № 18. С. 84–85.
- 48 См.: *Гумилев Л. Н.* Хунны в Китае. С. 113–117.
- 49 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 143.
- 50 См.: *Гумилев Л. Н.* Хунны в Китае.
- 51 Там же. С. 47.
- 52 *Grousset R.* L'Empire des Steppes. Paris. 1960.
- 53 Долгое время этот народ назывался по-китайски – «тоба». Правильное название восстановили после прочтения орхонских надписей.

IV. В ареале этнических смещений

ПОИСК НАЧАЛА ЭПОХИ

То, что история, как социальная, так и этническая, делится на эпохи – кванты развития, не подлежит сомнению. Однако современники *никогда* не могут обнаружить ни начал, ни концов ни одной эпохи. Аберрация близости заставляет их видеть в событиях, весьма эффектных и болезненных, смену эпохи, тогда как на известном расстоянии очевидно, что это или смена фазы этногенеза, или эпизод внутри фазы, ставший, благодаря особому вниманию историков или, еще хуже, беллетристов, предметом особого внимания и интереса, не всегда бескорыстного. Так, французская революция 1789 г. рассматривалась современниками как поворотный пункт мировой истории. Так думал даже Карлейль. А верно ли это?

Французское королевство Гуго Капета – парижского графа, избранного королем в 987 г., расширилось при его потомках и к XIV в. охватило почти всю территорию современной Франции. Завоеванные силой оружия земли, будучи включенными в королевство Франция, постоянно находились в оппозиции... нет, не короне, а городу Парижу. На этом весьма выигрывали короли, часто не ладившие с населением своей столицы и тогда находившие опору в провинциальном дворянстве и буржуазии окраинных богатых городов. Но если провинции отлагались от короны, парижане помогали королям усмирить их.

Так, в XII в. Филипп Август покорил Нормандию, Мэн, Анжу, в XIII в. – Тулузу, а Филипп III – Бургундию. В XV в. полностью подчи-

нены Бретань и отложившаяся Бургундия, а также часть Фландрии; в XVIII в. — Эльзас. И все население этих областей ненавидело Париж.

А парижане — наиболее пассионарный субэтнос — хотели, чтобы король слушался их; и сила была часто на их стороне. В 1356 г. Этьен Марсель — глава купеческой гильдии; в 1413 г. Кабош — глава цеха мясников пытались захватить власть в Париже, а тем самым — во Франции. Следом шли аналогичные попытки: Лига, Фронда и, наконец — восстание Сент-Антуанского предместья, продержавшееся с 1789 г. по 1794 г. — не дольше, чем предшествующие. И после были аналогичные события: в 1848 г. и в 1870 г., но шум вокруг «Великой» революции забил все остальные мелодии и какофонии.

Ну вот, прошло 200 лет и мы видим, что Марат сопоставим с Кабошем, Дантон — с Этьеном Марселем, а Дюмюрье — с графом Арманьяком. Настоящая же история французского этноса началась в кровавый день битвы при Фонтенуа, потом — при прочтении Страсбургской клятвы и оформилась при избрании Гуго Капета. Видно это только при отдалении и охвате одним взглядом всего тысячелетнего процесса этнической истории Франции.

Но ведь Франция — одна страна, настолько сильная, что процесс этногенеза внутри нее не был ни разу нарушен. Это очень упрощает работу историка. А ведь в нашем случае этносы малочисленны, соседи агрессивны, культурные влияния неотчетливы, но без установления соразмерности значимости событий никаких результатов получить нельзя. Следовательно, необходимо усовершенствовать методику исследования.

Степи Северного Прикаспия, где скрылись хунны, были не местом развития этноса, а местом встреч или поприщем для столкновений. Значит, предметом исследования будет именно столкновение и вызываемое им смещение этногенезов, что само по себе не ново.

Как известно, смещение ортогенного процесса возникает за счет воздействия чужого этноса на аборигенов, причем это воздействие обычно проявляется при внезапной массовой миграции, которую аборигены не смогли своевременно отразить. В нашем случае таких миграций в Восточную Европу было две: готы — около 155 г. из «острова Скандзы» перебрались в устье Вислы¹, после чего победным маршем дошли до Черного моря², и хунны из Центральной Азии в 155–158 гг.³ достигли берегов Волги, где вошли в соприкосновение с аланами. Ситуация в степях Прикаспия и Причерноморья изменилась радикально и надолго. Значит, от этой даты можно вести хронологический отсчет событий этнической истории региона. Но если история готов, граничивших с Римской империей, относительно полна, то история хуннов с 158 по 350 г. совершенно неизвестна. Можно

лишь констатировать, что за 200 лет они изменились настолько, что стали новым этносом, который принято называть «гунны»⁴.

Согласно принятому нами постулату – дискретности этнической истории, мы должны, даже при размытости начальной даты, считать середину II в. за исходный момент отрезка истории. И нас не смущает то, что 200 лет истории не освещены источниками. Общий исход событий легко восстановить методом интерполяции, что уже в значительной части сделано. И хотя, по принятой шкале отсчета – рассмотрение истории с бэровских бугров низовий Волги, – гунны находятся в центре нашего внимания, мы начнем не с них, а с их окружения: готов, римлян и ранних христиан, в IV в. создавших Византию.

Римская империя во II в. была страной вполне благоустроенной, но в III в. она превратилась в кошмарное поприще убийств и предательств, а в IV в. сменила даже официальную религию и освященную веками культуру. Иначе говоря, в 192–193 гг. произошла смена фаз этногенеза: инерция древнего толчка иссякла и заменилась фазой обскурации – бессмысленной растратой накопленных сокровищ: таланта, мужества, честности, ума и патриотизма. Так разваливается дворец, в котором подгнивают балки перекрытий.

Христианские общины росли, крепили, множились и ветвились. Так бывает лишь тогда, когда негэнтропийный импульс, или, что то же самое, пассионарный толчок, зачинает новый процесс этногенеза. Попытка гальванизовать христианами Западную империю не дала положительных результатов, но этносы в зоне толчка, в том числе готы, обрели новую энергию, шли от победы к победе и находились в фазе пассионарного подъема. А гунны?..

ЗАГАДКА И ЗАДАЧА

Кто такие «гунны» и каково их соотношение с азиатскими хунну? Действительно, оба эти народа были по культуре далеки друг от друга, однако К. А. Инostrанцев, отождествивший их⁵, был прав, за исключением даты перекочевки (не IV в., а II в.), а американский историк Отто Мэнчен-Хелфен сомневался в тождестве хуннов и гуннов⁶ напрасно, ибо его возражения: неизвестность языка хуннов и гуннов, невозможность доказать факт перехода с Селенги на Волгу, несходство искусства тех и других – легко опровергаются при подробном и беспристрастном разборе обстановки II–V вв.⁷ Эту «загадку» можно считать отошедшей к истории науки, а современная наука ставит перед нами уже не загадку, а задачу: каким образом могло получиться, что немногочисленный (об этом ниже) бродячий этнос создал огром-

ную державу, развалившуюся через 90 лет, да так основательно, что от самого этноса осталось только имя? Решить эту задачу путем применения традиционной методики невозможно, иначе она была бы давно решена. Попытка А. Н. Бернштама применить к доклассовому обществу социальные категории⁴ привела автора к позорному разгрому из-за многочисленных передержек. Но применение этнологии — естественной науки — должно дать лучший результат.

История европейских гуннов написана подробно и исчерпывающе отвечает на вопросы: «как было?» и «что было?», но не затрагивает вопросов «почему?» и даже: «а могло бы быть иначе?». Естествознание же интересуется именно этими вопросами, как, впрочем, и широкий читатель. В нашей предваряющей работе по рекомендации редактора проф. М. И. Артамонова последние вопросы обойдены молчанием, ибо в 1960 г. этнологии, как самостоятельной науки, еще не существовало. Но теперь она есть¹⁰ и в сочетании с традиционной фактографией может помочь в поисках решения. И больше того, она позволит отказаться от филологического источниковедения, которое занимается взглядами древних авторов, а не тем, что было на самом деле.

Не то чтобы издание и комментирование источников были не нужны. Как раз наоборот! Только из них этнолог получает достоверную информацию о событиях, но вместе с тем он получает вполне неполноценную интерпретацию, отражающую уровень науки II–VI вв. И это очень мешает пониманию направления этнических и социальных процессов, ибо уровень науки XX в. все-таки несколько выше и охват темы — шире.

Поэтому мы видим задачу в том, чтобы, используя накопленный и проверенный материал фактов, понять и объяснить его как явление биосферного масштаба, т. е. соединить этническую историю с палеогеографией I тыс. н. э. Отсюда вытекает наше отношение к библиографии и истории проблемы. Библиографические сноски не исчерпывающи, так как нашей задачей является изучение хуннов, а не хуннологов. С XVIII в. хуннская тема увлекала многих талантливых историков, но их взгляды блестяще изложены К. А. Инностранцевым в специальной работе, повторять которую нет смысла. Новые разногласия учтены автором этих строк в цитированных работах. Поэтому целесообразно не повторять пройденного, а дать, так сказать, двухступенчатую систему отсылочных сносок: ссылаться на последние обобщающие работы, в которых изложение источников и взгляды предшественников уже критически обработаны и проверены. Да ведь нельзя вложить в одну главу книги все, что выучил за 30 лет!

Зато за счет экономии, проведенной предлагаемым способом, появилась возможность использовать достижения палеогеографии, что

особенно интересно для описываемого периода, ибо климатические колебания II–IV вв. были весьма резкими. Именно этот параметр позволит пролить свет на главную тему нашей книги – характеристику разных типов этнических контактов.

ВСТРЕЧИ

Перейдя на новое место, неукротимые хунны не могли не встретиться с аборигенами. Обычно именно встречи и столкновения на этническом уровне привлекали внимание древних историков и фиксировались в их сочинениях. И о приходе хуннов в Прикаспий есть упоминания: уже упомянутого географа Дионисия Периегета, около 160 г., и Птолемея в 175–182 гг. Но этого так мало, что даже возникло сомнение, не вкралась ли в их текст ошибка переписчика¹¹. Однако такое сомнение неосновательно¹², ибо автор VI в. Иордан, ссылаясь на «древние предания», передает версию, проливающую свет на проблему¹³.

Король готов Филимер, при котором готы ко второй половине II в. появились на Висле¹⁴ привел свой народ в страну Ойум – страну, изобилующую водой. Предполагается, что страна Ойум располагалась на правом берегу Днепра¹⁵. Там Филимер разгневался на каких-то женщин, колдуний, называемых по-готски «галиурунами» и изгнал их в пустыню, где с ними встретились «нечистые духи», и потомки их образовали племя гуннов.

Видимо, так и было. Хунны, спасшиеся от стрел и мечей сянбийцев, оказались почти без женщин. Ведь редкая хуннка могла вынести 1000 дней в седле без отдыха. Описанная в легенде метисация – единственное, что могло спасти хуннов от исчезновения.

Но эта метисация, вместе с новым ландшафтом, климатом, этническим окружением, так изменили облик хуннов, что, для ясности, следует называть их новым именем гунны, как предложил в 1926 г. К. А. Иностранцев (см. выше).

Такая радикальная перемена в образе жизни и культуре – явление естественное. Английские крестьяне XVII в. – пуритане, баптисты, квакеры и католики, эмигрировавшие в Америку, за 200 лет переродились в скваттеров и трапперов, потом в ковбоев, потом в гангстеров. Они стали непохожими на англичан, но ведь и те со времен Тюдоров изменились, хотя и в другом направлении.

Еще более нагляден пример испанцев в Латинской Америке. В XVI в. Кортес покорила ацтеков с помощью тласкаланцев и семпоальцев, которые за помощь и союз были освобождены от всех налогов. Смешение креолов с индейцами шло медленно, но расхождение «Но-

вой Испании» с метрополией — быстро. Креолы — испанцы, рожденные в Америке, в XVIII в. возненавидели «гачупинов» — так называли приезжавших из Испании.

В XIX в. испаноязычные католические колонии отпали от Испании и вернули индейские названия: Мехико, Чили, а креолы выдумывали себе генеалогии, чтобы походить не на испанцев, а на ацтеков или инков, ибо называли себя не «испанцами», а «американцами».

Хунну и гунны — аналогичный пример этнической дивергенции, но с более печальным исходом. Дивергенция — следствие миграции, а на новом месте пришельцы не могут не вступить в контакт с соседями, но контакты бывают разными.

Аланы, жившие между нижней Волгой и Доном, встретили хуннов недружелюбно. Однако во II—III вв. хунны, постепенно становящиеся гуннами, были слишком слабы для войны с аланами, потрясавшими даже восточные границы Римской империи. На берегах Дуная их называли роксаланы, т. е. «блестящие» или «сияющие аланы» — ср. греческое чтение бактрийского имени Раушанак — Роксана (жена Александра Македонского)¹⁶.

В низовьях реки Сейхун (Сырдарья) жил оседлый народ хиониты, которых китайцы называли «хуни» и никогда не смешивали с хуннами¹⁷. С хионитами хунны не встречались. Очевидно, лежавшая между ними суглинистая равнина, с экстрааридным, т. е. сверхзасушливым климатом, была природным барьером, затруднявшим этнические контакты, нежелательные для обеих сторон. Северными соседями хуннов были финно-угорские и угро-самодийские племена, обитавшие на ландшафтной границе тайги и степи. Их потомки — манси и ханты (вогулы и остяки) — реликты некогда могучего этноса сибир (или сибир¹⁸), в среднегреческом произношении савир, в древнерусском — север, северяне, которых еще в XVII в. называли «севрюки». Прямых сведений о хунно-сибирских контактах нет, что само по себе говорит об отсутствии больших войн. Косвенные соображения, наоборот, подсказывают, что отношения савиров и хуннов, а позднее — гуннов, были дружелюбными. Вот тут-то и зарыта собака!

СВОБОДНОЕ МЕСТО

Обычно, когда в коммунальную квартиру въезжают новые жильцы, то их встречают враждебно, так как они претендуют на площадь, которую старые жильцы норовили приспособить для себя. Исключением является лишь та редкая ситуация, когда новоселы занимают комнату, давно пустующую и никому не нужную. Но разве бывает такая си-

туация в природных ландшафтах, где естественный прирост толкает на расширение ареала до возможных пределов? Бывает! Но только тогда, когда какая-то территория становится непригодной для ведения привычного хозяйства и, следовательно, ненужной. Ее покидают и не интересуются тем, кто ее займет, лишь бы не стал агрессором.

Внутренние области обширного Евразийского континента принципиально отличаются от прибрежных характером увлажнения. Западная Европа, по существу, большой полуостров, и омывающие ее моря делают ее климат стабильным. Конечно, и здесь наблюдаются вариации с повышением или понижением уровня увлажнения, но они невелики и значение их для хозяйства народов Западной Европы исчерпывается отдельными эпизодическими засухами или наводнениями. Те и другие быстро компенсируются со временем, но даже в этом случае последствия их отмечаются в хрониках.

Исследуя эти процессы, необходимо помнить, что хронисты или, по-нашему – летописцы, всегда отмечают события и явления редкие, экстраординарные, а не обычные, характерные для описываемого периода. Так, в дождливые периоды отмечаются ясные дни или месяцы, и наоборот. Особенно важно учитывать смены повышенных увлажнений и атмосферных фронтов, а пути циклонов постоянно смещаются с юга на север и обратно. Как установлено, эти смещения происходят от колебаний солнечной активности и соотношений между полярным, стабильным, и тропическим, подвижным, антициклонами, причем ложбины низкого давления, по которым циклоны и муссоны несут океаническую влагу на континент, создают метеорологические режимы, оптимальные или для леса, или для степи, или для пустыни.

И если даже в прибрежных регионах эти смещения заметны, то внутри континента они ведут к изменениям границ между климатическими поясами и зонами растительности. Последние же определяют распространение животных и народов, хозяйство коих с окружающей средой всегда связано тесно.

И наконец, смены зон повышенного увлажнения наглядны при изучении уровней Каспия, получающего 81% влаги через Волгу, из лесной зоны, и Арала, который питают реки степной зоны. Уровни эти смещаются гетерохронно, т. е. при трансгрессии Каспия идет регрессия Арала и наоборот. Возможен и третий вариант: когда циклоны проходят по арктическим широтам, севернее водосбора Волги, снижаются уровни обеих внутренних морей. Тогда расширяется пустыня, отступает на север тайга, влажные степи становятся сухими и тает Ледовитый океан. Именно этот вариант имел место в конце II и особенно в III в. Кончился он только в середине IV века.

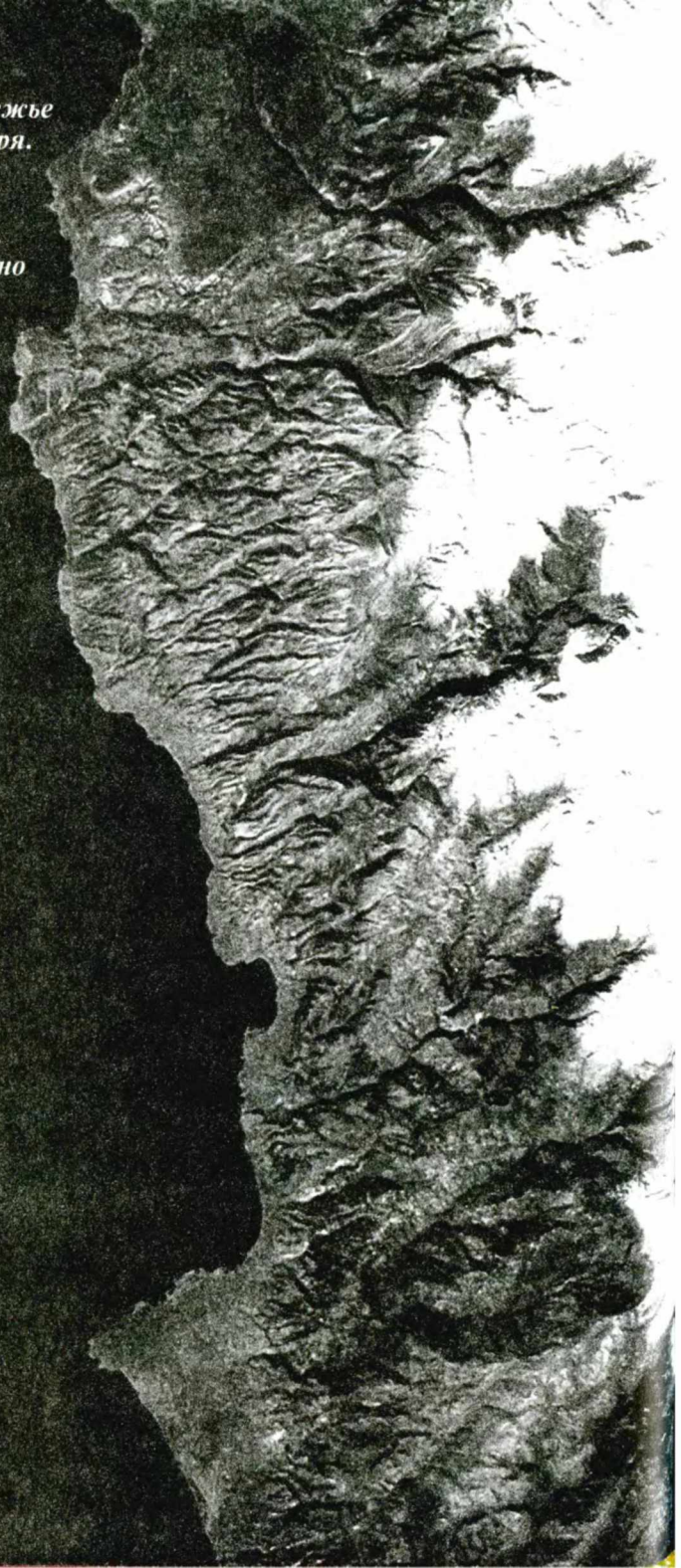

Синайский полуостров
острием вытянут
в Красное море.
Рукоятка залива Акаба
— севернее. Огромное
Красное море — разлом,
наполненный водой.
Параллельно течет
Нил, заключенный
в широкую ложбину
каналов и болотных
низин. Над дельтой
Нила — облака.
Испарения устья Нила
удивляли еще греков
в доисторические
времена.

*Ливанское побережье
Средиземного моря.
Реки прорывают
горы Ливана,
поросшие кедром.
На севере — пятно
города Бейрут.
У залива
на юг — внизу,
у выступа
в море —
древний город
Сидон,
арабская Сайда.*

Эта длинная преамбула позволяет дать краткий ответ на поставленный вопрос. Неукротимые хунны уходили на запад по степи, ибо только там они могли кормить своих коней. С юга их поджимала пустыня, а севера манила окраина лесостепи. Там были дрова – высшее благо в континентальном климате. Там в перелесках паслись зубры, благородные олени и косули; значит, было мясо. Но углубиться на север хунны не могли, так как влажные лесные травы были непривычны для хуннских коней, привыкших к сухой траве, пропитанной солнцем, а не водой.

Местное же население, предки вогулов (манси)¹⁹, отступало на север, под ласковую тень берез и осин, кедров, елей и пихт, где водились привычные для него звери, а светлые реки изобиловали рыбой. Им не из-за чего было ссориться с неукротимыми хуннами. Наоборот, они, видимо, понравились друг другу. Это можно заключить по тому, что в конце V и в VI в., когда гуннская трагедия закончилась и гуннов, как этноса, не стало, угорские этносы выступают в греческих источниках с двойным названием: «гунны-савиры», «гунны-утигуры», «гунны-кутригуры», «хуну-гуры»²⁰. Если даже приуральские угры не смешивались с потомками хуннов, то очевидно, что они установили контакт на основе *симбиоза*, а отнюдь не *химеры*. Такой контакт позволил им объединить силы, когда они понадобились.

Напомним значение терминов. Симбиоз – близкое сосуществование двух и более этносов, причем каждый имеет свою экологическую нишу. Химера – сосуществование в одной экологической нише. Отношения между этносами могут быть и дружескими, и враждебными, метисация возможна, но не обязательна, культурный обмен иногда бывает интенсивным, иногда – слабым, заменяясь терпимостью, переходящей в безразличие. Все зависит от величины разности уровней пассионарного напряжения контактирующих этносистем.

Иногда имеет значение характер социального строя, но в нашем случае этого не было. Южносибирские и приуральские финно-угры в III в. имели свою организацию, которую китайские географы называли Уи-Бейго-Угорское Северное государство²¹. Оно было расположено на окраине лесной зоны, примерно около современного Омска. У хуннов тоже была военная организация и вожди отрядов, без которых любая армия небоеспособна. Но и те, и другие находились в родовом строе – первобытнообщинной формации, что исключало классовые конфликты между обоими этносами. Двести лет прожили они в соседстве, и когда наступила пора дальних походов на Европу, двинулись не хунны и угры, а потомки и тех, и других – гунны, превратившиеся в особый этнос. Хунны стали ядром его, угры – скорлупой, а вместе – особой системой, возникшей между Востоком

и Западом вследствие уникальной исторической судьбы носителей хуннской пассионарности.

ВЕЛИКАЯ ПУСТЫНЯ И СЕВЕР

И все-таки неукротимые хунны не смогли бы уцелеть, если бы в ход событий не вмешалась природа. Степь, которая была для их хозяйства вмещающим ландшафтом, в начале н. э. была не пустой равниной, покрытой только ковылем и типчаком. В ней были разбросаны островки (колки) березового и осинового леса, встречались сосновые боры. Там паслись несметные стада сайгаков; лисицы-корсаки охотились на сурков и сусликов. Громадные дрофы и красавцы журавли подвергались нападениям степных орлов и небольших, но ловких удавов. Степь могла кормить даже такого свирепого хищника, как человек. Почему же финно-угры так легко отказались от степных угодий, принадлежавших им по праву?

Во II в. атлантические циклоны сместили путь своего прохождения на восток, в глубины континента²². В I в. они несли влагу через южные степи и выливали ее на горные хребты Тарбагатая, Саура и Тянь-Шаня, откуда они текли в Балхаш и Арал. Степи при этом зимой увлажнялись оптимально. Снега выпадало достаточно (свыше 250 мм в год), чтобы пропитать землю и обеспечить растительности возможность накормить собой травоядных, а телами тех — хищников, в том числе людей. Но в середине II в. путь циклонов сместился в лесную зону, что вызвало обмеление Арала и подъем уровня Каспия на 3 м. Величину трансгрессии определил В. Г. Рихтер, изучив донные отложения Кара-Богаз-Гола и высоту бара, отделяющего залив от моря²³.

Но в III в. вековая засуха развернулась с невиданной мощью. Северная аридная степь сдвинулась к северу, заменившись экстрааридной пустыней. Количество осадков снизилось до 100–200 мм в год. Полынь вытеснила ковыль, куманы заменили сайгаков, ящерицы, ядовитая гюрза, варан — степных удавов.

Тогда угры покинули изменившую им природу и двинулись на север по великой реке Оби, а самодийцы — по красавцу Енисею²⁴. Самодийцам повезло больше. Они достигли северного аналога Великой степи — тундры, научились приручать северного оленя и сделали местопребывание этого прекрасного зверя своим месторазвитием. От берегов Хатанги и Дудыпты до Кольского полуострова распространились кочевники-оленеводы, и там они прожили свой исторический цикл — 1200 лет, о которых мы, к сожалению, ничего не знаем, как и о судьбе прочих бесписьменных народов.

Угры, продвигавшиеся по Оби, встретили племя, а может быть, целый народ, имени которого история не сохранила. Открыли его археологи и свою находку назвали «Усть-Полуйской культурой»²⁵. Название же, которое ему попытались дать, исходя из мансийских преданий — «сииртя», означает — неупокоенный дух убитого, приходящий по ночам для отмщения своим погубителям²⁶. Манси считали, что последние «сииртя» прячутся в пещерах Северного Урала и Новой Земли и, являясь невидимками, очень опасны.

Что же, может, так оно и было.

Правильнее всего предположить, что миграция угров на север произошла вследствие великой засухи III в. или сразу после нее, а пассионарность, необходимую для столь грандиозных свершений, предки нынешних угров получили от метисации с хуннами, у которых пассионарность была в избытке, а все остальное потеряно. Но метисация всегда бывает взаимной, и, как уже было сказано, хунны превратились в гуннов.

Но тут для каждого читателя, знакомого с географией, встает вопрос: как скотоводческий и конный этнос мог преодолеть таежный барьер, отделяющий южную степь от северной, т. е. тундры? Зимой в тайге глубокий снег, через который лошадям не провести, а летом болота с тучами гнуса. По глубокой Лене предки якутов в XI в. спускались на плотах, но по бурному Енисею и через перекаты и мели Оби этот способ был бы слишком рискованным. А кроме того, угры и сами гунны распространялись на север по Волге, а в этой реке течение сильное. Тем не менее большинство северных народов Восточной Европы имеют два раздела: финский — древний и угорский — пришлый. Мордва: эрзя — финны, мокша — угры. Мари: горные черемисы — финны, луговые — угры. «Чудь белоглазая» — финны. Чудь Заволоцкая — угры. (Чудь Заволоцкая, или Великая Пермь — Биармия скандинавских саг.)

Видимо, южным этносом были лопари, сменившие свой древний язык на финский. Язык, поскольку он является средством общения, бесписьменные этносы меняют легко и часто. Передвигаться же по тундре с востока на запад, на Кольский полуостров и в Северную Норвегию, было и тогда не сложно.

И, наконец, чувашаи состоят из двух компонентов: местного и тюркского, даже не угорского. Поскольку чувашский язык принадлежит к наиболее архаичным тюркским языкам, сопоставление его с гуннским правдоподобно²⁷.

Заметим, что все перечисленные этносы живут около Волги и ее притоков или поблизости от них. Значит, именно Волга, замерзающая зимой, была дорогой угров и гуннов на север. Ту же роль в Зауралье

играли Обь и Енисей. Угро-самодийцы обрели новую родину, заменив собой древние циркумполярные этносы²⁸, от которых сохранился только один реликт — кеты.

В предлагаемой реконструкции гипотетична только дата переселения — III—IV вв. Она является выводом дедуктивным, т. е. предлагается на базе изучения всей климатической и этнической истории. Действительно, ни до, ни после этой даты не было ни мотивов, ни возможностей для столь большой миграции. Но, как при любом гипотетическом построении, любые новые аргументы «за» и «против» желательны.

И последнее, финны и угры с гуннами не ассимилировали друг друга, а жили на основе симбиоза. Это снижало необходимость межплеменных войн и резни. Только несчастные «усть-полуйцы» превратились в страшных духов — «сииртя», а в прочих местах миграция прошла относительно благополучно. Заметим это и обратимся к югу.

ВЕЛИКАЯ ПУСТЫНЯ И ЮГО-ЗАПАД

Скифы и сменившие их сарматы жили полуоседлым бытом, совмещая земледелие с отгонным скотоводством. Скот их нуждался в сене, потому что в их степях снеговой покров превышал 30 см, что исключает тебеневку (добычу скотом корма из-под снега). Сухие степи их не привлекали, а пустыня просто отпугивала. Зато луга и лесостепь сарматы умели осваивать, чуждаясь только дубрав и березово-осиновых лесов; там им нечего было делать. Поэтому, сопоставив карту распространения сарматских племен I в. и разнотравно-дерновинно-злаковых степей, нетрудно определить размеры Сарматии: от среднего Дуная на западе до Яика и даже Эмбы на востоке.

Однако зауральская Сарматия была периферией их ареала, ибо Причерноморье получает дополнительное увлажнение от меридиональных токов черноморского воздуха, Каспий же в то время стоял на абсолютной отметке минус 36 м, и его северный берег был расположен южнее параллели 45°30', хотя Узбой в то время впадал в Каспий²⁹. При столь малом зеркале испарение было слабым и не влияло заметно на климат северного берега Каспия.

Когда же наступила великая засуха, сарматы стали покидать восточные степи и берега Каспийского моря. Они передвинулись за Волгу, а сокращение пастбищных угодий компенсировали расширением запашки зерновых, ибо Римская империя охотно покупала их дешевый хлеб.

Таким образом, восточнее Волги образовались свободные от населения пространства, и они стали пристанищем для хуннов, привык-

ших на свой родине к еще более засушливым степям, нежели полынные, опустыненные степи Северного Прикаспия.

Но подлинная пустыня надвигалась на степь с юга. Полынь уступала место саксаулу и солянкам. Тот ландшафт, который ныне бытует в Кызылкумах и Каракумах, окружил с севера Аральское море, которое высохло настолько, что превратилось в «болото Оксийское»³⁰. И эта местность в III в. была даже еще хуже, так как бурые суглинки, в отличие от песков, не впитывают дождевую воду, а дают ей испариться, оставляя равнину гладкой, как стол.

Засуха не пощадила и Балхаш, который высох так, что дно его было занесено золовыми отложениями, перекрывшими соленые почвы. После засухи, кончившейся в IV в., Балхаш не успел осолониться³¹. Обитавшие вокруг него усуни отошли в горы Тянь-Шаня, а их земли заняли потомки «малосильных» хуннов, сменившие свое имя на «чуйские племена».

ВЕЛИКАЯ ПУСТЫНЯ И ЮГ

Все населявшие степи племена в III в. были слабы. Политическое значение они обрели лишь во второй половине IV в., когда атмосферная влага вновь излилась на континентальные пустыни.

Чтобы не возвращаться больше к истории Средней Азии, долгое время развивавшейся отдельно от истории Азии Центральной, отметим, что все силы народов Приаралья и Припамирья были скованы войнами с Ираном³².

Внешнеполитическое положение Ирана в середине III в. было весьма напряженным. Борьба с Римской империей была делом нелегким. После первых удач, закончившихся пленением императора Валериана в 260 г., персам пришлось перейти к обороне. Римляне проводили контрнаступление планомерно и последовательно: в 283 г. они отняли у персов контроль над Арменией, а в 298 г. навязали Ирану невыгодный Нисибинский мир.

Талантливый шах Шапур II (309–379) был вынужден в первую половину своего царствования тратить средства и силы на отражение наступления хионитов, но к 356 г. хиониты стали союзниками Ирана, и под их натиском пала Амида, форпост римлян в Месопотамии.

Успокоение на восточной границе дало персам возможность отразить наступление Юлиана в 361 г. После 371 г. нажим персов на запад ослабел. Почему?

Оказывается, в 368–374 гг. восстал наместник восточной границы, Аршакид, сидевший в Балхе. В 375–378 гг. персы потерпели пораже-

ние настолько сильное, что Шапур даже снял войска с западной границы и прекратил войну с Римом; хонны, т. е. хиониты, выступили на поддержку восстания, разорвав союз с Ираном; восстание погасло при совершенно не описанных обстоятельствах, но сразу же вслед за подавлением Аршакида в персидских войсках появляются эфталиты, как союзники шахиншаха, в 384 г. Это не может быть случайным совпадением. В самом деле: Балх лежит на границе иранского плоскогорья и горной области около Памира. Задачей персидского наместника было наблюдение за соседними горцами, и, можно думать, до восстания ему удавалось препятствовать их объединению. Но как только это воздействие прекратилось, горные племена объединились и покончили со своим врагом, чем и объясняется их союз с персидским царем. Степные хиониты, поддерживавшие повстанца, видимо, были разбиты, так как их нажим на Иран с этого времени прекратился. С середины IV в. эфталитское царство стало преградой между оседлым Ираном и кочевническими племенами Евразийской степи, в том числе — среднеазиатскими хуннами. Этим объясняется, почему Иран больше беспокоился об укреплении кавказских проходов, нежели о своей восточной границе, лишенной естественных преград.

Эфталиты были народ воинственный, но немногочисленный. Успехи их объясняются глубоким разложением захваченных ими областей. Судьба их могущества напоминает историю средневековой Швейцарии, устранившей Европу до тех пор, пока Франция и Австрия были в упадке. Эфталиты совершали свои губительные набеги, главным образом, на Индию, а для стран восточнее Памира и Тянь-Шаня их вмешательство было только эпизодом³³.

В III в. китайцы утратили влияние на владения к северу от Стены. Крайним пунктом распространения Китая на запад стал Дуньхуан. Династия Цзинь вернула часть застенных владений, а именно низовья реки Эдзин-Гол и Турфанскую котловину, которая в 345 г. была переименована в «область Гаочан Гюнь»³⁴. Управление этой отдаленной областью было для китайского правительства чрезмерно затруднительно, и она, естественно, вошла в сферу влияния правителей Хэси.

Прочие владения в III в. имели тенденцию к укрупнению: на юго-западе создалось государство Сулэ (Кашгар), на юге оно включило Яркенд³⁵, на северо-западе — Тянь-Шань. Хотан усилился и остался единственным владением, продолжавшим тяготеть к Китаю. Это была не политическая зависимость, а культурная близость, выражавшаяся в регулярных посольствах из Хотана в Китай.

На северо-западе распространилось по северным склонам Тянь-Шаня княжество Чэши, от оз. Баркуль на востоке до верховьев р. Или на западе; на юге Шаньшань объединила все владения от стен

Дунхуана до берегов Лобнора. В центре страны захватил гегемонию Карашар (Яньки), около 280 г. подчинивший себе Кучу и ее вассалов Аксу и Уш³⁶. Однако можно думать, что Карашар стал столицей не монолитной державы, но конфедерации, так как на карте «Западного Края» эпохи Цзинь помечена граница между Кучей и Карашаром, и в дальнейшем эти оба государства имеют разных правителей, хотя и выступают в тесном союзе. Народ охарактеризован как «тихий и мирный», избегающий общения с чужеземцами, даже торговля будто бы производится без произнесения единого слова³⁷.

Обитателей «Западного Края» обогащала только посредническая торговля, так как культура шелка была введена в Хотане лишь во второй половине IV в., откуда перешла в Согдиану в V в.³⁸ Все сведения о «Западном Крае» или «Серике» получены античными авторами не из первых рук, потому что парфяне не допускали прямых сношений между Римом и Китаем³⁹. Не исключена возможность того, что парфяне нарочно дезинформировали римлян, чтобы затруднить им сношения с Восточной Азией. Итак, грандиозная засуха III в. так ослабила степные этносы Турана, что они проиграли войну с Ираном⁴⁰ и стали жертвой своих восточных соседей: сначала гуннов, а потом тюркютов⁴¹.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ II—IV ВВ.

Древние историки охотно и подробно описывали события, им известные, причем их осведомленность была довольно велика. Но если событие не было, то они и не писали. Так, о появлении хуннов в Прикаспийских степях упомянули два видных географа, а потом — целых двести лет — ни слова, а в конце IV в. целый фонтан сведений и сомнительных подробностей, ибо гунны начали воевать. Но коль скоро так, то, значит, с 160 по 360 г. они жили мирно. Хоть это и не вяжется с привычным представлением о гуннах как о свирепых грабителях, но, видимо, так оно и было.

Растущая пустыня III в. избавила гуннов от южных соседей: образованных аланов, драчливых хионитов, воинственных абаров и храбрых готов, а самое главное — от римлян, пребывавших в фазе obscuratio. Солдатские императоры, будь то по рождению римляне, как Септимий Север, или иллирийцы, как Аврелиан или Диоклетиан, сирийцы — Бассиан Антонин, он же Гелиогабал, фракийцы — Максимин, арабы — Филипп, галлы — Тетрик, зависели от своих легионеров и приближенных, а те предпочитали свои личные интересы, корыстные или карьеристские, государственным, полагая, что раз Рим — вечный город, то заботиться о нем нечего. Куда он денется?

Вот поэтому-то война в империи не затихала. Она шла иногда на границах с иноплеменниками, иногда с собственным населением — восставшим и подавляемым, но чаще всего легионы бились друг с другом, заставляя командиров под страхом смерти вести их в смертный бой против своих же соратников и боевых друзей. Страшная это штука — субпассионарность.

Но не все обитатели Римской империи были субпассионариями. Пассионариев, и весьма активных, в III в. стало появляться очень много, но они меняли стереотип поведения и, тем самым, выпадали из римского суперэтнуса. Эти люди, происходившие от разных предков, разрывали и семейные традиции, и культурные связи с современниками, и даже некоторые взаимоотношения с законностью в том виде, как она понималась в античном обществе.

Например, Римская республика могла возбудить дело о преступлении, только получив донос от римского гражданина, не раба. Граждане писали доносы часто, даже слишком охотно, так что приходилось их иногда наказывать за клевету. А вот люди нового типа, те, которые становились членами христианских, митраистских и манихейских общин, объявили предательство худшим из возможных грехов и осуждали Иуду Искариота, хотя тот, с обычной точки зрения, поступил правильно — указал, где найти лицо, обвинявшееся в политическом или, точнее, идеологическом преступлении. Взаимовыручка стала поведенческим императивом христиан. Это было особенно существенно для военной службы, потому что исключало предательство боевого товарища или полководца, что языческие, т. е. безрелигиозные, легионеры превратили в привычку или доходный промысел, ибо, по обычаю, новый император давал воинам денежный подарок. Из-за этого менять власть стало выгодно. Но митраисты, создавшие тайные группы именно в армии, категорически возбраняли своим членам «обман доверившегося», а христиане шли еще дальше. И вот почему.

Митраисты были в милости у начальства. Культ «Непобедимого Солнца» исповедовали все солдатские императоры, включая Константина Великопостольного.

Манихеи умели ловко скрываться и притворяться. Их учение, что в основе лежит не вера, а знание, было одновременно и мистическим, и атеистическим. Оно разрешало ложь, что крайне облегчало им жизнь, потому что первое время на них смотрели как на безобидных болтунов. Только Диоклетиан воздвиг на манихеев гонение, но вскоре оно загасло.

А вот христианам досталось! Девять жестоких гонений без малейшей пощады. И тем не менее число христиан росло, и в легионах они

составили самую боеспособную часть воинов, дисциплинированных и верных. Но вот беда, христианские легионеры категорически отказывались сражаться против единоверцев. В 286 г. Максимиан послал в Галлию Десятый фиванский легион на подавление восстания багаудов. Легион отказался от проведения экзекуций над христианами. Максимиан провел две децимации — безрезультатно! Тогда убили всех остальных⁴²⁾.

Зато Константину христианские легионеры доставили престол и спасли жизнь. За это он дал в 313 г. эдиктом, веротерпимость христианам, а в 315 г. отменил распятие как позорную казнь, и приказал сжигать тех евреев, которые возбуждают мятежи язычников против христиан⁴³⁾. Так в Римской империи возникло из одного суперэтноса два, а это уже химера.

Химера — образование хищное, но не устойчивое. Существует она до тех пор, пока не растратит всех богатств, накопленных минувшими этносами, жившими либо порознь, либо в симбиозе.

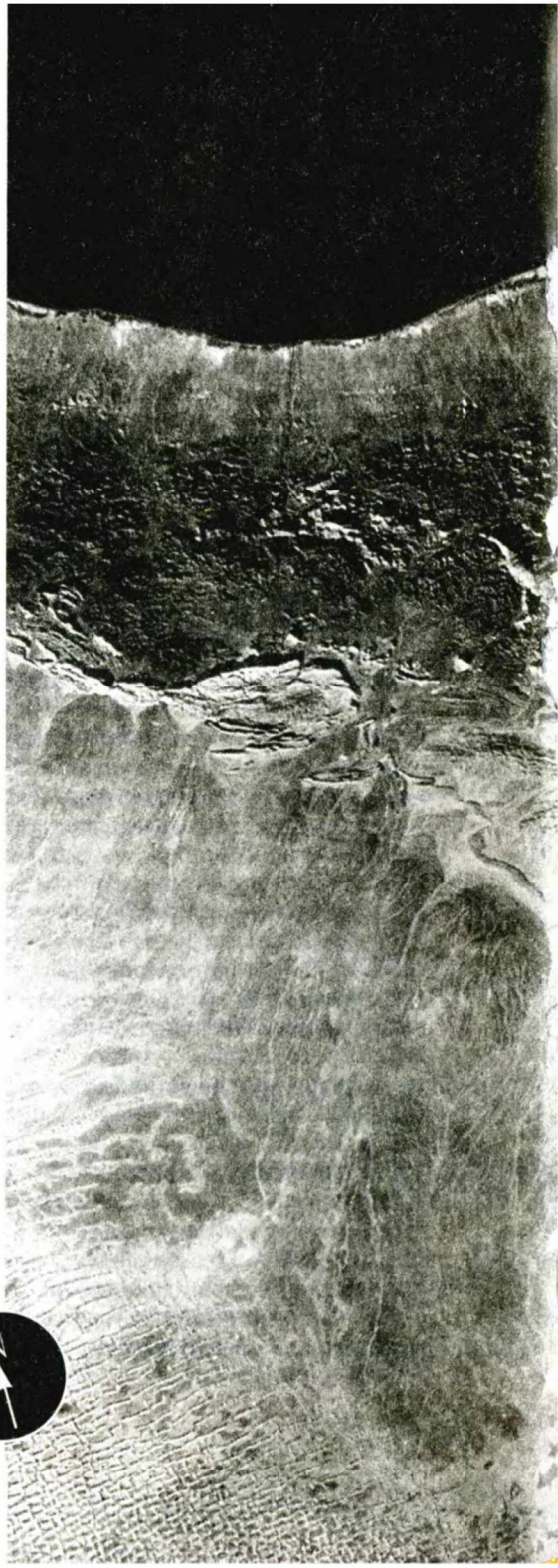
Италики, эллины, галлы, иберы и пунийцы оставили такое наследство, что его хватило на сто лет, но оно тоже кончилось. Ведь страну надо было защищать от соседей, более пассионарных, чем римляне. Эти последние вообще не хотели воевать; им больше нравилось интриговать и предаваться излишествам. Поэтому к V в. армия состояла из наемных германцев, арабов и берберов, а римляне были только редкими офицерами, поставленными по связям в сенате, или фаворитами императора.

Так же, как от внешних, они не могли защищаться от внутренних врагов: манихеев, митраистов и христиан, но те, пренебрегая антипатией язычников, боролись между собой крайне активно. Особенно христиане! В истории церкви фаза этнического подъема просматривается очень четко. В Африке знаменем этнического подъема стал донацизм, в Испании в 384 г. был сожжен гностик-епископ Присциллиан, в Египте заспорили Арий с Афанасием. Ариане победили и окрестили много германцев, для которых арианство, после торжества православия в 381 г., стало символом противопоставления римлянам. Но во всех случаях на востоке империи шел быстрый процесс создания из конфессиональных общин сначала субэтноса, потом этноса, а потом суперэтноса — Византии, так как там появился избыток пассионарности. А на Западе, где его не было, при тех же экономических, социальных и политических условиях, химера разваливалась на части, которые быстро теряли силу сопротивления. Безразличие и равнодушие оказались более патогенными факторами, чем фанатизм, авантюризм и драчливость. Поэтому Византия пережила многие беды, а Западная империя погибла.

Аравийский полуостров.

Твердь Востока, опустошенная ветрами, каменистый берег Оманского залива, протянувшегося от Персидского залива до мыса Маскат, где расположен город Маскат, столица Омана. Отсюда начиналась колониальная дорога по морю в Индию. Москательные лавки России — от названия города и его товаров, попадавших через персидский Ормуз в Европу. Над морем Лунное нагорье, кирпичного цвета вершины гор высотой два—три километра.

ВАРВАРСТВО II—IV вв.

В те годы, когда цивилизация разлагалась, к северо-востоку от римской рейнско-дунайской границы тоже шло брожение, но с другой доминантой. В середине II в. готы пересекли Балтийское море и погнались перед собой ругов и вандалов до самых устьев Дуная. Это был типичный пассионарный толчок, ось которого тянулась от Южной Швеции через Карпаты, Малую Азию, Сирию до горной страны Аксума. Начиная с I в., народы, охваченные пассионарностью, как щепки пламенем, вспыхивали и сгорали в войнах с еще неразложившимся Римом. Две войны вынесли даки, три — евреи, одну — маркоманы и одну — квады. Но готы, опоздавшие на старте, вышли победителями. Механизм процесса прост: римская суперэтническая система разлагалась неуклонно, но медленно. Траян и Адриан еще могли побеждать, ибо у них были послушные и умелые воины; Марк Аврелий мог только удерживать границу; Деций и Валериан терпели поражение от готов (251 г.) и от персов (260 г.). И дело было не в силах врагов, а в слабости римлян. Ведь Оденат, араб из Пальмиры, выгнал персов из Сирии, страны, через которую прошел пассионарный толчок. А до этого Сирия была наиболее развращенной и слабой из провинций империи. Откуда же взялась в ней такая сила? У Одената были толковые помощники и народ, обретший храбрость.

К середине III в. германские племена между Эльбой и Рейном стали образовывать военные союзы. Так, на базе древних племен, уже превратившихся в реликты и неспособных отразить наступление римской армии Германика, даже после удачного истребления трех легионов Вара в Тевтобургском лесу, возникли новые этнические образования с условными названиями: франки — свободные, саксы — ножовщики, алеманны — сброд, свевы — бродяги⁴⁴. Это были организации, созданные исключительно для войны, т. е. военная демократия, уживавшаяся в Европе с родовым строем, так как некоторые племена сохранили старый родовой строй, что не мешало им свирепствовать на общем уровне.

Тем же толчком была задета территория, населенная предками славян: лугиями и венедами⁴⁵. Эти не уступали германцам в энергии, а иногда превосходили их. За короткое время они распространились до Балтийского моря, а в последующие века овладели Балканским полуостровом и добрались до Днепра, где встретились с племенем росомонов⁴⁶. Позднее восточные славяне и росомоны, они же «русь», слились в единый древнерусский этнос⁴⁷, но в III—IV вв. они были только союзниками, ибо их общими врагами были готы, победившие римлян и отторгшие у них в 271 г. целую провинцию — Дакию.

Кровь лилась в фазе этнического подъема не менее обильно, чем в фазе обскурации.

Так где же в эту эпоху – 160–360 гг. царил мир? Какой этнос избежал столкновений, потрясавших Европу, Ближний Восток и Среднюю Азию? Кто умел избежать кровопролитий, порою трудных и всегда ненужных? Только те, о ком не вспоминают историки тех лет, хотя и знают об их существовании: это гунны. Для них эпоха мира длилась 200 лет, период побед – 95 лет, а время распада и гибели – 8 лет. Соотношение периодов таково, что на него стоит обратить внимание. Можно было бы подумать, что античные географы просто не уделяли внимания кочевым народам. Нет! Об аланах сообщают Иосиф Флавий, Лукиан и Птолемей, а о гуннах подробно рассказывает только Аммиан Марцеллин, да и то с чужих слов, которые стали актуальными лишь в конце IV в. Аланы были одним из сарматских племен. Аммиан Марцеллин, автор IV в., писал о них так: «Постепенно ослабив соседние племена частыми над ними победами, они стянули их под одно родовое имя»⁴⁸.

Об этом же сообщают китайские географы эпохи младшей Хань, называя вновь образовавшееся государство «Алания»⁴⁹.

Территория аланов включала Северный Кавказ и Доно-Волжское междуречье. Хозяйство их было основано на сочетании скотоводства с земледелием, а ремесла и искусство были на очень высоком уровне. Культура их была продолжением скифской, хотя царских скифов и скифов-кочевников сарматы истребили так радикально, что тех вообще не осталось, кроме как в степном Крыму. Последних прикончили готы.

Западные сарматы, роксаланы и язиги, постоянно воевали с римлянами на берегах Дуная⁵⁰, восточные, проходя через «Аланские ворота» – Дарьяльское ущелье, вторгались в Закавказье. Короче говоря, аланы 200 лет постоянно воевали, а вот о гуннах, их соседях, даже успели позабыть. Это не может быть случайностью. Скорее это историческая загадка.

КАИНЫ И АВЕЛИ

А теперь оторвемся от описаний племен и народов, чтобы иметь возможность подумать о вышесказанном. Для того чтобы не захлебнуться в калейдоскопе сведений, принято отбирать из них достоверные и выстраивать их по ходу времени. Это необходимо, но недостаточно, так как простая последовательность не включает причинности, которая только и превращает собрание сведений (хронику) в поиск исти-

ны (историю). Для такого превращения нужна схема, пусть даже умо-зрительная; а таковая имеется и распространена весьма широко, даже слишком широко. Впервые эта схема предложена в «Книге Бытия», где описан еще допотопный период цивилизации. Были два брата: Каин — земледelec и ремесленник, и Авель — скотовод. Бог предпочел Авеля, за что Каин убил своего брата, после чего был наказан изгнанием в страну Нод. Там Каин благополучно женился, и потомки его, несмотря на потоп⁵¹ проповедуют его концепцию, которую правильнее назвать не исторической, а социологической. Заключается она в том, что земледельцы — хорошие, а скотоводов надо бить.

Да простит читатель автора за упрощенное изложение целого направления науки, ставшего столь привычным, что обывателю оно представляется единственно возможным. Это последнее обстоятельство наиболее прискорбно, потому что научная проблематика всегда требует работы мысли. Прежде всего посмотрим, соответствует ли тезис об «извечной вражде» кочевников и земледельцев известным фактам?! Вражда должна выражаться в крупных войнах, сопровождающихся захватом территории.

Так вот, самые жестокие войны в Элладе шли между Спартой и Афинами; Спартой и Фивами; Фивами и Македонией, гуманно шадившей Афины. В Риме — война с Тарентом и три Пунические — тоже все оседлые горожане. Ассирию в 612 г. до н.э. уничтожили оседлые соседи: мидяне и халдеи-вавилоняне, а не скифы, которые тоже участвовали в событиях как третья сторона, но, набрав добычи, ушли домой. Разница наглядна.

В средние века Столетняя война шла между вполне оседлыми французами и англичанами, Тридцатилетняя война — между католиками и протестантами. Реконкиста в Испании — война с местными мусульманами и пришлыми из Африки туарегами. Но приходы туарегов и потом берберов (Альморавидов и Альмогадов) были эпизодами в длинной войне, и к себе в Африку мавры испанцев и португальцев не пустили, а вот земледельческая Испания, облившись потоками крови, стала христианской, не изменив ни экономики, ни способа ведения хозяйства.

Ссылаются на пример якобы извечной войны Древней Руси с половецкой степью, но это очередной миф⁵². Говорят о походах монголов в Среднюю и Малую Азию. Да, были походы, но сражаться монголам пришлось с канглами (печенегами) и туркменами. Нет, не получается постоянной войны злых Авелей против милых и трудолюбивых Каинов. Секрет в чем-то другом. И ведь что интересно! Этот «секрет» был очевиден трезвым людям еще до н. э. Жена хуннского шаньюя Модэ в 202 г. до н. э., когда хунны окружили ханьского импе-

ратора у деревни Байдын, в северном Шэньси, посоветовала ему заключить мир без территориальных уступок, ибо, говорила она, хунны, приобретя китайские земли, все равно не смогут на них жить. Модэ согласился с умной женой и заключил с императором «договор мира и родства» — замаскированную дипломатическую формулу капитуляции⁵³. Все остались жить дома.

В I в. до н.э. историк Сыма Цянь объяснил, почему при двадцатикратном численном перевесе ханьские войска не могли сломить хуннов. Он отметил несхожесть климата и ландшафта Китая и Средней Азии и кочевого населения с оседлым. Поэтому он считал покорение чужой страны неосуществимым. А его продолжатель Бань Гу полагал включение хуннов в империю Хань вредным для империи и подробно обосновывал необходимость укрепления границы даже в мирное время, чтобы избежать ассимиляции ханьцев с хуннами⁵⁴. Оба историка за свою позицию попали в тюрьму. Сыма Цянь был изуродован, но освобожден, а Бань Гу умер в тюрьме. Гибели ученых добились китайские шовинисты, сторонники теории «Каин против Авеля», хотя для терминологии они употребляли другие слова.

Особенно процвела эта теория в Северной Америке. Там ее жертвой стали индейцы и даже бизоны, которых убивали как кормовую базу индейских племен. Даже шкур не снимали, потому что стреляли в стадо из окон вагонов трансконтинентальных поездов. С позиций принятого ныне системного подхода правы были хуннская дама и погубленные китайские историки, но представители спекулятивной философии, господствовавшей до XIX—XX вв., не знали ни закона сохранения энергии, ни биоценологии, ни учения о биосфере. Книги же писали именно они, а их оппоненты пасли скот, охотились, ловили рыбу и даже подумать не могли, что надо перед кем-то оправдывать свой стиль жизни, столь естественный и удобный. Для них не было удивительно, что этносы, как люди и животные, рождаются, стареют и распадаются на части, которые затем образуют новые комбинации, т. е. новые этносы.

Рождение новой системы — результат энергетического импульса, конец ее — следствие затухания его инерции. Люди же, входившие в старую систему, при смене ее новой не умирают, а просто перестраиваются, не становясь ни лучше, ни хуже. А род занятий, будь то охота, земледелие, скотоводство, промышленность или научная работа в каком-либо НИИ — это другая система отсчета или, точнее, особый характер адаптации. И нет никаких оснований предпочитать авелей каинам или наоборот. И те, и другие уместны в своем геобиоценозе, а пассионарные толчки нарушают равновесие с окружающей средой. И нельзя сказать: хорошо это или плохо. Просто так есть! Это особенность биосферы, существующей вне нашего сознания и помимо него.

Люди иногда портят окружающую среду, но этим их возможности взаимодействия с природой исчерпываются.

В концепции каинитов (будем называть их так для краткости) обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое — обязательное введение в анализ качественного критерия: либо добра и зла, либо прогресса и регресса, либо света и мрака. Но ведь к явлениям природы оценки неприменимы. В самом деле, чем горы лучше или хуже равнин? Что прогрессивно: кислоты или щелочи? Можно ли предпочесть анионы катионам или циклоны антициклонам?

Этносы (по К. Марксу — гемайнвезен, в отличие от общества — гезельшафт) — природные коллективы, адаптированные в своих вмещающих ландшафтах. В сухих степях древнее земледелие было невозможно, а в дубравах и кипарисовых рощах — кочевое скотоводство бессмысленно. Ясно, что качественные оценки при сопоставлении разных ландшафтов неуместны, ибо всегда будут субъективны; северян изнуряет климат субтропиков, а южан — морозы Сибири. Ну и что? Даже не нужно спорить, кто из них прав, потому что понятие «правоты» к кусам людей неприменимо.

Сказанное не означает утверждения, что все этносы одинаковы. Они различаются друг от друга по степени сложности системы, которая зависит от «возраста» этноса, что отсчитывается от момента первоначального импульса — пассионарного толчка. Это применение системного подхода, снимающее также и расизм, ибо «высших» и «низших» этносов быть не может, а могут быть только «старые» и «молодые», различающиеся по степени сложности этносоциальной системы. Хунны и аланы были ровесниками, но гунны, в силу ряда условий, имели более высокую пассионарность, что и сказалось на дальнейшем ходе событий.

диалог об этнографии древней и новой

Аммиан Марцеллин был, пожалуй, самым блестящим историком своего времени. О гуннах он писал в самом конце IV в.⁵⁵ и, судя по тональности, очень их не любил. Вряд ли он сам их видел, так как скончался наш автор в 400 г., а гунны достигли границ империи несколько позже⁵⁶. Вероятно, он записал рассказы какого-нибудь гота, потому что в этом повествовании мало реальной информации и чересчур много эмоций. Поэтому целесообразно не просто воспроизвести текст Аммиана Марцеллина, пусть даже с комментариями, что в свое время сделал автор этих строк⁵⁷, но перейти к критике информации, содержащейся в тексте Аммиана Марцеллина, не на основе сравне-

ния с параллельными текстами IV–V вв., ибо их нет, а на базе сопоставления с данными науки XX в., а именно: со статьей С. И. Руденко⁵⁸ и собственными соображениями автора этой книги. В дальнейшем сведения Аммиана Марцеллина пойдут под грифом А. М., С. И. Руденко – С. Р., а автора книги – Л. Г.

А. М. пишет: «Гунны живут за Мэотидским озером (Азовским морем) до Ледовитого океана. Дикость их нравов безгранична... Они похожи на животных или грубо отесанные чурбаны...»

И ниже: «В сражениях они с криком бросаются на врага, *построившись клиньями*. Они ловки, и лошади у них быстры...»

Л. Г. Чему верить? Разве звероподобные дикари могут строиться в конные клинья и выводить табуны лошадей, т. е. заботиться о жеребятках?

А. М. «Они способны выносить всякие неудобства и лишения, так как вовсе не употребляют огня и не умеют готовить хорошую пищу. Они живут исключительно кореньями, травами и сырым мясом всяческих животных, которое несколько размягчают тем, что кладут его на спину лошадей и ездят на нем».

Л. Г. А что они едят зимой? Когда нет ни кореньев, ни трав? И как можно пережить сибирскую зиму без огня? Что это: ложь или ошибка?

С. Р. Внесем ясность: «Лошадь требует заботы с детства. Даже одомашненных лошадей, выловленных из табуна взрослыми, приходится укрощать и постепенно приручать. Выпущенные на свободу, такие лошади дичают, и за ними приходится охотиться, как за дикими. Мясо под седло кладут не для приготовления пищи, а для заличивания ран, натертых грубым седлом. Лошадей очень ценили и о них заботились. В древности хунны, саки и другие кочевники выводили высокопородных лошадей – скакунов и иноходцев. Номенклатура лошадей была разработана детально. У казахов и башкир было 22 наименования для лошадей по полу, возрасту и породе. Но для постоянного питания кочевникам необходимы овцы. Они же дают кизяк – калорийное топливо. В пустынях содержать крупный рогатый скот трудно. Казахи рода Адай обходились без коров», причем они жили в тех же природных условиях, что и гунны – между Каспием и Аралом.

А. М. Да, гунны «как будто приросли к своим некрасивым, но крепким лошадям и делают все свои обыкновенные дела, не слезая с них; день и ночь... сидя верхом, покупают и продают, едят и пьют, даже спят, наклонившись к шее лошади. На общественных собраниях они тоже не слезают с лошадей...»

Л. Г. Но ведь лошади устают, им надо пастись. Значит, каждый гунн должен иметь 10–12 лошадей, не считая жеребят и кормящих кобылиц. Где же столь обильные пастбища, да еще в зимнее время?

А. М. «Они кочуют, как скитальцы, на своих телегах; эти телеги — их жилища, там сидят их жены... ткут грубую одежду и держат подле себя детей». «Одежда у них льняная или кожаная, сшитая из шкур полевых мышек». (Так, см.: *Amm. Marc. XXXI. С. 2, 5; Ср.: Скржинская Е. Ч. Указ. соч. С. 223.*)

Л. Г. Все непонятно! Если есть телеги, то их надо сделать: сидя на коне, телегу не сделаешь! И почему бы гуннам не спать с женами в тепле, ибо крытая кибитка хорошо защищает от холода. Если ткут льняную одежду, то откуда у них лен? А «полевые мыши», шкуры которых идут на одежду, — белки, горностаи, а то и соболя. Из шкур сусликов и тушканчиков тулуп не шить; уж очень эти шкурки непрочные, а зимы в Западной Сибири холодные. И как эти нищие дикари могли побеждать?

А. М. «Издали они бьются, бросая дротики и пуская стрелы, наконечники которых искусно сделаны из заостренных костей... накидывают на врага аркан и делают его беззащитным... не нападают на крепости и укрепленные страны».

Л. Г. Но если при таком несовершенном оружии, как костяные стрелы, которые не могли пробивать аланские катафракты (броню), гунны все-таки побеждали за счет прекрасной организации, то почему их надо называть дикарями?

А. М. «Они вероломны, непостоянны, увлекаются всякой новой мыслью, следуют внушению минуты». «Так живут они, подобно неразумным животным, не понимая разницы между добродетелью и пороком, не имея уважения к религии...»

Л. Г. Ну это просто декламация озлобленного гота или алана! А все-таки, как строилась жизнь и быт гуннов в Прикаспийских степях во II—IV вв.? Есть ли путь для получения более достоверных знаний?

С. Р. «За редкими исключениями археологические памятники, будь то поселения или могилы, дают слишком мало материала для суждения о хозяйстве различных племен древности. Там, где имеются письменные источники и орудия производства, задача выявления основных занятий народа облегчается. Там же, где их нет, для суждения о формах хозяйства остается едва ли не единственный путь — путь аналогий по этнографическим данным».

Л. Г. (перебивая) Значит, подтверждается формула строгого соотношения этноса с ландшафтом, опубликованная нами в серии статей в «Вестнике Ленинградского университета» в 1964—1973 гг.?

С. Р. Да, и в качестве наглядной аналогии можно взять быт казахского рода Адай, живущего ныне в тех же природных условиях, что гунны II—IV вв. Именно адаевцы практикуют «таборное», т. е. кругло-

годовое кочевание, которое наблюдалось в арало-каспийских степях и полупустынях у казахов и туркмен, в забайкальских степях у бурят и монголов.

Л. Г. Это значит, в тех же местах, где жили хунны и гунны! А «малосильные» хунны — юбань и тюрки-шато?

С. Р. Живя около гор, эти хунны вели «полукочеевое хозяйство, при котором кочевник, имея постоянное зимнее жилище, возвращается к нему ежегодно, пройдя через весеннее пастбище к летнему и через осеннее к зимнему... Такого типа хозяйство обязательно сочеталось с земледелием, хотя бы в виде заготовки корма для скота, в каком бы малом количестве он ни заготавливался».

Не то было в прикаспийских полупустынях. «Непрерывная кочевая жизнь определяется природными условиями территории. Зимние осадки там настолько незначительны и зима так коротка, что лошади и овцы (а впоследствии и верблюды, пришедшие сюда с монголами в XIII в.) имели возможность в течение круглого года находиться на подножном корме. Пастушеский аул, в отличие от аулов полукочевых предков казахов, не имел сезонных пастбищ, покосов и пахотных угодий. Совместная пастьба и водопой стад, уход за ними и их охрана объединяли пастушеский аул. Размер общины определялся количеством скота, который можно было напоить из специально вырытого колодца в течение дня. Соответственно, возможностью вырыть колодец глубиной 3–6 метров. На северной окраине степи лошади паслись в речных долинах и на полянах, что очень затрудняло охрану животных от волков.

Для нужд средней семьи (гуннской или казахской) в 5 душ необходимо было иметь столько скота, чтобы поголовье его в общей сложности соответствовало 25 лошадям, исходя из следующего расчета. Одна лошадь равна пяти коровам, 6 овцам; двухлетка — $\frac{1}{2}$ взрослой лошади, жеребенок — $\frac{1}{4}$. Кроме того, лошади для перевозки жилища и верховые по числу взрослых членов семьи». Для содержания такого количества скота необходимо иметь области, где снежный покров не превышает 30 см, рельеф расчленен, чтобы ветер мог сдувать снег с возвышенностей, и пастбища достаточно обширны при наличии питьевой воды. Этим условиям отвечают степи и предгорья Юго-Восточного Урала, Тянь-Шаня, Алтая и современной Монголии.

Добавлю, что кочевники были довольны своим бытом, который им не мешал пользоваться благами культуры и создавать сложные социальные системы, достаточно устойчивые, как будет видно ниже.

А. М. Но у гуннов нет ни дворов, ни домов... даже крытого тростником шалаша... Они кочуют на телегах (кибитках). Никто не может,

ответить на вопрос: где его родина? Он зачат в одном месте, рожден далеко отсюда, вскормлен еще дальше...

Л. Г. Ответить на этот вопрос легко: родина их — вся Великая степь. Жилище на колесах — блестящее достижение архитектуры, мобильная юрта на колесах³⁹. А шалаши гунны перестали делать, так как войлок защищает от холода лучше, чем тростник.

Аммиан Марцеллин был введен в заблуждение своим информатором, сведения которого он воспринял некритично. Ведь по сути дела С. И. Руденко сказал о кочевниках то же самое, но с толковым анализом особого, непривычного строя жизни, с уважением к людям, умеющим жить по-своему. И он показал, что кочевой быт — оптимальный способ адаптации к специфическим природным условиям. Скифы и сарматы жили иначе, так как в Причерноморье снега глубокие и надо заготавливать на зиму сено, а это одно ведет к оседлости, а значит, сооружению укреплений, развитию ремесел, торговли и, наконец, работоторговли.

Гуннам это не нравилось, но они-то своих вкусов никому не навязывали. Они 200 лет жили мирно, на опустелой земле, которую им не пришлось завоевывать. И поток обвинений на них, вероятно, удивил бы их, если бы они научились читать латинские тексты.

На этом можно кончить затянувшийся диспут и вернуться к изложению хода событий, сделав очень важную оговорку. Широко, даже слишком широко распространено мнение, что Великое переселение народов вызвано натиском гуннов. Так даже в учебниках пишут. А верно ли это? Об этом и пойдет речь.

СМЕНА ЦВЕТА ВРЕМЕНИ

Изменения начались с природы, нет, не земного шара и даже не всего Евразийского континента, а интересующего нас региона — Великой степи. В середине IV в. желтое было перекрыто голубым, а смесь того и другого — зеленое. Муссоны понесли тихоокеанскую влагу в пустыню Гоби, а циклоны — атлантическую влагу в Заволжье и к горам Тянь-Шаня и Тарбагатай. Река Или наполнила прекрасной водой впадину Балхаша; Сырдарья подняла уровень «болота Оксийского», снова превратив его в Аральское море. Лесостепь поползла на юг, за ней туда же двинулась тайга. Сухие степи, бывшие доселе ареалом гуннов, стали сокращаться, и гуннскому скоту стало тесновато. Однако давняя дружба между немногочисленными пришельцами и редким населением Западной Сибири, видимо, повела не к конфликтам, а скорее наоборот — к углублению контактов и установлению политических

союзов. Это видно из того, что много лет спустя племена болгар и савиры носят приставку – «гунно»... Причислять себя к гуннам в VI в. было гордо.

Зато по-иному восприняли эти изменения аланы. Во II в. они покидали прикаспийские равнины, усыхавшие у них на глазах. Но это были их земли; это-то они помнили. И когда разнотравные злаковые степи поползли на восток, аланам должно было показаться, что выходы с берегов Орхона и Селенги не должны жить на берегах Волги и Яика. Конфликт аланов с гуннами был подсказан самой природой, вечно меняющейся, и даже быстрее, чем жизнь этноса или существование социальной системы. Но, увы, сведения источников скудны. Известно лишь, что гунно-аланская война началась, по устарелым данным, в 350 г., а по уточненным данным – в 360 г.⁶⁰, и закончилась победой гуннов в 370 году.

Это более чем странно. Это противоречит здравому смыслу. Аланы были гораздо сильнее гуннов. Подобно юечжам (согдам) и парфянам они применяли сарматскую тактику ближнего боя. Всадники в чешуйчатой броне, с длинными копьями на цепочках, прикрепленных к шее коня, так что в удар вкладывалась вся сила движения коня и всадника, бросались в атаку и сокрушали даже римские легионы, лучшую пехоту III века.

За спиной у алан было громадное готское царство, созданное королем Германарихом. Оно простиралось от Балтийского моря до Азовского, от Тисы до Дона⁶¹. Остроготы стояли во главе державы; визиготы, гепиды⁶², язиги⁶³, часть вандалов, оставшаяся в Дакии⁶⁴, тайфалы⁶⁵, карпы⁶⁶, герулы⁶⁷, их южные соседи – скиры и северные – росомены⁶⁸, веныды⁶⁹, мордены (мордва), мерено (меря), тьюдо (чудь), вас (весь) и ряд других, смысл коих невосстановим, были их подданными. Готам принадлежал и степной Крым, и Черноморское побережье Северного Кавказа. При этом готы были надежными союзниками алан, благодаря чему последние считали, что их тыл обеспечен.

Наконец, у алан были прекрасные крепости. Гунны брать крепостей не умели. Так почему же гунны победили и алан, и готов, чего не могли сделать ни римляне, ни персы?

Источники, т. е. соображения людей IV в., ничего путного не сообщают. Они только констатируют некоторые факты, отнюдь недостаточные для решения задачи. И за то им спасибо. Все-таки кое-что есть.

Вернемся к географии. Циклоны, проходившие в III в. по полярной зоне, в середине IV в. вернулись в аридную. Следовательно, в начале IV в. они обильно оросили гумидную, т. е. лесную зону. Там постоянные летние дожди и зимние заносы снега, весной таявшего бы-

стро и заболачивающего лесные поляны, были крайне неблагоприятны для хозяйства лесных этносов. Потому готам, успевшим продвигнуться в степи, к берегам Черного моря, удалось установить гегемонию на большей части юга Восточной Европы⁷⁰.

Балтские (литовские) этносы оставили следы своего пребывания по всей лесостепной и лесной зоне, вплоть до Пензы. Венеды заняли область между Вислой и Лабой (Эльбой). Но возможно, что, сохраняя автономию, оба эти этноса находились в сфере готской гегемонии, ибо в неблагоприятных климатических условиях им было трудно собрать силы для борьбы за независимость.

Итак, Германарих создал лоскутную империю, прочность которой обеспечивалась только высоким уровнем пассионарности самих готов и низким у части покоренных племен. Ну а у другой части: ругов, росомонов, антов?.. Этот вопрос надо рассмотреть особо.

КАК ДОБЫТЬ ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ?

Это не просто. Если бы сохранившиеся источники, ныне изданные, переведенные и комментированные, давали толковый ответ на вопрос о первом столкновении Дальнего Востока с Крайним Западом, то нам было бы незачем писать эту главу. Но источники невразумительны. Поэтому на минуту отвлечемся от темы ради методики.

Хочется сказать слово в защиту Аммиана Марцеллина и его современников. Они писали чушь, но не из-за глупости или бездарности, а из-за невозможности проверить тенденциозную информацию. Ведь не мог же римский центурион ради научных интересов выправить себе командировку в Западную Сибирь?! Да если бы он даже смог туда поехать, то во время Великого переселения народов у него было слишком мало шансов уцелеть и вернуться, чтобы написать очередной том «Истории».

Итак, критическое отношение к древним авторам не осуждение их, а способ разобраться в сути дела. Но вот кого следует осудить, так это источниковедов XX в., убежденных, что буквальное следование древнему тексту – есть правильное решение задачи, и вся трудность – только в переводе, который следует каждому историку выполнять самостоятельно.

Буквальный перевод, сделанный филологом, обязательно будет неточным, потому что без знания страны (географии), обычаев народа (этнографии) и его традиций (истории) передать смысл источника невозможно. Если же за дело берется историк, то он будет неизбежно подгонять значения слов и фраз под собственную, уже

имеющуюся у него концепцию, а последняя всегда предвзята. Так, А. Н. Бернштам «сочинил»⁷¹ перевод текста надписи из Суджи и «родил», тем самым, великого завоевателя Яглакара, возникшего из неправильного перевода⁷².

А какой выход предлагает С. Е. Малов? Цитирую: «Я придерживаюсь того, что сначала тюрколог-языковед, используя точно текст памятника, дает его перевод, согласный с тюркским синтаксисом и грамматикой, после чего историк может пользоваться этим памятником для своих исторических построений» (с. 88). Автор этих строк вполне согласен с великим тюркологом. Историк и географ имеют право уточнять значения титулов и географических названий, которые в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969) вообще не переведены. Например: «Болчу – название реки» (с. 112). Где эта река? Как называется теперь? В каком атласе ее можно найти⁷³? Филологу это неважно! Поэтому филологически правильный перевод – это сырье, требующее обработки.

Ну а если добавить к переводу хороший комментарий, как сделали Д. С. Лихачев и Е. Ч. Скржинская⁷⁴. Этим способом можно достичь адекватного восприятия текста источника, или, что то же, понять взгляды, воззрения и интересы древнего автора: Нестора или Иордана. Но ведь у читателя XX в. совсем другие запросы, требования к предмету, интересуют его иные сюжеты: не как думал Нестор или Иордан о передвижениях готов и гуннов, а почему эти передвижения совершались? И какое место они занимают либо в обществоведении, либо в науке о биосфере, т. е. в этнологии? Вот чтобы ответить на последний вопрос, написана эта книга. Потому в ней двухступенчатая система отсылочных сносок предпочтена прямой: сноском на источники, ибо тогда пришлось бы давать собственный комментарий, дублирующий уже сделанный. А это было бы неуважением не только к Дмитрию Сергеевичу и Елене Чеславовне, но и многим другим историкам, труды которых были нами внимательно прочитаны и изучены.

Иными словами, соотношение переводчика, комментатора и интерпретатора таково же, как заготовителя сырья, изготовителя деталей и монтажника. Ни один из них не достигнет успеха без помощи двух других. А опыты совмещения трех профессий в одном лице не давали положительных результатов даже в древности. Но в одном я позволю себе не согласиться с С. Е. Маловым. Он пишет: «Я буду очень рад, если историки будут заниматься переводом памятников, но только с соблюдением всех правил грамматики» (там же). Наверное, академик пошутил! Ведь это то же, что рекомендовать строителю высотного дома самому выплавлять сталь из железной руды, самому изготавливать двухтавровые балки, самому поднимать их на кране и уже

потом водворять на место. Знание древнего языка для историка – роскошь. Ведь если он переведет текст иначе, чем филолог, ему надлежит отказаться от своего толкования. Филолог-то знает грамматику лучше. А для обобщения язык источника вообще безразличен, ибо важен только смысл: война, мир, договор, поход – попросту говоря, *событие*. Оно-то и является тем «кирпичом», из которого сооружают дворцы, замки и халупы. Тут другой первичный материал и другая методика, которую, в отличие от «филологической», можно назвать «криминалистической». Подобно тому как хороший детектив использует не только рассказы свидетелей, но и состояние погоды в момент преступления, мотивы и черты характера преступника и жертвы и, главное, вспоминает примеры аналогичных поступков, стремясь уловить отклонения от закономерности, так и этнолог вправе учитывать географию, этническую и личную психологию, фазы этногенеза и моменты смещений закономерности при контактах. Расширяя горизонты темы и отсеивая факты от источника, этнолог может уловить связи событий, их внутреннюю логику и добиться результатов, интересных и ему самому, и читателю.

Начнем поиски удовлетворительной версии, объясняющей преимущества гуннов в IV–V вв. Аммиан Марцеллин и Иордан объясняют победу гуннов над аланами их специфической тактикой ведения войны. «Аланов, хотя и равных им в бою, но отличных от них человечностью, образом жизни и наружным видом, они... подчинили себе, обессилив частыми стычками»⁷⁵. С традиционных позиций это объяснено было достаточно⁷⁶, но если мы хотим понять процесс как феномен, то оно слабо. В самом деле, почему аланы не переняли тактику гуннов? У них было время – целых 200 лет. Затем, гунны разбивали и готскую пехоту, вооруженную длинными копьями, на которые легко поднять и коня, и всадника? И наконец, у алан были крепости, где воины могли отдыхать; гунны же брать крепости не умели. Нет, эта версия необходима, но недостаточна.

Сравним фазы этногенеза. Хунны и сарматы – ровесники. Оба этноса вышли на арену истории в III в. до н. э. Значит, 700 лет спустя они были в самом конце фазы надлома, причем хунны испытали феномен смещения – внешний разгром и раскол этнического поля. В этой фазе появляется много субпассионариев, разлагающих этносоциальную систему, или являющихся балластом. У алан так и было, а хунны сбросили свой балласт сянбийцам, и хуннские субпассионарии быстро разложили сянбийскую державу, вместо которой появились десять химерных этносов⁷⁷.

Но «неукротимые хунны», т. е. пассионарии, оказавшиеся на западе Степи, нашли выход из крайне тяжелого положения. Вместо того

чтобы встречать и побеждать врагов, они стали искать друзей, где только было можно. И когда в 360 г. началась война с гото-аланским союзом, поддержанным Византией, у гуннов было много друзей, говоривших на своих языках, имевших свои религии и свои нравы, но выступавших вместе с гуннами и умноживших их ряды. Вот что дал симбиоз!

Но симбиоз достигим лишь при наличии терпимости и взаимности. У субпассионариев первое бывает часто, но как следствие равнодушия, которое для тонких людей оскорбительно, а второго не бывает вовсе, ибо они принципиально эгоистичны. Поэтому субпассионарии презируют и часто ненавидят своих соседей и говорят про них гадости, как тот информатор Аммиана Марцеллина, о котором уже было рассказано. Чтобы установить симбиоз, надо иметь воображение и добрую волю, а эти качества на популяционном уровне соответствуют акматической фазе этногенеза, т. е. молодости этноса. Гунны — это возвращенная молодость хуннов, но хватило ее только на сто лет. Впрочем, и этих ста лет могло бы не быть, так что нечего жаловаться на судьбу.

Ведь за спиной у аланов стояла могучая держава Германариха из рода Амалов, короля готов. Остроготы, его родное племя, держали власть в державе, а другие три племени: герулы на востоке и визиготы с гепидами на западе — поддерживали силу державы. Готы были молодым этносом, находившимся в фазе подъема. Но, как юноши, они имели недостатки, свойственные этому возрасту. Их держава была построена на силе, т. е. на принципе силы, без уважения к обычаям соседей, без сочувствия к их слабостям (у кого их нет?) и без симпатии ко всем, за исключением римлян. Этими готы восхищались и даже переняли религию потомков Константина Великого — арианство. Но поскольку большинство византийцев — т. е. ромеев-христиан — держалось никейского исповедания, готы оказались в изоляции и тут. Да и митраисты — анты, венеды и склавины — видимо, не испытывали восторга от того, что ими управляли пришельцы, чуждые по крови и по религии. Список племен, якобы покоренных Германарихом, достигает 13 названий, но нам интересно одно — руги, и отчасти другое — росомоны.

Руги — германское племя, вышедшее с «острова Скандзы» задолго до готов. Готы застали ругов на южном берегу Балтийского моря и на островах около него. Может быть, на острове, ныне именуемом Рюген. Готы погнали ругов и их соседей — вандалов на юг, до берегов Дуная, и неизвестно — удалось ли готам упрочить свою власть над ругами или те сохранили самостоятельность, передвигаясь вверх по Дунаю до Норика (ныне — Австрия).

Руги нам интересны более других потому, что немецкие хронисты X в. называют киевскую княгиню Ольгу — царицей ругов (Helepa regina ruginum; см. ниже). Следовательно, в их глазах народ «русь» был ветвью племени ругов. У Иордана обитатели среднего Приднепровья называются росомоны⁷⁸. Это несомненно предки древних русов⁷⁹, но каково их отношение к историческим ругам, рассеянным в V в. по Италии?

Было бы крайне соблазнительно признать росомонов за группу ругов, убежавшую от готов не на Дунай, вместе с прочими, а на Днепр, но доказать это невозможно, ибо росомоны упомянуты только у Иордана и один лишь раз. Зато ясно другое: росомоны, как и руги, вандалы и анты, были не в ладах с готами. Иордан называет их «вероломным народом» и считает виновниками в бедах готов. Думается, что он прав, но хороши готы, сумевшие возбудить против себя столько этносов. Заметим это и перейдем к изложению хода событий.

ОЛЕНЬ, ИЛИ НЕПРЕДВИДЕННАЯ ПОБЕДА

К 370 г. стало ясно, что аланы войну с гуннами проиграли, но до полного разгрома и покорения было очень далеко. Мобильные конные отряды гуннов контролировали степи Северного Кавказа от Каспийского моря до Азовского⁸⁰. Но предгорные крепости взяты не были⁸¹, не была захвачена и пойма Дона, что вообще было не под силу кочевникам, базирующимся на водораздельных степях⁸². Низовья Дона обороняли эрулы, этнос, по-видимому, не скандинавский, а местный⁸³, но покоренный Германарихом и впоследствии огерманившийся. В истории Италии, которую они покорили под предводительством Одоакра в 476 г., этот этнос известен под названием герулов (Gens Helulorum).

Эрулы отличались чрезвычайной подвижностью и необыкновенным высокомерием. Они поставляли всем соседям легкую пехоту. О столкновении их с гуннами сведений нет. Это указывает на то, что гунны не пытались форсировать и низовья Дона. У них нашелся иной путь.

Однажды в 371 г. изрядно проголодавшиеся гуннские всадники, забредшие на Таманский полуостров, увидели пасущуюся там самку оленя и погнались за ней. Притиснутая к берегу моря олениха вдруг вошла в воду и, «то ступая вперед, то приостанавливаясь»⁸⁴, перешла в Крым и убежала. Охотники последовали за ней и установили место подводной отмели, по которой шел брод. Они вызвали сюда своих соратников, перешли пролив и «подобные урагану племен»⁸⁵ захватили врасплох племена, сидевшие на побережье этой самой Скифии⁸⁶, т. е. Северного Крыма⁸⁷.

Дальнейшее легко представить. Гунны прошли через степи до Перекопа, тогда неукрепленного, и вышли в тыл готов, которые, будучи союзниками аланов, сосредоточили свои лучшие войска на берегу Дона, обороняя его высокий правый берег от возможного вторжения гуннов. Гуннам никто не мог помешать развернуться на равнине Приазовья. И тогда началось!

Автор V в. Евнапий писал: «Побежденные скифы (готы) были истреблены гуннами и большинство их погибло. Одних ловили и избивали вместе с женами и детьми, причем не было предела жестокости при их избииении; другие, собравшись вместе, обратились в бегство»⁸⁸. Конечно, тут не обошлось без преувеличений⁸⁹. Многие остроготы остались с гуннами и сражались на их стороне на знаменитом Каталаунском поле, а потом против них на р. Недао. Но важнее другое: держава Германариха представляла собой не союз племен, а «лоскутную империю». Гунны, разбив остроготов, дали возможность завоеванным племенам освободиться и, надо думать, рассчитаться с иноземными захватчиками.

М. И. Артамонов отмечает, что археологическая «черняховская культура полей погребений» по своему характеру должна быть приписана готам. Она бытовала всего два века – III и IV вв. Даже если эта культура не была этнически монолитна, т. е. включала готов, сарматов и, возможно, славян (антов), то остается фактом ее исчезновение в IV в., что совпадает с гуннским нашествием⁹⁰. Доводы М. И. Артамонова убедительны, но остается только одно сомнение: черняховская культура размещена в лесостепи; гунны – степняки, лес им был не под силу. Не помогли ли им местные славянские, литовские и угрофинские племена? Это уточнение не принципиально, но, как будет видно в дальнейшем, существенно.

Потом пострадали эллинские города бывшего Боспорского царства, в том числе Пантикапей (ныне Керчь). Эта область сохранила тень самостоятельности под римским верховным владычеством, но в IV в. была покинута римлянами на произвол судьбы. В эпоху Августа и Тиберия южнобережные города имели ценность как торговые центры. Степняки доставляли туда рабов и шкуры, а греки привозили вино и предметы роскоши⁹¹. Но в III в. готы заставили боспорцев предоставить им свой корабли для пиратских набегов на Малую Азию и Грецию⁹². После этого предательства римляне утратили симпатии к Боспору. И когда пришли с Северного Кавказа гунны, то они уничтожили все города Боспорского царства⁹³ без помех.

Почему? Почему сдались эллинские крепости, хотя известно, что гунны осаждают и брать города не умели? Хотя гунны были достаточно покорны своему вождю Баламберу – вот, даже имя известно – и,

следовательно, дисциплинированы. Да и корабли у греков были, и море под боком... Немного энергии, и можно было отбиться или спастись!

Вот что такое — фаза обскурации. В этой фазе легче погибнуть, чем сопротивляться. А если бы и нашелся энергичный грек, предложивший способ спасения, то его бы постигла судьба Стилихона и Аэция⁹⁴, ибо статистические закономерности этногенеза неодолимы. Но последствия этого погрома были неотвратимы: Восточно-Римская империя, становящаяся Византией, оказалась в числе врагов гуннов. И это на пользу делу не пошло!

Вернемся на север, где как будто все должно быть иначе. Перейдя Перекоп, гунны столкнулись не с обскурантами, а с этносами, находившимися в фазе подъема. Энергии там было даже слишком много, но доминанты, которая бы направила эту энергию в заданное русло, не было. Германариху было уже 110 лет, и старик не может быть столь пластичным, чтобы быстро находить выходы и применяться к изменившейся ситуации. Визиготы тяготились его властью, ибо их королей сделали просто «судьями»⁹⁵, лишив титулов и власти. Всеми силами старались добиться независимости и визиготы, и гепиды, но хуже всех было венедам (славянам). Росомонку Сунильду Германарих за измену супругу приказал разорвать на части дикими конями. Тогда ее братья, Сар и Амий, нанесли ему удар мечом в бок⁹⁶. Германарих не умер и не выздоровел, но стал управлять делами как больной старик, т. е. очень плохо.

Еще до этого Германарих подчинил «достойных презрения» венодов⁹⁷ которые были многочисленны и пробовали сначала сопротивляться. Так же он подчинил эстиев (не эстов, а литовское племя айстов)⁹⁸, приобретя, таким образом, большое количество подданных, от всей души ненавидевших остроготов. Поскольку гунны, в отличие от готов, искали не врагов, а друзей, то все обиженные племена и народы вошли с ними в контакт.

В 375 г. Германарих, видя неизбежность гибели, вонзил в себя меч, запоздав умереть лет на тридцать (тогда бы он наделал меньше глупостей), а остроготы частью подчинились гуннам, а частью ушли к визиготам, твердо решившим не сдаваться.

Визиготы управлялись родом Балтов (храбрых), издавна соперничавших с королевским родом Амалов (благородных), и отчасти поэтому приняли самостоятельное решение, которое, как впоследствии оказалось, повело к этнической дивергенции: разделению одного этноса на два, взаимно враждебных. Так историческая судьба, или «сила вещей», как называли современники А. С. Пушкина логику событий, *иногда* влечет за собой далеко идущие последствия, а

иногда затухает без всяких результатов. Это, конечно, выпад против исторического детерминизма, но для понимания дальнейшего отнюдь не лишний.

Гунны продолжали идти на запад. Визиготы ждали их на Днестре. Отряд гуннов в лунную ночь переправился через Днестр там, где не было охраны, напал на визиготов с тыла и вызвал панику. Большая часть готов бросилась бежать к Дунаю и там просила убежища у восточно-римского императора Валента. В 376 г. они, с разрешения властей, переправились через Дунай, крестились по арианскому исповеданию⁹⁹ и перестали, таким образом, быть для нас интересными. Их история прекрасно изучена, и добавить к ней нечего.

Меньшая часть визиготов, языческая, во главе с Атанарихом, укрепилась засеками в густом лесу (Гилее) между Прутом и Дунаем. Атанарих поставил в своем стане идола и жертвенник, на котором приносили в жертву пленных¹⁰⁰. Но поняв безнадежность дальнейшего сопротивления гуннам, Атанарих договорился с императором Феодосием и в 378—380 гг. перевел свое войско на службу империи на правах федератов- союзников с автономным командованием. Его воины и их дети стали служить Византии.

Иначе сложилась судьба остроготов. Готы после гибели Германика попытались вернуть независимость и славу. Преемник Германика Амал Винитарий «с горечью переносил подчинение гуннам»¹⁰¹. В конце IV в.¹⁰² он попробовал «применить силу, двинул войска в пределы антов. В первом сражении он был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял их короля Божа с сыновьями его и семидесятью старейшинами»¹⁰³.

Как понять такое странное самовольство? Видимо, рассказ Евнапия о свирепости гуннов был обычным преувеличением, которым страдают не только античные писатели, иначе откуда бы взялся большому войску, после того как в 376 г. ушли визиготы и увели часть остроготов, а гепиды, хоть и готское племя, но отделились от остроготов при первом же их ослаблении¹⁰⁴.

Зато анты были «многочисленны и сильны»¹⁰⁵. Война с ними была трудной и, в конечном счете, губительной. Это был как бы вызов гуннам, путем ликвидации их союзника. Разумеется, гунны ответили. Через год после казни Божа гуннский царь Баламбер, призвав на помощь тех остроготов, которые остались ему верны, напал на Винитарию и, после нескольких неудач, разбил войско и убил его стрелой в бою на р. Эрак (нижний Днепр). После разгрома Винитария в степи наступил долгий мир.

Гунны в начале V в. продвинулись на запад, но без военных столкновений. На первый взгляд это удивительно, но посмотрим на ход со-

бытий, которых было очень мало, и на историческую географию этносов Паннонии.

В Дакии укрепилось готское племя гепидов, вождь коих Ардарих был личным другом Аттилы. Остроготы, ушедшие с визиготами в 376 г. в римские пределы, не ужились с ними. В 378 г. полководцы Алатей и Сафрах увели своих остроготов в Паннонию и поселились на берегах Дуная¹⁰⁶. В 400 г. на этой реке появились гунны. Мятежный готский федерат Гайна, проиграв столкновение с населением Константинополя, бежал за Дунай, был схвачен гуннами и обезглавлен¹⁰⁷. Около того же времени сын римского генерала Гауденция, Аэций, был заложником у гуннов и тоже подружился со своим сверстником — Аттилой и его дядей — Ругилой, который затем стал царем гуннов. Итак, гунны заняли Паннонию без войны, при поддержке многих племен, среди которых, вероятно, были анты и руги. Вот так выглядело «губительное вторжение гуннских орд». Но ведь историю писали потомки Каина о потомках Авеля. Так что с них спрашивать?

Но были у гуннов и враги. Точнее, это были враги союзных с гуннами племен. Это были свевы — враги гепидов, вандалы — враги ругов, бургунды и злейшие враги самих гуннов — аланы. Эти этносы действительно, покинули свою родину, страшась гуннов. В 405 г. они ворвались в Италию. Вождь их, Радагайс, дал обет принести в жертву богам всех захваченных сенаторов, но сам был окружен войсками Стилихона, предан и казнен. Только этот поход можно считать последствием гуннского нажима на этносы Европы. А ведь Великое переселение народов по общепринятому, и на этот раз правильно, мнению началось в 169–170 гг. Это маркоманская война¹⁰⁸, переход готов из Скандзы, но никак не появление кучки беглецов в заволжских степях — гуннов.

Однако главная ставка гуннских вождей в начале V в. находилась в степях Причерноморья. Туда направлялись византийские посольства до 412 г. Тем не менее переселение гуннов на берега Дуная шло неуклонно; венгерская пушта (степь) напоминала им заволжскую родину, которую к V в. гунны покинули, и, кажется, мы уже знаем почему.

Поскольку климатический сдвиг от вековой засухи к повышенному увлажнению степной зоны вызвал расширение сибирского леса и лесостепи к югу, полоса сухих степей сузилась, а значит, сузилась и гуннский ареал. Экстенсивное кочевое скотоводство требует больших пространств с редким населением. Лошади и овцы, привыкшие к калорийным степным травам, не могут жить на лесных, влажных кормах, а тем более добывать корм из-под глубокого снега. Следовательно, необходимы сенокосы, а этого ремесла гунны не знали. Поэтому они сдвинулись на территории завоеванные, где было можно исполь-

звать труд покоренных аборигенов. Но тех надо было либо держать в страхе, для чего у малочисленных гуннов не было сил, либо компенсировать их военной добычей, больше было нечем. Европейские пассионарные варвары знали, что компенсацию они могут получить только в Римской империи, но, без должной организации, их вторжения были сначала неудачны, потом полуудачны: римляне пустили бургундов в долину Роны, вандалов, свевов и аланов — в Испанию, визиготов — в Аквитанию, франков — в Галлию, но остальные варвары тоже хотели урвать свою долю римского пирога, а умный правитель всегда считается с пожеланиями масс. Ругила был правителем умным и осторожным. Когда в 430 г. гунны достигли Рейна, он попытался наладить с Римом дипломатические контакты и даже давал свои войска для подавления багаудов в Галлии. Но он умер в 434 г., власть перешла к Атиллу и Блехе — детям его брата Мундзука, и... ох, как много случилось за эти двадцать лет!

АТТИЛА, АЭЦИЙ И ФАЗЫ ЭТНОГЕНЕЗА

История европейских гуннов уже написана, и куда подробнее, чем это можно сделать в одном разделе одной главы. Но никто из историков не ставил себе задачи показать уникальное соотношение старца, юноши, мужа в расцвете сил и пожилого многоопытного человека. А в это жуткое двадцатилетие, когда решались судьбы этносов Европы и даже путей развития культур, ситуация была именно такова.

Переведем образ в академическую терминологию. В V в. римский суперэтнос находился в фазе обскурации: он почти переставал существовать. Но Восточная Римская империя была сильна, ибо многие обитатели Малой Азии, Сирии находились в акматической фазе этногенеза. Там прошла ось пассионарного толчка, и христианские, гностические и манихейские общины восали в себя тех юных пассионариев, которым была противна самовлюбленная античная пошлость. Они спорили друг с другом, проповедовали свои учения всем желавшим слушать, интриговали и защищали стены своих городов, что давно разучились делать те, кто оставался в полузабытом языке. И в отличие от их ровесников — германцев у них была этническая доминанта, философия, переданная им неоплатониками. Эта философия не существовала в глубокой древности, ни в эллинской, ни в иудейской, ни в египетской. Первым неоплатоником был Христос.

Однако этим энергичным пассионариям страшно мешали субпассионарии, расплодившиеся за три века имперского благополучия и изобилия. Они отнюдь не были «низами» общества. Многие из них

пролезали на высокие посты и на средние должности. Но где бы они ни находились, они безжалостно разьедали тело римской цивилизации, не желая думать о завтрашнем дне, а тем более — о неизбежном конце.

Не будем ограничиваться собственными соображениями, а выслушаем беспристрастного современника событий. В 448 г. Приск Панийский в ставке Аттилы, где он был в составе посольства, встретил грека, богато одетого в «скифские» одежды; разговорились, и Приск записал слова этого грека.

«Бедствия, претерпеваемые римлянами во время смутное, тягостнее тех, которые они терпят от войны... ибо закон не для всех имеет равную силу. Если нарушающий закон очень богат, то несправедливые его поступки могут остаться без наказания, а кто беден и не умеет вести дела, тот должен понести налагаемое законом наказание». Приск возразил, что законы римлян гуманные и «рабы имеют много способов получить свободу». Грек ответил: «Законы хороши и общество прекрасно устроено, но властители портят его, *поступая* не так, как поступали древние»¹⁰⁹. Грек отметил вариативность стереотипа поведения, как главный фактор, дающий людям жить. Культура — дело рук человеческих — стабильна, а римский суперэтнос уже вступил в последнюю фазу: мечтатели оплакивали уходящую культуру, а другие ее проедали. И пока готы не разрешили античного населения в Македонии, Фракии и Элладе настолько, что подготовили пустые места для славян, т. е. до VI в., Византия была заключена в городских стенах, а Гесперия¹¹⁰, где эти стены пали, вообще исчезла с карты мира.

Германцы, ровесники византийцев, не имели такой культурной традиции, способной объединить их в суперэтническую целостность. Наоборот, пассионарный толчок, не будучи направлен, разорвал даже те связи, которые у них были в первые века н. э. Чтобы объединиться, им было нужно начальство; и они нашли его в гуннах.

Гунны, как и их соперники — аланы, и хунны в Северном Китае переживали страшную фазу надлома, или неуклонного снижения пассионарного напряжения этнической системы. На этом фоне достоинства отдельных личностей меркли. Лишенные своей экологической ниши, они были вынуждены получать необходимые им продукты или как дань, или как военную добычу. На чужой земле они превратились в хищников, которые вынуждены охотиться на соседей, чтобы не погибнуть, и пользоваться услугами этносов, на них непохожих и им неприятных, но крайне нужных.

Пассионарность их была разжижена из-за включения в их среду многочисленных угро-финнов, за счет коих они пополняли потери в боях. Угро-финны были очень храбры, выносливы и энергичны, вполне лояльны гуннским вождям, но сердце их билось в другом ритме, их

собственном, вследствие чего они образовали гунно-угорскую химеру. До V в. их сочетание не носило такого характера, ибо они жили в разных экологических нишах: в степи и в лесу, а когда их задвинула в окрестную долину Дуная историческая судьба, да еще добавила к ним кельтов — бастарнов, дакийцев — карпов, сарматов — язигов и кое-какие роды славян, то все изменилось, и отнюдь не к лучшему.

В инерционной фазе находились только персы. Сасанидский Иран — это союз трона и алтаря, потомков парфян и потомков эламитов из города Аншана, с добавкой потомков саков и арамеев, мидян и бактрийцев. Это была стройная система, напоминавшая империю Августа, Траяна и Марка Аврелия. Ужасы обскурации были для персов еще будущим, хотя уже недалеким.

Вот на каком фоне развернулись события, связанные с деятельностью двух упомянутых в заглавии персон.

Аттила был невысок, широкоплеч, с темными волосами и плоским носом. Борода у него была редкая. Узкие глаза его смотрели так пронзительно, что все подходившие к нему дрожали, видя осознанную силу. Страшный в гневе и беспощадный к врагам, он был милостив к своим соратникам. Гунны верили в его таланты и отвагу, поэтому под его властью объединились все племена от Волги до Рейна. Под его знаменем сражались, кроме гуннов, остроготы, гепиды, тюринги, герулы, турклинги, руги, булгары и акациры, а также много римлян и греков, предпочитавших справедливость дикого гуннского царя произволу и корысти цивилизованных римских чиновников.

Сначала Аттила делил власть со своим братом Бледой, но в 445 г. убил его и сосредоточил власть в своих руках. При совместном их правлении гунны, а точнее — присоединившиеся к ним племена, совершили набег на Балканский полуостров и дошли до стен Константинополя. Они сожгли 70 городов, от Сирмия до Наиса. Но добыча их была меньше ожидаемой, так как на полуострове уже дважды похозяйничали визиготы. В 447 г. Феодосий II заключил с Аттилой униженный мир, обязался платить ежегодную дань и уступил южный берег Дуная от Сингидуна до Наиса, но сменивший Феодосия Маркиан расторг этот договор в 450 г., заявив, что его подарки — для друзей, а для дерзких врагов у него есть оружие. Аттила был не только обидчивый азиат, но и дипломат. Он рассчитал, что на западе достигнет больших успехов, и решил двинуть свои войска в Галлию.

У него для похода был повод — просьба принцессы Гонории обручиться с нею и, что важнее — союзники: один из франкийских князей, изгнанный из своего отечества, и король вандалов — Гензерих, взявший столицу провинции Африки — Карфаген. Римлян можно было не бояться, но хорошо продуманный поход дал неожиданный резуль-

тат. У Аттилы оказался противник, достойный его и по личным качествам и по уровню пассионарности, — Аэций.

Аэций (род. около 390 г.), сын германца и римлянки, был представителем нового поколения, новой породы пассионариев, которое подняло раннюю Византию. Красивый, сильный мужчина, он не имел равного в верховой езде, стрельбе из лука, метании дротика. Честолюбие и властолюбие были лейтмотивом его бурной биографии. На его глазах мятежные легионеры убили отца; он дважды был у гуннов: то как заложник, то как изгнанник. Он свободно говорил на германских и гуннском языках, что располагало к нему легионеров, среди которых уже не было уроженцев Италии. Карьеру он сделал быстро, но ревность к славе и власти породила в нем вражду к наместнику провинции Африки — Бонифацию, честному, доброму и способному «последнему римлянину», как потом назвал его историк Прокопий¹¹¹. Аэций оклеветал Бонифация и спровоцировал его на мятеж. Бонифаций в 429 г. пригласил на помощь вандалов из Испании, но те, как водится, захватили эту провинцию для себя. Бонифаций вернулся в Рим и оправдался, ибо действительно потеря Африки была вызвана интригами Аэция.

Тогда Аэций, командовавший войсками в Галлии, пошел походом на Рим. Бонифаций, командуя правительственными войсками, разбил Аэция, но, раненный копьем, скоро умер (432 г.). Аэций бежал к гуннам, где его принял царь Рутила, но после его смерти, происшедшей в 433 г., вернулся и в 437 г. был вторично назначен консулом. Третий раз он получил эту должность в 446 г. До тех пор многократно консулами бывали только императоры¹¹². Но ведь только Аэций умел заставить варваров сражаться за ненавистный им Рим.

Если вдуматься в историческую ситуацию середины V в., то между Аэцием и Аттилой наблюдается некоторый параллелизм. Оба стояли во главе военно-политических коалиций (отнюдь не «племенных союзов»), население которых было чуждо своим правителям и по крови и по религии, да и по всему этническому облику. Во главе восточной коалиции германо-славяно-угорских племен стоял гунн, потомок древнейших тюрков; во главе западной — германо-кельтско-аланской — римлянин, потомок захватчиков и рабовладельцев.

Все варвары, вторгшиеся в начале V в. в Галлию: визиготы, бургунды, аланы, армориканцы (кельты из Валлиса, переселившиеся на материк в V в., после чего полуостров был назван «Бретань»), франки и отчасти алеманны, были усмирены Аэцием, который мобилизовал их друг против друга. А местные жители сражались против него: это было движение багаудов. Аэций подавил его с помощью гуннских отрядов, присланных ему Аттилой. И Аттиле пришлось подавлять сопротивление своих подданных акациров — «старшего войска»¹¹³, подстре-

каемого византийскими лазутчиками. Один из старейшин, обиженный тем, что грек вручил ему подарок второму, а не первому, как следовало, обиделся и донес Аттиле о заговоре. Тем и кончилось: карательная экспедиция, отрубленные головы, принятие покорности от уцелевших...¹⁴ все как обычно и как везде.

Аттила и Аэций были приятелями в детстве. Ссориться им было незачем. Но правители зависят от масс не меньше, чем те от них. А в фазе пассионарного подъема массы не могут и не хотят жить в покое. В Византии рост пассионарности породил борьбу церковных направлений, а в среде варваров — войну, в которую были втянуты гунны и Рим, хотя воевали, в основном, германцы. Война началась в 450 году.

ВОЙНА 450—472 гг. и ЭТНОГЕНЕЗ

Каждое явление истории может быть рассмотрено в различных ракурсах, не подменяющих, а дополняющих друг друга: в социальном, культурном, государственном и т. д. Нам, для нашей темы, нужен этнический аспект. Посмотрим, какие этносы сражались под руководством Аттилы? «В его войске были, кроме гуннов, бастарны, скиры, остроготы, гепиды, герулы, руги, алеманны, часть франков, бургундов и тюрингов»¹⁵. Здесь перечислены только германские и кельтские этносы, а прочие, видимо, объединены под названием «гуннов», в том числе — биттогуры, или «Черная Угра»¹⁶, и анты, которые, как верные союзники гуннов, не могли не участвовать в походе.

Список этносов, самоуправляющихся, независимых друг от друга и связанных только политическими договорами, никак нельзя именовать «племенным союзом», как это легкомысленно и слишком часто делается. С равными правами можно было бы называть племенным союзом Австро-Венгрию или даже Антанту — союз Великобритании, России и Франции против Германии.

Равным образом не было «племенным союзом» войско, собранное Аэцием: визиготы, аланы, армориканцы, саксы, часть франков, бургундов и какие-то литицианы, рипарии, олибрионы¹⁷. Но возникает вопрос: если этих людей не гнали в бой их короли, то зачем они пошли на войну? Без науки об этногенезе этого объяснить нельзя, а с этнологией — очень просто. Знак этнической доминанты фазы подъема в фазе спада меняется на обратный. Нам понятно, что люди хотят сидеть дома и «есть курку с маслом», а начальники их гонят в бой; а при подъеме пассионарности — люди гонят в бой королей. Впрочем, субпассионарии делают то же самое, только с другими мотивами и результатами: без цели и без смысла.

Подробное описание этой войны выполнено неоднократно. Достаточно напомнить читателю основные факты. На пути в Галлию гунны (так мы будем условно называть разноплеменное войско Аттилы) разбили бургундов и уничтожили их королевство, затем, разрушая все города на своем пути, дошли до Орлеана и отступили от него. В 451 г. на Каталаунской равнине гунны приняли бой с подошедшими войсками Аэция. Битва была кровавой, но победа не далась никому. Аттила отступил, Аэций его не преследовал.

В 452 г. Аттила возобновил войну. На этот раз он вторгся в Италию и взял самую сильную крепость — Аквилею. Вспомним, что степняки-гунны крепостей брать не умели. Значит, тут постарались остроготы и гепиды. Разграблена была вся долина По. Медиолан и Павия сдались, чтобы, отдав имущество, сохранить жизнь людей. Аэций имел слишком мало войск для активного отпора гуннам.

Римляне просили мира и предложили Аттиле громадный выкуп за уход из Италии. Аттила принял предложение, ибо в его войске возникла эпидемия, и гунны покинули Италию. В 453 г. Аттила женился на бургундской красавице Ильдико, но умер в брачную ночь. В следующем, 454 г., гуннская держава развалилась, и в том же году (24 сентября) император Валентиниан заколол Аэция собственной рукой во время аудиенции.

Остроумные римляне говорили, что император левой рукой отрубил себе правую. Так оно и было. В 455 г. вандалский король Гензерих взял Рим и отдал город на двухнедельное разграбление своим воинам. Дальнейшая история Италии — это агония, уже даже не этноса, а его осколков. Но поскольку происходила она далеко от Каспия, вернемся к гуннам.

Исходя из всего вышесказанного, следует заключить, что название Аттилы «Бичом Божиим» вполне неоправданно. Конечно, он был человек волевой, умный и талантливый, но так зажатый этнической ситуацией, что ради спасения себя и своего народа вынужден был плыть только по течению, которое несло его со страшной силой. Так ведет себя акробат на канате под куполом цирка без пугающей его сетки внизу. Любой ошибочный шаг... и неизбежная гибель.

Гунны в Паннонии были окружены со всех сторон враждебными подданными; поэтому они оказались на поводу у большинства, которое их не любило. На Каталаунском поле напор Аэция удержали не союзники гуннов, а их богатыри, которые полегли на поле боя. В Италии много гуннов умерло от эпидемии в непривычном климате. Восполнить потери было нечем, ибо акациры в Северном Причерноморье были, как уже говорилось, ненадежны.

Аттила умер вовремя. Наследство, им оставленное, было губительно для его сыновей и его близких. Заслуга Аттилы перед своим народом только в том, что он отдалил гибель гуннов на двадцать лет, а среди европейцев оставил память, едва ли не мифическую. Но Великое переселение народов, начавшееся до вторжения гуннов, продолжалось и после их исчезновения, ибо это был феномен планетарного масштаба.

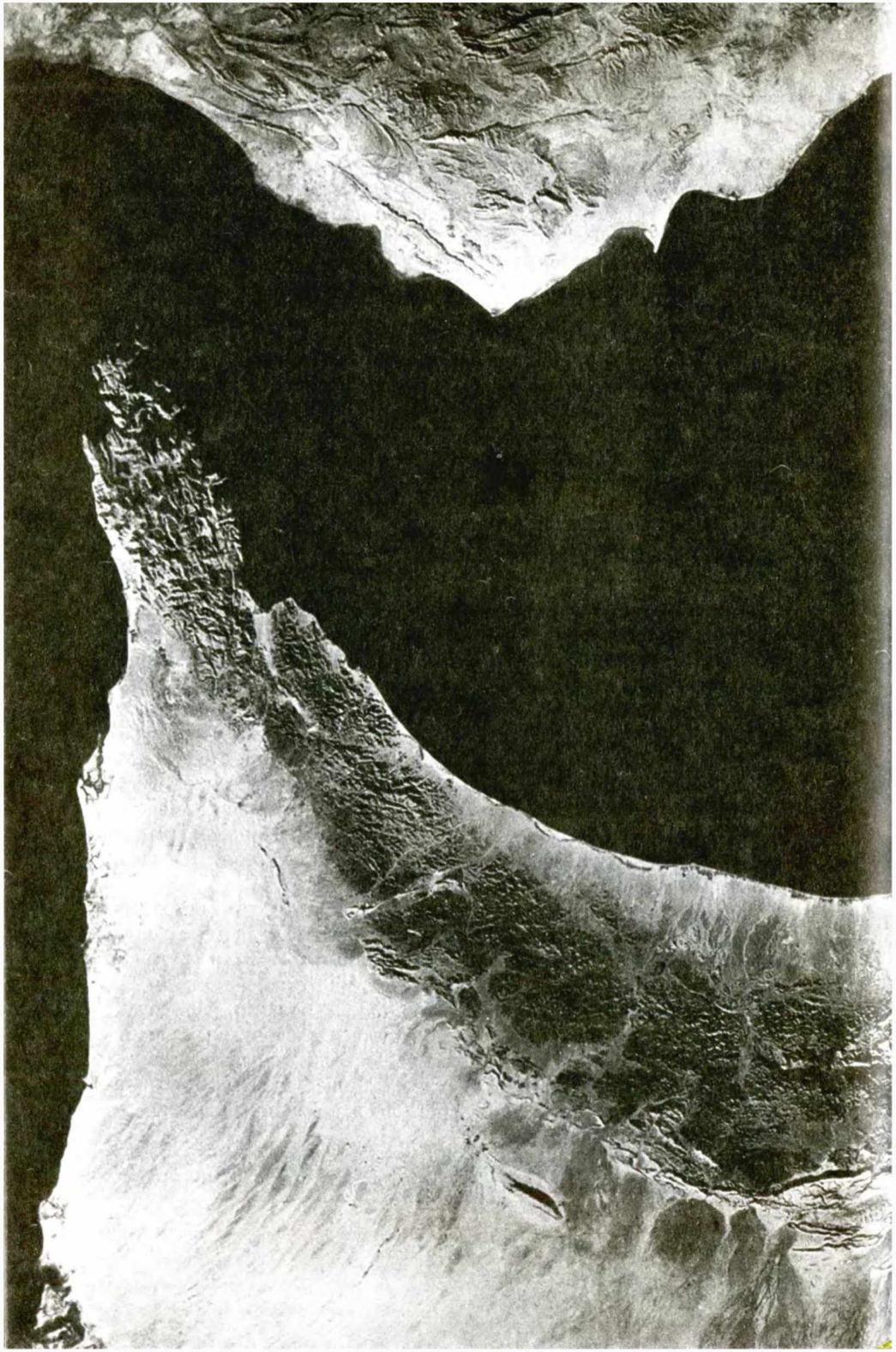
Итак, Азий и Аттила на персональном уровне — талантливые герои, на этническом — индикаторы контактных ситуаций, на суперэтническом — детали грандиозных процессов, бессильные их исправить или изменить. Однако суперэтнические процессы не только можно, но нужно изучать, как метеорологию или сейсмографию. Так, своевременно зная о цунами, можно уйти в горы и спастись. А это далеко не бесполезно.

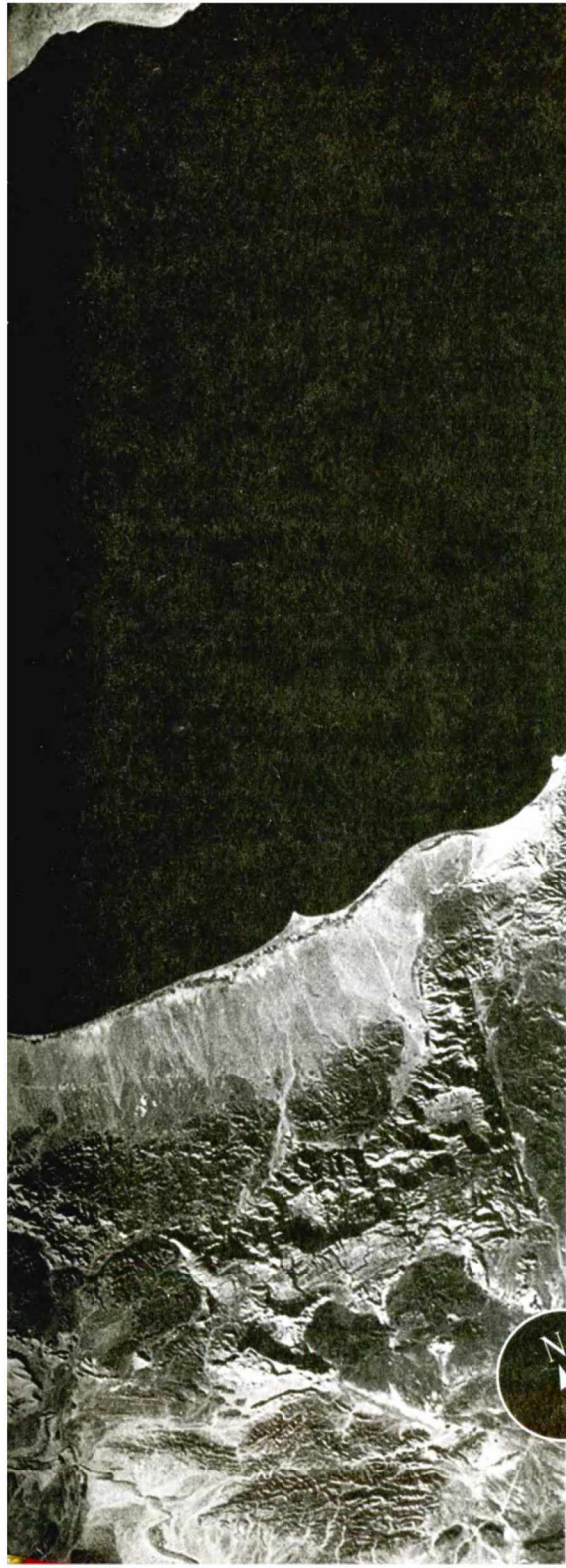
ТРИ ПОРАЖЕНИЯ

Смерть Аттилы оказалась переломным моментом в истории Восточной Европы. Когда после похорон сыновья правителя стали спорить за права наследования, король гепидов Ардарих объявил, что считает себя обиженным недостаточным уважением к нему, и поднял восстание. В возникшей войне приняли участие все племена и народы, только что подчинявшиеся Аттиле. Произошла решительная битва на р. Недао (Недава, приток Савы), о которой Иордан повествовал красочно и невразумительно: «...можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его (гепида? — предполагает Е. Ч. Скржинская) ране, и свева, отважно действующего дубинкой, и гунна — стрелой, и алана... с тяжелым, а герула — с легким оружием»¹¹⁸.

Кто был за кого? Из текста это неясно. Известно, что остроготы были на стороне гепидов, а поэтому можно думать, что там же были и аланы, т. е. язиги¹¹⁹. А вот рути и свевы? Видимо, они были за гуннов, потому что позже, в 469 г., они бьются против готов на р. Болии¹²⁰. А поскольку Одоакр покорил часть ругов, то надо полагать, что герулы, на которых он опирался, были врагами ругов и, следовательно, друзьями гепидов. Иордану все эти отношения были ясны, и он не мог представить читателя, который не знает столь общеизвестных деталей. А что будут думать и знать через 1500 лет, ведь и из наших историков никто не предполагает.

В этой битве погиб любимый сын Аттилы — Эллак и 30 тысяч гуннов и их союзников. Уцелевших гуннов братья Эллага — Денгизих и

Подкова Ормузского пролива.

Раздробленный на геологические плитки Каменный мыс, оконечность Аравийского полуострова.

На другом берегу Иран.

Сотни танкеров проходили через пролив в 1970-е годы из Кувейта, Ирака, Ирана. Слева — берег Арабских Эмиратов.

Ирник – увели на восток, на старые земли готов, в низовья Днепра. Остроготы заняли опустевшую Паннонию, а рути ушли в Норик, кроме тех, которые нашли приют в Византии.

Гунны продолжили войну против готов, но тут их настигла вторая беда, на этот раз с востока. «В 463 г. к ромеям (византийцам) пришло посольство от сарагур, урогов и оногур и рассказало, что они покинули свою страну, будучи изгнаны савирами, а те, в свою очередь, были прогнаны аvaraми, бежавшими от некоего народа, обитавшего на берегах океана. Послы также сообщили, что сарагуры покорили акацир... и желают, вместо них, быть союзниками империи»¹²¹.

Ныне эти странные для греков названия расшифрованы и ход событий восстановлен с законным допуском¹²². Сарагуры, оногуры и уроги – утры, предки древних болгар; савиры – этнос самодийской группы¹²³, населявший окраину сибирской тайги; абары – джунгарское племя, их соседи – мукрины, предки киргизов, известные во II–V вв. как «Западная сяньбийская орда»¹²⁴. Разгромив акациров, болгары уничтожили гуннский тыл, а савиры продвинулись по лесостепной полосе до Десны и остановили движение антов на восток. Анты же были союзниками гуннов.

Чем объяснить такую странную и внезапную подвижку племен, явно вынужденную событиями на юго-востоке. И не только это, а и то, почему эта война стала возможной? Ведь 200 лет сибирские народы не испытывали никаких неприятностей от южных соседей, так как между ними бежала полоса пустыни.

Вспомним, что в середине IV в. изменили путь своего прохождения атлантические циклоны¹²⁵. Они начали смещаться к югу и увлажнять не северную тайгу, а ее южную окраину. Сухая степь зазеленела и стала легко проходимой. Тогда события, происходившие в Средней Азии, отозвались эхом, достигшим Восточной Европы.

Казалось бы, повышенное увлажнение Великой степи – благо, но для савиров оно обернулось бедой. Значительная часть их покинула родину, но не нашла счастья на чужбине. Они побеждали, но не могли пользоваться плодами побед. Те, которые по западному берегу Каспийского моря прошли в Иран, были вынуждены отдавать свои жизни на службе у персидских шахов или византийских императоров¹²⁶. Северные савиры ославились по языку, но долгое время боролись с россами и антами¹²⁷, а потом с царством Московским. В XVII в. они еще сохраняли свой древний этноним: «севрюки». Под этим именем они пополняли войска Болотникова.

Итак, оптимизация природных условий Великой степи привела к беде три этноса: савиров, болгар и акациров, – но считать ее злом тоже неправильно. Циклоны, проходя через лесную зону, наполнили

влагой истоки Волги и ее притоков, из-за чего уровень Каспия поднялся на 3 м и образовалась знаменитая волжская дельта, которую заселили выходцы с низовий Терека — хазары¹²⁸. Они получили роскошные земли, но что из этого вышло? Посмотрим!

Так что же все-таки этнические контакты, миграции и смены климата: благо или беда? Очевидно, ни то, ни другое, ибо природа не знает таких категорий, как «добро» и «зло», «хорошо» и «плохо», «прогресс» и «регресс». Природа вечно меняет ландшафты и их наполнение — этносы. Подобно всем природным неуправляемым системам, этносы возникают, как определенные целостности, и исчезают, теряя системные связи. А люди? Они входят в состав иных этносов и продолжают жить, забывая утраченное прошлое.

Конечно, такие перемены не безболезненны. Отдельные особи или персоны гибнут, но ведь во всех фазах этногенеза смерть индивидуала неизбежна. Так что разница здесь непринципиальна. Процессы этногенеза, как жизни организмов, дискретны: они имеют начала и концы. И нам осталось описать конец гуннов.

КАТАСТРОФА

После болгарского удара в спину — разгрома акациров — положение гуннов было безнадежно. Но гунны сохранили древнюю тюркскую доблесть и неистребимое угорское упорство. Так как оба предка обучили потомков не бояться смерти в бою, то Денгизих продолжал войну с готами. Его поддерживали три гуннских племени (ултинзур, биттогуры, бардоры) и одно германское, враждебное готам, — ангискиры¹²⁹. На его стороне были и садаги, гуннское племя, оставшееся в Паннонии после битвы при Недао¹³⁰. Готы напали на садагов в 60-х гг. V в., но Денгизих произвел нападение на город Басиану в южной Паннонии. Готы были вынуждены оставить в покое садагов и бросить свои войска на гуннов. Те же, выполнив боевую задачу, отошли в свои степи Поднепровья.

После удачной диверсии, связавшей руки готам — врагам не только гуннов, но и Византии, Денгизих попытался в 468 г. наладить союз и торговлю с константинопольским двором, но получил внезапный и удивительный отказ. Вместо контакта возник конфликт. Но почему? Ведь готы были врагами не только гуннов, но и греков?! Очевидно, надо внимательно разобраться в византийских делах.

Готы были одновременно проклятием и опорой поздней Римской империи. Они 90 лет (378—468) грабили население Италии и Балканского полуострова, так что древние этносы: македонцы, фракийцы,

многие эллины, часть иллирийцев – просто исчезли с этнографической карты. Но вместе с тем готские наемники были наиболее боеспособной частью императорской гвардии. Будучи арианами¹¹, готы охотно подавляли народные движения в городах, где после Халкидонского собора 451 г. православные и монофизитские монахи придавали народным волнениям неслыханный размах. И за все расплачивалось сельское население, отдаваемое правительством в жертву воинственным варварам.

На Западе свев Рицимир, на Востоке алан Аспар, командуя германскими гвардейцами, готовили Рим и Константинополь для сдачи варварам. Рицимир умер от заразы, оставив Италию беззащитной, ибо ее население начисто потеряло древнюю доблесть (пассионарность). Но Восток устоял, хотя готские гвардейцы держали в своих руках столицу и заставили Льва I выплачивать ежегодную стипендию не только себе, но и своим паннонским сородичам. В 463 г. арианин Аспар разбил естественного союзника Византии Денгизиха и направил его голову в Константинополь.

Официальная версия гласит, что гунны совершили набег на Византию. Но вдумаясь: гунны были окружены: с запада им грозили готы, с востока – болгары, с севера – савиры. Где уж тут начинать новую войну, и чего ради? А вот Аспару гибель гуннов была выгодна, так как можно было получить благодарность от готов. Поэтому было объявлено, что гунны «прорвались» через Дунай. Но когда Аспар был убит и гвардейцы его перебиты в 471 г. исаврийскими войсками, находившимися под командой будущего императора Зинона, выяснилось, что гунны переходят Дунай не для войны, а чтобы вступить в подданство империи. Им были выделены земли в Малой Скифии (Добрудже)¹². И на этом история гуннов кончилась. Их сменили племена ранних болгар: кутургуров, и утургуров, и огоров (угров). В VI в. степи до Дона и берега Черного моря подчинили тюркюгы¹³, которым помогли хазары. Но о хазарах речь впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. Иордан считал готов потомками тетов, конечно ошибочно. С. 195.

² Дата появления готов на Черном море (весьма приблизительно: «время Каракаллы» (211–217). (См.: *Вебер Г.* Всеобщая история. Т. IV. М., 1893. С. 449.)

³ См.: *Гумилев Л. Н.* Некоторые вопросы истории хуннов //ВДИ. 1960. № 4. С. 120–125. (Приведена литература.)

⁴ См.: *Иностранцев К. А.* Хунну и гунны //Тр. тюркологического семинария. Т. I. Л., 1926. С. 118–119 (предложил применить название «гунны» для европейской ветви

- хуннов, дабы избежать путаницы. Применять же современное китайское чтение иероглифов — «сюнну» — равно безграмотно и антипатриотично).
- ⁵ См.: *Иностранцев К. А.* Указ. соч.
 - ⁶ См.: *Maenchen-Helfen O.* The Huns and the Hsiung-nu. *Bizantion, American Series.* III. T. XVII. 1925. P. 222—243; *The Legend of the Origins of Huns.* *Ibid.*, 244—252.
 - ⁷ См.: *Гумилев Л. Н.* Некоторые вопросы... //ВДИ. 1960. № 4. С. 120—125; *Он же.* Хунну. С. 236—249.
 - ⁸ См.: *Бернштам А. Н.* Очерки истории гуннов. Л., 1951.
 - ⁹ См.: ВДИ. 1952. № 1. С. 101—109; Сов. археология. 1953. Т. XVII. С. 320—326.
 - ¹⁰ См.: *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Второе издание — Л., 1989.
 - ¹¹ См.: *Maenchen-Helfen O.* *Op. Cit.* P. 244—252.
 - ¹² См.: *Гумилев Л. Н.* Некоторые вопросы истории хуннов //ВДИ. 1960. № 4. С. 120—125.
 - ¹³ См.: *Иордан.* Указ. соч. С. 90.
 - ¹⁴ Там же. С. 195.
 - ¹⁵ Там же.
 - ¹⁶ См.: *Гумилев Л. Н.* Сказание о хазарской дани //Русская литература. 1974. № 3. С. 164—174.
 - ¹⁷ См.: *Гумилев Л. Н.* Эфталты и их соседи в IVв. //ВДИ. 1959. № 1. С. 129—140.
 - ¹⁸ См.: *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 103—113 (приведена литература).
 - ¹⁹ Именно предки вогулов (манси) в первых веках н. э. имели наибольшую территорию, и этнонимы манси, мадьяр и мишар — всего лишь звуковые варианты одного имени. (См.: *Чернецов В. Н., Мошинская В. И.* В поисках древней родины угорских народов //По следам древних культур от Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 190.)
 - ²⁰ См.: *Скржинская Е. Ч.* Комментарии в кн.: *Иордан.* С. 222—223.
 - ²¹ *Бичурин (Иакинф).* Собрание сведений... Т. III. Приложения, карта 3 (время Сань-го).
 - ²² См.: *Гумилев Л. Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века //Вестник ЛГУ. 1966. № 18.
 - ²³ См.: *Рихтер В. Г.* Донные отложения Кара-Богаз-Гола как индикатор колебаний уровня Каспийского моря //Бюл. МОИП. Отд. геологии. 1961. Вып. 1.
 - ²⁴ См.: *Hajdu P.* Die ältesten Behürhrungen zwischen Samojedem und die jienisseischen Völkern // *Acta Orientalia.* T. III. Budapest. S. 88—89, 99.
 - ²⁵ *Чернецов В. Н., Мошинская В. И.* В поисках древней родины угорских народов. С. 163—192.
 - ²⁶ *Сиуртя* — слово самоедское; применяется также к Заволоцкой Чуди. (См.: *Ефименко П. С.* Чудь Заволоцкая. Архангельск, 1869. С. 24, 42, 86; Записки Географического общ-ва. 1864. № 2. С. 49 (Шаманство в Сибири).
 - ²⁷ См.: *Серебренников Б. А.* Происхождение чуваш по данному языку //О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 41.
 - ²⁸ См.: *Haldu P.* *Op. cit.* S. 88—89, 99; *Эрдей И.* Большая Венгрия //Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1961. № 13. S. 309—319.
 - ²⁹ См.: *Гумилев Л. Н.* История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н. э. по XVI в. н. э.). Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 37—39.
 - ³⁰ *Гумилев Л. Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века. С. 85.
 - ³¹ См.: *Берг Л. С.* Беседа со студентами Московского университета //Вопр. географии. 1951. № 3. С. 68—69.
 - ³² См.: *Altheim F., Stiel R.* Die Araber in der Alten Welt. Bd. V. Teil 2. Berlin, 1969. S. 507—525.
 - ³³ См.: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. С. 18—19.
 - ³⁴ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. П. С. 249; Т. III. С. 19.
 - ³⁵ См.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960. С. 365.

- ³⁶ Там же. С. 557—562.
- ³⁷ См.: *Марцелин, Аммиан*. Вып. II. С. 198—191.
- ³⁸ См.: *Hannestad K.* Les relation de Byzance avec la Transcaucasie et L'Asie Centrale au V et VI siècles. Byzantion. Т. XXV—IIVII. Bruxelles, 1957. P. 450.
- ³⁹ Ibid. P. 120
- ⁴⁰ Подробное см.: *Гумилев Л. Н.* Колебания степени увлажнения и миграции народов в Юго-Восточной Европе с II по IV в. //Autes du VII e Congrès International' des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Prague, UNESCO, 1971. P. 951—955.
- ⁴¹ См.: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. С. 35—37.
- ⁴² См.: Евхерий, епископ Лиона около 530 г. Цит. по: *Робертсон Джеймс С.* История христианской церкви. Т. I. СПб, 1890. С. 133.
- ⁴³ См.: *Робертсон Д. С.* Указ. соч. С. 170.
- ⁴⁴ См.: *Вебер Г.* Всеобщая история. Т. IV. С. 447—451.
- ⁴⁵ См.: *Артамонов М. И.* Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. КСИ-ИМК. Вып. VI. 1940. С. 5.
- ⁴⁶ *Рыбаков Б. А.* Древние русы //Сов. археология. 1953. Т. XVII. С. 23—104; Ср.: *Скржинская Е. Ч.* Комментарии в кн.: Иордан... С. 279.
- ⁴⁷ «Поляне, яже ныне рекомае Русь». (См.: *Лихачев Д. С.* Повесть временных лет. Т. I. М.; Л., 1950. С. 21.)
- ⁴⁸ Блестящий комментарий *Е. Ч. Скржинской* см.: Иордан... С. 274—279 (приведена литература).
- ⁴⁹ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений по исторической географии... Т. 2. С. 229.
- ⁵⁰ Из краткого упоминания о деяниях императора Тацита (275—276) видно, что аланы были в союзе с готами. См.: *Вебер Г.* Указ. соч. Т. IV. С. 515.
- ⁵¹ «Потоп» в Месопотамии имеет две даты: вавилонскую, по поэме «Энума Элиш» — 2379 г. до н. э., и еврейскую, по Библии — 2355 г. до н. э. (См.: *Шнитников А. В.* Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария //Записки Геогр. общ-ва. Т. XVI. М.; Л., 1957. С. 220—221, 262).
- ⁵² См.: *Белявский В. А.* По поводу «извечного антагонизма» между земледельческим и кочевым населением Восточной Европы //Славяно-русская этнография. Географ. общ-во СССР. П., 1973. С. 101—108.
- ⁵³ См.: *Гумилев Л. Н.* Хунну. С. 66; *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 51.
- ⁵⁴ См.: *Бичурин Н. Я.* Указ. соч. Т. I. С. 51, 55, 57, 93—96.
- ⁵⁵ См.: *Марцелин Аммиан*. История. Т. III. Кн. XXXI. С. 236—243.
- ⁵⁶ Византийское посольство к гуннам в Северное Причерноморье было в 412 г. (См.: *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 55.)
- ⁵⁷ См.: *Гумилев Л. Н.* Хунну. С. 241—247.
- ⁵⁸ *Руденко С. И.* К вопросу о формах котоводческого хозяйства и о кочевниках. Л., 1961. С. 2—15.
- ⁵⁹ См.: *Майдар Д., Пюрвев Д.* От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1980. С. 19—21.
- ⁶⁰ См.: *Скржинская Е. Ч.* Иордан... С. 270.
- ⁶¹ См.: *Вебер Г.* Указ. соч. С. 593.
- ⁶² *Визиготы и гелиды* — западные разделы готов.
- ⁶³ *Язиги* — сарматское племя в Паннонии.
- ⁶⁴ Другая часть вандалов, сдавшаяся римлянам, была поселена в Британии в 277 г. (См.: *Вебер Г.* Указ. соч. С. 517.)
- ⁶⁵ *Тайфалы* — германское племя, жившее в IV в. на Серете; союзники готов, но другого происхождения. (*Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 251.)
- ⁶⁶ *Карпы* — могучее племя на нижнем Дунае, Пруте и Серете. По-видимому, дакийское, воевавшее в III в. с римлянами, будучи в союзе с остроготами. (*Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 252—254.)

- ⁶⁷ *Герулы* — «скифское» (т. е. не германское) племя, жившее у Азовского моря, покоренное Германарихом. (*Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 279.)
- ⁶⁸ Об этих особо, ниже. (*Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 279.)
- ⁶⁹ Северные, т. е. прибалтийские славяне; южные назывались «склавины».
- ⁷⁰ Эти сведения Иордана вызывают сомнения у *Е. Ч. Скржинской* (С. 268). Однако если считать, что веныды и айстии, т. е. славяне и балты (литовцы), находились на границе владений Германариха и подчинение их было формальным, как это часто бывало в средние века, то очертания державы Германариха у древних и новых авторов расходятся только в деталях, т. е. в пределах допуска.
- ⁷¹ См.: *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л. 1952 С. 88
- ⁷² Там же. С. 85—90.
- ⁷³ *Болчу* — ныне р. Урунгу в Джунгарии. (См.: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки.)
- ⁷⁴ Сноски даны не на всю литературу вопроса, а на заключения новейших авторов, дабы не подменять историю историографией и повторением критики устарелых соображений.
- ⁷⁵ *Иордан.* Указ. соч. С. 91.
- ⁷⁶ См.: *Гумилев Л. Н.* Хунну. С. 247.
- ⁷⁷ См.: *Гумилев Л. Н.* Хунны в Китае. С. 25—43.
- ⁷⁸ См.: *Иордан.* Указ. соч. С. 91.
- ⁷⁹ См.: *Рыбаков Б. А.* Древние русы //Сов. археология. XVII.
- ⁸⁰ «По ту сторону Мэотиды» (*Марцеллин Аммиан.* XXXI. 2, 1).
- ⁸¹ Автору удалось в одной из экспедиций побывать в такой крепости, над долиной Сулака. Обрыв в долину неприступен, валы, видимо, были грандиозны: они защищали поселение с горной стороны, поросшей густым лесом. Такие замки конница брать не может, да и следов разгрома на городище нет.
- ⁸² Средний Дон окаймляют три террасы. На нижней — прибрежный лес (тугай), на средней — степь с колками (рощами) — прекрасным укрытием для местных жителей и их отрядов. Вспомним, что донские казаки защищались от ногайцев с XIII по XVIII в. Чтобы их разбить, нужен был большой численный перевес, а «бесчисленные полчища гуннов» — плод фантазии европейских историков. Гунны в этой войне кормились охотой, следовательно, могли передвигаться только малыми отрядами, совмещая охоту с войной. Да и было их до 370 г. очень мало. Положение изменилось потом.
- ⁸³ Источник Иордана, Аблавий, относит эрулов к «скифам». Историю вопроса см.: *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 89, 266—267; отождествление этнонимов «эрул — герул» наша гипотеза.
- ⁸⁴ *Иордан.* Указ. соч. С. 90—91.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ *Е. Ч. Скржинская* начинает свой комментарий словами «Легенда об олене» (Указ. соч. С. 271) и солидаризируется скорее со скептиками, нежели с Иорданом и Зосимой, автором второй половины V в. Иордан приписывает этот трагический для готтов переход через море злым духам — предкам гуннов (там же), а Зосима пишет: «Я нашел и такое известие, что Киммерийский Боспор, обмелевший от снесенного Танаисом ила, позволил, им (гуннам) перейти пешком из Азии в Европу» (Там же. С. 271). Я верю Зосиме, и вот почему. Быстрый перенос пути циклонов из Заполярья в степь в IV в. должен был вызвать бурную гумидизацию лесной зоны, где берут начало Волга, Дон и Днепр. При половодьях эти реки снесли в устья размытую почву и создали на Волге дельту, в низовьях Дона — бар, который впоследствии был размыт волнением Азовского моря. Поэтому больше оснований для доверия к источнику, нежели для скепсиса, свойственного авторам, привыкшим считать свой уровень

- знаний за наивысший. Так Лавуазье отверг сведение о найденном метеорите. Он сказал: «Камни с неба падать не могут, ибо на небе нет камней». Истина часто бывает неожиданной.
- ⁸⁸ Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев. Греческие писатели. Т. I. СПб., 1893. С. 726.
- ⁸⁹ См.: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 51.
- ⁹⁰ Там же. С. 46—51.
- ⁹¹ См.: Моммзен Т. История Рима. Т. V. М., 1949. С. 272.
- ⁹² Там же. С. 211.
- ⁹³ Еще в 336 г. Боспор принадлежал римлянам, но вскоре после этого Рим перестал заботиться о судьбе греков, живших в Крыму (см.: Там же. С. 268.)
- ⁹⁴ Оба героя были предательски убиты римскими императорами.
- ⁹⁵ См.: Вебер Г. Указ. соч. С. 593.
- ⁹⁶ См.: Иордан. Указ. соч. С. 91—92.
- ⁹⁷ Там же. С. 90: «хотя теперь (в VI в.) они свирепствуют повсеместно...» Вот граница пассионарного толчка. Венеды, а потом саксы и франки получили пассионарность от генетического дрейфа и, отстав на старте, выиграли в финише.
- ⁹⁸ См.: Скржинская Е. Ч. Указ. соч. С. 221.
- ⁹⁹ Валент был ревностным арианином.
- ¹⁰⁰ См.: Вебер Г. Указ. соч. С. 594.
- ¹⁰¹ Иордан. Указ. соч. С. 115.
- ¹⁰² См.: Скржинская Е. Ч. Указ. соч. С. 320.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 206—208.
- ¹⁰⁵ Пожалуй, только это одно и бесспорно в антской проблеме. Все суждения историков расходятся друг с другом настолько, что перечислять их в этой главе нецелесообразно, ибо это увело бы нас в сторону от интересующих нас вопросов: о характере контактов гуннов с народами Европы. Сводку и разбор историографии см. у Е. Ч. Скржинской в цитируемом комментарии. Мое мнение согласуется с теми авторами, которые считают антов славянами и предками полян (см. ниже)
- ¹⁰⁶ См.: Иордан. Указ. соч. С. 92.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 301.
- ¹⁰⁸ См.: Вебер Г. Указ. соч. С. 310.
- ¹⁰⁹ Дестунис Г. С. Сказания Приска Панийского. СПб., 1861. С. 55—58.
- ¹¹⁰ Западная Римская империя; название позабылось к VI в.
- ¹¹¹ Он также назвал Аэция, но тут с ним нельзя согласиться. По характеру, страстности, отсутствию патриотизма и авантюризма Аэций больше ранний византиец, чем поздний римлянин. И недаром он родился на берегах Нижнего Дуная, а не Тибра или По. Ни он не любил италиков, ни они его.
- ¹¹² См.: Скржинская Е. Ч. Указ. соч. С. 302.
- ¹¹³ См.: Артамонов М. И. Указ. соч. С. 56. (Примеч. ред. Л. Н. Гумилева.)
- ¹¹⁴ Там же. Указ. соч. С. 55.
- ¹¹⁵ Вебер Г. Указ. соч. С. 670.
- ¹¹⁶ См.: Европеус Д. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России до прибытия туда славян. СПб., 1874. С. 3.
- ¹¹⁷ См.: Скржинская Е. Ч. Указ. соч. С. 307.
- ¹¹⁸ Иордан. Указ. соч. С. 118.
- ¹¹⁹ См.: Скржинская Е. Ч. Указ. соч. С. 341.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Сказания Приска Панийского. /Пер. Дестуниса. Уч. зап. II отд. ИАН. Кн. VII. Вып. I. 1861. С. 87.

- ¹²² См.: Гумилев Л. Н. Три исчезнувших народа. //Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1961. С. 106—109; *Он же*. Хунны в Китае. С. 200—201. Приведена литература.
- ¹²³ См.: *Hajdu P.* Op. cit. S. 88—89.
- ¹²⁴ См.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии /Сост. Л. Н. Гумилев и М. Ф. Хаан. Чебоксары, 1960. С. 542, 549, 553.
- ¹²⁵ См.: Гумилев Л. Н. Петерохронность увлажнения Евразии в средние века (Ландшафт и этнос. V п.)// Вестн. Ленингр. ун-та. 1966. № 18. С. 81—90; *Он же*. Истоки ритма кочевой культуры Серединной Азии: Опыт историко-географического синтеза //Народы Азии и Африки. 1966. № 4. С. 85—94.
- ¹²⁶ См.: *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 60—78.
- ¹²⁷ См.: *Шевченко Ю. К.* На рубеже двух этнических субстатов Восточной Европы. С. 39—58.
- ¹²⁸ См.: Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. С. 63—64.
- ¹²⁹ См.: *Скржинская Е. Я.* Указ. соч. С. 340.
- ¹³⁰ Там же. С. 333.
- ¹³¹ Арианство, принятое готами случайно – при их договоре с императором Валентом в 376 г., затем стало символом этнического самоутверждения восточных германских племен, знаменем, противопоставленным никейскому исповеданию, которому покровительствовал враг готов – император Феодосий I. То, что догматическое разногласие – спор о «единосущии» и «подобосущии» – было непонятно безграмотным готам, очевидно. Ведь это различие в буквальном переводе с греческого пропадает. Но люди, в критических фазах этногенеза, думают не о философии, а о том, где свои, а где враги? При этнических контактах исповедание – только индикатор связи: положительной или отрицательной.
- ¹³² См.: *Иордан.* Указ. соч. С. 20; *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 336.
- ¹³³ См.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 35—39.

V. В ареале затухающей пассионарности

МЕЖДУ ИСТОРИЧЕСКИМИ И ПРИРОДНЫМИ ЗАКОНОМЕРНОСТЯМИ

А теперь обратим лицо к восходящему солнцу и посмотрим на последствия вековой засухи в Великой степи, покинутой хузнами во II в. и оставленной табгачами в IV в. (около 326 г.). В III в. страна от северных склонов Иньшаня до южных отрогов Хамар-Дабана почти полностью потеряла свое население, ушедшее на окраины растущей пустыни. Но в середине IV в. тихоокеанские муссоны понесли животворную влагу в степь, которая быстро начала зеленеть. Тогда туда вернулись травоядные копытные, за ними пришли хищники – волки и наконец там появились храбрые и сильные люди: жужани – осколки разбитых в Китае сяньбийских и хуннских родов¹ и теле, ранее жившие на окраине державы Хунну. Теле изобрели телеги на высоких колесах, весьма облегчившие им кочевание по степи. Они были храбры, вольнолюбивы и не склонны к организованности. Формой их общественного строя была конфедерация 12 племен, из которых ныне известны якуты, теленгиты и уйгуры. Этноним их сохранился на Алтае в форме «телеут». Так мы и будем их называть.

Жужани, разросшаяся банда степных разбойников, с 360 г. терроризировала всех соседей и после удачных внезапных набегов укрывалась на уклонах Хэнтэя или Монгольского Алтая. Захваченные в плен, они находили способ убежать. В 411 г. жужани покорили саянских динлинов, вернее – остатки их, и Баргу; в 424 г. разгромили столицу империи Тоба-Вэй; в 460 г. взяли крепость Гаочан (в Турфанской впадине), а в 470 г. разграбили Хотан. Жужани были проклятием ко-

чевой Азии и всех соседних государств. Но и этому осколку эпохи надлома должен был наступить конец.

В социальном аспекте жужани — типичная военная демократия, в политическом — орда, что буквально значит: «ставка хана». События их истории и гибели известны и подробно описаны, а вот место их в этнической иерархии и роль этногенеза в биосфере следует установить.

Отметим некоторые важные детали. Жужани, как этническая целостность, не имели предков. Основателями этого ханства были отдельные люди, разного происхождения, часто преступники или дезертиры, которым в Северном Китае грозила казнь. Наиболее энергичные предпочитали бегство в пустующую степь, а там они составляли шайки, способные прокормиться грабительскими набегами. Подобным образом вели себя флибустьеры Карибского моря, пока их «подвиги» не пресек английский флот. Значит, это была большая консорция, неспособная вырости в этнос, так как она не имела обратной связи с вмещающим ландшафтом, а паразитировала на соседних этносах, что и было ее доминантой.

Итак, у жужаней не было ни экологической ниши, ни культурной традиции, зато была в избытке пассионарность, но не оригинальная, а импортная. Поэтому соседние этносы сохранили о жужанях недобрую память. Чингиз Айтматов передает о них жуткую легенду. Жужани будто бы надевали на головы пленных чехол из свежей кожи, которая, обсыхая на солнце, сдавливала череп и деформировала мозг. Подвергнутый этой операции пленник терял разум, и его использовали как послушного работорговца в домашнем хозяйстве. Верно это или нет, но сам факт существования такой легенды показывает степень жестокости жужаней, как превышающую нормы III–VI вв., что не противоречит обобщенным характеристикам китайских хроник.

Гнет жужаней на окрестные этносы вызывал восстания, последнее из коих — тюркютское — закончилось разгромом жужаней в 552–555 гг. и уничтожением всех взрослых пленников; детей и невольников тюркюты пощадили. Даты существования жестокой социальной системы жужаньского ханства — 360–555 гг. Эти 200 лет падают на конец фазы надлома и начало инерционной фазы, в коей отмечается подъем хозяйства и военной мощи. Однако и то, и другое осуществили органичные этносы: тюркюты и телеуты, имевшие родину, кормившую их, и предков, передавших им давнюю традицию. Жужани же, не имея предков, не оставили и потомков. Их система была социально-политически безукоризненна, но, не имея этнической основы, сменила знак доминанты и превратилась в антисистему, т. е. не творческую, а паразитирующую на соседях. Ко-

нечно, если бы в IV в. был в пустыне Гоби пассионарный взлет, жужани, как римляне, спаялись бы в этнос, но его не было, и потому потомки западных хуннов вернули этногенез Центральной Азии в надлежащее русло. Чтобы разобратся, как это произошло и откуда появились победители жужаней — тюркюты, окинем взглядом хуннский этнос в конце V в. с высоты птичьего полета.

Прежде всего отметим, что три ветви хуннов: хунны в Китае — княжество Хэси, акациры — старшее войско и гунны — потеряли политическую независимость в одно десятилетие — с 460 по 468 г., и четвертая ветвь — Юебань в Семиречье — отстала от своих соплеменников лишь на 20 лет. Да и эти годы она продержалась лишь из-за отсутствия мощных соседей, ибо жужани воевали с телеутами, а эфталиты не сочли прибалхашские степи, куда они вторглись в 460 г., достойными завоевания². Им было куда приятнее одерживать победы в Индии и Иране. Поэтому они оставили Юебань в жертву телеутам, которых все-таки подчинили, но позднее, в 495—496 гг.

Это не могло быть случайным совпадением. Социально-политические ситуации во всех четырех случаях непохожи друг на друга, следовательно, они должны были бы дать и разные последствия, но результат оказался один и тот же, значит, был еще фактор, общий для всех четырех ветвей.

Общей была только фаза этногенеза — надлом пассионарности, после чего этнос, если не погибнет, может перейти в инерционную фазу, когда пассионарное напряжение низко и стабильно, а именно эта коллизия дает возможность консолидации всех уцелевших сил и, соответственно, укреплению политической мощи этнической системы. Но гуннам фазу надлома пережить не удалось. Нет, их никто не истреблял. В V в. войны велись за власть, за господство, за обладание сокровищами — т. е. золотыми и серебряными украшениями, пригодными для подарков любимым женам и очаровательным невестам, но не было ни одной войны на истребление людей. Не было геноцида — грандиозного достижения западноевропейской цивилизации⁴. Не было трагедий, похожих на освоение Тасмании. Еще жили в американских лесах гуруны, начтезы, майданы, а в горах — инки. Еще не была загадкой этническая принадлежность македонян, потому что потомки этих завоевателей жили среди греков, так же как потомки каледонян, называемых римлянами — «пиктами» (татуированными), спокойно общались с кельтами на вересковых пустошах современной Шотландии.

То, что имя гуннов стало синонимом жестоких убийц, — очередной миф, созданный древними авторами в угоду готским вождям, фактически контролировавшим Испанию, Галлию, Рим и Константинополь. Поэтому и гуннов никто не уничтожал. Был не геноцид,

а рассеяние (дисперсия) с последующим преобразованием поведенческих стереотипов.

Иными словами, потомки разбитых гуннов вошли в состав болгар и антов (славян), поволжских укров, что породило этнос чувашей и прикавказских аланов; не менее вероятно, что отдельные гуннские удалыцы могли найти приют у тюрингов и даже франков. Таким образом, потомки гуннов уцелели в достаточном числе, но этническая система распалась, так как оборвались связи и традиции. Это и есть конец этноса.

У читателей может сложиться мнение, что пассионарность — благо, порождающее прогресс. Это не так. Пассионарность не генератор, а катализатор. Она так ускоряет этнические процессы, что многие этносы стареют от собственных деяний, не дожив до спасительного гомеостаза.

И наоборот, за пределами прямого воздействия мутации, там, куда пассионарность попадает с генетическим «дрейфом», этносы организуются, усиливаются и оставляют могучее потомство и устойчивую традицию. Не вечны и они, но их распад идет более плавно и конец наступает менее болезненно.

Начнем с известного. Где мужественные готы, неукротимые вандалы, героические свевы и руги? Они погибли в своем расцвете, в акматической фазе этногенеза, ибо силой своего пассионарного напряжения были выброшены с родной земли, или, точнее, из привычного ландшафта, кто в Италию, кто в Испанию, кто в Африку. Жесткая обратная связь этноса с ландшафтом была нарушена... и они исчезли так же, как гунны, и по той же причине.

А франки, алеманны, саксы и англы не переселялись, а расселялись. Они просто расширили свой ареал, не порывая связи с окружающей средой. И они дожили до нового толчка, до IX в., когда из галлов, франков и бургундов сложились французы, а из англов, саксов, югов и бриттов (кельтов) — англичане.

Впрочем, если быть точным, приоритет принадлежит древним китайцам.

То же самое было на востоке от оси пассионарного толчка II в., где уцелели болгары, угры, финны и балтийские этносы, а то, что было на этой оси, сгорело бесследно: квады, бастарны, карпы, тайфалы, лугии... От них остались только имена, упоминавшиеся римскими географами. Так же было и в Азии.

В зоне хунно-сарматского толчка IV в. до н. э. уже к V в. не осталось жунов и ди. Зато в стороне от него, в Западной Сибири и в Поволжье, сохранились угры и болгары, которые пережили фазу надлома. Им принадлежало будущее. Точно так же, вспыхнув, исчезли «неукротимые» хунны — потомки соратников Модэ и их победители —

сяньбийцы, а часть хуннов, подчинившихся в свое время сяньбийцам и кочевавших на Западе, уцелели на склонах приютившего их Алтая. Здесь появились новые хозяева Степи.

АЛТАЙСКОЕ УКРЫТИЕ

Монотонный ландшафт Арало-Каспийской равнины на востоке прересечен цепью горных хребтов: Алтаем, Тарбагатаем, Сауrom и, наконец, Западным Тянь-Шанем. Склоны этих гор – одно из красивейших мест Земли, и неудивительно, что обитатели Алтая мало похожи по культуре, быту и историческим судьбам на жителей Степи: гузов, канглов, карлуков и даже куманов.

По отношению к степным соседям, Алтай – крепость «Крутой скат» (Эргене Куй), где при любых переменах вокруг можно отсидеться, не сдаваясь противнику. Пищи там достаточно. Для скота есть прекрасные пастбища – северные склоны речных долин, опаленные южным солнцем, а для охоты – южные склоны, поросшие густым лесом, по которым солнечные лучи только скользят, не иссушая почву и не сжигая растения. В чистых речках много рыбы, на опушках леса – птицы. Короче говоря, Алтай – самое благоприятное место для сохранения культуры, даже зародившейся в совсем других местах; потому так богата и разнообразна археология Алтая. И не случайно, что именно на Алтае началась добыча и обработка железа, ранее получаемого хуннами из Тибета и Китая.

Однако для того чтобы пользоваться дарами природы, надо самому быть энергичным, смелым и творческим. Географическая среда может помочь или помешать, но она не заменяет пассионарности, ибо последняя – тоже природа, только расположенная внутри этноса. Фаза надлома – возрастная болезнь этноса, катаклизм, который надо уметь пережить, что удастся не всегда и не всем.

Во время жестокой эпохи перелома, перемоловшей все племена в муку, военные отряды часто комплектовались из представителей разных этносов: хуннов, сяньбийцев, тангутов и прочих. Во главе одного такого небольшого отряда (500 семейств) стоял некий сяньбиец Ашина, служивший хуннам Хэси в 439 г. После завоевания страны табгачами Ашина увел свой отряд вместе с семьями воинов через Гоби на север, поселился на склонах Алтая и «стал добывать железо для жужаней». Это были предки этноса «тюрк». Этноним не надо путать с современным значением этого слова – лингвистическим. В XIX в. их называли по-китайски «тю-кю» – тюркют по-монгольски. Так и мы будем их называть. «Ут» – монгольский суффикс множественного чис-

ла. Тюркютами называли тюрков жужани, разговорным языком коих был сяньбийский, т. е. древнемонгольский. Но Алтай укрыл за своими хребтами не только дружину Ашины.

Китайская историко-географическая традиция сохранила смутные сведения об «отрасли дома Хунну от Западного края (так назывался в древности бассейн Тарима) на запад». Это, безусловно, слух о державе Аттилы, т. е. гуннах, по легенде начисто истребленных соседями; уцелел лишь один девятилетний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги, а самого бросили в болото. Там от него забеременела волчица. Мальчика все-таки убили, а волчица убежала на Алтай, спряталась в пещеру и родила там десять сыновей, а о дочерях нет и помина. По прошествии нескольких поколений некто Асянь-ше (Арслан-шад) вышел из пещеры и признал себя вассалом жужаньского хана⁶. Дальше идет нормальная история каганата, включающая, наряду с изложенной, еще две версии происхождения тюркютов (древних тюрков), менее романтических, но более вероятных и, скорее, более верных. Но речь идет не о том. Разумеется, понимать легенду о мальчике и волчице буквально — неправомерно. Важнее отдельные детали.

Мальчик брошен в болото, похожее на озеро Балатон, около которого гунны потерпели сокрушительное поражение. Венгерское название «балатон» произошло из славянского «болото», так что гуннский перевод верен.

Волчица, родившая от искалеченного ребенка десять сыновей, — образ, такой же, как «галльский петух», «английский леопард» Плантагенетов или «русский медведь». Пещера, в которой скрылись потомки волчицы, — центральная часть Горного Алтая, место, весьма пригодное для укрытия.

И наконец, тюркские ханы сами себя считали, по психической структуре, волками, и слово «Ашина» обозначало «Благородный волк», хотя корень слова монгольский⁷.

Этот сюжет введен в китайскую хронику как одна из версий тюркского этногенеза, но на самом деле это поэма, а не история. Подумать только: перед нами четверной перевод. Гуннский вариант переведен на древнетюркский язык, тот — на китайский, а последний — на европейские языки. Известно, что каждый перевод поэтического текста снижает его эстетическое достоинство на порядок. Так поэма превратилась в изложение сюжета, как если бы кто-либо составил пересказ «Песни о Нибелунгах», убрав из нее все поэтические удачи.

«Песнь о Нибелунгах» здесь приведена не случайно. Она такой же отзвук гуннской трагедии, как и перевод легенды о волчице и ее потомках, только сохранилась западная версия полнее, потому что пергамент лучше сопротивляется губительному Хроносу, чем береста.

Но что дает этот скучный пересказ науке, стоит ли эта недостоверная информация того, чтобы уделять ей внимание?

Пожалуй, стоит. Она показывает, что при полной политической раздробленности идейное единство хуннов и гуннов сохранялось, что этническая традиция, она же — сигнальная наследственность, была не нарушена и, наконец, что западный поход Истеми-хана в 555 г. был идейно связан с хуннскими миграциями II в., т. е. что 400 лет между этими двумя походами были не провалом в этнической памяти, а поводом для преодоления исторической несправедливости, ибо гуннам и тюркютам предательство гепидов и сарагуров представлялось именно таковым. И последнее, эстетическое восприятие прошлого — это сила, способная вдохновить народ на великие дела. Тюркюты их совершали, и теперь мы знаем почему: незабытые деяния хуннов и гуннов вдохновили их на подвиг.

Так сомкнулись две нити повествования: историко-географическая и этнологическая, причем первая подтвердила правильность второй. Объединение орды Ашина с племенами хуннов усложнило этносистему и сделало ее способной к сопротивлению, а потом и к завоеваниям. Пребывание этноса в привычном ландшафте повело к восстановлению кочевого хозяйства и развитию оригинальной культуры. Тюркский период был продолжением хуннского, хотя социальные формы изменились: вместо родовой державы возникла орда, но сменившие тюркютов уйгуры вернулись к родо-племенной системе, так что, очевидно, обе формы сосуществовали, образуя «эль»⁵.

ИНЕРЦИОННАЯ ФАЗА – ТЮРКСКИЙ «ВЕЧНЫЙ ЭЛЬ»

Если этнос во время катаклизма не распался и сохранил здоровое ядро, оно продолжает жить и развиваться более удачно, чем во время пассионарного перегрева. Тогда все мешали друг другу, а теперь — выполняют свой долг перед родиной и властью. Трудолюбивые ремесленники, бережливые крестьяне, исполнительные чиновники, храбрые копьеносцы, имея твердую власть, составляют устойчивую систему, осуществляющую такие планы, какие в эпоху «расцвета» казались мечтами. В инерционной фазе не мечтают, а приводят в исполнение планы — продуманные и взвешенные.

Поэтому эта фаза кажется прогрессивной и вечной. Именно в этой фазе римляне назвали свою столицу — «Вечный город», тюрки свою державу — «Вечный эль», а французы, немцы, англичане были уверены, что вступили на путь бесконечного прогресса, ведущего в вечность. А куда же еще? Лишь социальное развитие идет по спирали, а

этническое – дискретно, т. е. имеет начала и концы. Инерционная фаза в Великой степи продолжалась 200 лет (552–747) и закончилась трагически: этнос-создатель исчез, оставив потомкам только статуи, надписи, имя да еще генофонд. А может быть, это не так уж мало?

Вихрь времени ломал дубы – империи и клены – царства, но степную траву он только пригибал к земле, и она встала неповрежденной. Рассеянные потомки хуннов и сяньбийцев были геноносителями, и их пассионарность сплавляла отдельные популяции (субэтноты) – осколки бывших великих степных народов – в новые оригинальные, не очень похожие на своих предков этноты. И даже если последние исчезли, как гунны или тюркюты, в стихии степной войны или вытеснялись на окраины вековыми засухами, рассыпаясь на горстки полуголодных семей, цепь превращений не прерывалась до тех пор, пока шел прогресс этногенеза и сохранялся пассионарный генофонд. Менялась и фаза этногенеза. Вот почему непрерывная линия этнокультурной динамики «хуннского» (степного) суперэтноты в отличие от всех прочих (рис. 3.) состоит из последовательности сменяющих друг друга этносов, а не названий эпох или династий. Именно в результате одного из таких «перерождений», когда в Великой степи господствовали свирепые жужани, на Алтае появились тюркюты. В 552 г. их глава – потомок Ашины Бумын-каган, подчинив телеутов, одержал полную победу над жужанями. А уже в следующие три года его сын Мугань-каган, покончив войну с жужанями, вышел к бассейну Желтого моря, а его брат Истеми-каган достиг Аральского, подчинив Центральный Казахстан, Семиречье и Хорезм. Вскоре к тюркютам примкнули остатки хазар, болгары-утургуты (на Северном Кавказе), кидани (в Маньчжурии) и согдийцы. Эфталиты и огоры (угры) были побеждены. Так из княжества создалась степная империя – Великий Тюркский каганат.

Чтобы держать в покорности такую огромную страну, надо было создать жесткую социальную систему. Тюркюты ее создали и назвали «эль».

В центре этой социально-политической системы была «орда» – ставка хана с воинами, их женами, детьми и слугами. Вельможи имели каждый свою орду с офицерами и солдатами. Все вместе они составляли этнос «кара будун» или «тюрк беглер будун» – тюркские беги и народ; почти как в Риме: «сенат и народ римский». Термин «орда» совпадает по смыслу и звучанию с латинским *ordo* – орден, т. е. упорядоченное войско с правым (восточным) и левым (западным) крылами. Восточные назывались «толос», а западные – «тардуш». Это, все вместе, было ядро державы, заставлявшее «голова склониться и колени согнуться». А кормили этот народ-войско огузы – покоренные племена, служившие орде и хану из страха, а отнюдь не по искренней симпатии.

И вот что интересно. Вместе с усложнением социальной структуры идет снижение эстетического уровня. Искусство тюркютов — надгробные статуи — хотя и эффектные, но и по выдумке, и по исполнению несравнимы с хуннскими предметами «звериного стиля». Тюркютское искусство уступает даже куманскому, т. е. половецкому, сохранившемуся в европейской части Великой степи. Но это не вызывает удивления: тюркюты все время воевали, а это не способствует совершенствованию культуры. Зато оружие, конская сбруя и юрты — все то, что практически необходимо в быту, выполнялось на исключительно высоком уровне. Но ведь такое соотношение характерно для инерционной фазы любого этногенеза.

По сути дела, каганат стал колониальной империей, как Рим в эпоху Принципата, когда были завоеваны Прирейнская Германия, Норик, Британия, Иллирия, Дакия, Каппадокия и Мавритания, или как Англия и Франция в XVIII—XIX вв. Каганат был не только обширнее, но и экономически сильнее Хунну, ибо он взял контроль над «дорогой шелка» — караванным путем, по которому китайский шелк тек в Европу в обмен на европейское золото, пристававшее к липким рукам согдийских купцов-посредников.

Шелк тюркюты получали из раздробленного Китая, где два царства: Бей-Чжоу и Бей-Ци — охотно платили за военную помощь и даже за нейтралитет. Тюркютский хан говорил: «Только бы на юге два мальчика были покорны нам, тогда не нужно бояться бедности». (Два мальчика — Чжоу и Ци.)

В VI в. шелк был валютой и ценился в Византии наравне с золотом и драгоценными камнями. За шелк Византия получала и союзников, пусть подкупленных, и наемников, и рабов, и любые товары. Она соглашалась оплатить любое количество шелка, но торговый путь шел через Иран, который тоже жил за счет таможенных пошлин с караванов и потому вынужден был их пропускать, но строго ограничивал, ибо при получении лишнего шелка Византия наращивала военный потенциал, направленный против Ирана.

Обостренная экономическая коллизия повела к войнам каганата с Ираном, но тюркюты, в отличие от хуннов и гуннов, использовали изобилие высококачественного железа и создали латную конницу, не уступающую персидской. Но победы они не достигли. Войны повели к истощению сил не столько социальной системы каганата, сколько самого тюркютского этноса, ибо от торговли шелком выигрывали и богатели согдийские купцы и тюркские ханы, а не народ. Но пока не сказал своего слова обновленный Китай, положение и расстановка сил были стабильны. Они изменились в начале VII в., когда снова в историю вмешалась природа, и произошел раскол каганата на Вос-

точный и Западный — два разных государства и этноса, у которых общей была только династия — Ашина.

Восточный каганат был расположен в Монголии, где летнее увлажнение стимулировало круглогодичное кочевание, при котором пастухи постоянно общаются друг с другом. Навыки общения и угроза Китая спланивали народ вокруг орды и хана, и держава была монолитна.

Западный каганат находился в предгорьях Тарбагатая, Саура и Тянь-Шаня. Увлажнение там зимнее, и надо запастись сеном для скота. Поэтому летом скот и молодежь уходили на джейлау — горные пастбища, а пожилые работали около зимовий. Встречи были редки, и навыков общения не возникло. Поэтому вместо эля там сложилась племенная конфедерация. 10 племенных вождей получили в виде символа по стреле, почему этот этнос называется «десятистрельные тюрки». Ханы Ашина вскоре потеряли значение и престиж, ибо их собственная тюркютская дружина была малочисленна, и вся политика определялась вождями племен. Китай был далек, Иран — слаб, караванный путь обогащал тюркскую знать. Вот на этой-то дороге шелка совпали интересы тюрков и хазар.

ТЮРКЮТЫ И ХАЗАРЫ

Этнополитические контакты проходят двояко. Иногда пришлым войскам приходится ломать сопротивление аборигенов; тогда завоевание проходит болезненно для обеих сторон и бывает неустойчиво. Иногда же местная ситуация такова, что появление пришельцев воспринимается как подарок судьбы, как способ упорядочить внутренние конфликты, например, межплеменные войны. Так, тласкаланцы и тотонаки поддержали испанцев Кортеса, дабы избавиться от ацтекских завоеваний, связанных с сезонными жертвоприношениями покоренных людей богу Уицтлилопочтли. Так русские войска спасли грузин от персов, турок, лезгин и черкесов. И так оказались полезны тюркютские дружины Истеми-хана хазарам, обитавшим в обширной дельте Волги и лесистой долине Терека, ибо степняки — черные болгары и горцы Серира (Дагестан) давили на хазар с севера и юга.

Когда появились тюркюты, то хазары сочли за благо поддержать их, и не просчитались. Тюркюты подчинили своей власти все степные племена от Алтая до Дона⁹ и перенесли острие войны в Закавказье, где были их главные противники — персы, парализовавшие караванную торговлю шелком. Хазары вместе с тюркютами ходили громить Азербайджан и Грузию¹⁰ и привозили оттуда богатую добычу. Когда же

Тюркский каганат пал под ударами империи Тан, хазары освободились и создали собственную державу, но ханами их остались тюркюты из династии Ашина. К 650 г. Хазария превратилась в мощную страну благодаря удачному симбиозу с тюркютами. Этот контакт правильной назвать даже не симбиозом, а ксенией¹¹.

Вспомним, что этническая «ксения» имеет тенденцию образовывать субэтнос, потому что инкорпорированные, но не ассимилированные этнические группы берут на себя какую-либо этносоциальную функцию, благодаря чему структура этноса усложняется. Аналогичная ситуация возникла в Англии в XIII–XIV вв., когда французы, приехавшие с Плантагенетами из Анжу и Пуату, пополнили феодальную знать, чем усилили конное войско, а покоренные валлийские кельты поставляли отборных лучников. Это позволило Эдуарду III и его сыну – Черному Принцу – одержать во Франции несколько блестящих побед.

Но обязательным условием для устойчивости «ксении» является этническая совместимость составляющих ее элементов, т. е. принадлежность их к одному суперэтносу. Реликты-персистенты легко контактируют с соседями, особенно когда те не затрагивают их быт. Так гасконские бароны влились в маленькое войско Черного Принца и отстояли Бордо и Байонну от превосходящих сил французов и кастильцев. Ту же роль по отношению к тюркютам выполнили хазары. За это тюркюты, не жался жизни, отстояли независимость Хазарии, а значит, дома и сады, которые были бы сровнены с землей, женщин и детей, которых бы продали на невольничьих базарах, обычаи и священные места, которых не щадили фанатичные мусульмане.

Все это потеряли жители цветущей Кавказской Албании (Северный Азербайджан) и высоких нагорий Дагестана, ибо они не нашли искренних и храбрых друзей. Хазария же возглавила силы сопротивления арабам и, благодаря этому, расширила сферу своего влияния до Крыма и Аральского моря, до Кубани и Оки, до Десны и Сакмары.

Гузы на востоке, мадьяры на севере, аланы и булгары (черные) на западе не всегда были друзьями хазар. Но поскольку этносы входили в систему единого «хуннского» суперэтноса, межплеменные столкновения не переходили ни в истребительные, ни в завоевательные войны. Все эти этносы жили натуральным хозяйством, которое всегда тесно связано с природными особенностями вмещающих ландшафтов. Гузы привыкли к сухим степям и полупустыням, где снежный покров тонок и не препятствует круглогодовому кочеванию. Но эти степи были не нужны уграм, населявшим лесостепную зону Западной Евразии, и аланам, обитавшим в роскошных злаковых степях между Кубанью и Доном. Там зимой выпадает много снега, следовательно,

необходимы заготовки сена для скота, значит, кочевой быт невозможен; скотоводство должно быть отгонным.

Но никому из перечисленных этносов не были нужны поймы рек, заселенные хазарами, равно как и хазарам нечего было делать в степях и окаймляющих их лесах. Каждый из этносов занимал свою экологическую нишу. Родина хазар находилась в низовьях Терека и Сулака. В древности, когда уровень Каспия стоял на абсолютной отметке минус 36 м, т.е. на 8 м ниже, чем в XX в., прибрежная равнина была гораздо шире, чем сейчас, и смыкалась с устьем Волги. Здесь процветало рыболовство и отгонное скотоводство, составлявшее основу хазарского натурального хозяйства. Ныне большая часть этой равнины покрыта морем, но только до крутых предгорий горного Дагестана. Эти-то трансгрессии Каспия не пострадали даже в XIII в., когда был достигнут уровень моря минус 19 м и большая часть Хазарии оказалась под водой¹².

Но, приняв тюркютский генофонд, хазары преобразились так же, как в свое время хунны на Алтае или угры в Поволжье, и стали ведущим этносом в циркумкаспийском регионе. Хазарские ханы в VI–VIII вв. господствовали не только в низовьях Беленджера, и на окраине «Черных земель» – там стояла на берегу Терека их столица Семендер. И тут и там они взаимодействовали с соседями: в степи с аланами (осетинами) и черными болгарами (балкарцами), которых они легко победили, а на юге – с горцами.

Не только маленькая группа алтайских монголоидных тюркютов¹³, но и вассалы, сопутствовавшие им в походах, вошли в состав хазарского этноса в течение VII–VIII вв. Одни ассимилировались, другие сохранили свой этнический облик. Так, барсилы авторы X в. перестали отличать от хазар, а печенеги, до IX в. приходившие в Хазарию с востока как друзья и союзники, с хазарами не смешались¹⁴ – очевидно, кочевой быт привлекал их больше, чем изобильная жизнь оседлых хазар. Но дружбе это не мешало. Хазар, барсилы, тюркюты, телесцы, печенегов связывала не общность быта, нравов, культуры и языка, а нечто другое – общность исторической судьбы: наличие общих врагов и единство политических задач, основной из которых было стремление не погибнуть, а уцелеть от агрессии Халифата Омейядов. И до начала IX в. хазары справились с этой задачей блестяще. Так же, как и их спасители тюркюты, хазары были, видимо, веротерпимы. Поэтому этническая пестрота каганата не препятствовала образованию государственной целостности, а наоборот, делала ее разнообразной и, следовательно, устойчивой полиэтнической системой. Так, на границе Хазарии с горным Дагестаном, в стране Беленджер прослеживаются следы миролюбивого сосуществования хазар с албанами. Церкви на городище Чир-юрт имеют

монофизитские кресты¹⁵, а не греческие, православные. Это говорит о том, что городское население Беленджера были албаны, жившие под нетяжелой властью хазар, которые терпимо относились и к другим своим христианским подданным, обращенным византийскими проповедниками. Византия не стремилась к расширению территории, но усердно распространяла свою культуру — православие, полная уверенности, что единоверцы против нее воевать не будут. Уже в I в. н.э. апостол Андрей посетил северный берег Черного моря, по видимому, Тавриду¹⁶, служившую убежищем скифам. Если даже после его отъезда в Крыму остались обращенные скифы, то при падении скифского царства на рубеже II—III вв. эта традиция угасла. И хотя авторы III—IV вв. Тертуллиан (ум. в 240 г.), Афанасий Александрийский (ум. в 373 г.) и Иоанн Златоуст (ум. в 407 г.), говоря об успехах христианской проповеди, упоминают скифов и сарматов, нет уверенности, что под этими названиями они подразумевают именно исторических скифов и сарматов или, точнее, что это упоминание не метафора¹⁷. Однако из этих отрывочных упоминаний можно сделать вывод, что христианство в Причерноморье в III в. было известно. Выше было отмечено, что в IV в. христианство приняли готы; западные — арианское, а восточные — никейское исповедание. Готы-ариане, разбитые гуннами, ушли в Европу, а восточные остались в Крыму и на Северном Кавказе, где оказались в сфере влияния Византии, а затем Хазарии.

Терпимость к православию внутри каганата подтверждается и политической ориентацией Хазарии на Византию.

Византия была страна сильная, богатая, в меру воинственная, но поглощенная постоянной войной с врагами хазар: арабами и болгарами. Поэтому Хазария и Византия были естественными союзниками. Традиции дружбы и взаимопомощи продолжались даже тогда, когда изменилась обстановка и между подругами стала бегать черная кошка. В 670—679 гг. хазары овладели всем Крымом, кроме укрепленного Херсонеса, где ощущались голод и нужда, ибо хлеб пришлось привозить с южного побережья Черного моря. Так как все силы Византии были связаны войной с арабами и вторгшимися в Мизию болгарами, то Херсонес долгое время был оставлен без помощи.

Юстиниан II, изгнанный туда из Константинополя, сначала попытался договориться с хазарским ханом и даже женился на его сестре, но затем бежал к дунайским болгарам и с их помощью вернул себе престол в 705 г. Репрессии Юстиниана против жителей города Херсонеса, просивших покровительства хазарского хана, вызвали конфликт Хазарии с Византией, к счастью не вылившийся в войну. В 711 г. хазары поддержали восстание херсонитов, свергшее Юсти-

ниана II, и заключили с его преемником Филиппом союз, который продержался сто лет.

Таким образом, хазары унаследовали не только тюркютский генофонд, но и военно-дипломатические традиции Западного каганата, что пошло им на пользу. Омейядский хищник, легко растерзавший Закавказье и Согдиану, был остановлен на рубеже Терека. Пограничной крепостью остался Дербент. Политическая граница надолго совпала с ландшафтно-географической, благодаря чему Хазария пережила великую державу тюркютов, продлевая собой инерцию остывания «хуннского» суперэтнуса. Все шло, казалось, по схеме этногенеза с отклонениями в пределах законного допуска. Но история Хазарии пошла вдруг по-иному, и это нас заставляет уделить ей еще несколько слов.

Но тут возникает неожиданная трудность: у Хазарии не было своей истории! Поясню: историей мы называем последовательность событий, каузально связанных между собой. Причинно-следственная связь всегда закономерна, допуская отклонения, как флуктуации, на низших ступенях иерархии системы: например, при исследовании системы на популяционном уровне возможны вариации на персональном уровне, но и они взаимно компенсируются. Хазарский этнос находился в гомеостазе, но территория Хазарии дважды подвергалась нашествиям: в VI в. Хазарией овладели тюркюты... и создали там симбиоз, точнее — ксению.

Это был род ханов Ашина с небольшой дружиной, добровольно принятый хазарами; в IX в. власть перешла в руки иудейской общины, продержавшейся на Нижней Волге до 965 г., после чего хазарский этнос рассыпался на части, оставив только реликты.

Таким образом, перед нами не одна, а две «истории»: тюрко-хазарская и иудео-хазарская; каждая из них укладывается в закономерность своего этноса, а не хазарского. Общим для обеих «историй» была только территория, ибо характеры контактов с аборигенами были предельно различны. Поэтому целесообразно рассматривать Хазарию как зону контактов, отложив иудео-хазарский эпизод для специального исследования, тем более, что он был связан с Древней Русью и Западной Европой; следовательно, изучение его требует иной методики и иной степени приближения, нежели описанный нами тюрко-хазарский отрезок этнической истории.

Прежде чем продолжить повествование о последнем взлете «хуннского» суперэтнуса, обратим пристальный взгляд на юг от Великой степи, где появились главные враги тюркютов и хазар — Арабский халифат и агрессивный танский Китай: новые фигуры на Евразийском полотне. Откуда они взяли такие силы?

ОБНОВЛЕННЫЙ КИТАЙ — ДИНАСТИЯ ТАН

Пассионарный толчок — такое же явление природы, как засуха или наводнение. На рубеже VI—VII вв. на полосе от Мекки до Японии увеличилась активность людей настолько, что они сломали все старые социальные и этнические перегородки и преобразились в новые молодые этносы.

Арабы приняли ислам — кто искренне, кто лицемерно, и за 100 лет завоевали страны Запада от Луары и востока — до Инда и Сырдарьи. Иран остался севернее линии толчка, но в Синде произошла «раджпутская революция», свергнувшая наследников династии Гупта и уничтожившая буддизм в Индии, за исключением Непала и Цейлона. В Южном Тибете возникла могучая военная держава, 300 лет оспаривавшая у Китая гегемонию в Восточной Азии, а в Японии наступила эпоха великих перемен, и созданный тогда порядок дожил до реставрации Мэйдзи. Но самое главное и важное произошло в Северном Китае. Там возникли два этноса: северокитайский, активно борющийся против пережитков табгачского господства, и этнос окитаенных сяньбийцев, смешавшихся с китайцами. Тюрки называли его по привычке табгачским, как византийцы именовали себя «ромеями».

Эти два этноса создали две империи: китайцы — Суй (581—618), а псевдотабгачи — Тан (618—907). Этих последних мы будем называть «имперцы», ибо фактический создатель империи Тан — Тайцзун Ли Шиминь, подобно Александру Македонскому, попытался объединить два суперэтноса: степной и китайский. Из этого, конечно, ничего не вышло, так как законы природы не подвластны произволу царей. Зато получилось нечто непредусмотренное: вместо противостояния Великой степи и Срединной равнины возникла третья сила — империя Тан, равно близкая и равно чуждая кочевникам и земледельцам. Это был молодой этнос, и судьба его была замечательна.

Окинем взглядом ход событий. К 577 г. Тюркский каганат расширился на запад до Крыма. Это значит, что силы тюркютов были рассредоточены. А Китай (Северный) объединился: Ян Цзянь, суровый полководец царства Бэй-Чжоу, завоевал царство Бэй-Ци, а вслед за тем подчинил Южный Китай: Хоу-Лян и Чэнь, в 587 г. и в 589 г. Китай стал сразу сильнее каганата, переживавшего первую междоусобную войну и к 604 г. расколовшегося на Восточный и Западный каганаты. Тогда же погиб общетюркский хан, убитый тибетцами, и два новообразовавшихся каганата оказались вассалами империи Суй.

В начале VII в. как бы воссоздалась коллизия Хань и Хунну, но перевернутая на 180 градусов. Разница была еще в том, что молодая империя Суй, находившаяся в фазе подъема, была сильнее, богаче и

многолюднее каганата, уже вступившего в инерционную фазу. Казалось, что Китай вот-вот станет господином мира, но человечество спас преемник Ян Цзяня — Ян Ди. Это был человек, в котором сочетались глупость, чванство, легкомыслие и трусость. Роскошь при его дворе была безмерна; пиры-оргии с тысячами (да-да!) наложниц, постройки увеселительных павильонов с парками от Чаньани до Лояна, смыкающимися между собой; подкупы тюркютских ханов и старейшин, поход в Турфан и войны с Кореей — абсолютно неудачные, ибо сам император принял командование, не зная военного дела, и т. д.

Налоги возросли и выколачивались столь жестоко, что китайцы, ставшие молодым этносом, восстали. Восстал и тюркютский хан, отказавшийся быть куклой в руках тирана, восстали пограничные командиры, буддийские сектанты, поклонники Майтреи, и южные китайцы, завоеванные отцом деспота. Ян Ди укрылся в горном замке и там пировал со своими наложницами, пока его не придумил один из придворных.

Этот подробный рассказ приведен для того, чтобы показать, что личные качества правителя, хотя и не могут нарушить течение истории, но могут создать в этом течении завихрения, от которых зависят жизни и судьбы их современников. Подавляющее большинство китайцев, сильно- и слабопассионарных, стремились к национальному подъему и поддерживали принципы Суй, но коронованный дегенерат парализовал их усилия, и победу в гражданской войне 614—619 гг. одержал пограничный генерал Ли Юань, обучивший свою дивизию методам степной войны и отразивший тюркютов, пытавшихся вторгнуться в Китай.

Фамилия Ли принадлежала к китайской служилой знати, но с 400 г. оказалась в связи с хуннами, потом с табгачами и, наконец, добилась власти, основав династию Тан. Опорой династии были не китайцы и тюркюты, а смешанное население северной границы Китая и южной окраины Великой степи. Эти люди уже говорили по-китайски, но сохранили стереотипы поведения табгачей. Ни китайцы, ни кочевники не считали их за своих. По сути дела, они были третьей вершиной треугольника, образовавшегося за счет энергии пассионарного толчка.

Сам Ли Юань был просто толковым полководцем, но его второй сын Ли Шиминь оказался мудрым политиком и правителем, подлинным основателем блестящей империи Тан. По его совету Ли Юань, взяв Чаньань, объявил амнистию, кормил голодных крестьян зерном из государственных амбаров, отменил жестокие суйские законы и назначил пенсии престарелым чиновникам. Новая династия приобрела популярность.

Будучи талантливым полководцем, Ли Шиминь подавил всех соперников – пограничных воевод (с 618-го по 628 г.), победил восточных тюркютов в 630 г., отразил тибетцев, разгромил Когурё (Корею) в 645–647 гг. и оставил своему сыну в наследство богатую империю с лучшей в мире армией и налаженными культурными связями с Индией и Согдианой. Оставалось лишь подчинить Западный каганат... и это произошло в 658 г. С этого года империя Тан была 90 лет гегемоном Восточной Азии. Искусство и литература эпохи Тан остаются до сих пор непревзойденными¹⁸.

Примечательно, что мыслители VII в. заметили смену «цвета времени». Ли Шиминю приписана формулировка: «В древности, при Ханьской династии, хунну были сильны, а Китай слаб. Ныне Китай силен, а северные варвары слабы. Китайских солдат тысяча может разбить несколько десятков тысяч их»¹⁹.

Что Ли Ши-минь подразумевал под «силой»? Явно, не число подданных и не техническую оснащенность. Он имел в виду тот уровень энергетического напряжения этносистемы, который раньше назывался «боевым духом». Ныне его материальная природа вскрыта и описаны энтропийные процессы, ведущие систему к распаду. В III–I вв. до н. э. хунны были молодым этносом, т. е. находились в фазе подъема, а Хань – в фазе угасающей инерции. В VII в. положение изменилось диаметрально: потомки хуннов и сяньбийцев находились в инерционной фазе, в этнической старости, еще не дряхлости, а Северный Китай – на подъеме, так же, как его ровесник – Арабский халифат.

Оба они прошли через тот уровень пассионарного напряжения, при котором расцветают культура и искусство, и оба были сожжены пламенем пассионарного перегрева. В Китае это произошло так.

Китайские националисты, поборники Суй, ненавидели поборников Тан, не считая их за китайцев. Тюркюты и уйгуры служили императорам Тан, называя их ханами, но «имперцев» они своими не считали. Китайские грамотеи, служившие чиновниками, боролись против ненавистного им этноса путем лжи, доносов и интриг, вследствие которых танские богатыри гибли на плахе. Этим империя Тан ослаблялась. Тюркюты, видя, что китайские интриганы, добившиеся должностей казенных танских воевод, вернулись к традиционной политике высокомерия, поняли, что их уже не любят, а используют. Это их обидело. А когда императрица У захватила власть, истребив почти всех принцев династии Тан, то кочевники порвали с Китаем.

В 682 г. Кутлуг Эльтерес-хан восстановил Тюркский каганат, и до 745 г. тюрки отражали китайские набеги на Великую степь. Борьба была неравной. Китайцы путем дипломатии лишили тюрков союзников и подвергли истреблению, еще более страшному, чем хуннов.

Но уже в 751 г. китайские армии потерпели поражение на трех фронтах: арабы победили китайцев при Таласе, чем принудили их покинуть Среднюю Азию; кидани разгромили китайский карательный корпус в Маньчжурии; лесные племена Юннани, освободившись от власти Китая в 738 г., у озера Сиэр начисто уничтожили 60-тысячную оккупационную армию, а их союзники тибетцы вытеснили китайцев с берегов озера Кукунор. Танская агрессия захлебнулась так же, как на 600 лет раньше – ханьская, и, что особенно важно, по тем же причинам.

Реальной силой империи Тан была наемная армия, вербовавшаяся среди иноземцев, ибо для придворных китайцев терпимость династии Тан была одиозной, как по отношению к буддизму, так и в плане компромиссов со степняками. Однако благодаря интригам придворных китайские порядки восторжествовали сначала при дворе, а затем проникли и в армию. Это вызвало среди воинов такое недовольство, что один из генералов, Ань Лушань, сын согдийца и тюркской княжны, в 756 г. возглавил восстание трех регулярных корпусов, составлявших ударную силу армии. Восстание было подавлено лишь в 763 г. благодаря военной поддержке врагов Китая: уйгуров и тибетцев, которые отнюдь не щадили население, отданное им в жертву императорским правительством. За семь лет население Китая сократилось с 52 880 488 душ до 16 900 000 душ. Конечно, надо учесть потерю населения почти всех застеных владений, но и остальное – ужасно! После восстания Китай перешел к обороне границ и был вынужден довольствоваться собственной территорией, южнее Великой стены. Степи Центральной Азии поделили уйгуры и тибетцы.

КОНЕЦ ТЮРКЮТОВ

Итак, с VI в. Северный Китай набухал пассионарностью. Но только после 626 г., когда власть сосредоточилась в руках Тайцзуна Ли Шиминя, перевес империи Тан над каганатом стал очевиден. Степные племена начали отпадать от тюркютов и передаваться «табгачскому хану», т. е. Тайцзуну, которого тюрки считали «полусвоим». Это решило судьбу каганата. В 630 г. китайские войска при поддержке телеских племен разбили и взяли в плен последнего самостоятельного тюркютского хана, и тюрки «пятьдесят лет отдавали табгачскому хану душу и силу»²⁰. Тайцзун проявил к побежденным милость, чем добился их искренней привязанности.

Затем наступила очередь Западного каганата, завоеванного новыми кочевыми подданными империи Тан в 659 г., капитулировавшими

и ставшими опорой династии. Автономия «десятистрельным тюркам» была оставлена, но правителей им назначали в Китае. До Хазарии китайцы не дошли. Их отвлекли тяжелые войны с Кореей и Тибетом. Корею удалось победить в 668 г., предварительно отогнав японский флот, а война с Тибетом затянулась до IX в., да и тогда кончилась вничью, хотя было 3 млн против 57 млн китайцев. Но ведь Тибет лежал на линии пассионарного толчка VI в., так что с позиции этнологии здесь ничего удивительного нет.

Удивительно другое: как исчез без остатка этнос, находившийся в инерционной фазе и объединивший своей доблестью половину Северной Азии. Должны же были остаться от него какие-нибудь реликты!

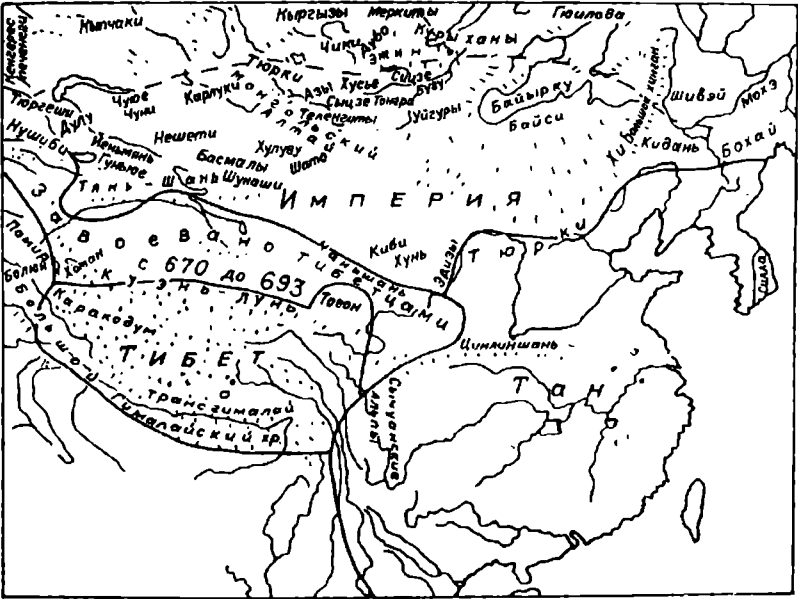
Да, кое-что осталось. В центре Горного Алтая сохранилась кость телес²¹, существовавшая самостоятельно до XVIII в., после чего она слилась с теленгитами, бежавшими в горы от маньчжуров и китайцев, истреблявших народ ойратов. О своем происхождении они забыли, но этноним помнят.

От западных тюркютов остались потомки в Средней Азии. Это род тюрк-калытат, противопоставляющий себя узбекам и киргизам и выводящий своих предков из «Татарстана», откуда они пришли 1200 лет назад²². Точность хронологии поразительна.

Но большая часть тюркютов подчинилась «табгачскому хану», по совместительству императору Срединной империи (Тайцзуну Ли Ши-миню). Он щадил захваченных в плен, давал им высокие чины в армии, прекратил систему доносов и кляуз, утверждая, что «царствующий не должен никого подозревать». Китайцы относились к нему скептически, а тюркский царевич Ашина Шени на похоронах своего повелителя и друга решил последовать за ним в загробный мир, но стоявшие рядом китайцы отняли у него кинжал, которым царевич хотел заколотся.

Казалось, что империя Тан, объединившая тюркский воинский дух, китайское трудолюбие и образованность, буддийскую силу воображения и табгачскую веротерпимость, вот-вот овладеет всей Азией, но случилось наоборот. Уже при слабосильном сыне основателя империи китайские грамотеи оттеснили от престола тюркских рубак и вернулись к политике традиционного высокомерия. Они не утратили своих степных подданных, но постоянно унижали их пренебрежением, невниманием к заслугам, несправедливостью в суде и т. п. Китайские подданные такое отношение терпели, а тюрки в 679 г. восстали²³ (см. карту).

Народное ополчение, даже полное энтузиазма, не может долго противостоять регулярной армии. У тюрков не было ни надежного тыла, ни союзников, ни численного превосходства. Уйгуры на севере пустыни Гоби готовились встретить тюрков с оружием в руках, китайцы

наступали с юга. Дважды тюрки были разгромлены, а их вожди погибли на плахе. Лишь третий вождь, Кутлуг, вместо бессмысленных сражений с китайцами «ограничил токуз-огузов (уйгуров) и разбогател лошадьми». Это дало ему возможность сделать свой отряд мобильным и увести его, вместе с семьями, на север от Гоби, а тем самым оторваться от противника. В 693 г. Кутлуг умер, а престол унаследовал его брат Мочур, с титулом Капаган-хан.

Капаган-хан показал себя незаурядным полководцем и выдающимся политиком. Он использовал государственный переворот в Китае, произведенный императрицей У, главой китайских шовинистов. Былые сторонники династии Тан — добровольно подчинившиеся тюрки — оказались в опале и, следовательно, в оппозиции к правительству. Это использовал Капаган-хан. Поскольку границу охраняли именно опасные тюрки, он переманил многих из них на свою сторону и принудил Китай к позорному миру.

Но этот умный и энергичный хан очень плохо относился к своим племянникам, царевичам-сиротам. Он посылал их в самые опасные походы, явно надеясь, что они погибнут в бою и престол можно будет передать своему сыну, носившему титул «Кучук-хан». Хана поддерживала сильная партия бегов, т. е. командного состава войска, состав-

лявшего весь народ. Мудрый Тоньюкук был его советником. Казалось бы, положение сыновей Кутлуга было безнадежно, но когда множество объединяется с талантом, то логика истории делает зигзаги, пусть короткие, но для персональных биографий вполне достаточные.

Бытующее среди западных ученых мнение, что хан кочевого народа — деспот, произвол которого не ограничен, крайне ошибочно. Хана сдерживает традиция, общественное мнение и обычай, по которому хана нельзя сменить, но можно убить. Капаган-хан это знал. Поэтому опальные царевичи рисковали жизнью в боях, а не в ставке хана, который не смел их убить.

Капаган-хан назначил старшего племянника — Могиляня — шадом тардушей (западное крыло войска). Хотя тому шел семнадцатый год, а его брат Кюль-тегин был на год младше, обоих царевичей послали на войну в Джунгарию, где обстановка была очень сложной. Войска империи Тан — табгачи оспаривали эту область у ворвавшихся туда тибетцев — тангутов, так как по северным склонам Тянь-Шаня шел великий караванный путь — единственный источник богатства для государства, контролирующего его.

Тюрки разгромили тибетский экспедиционный корпус в 700 г. и получили богатую добычу из пленных девиц и скота²⁴. На следующий год шад тардушей вместе со своим братом победили народ Алты-Чуб — потомков «малосильных» хуннов, т. е. тех хуннов, которые во II в. не ушли от наседавших сяньбийцев (древние монголы) на запад, а укоренились в горных долинах Тарбагатай и Саура. Позднее, в V в., они покорили Семьричье и Западную Джунгарию, а в VI—VII вв. вошли в состав Западнотюркского каганата, сохранив автономию и приобретая влияние на ханов династии Ашина, ибо те не могли обходиться без толковых и храбрых подданных. В научной литературе принято называть их «чуйские племена».

Справиться с этими доблестными кочевниками тюркским царевичам, видимо, не удалось, зато они победили народ «согдак», т. е. согдийские поселки, расположенные на великом караванном пути, здесь победа была легкой, а добыча — обильной.

Однако, выйдя на трассу караванного пути, тюрки не могли не натолкнуться на китайцев. Сражение, о котором китайские историки умалчивают, произошло в 701 г. при Бдук-баше (Святой горе). Кюль-тегин лично взял в плен китайского воеводу и покрыл себя славой. Но война на этом не кончилась. В 706 г. воевода империи Тан, Чача-сенгун, был снова разбит шадом тардушей — Могилянем и Кюль-тегином при Минша, в Северном Китае²⁵.

Этот краткий экскурс показывает, как причудливо переплетаются судьбы людей, деятельных и патриотичных, с судьбами многих само-

стоятельных этносов, часть коих вообще исчезла с арены истории, оставив ей только имена. Конечно, такие коллизии бывают не часто, но тем более ценны биографии Бильге-хана и Кюль-тегина, а также их соратников: мудрого Тоньюкука, Альп Эльзэмиша, Куличура и замечательной женщины Побег, дочери Тоньюкука и жены Могиляня, не губившей, а спасавшей погибавших людей. Через биографии этих богатырей и мудрецов как бы просвечивает история не только тюркского народа, но и всех его соседей. А коль скоро так, то попробуем представить читателю действующих лиц развернувшейся трагедии, пусть не на персональном, но на этническом уровне.

На южных склонах Алтая кочевали карлуки, делившиеся на три раздела (уч-огуз). Их мечи упомянуты в «Слове о полку Игореве» — «мечи харлужные», — и владеть ими они умели прекрасно. По происхождению и языку карлуки были близки к тюркам, но предпочитали свободную жизнь подчинению даже самым сильным ханам. Они составляли племенной союз.

Другой племенной союз — басмалы, обитавшие в Восточной Джунгарии, состоял из тридцати родов (отуз-огуз), но был немногочислен, ибо сложился из осколков разных племен, и слово «басмал» означает «помесь». В 703 г. Могиляня — шад тардушей напал на них и заставил подчиниться и платить дань²⁶. Если бы он знал, во что обойдется этот его поход вдове и детям, надо думать, он договорился бы с выдук-кутом басмалов иным способом.

Между Саянским хребтом и Алтаем жили азы, в верховьях Селенги — изгили, близкие родственники уйгуров, на малых речках, составлявших истоки Енисея, — чики, в Прибайкалье — курьканы, в Забайкалье — байырку. Но самым сильным племенем были токуз-огузы, или уйгуры²⁷, населявшие степь между Толой и Орхоном. О прочих мы говорить не будем, потому что они в этой драме либо были статистами, либо заслуживают отдельного описания.

Рисуя картину, нельзя упускать из вида фон. Несмотря на одержанные победы, тюрки оказались в трудном положении, которое лаконично и исчерпывающе описал мудрый Тоньюкук: «Каган табгачский был нашим врагом. Каган «десяти стрел» (так называли западных тюрков, но в данном случае тюркешский хан Согэ. — *Л. Г.*) был нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган. Эти три кагана, рассудив, сказали: «Да пойдём мы на Алтунскую чернь (лиственный лес)... отправимся в поход и уничтожим его (хана тюрков)». Положение было критическим, но Тоньюкук нашел выход. Он предложил перехватить инициативу и бить врага по частям.

Саянские кыргызы VIII в. были многочисленным народом, освоившим ирригацию и земледелие с отгонным скотоводством, имев-

шим развитую металлургию и замечательное искусство, а значит, и хорошее оружие. Кыргызская держава была сильнее тюркской орды, но мудрый Тоньюкук использовал фактор внезапности. Взяв с собой обоих царевичей и отборный отряд, он, при помощи местного проводника, провел людей и коней «через снег глубиной с копьё» и спустился в Минусинскую котловину в том месте, где его не ждали. Тюркам пришлось долго скакать, прежде чем они достигли поселка кыргызов. Зато они напали на них «во время сна»... Киргизскому хану все-таки удалось собрать войско, но Кюль-тегин на белом жеребце возглавил атаку, сам застрелил одного и заколол двух врагов. Хан кыргызов был убит, воины сдались. Одним врагом стало меньше.

Вторым соперником тюрков были тюргеши, храбрые, энергичные, многочисленные. Они долгое время помогали согдийцам отражать нападения арабов и на некоторое время остановили их. Но беда тюргешей была в отсутствии монолитности: они делились на «желтые» и «черные» роды, всегда соперничавшие друг с другом. «Желтые» тюргеши были потомками племени мукри, пришедших из Уссурийского края в конце II в., преследуя вместе с другими сянбийцами отступавших хуннов. Вековая засуха III в. прижала их к склонам Тянь-Шаня, а наступление на запад остановлено героическими абарами, в VI в. вошедшими в Великий тюркский каганат. Когда же каганат распался, мукрины и абары составили новый каганат – тюргеши были степняки, мукрины – горцы. Они постоянно ссорились друг с другом и в конце концов разделились: потомки мукринов стали называться киргизами, а потомки абаров – каракаллаками. Но в 710 г. хан Согэ, из «желтых» тюргешей, повел против тюрков войско, «подобное огненному вихрю».

Тоньюкук с обоими царевичами немедленно предпринял контрнаступление, перешел через лесистые отроги Алтаин-нуру, переправился через Черный Иртыш, за одну ночь достиг р. Болчу (Урунгу) и, напав на спящих тюргешей, нанес им небольшое поражение. Тюргеши ответили ударом на удар, но тюркская латная конница смяла их и погнала; ушли только те, у кого были резвые кони. Хан Согэ попал в плен и был казнен по приказу Капаган-хана в 711 году.

Развивая успех, тюрки двинулись на юг, но были остановлены арабами, рвавшимися на север. Только героизм Кюль-тегина позволил тюркам оторваться от превосходящих сил противника и отойти к Алтаю. Но и там их подстерегала опасность: карлуки «ради свободы и независимости» вытеснили тюрков на восток, в Джунгарию, а эту страну снова пытались захватить тибетцы, заключившие союз с арабами. Запад был тюрками потерян; война перенеслась на восток.

Народы Маньчжурии: кидани (кытай) и татабы – отнюдь не хотели менять тюрков на китайцев. В 712 г. татабы разбили китайскую экс-

педиционную армию и выдали пленных Капаган-хану, а тот их казнил. Китай, в котором не прекращались дворцовые интриги, наветы и отравления, вынужден был согласиться на мир и выдать за тюркского хана княжну с титулом царевны. 714 год был кульминацией тюркского могущества. Но Капаган-хан с огорчением видел, что успехами он обязан не сыновьям и окружавшим его бегам, а племянникам и тестю Могилянью — мудрому Тоньюкуку. Поэтому, будучи и ранее жестоким, в старости «стал глупее и неистовее». Эти черты характера не замедлили дать плоды.

Конечно, поведение правителя орды имеет некоторое значение, но гораздо важнее установка, т. е. политическая программа. А она была такова: покорить народы, живущие по четырем углам, склонить их головы и заставить преклонить колени. Кому это может понравиться?

Несмотря на все победы, каганат был окружен врагами, которые даже в одиночку были сильнее его. Империя Тан, Тибет, Арабский халифат располагали, сравнительно с тюрками, огромными армиями, но степь защищала кочевников от пехоты противников, которую всегда связывали обозы с провиантом и снаряжением. Но когда вздумали сказать свое слово сами кочевники, не желавшие «склонять головы и стоять на коленях», тюркскому хану стало туго.

В 715 г. все покоренные племена восстали против ханского гнета и «бесчеловечности». Карлуки, западные тюрки, татабы, кидани, изгили, уйгуры, байырку стали защищать свою свободу. Тоньюкук был уже стар — 70 лет, спасти каганат пришлось Кюль-тегину. Он нанес поражение карлукам, потом — изгилям, потом — четыре побоища с уйгурами и, наконец, будучи оставлен ревнивым к славе Капаган-ханом на охране ставки, отразил набег карлуков, «заколел девять богатырей и не отдал орды», чем спас от смерти или рабства женщин и детей.

В это время Капаган-хан, командуя главными силами, разбил племя байырку на р. Толе. И надо же... после битвы хан ехал через лес и столкнулся с толпой разбитых байырку, которые стащили его с коня и отрубили ему голову. А Могилянью в это время воевал в Маньчжурии, но, несмотря на две победы, не удержал страны, вернувшейся под власть Китая.

Наследником Капаган-хан назначил, вопреки закону, своего любимого сына, носившего титул «Малый (Кучук) хан». Кюль-тегин привлек на свою сторону воеводу Альп Эльэтмиша, казнил Кучук-хана с советниками, а на престол возвел своего брата как законного наследника престола, с титулом «Бильге-хан». Тот удивил свой народ несказанно: простил всех своих врагов, как политических, так и личных, а своему тестю — Тоньюкуку вернул титул бойла бага тархана и должность ханского советника. Кюль-тегин получил командование

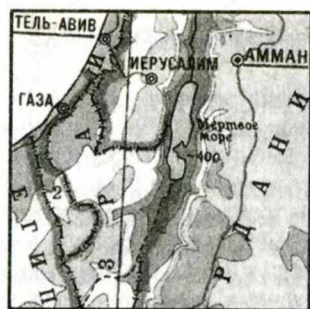

*С высоты —
весь Иран.
Персидский залив,
Ормузский пролив.
В изгибе пролива
иранский остров
Кешм. Далеко уходят
горы Загроса, здесь
зарождалась ранняя
цивилизация городов и
металлургии.
Снято
с фантастической
точки: виден
за Ираном край земли,
смазалась вся
территория Азии,
России, Сибири.*

Мертвое море.

*По середине моря —
граница Иордании
и Израиля.*

*Внизу ровные строчки
полей выпаривания
засоленной земли.*

*Справа — хребты
Карак и дорога
в глубь Аравии.*

всеми войсками, т. е. диктаторскую власть. Так образовалась «могучая тройка»: хан — добр, полководец — храбр, советник — мудр.

Изменилась и политическая программа. Повстанцам было объявлено прощение, а упорные уйгуры и татабы разбиты и разогнаны по лесным щамам, причем табуны их достались тюркам. Поскольку кони — самая большая ценность в степной войне, тюрки снова обрели силу. И тут Тоньюкук наметил новую программу действий: победами вынудить у врага приемлемый мир, не доводя его до крайности. Но добиться этой цели можно было только путем отчаянной войны.

Первую задачу выполнил Кюль-тегин, к 722 г. победивший всех степных сторонников Китая. Вторую — решил Бильге-хан: «... я поднял к жизни готовый погигнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочисленный народ. Там, где верные эли и ханы, я творил добро. Живущие по четырем углам народы я всех принудил к миру... все они подчинились мне»²⁸. Третью задачу — китайскую — решил Тоньюкук. Если Капаган-хан утверждал, что воюет только против китайского правительства, но любит народ и приемлет китайскую культуру, то Тоньюкук противопоставил учениям Лаоцзы и Будды тюркскую культуру, как самостоятельную и равноценную²⁹.

И он был прав! Даже по уцелевшим памятникам лапидарной литературы, составлявшим едва ли сотую часть той, что была записана на бересте либо хранилась в памяти степных сказителей, видно, что тюрки имели оригинальное мировоззрение, мифологию, историю и большие сведения по географии. Постоянная пастьба скота приучила их к бережному отношению к природной среде, и боевых коней они уважали, как меньших братьев.

Тюркам для развития культуры были нужны мир и независимость от агрессивного Китая. Бильге-хан сумел добиться того и другого. Он отказался от завоеваний в Сибири, оставив свободу енисейским кыргызам. Спорные владения в Южной Джунгарии и Семиречье оставил за империей Тан. За тюркешского хана выдал дочь «с большими почестями»,³⁰ а тибетскому царю отказал в военной помощи против Китая. Этими поступками он обеспечил своему народу двадцатилетний мир (722–741), покой и уважение соседей.

Мир, достигнутый такими сверхусилиями, принес тюркам, кроме покоя, богатство. По договору 727 г. тюркам за условленное число коней ежегодно выдавалось 100 тысяч кусков шелка. Это значит, что шелк поступал в степь по демпинговым ценам как замаскированная дань.

В 731 г. умер Кюль-тегин, верный сподвижник своего брата. Памятник его показывает, что культура тюрков VIII в. ничем не уступала культурам других народов того же времени. Бильге-хан пережил сво-

его брата на три года. В 734 г. его отравил изменник, тюркский вельможа, бывший послом в Китае и подкупленный императором Сюаньцзуном. Предатель и весь его род были казнены.

Наследник Бильге-хана, его сын Йоллыг-тегин, был талантливый писатель, мыслитель и историк. Он мирно правил Тюркским каганатом до 739 г. Ему удалось сохранить мир на южных границах, так как империя Тан воевала с Тибетом, а хан тюргешей Сулу отражал натиск арабов на Согдиану. Положение Тюркского каганата казалось устойчивым, но грядущая беда пришла из давнего прошлого, ибо время, подобно пространству, способно сочетать причины и следствия, обрывать эпохи и рассеивать этносы.

Второй Тюркский каганат включал в свой состав кроме немногочисленных тюрков³¹ еще уйгуров, басмалов и карлуков. Хотя они жили по соседству с тюрками, говорили на тюркском языке и были тоже кочевыми скотоводами, они отличались от тюрков стереотипами поведения, внутренней структурой и идеалами, т. е. цели, к которым они стремились, были иными.

Тюрки несли на себе традиции походов и завоеваний, жесткой дисциплины в орде и отличались умением властвовать над народами. Уйгуры мужественно защищали свои пастбища и свою независимость, не покушаясь на чужие земли. Тюрки охраняли свою культуру, уйгуры жадно впитывали чужие мировоззрения, кроме китайских. Тюрки любили побеждать, уйгуры — защищаться. Пути развития этих народов, а также близких к уйгурам карлуков и басмалов, были противоположными.

Пока тяжелый груз тюркской традиции лежал на богатырских племенах Кутлуга и Тоньюкука, Бильге-хана и Кюль-тегина, каганат процветал, но в плане этнологии следует отметить одну важную деталь: вся героическая оборонительная война в течение 42 лет (681—721) была проведена по существу одним поколением.

К счастью, благодаря надгробным надписям, нам известны возрасты некоторых полководцев. Мудрый Тоньюкук родился в 646 г., Куличур — в 662 г., сыновья Кутлуга: Бильге-хан — в 683 г., а Кюль-тегин — в 684 г. В 721 г. им было 35—75 лет. Но с 721-го по 742 г. был мир, а за 20 лет мира дети и внуки богатырей привыкли к очарованию степного приволья, безмятежному покою и интригам. А коль скоро так, то они потеряли преимущественно способности к сверхнапряжениям, т. е. снизили уровень пассионарности до того, что сравнялись со своими соседями и подданными. И тогда началось!

При Йоллыг-тегине в тюркской ставке (орде) был порядок, но уже в 741 г. начались интриги и борьба за власть с казнями и убийствами. Тогда в 742 г. уйгуры, карлуки и басмалы восстали... и покатались

тюркские головы по степной траве. Часть тюрков была перебита, часть — покорила хану басмалов; только вдова Бильге-хана, Побег, собрала самых мужественных беглецов и увела в Китай, где их зачислили в пограничные войска. Только эти тюрки уцелели от резни. В 756 г. они оказались среди воинов Ань Лушаня и погибли вместе с прочими повстанцами. Так исчез великий тюркский этнос.

АВАРЫ ИСТИННЫЕ И ЛОЖНЫЕ

Инерционная фаза описываемого нами витка этногенеза нашла воплощение не только в созданном тюркскими богатырями «Вечном эле». VI—VIII вв. стали эпохой каганатов по всей Великой степи от Желтого до Черного моря. Причем все они: Хазарский и Аварский на западе, Тюркютский на востоке — возникли и исчезли, с известным допуском, почти синхронно. Случайность совпадения исключается. Во всяком случае единая закономерность этногенеза прослеживается настолько четко, что стоит уделить западным сверстникам тюркютов, хотя они и не были кочевниками в прямом смысле слова, несколько слов. О хазарах и их этногенезе мы уже написали выше, к тому же о них речь еще пойдет в особой книге. А вот о наследниках древнего Турана — аварах необходимо сказать. Но здесь мы наталкиваемся на загадку, над которой еще нужно поломать голову. Авары (обры), появившиеся в Европе в VI в., никакого отношения к истинным абарам-степнякам не имели. Более того, и о последних почти ничего не известно. Получается, говоря языком математики, одно уравнение с двумя неизвестными. Что ж, попробуем его решить!

Как мы помним, в 155 г. «неукротимым» хуннам удалось оторваться от преследования Таншихая и уйти на Волгу. Но странно, почему сяньбийское наступление на запад после этого прекратилось и почему в эпоху надвигающейся засухи сяньбийцы отказались от богатых земель Тарбагатая с их роскошными альпийскими лугами — джейляу и склонами, покрытыми лесом, столь ценным кочевниками. Нет, тут что-то кроется! По-видимому, кто-то сяньбийцев отразил. Но кто?

Действительно, Таншихай отправил в Джунгарию армию, состоявшую из мукринов, приамурского племени тунгусской группы³². Эта армия дошла по северным склонам Тянь-Шаня до Тарбагатая и была там остановлен племенем абаров³³, которые считались самыми воинственными в степной Азии. Происхождение абаров неустановимо, ибо они не относились ни к хуннской, ни к телеской, ни к тюркской группе, а составляли «особливое поколение»³⁴. В истории Азии они упоминаются еще в VII в., после чего были покорены тюркютами.

Истинные абары были реликтом какого-то очень древнего этноса, слава которого гремела до VI в. Можно думать, что именно они разгромили угро-самодийские племена Западной Сибири, вынудив тех спастись на север, по льду Оби, Волги и Енисея. Вероятно, «тролли» — образ предков лопарей. Это гипотеза автора, предлагаемая на основе обобщения разрозненных фактов; она подлежит проверке.

Но тому, что джунгарские абары были храбрецами, поверить можно, потому что останков иммигрантов, или мукринов, или мукри (*кит.* — мохэ), — этнос, хорошо известный на Дальнем Востоке и неоднократно прославлявшийся мужеством и стойкостью.

Китайские авторы, передавая звучание этого имени, отмечают этнографическое расхождение восточных и западных мохэ после миграции, сказавшееся в изменении быта и культуры. Для приамурских мукринов ключевым знаком является звериная шкура, для джунгарских — трава³⁵. Это часто наблюдаемая этническая дивергенция, вроде разделения хуннов и гуннов, англичан и американцев, саксов — в Британии и саксов в Германии (саксонцев) и т. д.; примеров несть числа.

Однако мукрины и абары воевали друг с другом недолго, ибо им обоим грозила разбойничья держава Жужань. От нажима жужаней мукрины уходили в горы Тянь-Шаня, ибо были привычны к горам Хингана на своей покинутой родине. И они пережили своих обидчиков, которых в 552 г. разгромили тюрккюты; с теми ужиться было легко. Потомки их выступают под разными названиями, но ясно, что часть их вошла в узбекский союз³⁶, а часть — в состав современных киргизов, сообщив последним свой героизм, пронесенный через века. Засуха III в. отгородила абаров и мукринов от восточных, северных и западных соседей и дала возможность им уцелеть, пока они не слились в сложный этнос тюркешей, состоящий из «желтой» (мукрины) и «черной» (абары) ветвей. В VII в. тюркеша создали свой каганат, просуществовавший, как Второй Тюркский каганат, до середины VII в. Потомки абаров известны: это каракалпаки, часть которых в X–XI вв. попала в Древнюю Русь, сохранив свое название: «черные клубуки».

Итак, с истинными абарами как будто все ясно. Но кто такие псевдоабары, или вархониты?

В хуннское время в низовьях реки Сейхун (Сырдарья) жил оседлый народ хиониты, которых китайцы называли «хуни»³⁷ и никогда не смешивали с хуннами³⁸. Хиониты были сверстниками хуннов, так как происходили из круга народов сарматского мира, поднятого пассионарным толчком в III в. до н.э. С хуннами в III–IV вв. они не встречались, а воевали с персами. Пустыня, располагавшаяся севернее их поселений, упасла их от гуннов, но в VI в. зазеленевшая степь открыла

дорогу тюркютам к Аралу. Хиониты не подчинились завоевателю — Истеми-хану и в 557 г. бежали от него на запад, под защиту угров. Всего ушло 20 тысяч человек, к которым позднее присоединились еще 10 тысяч угров, разбитых тюркютами: племена тарниха, кочагир и забендер³⁹. Эта небольшая угорская примесь зафиксирована венгерскими археологами: 80% аварских черепов европеоиды, 20% принадлежат к западносибирскому слабо монголоидному типу.

Прикаспийские народы по ошибке приняли хионитов за истинных абаров⁴⁰, некогда проявивших особую доблесть и свирепость. Это слово по-среднегречески произносится «авар», и в этом произношении хиониты вошли в историю. Но зачем им понадобился этот этнонимический камуфляж?

Автор VII в. Феофилакт Симокатта в своем труде «История» пишет об объединении двух племен: уар и хунни, сначала живших на р. Тил, которую тюрки называли «Черной». Они в 555 г. под давлением тюрков, бежали на запад, назвав себя «аварами» (абары-обры), так как «среди скифских народов племя аваров является наиболее деятельным и способным»⁴¹. Поэтому он называет европейских аваров «псевдоаварами», но тем самым оставляет открытым вопрос: кто же были истинные авары, точнее — абары, хунни и племя «уар» или «вар»? И где текла река «Тил»? отождествление ее с Таримом⁴² невозможно, ибо из Такла-Макана в Европу пути не было. Его преграждали тюркюты (древние тюрки) — враги вархонитов.

Литература по этой проблеме столь велика, что здесь не может быть даже перечислена. Однако она критически проработана автором этих строк и изложена в нескольких статьях и главах книги «Древние тюрки» (М., 1967)⁴³ и в примечаниях к книге М. И. Артамонова⁴⁴. Много прояснилось, но, тем не менее, вопрос не может считаться исчерпанным, так как многие авторы, следовавшие версии Симокатты буквально, оставили нераскрытой этническую принадлежность уар или вар (бар). Первое сведение о хионитах имеется у Аммиана Марцеллина. В 356—357 гг. хиониты воевали с персами, а уже в 359 г. участвовали в походе Шапура II на Амиду, где на глазах нашего автора погиб их царевич, красавец в глазах грека⁴⁵. Вспомним, что Аммиану Марцеллину монголоидность гуннов казалась безобразием. Значит, хиониты были европеоиды, а угры — монголоиды.

Затем, севернее Аральского моря лежит суглинистая пустыня, которая гораздо хуже песчаной. Осадки не впитываются почвой, а образуют быстро высыхающие лужи. Переходы через эту пустыню были возможны только зимой, когда лошади утоляли жажду снегом. Как место развития большого этноса, равнина между Аралом и ле-

состелью непригодна, даже при повышенном увлажнении степной зоны. И ведь позднее, когда возник великий караванный путь между Хорезмом и долиной Яика, он был проложен через Устюрт, а не севернее Арала.

И наконец, слово «вар» или «уар» имеет значение — «река» на гуннском языке⁴⁶, который, будучи тюркским, видимо, включал в себя архаизм, даже для того времени. Это слово, как имя собственное, сохранилось на Алтае: так называется приток Урсула — Уар.

Поэтому надо полагать, что слово «вар» (бар) или «уар» было эпитетом к этнониму хиониты; видимо, «вархониты» значило «речные хиониты»⁴⁷, действительно жившие на берегах большой реки. Для греков, франков и славян этимология этого слова была неясна, и они приняли эпитет за этноним. Славяне называли хионитов, поселившихся на берегах Дуная, «обры», а слова «хион» или «хунн» не замечали.

И если так, то понятно, что среди казахских родов нет потомков «уар», тогда как потомки хионитов — голубоглазые блондины — встречаются в Младшем джузе, как потомки каракиданей — найманы⁴⁸ в Среднем, а потомки кангюйцев-печенегов и хуннов в Старшем. Казахи, как и все крупные этносы, имеют много предков, т. е. этнических субстратов, спаявшихся в ходе истории в единую этническую систему, где реликты сделались элементами обновленного этноса. Так, современные англичане включают в свой состав остатки кельтов, датчан, норвежцев, анжуйских французов, и разница лишь в том, что на Западе легко забывают далеких предков, а в Великой степи их помнят и знают. И если потомков «уар» нет, хотя есть потомки их соседей — оговров — маджары и западных динлинов — кыпчаки, то можно заключить, что упоминание «уар» у Феофилакта Симокатты — плод недостаточной осведомленности ученого грека, а последующая грандиозная литература вопроса следствие «переходящей ошибки», вроде поисков Атлантиды или страны Шамбала⁴⁹, а попытку сопоставить китайское этническое название «хуни» с этнонимом «хунну» надо считать неудачной⁵⁰.

Но, видимо, возникновение ошибки было неслучайным. Запомнится наиболее важное, а здесь существенным было то, что свирепые пришельцы, осаждавшие Константинополь и разгромившие антский союз, *не были степняками*, как гунны или печенеги (канглы), гузы (торки) и куманы (половцы). Они были осколком древнего суперэтноса, расколотого проповедью Заратустры и вынужденного на склоне лет сменить родину. Именно в VI в. Приаралье из «Турана» превратилось в «Туркестан», ибо Время (историческое) имеет такие же границы, как и Пространство. А то, что многие историки до сих пор смешивают авар с кочевниками гуннами, это их вина. Узкая специализация

в истории дает тот же результат, как рассматривание звездного неба через микроскоп.

Именно отсюда возникло предвзятое мнение, что Запад многообразен и бурно развивается, а Восток — серая туча, скучная и бессмысленная, но иногда угрожающая культуре цветущего Запада. Нет ничего более неверного! Этноты Великой степи столь же разнообразны и закономерно изменчивы, как и те, которые живут на берегах Средиземного и Желтого морей, а вред соседям причинять могут не только кочевники, но и оседлые, лишь бы в этом была нужда. Этот тезис доказали авары, т. е. хиониты, перебазировавшиеся с Яксарта⁵¹ на Дунай.

Грозное имя абаров, заимствованное хионитами, вызвало панику у прикаспийских народов и позволило аварам добраться до безопасной страны — Паннонии, где они в союзе с лангобардами сокрушили гелидов и укрепились на Тисе и Дунае. Затем они победили и взяли в плен франкского короля Сигберта Австразийского, подчинили болгар-кутургуров, живших западнее Дона, и разгромили антов (славянское племя), которые после 602 г. исчезают со страниц истории. Потом они объединили вокруг своего знамени южных славян — склавинов и до 626 г. вели опустошительную войну против Византии на Балканском полуострове. Почти все древнее население Фракии, Македонии и Греции было истреблено, а земли заняты славянами. Некоторое время авары считались истребителями кочевой Азии, ибо действительно произвели жестокие опустошения в Германии, на Балканском полуострове и, особенно, в Моравии, но потом они исчезли бесследно. «Погибоша аки обре», — писал русский летописец Нестор.

Примечательно, что авары (хиониты), ровесники тюркютов, создали такую державу, как и «Вечный тюркский эль», где роль телесских племен играли болгары и славяне. «Дикими» авары отнюдь не были. Их дипломаты восстановили союз с Ираном против Византии и, подобно их предкам, штурмовавшим Эдессу, осаждали совместно с персами сам Константинополь.

Инерционная фаза позволяет консолидировать массы и легко управлять ими, если есть толковые вожди. А такие были и у тюркютов и у авар-хионитов. Но покоренные славяне в VII в. находились в акматической фазе и нашли в себе силы для сопротивления чужеземному гнету. Венеды — предки моравов, чехов, лютичей и бодричей — в 623–658 г. объединились под главенством некоего Само и побеждали аваров. (Отметим для сравнения, что в 659 г. пал Западный тюркский каганат.) Кутургуры в 630 г. отложились от Аварского каганата, после чего натиск аваров на Византию ослабел. (В том же году пал Восточный тюркский каганат.) Полтора века об аварских набегах было не слышно. Наоборот, в 796 г. франки перешли в наступление и захвати-

ли аварские укрепления на окраине Венского леса, где нашли богатую добычу. Однако дальше на восток франки пробиться не смогли.

Чем объяснить такое умиротворение аваров, если исключить концепцию естественного старения этноса? В пользу последней говорит также синхронность этногенезов в Монголии и Паннонии, при различной природе этих стран, ином окружении и несходстве в характере и уровне производительных сил и культурно-политических контактов. Авары просуществовали до прихода венгров в 900 г., с которыми объединились и слились. Византия вела себя куда спокойнее, чем грозная и непоследовательная империя Тан, и потому авары пережили не только Тюркский, но и Уйгурский каганат.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. С. 116; *Он же*. Древние тюрки. С. 11–13.
- ² См.: Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. С. 200–201.
- ³ См.: Гумилев Л. Н. Эфталиты – горцы или степняки? // ВДИ. 1967. № 3.
- ⁴ Впрочем, если быть точным, приоритет принадлежит древним китайцам.
- ⁵ См.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 24.
- ⁶ Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 23. Приведена литература.
- ⁷ См.: Там же.
- ⁸ См.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 63.
- ⁹ См.: Артамонов М. И. Указ. соч. С. 145. Примечание.
- ¹⁰ Там же. С. 146–156.
- ¹¹ Термин «ксения» (*греч.* – гость) принят в геологии, где обозначает глыбу, перенесенную лавиной, впявшуюся в мягкую породу и составляющую с ней единую целостность.
- ¹² Понятно, что следов затопления не может быть в предгорьях Дагестана, лежащих много выше отметки минус 19 м. Хазарские находки там и обнаружены. Но то, что очевидно для географа, еще ясно не всякому археологу. Пример подобной ошибки см.: Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983. Подробнее о затоплении Хазарии см.: Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1960.
- ¹³ Когда в 627 г. тюркюты и хазары совместно с византийцами осаждали Тбилиси, грузины вынесли на стену города тыкву и нарисовали на ней лицо джабгу-кагана: вместо бровей – тонкие черточки, подбородок голый, редкие волосы на усах, ноздри шириной в локоть; и кричали: «Вот царь ваш!»
- ¹⁴ См.: Гумилев Л. Н. Соседи хазар // Страны и народы Востока. Вып. IV. М., 1965. С. 127–142; *Он же*. Памятники хазарской культуры в дельте Волги // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. XXVI. С. 49–51; *Он же*. Кочевнические погребения в дельте Волги // Доклады по этнографии. Вып. 6. Л.: ВГЛО, 1968. С. 33–41.
- ¹⁵ См.: Магомедов М. Г. Указ. соч. С. 158–163.
- ¹⁶ См.: Голубинский Е. История русской церкви. Т. I. М., 1901. С. 23.
- ¹⁷ См.: Голубинский Е. Указ. соч. С. 23.
- ¹⁸ Литература вопроса громадна. Библиографию см.: Всеобщая история искусств. Т. 2. Кн. 2. М., 1961. Обзорная статья; Там же. С. 319–384.
- ¹⁹ Вэнси-гункао XVI. Цз. 344. С. 17а. 17б /Пер. проф. Н. В. Кюнера. Цит. по: Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 175.

- ²⁰ Памятник в честь Кюль-тегина; Большая надпись, строка 8.
- ²¹ См.: *Гумилев Л. Н. Древние тюрки*. С. 231, 259–262.
- ²² Там же. С. 151–152.
- ²³ Там же. С. 270 и сл.
- ²⁴ См.: *Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*. М.; Л., 1959. С. 20.
- ²⁵ См.: *Гумилев Л. Н. Древние тюрки*. С. 297.
- ²⁶ См.: *Малов С. Е. Указ. соч.* 20.
- ²⁷ Тюркские авторы VIII в. употребляли названия «уйгуры» и «токуз-огузы» как синонимы. (См.: *Гумилев Л. Н. Древние тюрки*. С. 274–317).
- ²⁸ *Малов С. Е. Указ. соч.* С. 40.
- ²⁹ См.: *Гумилев Л. Н. Древние тюрки*. С. 318.
- ³⁰ Дочь тюркешского хана вышла замуж за сына Бильге-хана тоже «с большими почестями». (См.: *Малов С. Е. Указ. соч.* с. 23–24.)
- ³¹ Теперь можно назвать их без множественного числа – ут, ибо они лишились поданных. Сами себя они называли «кок (голубые) тюрк».
- ³² См.: *Гумилев Л. Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока*. Вып. II. 1961. С. 107–109.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Т. I*. С. 296.
- ³⁵ См.: *Гумилев Л. Н. Три исчезнувших народа... С. 108*.
- ³⁶ См.: *Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край*. Т. II. Л., 1926. С. 533.
- ³⁷ См.: *Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в.* С. 129–140.
- ³⁸ См.: *Артамонов М. И. История хазар*. С. 103–113. Приведена литература.
- ³⁹ Подробнее см.: Там же. С. 140–141, 163.
- ⁴⁰ Там же. С. 106–107. Прим. 12.
- ⁴¹ *Феофилакт Симокатта. История / Пер. С. П. Кондратьева*. М., 1957. С. 160.
- ⁴² Там же. Прим. *Осиновой К. А.* С. 211; *Тил* – Яксарт или низовья Сырдарья; см. ниже.
- ⁴³ См.: *Гумилев Л. Н. Три исчезнувших народа*. С. 103–113; *Он же. Эфталиты и их соседи в IV в.* С. 134–135; *Он же. Эфталиты-горцы или степняки // ВДИ*. 1967. № 3. С. 91–98; *Он же. Древние тюрки*. С. 35.
- ⁴⁴ *Артамонов М. И. История хазар (Ред. и примеч. Л. Н. Гумилева)*. С. 106–107.
- ⁴⁵ См.: *Марцелин Аммиан. История*. Вып. I. Киев, 1906. С. 233; *Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в.* С. 134. Хиониты (*греч.*) или хуни (*кит.*) – потомки сакского племени хиаона. (*Altheim Fr. Geschichte der Hunnen*. Bd. 1. 1960. S. 53) С. П. Толстов обнаружил в низовьях Сырдарьи «болотные городища», которые правильно приписал хионитам (см.: По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 218).
- ⁴⁶ См.: *Иностранцев К. А. Хунну и гунны*. Л., 1926. С. 63; *Артамонов М. И. Указ. соч.* С. 62.
- ⁴⁷ В смысле «прибрежные, живущие по берегам реки».
- ⁴⁸ См.: *Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства*. М., 1970. С. 136–139.
- ⁴⁹ См.: *Гумилев Л. Н., Кузнецов Б.* Страна Шамбала в легенде и истории // *Азия и Африка сегодня*. 1968. № 5. С. 48–50.
- ⁵⁰ См.: *Hausig H. W. Theophylaktus. Exkurs über die skythischen Völker Byzantion*. Т. XXIII. 1953. S. 304–305, 345–362, 413–429; *Enoki K. The Origin of the White Huns or Heptalites. East and West*. 1955. № 3. С. 231–238. Ср.: *Бичурин Н. Я. Указ. соч.* Т. II. С. 260.
- ⁵¹ Яксарт (*греч.*), Гульзариун (*перс.*), Сейхун (*араб.*) – Сырдарья.

VI. В ареале остывающей пассионарности

уйгуры

Пассионарный толчок IV—III вв. до н. э. поднял степных хуннов и сарматов, но не задел ни Южной Сибири, ни цепочки оазисов в предгорьях Наньшаня и Куньлуня — области, которую китайские географы называли «Хэси», то есть Западнее реки (Хуанхэ). Когда великая засуха окончилась и пустыня снова превратилась в цветущую, благоухающую степь, сибирские кыргызы (потомки динлинов), привыкшие в благодатной Минусинской котловине к оседлой жизни, не воспользовались представившимися возможностями для расширения на юг. Их потребности вполне удовлетворяла ирригация, позволявшая пасти скот около дома, на орошенных пастбищах.

Иначе повели себя южане. Двенадцать племен теле (телеутов)¹ заполнили демографический вакуум в Великой степи. В IV в. они несколькими волнами переселились на север от сузившейся пустыни на телегах с высокими колесами, развели стада и табуны и... попали в лапы хищных жужаней, обложивших телеутов тяжелой данью². Сто лет (384—487) телеуты терпели жужаньский гнет, но в 487—488 гг. они проявили неожиданную прыть: восстали, переселились в долину Черного Иртыша, разгромили Юебань, державу потомков «малосильных» хуннов, и добыли желанную независимость. Надо полагать, что за столетие телеские женщины восприняли некоторую долю хуннской пассионарности от аборигенов Великой степи, с которыми они не могли не общаться: тесно и дружелюбно. Ведь они заселяли пустую, а не чужую землю.

Но конфедерация племен не могла тягаться с военными организациями: ордами, обладавшими твердой властью и дисциплиной. Телеутов в 495–496 гг. разгромили эфталиты, затем, в 516 г., им нанесли тяжелое поражение жужани, подчинившие их в 541 г., а в 546 г. их покорили тюркюты, под игом которых телеутские племена изнывали 200 лет. Причиной столь тяжелых неудач было, с одной стороны, слишком широкое распространение от Балхаша до Байкала – при редком населении, а с другой – особенности их этнической доминанты: племенная раздробленность и вольнолюбие, питавшее эту раздробленность. В результате одни племена погибли, как сеяньто, другие отложились и зажили самостоятельно – курыканы на Верхней Ангаре, третьи слились с иноплеменниками – киби. Только одно племя – уйгуры, или токуз-огузы¹, объединив вокруг себя остатки рассыпавшейся конфедерации, сокрушили в 745 г. Тюркский каганат, разбили своих бывших союзников: басмалов и карлуков и основали в 747 г. собственный каганат, продержавшийся до 840 г., то есть меньше ста лет.

За это небольшое время уйгуры спасли династию Тан, подавив солдатское восстание пограничных войск в 763 г. и остановив тибетскую агрессию в «Западный край» (бассейн реки Тарим)², подчинили соседних киданей и кыргызов и построили роскошный город – Каракорум, ставший резиденцией хана. Каждые три года только в Минусинскую котловину приходил караван арабских купцов из 20–24 верблюдов, нагруженных узорчатыми тканями³. «Страна диких нравов... превратилась в страну стремления к добрым делам», – писал манихейский миссионер IX века.

Границы Уйгурии были уже границ Тюркского каганата, но благодаря удачным походам хана Моянчура (745–759) она оказалась в исключительно благоприятных условиях и не имела сильных врагов вокруг себя. На западе с 766 г. усилились карлуки, но они сосредоточили все свое внимание на юго-западе и не переходили естественной границы – Тарбагатая. На юге лежал в развалинах униженный Китай. Император признал за Моянчуром ханский титул, то есть равенство Уйгурии и Китая, и уйгуры получали замаскированную дань. Тибет был не опасен – все силы он отдавал на войну с заклятым своим врагом – Китаем.

И тут мы наталкиваемся на трудность, пока еще никем не отмеченную. В поединке Китая с Тибетом Уйгурия была в самом выгодном положении: она решала судьбу успеха на каждом этапе войны. А ведь война шла за контроль над великим караванным путем, то есть за пошлины, уплачиваемые купцами, возившими шелк из Китая в Европу.

Поскольку самый удобный маршрут караванного пути шел от Дуньхуана, через Хами в Турфан, Джунгарию и оттуда в Хазарию, уй-

гурам перепадала изрядная часть пошрины. Поэтому Уйгурия богате-ла. Кроме того, подчинив енисейских кыргызов, уйгуры взимали с них подать мехами, и сами могли продавать соболей, стоивших не меньше шелка.

В VIII–IX вв. степная зона Евразии была обильно увлажнена. Скоту угрожала не засуха, а слишком глубокий снег, разгрести кото-рый овцам было не под силу. Но выпадал он не часто. Короче, Уйгу-рия перед своим концом находилась в самых лучших условиях.

Так почему же в 840 г. один заговорщик при помощи тюрок-шато убил хана, а другой – изменник – привел отряд кыргызов и отдал на разорение столицу своей родины? Почему в обоих случаях были при-званы иноплеменники? И почему не реагировали на это сами уйгуры? Источники на эти вопросы не отвечают, историки их обходят. Значит, надо прибегнуть к этнологии.

ФАЗА ОБСКУРАЦИИ – УЙГУРСКОЕ ХАНСТВО

Трагедия 840–848 гг. – явление недооцененное во всемирной истории. Оно упоминается почти во всех обзорах⁶, но как эпизод, тогда как это был конец суперэтнуса, созданного хуннами, сяньбийцами и сарматами в III в. до н. э., и превращение этносов в реликты. Традиционная методика исторического анализа не могла отличить грань между историческим становлением – этногенезом и клинической смертью – гомеостазом.

Попытка ввести в научный оборот большее количество подробно-стей⁷ увеличила калейдоскопичность, но не внесла ясности в пробле-му и ее значение. Жаль, потому что разгром Каракорума в 840 г. – со-бытие такого же масштаба, как падение Константинополя в 1453 г., а уйгуры по талантам, восприимчивости, героизму не уступали визан-тийцам эпохи Палеологов и также стали жертвой природных смен фаз этногенеза и контактов на суперэтническом уровне.

В VIII в. уже никто из степняков не хотел воевать, иначе как ради защиты своих юрт и кочевий от соседей. Племена устали от потрясе-ний, произведенных тюрками, и хотели наслаждаться безмятежным покоем. «Уйгурия вела свои войны необыкновенно вяло, ограничива-ясь пограничными стычками». Кидани подчинились уйгурам добро-вольно; кыргызы – ненадолго, да и отплатили за это подчинение с лихвой. В этой политической бездеятельности сказалась психология народа, стремившегося не столько к порабощению соседей, сколько к обеспечению собственной свободы. Это отмечено китайским дипло-матом, сказавшим тибетскому полководцу: «Мы уважаем это государ-

ство за то, что оно свято блюдет договоры и не покушается на не принадлежащие ему земли»⁸.

В Уйгурском степном ханстве стало мало искренних жертвенных людей, способных сплотиться вокруг хана, но их было достаточно для оппозиции правительству и возбуждению племен к отпадению. Честолюбивые претенденты в борьбе между собой привлекали иноземцев, а в племенах наряду с вольнолюбивыми богатырями, которых становилось все меньше и меньше, умножались люди, склонные к праздности. Это и есть снижение пассионарного напряжения, ведущее этническую систему к последней фазе — обскурации. Тогда этнос разваливается на части, и никто уже не в силах остановить этот необратимый процесс.

Согласно теории этногенеза, в фазе обскурации идет быстрая утрата пассионарности этнической системы. Это выражается в том, что процент особей с высокой пассионарностью сокращается и последние пассионарии уже не могут влиять на большинство, состоящее из гармоничных и субпассионарных особей. Процесс может быть задержан устранением из популяции субпассионариев, пусть не всех, но многих. Однако вряд ли кто-либо решится на такую вивисекцию. Это могут сделать только обстоятельства, находящиеся вне контроля людей.

В середине VIII в. пассионарность у уйгуров была высока. Арабский историк Кудам сообщает, что десять токуз-огузов могли справиться с сотней карлуков⁹. Такие богатыри, даже будучи малочисленны, поднимали воинский дух тех пастухов, «силами которых тюркюты геройствовали в пустынях севера»¹⁰. О субпассионариях пока не слышно. Прошло полвека. Победы продолжались, но при численном перевесе, и сопровождалась жуткими экзекуциями. Победленных убивали, а союзников грабили до нитки. Так всегда поступают мобилизованные гармоничники, будь то легионы Цезаря, дивизии Наполеона, стратиоты Василия Болгаробойцы или шведы Густава Адольфа, но не ландскнехты, наемные его генералами. Те были субпассионарии.

В условиях материального благополучия и покоя отбор перестает действовать и процент субпассионариев увеличивается. Справиться с ними не могут самые талантливые воеводы. Дисциплина в армии становится мечтой, грабеж — повседневным занятием. Стойкость в бою сменяется дезертирством, а сдача в плен рассматривается как удачный уход от опасности. Тогда победы сменяются поражениями, как и случилось в Уйгурии после страшного 840 года.

Непонятно, как могли уйгуры пропустить кыргызов из Минусинской степи до Орхона, не дав им встречного боя?! Ведь до этого войска одерживали только победы.

После разгрома Каракорума энергичный Уге-тегин пытался возглавить сопротивление, но его ратники, вместо того чтобы пойти в контрнаступление на кыргызов, разбегались, и ему пришлось уйти на юг от Гоби. На берегах Хуанхэ отступавшим через пустыню воинам пришлось добывать пропитание грабежом селений, пограничных китайцев и юрт собственных союзников: татабов, татар и киданей. Те поднялись против грабителей, и уйгуры гибли от их рук. К 843 г. Уге, пытавшийся скрыться у татар, был выдан китайцам и казнен, а его ратники рассеялись. Уйгуры этого поколения предпочитали не сражаться, а сдаваться китайцам. Те принимали уйгуров, но лишали сдавшихся всех прав, даже свободы передвижения и вступления в браки с соплеменницами. Уйгурские девушки были обязаны до тридцати лет быть наложницами китайцев и, только отбыв этот срок и воспитав нескольких детей, получали право на брак с уйгурами¹¹. Неудивительно, что в X в. уйгуров, как этноса, не стало, но и империя Тан не выиграла от получения метисованного поколения, лишённого традиций и патриотизма. В критическое для Китая время эти уйгуры примыкали к врагам его, вторгавшимся из Маньчжурии, пока не были разгромлены монголами в 1232 г. Но и тут потомки богатырей жили как холопы, время от времени менявшие хозяина.

Фаза обскурации, хотя и неизбежна в процессе любого этногенеза, но может протекать без фатальных последствий. Но уйгуры, как этнос, исчезли, а ожесточение противников достигло такого накала, что даже голодных беглецов, скрывавшихся в лесах и горах Маньчжурии, вылавливали специально и никого не оставляли в живых. Значит, был еще один фактор, который ускорил развал этнической системы.

Обскурация – возраст, опасный для этноса не только по причине естественно наступающей старости, делающей этнос нерезистентным и бессильным, но и потому, что при резком снижении пассионарности, находясь в окружении чуждых суперэтнических систем, культурное влияние соседей порождает этнические контакты, ведущие к образованию химер и жизнеотрицающих антисистем.

Прогрессирующее внутреннее разложение в Уйгурском ханстве было очевидно для современников.

Поэтому уйгуры и их подданные стали искать психологическую доминанту, которая бы объединила остатки пассионариев, способных поддержать государство.

Сами создать оригинальную доминанту, или мировоззрение, близкое всему народу, они не могли, так как для этого нужен высокий пассионарный уровень, дающий лабильность системе. Отдельные – даже

очень способные и творческие – персоны не могут сломать и перестроить застывший стереотип. Так из горячего воска легко вылепить статуэтку, а из застывшего ее сделать нельзя. Но тогда выручает заимствование идей, а заодно и инкорпорация людей со стороны, как своего рода подпитка системы энергией. Важно лишь, чтобы подпитка легко усваивалась и шла на пользу. И тут у кочевников Великой степи в VIII в. был богатый выбор.

Китайские учения: даосизм, конфуцианство и даже чан – созерцательный буддизм – кочевниками не усваивались. Ислам был религией их врагов арабов. Культ Митры – бон¹² – в это время переживал жестокие гонения в Тибете и отнюдь не отвечал настроениям уйгуров. Это была воинственная религия, мироощущение богатырей, а не пастухов, переходящих к оседлости. Зато христианство и манихейство понравились миролюбивым степнякам, хотя и были в непримиримой вражде. И эта вражда повлекла за собой трагедию.

Обычно обмен идеями считается благом, но это далеко не всегда. Иногда сочетаются концепции, которые взаимно аннигилируются, и такие коллизии иной раз – губительны, так как неизбежно воздействуют на стереотип поведения.

Идеологические воздействия иного этноса на неподготовленных неофитов действуют подобно вирусным инфекциям, наркотикам, массовому алкоголизму. То, что на родине рассматривается как обратимое и несущественное отклонение от нормы, губит целые этносы, не подготовленные к сопротивлению завлекательным, опьяняющим идеям. К числу таких принадлежали гностицизм и его персидская ветвь – манихейство. Подробное описание этих могучих антисистем выходит за пределы нашей темы, но краткое изложение принципов гностицизма будет бесполезно для широкого читателя. Поэтому начнем с Римской империи, точнее, с ее восточной окраины, где эллинские, египетские, сирийские и иранские воззрения переплелись столь тесно, что образовали новую целостность.

ЛОГИКА ЖИЗНЕОТРИЦАНИЯ

Бывают эпохи, когда людям жить легко, но очень противно. Именно таким был закат Римской империи, но с рождением Византии появились цели и интерес к жизни. Как было уже сказано, византийский суперэтнос вылупился из яйца христианской общины, социальным обрамлением которой была церковная организация. Но в этом яйце таился и второй зародыш, так называемый гностицизм¹³. Гностиками

становились мечтатели, богоискатели, почти фантасты, стремившиеся, подобно античным философам, придумать связную и непротиворечивую концепцию мироздания, включая в него добро и зло. Гностицизм — это не познание мира, а поэзия понятий, в которой главное место занимало неприятие действительности. Среди множества гностических школ и направлений общим было учение о Демиурге, т. е. ремесленнике, сотворившем мир, чтобы забавляться муками людей. Этим Демиургом они считали еврейского ветхозаветного Яхве, которого они противопоставляли истинному Богу, творившему души, но не материю. Вместе с тем они все признавали Христа, но считали его человеческий облик призрачным, т. е. нематериальным. Наиболее распространено было учение офитов.

По этой логико-этической системе в основе мира находится Божественный Свет и его Премудрость, а злой и бездарный демон Ялдаваоф, которого евреи называют Яхве, создал Адама и Еву. Но он хотел, чтобы они остались невежественными, не понимающими разницу между Добром и Злом. Лишь благодаря помощи великодушного Змея, посланца божественной Премудрости, люди сбросили иго незнания сущности божественного начала. Ялдаваоф мстит им за освобождение и борется со Змеем — символом знания и свободы. Он посылает потоп (под этим символом понимаются низменные эмоции), но Премудрость, «оросив светом» Ноя и его род, спасает их. После этого Ялдаваофу удается подчинить себе группу людей, заключив договор с Авраамом и дав его потомкам закон через Моисея. Себя он называет Богом Единым, но он лжет; на самом деле — он просто второстепенный огненный демон, через которого говорили некоторые еврейские пророки. Другие же говорили от лица других демонов, не столь злых. Христа Ялдаваоф хотел погубить, но смог устроить только казнь человека Иисуса, который затем воскрес и соединился с божественным Христом.

С более изящными и крайне усложненными системами выступили во II в. антиохиец Саторнил, александриец Василид и его соотечественник Валентин, переехавший в Рим.

Александрийские гностики представляли Бога высочайшим существом, заключенным в самом себе, и источником всякого бытия. Из него, подобно солнечным лучам, истекли второстепенные божеские существа — зоны. Чем более отделялись зоны от своего источника, тем слабее они становились. Все они в совокупности назывались Плеромой, или полнотой всего сущего. Вместе с Плеромой существует грубая, безжизненная материя, не имеющая действительного бытия, а только вид его. Она называется пустотой. Мир возник из соприкосновения и смешения этих двух стихий. Самый крайний из зонов по

Швейцария.
Женеваское озеро
в центре и долина
реки Роны,
берущей начало
в Центральных
Альпах. Чуть выше —
пятно озера
Невшатель.
Черные провалы —
долины рек, и круто
обрывающаяся
кромка Альп
над Италией,
Ломбардией.
В темноте Турин,
Милан, Венеция.

слабости своей упал в материю и одушевил ее, благодаря чему образовался видимый мир. Противоположность божественного и материального стала причиной зла в людях и демонах. Эона, из-за которого возник мир, гностики называли Демиург, т. е. ремесленник, и приравнивали к Богу Ветхого завета. Они полагали, что он делал мир халтурно, что он был и рад освободить дух из уз материи, но сделать это не умеет. Была также гипотеза, что он злобно противится помощи, которую могут ему оказать высшие эоны.

Высочайшее Божество постоянно заботится о жертвах Демиурга — людских душах. Оно стремится поддержать в них мысль о их высоком происхождении и укрепить их в борьбе с материей. Для этой цели оно по временам сообщало людям, к тому способным — пророкам и философам, — новые духовные элементы и, наконец, послало на Землю первого эона в призрачном теле. Этот эон соединился при крещении с человеком Иисусом и показал людям путь обратно в Плерому. Раздраженный этим Демиург, а по другим мнениям — Сатана, довел Иисуса до распятия. Небесный Христос оставил человека Иисуса на кресте и возвратился к Верховному существу. Спасение души — это освобождение от материи через борьбу с ней.

Восточные гностики (Саторнил, потом Мани) считали, что есть два равноправных «царства» — мрака и света. Мир — пограничная зона, где частицы света и мрака смешаны, вследствие чего возникает телесная жизнь, т. е. страдание. Отделение частиц света, духовных элементов человека, от материи, как косной, так и живой, будет освобождением и желанным концом мира. Царство мрака окажется в изоляции, но существовать не перестанет.

Напомним, что, в отличие от гностицизма, манихейство — не вариант христианской ереси, а самостоятельная религия, противоположная христианству. Гностические учения выступали одновременно против иудаизма и против церковного христианства, так как в их представлении метафизическим Злом был материальный мир и его Создатель. До тех пор, пока сложные философы были только поэзией понятий, они были просто занимательными. Но как только идея профанировалась в мироощущении массы, она становилась убийственной и для культуры, и для беззащитной биосферы. Ведь и та и другая были объявлены злым творением Демиурга и, следовательно, подлежали уничтожению. К счастью, гностики были последовательны и не делали для собственных тел исключения, поскольку те были тоже материальны. Поэтому они запрещали брак, но допускали оргии, изнуряющие плоть. В результате они исчезли, не успев причинить окружающей среде большого вреда. Но манихеи поступали совсем иначе.

ПОСЛЕДСТВИЯ СОБЛАЗНА

Хотя Великая степь остановила натиск Китая и отвергла его специфическую духовную культуру, но не избежала сладкого соблазна антисистемы. Уйгуры были одним из наиболее талантливых, мужественных и восприимчивых этносов не только средневековья, но и всей мировой истории. Это-то их и погубило.

Манихеи, преследуемые мусульманской инквизицией, искали убежища на востоке. Китайцы отнеслись к манихейской проповеди крайне враждебно, но уйгурский хан в 766 г. пригласил манихейского законоучителя к себе и дал ему слово для изложения своего учения.

«Речи его лились, как спущенная река, потому он смог открыть истинное учение у уйгуров»¹⁴. Манихеи сумели поссорить уйгуров со всеми соседями: китайцами-конфуцианцами, кыргызами-шаманистами, христианами, мусульманами и даже буддистами, утверждая, что «неверующие по незнанию называли чёрта Буддой»¹⁵. Они ввели обязательные постные дни, когда запрещалось вкушать не только мясо, но даже молоко. Уйгурским пастухам и охотникам пришлось заводить огороды, чтобы не умереть с голоду. При этом надо учесть, что проповедь «религии света», как манихеи называли свою веру, ограничивалась знатными, ибо «как люди высшие действуют, тому низшие подражают»¹⁶.

Манихейская непримиримость привела Уйгурию к гибели¹⁷. Уйгурское ханство было конфедерацией шести племен с собственными вождями, и давление правящей кучки на народ не могло быть значительным. Племенные беги зависели от родовичей, которые издавна исповедовали теистический культ Тенгри – Неба. Они нуждались в вере в Бога, потому что только он мог помогать кочевникам против злых духов ночной степи: яка и ычкака, чулмусов и албастов. А манихейство – система атеистическая, хотя и мистическая.

Бог в космогонии манихейства отсутствует. Его место занимают две стихии: Света и беснующегося Мрака. Мрак сам по себе нематериален, но однажды его скопления случайно подкрались к области Света и попытались в нее вторгнуться. Против них вышел Первочеловек, но они облекли его световое тело, растерзали на части, и мучают их; это сочетание света, заключенного во мраке, и есть материальный Мир. Задача свою манихеи видят в освобождении плененных частиц света из оков материи. Достигается оно не через смерть, ибо манихеи признают переселение душ, а через отвращение к жизни и всему телесному, материальному, в том числе к искусству, ибо вещи сделаны из материи.

Таким образом, у манихеев мир — не творение, заслуживающее любви, а результат катастрофы и подлежит уничтожению. Это учение — весьма последовательно, и именно поэтому оно вызывало отвращение всюду, где проповедовалось: в Риме, Иране, Китае. Римляны шокировала нетерпимость манихеев и их заумная натурфилософия, претендовавшая на то, чтобы вносить поправки в естествознание, в то время достаточно совершенное (т. е. воинствующее невежество); персов и арабов — безбожие и ложь, не только разрешенная, но и прямо предписанная манихейским «верным» как средство борьбы с материей; китайцев — запрещение семьи и изнурение плоти путем аскезы и коллективного разврата, чтобы вызвать в себе отвращение к жизни; буддистов — жестокость по отношению к людям и животным, которых манихеи считали «злыми», т. е. несогласными с их учением. Только уйгуры приняли манихейство как государственную религию. И тогда в Великой степи впервые начались гонения за религиозные взгляды.

Принятие уйгурами манихейства не было predetermined судьбой. Нет, это только историческая случайность. В Уйгурии была и христианская община. Троица, которой поклоняются все христиане, по-уйгурски называлась «Учьдук», буквально — «Три святых». Но во время межплеменной войны 752 г. эта община оказалась союзницей басмалов и тюргешей, которые были разбиты. Манихейская же община поддержала победившего хана и выиграла власть.

По сути дела, Уйгурия, одержав ряд блестящих побед, находилась в это время на пороге гибели. Социально-этническая система ее упростилась до такой степени, что удержать ее от распада на независимые племена можно было только силой. Поэтому появление конфессиональной общины с культурной доминантой укрепляло власть хана. Вопрос в другом: удачен ли был выбор? Пожалуй, не очень. Но с Китаем отношения были натянуты, а в Китае христианство в VIII в. было дозволено, манихейство же — запрещено. Следовательно, для Уйгурии манихеи были естественными союзниками, и в 766–767 гг. хан и вельможи приняли «религию света», а «как люди высшие действуют, тому низшие подражают».

Первыми жертвами фанатичных манихеев оказались каменные изваяния тюркских богатырей. Ю. Н. Рерих рассказал автору этих строк, что в Монголии они все разбиты и обезображены, и был удивлен, что они сохранились на Алтае и в Семиречье. Вряд ли кто-либо из наших историков может одобрить сектантский вандализм.

Затем, в 795 г., в результате дворцовых переворотов, ханская власть была ограничена советом чиновников (не племенных вождей) и руководителей манихейской церкви, которые требовали, чтобы «во всей

земле простолоюдины и живые существа чистые и добрые были покровительствуемы, а злые — истребляемы».

Определяли же, кто добр, а кто — зол, те же манихеи, и есть сведения, что в манихейских кумирнях изображался демон, которому Будда моет ноги. Эти кумирни, конечно, не сохранились. Нетерпимость надолго стала знаменем эпохи.

Но не только враги, а и сами уйгурские простолоюдины тяготились новой религией. Возможно ли было растолковать пастуху, неграмотному храброму воину, что родная благоухающая степь, любимая жена и веселые дети — страшное зло, от которого надо отречься? Мог ли он представить себе абстракцию борьбы лучистого Сияния с беснующимся Мраком? Мог ли он возненавидеть свои крепкие руки, натягивающие тугой лук до уха, и своего боевого коня, носившего его к победам над врагами? Ясно, что народ был манихейским только по названию. Так произошел разрыв между неофитами и массами.

И правительство ничего не могло изменить, так как в 795 г. на престол был возведен приемный сын одного из вельмож Кутлуг, на условиях ограничения власти. «Вельможи, чиновники и прочие доложили: «Ты, небесный царь, седи спустя рукава на драгоценном престоле, а помощника должен получить, обладающего способностями управления мерой с море и гору; ...законы и повеления должны быть даны; должно надеяться на небесную милость и благосклонность». Иными словами, у хана были отняты исполнительская и судебная власть, а политика взята под контроль «небесной милости», т. е. манихеев¹⁶. Союз племен превратился в теократию.

Как совместить это странное, хотя и не уникальное явление, с фазами этногенеза? В общую систему оно не укладывается и, как будто, противоречит ей. Однако надо помнить, что ни один этнос не живет одиноко, а контакты, даже идеологические, могут нарушить закономерность этногенеза, если они достаточно сильны. Конечно, при контактах с положительной комплиментарностью, проще сказать, с взаимной симпатией возможны симбиозы и даже слияние двух-трех сомкнувшихся этносов, но слияние происходит лишь на подъеме пассионарности и в акматической фазе, когда этносы молоды и эластичны, а их системы имеют один знак, например — развитие в сторону усложнения и увеличения системных связей (система-плюс).

Сочетание «молодого» этноса со «старым», т. е. находящимся в инерционной фазе, может дать «ксению», или этноса-гостя. Эти последние живут в чужой этнической среде, как колонии, и обычно взаимно нейтральны, ибо не вмешиваются в чужие дела. А если они навязывают друг другу свой стереотип, культуру и психологическую доминанту — то это будет химера (система-ноль).

Но беда в том, что в химерных сочетаниях возникают антисистемы (системы-минус), упрощающие социальные структуры и обрывающие системные связи. Взаимодействие системы с антисистемой влечет выход из развития, в данном случае — из этногенеза. Происходит превращение природной системы в искусственную, из процесса — в вещь. Прогресс, пусть даже старение, заменяется аннигиляцией при неизбежных контактах с соседями и природной средой, ибо вожди антисистемной секты остаются людьми, и притом пассионарными.

Именно так сломалась в 840 г. манихейская община, погубив при этом доверившийся ей народ — уйгуров. Но этот великий этнос подарил свое имя населению оазисов, приютившему его потомков в столетие бедствий; и те несут его с гордостью поныне.

С 840 по 925 г., пока опустевшую степь не включил в свою державу киданьский хан и император Елюй Амбагань, местные жители опасались водить караваны, а тем более предпринимать торговые дела, чтобы не попасть в руки врагов. Поэтому торговля перешла к иноземцам, которые, не будучи связаны с воюющими сторонами, пользовались традиционной безопасностью купцов, характерной для всего средневековья. Этими купцами стали евреи, платившие пошлины за свободный проход через все страны, лежавшие на их путях, и поэтому охраняемые властями, заинтересованными в постоянных доходах.

Так антисистема вспыхнула и сгорела, оставив после себя пепелище, в которое влились иноземцы, как в опустелую экологическую нишу. Для истории Срединной Азии наступил двухсотлетний период упадка, который можно фигурально назвать — «Темным веком».

ПОСЛЕДНИЕ ХУННЫ

После гибели Уйгурского ханства судьба восточных степняков была предрешена. Эпоха каганатов, обеспечивавших не только политическую независимость, но и право на жизнь, окончилась. Темный век принес в восточные кочевья беззащитность и гибель. Правда, оставалась еще последняя надежда на империю Тан, симпатизировавшую степнякам, но это была иллюзия.

После подавления восстания Ань Лушаня тибетцами и уйгурами идея империи Тан была потеряна. Она превратилась в банальное китайское царство, хотя и сохранила свои «западнические» симпатии: буддизм и наемную армию, комплектуемую из кочевников. «Запад» — понятие относительное. Например, для арабского мира «Магриб» — это страны Атласа, но отнюдь не Германия или Россия. Для средневекового Китая «Запад» начинался уже в Дуньхуане и включал в себя

Индию, Иран, Джунгарию и даже Саяны. Для китайцев династия Тан была «западнической» и потому чуждой. У ее основания стояла фамилия Ли, которая была смешанного происхождения и по своим традициям больше походила на пограничных табгачей, нежели на природных жителей Срединной равнины. Моды, вкусы, развлечения, нравы, философемы при дворе были иноземные, а в народе — свои. Окружение же императоров и вельмож было китайским, так как гаремы пополняли крайне патриотичные китайки, продвигавшие на доходные должности своих ученых родственников. Те брали взятки и ненавидели правителей, считая их варварами, а соседние кочевники видели в империи Тан — китайцев, которых терпеть не могли. И никакие культурные влияния Индии и Ирана тут не могли помочь.

Китайские шовинисты, главным образом — ученые, ненавидели все иноземное: буддизм, индийские пляски полунагих девиц, доблесть кочевых тюрок и киданей, торговлю с заграницей, куда по демпинговым ценам утекал шелк, а взамен приходили соблазнительные учения: несторианство и манихейство, как раньше пришел буддизм. Все это они считали наследием империи Тан и ненавидели искренне и последовательно. Но избавиться от чуждых наслоений было нелегко.

Инициативу борьбы против «западничества» и даосизма проявил профессор государственного университета (Тай-сюе) в Чаьэни — Хань Юй. В противовес индийским и хотанским философским школам он провозгласил «путь к древности», выдвинув общественно-политическую программу: «Запретить эти учения! Расстричь монахов! Храмы и монастыри обратить в обыкновенные жилища!» Книги же Хань Юй предлагал сжечь, как и картины. Академик Н. И. Конрад¹⁹ называет эту программу гуманизмом. Не будем спорить. Отметим лишь, что при жизни Хань Юя его идеи успеха не имели. Он был... «только профессор», т. е. не имел власти и возможности управлять.

Табгачские ханы, ставшие «Сынами Неба», и их соплеменники не стремились к казням индусов, тибетцев и тюрок только за то, что они не имели времени и желания изучать конфуцианскую литературу и этику. Но ветер времени дул в сторону Хань Юя. В Китае начало расти шовинистическое направление, встречающее, однако, сопротивление среди соседних народов.

Культура часто переживает этнос. Большая часть героев, сражавшихся за империю Тан, к концу VIII в. погибла: одни — в боях с повстанцами, другие — на плахе, оклеветанные хитрыми китайцами. Но моды, вкусы и симпатии погибших сохранились как традиция, противоречившая национальной исключительности и доброжелательная к мировой культуре, представленной в Китае в то время индусами, хотанцами и северными варварами — кочевниками. Это приманивало

последних в Китай, ибо Уйгурия стала манихейской, а Тибет — буддийской. В Китае же при династии Тан существовала терпимость, что и обнаджило потомков последних хуннов — тюрк-шато.

Тюрки-шато были ветвью «малосильных» среднеазиатских хуннов, предки которых не ушли в Европу, а застряли у озера Баркуль в Джунгарии. В 808 г. они восстали против тибетцев, отвергли покровительство уйгуров, покинули обжитую землю, и 30 тысяч кибиток потянулось в Китай. Как стареющий лосось в реке или угорь в океане, этнос потянулся к месту своего рождения — туда, где шаньюй Модэ в 209 г. до н. э. создал «державу на коне» и установил «господство над народами».

Тибетцы гнались за ними до китайской границы; каждый день шел бой. Спаслись только 2 тысячи человек, из которых танские императоры создали пограничный корпус.

Тем временем в самом Китае росли националистические идеи, к 870 г. — овладели массами, и в 874 г. грянул гром. Началось восстание Хуан Чао — китайского Пугачева.

Восстание было направлено против династии Тан и иноземцев, которых Тан впустила в Китай. Этим пощады не было. В 879 г. повстанцы взяли Кантон и вырезали там всех арабских и еврейских купцов, в 880 г. та же судьба постигла Чанъань. Только Ли Кэ-юн, тюрк-шато, прозванный «одноглазым драконом», при поддержке тангутского вождя Тоба Сыгуна нанес поражение повстанцам. Но империя Тан все-таки пала. В 907 г. китаец Чжу Вэнь — трижды предатель, ибо он перешел к Хуан Чао, вернулся к Тан, наконец, низложил последнего танского императора; захватил власть и основал династию Хоу-лянь.

Тюрки-шато любили династию Тан, китайцы ее ненавидели. Поэтому в 923 г. эти последние хунны низвергли узурпатора и восстановили империю Тан (Хоу-Тан). Но тут в игру вступили последние сяньбийцы — кидани. И повторилась коллизия IV–V вв. Шато, как и в древности хунны, проиграли войну потомкам сяньбийцев. Последнее хуннское царство в Шэньси носило уже китайское название «Северная Хань». Теснимые с севера пустыней Гоби, а с юга — многочисленными китайскими войсками империи Сун, предаваемые собственными подданными китайского происхождения, хунны уже не могли спастись. В 979 г. Северная Хань находилась в союзе с киданьской империей Ляо и надеялась на ее помощь. Но союзники предали хуннов, разбитые суннскими войсками, и император Бэй-Хань сдался, по-видимому, без боя²⁰. Последнее хуннское царство пало, а последние хунны могли уцелеть только в рассеянии, как осколки, имя которых через 200 лет было забыто²¹. Их стали называть «белые татары»; это название нарицательное, а не этноним²².

На этом кончился виток этногенеза, который мы назвали «хуннским», потому что все другие этносы, порожденные или сформированные хуннами, прожили меньше.

Надо заметить, что хунны пережили одновозрастные им этносы не случайно: характерная для них этнографическая черта — неизменная взаимовыручка, порожденная привычкой к коллективному опыту, помогла преодолеть такие трудности, какие становились катастрофой для этносов, члены которых были друг для друга в меньшей, чем хунны, степени товарищами и в большей соплеменниками, соседями. Таким образом, исторический период хуннского этногенеза продолжался 1188 лет (209 г. до н. э. — 979 г. н.э.), но к этому числу надо прибавить инкубационный период — около 150 лет — и время существования, которое метафорически назовем «посмертным», ибо конец этноса не означает физической гибели его членов, а только распад системы, забвение традиции и возможность для уцелевших особей войти в состав других этносистем.

Природа изменчива. Она заполняет опустевшие экологические ниши, погрывает исторические эпохи сыпучими песками и глубоким забвением прошлого. Великие в прошлом города, превратившиеся в «телли», на которых гнездятся жалкие деревушки, обитаемые темными крестьянами, — явление не менее распространенное, чем так называемые «погребенные почвы». Но такой сон, похожий на смерть, не длится нигде вечно. И природа, и народы рано или поздно оживают, причем последние — только под действием некоего «катастрофического» природного события, результат которого мы называем пассионарным толчком. Но его не было ни в X, ни в XI в., и в Степи продолжалось «темное столетие».

ПОСЛЕДНИЕ СЯНЬБИЙЦЫ

Вслед за последними хуннами должны были исчезнуть и последние сяньбийцы — кидани²¹. Появившись после хуннов, они и закончили свой путь в этногенетическом времени — позже. Но это наследство было для киданей невыносимым бременем, ибо им предстояла мучительная двухсотлетняя гибель, а не легкая смерть в бою.

Кидани с IV в. жили в Западной Маньчжурии и по берегам реки Ляо-хэ. Это был полукочевой народ, воспринявший пассионарность от соседних сяньбийцев. Восемь родственных племен составляли союз, управляемый своими вождями, по три года каждый. Кидань подчинялась тюркам, потом уйгурам. В 907 г. один из старейшин, Елюй, Амбагань не переизбрался, а отрубил головы прочим семи вождям.

Он объявил себя «небесным императором», а жену — «земной императрицей», подчинил себе всю Маньчжурию, восточную часть современной Монголии и отторг от Китая Хэбэй.

Китай в X в. переживал очередной период развала, свойственного для акматической фазы этногенеза (эпоха Пяти династий — 907—960 гг.) и не мог оказать сопротивления даже этому небольшому этносу. Но кидани были народом древним. Они достигли мудрой и крепкой старости, фазы гомеостаза, и не могли оказать сопротивление главному оружию «Поднебесной» — китайской культуре.

Они не были подлинными кочевниками и, подобно табгачам, восприняли слишком много элементов китайской культуры, в том числе иероглифическую письменность, тогда как все прочие центральноазиатские народы использовали алфавит.

В 947 г. киданьские цари наименовали свою династию Ляо, тем самым окончательно причислив ее к китайскому культурному миру. Полу-кочевое ханство превратилось в химерную империю. Повторилась коллизия табгачей: кидани сделали врагами степных кочевников и охотников лесных массивов Маньчжурии, не сумев слиться с китайцами.

В 960 г. Китай был снова объединен династией Сун. Программой этой династии было восстановление древних традиций, фактически забытых, изгнание всего иноземного из культуры и осуждение династии Тан, позволявшей иноземцам помогать себе. Последствия этой программы сказались тут же.

Кидани перешли к активным действиям и заняли северо-восточный угол Китая; подлинными китайцы удержались только на юге от Хуанхэ. А в 982 г. тибетский народ миняги, потомки древних жунов, ди и кянов (цян), которых мы называем их монгольским названием — тангуты, восстали против сунской оккупации и к 990 г. создали в Ордосе свое государство — «Западное Ся», отрицавшее все китайское. Тангуты сами считали свое царство наследником полуинородческих китаизированных династий Тоба-Вэй и Тан. Они отстаивали право не китайцев жить на землях, некогда захваченных Китаем, сохранять свои племенные традиции и управляться вождями из своей среды, а не китайскими чиновниками. И они отстаивали свою независимость, отбросив китайцев на юг от линии Великой стены²⁴.

Можно было бы предположить, что снижение уровня пассионарности у степняков, самоустранение кыргызов, вернувшихся после победы над уйгурами в Сибирь, и уход китайцев за Великую стену дадут пострадавшим кочевникам вождельный покой. Но в этнических контактах важны не абсолютные величины пассионарного напряжения, а соотносительные... и кровь течет на перепадах.

Тангутское и киданское государства, отделив Китай от степных народов, несли в себе ту же ущербность, что и их прототипы: империи Тоба-Вэй (Бэй-Вэй) и Тан. Для китайцев они были варварами, для степных кочевников — ренегатами, передавшимися китайцам. И тут роль индикатора сыграл буддизм, гонимый в сунском Китае. Еще в 845 г. в Китае была произведена секуляризация буддийских монастырей, сожжены манихейские книги и изображения и объявлено вне закона христианство²⁵. Начались гонения на буддистов, манихеев и несториан. На них китайцы вымещали горечь поражений. Но гонимые нашли приют среди инородческого населения на северной окраине Китая. Буддизм был принят в Тангутах и Кидани как «некитайская религия», еще раньше уйгурские вельможи приняли манихейство, а простодушные степняки басмалы, онгуты и кераиты приняли крещение от несторианских священников, изгнанных из Китая в то время, когда буддистов там еще терпели. Поскольку в ту эпоху религия была идеологическим знаменем, новообращенные кочевники стали принципиальными врагами тангутов, которым пришлось сражаться на два фронта, причем так, что «кровь текла, как журчащий поток»²⁶.

Как взболтанное масло и вода расслаиваются по своему удельному весу, так расслоилась империя Тан, и Восточная Азия оказалась разделенной на китайскую (Сун), степную и лесную дальневосточную части, резко противостоявшие друг другу.

Судьбы их были различны. Китай медленно остывал, а Кидань, превратившись в монголо-китайскую химеру, пала в 1125 г. под ударом чжурчжэней (маньчжуров) — лесного племени, не затронутого цивилизацией.

Культурные кидани, усвоившие китайскую цивилизацию, подчинились победителям. А остальные, то есть необразованные, но не утратившие степной доблести, отступили с боями в Семиречье и там столкнулись с сельджуками, с самим великим султаном Санджаром! Между 1137 и 1141 гг. шли упорные сражения между киданьским гурханом Елюем Даши и Санджаром. Гурхана поддерживали «отсталые» степняки. Султана — лучшие воины из Хорасана, Седжестана, Гура, Газни и Мазендерана — еще не растроченные силы мира ислама, а всего 100 тысяч воинов. Гурхан победил! Султан бежал, покинув семью и 30 тысяч храбрых соратников, убитых в честном бою, но кидани проявили удивительную умеренность: обложили города Средней Азии небольшой данью и стали пасти скот в Семиречье и Джунгарии.

Так дала о себе знать последняя вспышка сяньбийской пассионарности. С появлением чжурчжэней на Дальнем Востоке началась новая эпоха, но об этом следует сказать особо, в свое время и не опережать пока события.

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

Теперь, когда мы проследили до конца, как в пламени разгорающейся китайской и остывающей хунно-сяньбийской пассионарности рухнула не только сама империя Тан, но и ее идея — стремление соединить китайское и степное начала в единой этносоциальной системе, естественно задаться вопросом, а возможно ли это в принципе?

События XI—X вв., когда Китай вытошнило «Западом», имеют очевидную этническую подоплеку. В эпоху, когда этническая сущность человека определялась его принадлежностью к конфессиональной общине, понятия «национальная дискриминация» и «религиозные гонения» совпадали. Китайцы боролись не с иноземными религиями, а с инородцами, жившими в пределах и за пределами Китая. Поэтому китайская идеология не перешагнула через Великую стену. Неприятие китайской культуры характерно для всех народов Центральной Азии.

Хунны и тюрки имели свою собственную идеологическую систему, которую они отчетливо противопоставляли китайской. А после падения Второго каганата, когда в Азии наступила эпоха смены веры, кочевники заимствовали культуру и мировоззрения с запада, а вовсе не из Китая. Из Ирана уйгуры позаимствовали манихейство, из Сирии кочевники приняли несторианство, из Аравии — ислам, из Тибета — теистический буддизм. Правда, буддизм был воспринят позже, но принцип заимствования оставался прежним — «антикитайским». Из Китая заимствовался только шелк, а помимо него — печенье и в некоторых случаях фарфоровая посуда. Китайцы Срединной равнины и кочевники Великой степи столь различались между собой, что не перенимали культуры друг друга. Кидани были исключением. Это и привело их к гибели как этнос.

Секрет хода событий, влекущих за собой утяжеляющие последствия, заключался, пожалуй, не в экономике и политике, а в феномене этнографии, воздействовавшем на поведение людей. Китайцы и кочевники настолько различались по стереотипу поведения, что не хотели, не могли и не искали даже поводов наладить контакт, считая контакты вообще лишены смысла. Тут были важны некоторые подробности быта.

Прежде всего, китайцы не употребляли молочных продуктов, основной пищи кочевников, и взаимопонимание отсутствовало из-за презрения к такой пище одних и непонимания и раздражения по поводу такого неприятия у других.

Для китайца все жены отца — его матери, сколько бы их ни было. Для хунна, например, или тюрка, мать только одна, а наложни-

цы отца – подружки, а вдова старшего брата становится законной его женой, которую он обязан содержать, причем чувства роли не играли.

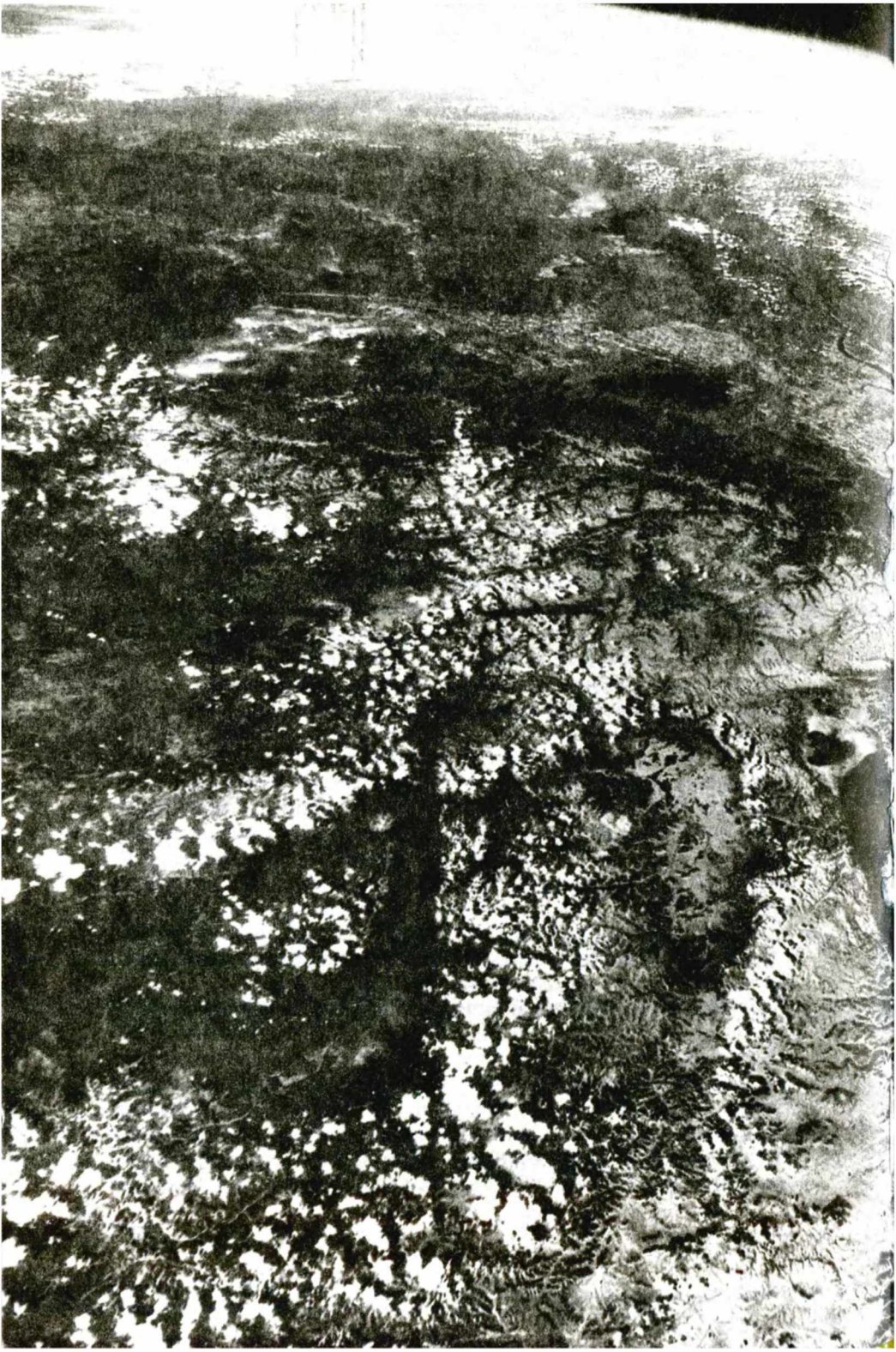
Женщина в Китае в те века не работала, она рожала и нянчила детей, и никаких прав не имела. В Великой степи женщина выполняла все домашние работы и была владелицей дома; мужу принадлежало только оружие, ибо ему полагалось умереть на войне. В армиях Китая обязательно полагался штат доносчиков, а тюрки, находившиеся на китайской службе, этого не терпели и раскрытых доносчиков убивали. Представители двух великих суперэтносов никак не могли ужиться рядом.

«Опыт истории показал, что с китайцами лучше жить в мире и порознь». Но это достижимо только тогда, когда первоначальный импульс, преобразующий население «Срединной равнины» в новую этническую систему, теряет инерцию. Но пока эта инерция есть, было необходимо защищаться до последней стрелы. И не потому, что китайцы – дурные люди, или был плох китайский феодализм, или в Китае правили жестокие деспоты, а потому, что для того, чтобы ужиться с китайцами, надо самому стать китайцем. Это значит, что надо забыть все традиции, полученные от предков, все навыки культуры и быта, все нормы этики и идеалы красоты, а вместо них воспринять те, которые, сложившись в Китае за тысячелетия, сильны потому, что неосознанно считаются единственно правильными. Это и есть этнопсихология.

Далеко не каждый способен на такую внутреннюю ломку, даже если он на нее согласен. А тогда ему не выжить, даже если его не убьют. Будучи чужим, он не найдет защиты в суде, не продвинется по службе, не сможет завести семью и воспитать детей. В лучшем случае реликтовые этносы, вроде мяо, лоло и т. п., живут в своих деревнях под защитой тропических джунглей, но и их число уменьшается на глазах историка.

Но как только инерция этногенетического взрыва иссякает, китайцы превращаются в милых, трудолюбивых и честных людей. Таки ми и застали их первые синологи в XVIII веке.

Теперь, имея историческую перспективу, мы можем сделать вывод, и даже не один, а два. Во-первых, пресловутое миролюбие китайцев мнимо. Оно было вынуждено тяжелыми поражениями и иноземным владычеством, а отнюдь не национальным психологическим складом. Как только Китай набирал силу – он начинал расширяться по всем направлениям. Конечно, и в Китае с глубокой древности имелись противники завоевательных войн, но правящие круги с ними не считались, и война с варварами, т. е. всеми соседями, была три

Озеро Байкал.
Река Ангара прорезает
Сибирское нагорье
по направлению
к северу. В центре —
монгольское озеро
Хубсугол. Саянские
хребты под снегом.
Виден край земли.
За линией горизонта —
Вселенная.

тысячи лет лейтмотивом китайской внешней политики. Во-вторых, нет никаких оснований считать тюрков, монголов и маньчжуро-тунгусов народами, близкими Китаю. Культура, быт, языки и происхождение их были совершенно иными, а историческая закономерность сделала кочевников и китайцев врагами. Никак нельзя считать случайностью то, что по линии Великой китайской стены 2000 лет шла почти не прекращающаяся война, в которой хунны, тюрки, а затем монголы отстаивали свои родные степи от гораздо более многочисленного, хитрого, жестокого и прекрасно вооруженного противника. Не случайно и то, что даже метисация тюрко-монголов с китайцами на линии Великой китайской стены не дала положительных результатов. Слишком различны были эти народы для того, чтобы слиться воедино любым способом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 16.
- ² См.: Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. С. 117.
- ³ В степи в то время наряду с этнонимами применялись метафорические численные названия, как синонимы этнических. Например, тогуз-огузы — «девять племен» — уйгуры; уч-огузы — «три племени» — карлуки; огуз-огузы — «тридцать племен» — басмалы; и т. п. И только кидани имели числовое название найман «восемь» — монгольское, а не тюркское. С точки зрения этнологии, огуз — конвексия.
- ⁴ См.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 411—420.
- ⁵ Там же. С. 386—387.
- ⁶ Первым исследователем уйгуров был Д. Позднеев (Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899), последним — А. Г. Малявкин (Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв.) См.: История и культура востока Азии. Т. II. Новосибирск, Сиб. отд. АН СССР, 1974. Библиография по уйгурам и кыргызам столь огромна, что приведение ее здесь нецелесообразно.
- ⁷ См.: Малявкин А. Г. Уйгуры и Китай в 840—848 гг. Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века Т. III. Новосибирск, 1975. С. 65—82.
- ⁸ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. П., 1926. С. 347.
- ⁹ См.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 378.
- ¹⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. Л.; М., 1950. С. 301.
- ¹¹ См.: Малявкин А. Г. Китай и уйгуры в 840—848 гг. С. 8; Он же. Материалы... С. 92.
- ¹² См.: Гумилев Л. Н., Кузнецов В. И. Бон: древняя тибетская религия//Доклады Географ. общ-ва. Вып. 15. Л., 1970 С. 72—90.
- ¹³ Прекрасный обзор гностицистических систем см.: Николаев Ю. В поисках за божеством: Очерки из истории гностицизма. СПб., 1913.
- ¹⁴ Васильев В. П. Китайские надписи в Орхонских памятниках в Кошоцай-даме и Карабалгасуне //Сб. трудов Орхонской экспедиции. Т. III. СПб., 1897. С. 13.
- ¹⁵ Там же. С. 23.
- ¹⁶ Там же. С. 13.

VI. В ареале остывающей пассионарности

- ¹⁷ Подробнее см.: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. С. 381—387, 425—434.
- ¹⁸ См.: *Васильев В. П.* Указ. соч. С. 24.
- ¹⁹ *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М., 1966. С. 119 и сл.
- ²⁰ См.: *Е Лун-ли.* История государства киданей. М., 1979. С. 117.
- ²¹ См.: *Мэн-да Бэй лу* /Пер. Н. Ц. Мункуева. М., 1975. С. 93. Прим. 8.
- ²² Там же. Прим. 10; литература о них см.: Там же. С. 92. Прим. 4.
- ²³ См.: *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 63.
- ²⁴ Там же. С. 89.
- ²⁵ Там же. С. 49.
- ²⁶ *Кычанов Е. И.* Звучат лишь письменна. М., 1965. С. 52.

VII. На излете

ФАЗА И СОСТОЯНИЕ

Как уже было показано, этногенез – процесс, закономерно проходящий несколько фаз. Но если этнос при всех испытаниях не распался, то он продолжает существовать как этноценоз, верхняя ступень геобиоценоза, не развиваясь, а лишь взаимодействуя с соседними этносами. Различие такого этноса с этносами, проходящими пассионарный толчок и спад, чисто количественное: вместо одного грандиозного толчка, созидающего колебания акматической фазы и надлома, идут мелкие волнообразные повышения и снижения пассионарного напряжения системы. Эти колебания не меняют стереотипа поведения, не ломают структуры, а культура, если она и меняется под влиянием соседей, то не влияет на устойчивые формы, отработанные веками и соподчиненные жесткой обратной связи этноса с вмещающим ландшафтом.

Говоря проще, гомеостаз – торжество посредственности, выбрасывающей из системы и гениев, и преступников. Поэтому прогресс культуры и мысли, как и регресс норм этики в нем, невозможен. Гомеостатическая система имеет начало – затухание первичного пассионарного толчка, но не имеет естественного конца. Она осуждена на бессмертие. Зато она легко может быть убита соседями, обладающими повышенной пассионарностью при наличии этнокультурной доминанты – цели. Но она успешно сопротивляется не организованным в систему пассионарным популяциям и наносит сокрушительные удары субпассионарным системам, ибо нулевой уровень выше

отрицательного. В этом состоянии были индейцы Северной Америки, патаны Гиндукуша, алтайцы, эвенки и многие другие.

Ни в коем случае не следует считать людей гомеостатических популяций неполноценными, отсталыми или «дикими». Вспомним, что подавляющая масса персон в развивающихся этносах — такие же обыватели, как и в племенах горцев, лесовиков и степняков. Различие идет не на организмическом, а на популяционном уровне: одни системы обладают талантами, героями, мудрецами, а также подонками, лентяями, преступниками, а другие выбрасывают из своей среды тех и других, мешающих им жить.

В обоих типах систем посредственности сходны между собой, и тут и там поведенческий императив — консервация стереотипов, но не навязывание своего — соседу. Эта позиция ведет к этническому симбиозу и сохранению многих этносов, которые, в противном случае, были бы или обращены миссионерами, или ограблены и перебиты флибустьерами. В том и другом случае их бы не осталось.

Разумеется, в гомеостатичных этносах сокращается патриотизм — жертвенная любовь к традициям далекого прошлого, но его заменяет «натализм» — любовь к родной природе. Широко известна история половецкого хана Атрака, ушедшего в Грузию со своей ордой и прожившего там. Когда соплеменники захотели вернуть его домой, никакие уговоры не помогали. Тогда один из послов дал ему понюхать пучок сухого ковыля. Хан немедленно поднял орду и вернулся в донскую степь. Отсюда вытекает вывод: сила воображения и абстрактной мысли обратно пропорциональна силе ощущения и условного рефлекс. А что оценивать выше или ниже — вопрос праздный, потому что природа не базар, а значит, природные явления (феномены) подлежат описанию, а не оценке.

Конечно, гомеостатичные этносы так же непохожи друг на друга, как и этносы, складывающиеся в этногенных процессах. Сиу не похожи на ирокезов и алгонкинов, патаны на гималайских гурков, печенеги (канглы) на торков (гузов), а те и другие — на половцев (куманов), но главное, что надо помнить: ни те, ни другие не примитивная, а финальная стадия этногенезов, происходивших в разных местах и в разное время. Этносы, изучаемые нами, не дети, а старички, у каждого из которых есть своя история, даже если она ими забыта.

ПЕРСИСТЕНТЫ

Утрата этносом пассионарности — процесс необратимый, но постепенный. Не все дети героев одновременно превращаются в каприз-

ных мальчишек и тупых эгоистов, не умеющих отличить приятное от необходимого.

На юго-восток ушли те уйгуры, которые предпочитали отступление сопротивлению, не соображая, что отступить некуда, ибо танский Китай степнякам не друг. Но были и «отсталые» уйгуры, еще не утратившие пассионарности дедов. Они пошли на юго-запад, где натиск тибетцев окончился, а китайский не возобновился. Они отделились от своих разложившихся соратников и перебрались в Ганьсу. В то же время джунгарские племена, члены уйгурской конфедерации, но не уйгуры, захватили Турфанский оазис и разбили тибетцев в 861 г.

Земли, освобожденные уйгурами от тибетских захватчиков, считались принадлежащими империи Тан, но китайцы не имели сил для возвращения их. Они были заняты делами внутренними – смирением постоянно возникавших возмущений: то крестьянских, то военных. Не имея возможности одерживать победы над внешними врагами, китайцы постарались создать врагов внутренних, расправиться с которыми было легко. Благодаря этому «отсталые» уйгуры укрепились в прекрасном оазисе Ганьчжоу и создали самостоятельное государство в Принаньшанье, присоединив к нему Дуньхуан и Хами. А джунгарские уйгуры овладели Карашаром, Кучой и окрестностями Лобнора. Так создались два уйгурских княжества, жизнеспособных, богатых и весьма непохожих на степное ханство, породившее и воспитавшее их предков¹.

Военные успехи 851–861 гг. избавили уйгуров от южной, тибетской угрозы, но война с северными кыргызами продолжалась до начала X в. И, как ни странно, кыргызы терпели неудачи. Западная Гоби стала непроходимым барьером их экспансии, хотя до этого они торжествовали на востоке до самой Маньчжурии.

Тут невольно напрашивается аналогия с Византией XIII в. Крестоносцы с потрясающей легкостью взяли и разграбили богатый, многолюдный Константинополь, население которого позволяло себя грабить и убивать. Но маленькая Никея и бесплодный гористый Эпир побеждали лучшие войска французских и итальянских рыцарей, пока не вернули себе столицу и захваченные врагами области.

А в то время, когда этносы южной окраины Великой степи сгорали в пламени этносоциальных контактов, обитатели северной окраины жили относительно спокойно. В Горном Алтае, как в природной крепости, уцелели остатки древних тюркютов – телесы и их соперников телеутов – теленгиты. В Минусинской котловине до XIII в. сохраняли независимость кыргызы, а в Прибайкалье – курыканы, известные под названием «курумчинские кузнецы», так как у них было наиболее развито изготовление железного оружия. В VIII в. курыканы

владели западным Забайкальем², но к XI в. были вытеснены оттуда предками западных бурят: эхиритами и булагатами.

Война между монголоязычными древними бурятами и тюркоязычными предками якутов не нашла отражения в письменной истории, но якутские былины — «олонхо» сообщают, что праотцы якутов Омогой и Эллой под давлением врагов погрузили свое имущество на плоты и спустились по течению Лены³.

В пойме этой великой реки и ее притоков есть много лугов, а в прилегающей тайге встречаются широкие поляны — аласы. Здесь бежавшие курыканы нашли пастбища для своих коней и рогатого скота. Поскольку соседние эвенки были таежные оленеводы, войны из-за территории между пришельцами и аборигенами не возникло. Вскоре якуты достигли Лены, Индигирки и даже Хатанги (на Таймыре), но свою родину они покинули навсегда.

Курыканы были многочисленнее, богаче своих врагов и отнюдь не трусы. Но личные достоинства людей не восполнят уровня пассионарного напряжения этносов, которое в гомеостазе равно нулю. Уйгуры и якуты — восточные осколки хуннского суперэтноса — дожили до наших дней, ибо, сменив степной ландшафт, нашли эквивалентные экологические ниши — одни в оазисах Принаньшанья и Джунгарии, другие в аласах Лены. Смена ландшафта неизбежно привела к смене стереотипа, но позволила еще долго существовать забывшим историю потомкам. Совсем по-другому сложилась судьба западных степняков: гузов, печенегов, половцев и кимаков.

ПОЗАБЫТЫЙ ЭТНОС

Странный это был этнос — кимаки. Существовало их государство более трех веков: с IX по XI, занимало огромную территорию: от верхней Оби до нижней Волги и от низовий Сырдарьи до сибирской тайги⁴, — но ни предки, ни потомки их не известны. Первые сведения о них встречаются у ибн Хордадбега, начальника почты при халифе Мутамиде (870—892) в «Книге путей и государств» — административно-географическом справочнике, составленном для нужд его службы. Содержащиеся в нем данные датируются VIII в.⁵ Так, но где же были кимаки раньше?

Еще более неясно исчезновение этого большого государства вместе с населявшим его народом. Предполагается, что кимакское государство было погублено миграциями центральноазиатских кочевников, подвигнутых на это толчками с Дальнего Востока⁶. Сомнительно, но поставим другой вопрос: куда же девался сам народ, живший на

рубеже алтайской горной тайги и широкой степи? Ведь туда не попадали центральноазиатские кочевники! И почему нет среди казахов ни одного рода, считающего кимаков своими предками? И почему инициатива этих миграций приписана киданям, будто бы проникавшим в 1017–1018 гг. в Джунгарию, но отраженных Туган-ханом Караханидом⁷. На самом деле это были отнюдь не кидани, а «турки Китая»⁸, как персы называли восточных кочевников.

Кидани в эти годы воевали в Корее, а на западе было тихо⁹. Сlišком много «почему». Но при традиционной методике так и должно быть.

Источники X–XI вв. были написаны не для ученых XX в., а для своих современников. Те же имели запас сведений о степных этносах по объему не меньше нашего, но не такой. Многие нам неизвестное было для них обыденным, т. е. ясным без описания, но нам-то оно неизвестно. Поэтому для нас сведения источников неполны, а из-за этого часто непонятны. Зато нам известна история государства киданей или империи Ляо, а они о ней не имели представления, как и об истории народов Сибири, открытой нам работами археологов¹⁰.

Поэтому ограничение себя арабско-персидской географией неизбежно низведет уровень знания предмета не просто до XI в., а еще ниже, ибо наше восприятие источников менее совершенно, нежели тысячу лет назад.

Но если подойти к проблеме, вооружившись всеми достижениями исторических наук, — т. е. широко, есть возможность получить ответы на вопросы интересующие нас, но не занимавшие средневековых арабов и персов. Из их текстов легко получить только голый фактический материал, который пополнит данные киданьской истории¹¹ и археологии Сибири¹², уже изданные и введенные в научный оборот. И этого будет достаточно, чтобы ответить на вопросы: откуда взялись кимаки, когда и почему они исчезли, что от них осталось и, наконец, какое касательство имела их история к интересующим нас этносам Великой степи. Но для получения толковых ответов надо подумать¹³.

Сначала отметим то, что доподлинно известно и бесспорно. К западу от горных хребтов, отделяющих внутреннюю Азию от внешней, со II до VIII в. жили потомки «малосильных хуннов», уклонившихся от перехода в Европу. В VI–VIII вв. они назывались «чуйские племена», часть коих — тюрки-шато, т. е. «пустынные», в 808 г. пробилась в китайские владения и там поддерживали династию Тан до ее падения. Оставшиеся — племя чумугунь — обитали западнее Тарбагатай и Алтая, сохранив самостоятельность. Гардизи в этом районе локализует кимаков¹⁴.

Китайским географам название «кимаки» было неизвестно, так же, как названия «чумугунь» не знали арабо-персидские географы. Поскольку в этих районах в IX–XI вв. переселений не зафиксировано, то можно думать, что те и другие имели в виду одно и то же племя¹⁵. Но происхождение правящего племени в китайских текстах не отражено. Оно отмечено в персидской географии XI века.

Территория кимацкого государства была населена не только самими кимаками, но и угро-самодийцами, динлинами и, возможно, реликтами древних саков¹⁶.

После распада Западного Тюркского каганата и ухода части чуйских племен на восток в 808 г. этносы Восточного Казахстана и Западной Сибири были предоставлены сами себе до тех пор, пока там не сложилась новая держава. И тут предоставим слово Гардизи, автору, не имеющему в этой проблеме серьезных соперников¹⁷.

НАЧАЛОСЬ С ТРАГЕДИИ

К источникам надо подходить со вниманием. Персидский историк XI в. Абу Сайд Абдал-Хайя ибн Зохаг Гардизи включил в свой труд «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий»), составленный в 1049–1058 гг., легендарное сведение о генеалогии кимаков. Приводим текст в переводе В. В. Бартольда¹⁸ с нашим комментарием: «... начальник татар¹⁹ и оставил двух сыновей; старший брат овладел царством, младший стал завидовать брату; имя младшего было Шад²⁰. Он сделал покушение на жизнь старшего брата, но неудачно; боясь за себя, он взял с собой рабыню-любовницу, убежал от брата и прибыл в такое место, где была большая река, много деревьев и обилие дичи; там он поставил шатер и расположился. Каждый день этот человек и рабыня выходили на охоту, питались мясом и делали себе одежду из меха соболей, белок и горностаев²¹. После этого к ним пришло 7 человек из родственников татар... (приведены имена²². — Л. Г.). Эти люди пасли табуны своих господ; в тех местах, где прежде были табуны, не осталось пастбищ, ища травы²³, они пришли в ту сторону, где находился Шад²⁴. Увидев их, рабыня вышла и сказала: «Иртыш», т. е. «остановитесь»²⁵. Отсюда река получила название Иртыш²⁶. Узнав ту рабыню, все остановились и разбили шатры. Шад, вернувшись, принес с собой большую добычу с охоты и угостил их; они остались там до зимы. Когда выпал снег, они не могли вернуться назад; травы там было много, и всю зиму они провели там. Когда земля разукрасилась и снег растаял, они послали одного человека в татарский лагерь²⁷, чтобы он принес известие о том племени. Тот, когда пришел туда, увидел, что вся местность

опустошена и лишена населения: пришел враг, ограбил и перебил весь народ²⁸. Остатки племени спустились к этому человеку с гор²⁹, он рассказал своим друзьям о положении Шада; все они отправились к Иртышу. Прибыв туда, все приветствовали Шада как своего начальника и стали оказывать ему почет. Другие люди, услышав эту весть, тоже стали приходить (сюда); собралось 700 человек. Долгое время³⁰ они оставались на службе у Шада; потом, когда они размножились, рассеялись по горам и образовали семь племен, по имени названных семи человек».

ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ

Несмотря на аморфность и даже путаницу приведенного текста, из него можно извлечь крайне ценное указание на переход небольшой группы дальневосточных пассионариев в богатую страну, населенную этническими осколками Западного Тюркского каганата с добавкой реликтовых угро-самодийских племен³¹. Возникшее в X в. государство кимаков было защищено от внешних врагов самой природой. На севере — монотонная сибирская тайга, с крайне редким населением; на востоке — высокие горы Алтая; на юге — пустыня Бет-Пак-дала, в засушливую эпоху в X в. отгородившая кимаков от воинственных государств Средней Азии; на западе — суглинистая равнина от Урала и Эмбы, еще более труднопроходимая, нежели песчаная пустыня, ибо в последней все-таки можно выкопать колодец и добраться до грунтовых вод, а через глину пробиться трудно.

Поэтому кимаки жили спокойно, подвергаясь лишь естественной энтропии, но и ее оказалось достаточно, чтобы вызвать развал этноса: в конце X в. от массы кимаков отделились кыпчаки³². Они двинулись на запад, в роскошные степи Причерноморья, где стали известны под именем куманов и русским названием — половцев³³. Последующая история их описана в связи с историей Руси, Византии, Грузии, Венгрии и нам пока не нужна.

Между Хазарией VIII в., т. е. тюркского периода, и державой кимаков X в. наблюдается определенный параллелизм. В Хазарии правила тюркская династия Ашина, опиравшаяся на племенную знать. У кимаков — хакан из татар и 11 наследственных управителей уделов³⁴, причем — все были пришельцы, кроме, может быть, кыпчаков.

Первобытная религия их — почитание Тенгри, Голубого Неба, — общая для всей степной Евразии, а вера в духов — для всего средневекового человечества. Внедрение чужеземных культов проходило сходно: в Хазарии — иудаизм, у кимаков — манихейство. Но манихеи, в от-

личие от иудеев, скромно держались на северной окраине кимакской земли, в лесах и чащах, и на захват власти не покушались³⁵. В XI в. среди тюрков появились христиане несторианского исповедания. «Они прибыли из земли Китай, боясь китайского хана»³⁶, т. е. после запрещения всех религий императором Чэн-цзуном из династии Сун. Именно тогда христиане эмигрировали, манихеи выдали себя за буддистов, а буддисты доказали атеистичность своего учения, не наглав, ибо чан-буддизм — учение о созерцании — действительно исключает теизм.

Земля кимаков была очень богата мехами, скотом и храбрыми воинами, но в XII в. их державы не стало, хотя бурные события и миграции прошли мимо нее — гораздо южнее³⁷. История не может решить эту задачу и должна передать эстафету этнологии.

Вспомним, что и правящая верхушка выходцев с Дальнего Востока, равно как и масса аборигенов, потомков «малосильных» хуннов, имела уже солидный возраст. Их подъем начался в III в. до н. э., а к XI в. для них наступила фаза обскурации. Это означало, что в племенах, составлявших государство кимаков, рос процент субпассионариев. Исключение составляли кыпчаки, уже успевшие пережить этот тяжелый возраст и вошедшие в гомеостаз, т. е. равновесие со средой, природной и этнической.

В гомеостазе хотя и торжествует посредственность, но не исключено появление отдельных пассионариев, беда которых лишь в том, что они не могут нарушить установившийся общественный строй, поддерживаемый большинством. На этом фоне даже слабопассионарным особам неуютно. Им хочется вырваться на свободу, т. е. отделиться от массы... и в середине XI в. эти энергичные кыпчаки появились на границах Киевской Руси. А кимакское объединение развалилось на части, как Римская империя III в. Народ, как поголовье, уцелел, а этноса, как системы, не стало.

И когда в 1129 г. в Джунгарию вступили кидани, уже разбитые чжурчжэнями и бегущие от них, хан Елюй Даши, вынужденный сражаться с мусульманами, среди потомков кимаков обрел пополнение для своей потрепанной и усталой армии. Благодаря этому он победил последнего «великого сельджука», султана Санджара, и создал каракиданское ханство в Семиречье. А Сибирь уже в 1143 г. отделилась под руководством тех же киданей, известных под именем «найманов»³⁸. Кимакские массы приняли новую власть безропотно, так же спокойно сменили ее на монгольское господство в 1208 г., вместе с другими «лесными народами» Сибири.

Да и в самом деле, зачем им было волноваться. Этнос, лишившийся пассионарного генофонда, перестает мечтать «о подвигах, о добле-

сти, о славе», а хочет спокойно пасти своих овец и охотиться на соболей. Воспоминание о героических предках становится ненужной нагрузкой на память, только мешающей повседневной хозяйственной деятельности, на которую не покушались правители сменяющихся династий. А все эти династии, начиная с тюркютских ханов, были иноземными, но для народных масс необременительными, ибо торговля, в отличие от Хазарии, была развита слабо и вытягивала соки из народа умеренной³⁹.

Пожалуй, наиболее неприятным для нормальных кимаков было увеличение процента субпассионариев, но и тут кидани и монголы оказались «благодетелями». Они нуждались в воинах и охотно принимали в свои войска неуживчивых кимакских юношей, а те, не ладя с родственниками, меняли профессию: из пастухов становились «бродячими солдатами» и домой не возвращались, либо сделав карьеру, либо потеряв голову.

Короче говоря, кимаки, как этнос, не дожили до гомеостаза. Кимакские гармоничники, без которых этнос не может жить, рассосались по соседним племенам, субпассионарии уходили воевать в Бала-сагун и Хорезм, а место их памяти о прошлом заняла адаптация к ландшафту. Этнос превратился в популяцию.

Хотя хронология кимакской державы приблизительнона, видно, что уже в начале XI в. между Каспием и Аралом господствуют не кимаки, а гузы.

ГУЗЫ И ПЕЧЕНЕГИ

В VI в. до н.э. в Арало-Каспийской области жили массагеты — по-видимому, один из разделов саков: (мае + сака + та = большая сакская орда, ставка)⁴⁰. По поводу их образа жизни и ныне уместно повторить слова Страбона: «... В результате своих исследований историки не сообщили об этом племени ничего точного и правдоподобного» (Страбон, книга XI, глава VI)⁴¹. Во II в. до н. э. на берегах Каспийского моря жили сарматы, а во II в. н. э. это была восточная окраина союза племен, возглавленных аланами⁴², которых около 156 г. хунны оттеснили на запад, на Волгу⁴³. Хунны не остались в Приаральской равнине. Они предпочли Волго-Уральское междуречье и, объединившись там с уграми, образовали новый народ — гуннов.

Дальнейшая история гуннов освещена относительно неплохо, но о восточной окраине их владений нет никаких сведений. Известно лишь, что в IV в. в низовьях Сырдарьи обитали хиониты⁴⁴, которые сначала, в 356–357 гг., воевали с Ираном, а потом в составе иранской

армии штурмовали Амиду⁴⁵. Об их внутреннем устройстве и образе жизни нет никаких сведений.

В середине VI в. тюркюты вторглись в Нижнее Поволжье и, значит, оккупировали приаральские степи⁴⁶. В хорошо разработанной истории Великого каганата о судьбе этих территорий нет ни слова, и только авторы X в. сообщают, что здесь обитают два народа: гузы⁴⁷ и печенеги⁴⁸. Не странно ли такое умолчание о приаральских степях, в то время как история Монголии, Джунгарии и Семиречья описана весьма подробно?! Это не может быть случайностью.

Виной этому особенности древней историографии. «Внимание летописцев привлекали преимущественно грандиозные или, по крайней мере, выходящие из ряда события. Обыденщина их не интересовала. Поэтому те местности, где не возникало заметных — иными словами, агрессивных держав, где не происходила организация походов и где не сооружались огромные дворцы или храмы, выпадали из их поля зрения. То, что кочевники ежегодно повторяли свои маршруты от колодца к колодцу и отгоняли волков от стад и табунов, историки древнего мира считали настолько очевидным, что не считали нужным это фиксировать. Только авторы X в. Гардизи⁴⁹ и Константин Багрянородный⁵⁰ оставили описание быта гузов и печенегов⁵¹.

В этом регионе основой общественной жизни был материнский род — огуз⁵², управлявшийся старейшинами. Группа родов управлялась советом старейшин, причем председательство переходило от одного родового старейшины к другому по очереди. Только в далеких походах твердая власть вручалась военному вождю, при выборе которого учитывались способности, а не только старшинство. Все указанные особенности общественного устройства, как мы видим, вытекали из повседневной хозяйственной деятельности, единственно возможной в данных природных условиях.

Гузы жили в бассейне Урала, по границе тайги и степи. В то время в степи, ныне распаханной, было много сосновых боров, подобных островам в открытом море. Одним из таких «островов» остался сосновый бор с озерами в Кокчетавской области Казахстана — курорт Боровое. Лес в степи — великое благо. В нем устраивают скот во время буранов, берут дерево для изготовления телег. Там ловят соколов для охоты на волков. Хозяйство гузов было органичным, а идея прогресса техники отсутствовала, поскольку жизнь их базировалась на природе, с которой гузы не воевали, а жили в прекрасном равновесии.

Южнее, между Балхашом и Аралом, располагалась держава Кангуй, или Канг. Это была тоже редконаселенная страна, но, видимо,

культурная и самостоятельная. Жители ее назывались по-тюркски «канг-эр» — кангюские мужи, но уже в VIII в. их стали называть «пацзынак» — по-гречески или печенеги, что нам знакомо по русским сведениям.

Они не ладили ни с гузами, ни с соседними кыпчаками, обитавшими на склонах Алтая и в Барабинской степи, где растительность напоминает богатые пастбища по обоим берегам реки Дон, да и Иртыш своим положением в степи напоминает Дон.

Все три этноса были европеоиды по своему антропологическому типу, тюркоязычны, воинственны, но не агрессивны. Вторжение иноплеменников им не грозило, ибо арабы в такую далекую степь не приходили: Хазарский каганат на Волге был заинтересован в мире со степняками, а Уйгурский каганат был занят постоянной войной с Тибетом.

КУДА ДЕВАЛИСЬ ГУЗЫ?

В середине X в. гузы подчинили среднеазиатских печенегов и кимакское племя баяндур, жившее на берегах Иртыша. На юго-востоке государство гузов граничило с областями Тараза (ныне г. Жамбул, на реке Талас) и Шаша (Ташкент), на юго-западе охватывало часть Устюрта, на севере включало бассейн Сары-су, Челкара и Иргиза; вплоть до предгорий Урала³¹. Это государство находилось в постоянной войне с Хорезмом на юге, с кыпчаками на северо-востоке. И ведь даже имело успехи, такие, что багдадские халифы считались с вождями гузов, но...

Беда пришла с неба и весьма неожиданно. В IX—X вв. степную зону Евразии постигла вековая засуха, ибо орошающие степь циклоны сместились к северу. Как уже было сказано, в степи шла трехсторонняя война, малая, но постоянная. Для степной войны необходимо иметь откормленных коней и много баранов, чтобы не голодали воины. Поэтому состояние пастбищ определяет возможность победы. Значит, засуха, влияя на произрастание трав, либо способствует, либо мешает военным успехам кочевых народов, причем в большей степени, нежели оседлых, ибо те могут создать запасы зерна хотя бы на несколько лет, а кочевники этих возможностей лишены.

Они были ничуть не менее талантливы и героичны, чем их соседи, населяющие страны с благодатным климатом, изобилующие водой и пастбищами, и, как только природные условия менялись, проявляли способности воинов и правителей занятых ими новых территорий. Связь этноса с ландшафтом — это не теория географическо-

го детерминизма, а несомненный факт, фиксируемый исторической географией.

Этноландшафтное равновесие является обязательным условием устойчивости системы геобиоценоза, в которую люди входят как верхнее завершающее звено. Любое нарушение характера системных связей пагубно. Оно сказывается на людях не менее сильно, чем на растениях и животных, фиксируется этнической историей, которая располагает абсолютной хронологией, что дает возможность ввести необходимые уточнения. В X в. больше всех пострадали от засухи экстрааридные степи современного Центрального Казахстана. Большая часть их превратилась в пустыню. Кангары вынуждены были покинуть родину. Часть их поселилась во владениях хорезмшахов, приняла ислам и стала называться просто «канглы», а другая часть переправилась в 889 г. в Причерноморье и долгое время удерживала самостоятельность, даже будучи зажата двумя великими державами: Византией и Русью. Руси эта часть канглов боялась меньше, чем соседей — кыпчаков.

Гузы тоже пострадали от засухи и ушли частью в верховья Амударьи, в окрестности Балха и Мазар-и-Шерифа, а частью на Волюнь, где подчинились киевским князьям.

Засуха, прокатившаяся по степи, сделала с этим древним этносом то, что не могли сделать их враги. Она расколола гузов на два взаимно враждебных этноса: торков и туркменов.

Описанный здесь раскол этноса имел причиной сочетание природных и социальных факторов. До тех пор пока хозяйство гузов позволяло им поддерживать изобилие внутри страны и охрану границы с Хорезмом, форпостом мусульманского суперэтноса, все было спокойно. Но как только изменился режим увлажнения, возникли трения между отдельными компонентами этнической системы гузов, которая отнюдь не была монолитом. В составе гузов были, наряду с потомками сарматов и алан, предки угров, осколок среднеазиатских печенегов и заброшенные тюркютскими бегами на западную границу каганата племена баяут, баяндур (покорены в X в.), кайи — видимо, сяньбийского (древнемонгольского) происхождения⁵⁴.

Но самое главное — начальная фаза гузского этногенеза должна совпадать с рождением основного этнического компонента.

Чтобы понять события XI в., придется сделать краткий экскурс в древность. Гузы — наследники древних туранцев, сарматов и аланов. Начальная фаза этногенеза сарматов такая же, как у хуннов — рубеж IV и III вв. до н. э. Ровесниками этих могучих этносов, как мы уже знаем, были согдийцы, которых китайцы называли юэзэи, парфяне (Аршакиды) и харазмии, у которых начало городской цивилизации

датируется IV–III вв. до н. э.⁵⁵ А это значит, что гузы в X в. были стары и находились на излете инерции породившего их толчка. Поэтому они так расширили свою территорию⁵⁶, поэтому же и лопнули их внутризнатические системные связи, износившиеся от всеистребляющего Времени. Достаточно было легкого удара извне — длительной засухи, чтобы этнос развалился на две части.

Но не древние племенные традиции стали основой формирования этих новых этносов, а то, что отвечало духу времени, т. е. нравам и культуре X века.

Древнее объединение гузов строилось на родо-племенном принципе. Племя увеличивалось за счет естественного прироста; за соблюдением порядка следили старейшины, с врагами или, что то же, соседями сражались молодые богатыри. Расширение шло за счет подчинения соседних племен, социальный строй которых был близок к описанному прототипу. И так тянулось тысячу лет.

На нашей планете стареет все, в том числе и этносы. Потомки храбрых воинов стали спокойными пастухами. Правнуки мудрых старейшин превратились в ленивых обладателей скота и пастбищ. Но поскольку этот процесс — снижение пассионарного напряжения системы — всегда идет неравномерно, то наряду с субпассионариями сохранялись персоны «отсталые», то есть не потерявшие былой доблести и жажды свершений. Будучи людьми акматической фазы, эти «богатыри» томилась в тенетах степной обывательщины, столь же активно-посредственной, как и деревенская или городская. Но сдерживать своих богатырей увядающая система могла лишь до того предела, пока увядание не достигло критической точки — перехода в фазу обскурации. В этой фазе зажим богатырей прекратился, ибо даже это стало слишком трудным и сложным. Но воцарившаяся лень погубила традицию: немногочисленные пассионарии, которых перестали давить, нашли новую этнопсихологическую доминанту: они сменили культуру.

В самом деле, восстанавливать старый порядок, при котором им стало так плохо, они не пожелали. Вместо этого они усвоили конфессиональный принцип, применявшийся их соседями. Среди гузов появились несториане и мусульмане, а община цементирует своих членов не хуже, чем семья или род. Но характер связей тут иной, и это медленно отразилось на истории гузов.

Историк начала XII в. Шараф ат-Тахир Марвази писал: «После того как гузы сделались соседями областей ислама, часть их приняла ислам и стала называться туркменами. Между ними и теми гузами, которые не приняли ислам, началась вражда. Число мусульман среди гузов умножилось, а положение ислама у них улучшилось. Мусульмане

взяли верх над неверными, вытеснили их из Хорезма в сторону поселений печенегов»⁵⁷. «Неверные гузы» назывались в русских летописях торки. Они были союзниками Святослава и Владимира, очевидно, в качестве вспомогательной конницы⁵⁸. Но когда в середине XI в. они большой массой передвинулись в Приднепровье, русские князья Ярославичи выступили против них. Разбитые князем Всеволодом в 1060 г., торки в 1064 г. переправились через Дунай, опустошили Македонию и Фракию, а затем подступили к стенам Константинополя. Греки, действуя золотом, заставили торков уйти. Много торков умерло от эпидемий, многих греки перебили, а часть их вернулась на Русь и была расселена в Киевском и Волынском княжествах⁵⁹, где образовала «торческий пояс» — охрану границ от половцев.

В 1116 г. половцы покорили часть торков и остатки печенегов⁶⁰, после чего эта ветвь торков (гузов) в истории упоминается только как войско волынских князей.

•КУМАНЫ, ИЖЕ РЕКОМЫЕ ПОЛОВЦЫ•

«Куманы, иже рекомые половцы» — народ сложный и весьма интересный. О них создано множество превратных мнений, главным образом потому, что автор «Слова о полку Игореве» изобразил их главными врагами Русской земли. Однако эта традиционная концепция основана на слишком буквальном понимании литературного произведения⁶¹.

Как мы уже сказали, кыпчаки (куманы) были частью племенного союза кимаков. И те, и другие не были степняками в собственном смысле слова. Кыпчаки спустились с Алтая, кимаки жались к берегам Иртыша. И потом, распространяясь на запад, куманы держались лесостепной зоны, то есть сосновых боров и рощ, в те времена простиравшихся к югу от озер Зайсан и Тейгис (по обе стороны 50° северной широты). Ныне там голая степь, но это плоды деятельности человека, умеющего губить природные богатства.

В середине XI в. часть кыпчаков отделилась от основной массы кимаков и ушла на запад. Средняя часть лесостепи между Ишимом и Яиком осталась почти незаселенной. Это понятно, ибо в этом регионе сухая степь заходит далеко на север (вплоть до современного города Кустаная) и для привычных половцам способов хозяйства непригодна.

Кыпчаки прошли через захваченные гузами земли и обрели новую родину в роскошных злаковых степях низовий Дона, Днепра и Днестра. Здесь их стали называть куманами или половцами.

Китайцы описывали кыпчаков как народ светловолосый и голубоглазый: рыжим был мамлюкский вождь Сонкор, по происхождению кыпчак. Потомки куманов в Венгрии, называемые чанго, часто имеют светлые, как лен, часто вьющиеся волосы и голубые глаза, хотя встречаются среди них и брюнеты. Русское прозвище — половцы — происходит от слова «половца» — рубленая солома, что отражает цвет их волос — соломенно-желтый. По словам арабского географа XIV в.: «Кыпчаки отличаются от других тюрков своей религиозностью, храбростью, быстротой движения, красотой фигуры, правильностью черт лица и благородством»⁶². Итак, кыпчаки — типичные европеоиды, отличающиеся от своих южных соседей туркменов лишь светлым цветом волос и глаз, что и было замечено русскими, когда они столкнулись в 1055 г. и заключили первый раз мир. Ведь когда русские впервые встретились с монголоидными татарами, облик последних произвел на них ошеломляющее впечатление и заслужил специальное внимание летописца. Следовательно, он был для русских людей к 1223 г. непривычен⁶³.

Кыпчаки происходили от европеоидного народа динлинов, обитавших в эпоху бронзы в Минусинской котловине и на Алтае⁶⁴. Позже, объединившись с племенем кимаков, ответвлением хуннов, они унаследовали некоторые элементы хуннской внешности. Хунны, хотя и относились к монголоидной расе, имели специфические черты, делавшие их немного похожими на североамериканских индейцев. Когда в 350 г. в Китае было предпринято истребление живших там хуннов, было убито много китайцев «с возвышенными носами» и бородатых⁶⁵. Поэтому смесь кимаков с кыпчаками не выделялась среди широколицых европеоидов.

Предки кыпчаков имели в эпоху бронзы богатую культуру, о чем свидетельствуют минусинские и алтайские могильники. Но уже в XI в. большая часть этой культуры была забыта. Оно и понятно: процесс куманского этногенеза был на излете. Этому выводу соответствуют все известные и приведенные факты и характеристики.

Институт власти деградировал. Хан был только военным вождем добровольцев, шедших за ним в поход. Этим объясняются ничтожные численности отрядов, ходивших в набеги: 3–5 тысяч сабель. Разумеется, что при такой системе дипломатия на международном уровне была невозможна. Если бы даже куманские вожди заключить с кем-либо договор, то у них не было возможности заставить своих соплеменников его соблюдать. Поэтому все соседи куманов не любили. Число пассионариев в этой фазе этногенеза всегда сокращается, ибо пассионарии нужны властям, а не соседям. Работоторговля была одним из способов избавиться от неуживчивых род-

ственников. Это, конечно, снижало боеспособность этноса, но разве обыватели, пусть степные, заглядывают в будущее. Поэтому за двести лет с XI в. куманская этническая целостность потеряла и силу натиска, и, частично, сопротивляемость. Социальные связи, образующие систему жесткого типа, ослабли, и этнос, рассредоточившийся на огромное пространство, стал для соседей неопасным, хотя и оставался неприятным.

Но как только отдельные куманы попадали в страну, где пассионарное напряжение было высоким, например, в Грузию, Византию, Иран, они сразу находили себе применение. Куманских рабов и наемников высоко ценили и выдвигали на ответственные посты, потому что их этнические черты, описанные выше, не гасились инертностью соплеменников на родине⁶⁶. Такая коллизия наблюдается в истории часто. Наиболее известные примеры ее: швейцарцы и шотландцы, поставлявшие своих юношей французским королям, а также албанцы, служившие в Венеции и Стамбуле. Для этноса как целостности это губительно, и, действительно, куманов больше нет, хотя потомки их имеются повсюду.

В XIV в. слово «половец» изменило значение. Так стали называть, и вполне правильно, степняков Причерноморья⁶⁷ вставших в оппозицию к «татарам» Поволжья. Вожди причерноморских улусов: в XIII в. Ногай, опиравшийся на Тверь, Москву и Переяславль, а в XIV в. Мамай — на Литву и генуэзскую колонию Кафу — боролись против Золотой орды и Ростово-Суздальской земли. В 1377 г., при подготовке русского общественного мнения к Куликовской битве, осуждение «половцев» означало антипатию к Мамаю, и, видимо, поэтому летописец Лаврентий перенес близкую ему ситуацию на прошлое, уже потерявшее актуальность. Однако, будучи добросовестным историком, он не исказил хода событий, чем сделал очевидной дисгармонию между фактами и своими личными эмоциями. По свидетельствам иностранных авторов, русские называли мусульманских кочевников «половцами» до 1630 г.⁶⁸ Войдя в стихию иного, чуждого для Руси суперэтноса, эти «половцы», «татары» или «ногайцы» воевали со своими бывшими, но давно обруселыми соплеменниками до конца XVIII в. Так этническим, переживший этнос, как призрак, вводит в заблуждение историков, придерживающихся буквального восприятия текстов, а вслед за ними всю читающую публику. Надо ли говорить, что искаженное восприятие прошлого не только калечит психику читателя, но и не безразлично для настоящего. На этом кончим! Ведь нам необходимо вернуться в XII век.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Литературу вопроса см.: *Грум-Гржимайло Г. Е.* Указ. соч. С. 361—364.
- 2 См.: *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. С. 275—276; *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. С. 266.
- 3 См.: *Окладчиков А. П.* История Якутской АССР. М.; Л., 1955. С. 365; *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 5—9.
- 4 См.: *Кумекоев Б. Е.* Государство кимаков в IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 105.
- 5 Там же. С. 36; *Материалы по истории туркмен и Туркмении.* Т. 1. М.; Л., 1989. С. 145.
- 6 См.: *Кумекоев Б. Е.* Указ. соч. С. 124.
- 7 Там же. С. 123.
- 8 См.: *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. С. 105.
- 9 См.: *Е Лун-ли.* История государства киданей. С. 130—131.
- 10 См.: *Савинов Д. Г.* Народы южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1964. С. 103 и сл.
- 11 См.: *Wittfogel K. A., Feng Hsia-sheng.* Nistory of Chinese Society Leao. Philadelphia, 1949.
- 12 См.: Археологическая карта Казахстана. 1960; *Савинов Д. Г.* Указ. соч. С. 107—113 (приведена литература).
- 13 Я не надеюсь переубедить востоковедов-филологов, считающих, что «надо цитировать» и понимать цитаты буквально (см.: *Кумекоев Б. Е.* Указ. соч. С. 32).
- 14 См.: *Кумекоев Б. Е.* Указ. соч. С. 53—55.
- 15 См.: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. С. 381.
- 16 См.: *Савинов Д. Г.* Указ. соч. С. 117 (приведена литература).
- 17 Значение и происхождение этнонима «кимак» мы не разбираем, так как это задача лингвистики, а не истории. Этносы часто меняют и перенимают названия, из-за чего ономастика не является надежным критерием. География и этнография точнее, хотя пользоваться ими сложнее. Поэтому использование исторической географии так редко.
- 18 *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1983—1984 гг. СПб., 1887 // Записки Имп. Академии наук. VIII. Сер. по историко-филологическому отделению. Т. I. № 4. С. 82—83, 105—106.
- 19 Название «татар» в XI в. имело два значения: непосредственное наименование племени отуз-татар, живших южнее р. Керулен, и собирательное: всех восточных кочевников от Китайской стены до сибирской тайги, которых раньше называли «туркон-и-Чин» — тюрки Китая. Аналогично, все кочевники западной части степи назывались «турк», в том числе и венгры. Здесь слово «татар» применено в широком смысле. (См.: *История стран зарубежной Азии в средние века.* М., 1970. С. 206.) Представление о суперэтносах у древних авторов было.
- 20 «Шад» не имя собственное, а титул — «принц крови», но не наследник престола в Тюркском каганате. Для Гардизи эта эпоха — далекое прошлое чужой страны.
- 21 Описание флоры и фауны отвечает природе Горного Алтая; следовательно, «большая река» не Иртыш, текущий в степи, а один из притоков Оби, может быть, Катунь или Урсул, Гардизи ниже называет эту реку «Иртыш» ошибочно, ибо география Сибири была ему известна лишь по слухам, а меха, наоборот, известны хорошо, как предмет торговли.
- 22 Названия некоторых явно искажены (*Кумекоев Б. Е.* Указ. соч. С. 36) и поэтому разбор их здесь неконструктивен.
- 23 Прямое указание на начало засухи X в. (См.: *Гумилев Л. Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // *Вестник ЛГУ.* 1966. № 18. С. 81—90; Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии // *Народы Азии и Африки.* 1966. № 3. С. 85—95.)

- Это значит, что встреча имела место в самом конце XI в. (См.: *Кумекоев Б. Е.* Указ соч. С. 114.)
- ²⁴ Очевидно, это была не перекочевка, а разведка, поиск новых пастбищ, как и при очередном усыхании в XVI в., когда калмыки перешли на Волгу.
- ²⁵ «...ердаш» — часть композитума: «адаш, колдаш, ердаш» — друзья. (Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 176. Ср. С. 91.) Значит, приехавшие были ей знакомы и она поздоровалась.
- ²⁶ Ertis — река, упомянута еще в стеле Тоньюкука, т. е. задолго до встречи. (*Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. С. 344; Древнетюркский словарь. С. 182.)
- ²⁷ Трава была под снегом, и кормить коней было трудно. Значит, коней было мало и удалось заготовить сено, что делают казахи на зимовках. В Монголии зимой снега мало и ехать на конях удобно, так как кони добывают траву из-под снега. Эти же 7 человек провели всю зиму на Алтае, а потом отправили одного посла за сородичами, не ожидая ничего плохого, но...
- ²⁸ Истребление целого народа на Дальнем Востоке явление незаурядное. Известно только поголовное уничтожение ойратов в 1758—1759 гг. Даже охота уйгуров, карлуков и басмалов за разбитыми тюркютами в 747 г. не была тотальной войной. Много тюркютов успело сбежать в Китай и спрятаться в Горном Алтае. Здесь же имела место, по-видимому, война киданей с татабами в начале X в. (*Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. С. 381.)
- ²⁹ Какие это горы? Не Хангай и Хэнтэй, ибо татары не владели этими землями. Может быть, это Хинган, так как пришельцы, в дальнейшем «расселись по горам», а не по степям, как сделали бы нормальные кочевники. В. В. Григорьев предположил, что это были татабы. (Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1873. С. 209.)
- ³⁰ Какое время требуется для того, чтобы 700 воинов, допустим, с женами, размножились так, что составили большой народ, не меньше полмиллиона? Учтем все замечания и сделаем вывод: Гардизи — автор очень талантливый, но уровень науки XI в. был таков, что принимать данные источника без критики — недопустимо.
- ³¹ «Шарь кимаков — один из величайших царей... Тюркские цари опасаются власти хакана» (Идриси, цит. по: *Кумекоев Б. Е.* Указ соч. С. 120).
- ³² См.: *Савинов Д. Г.* Указ соч. С. 141; *Кумекоев Б. Е.* Указ соч. С. 56.
- ³³ Хотя Гардизи, перечисляя племена пришельцев, помещает в их число кыпчаков, это результат его неосведомленности. Кыпчаки — западная ветвь динлинов, этнос, близкий по антропологическому типу к енисейским кыргызам — европеоидам. Они были светлоглазы и желтоволосы (шары), из-за чего их называли «половцы» (полова — рубленая солома). (См.: *Кумекоев Б. Е.* Указ соч. С. 125—126.)
- ³⁴ См.: *Кумекоев Б. Е.* Указ соч. С. 117 (ссылка на Худуд ал-‘алам).
- ³⁵ Там же. С. 111.
- ³⁶ Там же. С. 123.
- ³⁷ Вопреки мнению И. Маркварта (цит. по: *Кумекоев Б. Е.* Указ соч. С. 122), считавшего причиной миграций XI в. киданскую агрессию на запад. Но киданям преградили дорогу тангуты, война с коими не дала киданям победы. (См.: *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. С. 108.) Войны в Западной Евразии носили локальный характер и, главное, не задевали Южной Сибири — родины кимаков.
- ³⁸ См.: *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. С. 136—139.
- ³⁹ См.: *Кумекоев Б. Е.* Указ соч. С. 95—96.
- ⁴⁰ См.: *Тревер К. В.* История Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1964. С. 46.
- ⁴¹ *Страбон.* География / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964. С. 480.
- ⁴² «Владения Яньцай (сармат) переименовались в Аланья». (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. П. Л.; М., 1950. С. 229.)
- ⁴³ См.: *Гумилев Л. Н.* Хунну. С. 247.

Тысячелетие вокруг Каспия

- ⁴⁴ См.: Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в. //ВДИ. 1959. № 1. С. 134.
- ⁴⁵ Марцеллин Аммиан . История /Пер. Ю. Кулаковской и А. Сонины. Вып. 1. Киев, 1906. С. 233, 248.
- ⁴⁶ См.: Гумилев Л. Н. Три исчезнувших народа //Страны и народы Востока. Т. II. С. 107.
- ⁴⁷ См.: Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.; Л., 1939. С. 78, 166—167.
- ⁴⁸ См.: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 350 и сл.
- ⁴⁹ См.: Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. С. 120.
- ⁵⁰ Багрянородный Константин. Об управлении государств //Извест. ГАИМК (Государственная Академия материальной культуры). Вып. 91, М.; Л., 1934. С. 17.
- ⁵¹ См.: Артамонов М. И. Указ. соч. С. 350—352, 416—418.
- ⁵² См.: Кононов А. Н. Анализ термина «тюрк» //Сов. этнография. 1949. № 1. С. 84.
- ⁵³ См.: Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 249.
- ⁵⁴ См.: Толстов С. П. По следам... С. 245—249. Отмечаю, что упоминания эфталитов в цит. фрагменте устарели и не имеют ныне научного значения. (См.: Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в. //ВДИ. 1959. № 1. С. 129-140; Он же. Эфталиты – горцы или степняки? //ВДИ. 1967. № 3. С. 91—99.)
- ⁵⁵ См.: Неразик Е. Е. К проблеме развития городов Хорезма: Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 221.
- ⁵⁶ Толстов С. П. считает, что «полтора столетия между 80-ми годами IX в. и 80-ми годами XI в. являются периодом непрерывного роста» (По следам... С. 247). Верхняя дата ничем не подкрепляется и не вызывает доверия.
- ⁵⁷ Цит. по: Тревер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э. История народов Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1950. С. 269.
- ⁵⁸ См.: Повесть временных лет. Т. I. М.; Л., 1960. С. 59.
- ⁵⁹ См.: Васильевский В. Г. Византия и печенеги: Труды. Т. I. Спб., 1908. С. 26—29; Повесть временных лет. Т. II /Комментарий Д. С. Лихачева. С. 392.
- ⁶⁰ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 450.
- ⁶¹ См.: Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. С. 305—346.
- ⁶² Подбор сведений – Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. С. 57—59.
- ⁶³ Там же. С. 58.
- ⁶⁴ Там же. С. 57 и сл.
- ⁶⁵ См.: Иакинф (Бичурин Н. Я.) Статистическое описание Китайской империи. Т. II. СПб., 1853. С. 74—75; Дебец Г. Д. Палеоантропология СССР. М., 1948. С. 58.
- ⁶⁶ См.: Умяков И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха //ВДИ. 1938. № 1. С. 10
- ⁶⁷ См.: Лихачев Д. С. Указ. соч. Т. II. С. 141.
- ⁶⁸ См.: Шенников А. А. Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья //Славяно-русская этнография. Л., 1973. С. 48—50.

VIII. На чужбине

ПОСЛЕ КОНЦА: ЭТНИЧЕСКИЕ ОСКОЛКИ

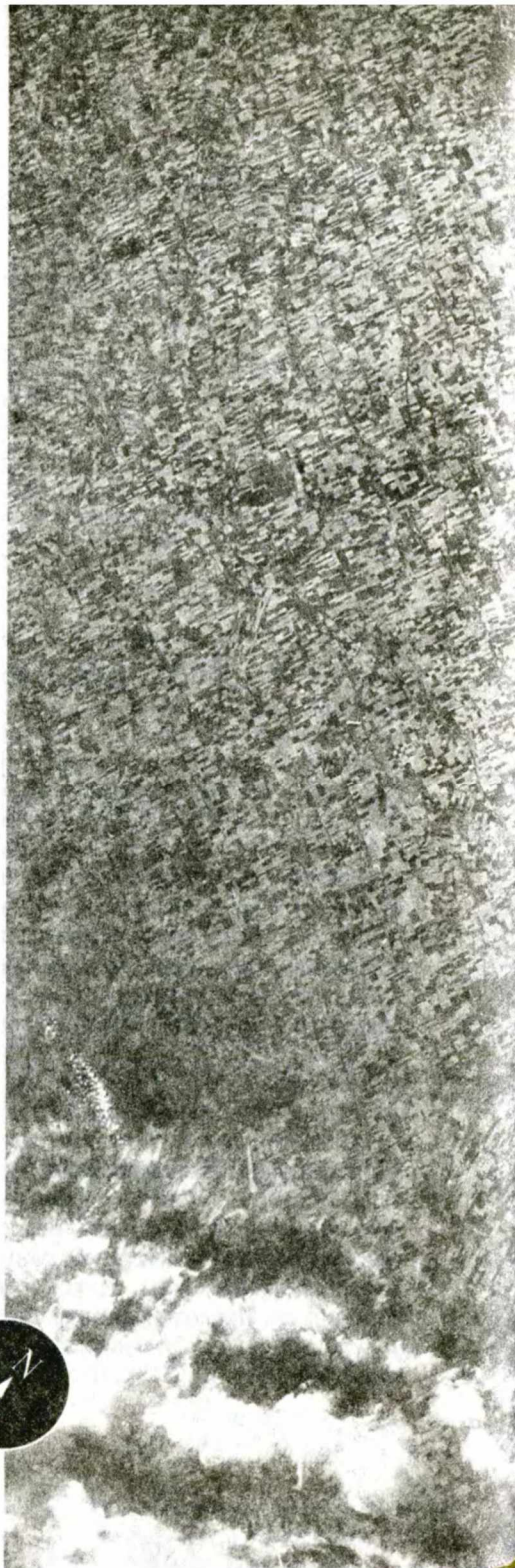
Как известно, случайности в истории встречаются часто, но большого значения не имеют, потому что их последствия — зигзаги — компенсируются в могучих течениях исторических и природных закономерностей. Но совпадения, или встречи двух-трех потоков закономерностей, влекут за собой либо смещения исторических судеб даже очень крупных народов, либо их аннигиляцию. Так произошло в Центральной Азии в так называемый «темный век» — 860—960 гг.¹

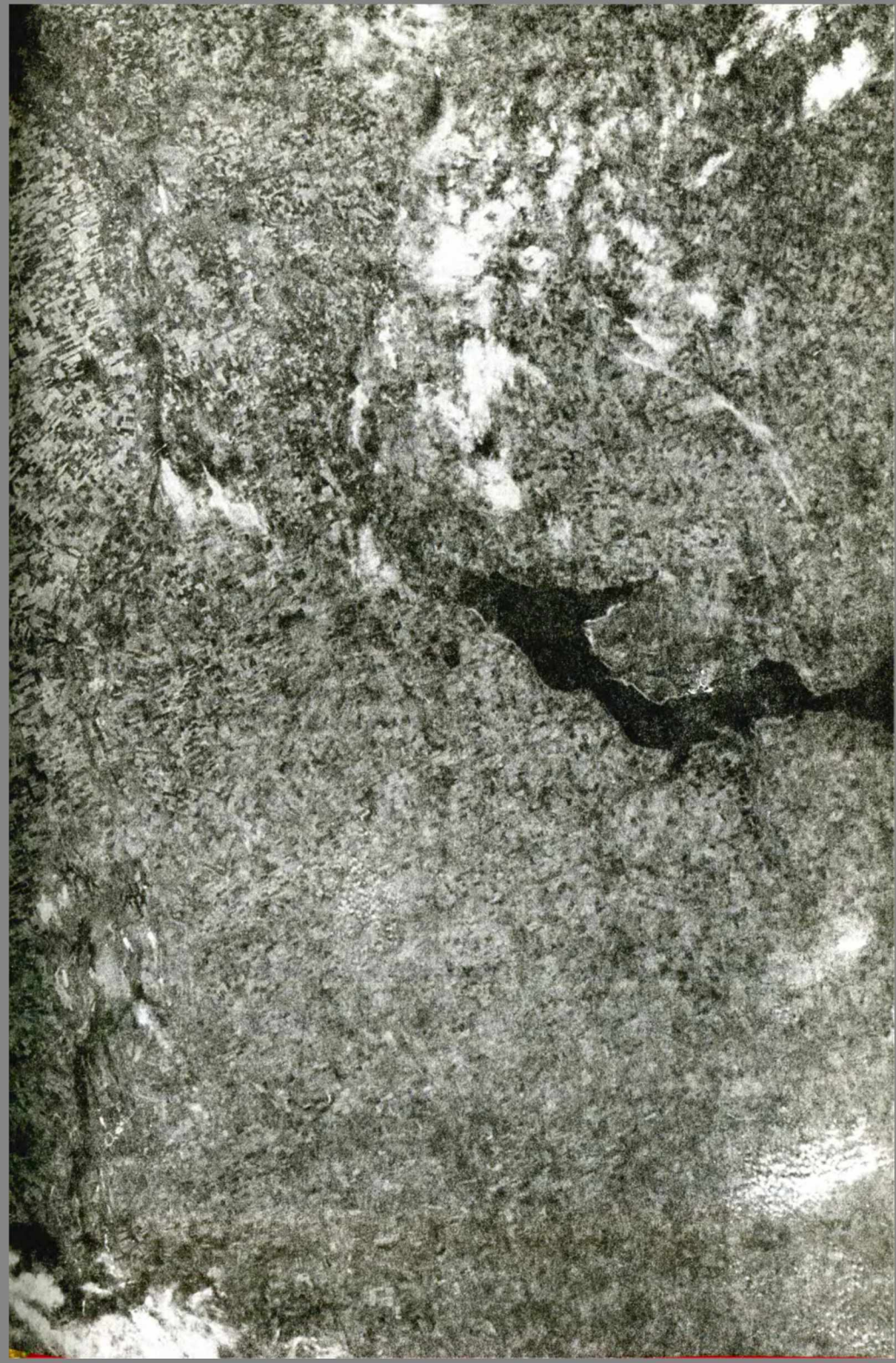
В это столетие совпали кризисы трех линий, или, точнее, трех исторических закономерностей, и именно совпадение их оказалось трагичным для культуры Центральной Азии, потому что создался разрыв традиции и возникло забвение прошлого.

Первое. С разгромом Уйгурии закончилась инерция пассионарного толчка III в. до н. э. Все этносы, возникшие тогда в Великой степи, либо перестали существовать, либо превратились в реликты, либо стали примыкать к соседним могучим суперэтническим целостностям: к Китаю, мусульманскому Халифату, к Византии и даже вступали в контакты с лесными племенами Сибири. Дольше всех продержались тюрки-шато, потомки «малосильных» хуннов, вернувшиеся на древнюю родину — северную границу Китая, карлуки — потомки ветви тюркютов и куманы — смесь среднеазиатских хуннов с алтайскими динлинами. Поскольку этот грандиозный этногенез с хуннов начался и хуннами кончился, правомерно называть его, пусть условно, хуннским. Но коль скоро так, то он просуществовал 1200 лет и в X—XII вв.

***Цимлянское
водохранилище
на Дону.
Облачность
закрывает створ
плотины.
На север — холмы
Дона, внизу —
отроги Кавказа
в Ставрополье.***

затухал. Собственные силы его стали малы и не обеспечивали возможности роста. И не случайно, что в том же X в. (995 г.) прекратилась династия Афригидов, носивших титул «хорезмшах». Этнос хорезмиев был сверстником хуннов.

Кроме говоря, инерция пассионарного толчка, всколыхнувшего предков хуннов, сяньбийцев и сарматов, иссякла, и пред степными народами Азии была безотрадная перспектива медленного увядания или быстрого истребления хищными и не утратившими пассионарности соседями. И действительно, окитаенные кидани Ляо совершали планомерные набеги на Степь, убивали мужчин и стариков, а женщин и детей продавали в рабство на плантации Северного Китая. А на Ближнем Востоке шла планомерная работоторговля куманами, гузами и даже туркменами, хотя последние были мусульманами, т.е. единорверцами работоторговцев.

Да, видно, сине-зеленая идилия гомеостаза — бескрайняя степь под куполом ясного неба. — находилась рядом с багрово-черной бездной феодальных и работоторговых цивилизаций, для носителей коих слова «жалость», «сострадание» и «милосердие» были неизвестны. А ведь среди кочевников X–XII вв. было много людей смелых, сильных и ловких.

К. Э. Босворт отмечает, и вполне убедительно, что тюрки XI в., попадая в мусульманские земли, сохраняли качества «благородных дикарей»: смелость, преданность, выносливость, отсутствие лицемерия, нелюбовь к интригам, невосприимчивость к лести, страсть к грабежу и насилию. Арабы и персы-сунниты определенно предпочитали тюрок дейлемитам и исмаилитам, ценили их «львиноподобные качества»: гордость, свободу от противоестественных пороков, отказ выполнять ручную домашнюю работу, «стремление к командным постам»², что толкало их на усердие в боях и походах.

Но это были отдельные люди, имеющие свои личные цели и вкусы, а не идеалы, т.е. далекие прогнозы для потомков и соплеменников.

Тюркские рабы поступали частью из Средней Азии и Сибири: тюркеша, кимаки, карлуки, токуз-огузы, огузы (туркмены), кыргызы и кыпчаки, — а частью с берегов нижней Волги и Дона: «ал-Хазари». Но конечно, среди последних были не только хазары. Этих людей продавали их купеческие цари, при молчании бессильных ханов.

Такой массовый отлив населения из Великой степи в страны Ближнего Востока был возможен только при отсутствии в Степи сильной власти, способной уберечь своих подданных от продажи на чужбину. А власть опирается на пассионарные консорции, которые до IX в. существовали и поддерживали степные каганаты. Но когда тюркские богатыри погибли, а вольнолюбивые уйгуры поверили со-

блазнам манихейских учителей и отдали свою жизнь жестоким кыргызам³, гомеостаз пришел в Степь как неизбежность, как необратимость эволюции. Угасание пассионарности породило бессилие.

Второе. Ни в Китае, ни в Халифате кочевники не обрели покоя. Их не любили, а использовали. В этих обеих империях шла фаза этнического надлома. И там, и тут вероломство и жестокость стали знаменем эпохи, хотя и с различной окраской. В Китае прокатилась волна шовинизма, безотчетной ненависти ко всему чужому и уж больше всего — к кочевникам. В халифате тюрок ненавидели шииты и карматы, хотя последние так же ненавидели мусульман. А в Византии в это время в тюрках не нуждались и пренебрегали ими.

Более того, покинув родину, тюрки — так называли всех степняков на Ближнем Востоке — неизбежно попали в зоны активного взаимодействия трех ведущих суперэтнсов: византийского, арабомусульманского и молодого — западноевропейского, или «христианского мира», и, будучи сами представителями четвертого мира — Степного — они не могли не подчиниться объективным закономерностям этнических контактов.

Проблема контактов на уровне этносов относительно проста. Либо этносы сосуществуют рядом, помогая друг другу в ведении натурального или простого товарного хозяйства, — симбиоз; либо небольшая группа чужого этноса внедряется в среду аборигенов и бытует в относительной изоляции — ксения; либо пришлый этнос узурпирует ведущие позиции в местном этносе или захватывает целые профессии — химера. А иногда слабо пассионарный этнос растворяется в соседние путем смешанных браков — ассимиляция. Но это бывает очень редко, и процесс всегда мучителен для обоих компонентов, да и столь слабая пассионарность ассимилируемого этноса знаменует его полную беспомощность, что возможно лишь на субпассионарных уровнях — ниже гомеостаза.

Однако на уровнях суперэтнических все выглядит несравненно сложнее и неожиданнее. Сосуществование становится трудным, особенно при высоких уровнях пассионарности. И тогда возникают контроверзы, что буквально значит «препирательства», которые в Древности и Средневековье разрешались путем войны. Таким образом, в стихийных процессах этногенезов при наличии разных фаз и разных традиций (стереотипов) столкновения и борьба неизбежны даже при симпатиях друг к другу. А тюрки были чужими для всех: греков, арабов, латинян — и потому их ждала участь дальневосточных сверстников — киданей, ставших жертвой китайско-сяньбийской химеры.

Так, может, лучше было бы кочевникам не соваться на чужбину, а жить дома? Но тут вмешалось третье. В степной зоне наступил оче-

редной период вековой засухи. Волей-неволей приходилось уходить на окраины степи⁴. С одной стороны, засуха X в. была полезна, ибо кыргызы покинули степь, превратившуюся в пустыню, и ушли домой, в Минусинскую котловину. Война их с уйгурами, не кончившись, загасла. Кровь перестала литься на пересохшую землю. Но, с другой стороны, кочевники, покидавшие родину и терявшие связь с ландшафтом, невольно упрощали этносистемы и теряли традиции, как это было с гузами и кыпчаками.

Именно поэтому они воспринимались в окрестных странах как «дикари», тем более что в X–XII вв. никто из соседей не знал истории хуннов, тюрков и уйгуров. Обывательскому мышлению свойственно считать, что увиденное им теперь было таким всегда, а беду соседа рассматривать как его неполноценность. Так и создалось устойчивое мнение, что кочевники Азии — это дикари, трупни человечества, неспособные воспринимать культуру. Нужно ли говорить, что это неверно и антинаучно?

Поэтому направимся за осколками степных каганатов на Запад, где сложили буйные головы последние тюркские богатыри. Однако здесь нам придется изменить точку отсчета и способ изложения. До сих пор в центре нашего внимания находились сами степняки, и мы проследили закономерность их этногенеза. Но это удалось нам лишь потому, что был строго выдержан уровень приближения — суперэтнический. Но тюрки на чужбине, оторванные от родной степи, уже не представляли собой самостоятельных этнических систем, а образовывали либо отдельные рассеянные консорции (как гулямы), в которых соблюдался общий для всех этнических уровней принцип объединения «своих», либо небольшие популяции (субэтноссы), инкорпорированные этносами Ближнего Востока. Поэтому судьба последних тюрков уже не была связана с внутренней закономерностью их собственного этногенеза — этногенетическое время тюрков остановилось, — а определялась возрастом вмещавших их суперэтносов и контактами последних между собой. Вот почему мы вынуждены теперь обратиться к Миру ислама и его соседям — Византии и Западной Европе, в препирательствах которых угасали лучи великой тюркской славы.

• МИР ИСЛАМА •

Названия обманчивы. Слово «ислам» обозначает одно из исповеданий монотеизма, но оно же выступает как наименование огромной суперэтнической целостности, особой культуры, системы государственных образований и мировоззрений. Но и это очень важно. В этой

системной целостности (суперэтнической) далеко не все были мусульманами, хотя и числились таковыми. И речь идет не об иноверцах: христианах, гебрах-огнепоклонниках, иудеях, язычниках, а о членах мусульманской общины, претендовавших на правосерие. Это обстоятельство имело столь большое значение для этногенеза арабомусульманского суперэтнуса, что стоит уделить внимание тому, как это могло произойти, т. е. истории феномена.

По библейской легенде, арабы произошли от наложницы Авраама – Агари и их сына Исмаила. Авраам, родив от жены своей Сары Исаака, выгнал Агарь и Исмаила в пустыню. Исмаил нашел источник воды, чем спас свою мать и себя, но неприязнь между его потомками и потомками Исаака сохранилась. И ведь не исключено, что сама легенда сохранена для объяснения той вражды, которая разделяет эти этносы с XVIII в. до н. э., хотя, казалось бы, им ссориться было не из-за чего.

До VI в. арабы вели себя тихо. Одни пасли верблюдов – бедуины, другие в оазисах разводили финиковые пальмы и работали проводниками купеческих караванов через Каменистую Аравию – Хиджас, третьи блаженствовали в Йемене, подвергаясь время от времени вторжениям абиссинцев или персов. Но все они находились в гомеостазе (равновесии с ландшафтом) и были далеки от участия в исторических событиях, хотя постоянная война Рима с Ираном протекала на границах их страны.

Этногенетический взрыв, подобный взрывам, создавшим как хуннов, сарматов и парфян в III в. до н. э., так и Византию и Великое переселение народов в Европу во II в. н.э., в Аравии наступил в VI в. и протекал одновременно в Синде, Тибете, Северном Китае, Корее и Японии, о чем мы уже частично сказали.

Аравия в V–VI вв. была раздроблена и бессильна. Именно это открыло в нее двери для самых разнообразных культурных влияний. В город Ятриб – будущую Медину убежали от римлян уцелевшие евреи; туда же скрывались христианские еретики; там же учили арабов зороастризму персидские маги, а вокруг бродили по пустыне бедуины, поклонявшиеся звездам и особенно Зухре – планете Венере. В торговой Мекке святыней был камень, упавший с неба, – метеорит. Но мекканцы были люди практичные. Они принимали в свой город паломников, позволяли им поклоняться черному камню, а воду и финики продавали по повышенным ценам. Так, в благодатной тишине, жила Аравия, пока не начала раскаляться внезапно возникшим внутренним жаром.

Поэзия, хотя бы примитивная, была нужна арабам, путешествующим по пустыне, чтобы соразмерить колебания своего тела с аллюром

верблюда. Этому помогал ритм стиха, подчиняющий себе человека целиком. Так как у верблюдов аллюров много, то и трясут они всадника разнообразно. Поэтому в арабской поэзии есть 27 размеров, тогда как в русской только 5. Поэзия была для арабов так же насущно необходима, как для греков музыка, для негров-банту — танец, для славян — песня и т. д. А раз так, то первыми пассионариями в Аравии стали поэты, и в VI в. на месте ритмической болтовни бедуинов оказались стихи Имруль Кайса, шедевры мировой поэзии.

В VII в. поэтов вытеснили и убили религиозные фанатики, сплотившиеся около пророка Мухаммеда. Они победили мекканских купцов, бедуинов пустыни и евреев Ятриба, переименованного в «Город пророка» (Медина-гун Наби), потому что не жалели жизни ни своей, ни чужой. Порыв их был столь силен, что они сокрушили великий Иран и отторгли от Византии Сирию и Египет.

Никто не ожидал от них такой прыти.

Но приняв ислам на словах, мекканские купцы и бедуины в душе оставались равнодушны к теологии. Победившие их сектанты, руководимые халифами (наместниками пророка) Абу-Бекром и Омаром, были большинству арабов несимпатичны, хотя завоевания этих халифов приносили громадные доходы от грабежа покоренных стран и работорговли. Так в Халифате создались две этнопсихологические доминанты. К одной из них принадлежали фанатики — истинные мусульмане, а к другой — потомки врагов Мухаммеда, принявших ислам под угрозой гибели еще при жизни пророка.

Эти силы не могли не столкнуться в смертельной схватке. Она произошла в 660 г., и победили лицемеры. Вождь их, Муавия ибн Абу-Суфьян, основал династию Омейядов и перенес столицу из Медины в Дамаск, а его противники образовали партию погибшего халифа Али, «шият-Али», и стали называться шиитами, буквально — «партийными». Фанатиков сменили политики.

Победа Омейядов легко объяснима. Пассионарные люди были на обеих сторонах. Разделяли их только психологические доминанты, а сделать выбор мог каждый по своей воле. Большинство предпочло успех и богатство мученической смерти за религию, навязанную им силой. И вот потому Омейяды сидели на троне халифов и обращали избыточную энергию своих соплеменников на завоевания Средней Азии, Закавказья, Северной Африки, Испании и Аквитании. 90 лет они шли от победы к победе, и это их погубило.

Халифы Дамаска покорили столько народов, что в Халифате сами арабы превратились в господствующее меньшинство. Сверх того, так как всем покоренным рекомендовалось принимать ислам, чтобы не платить тяжелый налог харадж, количество лицемерных мусульман

выросло, а этнос, объединенный Мухаммедом, превратился в супер-этнос. В то же время первоначальная пассионарность самих арабов-мусульман расплескалась в завоеваниях, гражданских войнах (656–666 и 673–677) и восстаниях сектантов-хариджитов (684–697). И уже в VIII в. Омейяды пожинали плоды своей политики: господствующие лицемеры в ряде внутренних войн истребили большую часть искренних мусульман и дали возможность размножиться другим лжемусульманам неарабского происхождения, однако не предоставив им никаких прав. Те нашли вождя, Абу-Муслима, перса, который поднял народ на борьбу за потомков дяди пророка, Аббаса, против узурпаторов. Его поддержали буквально все, и в 750 г. последний омейядский халиф Мерван II погиб в Африке, а его родственники были убиты. Обыватели победили потомков воинов, задавив их массой. Новый халифат – Багдадский – стал уже не арабским, хотя и оставался таковым по языку, а арабо-персидским, почти копией царства Сасанидов, если бы те не сменили религию. Персы, перемешавшись с арабскими завоевателями, получили от них пассионарную инъекцию, но сохранили свой культурный идеал, привив Аббасидам элементы своего мировоззрения.

Аббасиды уже не завоевывали земли, а теряли их. Уцелевший Омейяд – Абдурахман отделил Испанию и стал там самостоятельным халифом в 756 г. Затем отпали Марокко в 789 г., Алжир в 777-м, Ифрикия (Тунис) в 800-м, Хорасан в 821-м, Сеистан в 867-м и Средняя Азия в 900 г. Аналогичный развал шел и в Сирии, Месопотамии, Аравии, Иране. Мятежники доходили до ворот Багдада.

К 900 г. обыватели проявили полную неспособность защищать свою страну, свои дома и семьи, и уж тем более свою веру, от внешних и внутренних врагов.

Ослабление, а потом и унижение такой мировой державы, как Багдадский халифат, трактовалось неоднократно и разнообразно. В аспекте этнологии проблема ясна: полигамия и привоз разных рабов из Азии, Африки и даже Европы создали в арабских странах этническую пестроту, для удержания которой в рамках системы требовалась огромная затрата энергии, т. е. высокий уровень пассионарного напряжения. Но и это не спасало, потому что дети грузинок, половчанок, гречанок и африканок наследовали пассионарность своего арабского отца и вкусы своих матерей, вследствие чего часто становились врагами друг друга.

А ведь все начинается с мелочей, казалось бы не заслуживающих внимания. Пророк Мухаммед не мог пить вино, но любил своих жен. И он запретил выпивку, разрешив устраивать гаремы. Поэтому мусульмане выпивали тайком, а детей производили вполне официально

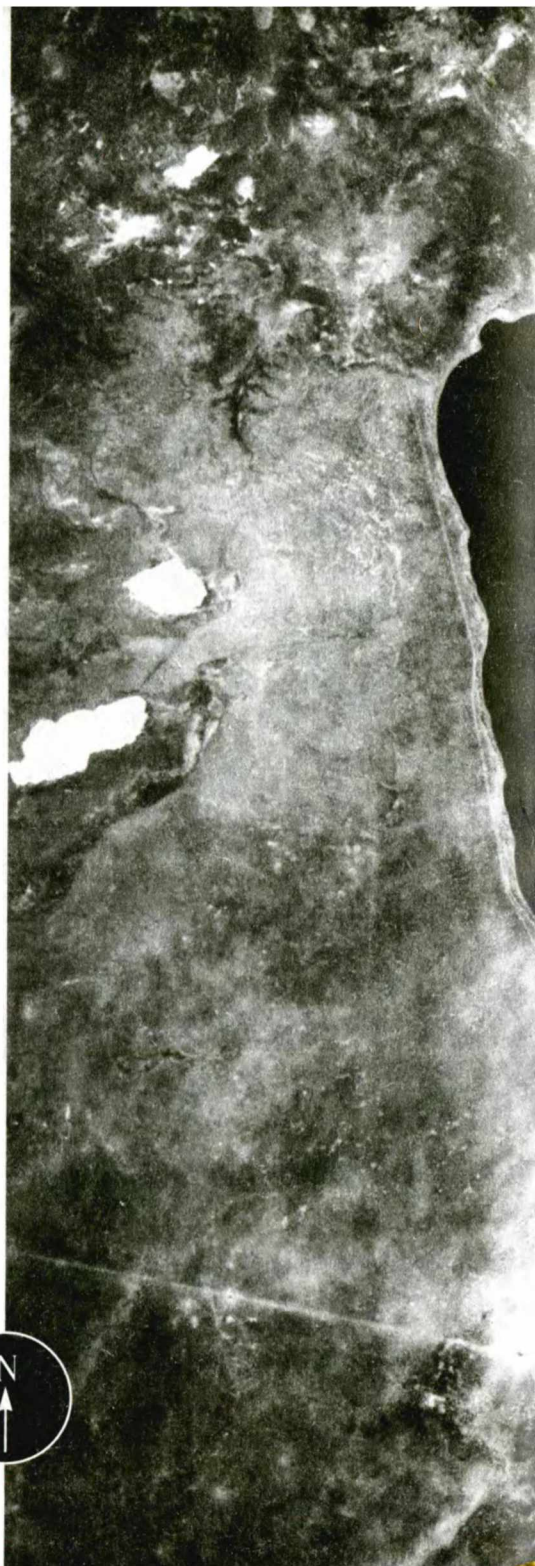
Берег восточного Каспия.

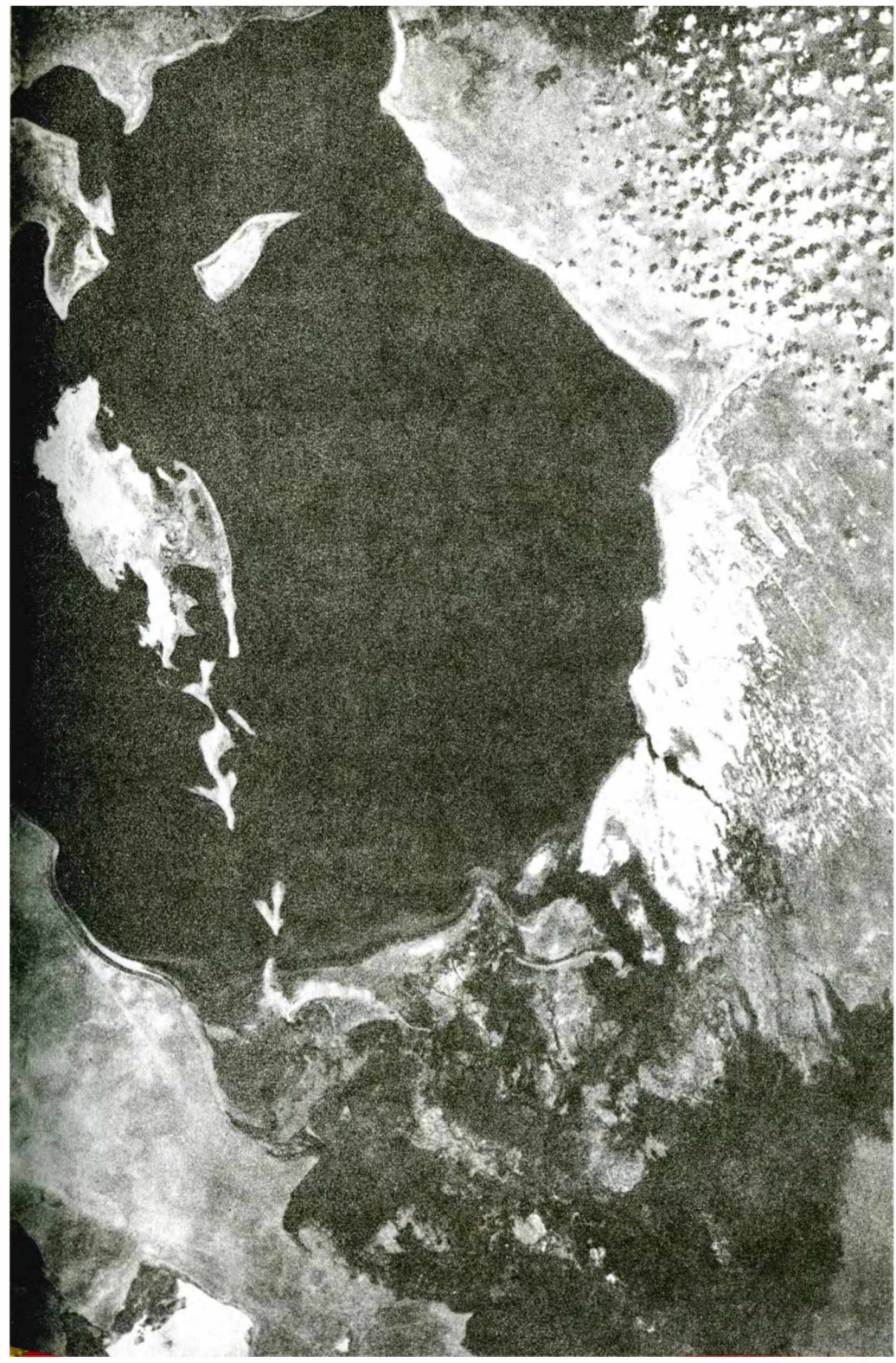
Красноводский залив, внутри которого город Красноводск, ныне Туркменбаши. Полуостров-самолет Челекен, 30 лет назад полуостров обнажился плоским берегом перед отступающим Каспием. Каспий вновь оторвал маленький остров Огурчинский от материка. Внизу облака, под которыми Копет-Даг и археологические развалины оазиса Мессериан. В центре хребет Балхан 2000-метровой высоты, и впадина, по которой текла Амударья, — старый Узбой.

**Обмелевшее
Аральское море.**
Внизу заросли дельты
Амударьи. Виден
золотоцветный конус
основного потока
реки. Крутой левый
берег горного плато
Устюрт. Справа пески
Кызылкумов.
В центре — остров
Возрождения,
разрастающийся
песком. Высоко вверху
сухопутная
перемычка,
разделившая море
на два водоема.
Светлое пятно
верхнего острова —
заповедник Барса-
Кельмес: “пойдешь —
не воротись”.

“Стая птиц над морем” — так называют песчаный остров Возрождения в Аральском море. Вид с высоты 200 км. Новообразования на земле не прекращаются. Из обмелевшего ложа моря возникают песчаные “хвосты” полуостровов, зарастающие кустарником. Южнее Возрождения еще один остров имени Лазарева срачивается с береговой линией с Возрождением.

от самых разных жен. Для сохранения этноса было бы лучше наоборот. Но начавшиеся процессы были необратимы.

Арабы быстро начали терять ведущие позиции в Халифате и были бессильны остановить этническую дивергенцию. Попытки халифов Мамуна (813–833), Мутаваккиля (убит в 861 г.) и Мутамида (погиб в 892 г.) навести порядок в полиэтничной стране кончались трагическими неудачами. Уже халиф Му'тасим (833–842) вынужден был создать гвардию гулямов, т. е. воинов-невольников из тюрок, славян, берберов и негров. Эти гвардейцы в 865 г. взяли власть в свои руки и за десять лет низвергли и убили четырех халифов. Однако они были необходимы, так как только они смогли подавить восстание зинджей — черных невольников из Африки, работавших на расчистке солончаков Нижнего Ирака (869–883).

Общим между гулямами и арабами было лишь исповедание ислама, но этого оказалось недостаточно, чтобы система Халифата уцелела. Гулямы были ксением — колонией гостей в арабском городе Багдаде, и по существу хозяевами страны.

Получилось более чем странно: халиф, глава всех мусульман, не мог и часу удержать власть без тюркских гулямов, а те не могли господствовать в чужой им стране без соизволения халифа. Условия, которые для них создали Аббасиды, были роскошны. Они получали содержание, на котором могли жить безбедно, выполняли привычную работу — воевали, подавляли восстания для халифов, а власть защищала их от народа... Ведь они оставались чужими и людям, и климату, и растениям, и горам, и равнинам. Оторванные от родины и традиции, тюркские гулямы убивали халифов, грабили купцов, издевались над крестьянами, потому что для них это были чужие, неприятные люди, к тому же беззащитные, ибо сабли были только у тюрок.

Превратностью исторической судьбы они были задвинуты в чуждые им условия — в столицу полумира Багдад, и суперэтнические различия неизбежно должны были сказаться. И это произошло, но пока судьба улыбалась тюркам не только в Ираке.

ЕГИПЕТ И ТЮРКИ

Благодаря тому же халифу Му'тасиму один из гулямов, тюрк Ахмад ибн Тулун, получил назначение помощником наместника Египта, в 863 г. взял власть в свои руки и присоединил к Египту Сирию и Палестину.

Но прежде чем идти дальше, необходимо расправиться с одной абберацией, очень старой и слишком привычной. Нам всем с детст-

ва казалось, что Египет – обширная страна, культурная и могущественная. Это мнение, на первый взгляд, подтверждала географическая карта, где территория Египта показана от Красного моря до нагорий Тибести и от дельты Нила до Хартума. Это, действительно, – огромное пространство. «Но видит лишь коршун бессонный, что страна – это только река, окруженная рамкой зеленой и второй – золотой, из песка».

Пригодная для людей земля – это узкая зеленая полоса по обоим берегам Нила. Величина ее примерно равна территории нынешней Бельгии. Более того, и в IX в., и позже, при египетских халифах – Фатимидах, ни члены правящей династии, ни их придворные, ни их воины, купцы, муллы, эмиры, шейхи, ни даже жены и одалиски их не были египтянами и египтянками, хотя именно потомки строителей пирамид и храмов, создателей древней письменности и учителей Пифагора, Птолемея (астронома) и отшельников Фиваиды составляли большинство населения прекрасной долины Нила.

Энергия египтян Древнего царства иссякла уже в XVIII в. до н. э. Этнический толчок, изменивший лицо Египта, создал Новое царство, отличавшееся от Древнего так, как, например, Италия отличается от античного Рима или Франция – от кельтского племенного союза на этой же территории, руководимого друидами.

Но и этот толчок этногенеза, сообщивший энергию Новому царству, со временем потерял инерцию. Страна прошла свой цикл развития, хотя египтяне сохраняли навыки земледелия, знание астрономии, медицины и способности к философии.

Угасающий этнос, переходящий в своей этнической истории «к старости» – научно выражаясь, в стадию гомеостаза, неустойчивого равновесия с окружающим ландшафтом, – теряет одно важное качество, не восполнимое никакой культурной традицией: это – способность к самообороне. Египтом, страной культурной и трудолюбивой, по очереди овладевали нубийцы, ассирийцы, ливийцы, персы, македоняне Александра Македонского, римляне и, наконец, арабы. Сами египтяне не сопротивлялись ни одному из завоевателей, давая им драться друг с другом.

Последние судороги ускользающей активности стали заметны в первые века нашей эры, когда египтяне, сменив свои прежние культы, приняли христианство – не совсем равнодушно. Но после V–VI вв. египетские землевладельцы возделывали поля и платили налоги Византии, полагая, что большего от них не нужно и все остальное их не касается. Этническая система египтян упростилась до того, что их стали называть не по этносу, а по роду занятий – феллахи, что значит «землепашцы».

Но пока Нил тек, откладывая на поля плодородный ил, Египет был самой богатой страной Средиземноморья. Правители его не мешали аборигенам жить привычным бытом, ограничиваясь сбором налогов. Политическая и интеллектуальная жизнь кипела в городах Дельты: в Александрии, Мансуре, Дамiette и других. Бедуины пасли своих верблюдов в пустынях по обе стороны долины реки Нил. Купцы всех стран везли для эмиров, военачальников, горожан товары со всех концов известного тогда мира. И немаловажным товаром были рабы и рабыни.

Казалось бы, зачем они были нужны, если никто не собирался посылать их на тяжелые работы? Рабы стоили дорого, а для строительства, ирригации и сельского хозяйства было сколько угодно покорных феллахов. Нет! Девушки-рабыни пополняли гаремы, а мужчины — личные войска наместника, ибо в IX в. в Халифате было очень неспокойно. Восстания поднимались всюду. Шииты, группировка мусульман, боровшихся за власть в Халифате, «отложились» в Марокко, создав тем в 789 г. независимый султанат. Хариджиты, группировка, отрицавшая власть халифа над правоверными, создали собственное государство в Алжире. Правоверные Аглабиды в Тунисе отложились в свою очередь и завоевали в 878 г. Сицилию для себя, а не для халифа.

И хотя Ахмад ибн Тулун не собирался отторгнуть Египет от Халифата, он заложил для этого необходимые предпосылки. Опорой его стали гулямы, которых он покупал в Европе и в Судане. Среди первых было много его соплеменников. И с тех пор тюрки начали попадать в Египет. Из Судана же покупались черные гулямы, благодаря чему в Египте сложились две гвардии гулямов-рабов: белая и черная. Одно время этой богатой и беззащитной страной управлял черный гулям, нубиец Кафур, прославившийся как щедрый покровитель литературы и искусства. Но эти наместники еще считались с халифом. Беда пришла в конце IX в., и не только для Египта, но и для всего Халифата.

ХИМЕРА НА НИЛЕ

В отличие от Китая, где третий взлет пассионарности имел шовинистическую доминанту и привел к отторжению всего некитайского, в Халифате — новый всплеск арабской пассионарности породил националистическое, но совершенно антимусульманское движение. В 890—906 гг. вспыхнуло восстание карматов — арабов Бахрейна и бедуинов. Карматы и близкие к ним исмаилиты принесли Халифату гораздо больше вреда, чем все остальные иноверцы вместе взятые. Они

разъедали тело Халифата, как бактерии — туловище больного зверя. Их принципами действия были ложь, обман и предательство. Это была типичная антисистема, но ведь пассионарность — это эффект энергии, безразличной к добру и злу.

Карматы были разбиты в Ираке и в Сирии тюркскими гулямами, но они удержались в Бахрейне и даже на время захватили священный город арабов Мекку, увезли оттуда черный камень Каабы, который был возвращен позже за большой выкуп.

Другая группировка исмаилитов, возглавленная Убейдуллой, выдававшим себя за потомка халифа Али и дочери пророка Фатмы, опираясь на оседлое берберское племя кетама, жившее на склонах Атласа, сокрушила аббасидского наместника Магриба (запада Халифата). По сути дела, предприимчивые вожди исмаилитов использовали вражду покоренных берберов к завоевателям-арабам.

Однако берберы отнюдь не были наивными фанатиками, которых можно было просто использовать, не давая ничего взамен. Вымышленная генеалогия Убейдуллы, бывшего на самом деле евреем⁵, интересовала их лишь постольку, поскольку этот авантюрист помог им сокрушить суннитов Ифрикии (Тунис), хариджитов Тахарты (Алжир) и шиитов Феса (Марокко). В совместно завоеванном в 969 г. Египте они были не прочь проделать то же самое с потомками Убейдуллы — Фатимидами, для которых успели завоевать еще Палестину и часть Сирии.

Эти успехи оказались фатальными. Берберы встретили своих единоверцев — карматов из Бахрейна и... схватились с ними насмерть, потому что карматы были ненавистные им арабы. Обе стороны сражались под белыми знаменами исмаилизма, но конфессиональные символы не корректируют законов биосферы. Если в Испании берберы в X в. поддерживали своих арабских единоверцев против иного суперэтнуса — католиков Кастилии и Арагона, то внутри собственного суперэтнуса, т. е. на порядок ниже, этнические различия оказались решающими, и Фатимидам пришлось сделать выбор между религиозным и этническим принципами.

Умный и циничный политик Убейдулла уже в начале своего правления учел ненадежность своей берберской опоры. С 918 г. он начал усиленно покупать славянских, венгерских и тюркских рабов, захваченных на побережье Далмации многочисленными пиратами⁶. Из них он создал гвардию, с помощью которой его преемник Азиз подавил восстание берберов в 984 г.⁷ Конечно, после этого он потерял Магриб (страны запада), но сохранил власть в Египте и авторитет среди азиатских исмаилитов.

Египетское войско при Фатимидах, по словам поэта и путешественника Насир-и-Хосрова, состояло из 60 тысяч гулямов: суданских

негров, тюрков и славян, а также из 135 тысяч ополчения, в состав которого входили берберы Магриба и арабы Хиджаса. Когда же берберы и арабы отпали от Фатимидов, значение гвардии возросло. Быть рабом-воином стало не позорно, а почетно и выгодно.

Иностраннный легион — изобретение древнее. Обычно наемники — свободные люди, поступающие на службу добровольно, но в Египте их роль выполняли мамлюки, буквально «принадлежащие», т. е. рабы. Поэтому они не могли уволиться и вернуться домой: ведь они были невольниками.

Казалось бы, мамлюкам легче всего было принять ислам, что давало свободу, и раствориться в конгломерате народов мусульманского мира. Но они избегали свободы как огня, и не зря. Одинокий человек на чужбине, без денег и друзей, обречен на самую жалкую жизнь. А находясь в войске, он был сыт, одет, вооружен и имел прекрасную перспективу повышения, потому что султан или эмир нуждался именно в его преданности и доблести.

Согласно традиционным представлениям эволюционной этнографии, мамлюки, находясь в чужой стране с непривычным климатом, изолированные от местного населения, должны были слиться в единую целостность на основе социальной близости, а потом исчезнуть, вследствие нарушения связи этноса с ландшафтом. Не произошло ни того, ни другого. Кыпчаки из южнорусских степей объединили вокруг себя славян, мордву, торков, монголов и курдов, но не горцев: черкесов и чеченцев. Степняки базировались на острове ар-Руада на Ниле (ал-Бахр) и назывались — бахриты, а горцы — в цитадели Каира (ал-Бурдж) — бурджиты. Иными словами, на уровне этноса объединение шло легко, а на уровне суперэтноса — не происходило, несмотря на социальную близость.

Механизм такого разделения понятен.

Представьте такую картину. На невольничий базар, где стоят нагие юноши, выходит сотник в чалме, в роскошных шароварах, с саблей на боку и кричит: «А ну, крещеные, кто из Чернигова, кто из Мурома, отзовись!» Кое-кто отзывается, и сотник уводит их к себе в казарму, чтобы включить в свой отряд.

Затем выходит другой сотник и кричит: «Эй, уланлар, ким Джаиктан? Кельмунда!» Его смеяет третий, говорящий по-черкесски, четвертый — по-алански, пятый — по-грузински, и так, пока не разберут своих земляков. Принцип этнической близости в неволе выдерживается более строго, чем в любых иных коллизиях.

И это закономерно! Верность своему начальнику обеспечена, ибо воину податься некуда. Чужие его не примут, и даже если не выгонят, то продвинуться не дадут. Разумеется, местных мусульман, уроженцев

страны, в эту гвардию не допускали. Ведь они были связаны с населением, они могли найти защиту у мулл и улемов, имели возможность принадлежать к разным скрытым шиитским толкам... Нет, не надо! Разве только рядовыми без права на выслугу.

Однако вряд ли сытые, одетые, вооруженные и никем не обижаемые мамлюки были счастливы. Приобретая некоторый комфорт, они потеряли родину и родных. Пусть даже военный лагерь на острове, где были расквартированы степняки, или в замке, где жили черкесы и грузины, были роскошнее их кочевий и селений, горных аулов и землянок в долине Риони, но ведь там оставались друзья и подруги, мудрые старики и ласковые бабушки.

А память подсовывала им совсем не нужные картины. Врагов – которые вяжут руки и гонят плетьюми их, привязанных к хвостам коней. Купцов – покупающих их на базарах в Суроже, Херсоне или Трапезунде. Надсмотрщиков с ремennыми бичами... Тяжелая штука, эта память. И ведь не выкинешь ее, как обгрызенную кость.

Таким образом, Фатимидам удалось создать государство не на основе того или иного этноса, пусть даже завоевателя, а на основе консорции, пополняемой новообращенными из всех этносов Ближнего Востока и Европы. Исмаилитская община умело использовала феллахов как трудящихся, христиан-коптов как чиновников, евреев как купцов-посредников, причем тем удалось наладить торговые связи с Индией и Западной Европой⁸, тюрок и суданских негров как гвардию, берберов и хиджасских арабов как ополчение, а сами члены исмаилитского ордена правили захваченными землями и проникали в мусульманские страны, подготавливая их к присоединению к Египту.

Эта типичная химера, возглавляемая антисистемой, могла держаться довольно долго благодаря веротерпимости халифов. Но как только «сумасбродный деспот» халиф Хаким (996–1021 гг.) начал религиозные преследования, сначала христиан и иудеев, а потом суннитов, – он исчез, да-да, исчез, а его преемник немедленно отменил все его указы.

Но еще до его исчезновения в 1021 г. обнаружился первый признак грядущего распада: негры – личная гвардия Хакима – схватились с тюркскими гулямами, которых поддерживали берберы. Это была первая, но не последняя резня.

Этнические феномены продолжали разрывать социальную общность мамлюков. В 1058–1062 гг. тюрки снова схватились с суданскими неграми и изрубили их.

Во время беспорядков были разграблены дворец халифа, государственная казна и даже библиотека. Только энергия халифа Мустансира, призванного из Сирии армянина Бадра, тоже бывшего раба, став-

шего военачальником, спасла положение. Армянские и сирийские войска заняли Каир в 1073 г. Бадр заманил тюркских повстанцев в западню и перебил всех до единого в одну ночь. Порядок был восстановлен, но за время смуты отпали Алжир и Тунис, а Сицилию в 1071 г. завоевали норманны, точнее, французы из Нормандии. Надо было заново комплектовать армию и научиться обходиться без выходцев из Судана — негров и, следовательно, снова покупать рабов, т. е. поддерживать химеру со всеми вытекающими из этого последствиями. Но иного выхода у Фатимидов не было. Арабы не только в Египте, но и во всем Халифате уступали позиции тюркам и превращались из воинов и правителей в поэтов, ученых и купцов. Все эти занятия не требовали риска, что показывает на снижение арабской пассионарности, характерное для фазы надлома. Но и тюрки, в каких бы привилегированных условиях они ни находились в Египте, потеряв связь с родным ландшафтом, не могли регенерировать как этническая система, воспроизводящая себя из поколения в поколение. Их ожидало неизбежное вырождение.

Вырождение у мамлюков выражалось своеобразно: семьи у них были большие, но дети теряли вкус к военной карьере и становились просто горожанами. Это значит, что они утрачивали пассионарность, а вместе с ней стимул к этнической обособленности — противопоставлению своих — чужим. Поэтому для поддержания политической системы требовались постоянные пополнения, причем статус невольника был обязательным. Свободных в войско принимали, но только на низшие посты. Очевидно, пребывание в неволе рассматривалось как искусе, в котором выяснялись личные качества будущего мамлюка.

В 1094 г. два сына халифа Мустансира возглавили две партии: крайних и умеренных. Последние победили и вытеснили своих соперников в Иран. Затем, в 1130 г., возникло междуцарствие, а вслед за ним в 1134 г. новая резня белых и черных мамлюков обескровила войско халифа Хафиза. Белые мамлюки — кыпчаки — победили черных — суданских негров, тем самым сократив число воинов вдвое. После этой вспышки власть фатимидских халифов стала фиктивной и фактическими хозяевами в стране оказались гулямы — мамлюки. Нет необходимости видеть в резне белых и черных мамлюков борьбу рас. Устойчивое размежевание самих белых мамлюков на степняков-бахритов и горцев-бурджитов тому доказательство. Принцип деления был не расовый, а этнический. На этом следовало бы поставить точку, но мамлюки — столь оригинальный феномен этнической истории, что следует довести повествование о них до конца. К тому же химера, созданная Фатимидами на берегах Нила, продолжала свое существование и после них.

Ненавидя своих продавцов, мамлюки отнюдь не обожали своих покупателей. Поэтому они спокойно позволили заменить исмаилитского халифа суннитским султаном в 1171 г. Когда же им показалось, что султан Тураншах руководит ими плохо, они взяли дворец и убили султана, что случилось 2 мая 1250 г. Инициатором переворота был половец Бейбарс, которого поддерживали его земляки.

Бейбарс посадил на престол ребенка Камиля, за которого правили его мать, султанша Шеджерет ад-дурр, и мамлюк туркмен Айбек, ставший ее мужем. В 1257 г. ревнивая султанша отравила своего супруга за измену. Тогда мамлюки посадили ее в тюрьму и в 1259 г. выбрали султаном другого половеца – Кутуза, друга Бейбарса. Так совершилась в Египте «революция рабов», или, что то же, завоевание страны мамлюками. Это произошло в те самые годы, когда у себя на родине половцы были разбиты и разметаны так, что больше не составляли единого этноса. Жуткая ирония судьбы!

Осколки южнорусских степняков вошли в состав Золотой орды, где в 1312 г. хан Узбек произвел переворот и навязал всем кочевым подданным веру ислама.

Согласно шариату, мусульманин не может быть продан в рабство; поэтому в Египте покупали только язычников и христиан. Следовательно, обращение половец в ислам в 1312 г. прекратит поступление их в войско бахритов, а число кавказцев – бурджитов росло, и в конце XIV в. преобладание перешло к ним, что выразилось в смене династии и личного состава эмиров. В 1517 г. искусственная социальная система мамлюков была сокрушена новорожденным этносом османов, находившихся тогда в фазе этнического подъема. Османы сохранили мамлюкское войско, и оно, как реликт, еще защищало Египет от Наполеона. Упразднено оно было лишь в 1811 г. Химеры часто бывают устойчивы, но способности к саморазвитию лишены всегда.

НАДЛОМ В «МИРЕ ИСЛАМА»

Прямое воздействие пассионарного толчка VI в., породившего общину Мухаммеда, которая превратилась в «мусульманский суперэтнос», вобрав персов и берберов, прослеживается до середины X в., но уже в конце IX в. в Багдадском халифате, как мы уже сказали, появились грозные симптомы надвигающегося религиозного раскола.

История культуры, точнее, история мысли тесно связана с этнической историей. Идеологическая система, как религиозная, так и атеистическая, будучи создана людьми на ранней фазе этногенеза, превращается в символ, в котором члены этноса мыслят и ощущают себя

как части реальной целостности. Символ становится индикатором этноса; исповедание его — частью стереотипа поведения.

Все природные детерминанты принуждают; символы привлекают с силой, прямо пропорциональной искренности объекта (персоны или коллектива), на который они воздействуют. А так как потребность в непротиворечивом мировоззрении и в положительной комплиментарности входит в число потребностей человека, то символы, как явления культуры, несут определенную нагрузку в этнической истории. Они представляют людям ценности, которые нужно отстаивать или распространять, и наоборот, отрицание символа означает выход из этноса или раскол этнического поля, после чего на месте одного этноса возникают два-три, пусть объединенных единой государственной властью, но чуждых друг другу. Раскол поля не миновал и мир ислама. Уже при жизни Мухаммеда и первых халифов были определены основные стороны культуры ислама: строгий монотеизм в теологии, шарият в юстиции, преемственность власти халифа в государственном праве, неограниченное распространение своей веры, т. е. расширение мусульманской общины до пределов ойкумены, обязанность вести джихад — священную войну и не вступать в союзы с иноверцами против мусульман.

Этот неполный список «граней символа» создал новое мироощущение, непохожее на древние эзотерические культы, бытовавшие на Ближнем Востоке до торжества христианства, а также после запрещения язычества Феодосием I. Мусульмане (арабы) сделали для истребления язычества больше, чем христиане (византийцы), но и ими не была одержана окончательная победа. Тени древних богов бродили и между церквями, и между мечетями. Они ждали минуты, когда им удастся снова внедриться в жизнь людей, и дождались... и отплатили за все обиды, нанесенные их капищам несколько веков назад.

Началось антиисламское карматское движение, по идеологии — эклектический вариант древнего гностицизма. Отряд карматов участвовал уже в восстании зинджей, а в 90-х гг. IX в. вооруженные карматы свирепствовали в Ираке и Сирии. После поражений, нанесенных им суннитами, они укрепились на побережье Персидского залива в стране, называемой Бахрейн.

Бахрейн — страна, расположенная на востоке Аравии и отделенная от Хиджаса и Йемена пустыней, была родиной многих этносов, сумевших прославить свое имя в истории. В древности отсюда вышло племя халдеев, отвоевавших у ассирийцев Вавилон, а затем совместно с мидянами разрушивших в 612 г. до н. э. Ниневию. Долгое время Бахрейн был под властью иранских династий: Ахеменидов, Аршакидов, Сасанидов, вследствие чего там поселилось много персов¹⁰. Торговля

с Индией увеличила пестроту населения, которое и так пополнялось выходцами из различных племен Аравии, только после Мухаммеда слившихся в единый этнос — арабов. И хотя немедленно после смерти пророка Бахрейн изгнал из своих пределов проповедников ислама и сборщиков налогов (632), при приходе войск халифа Абу-Бекра сдался без боя, чем спас свои города и сады¹¹, Персия, которой подчинялся Бахрейн, ничем не помогла своим подданным, а вскоре и сама стала жертвой мусульман.

Потрясшие Халифат гражданские войны опустошили Западную Аравию и прошли мимо берега Персидского залива. Поэтому Бахрейн стал прекрасным убежищем для карматов, потерпевших тяжелые поражения в Сирии и Ираке. Отсюда карматы совершали губительные набеги на караваны богомольцев, шедших в Мекку, на села Ирака и Юго-Западного Ирана, где они убивали мужчин, насиловали женщин, грабили дома, а пленных обращали в рабство¹². Более того, взяв в 930 г. Мекку, карматы выломали и увезли черный камень — святыню мусульман.

Глава карматов, Абу Тахир, приказал распилить этот камень пополам и пользоваться двумя кусками, как подставками для ног в уборной¹³. Лишь по настоянию главы всех исмаилитов, египетского халифа Мансура, «черный камень» был возвращен в Мекку за большой выкуп.

Было бы ошибкой отождествлять организацию карматов с населением Бахрейна: свободными крестьянами и ремесленниками, а также соседними бедуинами. Они были лояльны карматской общине, захватившей в 899 г. город Лахсу и удержавшей его после разгрома восстаний в Сирии и Ираке. Карматы платили за предоставленное им убежище тем, что не взимали с жителей налогов, бесплатно мололи их зерно на государственной мельнице, давали им пособия без процентов, не ограничивая тех в сроке возврата долга. Сами же карматы жили за счет военной добычи, прежде всего рабов: негров и абиссинцев, которые принадлежали не отдельным людям, а государству, причем предоставляли их жителям для отдельных работ в поле или в саду и для ремонта зданий¹⁴.

Жителей Бахрейна такой порядок устраивал, тем более что карматы не только не вовлекали их в свою организацию, но в нее не допускали, хотя в частых походах теряли много людей. Карматская община пополнялась пассионариями, которых вербовали по всему мусульманскому миру эмиссары — да'и. Люди слабовольные и инертные были карматам не нужны. Но как только число пассионариев в арабских странах уменьшилось, а следовательно, сократилось количество возможных неофитов, карматское государство стало умаляться, слабеть и, наконец, утратило всякое влияние за пределами Лахсы. Последний

раз их имя упоминается в сочинении Насир-и-Хосрова в 1051 г. Ужас, висевший над Аравией, Сирией и Ираком, растаял сам по себе¹⁵.

И это не должно нас удивлять. Карматы не имели связи с ландшафтом, т. е. у них не было родины, и они отrekliсь от арабских традиций, как исламских, так и бедуинских; значит, они потеряли отечество. Идеологическая система их была эклектична. Она состояла из весьма искаженных концепций Плотина, Платона и гностиков, дошедших до их вождей в очень неточных иудейских переводах, смешанных с чужими элементами¹⁶. Короче говоря, у карматов не было ничего своего, а куча награбленного. Это особенность антисистемы, которая может существовать только за счет соседей, но ничего не производит и не хранит.

Впрочем, то, что все течения исмаилизма предлагали своим сторонникам, было крайне эфемерно. «Справедливость» — народам и племенам и «тайна» — только посвященным. Но так как земледельцы и скотоводы совсем не интересовались тайными учениями, а справедливость воспринимали каждый по-своему, то даже последняя ниточка, связывавшая общину с массой, оборвалась. В 988 г. бедуины нанесли карматам жестокое поражение и с тех пор приняли на себя охрану паломников в Мекку, разумеется, за приличную плату. Антисистема всегда нежизнеспособна.

Середина любого этногенеза характеризуется спадом пассионарности ведущего этноса и сменой поведенческого императива, когда принцип «будь самим собой» сменяется усталостью и появлением субпассионариев, заботящихся только о себе. Идеалы патриотизма, ревности к вере, влюбленности в культурную традицию утрачиваются, что делает этносоциальную систему беззащитной. Это фаза пассионарного надлома.

Фаза надлома — это как бы возрастная болезнь этноса, которую необходимо преодолеть, чтобы обрести иммунитет. Этнические контакты в предшествующей — акматической и последующей — инерционной фазах не влекут тяжелых последствий, ибо образуются не химеры, а симбиозы, при которых этносоциальная система усложняется. Но фазу надлома надо уметь пережить, что удается не всегда.

В Багдадском халифате она наступила в X—XI вв. и проявилась в расколе мира ислама на суннитов и карматов. Появление карматов и исмаилитской антисистемы резко изменило политическую обстановку в Халифате, и в Багдаде — прежде всего: из арабского города он превратился в зону активных этнических контактов и средоточение химер. Снижение пассионарности самих арабов только накаляло страсти, так как устраняло препятствия к проявлению национализма покоренных народов. И события потекли.

Исмаил Самани в 900 г. разбил разбойничьи отряды сеистанского правителя, захватившего в конце IX в. весь Иран, Амра ибн Ляйса Саффариды. Его эмират стал опорой суннитского правоверия и традиций Персии и включал поименом Восточного Ирана современные Афганистан и Среднюю Азию.

Саманиды были последними древними иранцами, но арабская пассионарность преобразила их в новый этнос — таджиков.

Вслед за Саманидами воспользовались политическим развалом в Халифате горцы Дейлема (Буиды). Дейлемиты были народом очень древним и находились в гомеостазе. Они жили в естественной крепости — на склонах Эльбруса и не давали себя подчинить ни македонянам, ни парфянам, ни персам, ни арабам. Когда же арабы раскололись на суннитов и карматов, дейлемиты приняли шиизм зейдитского толка и почти без сопротивления покорили Западный Иран и Восточное Закавказье. В 945 г. их вождь вошел в Багдад и, оставив халифа на месте, принял титул эмир-ал-умара (главнокомандующий). Шиизм Буидов был проявлением антиарабского иранского национализма, вследствие чего они воевали против карматов как арабов и против Саманидов (900—999) как суннитов. Для себя же они сочинили генеалогию, восходящую к Сасанидам, и возродили титул «шахиншах». А в это время, как мы уже сказали, исмаилит — Убейдулла, опираясь на берберов племени кетама, уничтожил арабские государства Аглабидов (сунниты), Рустамидов (хариджиты) и подчинил Идрисидов (шиит), после чего его потомки Фатимиды завоевали Египет, часть Сирии и Хиджас. По сути дела, это был раскол поля суперэтнуса.

Казалось бы, вслед за политическим распадом должен был последовать распад этнический, но символ — «ислам» продолжал цементировать эти различные этносы, ненавидевшие друг друга. Без признания себя мусульманским ни одно из правительств не могло тогда удержаться, хотя искренность правителей была крайне сомнительна, а осведомленность их подданных в теологии равна нулю или даже была отрицательной величиной, как у карматов и исмаилитов.

ХИМЕРА НА ДЖЕЙХУНЕ

Мы рассмотрели ход этногенеза в Арабском халифате. Теперь сосредоточим внимание на его восточной окраине — оазисах Средней Азии. Пассионарный толчок — явление природы и, следовательно, ареал его не связан с родом занятий и культурой населения. Оседлые этносы Согдианы и Хорезма были ровесниками хуннов и сарматов. Поэтому в X в. они находились бы в том же возрасте, что и их кочевые

соседи, но, став в VIII в. добычей молодых и хищных арабов, они были вынуждены усвоить их культуру и мировоззрение, а также получить пассионарный генофонд, вследствие чего не могли уже не разделить судьбу Багдадского халифата, т. е. должны были вступить в фазу надлома.

В конце X в. тюркские племена чигиль и ягма, только что принявшие ислам, двинулись на Самарканд и Бухару. Казалось бы, соотношение сил было в пользу Саманидов. У них было больше людей, городов, полей и пастбищ. У них была роскошная культура, базировавшаяся на древней иранской традиции, обновленной влиянием арабской культуры. Бухарским таджикам X в. были ведомы греческая философия и достижения индийской мысли. Одного у них не хватало: воли к свершениям, жажды славы и жертвенности ради далекого прогноза — идеала. Да и сам идеал стал слишком расплывчат и аморфен. С таким этнопсихологическим настроем легко жить и работать, но невозможно успешно воевать. Поэтому Саманиды стали вербовать в армию тюрок, доверили чужим людям защищать себя и свою страну. Что делать? Старики и больные поступают так всегда, не только люди, но и этносы.

Их подданные, их опора — дехкане, так же как и военное сословие в Багдаде, теряли свою пассионарность. И когда в 999 г. тюрки «с широкими лицами, маленькими глазами, плоскими носами, малым количеством волос (на бороде), с железными мечами, в черной одежде»¹⁷ подходили к Бухаре, то саманидское правительство обратилось к народу. Однако факихи (теологи) разъяснили народу, что «если бы Ханиды (тюрки) препирались (с Саманидами) из-за религии, то сражаться с ними было бы обязательным. Но когда борьба идет из-за благ сего мира, то не позволено мусульманам губить себя и предоставлять себя для убийения»¹⁸. Бухара сдалась, Саманиды были убиты. Оседлые, цивилизованные люди подпали под власть кочевников... но как будто они этим не очень тяготились. Странно, не правда ли?

Причин, объясняющих эту странную коллизию, несколько, но мы отметим из них три, что будет «необходимо и достаточно». Спад пассионарного напряжения всей суперэтнической системы «мира ислама» безусловно имел место, но в фазе надлома исчезают не все пассионарии и не сразу, так что это одно не решает проблемы. Потеря популярности Саманидами тоже была налицо. Ведь им, как и багдадским халифам, приходилось окружать себя тюркскими гулямами, т. е. самим организовывать химеру. Так если тюрки все равно правят, то зачем тогда эмиры? Вероятно, так или вроде того рассуждали обыватели Бухары, Нишапура, Рея и Хорезма.

И наконец, мучительной болезнью «мира ислама» были злые сектанты, о которых было рассказано выше. Как упоминалось, на протя-

10. Л. Гумилев. Том 11.

жении X в. они произвели ряд восстаний, где пролились реки крови, и создали два государства: Фатимидский халифат в Египте и Карматскую республику в Бахрейне (Восточная Аравия), но не в этом была их сила. Карматы и исмаилиты широко использовали ложь. Они притворялись мусульманами. Они убивали мусульман безнаказанно, ибо убийц спасала тайная община. И ладно бы, если бы они убивали только феодалов; нет, каждый простой человек мог стать жертвой убийцы, которым руководил пир (старец). А халифы и эмиры так боялись отравленных кинжалов исмаилитов, что не принимали против них решительных мер. Да и не могли они это сделать, так как не знали, кто из их визирей и эмиров — тайный исмаилит. Исмаилиты всегда гнали, ибо таков был их закон, весьма для них выгодный, ибо с желавших не быть убитыми они брали большие деньги¹⁹. Как это напоминает гангстеров XX века!

Так в середине X в. оказалось, что в Саманидском эмирате исмаилиты занимают важные должности: военачальник саманидских войск в Хорасане, раис Бухары, сахиб хараджа (нач. фин. отдела), пославший фатимидскому халифу Кайму (934—946) дотацию в 119 тысяч динаров. Исмаилитов особенно поддерживал эмир Наср II. Его сын Нух I (943—954) отрешил отца от власти, перебил захваченных исмаилитских вельмож с помощью тюркской гвардии, но при этом выяснилось, что верить можно только тюркам, которые по простодушию и необразованности были чужды гностической исмаилитской философии и мистике. Но они-то и погубили последних Саманидов.

В решающие дни битв за Бухару между таджиками-саманидами и тюрками, династию которых условно принято называть «Караханиды», саманидский полководец, наместник крепости Газны Себук-тегин предал эмира Нуха II (976—997) и его преемников Мансура II (997—999) и Исмаила (999—1005), которые героически сражались против тюрков, но погибли, и не от сабель противников, не в боях, где смерть так естественна, а от рук своих подчиненных. Поистине, нельзя спасти народ, который не желает, чтобы его спасали.

Себук-тегин был простым гулямом. Он овладел властью, опираясь не на членов своего этноса, а на своих боевых товарищей, т. е. на консорцию. Это был тип химеры, где ведущая часть была полностью оторвана от почвы, или, точнее, деэтнизирована. По сути дела, Себук-тегин и его сын Махмуд Газневи (998—1030) создали и постоянную армию, т. е. уподобились римским солдатским императорам, с той лишь разницей, что не армия служила стране и народу, а народ — армии.

Так возник Газневидский султанат, где все подданные султана делились на два сорта: воины и налогоплательщики. Одни платили налог кровью, другие — деньгами. Воины были тюрки, прочие — абори-

гены, которым запрещалось даже выражение патриотизма. Однажды жители Балха вздумали защищать свой город от Караханидов и получили выговор за сгоревший во время боя базар. Султан Махмуд сказал, что воевать – не их дело, а на реставрацию базара с горожан надо бы потребовать деньги, но он их, по доброте, прощает.

Сила такой системы была огромной. Пятнадцать походов в Индию доставили Махмуду много денег: в 1000 г. Махмуд подчинил Хорасан, в 1010–1011 гг. – Гур, в 1017-м – Хорезм, в 1029-м – Рей и Хамадан, разгромив при этом Буидов. Но этот колосс на глиняных ногах упал в 1040 г., когда сельджуки перебили газневидских гулямов при Денданакане. Но о них позже.

ХАЛИФАТ И ХИМЕРЫ

Сделаем краткое резюме. Прогрессивное экономическое развитие стран Ближнего Востока в X–XI вв. отсутствовало. Рост производительных сил ограничивался постоянными войнами. Если и были то там, то здесь «тихие» десятилетия, вслед за ними шли годы кровопролития, сметавшие часть накопленных материальных и культурных благ. В лучшем случае сохранился уровень, достигнутый при Аббасидах, да и то за счет талантов и трудолюбия таджиков, персов, арабов и хорезмийцев.

Социальные системы упрощались. Победоносные тюрки либо сохраняли свой быт, либо составляли войска султанов, живших очень неплохо за счет аборигенов и умиравших в сражениях, которые бывали часто, даже слишком часто. Талантливых поэтов и ученых было много, но жизнь их была незавидна. Судьба их зависела от произвола султанов и доносов факихов. И все-таки они работали. Слава им!²⁰

Но на фоне социально-экономической стабильности процессы этногенеза шли убыстренно, что и определяло напряженность политической истории, т. е. калейдоскопичность событий, смену удач и трагедий, определяющую характер жизни этносов и отдельных людей. А ведь именно это интересует современников и участников событий и тех историков-этнологов, которые хотят в этом разобраться.

Теперь пора перейти к первому, предварительному обобщению. В начале XI в. всей оседлой, земледельческой, цивилизованной частью мусульманского суперэтноса овладели химеры. В Ираке и Западном Иране — дейлемито-арабо-персидская — Халифат; в Восточном Иране — тюрко-иранская — Газневидский султанат; в Мавераннахре и Кашгарии — тюрко-таджикская — государство Илекханов (Караханидов); в низовьях Амударьи — тюрко-хорезмийская. Моноэтнический

принцип социальной организации был утрачен всюду, кроме Сибири, Месопотамии, где вожди бедуинских племен захватывали города и держали себя независимо, и самой Аравии, где в Бахрейне весь XI в. процветала Карматская республика. Как ни странно, именно эта антисистема сохранила этнический арабский облик, который был утрачен в столице — мировом городе Багдаде. Но распространение ее было ограничено. Хотя карматские эмиссары (да'и) проповедовали по всему Ирану, новообращенные неизменно терпели поражения от дейлемитов и тюркских гулямов. Следовательно, можно сказать, что карматская угроза стимулировала размножение этнических химер, а это влекло важные сдвиги в этногенезе.

Химера — система неустойчивая. Возникает она только тогда, когда пассионарное напряжение спадает и приближается к нормальному уровню — гомеостазу. Тогда исходные этносы не сливаются в новый этнос, а аннигилируются, т. е., попросту говоря, исчезают. Это равно относится к побежденным и победителям. И вот нет более грозных дейлемитов; исчезли храбрые чигили и ягма; без следа пропали древние хоразмии; куда девались халаджи, карлуки и могучий этнос гурцев? Хотя потомками их В. В. Бартольд считал современных джемшидов и тайменей²¹.

Однако потомки есть у всех, и они живут, но в составе других этносов, ибо этносы — система, а не человеческое поголовье с условным названием, которое можно менять по произволу. Но когда этнос живет как целостность и сталкивается с химерой или антисистемой, дело кончается тем, что остается кто-то один. В XI в. эта ответственная роль выпала на долю сельджуков.

ЭТНОС И ХИМЕРЫ

Бывает, что старые этносы вдруг оживают.

Вспомним, что чаще всего пассионарный генофонд передается по материнской линии, хотя растрачивается он драчливыми мужчинами. Когда огузы, оттесненные засухой X в. на юг, поселились на склонах Колетдага, с которого стекали прозрачные ручьи, орошавшие заросли фиштаксовых деревьев и прилегающие луга, они продолжали делать набеги на соседей, ибо привыкли к мелким войнам на своей родине. В числе добычи были женщины из Хорасана и Гургана, носительницы пассионарности арабов и таджиков. Действительно, уже второе поколение этих метисов, воспитанное в традициях степной доблести и верности, одержало победу при Денданакане над газнийскими гулямами, а их детей и внуков донесли степные кони до лазурных вод Мраморного моря.

Когда циклоны снова понесли атлантическую влагу в степи Приаралья, те зазеленели, овцы и кони нагуляли жир, а люди получили возможность истратить свою энергию, ранее уходившую на поддержание жизни, на улучшение ее. В XI в. этого можно было достичь только путем побед. Тогда огузы-мусульмане покинули родные степи и устремились на юг.

В 1030–1040 гг. потомки славного сельджука из племени кынык захватили Хорасан, без боев подчинили Иран в 1040–1054 гг. и вышли на границы Византии.

Сельджуки быстро шли на запад, безжалостно истребляя беззащитное население, даже женщин и детей²². В 1055 г. великий султан Тогрул-бек вступил в Багдад. Разложившиеся и потому не сопротивлявшиеся Буиды еще семь лет держались в Фарсе, а потом все кончилось, и для династии, и для этноса. Еще одной химерой стало меньше. В 1071–1078 гг. сельджуки захватили Малую Азию и Сирию.

Затем пришел черед Караханидов. Великий султан Мелик-шах в 1089 г. взял Бухару и Самарканд и пленил караханидского хана. Через некоторое время султан освободил хана, но того убили заговорщики. Постоянные беспорядки в Самарканде были прекращены лишь в 1130 г. великим султаном Санджаром, который взял город и подчинил себе последних бессильных Караханидов.

Три первых великих султана: Тогрул-бек, Алп-Арслан и Мелик-шах — правили счастливо, потому что их подданные, переселившиеся в Иран и Малую Азию, продолжали пасти свой скот, приносить подарок своим женам и обучать доблести и верности своих сыновей. Они оставались воинами. Духовные дела были препоручены халифу и арабам, а гражданские — образованным персам. Значит, в обширной Сельджукской империи возникла этническая ксения, а не химера. С химерами этносы умеют справляться, но когда сельджуки натолкнулись на организованную антисистему, им пришлось туго.

Честолюбивый Хасан Саббах, чиновник канцелярии султана Мелик-шаха, выгнанный за интриги, стал исмаилитским имамом. В 1094 г. ему удалось овладеть горной крепостью Аламут в Дейлеме и еще многими замками, в разных местах Ирана и Сирии, а в 1126 г. сирийские исмаилиты приобрели крепость Баниас и десять других в горах Ливана и Антиливана. Однако не крепости были главной опорой этих фанатиков.

Большая часть подданных «старца горы» жила в городах и селах, выдавая себя за мусульман или христиан. Но по ночам они, послушные приказам своих да'и, совершали тайные убийства или собирались в отряды, нападавшие даже на укрепленные замки. Мусульмане не считали их за единоверцев, и поэт XII в. рассказывает, что во время

приступа одного замка мать увела свою дочь на балкон над пропастью, чтобы столкнуть девушку в бездну, лишь бы она не попала в плен к исмаилитам²³. Попытки уничтожить этот орден были всегда неудачны, ибо каждого визира или эмира, неудобного для исмаилитов, подстерегал неотразимый кинжал явного убийцы, жертвовавшего жизнью по велению своего старца.

Хасан Саббах не ощущал недостатка в искренних приверженцах. Жестокость сельджуков при походе на Багдад не была забыта за сорок лет. И поэтому персы, пошедшие на службу к сельджукам, рассматривались как предатели. Так погиб в 1092 г. визир Низам-аль-Мульк от кинжала фидаина. Так в Исфахане ложно-слепой нищий, прося проводить его до дому, заманивал мусульман в засаду, где доверчивого добряка убивали²⁴. Но это были мелочи. Хасан, не будучи в силах справиться с сельджукскими воинами, лучшими в мире, нашел способ сломать не социальную, а этническую систему. Он направил своих убийц на самых талантливых и энергичных эмиров, место которых, естественно, занимали менее способные, а то и вовсе бездарные тупицы и себялюбцы. А эти последние, занимая низшие должности, способствовали действиям исмаилитов, ибо знали, что кинжал фидаина откроет им путь на вершину власти. Такой целенаправленный геноцид за 50 лет превратил Сельджукскую империю в бессистемное скопление небольших, но хищных княжеств, пожиравших друг друга, как пауки в банке.

Однако исмаилитам не удалось победить! Даже расколовшись на княжества и потеряв этническую структуру, сельджуки своей здоровой посредственностью усложнили разваливающуюся суперэтническую систему, придав ей необходимую сопротивляемость. Сельджуки в Халифате играли ту же роль, что славяне в Византии при Македонской династии, а туареги и берберы в Испании при последних Омеядах. Не претендуя на самостоятельное творчество, точнее, на оригинальность, они мужественно выполняли свой долг. Именно сельджуки отбросили греков за Босфор, победив лучшего полководца Византии Мануила Комнина, они же сдерживали натиск крестоносцев и остановили первую колониальную агрессию французов и итальянцев в Палестине, чем продлили существование Халифата до середины XIII в., т. е. до вторжения монголов.

О неудаче крестоносного движения в целом следует сказать особо, ибо турки имели к этому непосредственное отношение. Поэтому прервем на время повествование о судьбе химер на Ближнем Востоке и отправимся на Запад.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее см.: *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. С. 55 и сл.
- ² *Босворт К. Э.* Нашествия варваров // Мусульманский мир. 950—1150. М., 1980. С. 24—25.
- ³ См.: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки.
- ⁴ См.: *Гумилев Л. Н.* Истоки ритма кочевой культуры // Народы Африки и Азии. 1966. № 4; *Он же.* Открытие Хазарии. М., 1966. С. 92.
- ⁵ См.: *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. М., 1971. С. 78.
- ⁶ См.: *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. СПб., 1895. С. 316—317.
- ⁷ Там же. С. 333.
- ⁸ См.: *Босворт К. Э.* Указ. соч. С. 81; История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1970. С. 367.
- ⁹ См.: *Мюллер А.* Указ. соч. С. 341; Негры в Египте становились исмаилитами, а тюрки — суннитами, хотя они служили исмаилитскому халифу. Суперэтнические различия облекались в идеологические мантии, несмотря на социальную однородность: те и другие были невольниками халифа (*Мюллер А.* Там же).
- ¹⁰ См.: *Мюллер А.* Указ. соч. С. 203.
- ¹¹ Там же. С. 251.
- ¹² См.: *Беляев Е. А.* Мусульманское сектантство. М., 1957. С. 60; *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране. Л., 1966. С. 291.
- ¹³ См.: *Петрушевский И. П.* Указ. соч. С. 84.
- ¹⁴ Там же. С. 284—285.
- ¹⁵ Там же. С. 284; *Мюллер А.* Указ. соч. С. 334.
- ¹⁶ *Петрушевский И. П.* Указ. соч. С. 287.
- ¹⁷ Свидетельство автора XI в. Утби. Цит. по: *Делец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. С. 284—285.
- ¹⁸ Цит. по: История народов Узбекистана. Т. I. С. 277.
- ¹⁹ См.: Книга Марко Поло / Пер. И. П. Минаева. М., 1956. С. 70—72.
- ²⁰ Рекомендую книгу *Салаадзе Л.* Созвездие Ориона. М., 1980. Редкий пример убедительной и наглядной подачи истории на высоком уровне эрудиции и литературного дарования.
- ²¹ См.: *Бартольд В. В.* Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903. С. 55; *Ромодин В. А.* История Афганистана. Т. I. М., 1964. С. 270.
- ²² См.: *Мюллер А.* История ислама. Т. III. СПб., 1896. С. 85.
- ²³ См.: *Усама ибн Мункыз.* Книга назидания. М., 1958. С. 201.
- ²⁴ См.: *Мюллер А.* Указ. соч. Т. III. С. 114.

IX. Богатыри, рыцари и убийцы

•ХРИСТИАНСКИЙ МИР• (CHRÉTIANTÉ)

Положение Западной Европы долгое время было предельно жалким. Потомки римских граждан изнывали под властью жестоких завоевателей: готов, вандалов, бургундов, лангобардов, аланов, свевов. Все эти этносы зародились и сложились в природных условиях, совсем не похожих на те, куда их забросила историческая судьба. Из дубрав Прибалтики, с берегов сурового моря, окаймленного песчаными дюнами, эти люди попали в выжженные солнцем горы Атласа и Сьерра Морены, в лавровые рощи Италии, на склоны Альп и берега Роны и Гаронны. Установить непосредственный контакт с непривычной окружающей средой варвары не успели, ибо предпочитали жить за счет местного населения, ограбляемого систематически и беспощадно. Победители даже не пытались слиться с покоренными, которых они презрительно называли: «волохи».

Но за все надо платить! За чванство и нахальство особенно. Все перечисленные народы и созданные ими королевства исчезли, ибо оказались нестойкими. Исключение было одно — франки, которые не переселялись, а расселялись. Точнее, франки не меняли вмещающий ландшафт, а только расширили его. И они не перенесли в покоренные страны своего мировоззрения — арианства, а, будучи язычниками, приняли местное — православие, причем бездумно и, по сути дела, формально. Поэтому они разлагались медленнее прочих германских племен, благодаря чему были в состоянии подчинить себе ту часть Западной Европы, которая не была захвачена арабами,

греками, славянами и аvaraми. Так создалась в VIII в. Каролингская империя.

В эти же века дружины саксов и англов были приглашены бриттами в покинутую римлянами Британию, как наемные войска. Они быстро взяли власть в свои руки, хозяев частью перебили, частью оттеснили на западный берег острова, но, подобно прочим племенам Великого переселения, раздробились на семь королевств, диких и враждебных друг другу.

Англосаксонская анархия и франкская тирания стояли друг друга. Фазу этногенеза народов Западной Европы начала IX в. правильнее всего назвать надломом, который не удалось преодолеть.

И тут вдруг произошел новый взрыв этнической деятельности новое «начало», подобное уже описанным выше. Одновременно возникло три феномена. Из фиордов Норвегии и с берегов Дании стали отплывать эскадры викингов, оставивших на родине своих родных и близких — трудолюбивых хевдингов. Викинги большей частью гибли в походах, но скандинавские юноши продолжали идти на смерть с 793-го по 1066 г.

В империи франков возникли мощные сепаратистские движения, на национальном принципе. Внуки Карла Великого, разорвавшие железный обруч империи, были просто вывесками, ибо сам процесс осуществляли народные ополчения.

В 843 г. в Страсбурге впервые были зачитаны для воинов юридические документы, «клятвы», на французском и немецком языках, а не по-латыни. Этим было установлено существование французов и немцев, вместо волохов и тевтонов. Королевские домены продолжали дробиться до XI в., опять-таки по национальному признаку. Во Франции появились Бретань, Нормандия, Гиень, Гасконь, Прованс, Лангедок, Бургундия — как этносы, лишь юридически и формально связанные с маленьким парижским графством, сюзерен коего носил титул «король». Так же разделились Германия и Италия, но всех их объединяло одно — они были членами единого по идее «христианского мира», в который не принимали схизматиков-греков и не признававших папский престол ирландцев, не говоря о язычниках-славянах и мусульманах. Так создался романо-германский суперэтнос, полный энергии и честолюбивых планов.

Появление чего-либо нового неизбежно влечет за собой деформацию старого. Если до VIII в. культурный мир Средиземноморья был единым, то с появлением романо-германской целостности он раскололся надвое. Политическая раздробленность существовала и раньше, но христианская религия потомков римлян была одна, что и сближало их в борьбе с исламом и северными язычниками.

Лишь в середине IX в. возникли разногласия между Западом, претендовавшим на католичность (вселенскость), и ортодоксией Востока — Византий. Относится ли это явление целиком к культуре и культурогенезу? Нет! Догматические принципы изменились минимально, и тонкости их были непонятны подавляющему большинству верующих. Следовательно, они не могли их волновать. Спор папы Николая I с патриархом Фотием представлялся современникам как очередная склока среди прелатов и был быстро забыт. Войны между византийскими императорами и Каролингами, королями Франции и Германии, не возникали, ибо те и другие боролись с агрессией ислама. И тем не менее глубина раскола росла, хотя бессмысленность ее была очевидна всем.

Поняты этот феномен вражды лишь на этническом, точнее, на уровне выше этнического — на суперэтническом уровне, при котором и Византия и Западная Европа рассматриваются в целом, без внутренних региональных особенностей. Византия прожила свое тысячелетие крайне активно, и теперь ее развитие было инерционным движением по нисходящей этнической истории. На Западе же наступила фаза этнического энергетического подъема, мучительная фаза, как всякое творчество. После 1054 г. — года официального разделения церквей на западную и восточную — французы и немцы уже не были официально единоверцами греков и болгар. Но поверить в это не могли как «западники», так и «восточники». Однако, когда в конце XI в. они столкнулись, то греки показались французам еще более непохожими на них, чем мусульмане, к которым рыцари привыкли в Сицилии и Испании.

Третьей точкой, где прослеживается этногенетический взрыв, была Астурия, горная страна на берегу Бискайского залива. Туда отступили теснимые арабами христиане и так там смешались, что не стало ни готов, ни свевов, ни иберов, ни римлян, а стали испанцы, в середине IX в. предпринявшие попытку освободить свою страну от мусульман. Они дошли до реки Дуэро, были разбиты, отброшены в горы, но с этого времени началась реконкиста — отвоевание родины у захватчиков.

И ведь вот что характерно: несмотря на все выгоды централизации, христианская Испания распалась на полдюжины крошечных государств подобно другим странам Западной Европы. Такое разделение страны затянуло реконкисту до 1492 г., но децентрализация была способом жизни в «христианском мире» — в западноевропейском суперэтнотесе.

Если в мире ислама избыточная энергия этносов проявилась в шиитских восстаниях, в Византии — в религиозных спорах и дворцо-

вых переворотах, то в христианском мире она выливалась в феодальные войны. Они были там хроническим бедствием, хуже чумы, наводнений и голодовок населения. И наибольшая беда была в том, что воевали не только сами феодалы, но и горожане, альпийские пастухи, прелаты и ересиархи, папы и императоры, короли и узурпаторы, короче — все, кто мог держать в руках оружие. Это и называется по этногенетическому счету времени пассионарным подъемом.

Так, этническая система Западной Европы в фазе подъема XI–XII вв. выходила за границы своего ареала. Немцы и датчане нападали на западных славян, правда, с минимальным результатом. Испанцы давили на арабов. Французские нормандцы захватили Англию и Сицилию. И наконец, стихийное движение людей в разных концах Европы охватило весь «христианский мир»: начались крестовые походы.

ПАССИОНАРНЫЙ ПЕРЕГРЕВ

Если момент пассионарного толчка незаметен самим людям, им затронутым, то дата начала фазы пассионарного подъема фиксируется историей региона как своеобразный перелом, а конец фазы подъема ограниченной группы этносов и переход в акматическую фазу пассионарности — это несчастье для всех соседей. Не заметить его нельзя.

Романо-германский, «христианский» суперэтнос в X в. только защищался от окружавших его врагов: викингов, арабо-берберских пиратов и венгров, отраженных только в 955 г. Оттоном Великим. Но в XI в. этот суперэтнос начал расширяться. Языческие славяне были оттеснены за Эльбу, у арабов отняли Сицилию в конце XI в., Англию те же французские нормандцы захватили в 1066 г., покончив с реликтом эпохи Великого переселения народов. Но это были события, связанные с собственным регионом, предчувствие перегрева, а еще не сам перегрев.

А число пассионариев на территории Франции и Германии росло. Они становились неуправляемы и свирепствовали по своему усмотрению, разбрасывая генофонд по популяции, что грозило еще более жестокими последствиями. Чтобы спасти от них трудящееся население, требовалась этнопсихологическая доминанта, попросту цель, которая локализовала бы избыточную энергию и сбросила ее на сторону. Люди XI в. были умны и решительны. Они сообразили, что надо сделать.

Как происходит смена фазы и стереотипа поведения, подробно описал аббат Гвиберт Ножанский: «По закрытии Клермонского собора — а он был созван в ноябре месяце — (1095), в восьмой день после праздника святого Мартина, по всем провинциям Франции разнеслась

о нем большая слава, и каждый, кому быстрая молва доставляла папское предписание, шел к своим соседям и сородичам, увещевая (их) вступить на стезю господню, как называли тогда ожидаемый поход.

Уже возгорелось усердие графов, и рыцарство стало подумывать о походе, когда отвага бедняков воспламенилась столь великим рвением, что никто из них не обращал внимания на скудость доходов, не заботился о надлежащей распродаже домов, виноградников и полей; всякий пускал в распродажу лучшую часть имущества за ничтожную цену, как будто он находился в жестоком рабстве или был заключен в темницу, и дело шло о скорейшем выкупе.

... В прежние времена ни темницы, ни пытки не могли бы исторгнуть у них того, что теперь сполна отдавалось за безделицу... Многие, не имевшие еще сегодня никакого желания пускаться в путь... на другой день, по внезапному побуждению... отправлялись вместе с теми.

... Что сказать о детях, о старцах, собиравшихся на войну? Кто может сосчитать девиц и стариков, подавленных бременем лет? — Все воспевают войну... все ждут мученичества...»¹.

«Весь Запад, все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столпов, — сообщила в «Алексиаде» Анна Комнина, дочь императора и талантливый историк, — все вместе стали переселяться в Азию. Они двинулись в путь целыми семьями и прошли всю Европу»². Знали ли крестоносцы, на что они идут? Может быть, кто-то из них и понимал опасность, да и тщетность этого похода, но, увлеченный стихийным потоком, шел на верную гибель вместе с остальными. Из неорганизованной массы, ведомой Петром Амьенским и рыцарем Вальтером Голяком, уцелели единицы — те, кто успел бежать от сельджукских сабель. Организованное рыцарское ополчение Годфрида Бульонского, Раймунда Тулузского и Бозмунда Тарентского одержало несколько побед и заняло Иерусалим, но из 110 тысяч воинов, переправившихся через Босфор, до Иерусалима дошло 10 тысяч. И часть их погибла при штурме города, хотя гарнизон Иерусалима состоял из одной тысячи египетских мамлюков.

И на этом успехи крестоносцев, отборного воинства католической Европы, — прекратились. Сельджуки, уже потерявшие импульс своего этнического натиска, а с ним общую организацию, качество руководства и даже поддержку своих восточных соплеменников, а равно арабов и персов, остановили наступление крестоносцев, даже не нуждаясь в объединении своих многочисленных эмиратов. Греки воевали с мусульманами куда более удачно. И ведь нельзя обвинить французских рыцарей в недостатке храбрости, а итальянских — в нехватке хитрости и изворотливости. Иерусалимские короли сумели привлечь на свою сторону горцев Ливана — маронитов, отколовших-

ся в VII в. от греческой церкви, но мужественно отстаивших свою свободу от арабов. Марониты объединились с Римской церковью. Рыцари-монахи: тамплиеры и иоанниты, освоили тактику войны в пустыне. Европа сто лет слала лучших бойцов в «Заморскую землю», но успеха не было. Почему?

ДЕЯНИЯ КУМАНОВ И СЕЛЬДЖУКОВ

Да, как ни странно, степные богатыри, как африканские (туареги), так и азиатские (огузы) с трудом сдерживали напор греков, но, воюя с крестоносцами, одерживали победы одну за другой. В 1144 г. пала Эдесса и, восстав, снова была взята в 1146 г. Вторжения крестоносцев в Египет в 1163 и 1167 гг. были отбиты, а в 1187 г. мусульмане вернули Иерусалим. Второй и третий крестовые походы в 1147–1149 и 1189–1192 гг. захлебнулись. Лучшие рыцари Европы спасовали перед сельджуками. Города Палестины и Ливана перешли к обороне. Гарнизоны крестоносцев держались в них лишь благодаря тому, что венецианцы и генуэзцы морем поставляли им оружие и провиант.

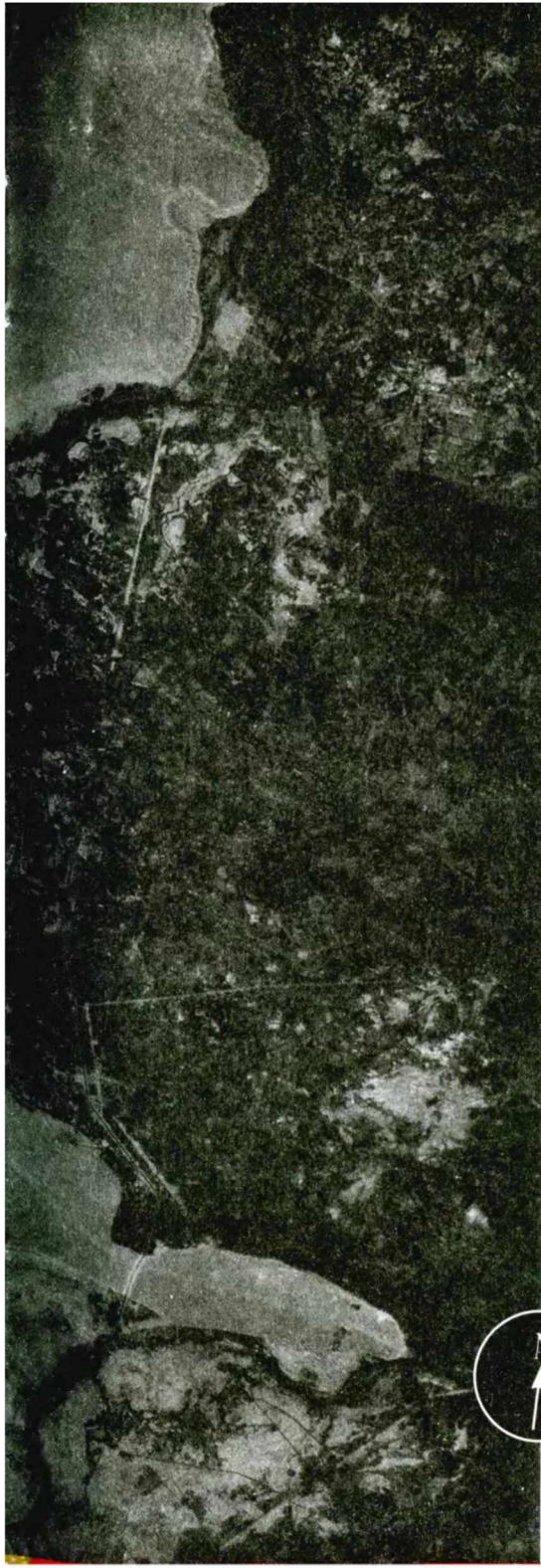
И в Магрибе, на западе арабского мира, было то же самое. При Аларкосе в 1195 г. берберы-альмохады сокрушили рыцарское воинство Кастилии, куда стеклись рыцари со всех стран Европы. Эта коллизия описана Л. Фейхтвангером в романе «Испанская баллада», и там устами арабского историка Мусы (персона вымышленная, но мысли Ибн Хальдуна) дан прогноз: христианский мир молод и может позволить себе роскошь потерпеть отдельные поражения, а мусульманский мир стар и только продляет свое существование. Арабы уже потеряли к концу XII в. пыл молодости. За ними пойдут к упадку сегодняшние победители — берберы и сельджуки. Так оно и случилось в будущем. Но пока все складывалось иначе.

Французы в Средиземноморье встретили неодолимого для них врага — куманов и торков. Их не боялись только русичи, да и то потому, что русские князья женились «на красных девках половецких», а боярышни выходили замуж за кыпчакских богатырей.

Странно! Ведь куманы находились в фазе гомеостаза, а феодальная Западная Европа — в акматической фазе. Казалось бы, европейцы должны были идти от победы к победе, а половцы погибать, в лучшем случае — героически, как дакоты, семинолы и команчи. А случилось обратное. Почему?

Если подумать и поискать, то причин слабости крестоносцев — две, а силы куманов — тоже две, разумеется, не считая мелких и технических, вроде того, что у куманов и сельджуков на вооружении

**Пустыня
и земледелие.**
*Река Дарьялык —
рукав Амударьи.
Справа орошаемые
территории
и остаточные воды
каналов. Изрезанная
дорогами южная,
самая бесплодная
часть плато Устюрт.*

**Крутой берег
пустынного озера
Сарыкамыш.**
Естественная впадина
была залита водой,
использованной при
орошении Хивинского
оазиса. Впадает
Дарьялык — протока
Амударьи. Северный
край — обрыв в воду
одной из самых
суровых пустынь земли
Устюрт.

были сабли, а у рыцарей — мечи³. Это, конечно, тоже имело значение, но сейчас речь идет о другом⁴.

Повышенная пассионарность этнической, а тем более суперэтнической системы дает положительный результат, иначе говоря — успех, только при наличии этнокультурной доминанты — символа, ради которого стоит страдать и умирать. При этом желательно, чтобы доминанта была только одна: если их две или три, то они накладываются друг на друга и тем гасят разнонаправленные пассионарные порывы, как бывает при алгебраическом сложении разных векторов. Но даже без такой интерференции может возникнуть анархия за счет эгоистических действий сильно пассионарных особей. Усмирить или запугать их очень трудно; подчас легче просто убить.

Кроме того, при пассионарном подъеме растет число не только пассионариев, но и субпассионариев, становящихся бродягами, ворами, наемными солдатами или профессиональными нищими. В акматической фазе таких людей не ценят настолько, что дают им умирать с голоду, если не вешают «высоко и коротко». Однако эти операции оттягивают у этносоциальных систем те силы, которые можно было бы употребить на решение насущных задач.

Вот поэтому-то европейские государства окрепли, только избавившись от пассионарного перегрева, т. е. в XVI—XIX вв., когда координировать силы сложившихся «наций» было легко. Тогда-то и развернулась колониальная экспансия в глобальных масштабах, а в XII в. было так.

В Германии служилые латники превратились в бургграфов — рыцарей-разбойников. Фридриху Барбароссе пришлось их вешать. Во Франции королю отказывали в подчинении Бретань, Нормандия, Анжу, Мэн, Аквитания, Тулуза, Лангедок и Фландрия, не говоря о Бургундии и Лотарингии. А в Провансе не признавали даже католической церкви, так как там очень боялись катаров.

В Англии шла постоянная война с кельтами, а англосаксонское население убегало за пределы острова от королей-французов (Плантагенетов) и их феодальной армии.

В Италии воевали Венеция с Генуей, Флоренция с Пизой, Милан с Романьей и, что хуже всего, папы с императорами. Но это уже особая страница, беда на порядок выше.

В условиях растущей феодальной анархии умные правители нашли главную доминанту. Они предложили направить *энергию системы во-вне*, на соседей, а потом на Святую Землю. Это-то понятно, но беда в том, что эта новая доминанта наложилась на старую — спор между папами и императорами, причем нельзя сказать, какая из сторон была хуже. Папа Иоанн XII был сатанистом, император Генрих IV — тоже.

Произвол императорских чиновников не уступал взяточничеству и кошунству прелатов. Гонения на еретиков те и другие проводили одинаково. И однако до конца XIII в. взаимная резня не прекращалась и очень мешала крестовым походам.

Суммируя, можно сказать, что огромные силы Европы в значительной мере погашались внутри нее самой. А коль скоро так, то можно со вниманием отнестись к предположению, что немногочисленные половцы и гузы, находившиеся в гомеостазе, спасли Восток от жадных колонизаторов с крестами на плащах.

Феодалная Европа сто лет (1093–1192) бросала в Палестину храбрейших рыцарей, лучший флот и даже заключала союзы с исмаилитами, но тщетно. Отбитый у Фатимидов Иерусалим был снова захвачен курдом Салах ад-Дином, под предводительством которого сражались тюрки, как купленные на базаре, так и прикочевывавшие со своими семьями и стадами. Персидский историк Раванди писал в сочинении, посвященном султану Рума (Малой Азии) Гийас ад-Дину Кай Хусрау (1192–1196): «Слава Аллаху... в землях арабов, персов, византийцев и русов слово принадлежит тюркам, страх перед мечами которых прочно живет в сердцах»⁵.

Когда же в 1204 г. крестоносцы взяли и разграбили Константинополь, а потом бросились на Болгарию, то именно куманы в 1205 г. напали на лагерь латинян у Адрианополя, притворным бегством увлекли императора Балдуина в засаду и взяли его в плен, перебив много отважных рыцарей. Болгарский царь посадил латинского императора в башню в Тырнове, где тот и умер. Наступление латинян на православие было также остановлено тюрками, как и нажим их на ислам. Зато там, где тюрков не было — в бассейне Балтики — немцы, датчане и шведы имели полный успех. Сопротивление полабских славян было сломлено немцами, в устье Двины построена крепость Рига (1201 г.), Эстонию захватили датчане, Финляндию — шведы. На очереди были пруссы, литовцы и русские, но это уже XIII в., когда расстановка сил изменилась.

Третий участок немецкого наступления на восток был расположен в долине Дуная, захваченной венграми в 900 г. Сто лет венгерские богатыри громили католическую Европу, приводя в свои становища пленных немцев, итальянцев и французенов, а те, естественно, рожали им детей. К 1000 г. Венгрия стала страной со смешанным населением, наполовину христианским, что позволило королевичу Вайку, в крещении Стефану, произвести монархический переворот и объявить католичество государственной религией. Почти сто лет венгры сопротивлялись европеизации, но были жестоко подавляемы детьми и внуками своих пленниц. Так сложился новый этнос, европейский по со-

ставу и культуре, но со старым языком и названием. Венгры в 1097 г. начали наступление на русское княжество Галицию, но потерпели поражение... опять от куманов. И до середины XIV в. Галиция оставалась русской, несмотря на наличие в ней сильной провенгерской боярской партии. Все изменилось только после польской оккупации территории бывшей Киевской Руси.

КОНЕЦ ЭПОХИ

Итак, пассионарный перегрев не позволил «христианскому миру» сокрушить «мир ислама». И хотя разноплеменный Халифат, ставший по существу Сельджукской державой, развалился, и хотя внуки безумно храбрых огузов просто улегали с поля боя, когда им вздумается⁶, стало ясно, что непонятный, но ощущаемый всеми символ еще отделяет мусульман от православных, католиков и евреев и способен собрать и организовать вокруг себя достаточное число жертвенных паладинов веры пророка, хотя то были турки, а не арабы.

Если на Западе крестовые походы взволновали все слои населения в христианских странах, то на Востоке, за исключением западных провинций, которых эти походы непосредственно касались, волновался по поводу успехов христиан только фанатично настроенный Багдад⁷. Поэтому, при быстро идущем падении пассионарности, ощущаемом как снижение общего уровня искренности и жертвенности, эмиры не брезговали союзами с иноверцами против своих соседей, ибо не придавали крестоносному движению большого значения, а знали, что самый страшный враг их — антисистема исмаилитов. Арабы были для сельджуков не опасны.

«Последний араб», пытавшийся возродить славу своего этноса, был Дубейс, потомок первого великого арабского поэта Имр-уль-Кайса. Дубейс стремился уничтожить ненавистное владычество сельджуков в Южном Ираке, но ему пришлось участвовать в склоках тюркских эмиров, и только! Собственные его силы были ничтожны. Семнадцать лет он вел борьбу и кончил жизнь на плахе в 1135 г.⁸ Деятельность его прошла незамеченной.

Под лучами ясного солнца тюркские всадники не имели себе равных. Однако, как только на фоне меркнувшего заката на небе появлялась голубая звезда Зухра (планета Венера), исмаилиты проникали всюду и убивали ради убийства, сами оставаясь невидимыми. Ночь — символ тайны — была их стихией. Они заключали тайные сделки, тайно дружили с тамплиерами, тайно вступали в свое братство и, погибая под пытками, хранили тайну мотивов своих деяний. Мусульмане и христи-

ане относились к ним со страхом и омерзением, а исмаилиты к мусульманам — с презрением и ненавистью. И, самое ужасное, тем и другим приходилось жить на одной земле, в тех же городах, кишлаках и замках.

Взаимная враждебность и принципиальная невозможность достичь победы над противником исключали возможность создания сельджукско-исмаилитской химеры. Видимо, поэтому обе этнические системы не исчезли. Потомки исмаилитов живут на Памире и на склонах Ливана (друзы) до сих пор. Сельджуки нашли районы, близкие по ландшафтным условиям к Приаралью XI в. Они поселились в Икониуме (Каппадокии), Диарбекре (Месопотамии) и в степях Азербайджана.

На рубеже XI и XII вв. Салор Огурджик увел из окровавленного Ирака тысячу огузских кибиток из племен салоров и каркын через Кавказ, Крым и Яик в Мангышлак. Они шли с боями, и потери их были велики: семьсот кибиток. Уцелевшие триста кибиток подверглись нападению канглов (восточные печенеги) с Яика и ушли в горы Балхан⁹ и поселились на берегах Каспийского моря, где и раньше жили тюрки, враги гузов¹⁰. Эти тюрки приютили остаток кибиток Огурджика¹¹. Последний великий султан Сельджукид Санджар был разбит каракитаями в 1141 г. и балхскими гузами — в 1153 г. Освободившись из плена в 1156 г., он увидел всеобщий распад своего государства и умер от горя. Западный (иракский) султан Сельджукид Тогрул III ибн Арслан проиграл войну с Хорезмом и был убит в 1194 г. Химеры растерзали симбиоз.

Жестокая эпоха, описанная здесь весьма схематично, крайне болезненно отозвалась на жизни народных масс. Читая подробные описания событий, не хочется сочувствовать ни бездарным халифам, ни алчным бедуинским шейхам, ни грубым дейлемитам, ни жестоким гулямам-тюркам, ни разнузданной солдатчине сельджукских эмиров и атабеков (наместников, опекунов), ни лживым человекоубийцам — исмаилитам.

Жалко персидских крестьян, искусных ремесленников, талантливых ученых, поэтов и фантазеров-суфиев. И горько думать, что процесс, влекущий за собой столько горя и бессмысленных мучений, был закономерным. Но увы, он был столь же закономерен, как и расцвет.

В системе геобиоценоза, где есть хищники, должны быть и жертвы. Это понимали даже в то время, формулируя тезис: «Нет тюрка без тата», то есть нет воина без налогоплательщика. До тех пор пока войны вербуются из своего этноса, положение терпимо, но когда приходит чужой, и безразлично — завоеватель или наемник, бывает так плохо, что города лежат в развалинах, а поля в запустении. Это произошло в Иране в XII веке.

Но жизнь идет. И, согласно законам генетики, пассионарность окраин ареала превышает центральную. В XII в. в борьбу за сельджукское наследство вступили два новых хищника: Гур и Хорезм.

Гур, подобно Дейлему, был хранилищем древнеиранской (даже не персидской) доблести и традиций. Ислам гурские племена приняли только в середине XI в. Это был знак того, что они вышли из гомеостаза и вступили на путь завоеваний. Жертвами этого нового хищника стали сперва Газна, а затем Пенджаб, Дели, Бенарес, Гвалиор – на востоке, Тохаристан, Шугнан, Вахан – на севере и Хорасан – на западе. Здесь горный хищник столкнулся со степным – Хорезмом.

Разница между этими двумя соперниками была принципиальна. Гурские султаны были правителями своего народа, оседлого, земледельческого, аборигенного, а пришлых тюрок: халаджей и карлуков они за своих не считали. Когда тюркский вождь Ямын-малик просил у гурдского правителя пастбищ для своих людей, тот ответил: «Мы гурцы, а вы тюрки. Мы не можем жить вместе»¹². Но в походы они ходили вместе. Такова химера умеренного типа.

Совсем иная обстановка сложилась в Хорезме. В 1017 г. Махмуд Газневи покорил Хорезм и поставил там правителем своего гуляма Алтунташа. Сын последнего, Харун, в 1034 г. провозгласил независимость Хорезма от Газны, причем опорой его были не жители Хорезма, а гулямы¹³. Это значит, что в Хорезме возникла химера экстремального типа.

Масуд Газневи, занятый войной с сельджуками, не мог сам усмирить мятежный Хорезм и в 1041 г. напустил на него ябгу (титул тюркского правителя) гузов города Дженда, расположенного в устье Сырдарьи. Но того сразу же выгнали сельджуки (1044) и управляли Хорезмом через своих гулямов. Один из них, Кутб ад-Дин, принял титул «хорезмшах», что отнюдь не отражало действительности. Сам он был тюрок, оторвавшийся от своего племени, а опорой его стали канглы и туркмены¹⁴. Его сын Атсыз добился фактической независимости от ослабевших сельджуков, а его преемник Иль-Арслан и его сын Текеш и сын Текеша Мухаммед после долгих и напряженных войн (изложение которых здесь опущено, ибо уже сделано другими авторами¹⁵) завоевали Дженд, Мангышлак, весь Иран, Азербайджан, Гур¹⁶ и Мавераннахр. Маленький оазис стал центром огромной державы, и уж, разумеется, не за счет своей мощи, которой у него не было. Государство хорезмшахов было просто огромной химерой.

Победы трех поколений хорезмшахов, а точнее, султанов, легко объяснимы. Силы их соперников: Гура, Сельджукидов и багдадского халифа были ограничены, а хорезмшахи черпали героев-наездников из степей «Дешт и-кыпчака», родины богатырей. До тех пор пока у

султанов Хорезма были деньги, у них не было нехватки в войнах, которым к тому же разрешалось грабить покоряемое население. И те свирепствовали так, что люди поднимались против них, даже не имея надежды на успех.

В 1196 г. хорезмские воины завоевали Ирак, но производимые ими безобразия: грабежи и убийства — вызвали в 1200 г. восстание, когда большая часть хорезмийцев была перебита населением. Спаслись немногие. В 1207 г. такие же восстания вспыхнули в Нишапуре, Герате и Бухаре... и жестоко были подавлены. В 1212 г. в Самарканде, освобожденном от неверных каракитаев, хорезмийские наемники — кыпчаки творили такие бесчинства, что народ стал рвать их на куски. За это Самарканд был отдан хорезмийским карателям на трехдневное разграбление, причем было убито 10 000 человек.

Казалось, дух ненависти пролетел над завоеванным Ираном. Исмаилиты умели притворяться мусульманами. А вот последователи ханифитов и шафитов, двух правоверных толков, начали убивать друг друга в двух больших городах: Исфахане и Рее (Тегеране). Арабский географ Якут писал: «И распространилось опустошение в это время и до него в окрестностях (Исфахана) вследствие частых смут и вероисповедной борьбы между шафиитами и ханифитами... и всякий раз, как одерживала верх одна группа, она разграбляла квартал другой, сжигала и опустошала. И эти развалины — это кварталы ханифитов и шиитов, и остался... квартал, известный под названием Шафитского, а он самый малый из кварталов Рея; и не осталось из ханифитов и шиитов никого, кроме тех, кто скрывал свое вероисповедание»¹⁷. Конечно, здесь можно видеть социальную борьбу, но последняя никогда не ведется на тотальное истребление. Видимо, без исмаилитов не обошлось¹⁸. Да, трудно было жить в султанате хорезмшахов. Надо было бояться всех: врагов, начальства и друзей.

Короче говоря, рассматривать господство султанов Хорезма над захваченными ими странами как объединение культурного, трудолюбивого оседлого населения более чем неверно. На почве фактов видно, что это была тирания деэтнизованных тюрок, бывших гулямов, опиравшихся на свирепых кочевников, потомков гузов, печенегов, карлуков и кыпчаков, выродившихся потомков великих предков. И то, что они проиграли войну с монголами, молодым народом, понятно, но удивительно другое: откуда возникло и почему укрепилось мнение, что дикие, кочевые монголы воевали против цивилизованных оседлых земледельцев и горожан, тогда как на самом деле война шла между двумя кочевыми объединениями.

Да, конечно, оседлые горожане и крестьяне страдали, но лишь потому, что их защитники не выполнили свой долг. Тюрки сражались так

плохо, что дали себя разбить. Они покинули вверенное им население в жертву противнику. Да и, как мы видели, сами хорезмийские воины были не добрее и не культурнее монголов. Монголо-хорезмийская война лежит за хронологическим пределом нашей темы. Но избавившись от предвзятого и ложного мнения настолько необходимо, что к изложению этносоциальной обстановки в Средней Азии мы добавим третье обобщение.

Оба правителя, султан и хан, имели и кочевых, и оседлых подданных. Как безобразно вели себя воины султана, мы видели, а города Уйгурии и Кашгарии под властью монголов сказочно разбогатели. Во время войны с хорезмшахами монголы, конечно, грабили, но ведь так же поступали сельджуки, которых историки не поносят. Да и вообще, деление этносов на хорошие и дурные – достояние не научного, а обывательского мышления.

Однако для обывательского восприятия событий тоже необходимы обоснования. Были они и тут. Поэтому следует рассмотреть поводы к созданию ложного мнения, тем более, что оно оказалось, в силу давности, общепринятым.

В течение всего XII и начала XIII в. три великих суперэтноса были в тесном контакте. Крестоносцы удерживали «Заморскую землю» – побережье Средиземного моря от Антиохии до Газы и в Испании достигли успеха, овладев Андалузией. Византийцы отвоевывали у мусульман Малую Азию и Армению. А мусульмане – самый могучий из суперэтносов тратили свои силы в междоусобицах, не потому, что не понимали пользы объединения, а потому, что объединяться с исаилитами или хорезмийскими султанами было смерти подобно. Вот поэтому христианские историки не боялись мусульман, а следовательно, и не ненавидели их, несмотря на постоянную войну, ставшую привычной. В наиболее выгодном положении была Русь, которую с юго-востока ограждал половецкий барьер, сквозь который когти мусульманских химер не проникали. Поэтому и наши летописцы не интересовались кошмарами, которые их не касались.

Разумеется, такую эгоистическую систему отсчета нельзя воспринимать без строгой критики. В ней пристрастные оценки подменяют описание событий и анализ причин явлений. Иными словами, средневековая методика в современной науке не находит применения.

Отметим другое: хорезмийский султанат – химера, монгольский улус – объединенный этнос. Следовательно, наши наблюдения подтвердились. Химеры – образования агрессивные, но неустойчивые, а устойчивость этносов зависит от их возраста или, что то же, фазы эт-

ногенеза. Поэтому возникает необходимость перенести наблюдения еще восточнее, в Сибирь и Монголию, где пассионарный взлет произошел в начале XII века.

ОБНОВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Мутации, названные нами «пассионарными толчками», происходят время от времени по всей поверхности Земли, но никогда не дублируют друг друга точно. Это происходит от разнообразия историко-географических ситуаций в регионах, затронутых толчком. Так, один и тот же толчок в I в. задел Скандинавию, восточную часть Римской империи и Эфиопию и везде уже к середине II в. породил единообразные, но различающиеся в деталях явления. Сломить военно-административную машину Рима было трудно. Об нее разбили лбы даки и иудеи; только христиане, будущие византийцы, пронизали империю и добились Миланского эдикта. Готы дали начало Великому переселению народов. Эфиопы создали крепкое царство — Аксум.

Везде энергетический импульс воздействовал на объект одинаково, но поскольку объекты были различны, то и судьбы возникших этносов различались друг от друга. Однако, несмотря на разницу широт, климата, хозяйства, культурных традиций... короче говоря, обстановки, которую пассионарный импульс ломает, дальнейшее его прохождение по фазам дает крайне малый разброс синхронистических совпадений, разумеется, за исключением тех случаев, когда злая судьба обрывала процесс насильно.

Так вот, в Монголии и Уссурийском крае, на границе тайги и пустыни, за пределами киданьской империи Ляо, воинственной и беспощадной, начался процесс этногенеза почти на пустом месте. Во всяком случае, инкубационная фаза этого толчка прошла беспрепятственно. Между осью толчка и цивилизованным миром в X в. пролегла пустыня¹⁹.

Но в XI в. безмолвие пустыни было снова нарушено дождями. И снова на берегах Керулэна, Онона и Селенги появились овцы и их пастухи. На этот раз они пришли из Восточной Сибири, хотя самое могучее из этих племен — татары — жило в Восточной Монголии еще до засухи. Прочие же племена: кераиты, ойраты, меркиты, тайджиуты и др. — попали в поле зрения географов XI—XII вв. именно в эти века²⁰.

Эти переселенцы говорили не по-тюркски, а по-монгольски и представления не имели о тех, кто жил в степи до них. Каменные курганы хуннского времени они называли «керексурами» — кыргызскими могилами, и правильно считали, что не имеют к ним каса-

тельства. Между ними и хуннами лежал «темный век», и надо было все начинать сначала.

Новые кочевники, в отличие от тюрок и хуннов, охотно воспринимали культуру с юга, лишь бы она не была китайской. Кераиты приняли крещение в 1009 г. от несториан, изгнанных из Китая в 1000 г., а их восточные соседи — предки монголов — усвоили «черную веру» Тибета, называвшуюся «бон»²⁰. Но в XI в. эти племена и их соседи, хотя и пользовались плодами благодатной земли, не проявляли никаких стремлений к объединению, а тем более — к войнам.

Родиной монголов было Забайкалье вплоть до Онона и даже до Керулэна, т. е. южносибирские луговые степи, перемежающиеся лиственничными, сосновыми и березовыми лесами. Это была по сути дела лесостепь, окаймленная с севера горной тайгой, простиравшейся на юг до Хэнтэя. В степях паслись стада сайги и громадные дрофы; лисы-корсаки охотились на зайцев и сусликов; их же преследовали степные орлы и небольшие удавы. Воздух был сухой и прозрачный, так как над всей Монголией высился устойчивый антициклон, размываемый только летом влажными воздушными струями из Сибири и Тихого океана. Земледелие здесь не могло развиваться, зато овцы, коровы и лошади чувствовали себя прекрасно, как и их хозяева.

Предки монголов, как и прочие народы Сибири, жили в привычном для них ландшафте и входили в экосистему как верхнее, завершающее звено. Они брали от природы ее избытки, берегли ее фонды и любили ее. А природа отвечала им взаимностью. Быт их основывался на традициях коллективной жизни, и, пожалуй, при прочих равных обстоятельствах, это оптимальный способ существования. Ведь если человек у себя дома, на родине, то его неощутимо ограничивает целый ряд привычек, воспринятых в детстве и не нуждающихся в пересмотре. Привычки — это коллективный опыт поколений, накопившийся за счет постоянного взаимодействия с ландшафтом региона. Этот опыт не дает свободы логическим свойствам рассудка, но постоянно и незаметно их поправляет. И, как ни странно, коллективный опыт всегда прав. Как понять столь парадоксальный тезис? Ведь предки монголов убивали, грабили, отгоняли скот, умыкали невест и делали много таких поступков, которые осуждены в любой хрестоматии для детей младшего возраста. Да, так. Но это была естественная жизнь. Предки монголов находились в гомеостазе, а значит, были крупными хищниками, которые всегда существуют за счет охотничьей добычи и, следовательно, убивают животных: При расширении ареала они наталкивались на соперников, и война с ними становилась естественным соперничеством. Отгон скота — это спорт, связанный для конокрада с риском для жизни. Умыкание невест — борьба за

потомство, ибо с украденными женами обходились столь же деликатно, как и с просватанными по согласию обеих семей.

Да, пусть все это приносило много крови и горя, но, в отличие от прочих цивилизованных стран, в Великой степи не было лжи и обмана доверившегося, хотя дозволялась хитрость против соперников и врагов. Когда же предательство возникало, то всегда за счет влияния извне.

Да, не было городов и замков, и люди жили в войлочных юртах — герах. Но ведь это экономия даров природы, от которой брали только необходимое. Зверей убивали столько, сколько нужно было для удовлетворения голода... и поэтому не оставалось мусорных куч. Одежды, дома, седла и конская сбруя делались из нестойких материалов, возвращавшихся обратно в породившую их ландшафтную оболочку Земли, или, если угодно, в Природу, вместе с телами монголов. Культура кристаллизовалась не в вещах, а в слове, в информации о предках, похищенных смертью, но спасенных от всепожирающего Хроноса памятью потомков, чтивших души умерших прародителей — онгоны и передававших память об их подвигах из поколения в поколение, из уст в уста.

При таком способе передачи информации сомнению места нет, ибо проверить предание невозможно. Следовательно, как передающие, так и принимающие информацию обязаны были говорить правду или то, что они считали правдой, ибо «раз солгав — кто вам поверит?», и все пошло бы насмарку.

Эта система культурных навыков была равно чужда западному европейцу, мусульманину и китайцу, но именно это показывает, насколько оригинальна и самобытна была культура Великой степи. Подумать только... монголы жили в сфере земного греха, но вне сферы потустороннего зла! Прочие народы тонули и в том, и в другом.

Однако, как мы уже видели, гомеостатическая система не способна охранять себя от соседей. Для организации обороны необходима незаурядная доля пассионарности. Но у предков монголов ее не было. Не было пассионарного напряжения или этнического поля, формирующего эгоистические импульсы в общую для всего этноса доминанту. Да, с пассионарностью жить тяжело, а без нее остается только погибать. И так бы оно и было, если бы вдруг на Дальнем Востоке не стал зрим пассионарный подъем. Но первое слово было не за монголами.

Ось пассионарного толчка прослеживается на 45–48° северной широты, а длина ее невелика: от Тихого океана до меридиана Байкала — около 110° восточной долготы. На этой полосе лежат два ландшафтных региона: темнохвойные горные леса на склонах Сихоте-

Алиня и широколиственные дубовые и грабовые леса по берегам рек: Амура, Сунгари и Уссури. Здесь обитали бурые медведи, тигры, лоси, зубры, бобры и огромные количества разнообразных птиц, от глухаря до кедровки, иволги и райской мухоловки. Влажность высокая: от 500 до 1000 мм в год.

Это был просто край древней оседлости. Издавна жители здесь сели прося и пшеницу, разводили свиней, содержали лошадей, но не коров и овец²¹, ибо в тайге мало мест для пастбищ. Предки чжурчжэней китайцами назывались – сушэнь, уги, мохэ, но это был один и тот же этнос – маньчжуры. Во время танской агрессии VII в. они поддерживали корейцев, и столь мужественно, что китайцы казнили всех захваченных пленников. Однако подчинить себе мохэ китайцы не смогли. Это сделали кидани в X веке.

Надо полагать, что двухсотлетнее подчинение чжурчжэней иноземному завоевателю знаменует даже не фазу надлома, а обскурацию или, образно говоря, излет древнего импульса пассионарности, а их взлет XII в., почти одновременно с монголами, – виток этногенеза.

Если бы не этот пассионарный взрыв, мы, вероятно, не знали бы ныне названий монгол и маньчжур, ибо шупальцы китайской цивилизации через химеру киданьского царства – империи Ляо высосали из этих этносов все соки. Юношей ловили и продавали на тяжелые работы, девушек помещали в гаремы, как прислугу, мужей и стариков убивали.

Но когда вспыхнула пассионарная энергия, вождь чжурчжэней Агуда в 1116–1125 гг. сокрушил Кидань, а затем ответил на нападение южных китайцев таким ударом, что в 1141 г. империя Сун заключила позорный мир, уступив чжурчжэням весь Северный Китай.

Захватив Северный Китай по р. Хуанхэ, чжурчжэни просто переместили передний край войны на юг, но не смешались с покоренными китайцами.

Обилие китайских вещей в чжурчжэньских городищах Маньчжурии указывает не на проникновение китайской культуры, а только на обилие военной добычи. Несмотря на то что чжурчжэньские цари именуются в китайских хрониках династией Цзинь (буквальный перевод слова «алтан» – золото), китайцы XII в. эту династию рассматривали как иноземную и враждебную и не прекращали борьбу против «варваров».

Если можно говорить о каком-то подчинении китайской культуре южных киданей, то в отношении чжурчжэней такого вопроса даже возникнуть не может. Чжурчжэньская культура была наследницей ряда археологических культур Приморья и имела происхождение, совершенно независимое от Китая²². Но это и не означало ее родства со степной культурой монголов. Монголы были так же далеки от чжур-

чжэней, как последние от китайцев, что определило расстановку сил на Дальнем Востоке на 800 лет вперед. Завоевав Северный Китай, чжурчжэни-Кинь совершали планомерные набеги на Степь, убивали мужчин и стариков, а женщин и детей продавали в рабство на плантации Северного Китая. С 1141 г. «через каждые три года посылались войска на север для истребления и уничтожения (татар). До сих пор китайцы все помнят это (и) говорят, что лет двадцать назад в Шаньдуне и Хэбэе, в чьем бы доме ни были татарские дети, купленные и превращенные в маленьких рабов, — все они были захвачены и приведены войсками»²³.

И вдруг все изменилось. В тридцатых годах XII в. у монголов появились и богатыри, и руководители куреней, и талантливый вождь — Хабул-хан. Сначала активных людей было мало, но число их росло, и к концу века Монголия превратилась в котел, кипящий страстями.

И как только пассионарность возросла до оптимума, монгольские женщины перестали пополнять гаремы чжурчжэньских вельмож и китайских богатеев, а монгольские мальчики гнуть спину на рисовых плантациях Шаньдуна и Хэнани. Появилась позитивная сила, спасающая этнос монголов от гибели. Так начался новый пассионарный взрыв, новый зигзаг истории в Великой степи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обстоятельное описание взято из хроники аббата Гвиберта Ножанского «История, называемая Деяния Бога через франков». Кн. II. Гл. VI. (См.: История крестовых походов в документах и материалах / Под. ред. М. А. Заборова. М 1977. С. 54—56.)

² Комнина, Анна. Александра. М., 1965. С. 275.

См.: Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. С. 139—144.

⁴ Исторические явления всегда полифакторны, но стремление перечислить все факторы неконструктивно (см.: «Бритва Оккама»). Достаточно отметить те, которые относятся к нашей теме — этногенезу.

⁵ Босфорт К. Э. Нашествия варваров. С. 33.

⁶ См.: Мюллер Л. История ислама. Т. III. С. 122.

⁷ Там же. С. 123.

⁸ Там же. С. 138—142.

⁹ См.: Абульгази. Родословная туркмен /Пер. А. Н. Кононова. М.; Л., 1958. С. 72 и сл.

¹⁰ Язычники гузы воевали с мусульманами туркменами.

¹¹ Сообщения Истахри и Абульгази. Цит. по: Джикиев Ата. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад. 1961. С. 14—17.

¹² Ромодин В. А. Указ. соч. С. 269.

¹³ См.: Толстов С. П. По следам... С. 286.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Бартольд В. В., Якубовский А. Ю., Гафуров Б. Г. и др.

Тысячелетие вокруг Каспия

- ¹⁶ Одно из малых княжеств Гура сохранило независимость, и в 1221 г. владетель его примкнул к монголам, за что Чингис сохранил ему власть. Позднее эта династия усилилась и захватила Герат. Уничтожил ее Тимур, после чего гурцы исчезли как отдельный этнос. Ослаблению Гура способствовало то, что наиболее пассионарная часть гурцев в конце XII в. захватила часть Индии и тем ослабила пассионарное напряжение на своей родине.
- ¹⁷ Толстов С. П. По следам... С. 288.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См.: Гумилев Л. Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века. С. 81—90.
- ²⁰ См.: История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1970. С. 205 и сл.
- ²¹ См.: Гумилев Л. Н. Старобурятская живопись. М., 1975. С. 19; Банзаров Д. Черная вера. СПб., 1891.
- ²² См.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Т. II. С. 70.
- ²³ См.: Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959; Воробьев М. В. Хозяйство и быт чжурчженей до образования династии Цзинь / Доклады по этнографии. Л., 1965. Вып. 14.

Х. Хронософия

ЛЕГЕНДА К СИНХРОНИСТИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЕ

Простая хронологическая таблица, обычно прилагаемая к историческим сочинениям, как правило, является пособием для запоминания фактов, что не исчерпывает возможностей хронологии как вспомогательной исторической дисциплины. Прежде всего, пропадает наглядность, затрудняется сопоставление разных историко-социальных процессов, а равно и этногенезов в различных регионах. Вместо этого читателю предлагается список датированных событий, неизбежно выбранных произвольно, причем значение отмеченных событий всегда различно: мелочи перемешаны с переломными датами, из-за чего не виден масштаб явлений. Это весьма снижает уровень восприятия истории читателем, даже очень внимательным.

Принцип синхронии, наоборот, позволяет представить ряды последовательных событий тем же способом, каким географ составляет карту, с той лишь разницей, что наряду с топоосновой учтена темпооснова — абсолютная хронология от н. э. Здесь важны и «пустые» места, так как они показывают периоды, в которые исторических событий не было, т. е. пассивность этносоциальной системы находилась в равновесии, иными словами, время было спокойным.

Разумеется, синхронистическая таблица не может заменить текста, в котором события изложены подробно, а связи между ними обоснованы. Но таблица на это и не претендует; она лишь дополняет текст и служит фундаментом для диахронии, о которой речь пойдет особо.

Наша синхронистическая таблица построена по региональному принципу и не отражает ни политической, ни культурной, ни этнической географии, хотя последняя является искомой величиной.

Графа 1 – абсолютная хронология, для удобства пользования разделенная на десятилетние отрезки.

Графа 6 – описание изменений степени увлажнения в Великой степи и пассионарных толчков, так как последние тоже явления природы.

Графы 2, 3, 4, 5 – перечень значительных событий, корреляцию коих с природными феноменами предстоит показать, ради чего таблица построена предельно компактно и объединены в одну графу 5 Центральная Азия, Сибирь, Восточная Европа. Это будущая территория России и Монголии, за исключением Кавказа и Средней Азии, которые в указанный период – 230 г. до н. э. – 1225 г. н. э. – примыкали к другим регионам: Византии и Леванту (Ближний Восток), границы коих за тысячелетие менялись.

Графа 2 – Западная Европа: Римская империя, варварские королевства и романо-германский комплекс с польско-венгерской окраиной.

Графа 3 – Византия с православными сателлитами.

Графа 4 – Левант. Это условное название группы стран: Ирана, Аравии и Северной Африки. С VII в. сюда подключились завоеванные арабами – Испания, Согдиана и Закавказье.

Отмеченные натяжки вызваны необходимостью сделать таблицу краткой и наглядной. Дробное деление внесло путаницу, для избежания которой все вопросы этнокультурных контактов вынесены в текст. Отсутствие графы «Китай» восполнено подробными указаниями на столкновения хуннов, тюрков и уйгуров с Срединной империей, а ограничение хронологии 1115 г. оправдано концом хуннского витка этногенеза и началом монгольского периода, заслуживающего отдельного исследования.

СИНХРОНИСТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ ТРЕХ ВЕКОВ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Дата до н. э.	Рим	Эллинизм	Туран	Хунну и Хань	Природные условия в Степи
1	2	3	4	5	6
230–221	Покорение италийских галлов	Великая Сирия	Парфяне против греков	Ослабление хуннов; преобладание дунху. Победа Цинь	Повышенное увлажнение степи

1	2	3	4	5	6
220–210	Ганнибал в Италии	Отделение Греко-Бактрии от Сирии	Гегемония согдов в Восточной Азии	Завоевание Ордоса и строительство Великой стены китайцами	Климатический оптимум. Пассионарный толчок
209–200	Победа Рима над Карфагеном	Антиох отгеснил парфян из Мидии и осадил Бактры	Поражение хуннов: жестокая война усуней и согдов с хуннами	Модэ организовал державу Хунну. Покорение соседей. Провозглашение Хань империей	Низкий уровень Каспия (абс. отм. минус 32 м)
199–190	Разгром Сирии и Македонии Римом	Мир Греко-Бактрии с Сирией		Договор «мира и родства» между Хунну и империей Хань	Высокий уровень Балхаша и Арала
189–180	Разгром Антиоха III римлянами	Покорение Деметрием Бактрийским долины Инда	Сарматы вторглись в Скифию: война на полное истребление	Покорение Усуни и «Западного края» хуннами	Высокий уровень Балхаша и Арала
179–170		Отпадение Греко-Индии от Греко-Бактрии. Война между ними		Набег хуннов на Хань. Договор «мира и родства»	
169–160	Подчинение Македонии Риму (167)	Парфяне отняли у греков Мерв	Победа хуннов над согдами	Война Хунну против Хань	
159–150		Парфяне захватили Мидию	Освобождение Согдианы от Греко-Бактрии	Договор о свободе торговли. Мир (152)	
149–140	Разрушение Карфагена и покорение Греции	Парфяне взяли Селевкию	Война парфян с саками		
139–130	Царь Понта Митридат против Рима	Освобождение Иудеи (143–37)	Вторжение саков в Парфию	Обострение войны Хань против Хунну: обходные набеги	
129–120	Убийство Кая Гракха (123)	Антиох VII разгромлен парфянами	Греко-Бактрия завоевана согдами		
119–110	Война с Югуртой. Вторжение кимвров и тевтонов		Победа парфян над саками	Победы Хань; захват Иньшаня, Ухуани и южного караванного пути до Лобнора	

1	2	3	4	5	6
109–100		Завоевание понтийским царем Митридатом Херсонеса, Колхиды, Боспора		Контрнаступление хуннов. Китайский поход на Фергану за иноходцами	
89–80	Гражданская война Мария с Суллой		Мир Парфии с Римом	Образование партий в Хунну и борьба между ними	Начало временного усыхания Степи
79–70	Поход Лукулла на Понт			Восстание усуней, динлинов и ухуаней против Хунну	Трансгрессия Каспия
69–60	Завоевание Понта, Сирии, Палестины Помпеем	Самоубийство Митридата		Война с повстанцами и Китаем	
59–50	Триумвират. Битва при Каррах, убийство Красса		Распри в Парфии. Вторжение парфян в Сирию	Междоусобица в Хунну. Хуханье подчинился Хань, Чжичжи был отвергнут	
49–40	Убийство Помпея. Убийство Цезаря		Борьба за Сирию и Армению с Римом	Чжичжи разбил усунь, угйе, гяньгунь и динлин, но ушел в Кангюй от ханьской угрозы	
39–30	Покорение Египта Римом		Поражение парфян в Сирии; вмешательство саков и распри парфян	Разгром римской вспомогательной армии у Таласа ханьскими войсками (36 г.)	
29–20			Уступка Риму Армении	Хунны в зависимости от империи Хань	
19–10			Мир Рима с Парфией	Развал в Усуни, Ханьская агрессия на запад	
99–90	Рождение Иисуса (5 г.)			Власть в руках канцлера Ван Мана	Пассионарный толчок от Скандинавии до Эфиопии

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА НАШЕЙ ЭРЫ

Дата	Запад	Византия	Левант	Великая степь	Природные условия
1	2	3	4	5	6
Накануне н. э.	Август – «отец отечества»	Палестина под протекторатом Рима. Рождество Христа (5 г. до н. э.). Смерть Ирода (4 г. до н.э.) ,	Мир Рима и Парфии. Убийство Фраата IV, на престоле Парфии Фраатак	Хунны в зависимости от Китая. В Усуни – распри. Расцвет Кангюя. Сарматы на Дону. Скифы в Крыму	Повышенное увлажнение степной зоны. Низкий уровень Каспия. Сверхновая звезда (5 г. до н.э.)
1–10	Присоединение Иудеи. Восстания в Иллирии и Германии; гибель Вара			Боспор отстоял независимость	Инкубационный период пассионарного толчка по линии: Скандинавия – Карпаты – Галилея – Аксум
11–20	Смерть Овидия и Тита Ливия		В Парфии Артабан III	Узурпация в Китае Ван Маном. Война хуннов с Китаем	
21–30	Отход из Германии Сеян (17) Пойтий Пилат назначен наместником Иудеи. Захват Армении	Проповедь Иоанна Крестителя	Присоединение Каппадокии к Риму. Образование царства Кушан; его война с саками и парфянами. Восстание в Парфии и распри	Восстание «краснобровых» в Китае Восстание старой знати. Ван Ман убит	Перенос пути циклонов в лесную зону
31–40	Казнь Сеяна. Вторжение в Парфию Принципат Калигулы (37–41) Покорение Мавритании Фракии и вторжение в Британию	Страсти Господни. Отставка Пилата		Победоносная война хуннов против Китая	Засухи в степной зоне
		Убийство св. Стефана. Обращение Павла	Греко-иудейская резня в Александрии		

1	2	3	4	5	6
41–50	Убийство Калигулы; принципат Клавдия	Проповедь Павла в Антиохии. Апостольский собор			
	Изгнание евреев из Рима		Парфяне очистили Армению от римлян	Передвижение алан в Восточную Европу	
51–60	Принципат Нерона	Арест ап. Павла в Иерусалиме, этап его в Рим	Восстание в Гиркании против парфян (57)		
		Убиение в Иерусалиме Иакова, брата Господня (ок. 61 г.)	Парфяне воюют с Римом		
61–70	Пожар Рима (64). Зверства Нерона. Гальба (68–98), Отон (69) Вителлий (69), Веспасиан (69–79)	Первое гонение на христиан в Риме	Начало иудейской войны (66)		
			Взятие Иерусалима		
71–80	Сооружение Колизея		Канишка продолжает завоевание Индии	Нашествие алан в Мидию	
	Принципат Тита			Коалиция Китая, Сяньби, Динлина, южного Хунну и Чэши (Турфан) против северных хуннов	Извержение Везувия (79)
	Принципат Домициана		Престол Парфии захватил Артабан IV		
81–90	Первая дакийская война – поражение римлян		Юечжи (кушаны) разбиты китайцами у Кашгара		Перелет саранчи в Халхе – мутации (87)

1	2	3	4	5	6
92–100	Зверства и убийство Домициана. Нерва (96–98). Траян (98–117)	Апокалипсис Иоанна Мученичество Флавия Климента		Война свевов и сарматов против Рима. Полный разгром северных хуннов	
111–120	Смерть Траяна (117). Адриан прекратил завоевания	Запрещение принимать доносы на христиан (112)	Восстание евреев в Кирене и Египте. Отход римлян в Сирию	Война северных хуннов с империей Хань и Сяньби. Война роксоланов с Римом (118)	Прогрессирующее усыхание степной зоны и увлажнение лесной зоны
121–130	Расцвет искусства: гибуртинская вилла, статуи Антиноя, храм Венеры, мавзолей, жилые кварталы Рима	Запрет казнить христиан (125). Гностики-христиане, не признавшие Ветхого завета: офиты, Сатурнин Антиохийский, Василий Александрийский, Карпократ	В Парфии идет антиэллинистическая реакция и возрождение зороастризма	Образование племенного союза алан	Подъем уровня Каспия от абс. отм. минус 36 м до минус 34 м
131–140	Восстание Бар-Кохбы, истребление евреев в Палестине и на Кипре (131–135). Антионин Пий (138)	Валентин в Риме	Вторжение алан в Парфию (134)	Предки хазар пребывают в низовьях Терека и Судака	Волга еще мелководна, дельта не образована
141–150	Расцвет литературы и философии. Лукиан (род. 130 г.) Птолемей (род. 130 г.) Гален (131)	Разрыв Маркиона с церковью (144). «Апология» Юстина Философа (150)		Давление на хуннов с востока — сяньби, с юга — Китай, с севера — динлины, с юго-запада — усунь	Проявление пассионарного толчка по линии: Скандза — Карпаты — Палестина
151–160	Апулей (род. 160 г.) Распространение восточных культов — синкретизм	Проповедь Монтана в Мизии		Переход части хуннов на Яик и Волгу. Переселение готов из Скандзы на Вислу	

1	2	3	4	5	6
161–170	Марк Аврелий (161) Маркоманские войны (169–180)	Валентин на Кипре отлучен от Церкви. Гонение на христиан, казнь Юстина. Осуждение монотаннизма	Война Парфии с Римом (162–165)	Первые славяне (сведения Плиния, Тацита и Птолемея) от Балтики до Карпат	
171–180	Коммод (180)	Гонение на христиан в Лионе (177)		Готы достигли среднего Днепра. Умиротворение даков, квадов, язигов, вандалов	Наступление Великой засухи в степной зоне
181	Доносы, казни, разврат	Составление Новозаветного канона		Распадение сяньбийской державы на малые орды	
191	Убит Комод (192). Убит Пертинакс	Климент преподает в Александрии христианскую этику (190–202)	Война Парфии с Римом (194–199)		Расширяется Гоби, степные народы отходят
200	Убит Дидий Юлиан Победил Септимий Север (193)	Эдикт, запрещающий переход в христианство	Упадок Парфии «Толпы хазар и барсиллов перешли Куру», но разбиты албанами	В это темное время в Поднепровье сложились два этноса: анты (славяне) и россомоны, предки древних русов (полян)	либо в Сибирь – длинны, либо в Китай – хунны и сяньби, либо к склонам гор – усунь, мукри и юебань (потомки хуннов)
201–210	Казни сенаторов. Реорганизация преторианцев – солдатская диктатура				
211–220	Каракалла (210). Братоубийство и казни. Уравнение в правах римлян и провинциалов. Макрин (218)	Ориген (с. 203 г.) читает курс христианской философии в Александрии			

1	2	3	4	5	6
221–230	Элагабал – гнусные оргии и казни – убит в 222 г. Александр, Север и Маммея		Низвергнута парфянская династия Аршакидов персами (226). Сасаниды в Иране		Гунны (потомки хуннов) усиливаются между Волгой и Яиком, а аланы между Доном и Кубанью слабеют.
231–240	убиты в 238 г. Максимин Фракиец убит в 238 г. Сенатские императоры Бальбин и Гордиан убиты солдатами	Проповедь Плотина в Риме (244). Гонение на христиан – казни	Проповедь Мани в Иране (241)		Кульминация усыхания степной зоны: Балхаш почти весь высох, а Арал превратился в «болото Оксийское». Кульминация увлажнения в Полярной зоне и в Иране
	Филипп Араб разбит Децием в 249 г.				
251–260	Деций пал в битве с готами в 251 г, Галл и Эмилиан преданы и убиты; Валериан предан персам в 260 г.	Смерть Оригена (254). Мученичество Киприана (258)		Готы в Причерноморье, гунны – между Яиком и Волгой, аланы между Доном и Кубанью	
261–270	Галлиен – распад империи: убит в 268 г. Клавдий умер в 270 г.	Эдикт терпимости к христианам. Смерть Плотина	Возвышение Пальмиры	Готский флот опустошил берега Черного и Эгейского морей	Незначительное повышение уровня Каспия до минус 32 м
271–280	Аврелиан: воссоединение империи, узаконение митраизма; убит в 275 г.	Начало монашества – Антоний. Осуждение ереси Павла Самосатского	Гибель Пальмиры (273). Казнь Мани (276)	Образование союза хуннских племен в Семиречье – Юебань	

Тысячелетие вокруг Каспия

1	2	3	4	5	6
281–290	Анархия. Диоклетиан (285)		Мир Рима с Ираном (283)	Постоянная война гуннов с аланами. Война сарматов против Рима	
291–300	Раздел импе- рии, уста- новление домината и бюрократи- ческой сис- темы	Указ против манихеев (297)	Война Ирана с Римом (196–198)		
301–310	Отречение Диоклетиана (305). Гибель Максимиана	Гонение на христиан (303)	Хормизд (302–309) Шапур II (309–379)	Восставшие хунны заво- евали Северный Китай	
311–320	Победа Константи- на над Мак- сентием (312)	Прекращение гонений. Эдикт о веротерпи- мости (313). Осуждение до- натистов в Риме. Гонение Лициния на христиан			Перенос ув- лажнения в степную зо- ну и незна- чительное понижение уровня Кас- пия до минус 33 м
321–330	Победа Константи- на над Лицинием	Проповедь Ария. Никей- ский собор. Ос- нование Кон- стантинополя		Раскол хунн- ского царства на традициона- листов и демок- ратов. Победа хуннов-демо- кратов	
331–340	Смерть Константи- на: раздел империи на три части (337)	Реабилитация Ария	Война с Римом (338)	Распад Кушан- ского царства. Усиление мую- нов и табгачей	Заселение Великой степи табгачами, телеутами и беженцами из Северно- го Китая (жужанями)
341–350	Жестокая братоубий- ственная война	Гонения на ни- кейскую веру	Гонение на христиан в Иране (343)	Обращение го- тов – Ульфила (340–347). Заговор Жан Миня	
351–360	Констанций II объединил империю. Раздел импе- рии	Собор в Рими- ни – победа арианства	Конфликт, затем союз персов с хионитами	Гибель хуннов в Китае; усиле- ние муюнов. Образование орды Жужань	

1	2	3	4	5	6
361–371	Юлиан (360–363) Иовиан, Валентин I на Западе (364–375)	Валент (364–378)		Держава Германариха от Дуная до Дона и от Черного моря до Балтики. Разгром алан гуннами в низовьях Дона	Образование дельты Волги и заселение ее хазарами
371–380	Союз с гуннами против германских племен	Вестготы во Фракии. Феодосий (378)	Арташир II (379–383)	Вторжение гуннов во владения готов. Самоубийство Германариха. Вторжение гуннов в Паннонию (377)	
381–390	Алтарь победы убран из сената (382) – конец язычества	Константинопольский собор (381) – осуждение арианства	Шапур III (383–388) Мир с Римом (387)	Гунны в Греции Феодосий пригласил гуннов в свои войска	
391–400	Восстание Арбагаста (392–394). Раздел империи Гонорий (394)	Сожжение Храма Сераписа и библиотеки (391) Аркадий (395)	Бахрам IV (388) Набег гуннов на Сирию и Месопотамию Йездегерд I (399)	Разгром антов готами, а готов гуннами Восстание готов в Византии подавили гунны	
401–410	Победы над готами. Убийство Стилихона (408). Взятие Рима Аларихом (410)	Ссылка Иоанна Златоуста и мятеж в его защиту			
411–420	Отлучение от церкви донатистов. Спор Августина с Пелагием. Королевство готов в Тулузе (419)	У власти готская гвардия	Кидариты на границе Ирана. Создание христианской церкви в Иране (412). Сожжение храма Ормузда (418)	Разделение славян на склаввинов, антов и венедов и начало их расселения по Восточной Европе	

1	2	3	4	5	6
421–430	Царство гуннов в Паннонии. Вторжение вандалов в Африку	Начало богословских споров	Гонения на христиан в Иране		
431–440	Смерть Ругилы и совместное правление Аттилы и Бледы	Третий собор в Эфесе. Мир с гуннами. Сооружение стен Константинополя	Йездегерд II (438)	Объединение Сев. Китая табгачами и начало их китаизации. Переход орды Ашина на Алтай (439)	
441–450	Аттила (445–453). Вторжение англосаксов в Британию	Вторжение гуннов. Собор «Эфесский разбой» (449)		Покорение акациров Аттилой	
451–460	Разгром гуннов. Захват Рима вандалами (455). Королевство бургундов в Лионе	Четвертый собор в Халкидоне. Церковный раскол. Несториане изгнаны в Персию. Монофизиты господствуют в Сирии и Египте. Разгром гуннов византийцами	Вторжение гуннов в Азербайджан. Разгром Кушанского царства. Пероз (439–484)	Конец восточных хуннов	
462–470	Агония Западной империи. Крещение Ирландии и Шотландии		Нашествие саргуров на Закавказье	Эфталиты потеснили абаров, абары – сабиры, сабiry – сарагуров, сарагуры подчинили акациров (463)	Пассионарный толчок по линии: Аравия – Синд – Тибет – Северо-Западный Китай – Япония
471–480	Упразднение Западной империи	В Константинополе готы перебиты, у власти исаврийская гвардия. Узурпация Василиска (475–476)		Персы выгнали кидаритов в Индию. Эфталиты покорили Среднюю Азию и Северо-Западную Индию	
481–490	Захват франками государства Патриция Сиагрия (486)	Восстание самаритян (484–486)	Пероз разбит эфталитами и погиб. Балаш (484–488) дал свободу монофизитству	Война готов с болгарами и вытеснение готов в Италию	

1	2	3	4	5	6
491–500	Захват готами Италии Крещение франков	Вторжение славян на Балканский полуостров	Кавад (488–529). Маздакитское движение при поддержке шаха Кавада (до 496). Бегство шаха к эфталитам (до 498)	Распространение телеутов до верхнего Иртыша. Вторжение болгар во Фракию и Иллирию	
501–510	Завоевание франками Аквитании		Война Ирана с Византией (502–506). Вторжение сабир в Каппадокию	Война телеутов с жужанями	
511–520		Юстин вступил на престол (518)	Нападение сабир на Иран и Малую Азию	Раздел телеутского государства жужанями и эфталитами	Увлажнение степной зоны, сужение
521–530		Юстиниан (527–565). Вторжение болгар во Фракию и Грецию	Восстание самаритян в Палестине. Расправа над маздакитами (529)	Восстание телеутов и разгром жужаней	Гоби, увеличение численности степных кочевников
531–540	Завоевание франками Бургундии, а греками – Вандалии (534)	Восстание «Ника». Сооружение храма Св. Софии. Издание кодекса римского права	Персы взяли Антиохию (540)	Разгром телеутов жужанями	
541–550	Война греков с остготами	Вторжение куртугуров и славян во Фракию, Иллирию и Грецию	Персы заняли Лазик, опустошили Месопотамию и Малую Азию	Тюркюты отравили посольство в Китай. Подчинение телеутов тюркютами	
551–560	Вторжение греков в Испанию. Завоевание греками Италии (555)	Война с Ираном из-за Лазики. Пятый собор в Константинополе. Набег куртугуров отбит (559)	Вторжение савир и хазар в Азербайджан	Создание Тюркского каганата; покорение жужаней, огоров и бегство псевдо-аваров (аваров) на Запад. Война аваров с антами	

1	2	3	4	5	6
561–570	Разгром гепидов аварами и лангобардами. Вторжение лангобардов в Италию (568)	Вечный мир с Ираном	Раздел державы эфталитов между персами и тюркютами	Союз тюркютов с хазарами и болгарами – утургурами. Захват аварами Паннонии и война их с Византией	
571–580	Усобица у франков: Фредегонда и Брунгильда	Война с Ираном	Вторжение персов в Йемен. Война Ирана с Византией из-за Армении. Хормузд (579–590)	Взятие Боспора тюркютами. Распри в Тюркском каганате и разделение его на уделы	Постройка Дербентской стены; уровень Каспия – минус 34–33 м
581–590	Захват части Италии	Падение Сирмия. Мир с аварами. Возвращение Боспора	Восстание Бахрама Чубина. Хосров II (590–628)	Поражение тюркютов при Герате (589)	
590–600	Обращение в католичество англосаксов (597) в Кенте	Мир с Ираном. Военные экспедиции против славян	Восстание Бистама (595) в Гургане и Табаристане	Война каганата с Китаем. Разгром тюркютами восставших огоров	
601–610	Разгром аварами племени антов (609)	Восстание Фоки (602)	Война Ирана с Византией (604)	Распадение Тюркского каганата на Вос точный и Западный. Гегемония Китая	
611–620	Продолжение усобицы у франков Казнь Брунгильды. Короли-тунейдцы и развал королевства Меровингов	Переворот Ираклия (610) Поселение славян в Далмации и Македонии	Захват персами Месопотамии, Сирии и Египта Персы и авары под Константинополем	Падение династий Суй, основание династии Тан	
621–630	Славянское государство «Само»	Разгром персов у Ниневии, капитуляция Ирана (628)	Бегство Мухаммеда из Мекки в Медину (622). Война в Аравии	Завоевание тюркютами Азербайджана и утрата его из-за распрей. Покорение Восточного каганата империей Тан (630)	

1	2	3	4	5	6
631–640		Завоевание арабами Сирии и Египта. Монофелитское исповедание (638)	Смерть Мухаммеда. Покорение Бекром Аравии, Омаром (634–644) – Ирана западного, Османом – восточного (651). Убийство Османа (656), победа Али	Восстание болгар и образование болгарского царства на Кубани (632)	
641–650		Вторжение арабов в Сев. Африку и захват Кипра		Распри в Западном Тюркском каганате, союзная с хазарами партия разбита; хазары приняли беглецов	
651–660	Развал государства «Само». Завершение крещения англосаксов	Захват Крыма хазарами. Мир Византии с Халифатом	Покорение Армении и Грузии арабами, разбитыми хазарами у Беленджера (654)	Образование Хазарского каганата (651). Покорение Западного Тюркского каганата империей Тан (658–659)	
661–670	Собор в Йоркшире, утвердивший в Англии католичество (664). В Валлисе сохранилось православие	Возобновление войны с арабами. Военно-административная реформа	Гибель Али (661). Омейяды. Война арабов с хазарами в Азербайджане	Разгром болгар хазарами. Уход болгар на Каму, Дунай и в Паннонию	
671–680		Осада Константинополя арабами. Болгары на Балканах (679). Шестой собор осуждение монофелитства. Оккупация Закавказья	Набеги арабов на Бухару, Самарканд, Хорезм Гибель Хуссейна	Гегемония империи Тан в Азии. Восстание восточных тюркютов	
681–690	Объединение франкских королевств Пипином Геристальским, майордомом		Восстание против Омейядов в Аравии и Ираке	Нашествие хазар на Закавказье	

Тысячелетие вокруг Каспия

1	2	3	4	5	6
691–700		Захват арабами Африки и Закавказья	Восстание подавлено (697)	Дербент занят арабами (693). Образование Тюргешского каганата	
701–710		Конфликт с хазарами из-за Херсонеса (710). Юстиниан II вторично казнен в 711 г.	Завоевание Средней Азии арабами, их столкновения с тюргешами, тибетцами и империей		
711–720	Завоевание Испании арабами. Образование королевства Астурии (718)	Вторжение болгар (712). Разгром арабов под Константинополем (718)	Тан. Вторжение в Хазарию	Война печенегов с тюргешами (711). Разгром тюргешей тюркютами. Крещение алан. Вторжение хазар в Азербайджан	
721–730		Преследования евреев. Эдикт против иконопочитания (726)	Восстания согдийцев против арабов	Война хазар с аланами и арабами. Вторжение арабов в Аланию и Хазарию	
731–740	Осуждение иконоборчества в Риме. Битва при Пуатье	Победа над арабами при Акроине (739)	Подавление сопротивления согдийцев	Обращение князя Булана в иудаизм. Разгром хазар арабами (737)	
741–750		Отвоевание Кипра (746)	Восстание Абу-Муслима и падение Омейядов	Развал Тюргешского каганата. Гибель тюркютов и образование Уйгурского каганата	
751–760	Коронация Пипина Короткого (751)	Собор в Иерии – Константинополь осудил иконопочитание (754)	Восстание Сумбада Мага. Отпадение Испании (756)	Битва при Таласе (751). Крах гегемонии империи Тан в Центральной Азии	
761–770	Карл Великий (768). Война с арабами	Победа над болгарами при Анхиале (763)	Отпадение Западного Алжира (761). Рустамиды (хариджиты)	Вторжение хазар в Грузию (764). Принятие манихейства уйгурами (766–767)	Пассионарный толчок по линии: Норвегия – Париж – Астурия

1	2	3	4	5	6
771–780	Война с саксами. Завоевание Лангобардского королевства (774). Поход в Испанию (778)	Преследование иконопочитателей	Восстание Муканны в Ср. Азии (776)	Объединение Хазарии и Алании (773)	
781–790	Арабы выгнали из Испании франков	Седьмой собор – осуждение иконоборчества (787)	Разгром Муканны (784). Отпадение Марокко – Идрисиды (789) (шииты)		
791–800	Победа франков над баварцами и аварами (796). Образование Священной Римской империи германцев	Война с Болгарией	Отпадение Ифрикии (800) – Аглабиды	Карлуки разбиты арабами в Фергане. Нашествие хазар на Закавказье (799)	
801–810	Начало нашествия викингов. Захват Барселоны франками	Проповедь павликианства Война с Болгарией		Переселение славян с Эльбы на восток. Захват власти Обадией и установление двоевластия	Повышенное увлажнение степной зоны
811–820	Начало реконкисты в Испании	Осада Константинополя болгарами (813). Иконоборческий собор (815)	Победа Мамуна над Амином (813). Восстание Бабека (хуррамиты) на Кавказе	Восстание кабаров. Набег арабов на хазар	
821–830	Объединение англосаксонских королевств в «Англию»	Восстание Фомы Славянина. Захват Крита арабами (826) и высадка их в Сицилии (827)	Образование эмирата Тахридов в Хорасане	Оживленная торговля между Китаем и Провансом в руках евреев-раданитов	Трансгрессия Балхаша, реки Сары-су и Чу образуют в устьях озера

1	2	3	4	5	6
831–840	Проповедь католичества в Дании и Швеции	Эдикт против иконопочитания	Разгром Бабека (837)	Построение Саркела (834). Мадьяры на Дунае. Послы кагана Руси в Ингельгейме (839)	
841–851	Битва при Фонтенуа. Раздел Империи. Норманны сожгли Бордо (848)	Восстановление иконопочитания (843)			
851–860	Распад государства Лотаря на Италию, Прованс и Лотарингию	Война с павликианами в Малой Азии. Посольство св. Кирилла в Хазарию		Раздел сфер влияния между норманнами и хазарами-иудеями. Набег Руси на Константинополь (860)	Усыхание степной зоны; выселение печенегов и тюрков
861–870	Фактический разрыв католичества с православием	Крещение болгарского царя (864). Разрыв с Римом. Примирение с папой	Тюрки взяли власть в Багдаде (866). Отпадение Табаристана (шииты). Восстание зинджей	Рюрик в Новгороде. Первое латинское упоминание иудаизма в Хазарии (866)	
871–880	Колонизация Исландии	Победа над павликианами. Взятие арабами Сиракуз (878). Разрыв с папой (879)	Победы Саффаридов в Хорасане (873)	Русы крестились (867)? Упоминание кагана норман (871)	Подъем уровня Каспия до абс. отм. минус 29 м
881–890	Разделение Европы по этническому признаку – образование наций		Подавление зинджей (883)	Захват Киева варягами (882). Подчинение ими древлян, северян и радимичей. Печенеги в Причерноморье (889)	

1	2	3	4	5	6
891–900	Война французов с немцами Образование Чехии	Война греков и венгров с болгарами (893) Примирение с папой (фиктивное)	Восстание карматов в Бахрейне (899). Победа Саманидов над Саффаридами (900)	Уход за Карпаты венгров, разбитых болгарами и печенгами (895–898)	
901–910	Набеги венгров, норманнов и берберийских пиратов	Захват арабами Сицилии (902) и разграбление Фессалоники (904)	Восстание карматов в Ираке и Сирии подавлено. Выступление Фатимиды в Африке	Набег русов на Абаскун и поражение их в морском бою	Большая часть Хазарии под водой
911–920	Пресеклась династия Каролингов в Германии. Саксонская династия	Мирный договор с Русью (911). Война с Болгарией (913–919)	Набег русов на Гилян: истребление их в Итиле (913). Образование княжества в Дейлеме	Хазары и гузы победили печенегов у Яика (913). Восстание древлян подавлено русами. Приход печенегов на Русь (915)	
921–930	Образование Хорватии. Присоединение Лотарингии к Германии (925)	Осада Константинополя болгарами	Ослабление Аббасидов в Багдаде	Гонение на мусульман в Хазарии (922)	
931–940	Образование Арелатского королевства (933)	Печенег и венгры против Византии. Нападение евреев на Крым (940)	Выступление Буидов (935). Дейлемиты заняли Азербайджан	Победа иудеев над аланами, искоренение там православия (932). Победа иудеев над русами у Самкерца	Увлажнение и потепление полярной зоны – походы викингов в Гренландию.
941–950	В Германии императоры взяли под покровительство евреев	Захват Нисибана и Эдессы	Десант русов в устье Куры сброшен в море (943) Буиды заняли Багдад	Разгром флота русов на Черном море (941) византийцами. Гибель Игоря (944). Правительство Ольги (945)	Биармию (Великую Пермь) и в Винланд – восточный берег Америки
951–960	Победа немцев над венграми при Лехе (955)	Венгерские вожди крещены в Константинополе			

1	2	3	4	5	6
960–961	Крещение Польши. Коронавание в Риме Оттона I – образование «Римской империи»	Отвоение Крита. Отвоение Киликии и Северной Сирии	Обращение карлуков в ислам Захват Египта Фатимидами	Крещение Ольги (957) Миссия Адальберта в Киев (961). Разгром Хазарии русами, гузами и печенегами Поход русов в Болгарию, поражение и гибель Святослава (968–972) Захват Хазарии хорезмийцами (977). Распря на Руси	
970					
971–980	Победы христианства в Чехии (973)	Завоевание Восточной Болгарии. Восстание Варды Склира. Восстание болгар против Византии	Курды (Шаддаиды) вытеснили дейлемитов из Гянджи		
981–990	Конец Каролингов во Франции. Коронация Гуго Капета (987) – национального короля	Успехи болгар (986). Русский отряд на подавлении мятежа Варды Фоки	Курды (Равваиды) вытеснили дейлемитов из Азербайджана	Уход хорезмийцев из Хазарии (985). Крещение Руси. Русско-печенежская и русско-болгарская война (988–997)	
991–1000	Чаяние конца света. Крещение венгров в католичество	Походы в Грузию, Болгарию, Сирию, Армению	Тюрки: ягма и чигиль сокрушили эмират Саманидов (999)		
1001–1010	Рост неприязни итальянцев к немцам и грекам		Усиление Газны; раздел Ср. Азии		Обильное увлажнение степной зоны
1011–	Образование королевства Швеции.	Завоевание Болгарии Византией			
1020	Держава Кнуда Великого (1016–1035)				

1	2	3	4	5	6
1021–1030	Победы немцев над поляками и лютичами	Подчинение Грузии и Армении		Подчинение касогов в Тмутаракани (1022). Битва при Листвене и раздел Руси (1023)	Переход сибирских народов: монголов и меркитов в Великую степь
1031–1040	Нормандцы высадились в Сицилии. Франконская династия в Германии	Набег печенегов на Византию	Сельджуки вступили в Хорасан и победили при Денданакане.	Конфликт русов с эмиром Дербента. Объединение Руси (1036)	
1041–1050	Восстание в Сербии против Византии (1042)		Завоевание Ирана сельджуками	Разгром русского флота греками (1043). Проникновение гузов и половцев до границ Руси	Приостановка повышения уровня Каспия
1051–1060	Раскол церквей	Политический кризис в Византии	Наступление сельджуков на Азербайджан		
1061–1070	Завоевание Англии нормандцами		Нашествие сельджуков на Армению и Грузию	Первый набег половцев на Русь. Отравлен князь Ростислав (1066)	
1071–1080	Взятие нормандцами Бари (1071) и всей Южной Италии. Генрих IV в Каноссе (1077)	Смута в Византии	Битва при Маницкерте (1071). Захват сельджуками Малой Азии; образован Иконийский султанат	Война изгоев и предательство «хазар», Олег отправлен в Византию (1078–1079)	
1081–1090	Вторжение сицилийских нормандцев в Византию	Восстание богомилов подавлено	Захват Никеи и Смирны сельджуками	Вернувшийся Олег «иссече» хазар в Тмутаракани (1083)	
1091–1099	Первый крестовый поход	Разгром печенегов греками и половцами	Образование Исмаилитского государства в Иране	Здесь конец истории хазар	

1	2	3	4	5	6
1100– 1110	Основание Иерусалимского королевства	Усмирение крестоносцев	Распри в Сельджуцкой империи	Наступление русичей на половцев	
1111– 1115	Основание рыцарских орденов	Война с сельджуками		Умер Святополк II. Изгнание евреев из Киева (1113)	
1116– 1125	Вормский конкордат – конец борьбы за инвеституру. Ослабление Германской империи в Италии и Бургундии	Иоанн Комнин (1118). Полный разгром печенегов (1121)	Сельджуки взяли Икониум (в Малой Азии) (1116)	Покинута Белая Вежа (1117)	Пассионарный толчок в Приамурье и Забайкалье
1126– 1135	Объединение Саксонии и Баварии Генрихом Вельфом через брак. Образование королевства обеих Сицилий (1130)	Фактическое отделение Трапезунда от Византии. Война с Венгрией	Санджар завоевал Самарканд (1130). В Египте резня между черными и белыми мамлюками (1134)	Мономах (1113–1125) Мстислав Великий захватил Полоцк (1127), выслал полоцких князей, но в 1132 г. Полоцк освободился. Ростово-Суздальская земля обособилась от Киева	
1136– 1145	Конрад III Штауфен; ослабление королевской власти. Образование королевства Португалии (1143). Падение Эдессы (1144)	Подчинение Иоанном Киликии и Антиохии	Восстание Хорезма против сельджуков Катванская битва (1141)	Новгород обособился от Руси. Северские Ольговичи захватили Киев (1139) и утерли его (1146). Война за Киев между суздальцами и половцами – с одной стороны, волынцами с уграми и ляхами – с другой	

1	2	3	4	5	6	
1146– 1155	Крестовый поход немцев на вендов; немцев и французов на сельджуков (1147). Оба разгромлены; Фридрих I Барбаросса в 1152 г. и Генрих II Плантагенет – в 1154 г. коронованы	Война греков с норманнами (1147–1149)				Чжурчжэни и монголы
1156– 1165	Разрыв Фридриха I с папой. Восстание и разрушение Милана: Фридрих – хозяин Рима	Победа Византии над Венгрией (1151)			Обособление Галицкой земли	
1166– 1175	Датский король Вальдемар захватил Рюген и разрушил Аркону (1168); конец славянского язычества	Икониума и подчинили Киликию	Набег гузов на Гурган. Нашествие каракитаев на Балх, а потом на Хорезм.		Отравлен в Киеве Юрий Долгорукий	
1176– 1185	Поражение Барбароссы при Леньяно. Мирный конгресс в Венеции. Преобладание Дании на Балтике	Разгром венгров греками у Землина. Конфликт Византии с Венецией	Саладин уничтожил династию Фатимидов		Разгром Киева суздальцами (1169). Убийство Андрея Боголюбского боярами (1174)	
		Поражение Мануила сельджуками при Мириокефале. После смерти Мануила (1180) анти-западнический переворот. В 1182–1183 гг. Андроник I истребляет иностранцев и своих помещиков; убит за жестокость (1185)			Северские и полоцкие князя с Литвой и половцами воюют против смоленских и суздальских. Набег Игоря на половцев и его разгром (1185)	

1	2	3	4	5	6
1186– 1195	Союз Капеллингов со Штауфенами против Вельфов и Плантагенетов. Третий крестовый поход, Генрих VI захватил Сицилию	Восстание болгар и валахов (1185), а сербы взяли Ниш (1187). Война с Сицилией. Переворот и ослепление Исаака II Алексеем III. Кало Иоанн захватил Фракию (1195)	Саладин, взяв Иерусалим (1187), умер (1193). Распад его державы	Взятие карелами Сигдуны (1187)	
1196– 1205	Пржемысл I установил в Чехии наследственную монархию. Падение имперского господства в Италии. Крестовый поход из Бремена и основание Риги (1201). Четвертый крестовый поход	Развал и отпадение окраин. Крестоносцы низвергли Алексея III (1208). Восстание греков и второй штурм Константинополя (1204). Латинская империя. Разгром крестоносцев при Адрианополе (1205)		Объединение Галиции и Волыни (1199)	
1206– 1215	Крестовый поход против альбигойцев (1209). Битва при Мюре (1213). Победа Франции при Бувине (1214). Великая хартия вольностей в Англии (1215)	Образование Трапезундской империи Алексеем Комнином. Никейский Федор Ласкарис и эпирский Михаил Комнин побеждают латинские отряды (1210–1212), но Греция захвачена рыцарями	Победа Никеи над сельджуцким султаном Кей-Хосровом I (1211). Поражение Альмогадов при Лас-Навас-де-Толоса (1212)	Разгром Киева Ольговичами (1203). Роман и Всеволод вынудили у Ольговичей мир (1204)	Северские Ольговичи (сыновья Игоря), правя в Галиче, убили 500 бояр, за что были повешены (1208). Битва на Липице (1215)

1	2	3	4	5	6
1216– 1225	Французский король Луи VIII вступил в альбигой- скую войну и к 1229 г. победил	Выбранный императором Латинской империи Пьер де Куртене взят в плен эспирца- ми. Изгнание латинян из Ма- кедонии деспо- том Эпира – Федором (1224). Раз- гром латинян никейским Иоанном Вата- цем при Пиманионе (1225)	Крестовый поход на Египет (1217–1221) безрезультатен. Завоевание Хорезмского султаната монголами. Десант сельд- жуков в Крым (1121–1122)	Распад Руси на княжества	Поражение на Калке (1223). Падение Юрьева (1224)

ДИАХРОНИЯ КАК ПРИНЦИП

Синхронистический подход позволяет собрать большой и необходимый материал по этнической истории. Но это лишь подготовительная работа для главной задачи этнологии – диахронного сравнения процессов этногенезов. Поэтому начнем отсчет не от того или иного – условно принятого за начало летосчисления года, – а от момента рождения, точнее, «зачатия» этноса. Понятно, что у каждого из известных этносов такой момент индивидуален. А совпадают они, как и у людей, лишь в тех случаях, когда этносы являются ровесниками, то есть вызваны к жизни – этногенезу – одним и тем же пассионарным толчком. Начальную точку отсчета – сам пассионарный толчок, или микромутацию – трудно датировать, так как современники ее не замечали, а связывать с космическими явлениями еще не умели. Но когда первое поколение пассионариев-мутантов начинает действовать, современникам еще невозможно заметить в их активности начало грандиозного почти полуторатысьчетного процесса. Так, римляне не обратили внимания на рождение в 5 г. до н.э. плеяды пассионариев (точнее, на события 30–40-х гг. до н. э., связанные с деятельностью этой плеяды), были удивлены вспышкой фанатизма в Иудее в 65 г. и Дакии приблизительно в то же время, и лишь около 155 г., после апологии Юстина-мученика, поняли, что существует особая «порода людей» (как считал философ – друг Лукиана Цельс), то есть христиан-

ские общины-консорции, как самостоятельный феномен, выросший в последующий период — II—IV вв. — в суперэтнос — Византию. Византийский этногенез — редкий случай, когда благодаря церковной истории мы можем ретроспективно определить точную дату толчка. В других случаях она вовсе неуловима.

Но толчок — не единственная опорная точка хронологизации этногенеза. Наиболее ярким, впечатляющим событием является момент рождения этноса как новой системной целостности с оригинальным стереотипом поведения. Такое явление при всем желании не может не зафиксироваться у соседей, обладающих письменной исторической традицией. С этим событием часто связано и появление нового этнонима, то есть самоназвания этноса. Так, 20 сентября 622 г. (хиджры) — событие инкубационного периода арабо-мусульманского этногенеза. До 632—642 гг. арабы еще не фигурировали как «арабы» (этнос), а сам термин применялся как синоним кочевников Аравийского полуострова. И только после того как мусульманские армии вторглись в Сирию и Иран и разбили греков и персов, арабами стали называть этнос, воодушевленный проповедью пророка¹. Только после грандиозного события, олицетворяющего рождение этноса, у пассионарной популяции возникает необходимость противопоставления себя как системной целостности всем окружающим соседям и необходимость в названии самих себя. В дальнейшем потомки уже не помнят причин происшедшего, ибо этническим часто теряет свой первоначальный смысл. Так, уже в X в. Абу Мансур ал-Азхари (ум. в 980—981 гг.) писал: «И расходятся люди во мнениях о том, почему арабов называли арабами»². Сопоставляя момент рождения этноса и дату толчка в известных случаях (толчки в I в., XIII в. н. э.), можно определить длину инкубационного периода этногенеза — 130—160 лет и тем самым привязать процессы этногенезов в остальных случаях к диахронической шкале.

Можно отсчитывать возраст этноса не только от начала толчка, но и от любого яркого и легкодиагностируемого периода, например, от фазы надлома: ее начала или конца. Ошибка при этом, для несмещенных контактами этногенезов, составит всего \pm одно поколение, что в пределах допуска, необходимого для понимания закономерностей этногенеза. Надлом — фаза выразительная, и не заметить ее трудно. Пассионарное напряжение этнической системы вдруг начинает стихийно снижаться. Происходит это самым простым способом: убийством наиболее выдающихся деятелей. Сначала гибнут политики, затем идеологи: поэты и ученые, потом — толковые администраторы и, наконец, трудящиеся приверженцы уже погибших вождей. Остаются только предатели, постоянно переходящие на сторо-

ну очередного победителя, чтобы изменить и ему, как только он падет в беду, и люди столь ничтожные, что их не трогают, если они не попадают под горячую руку. Начавшийся надлом замечают прежде всего современники, не все, разумеется, но наиболее патристически настроенные и дальновидные. В Риме еще Катон Старший отметил начавшийся процесс падения нравов, Катон Младший пытался противодействовать легкомысленным римским модницам, но безуспешно, а начиная с Гракхов идеалы республики уже не владели большинством сенаторов и открыто стали попираяться. Гражданские войны, кончившиеся принцепатом Августа, знаменуют конец надлома и выход этноса в инерционную фазу, что по диахронической шкале соответствует 700–750 гг. от момента толчка. В Древнем Китае начало надлома совпадает с проповедью легизма, а конец с торжеством династии Цинь. В Византии это эпоха иконоборчества, в «Христианском мире» — реформация. В мусульманском суперэтносе надлом наступил раньше запрограммированного законами этногенеза в результате активных этнических контактов, о чем мы специально сказали выше (см. п. 70), и связывался с передачей халифом Мутасимом фактической власти в руки гулямов (иноземных наемных воинов)¹. Кончился он «смещением»: захватом Багдада в 945 г. Ахмедом Буйном — вождем дейлемитов. Иногда, но не всегда, удобной точкой привязки может служить фаза обскурации, сопровождающаяся развалом этнической системы. Итак, диахрония позволяет уточнить общую закономерность природных процессов — этногенезов путем сопоставлений их друг с другом.

Первым историком, попытавшимся уловить принцип диахронии, был афинский архонт и жрец Аполлона, бывший прокуратор Греции — Плутарх (ум. около 120 г.). Из его многочисленных сочинений замечательно параллельное жизнеописание 46 знаменитых деятелей Эллады и Рима; сопоставления идут попарно, что является попыткой понять исторические процессы обеих стран не как беспорядочное нагромождение случайных событий, а как две закономерные линии развития, того самого, которое мы назвали этногенезом. Ограниченный в эрудиции только этими двумя этносами и недлинным отрезком хронологии — меньше тысячи лет, он вынужден был принять за основу не суперэтнический, а этнический уровень, что повлияло на степень доказательности сопоставлений. Позже это было воспринято читателями просто как литературный прием, а не перспективный научный метод.

Дело в том, что Плутарх сопоставлял деяния своих героев и, следовательно, сходство их ролей в истории... — виноват — в двух историях, т. е. двух процессах, проходивших по одной схеме. Это значит, что он открыл одно из свойств исторического времени: направленность че-

рез каузальность, т. е. причинную обусловленность хода событий, несмотря на разную длину фаз.

Эллада во время Плутарха уже лежала в развалинах — фаза обскурации, ибо интенсивная колонизация увела из страны большинство пассионариев — эллинизм, а с оставшимися дома расправились местные тираны — Набис в Спарте и римские полководцы — Метелл в Коринфе и Сулла, пошадивший только Афины. Рим же был на гребне могущества, потому что избавился от излишних пассионариев, сохранил «золотую посредственность» Августа и накопленные богатства завоеванных провинций. Это была инерционная фаза этногенеза, когда Рим представлялся современникам «Вечным городом», так же как в XIX в. в Европе «прогресс» казался бесконечным совершенствованием.

Плутарх чувствовал истину, но не мог ее доказать и даже объяснить. Сравнительного материала у него не хватало; что такое «энергия», тем более — «энтропия», он не знал, а понятие «система» как целостность и в наше-то время известно далеко не всем. Однако он ближе всех подошел к проблеме исторического времени как функции от ряда событий, обозримого в силу дискретности и необратимого, как необратима биография организма от рождения до смерти, потому что организм или, если угодно, звезда — тоже системные целостности.

Точность научного вывода пропорциональна количеству накопленных и учитываемых сведений. В XX в. написана событийная история человечества за три тысячи лет, а фрагментарно — даже за пять тысяч. Вряд ли кто-либо усомнится в том, что антропосфера — одна из составляющих биосферы планеты, а этногенез — зигзаг на биологической эволюции, варианты коей у растений, животных и микроорганизмов крайне разнообразны. Виды сменяют друг друга, но жизнь, как явление, идет, побеждая смерть, вследствие чего очевидны биологические времена, где счет идет по поколениям, особые для каждого отдельного вида. Это диалектическое отрицание отрицания: без него наступил бы обрыв развития.

Бесконечной нитью, уходящей в грядущее, представляется людям социальная форма движения материи, видимо, один из этапов развития ноосферы В. И. Вернадского, согласно его взгляду, начавшийся в криптозое архейской эры. В этом темпоральном океане наши исторические времена — капли из туч, гоняемых ветрами космических явлений — воздействий ближнего космоса. Иерархия воспринимаемых нами «времен» очевидна... за одним исключением: в ней нет места для пространственно-временного континуума! Наше «историческое время» — это «дление», а природа его нам неизвестна.

Мы отметили четыре «начала» — четыре пассионарных толчка: III в. до н. э. — I в. н. э.; VI и IX в. — и остановились на XII в. — монголо-мань-

чжурском пассионарном толчке, перекрывшем потомков хуннов, впавших в гомеостаз, византийцев и славян в фазе обскурации, арабов с персами, не перенесшими надлома и колониальную экспансию романо-германцев, тогда еще юных, пожалуй, даже слишком юных.

Таким образом, описанная нами эпоха целостна. Хронологические границы ее четко очерчены, «каспиоцентризм» — литературный прием, выбранный произвольно для удобства изложения. Этим способом легко достичь понимания истории любого региона планеты, предварительно уловив ее хронологические пределы: начало и конец. В описании изложенного принципа была цель данной работы, а перспективы ее, как познавательные, так и практические, вряд ли вызовут недоверие у образованного читателя, для которого и написана эта книга.

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ ЭТНОГЕНЕЗА. ЛЕГЕНДА

Необходимость сочетания наглядности с лаконичностью и возможной полнотой в хронологических границах «тысячелетия» подсказывает следующую композицию изложения мысли.

Таблица I (вспомогательная) — «Перечень фаз на уровне суперэтносов» и пример — римский этногенез, ненарушенный смещениями извне. В следующих таблицах фазы пронумерованы. Таблицы синхронные: II — Хунну и Туран; III — Византия и Гото-славянский «варварский» мир; IV — Арабо-мусульманский мир и Тибет; V — средневековый Китай; VI — Западная Европа — христианская и языческая, слившиеся в XIII веке.

Из таблиц видно, что историческое время возникало на поверхности Земли локально, что новый процесс начинался заново, шел необратимо и как бы запрограммированно из-за строгой причинной связи между событиями, по которым, по условию, велся отсчет времени.

И теперь можно сделать следующий шаг — дать объяснение наблюдаемой закономерности, сопоставив историческое время с биологическим. Как известно, счет биологического времени ведется по смене поколений; следовательно, для каждого вида время будет иным. Рецессивный признак устраняется из популяции естественным отбором через 60 поколений, если не произойдет внезапной катастрофы в биоценозе или вторжения иного вида. Для человека 60 поколений — это законченный процесс одного этногенеза от мутации — появления пассионарных особей в регионе и создания ими этносоциальной системы до элиминации (вымирания) носителей признака пассионарности, после чего остается только культура — памятники и кое-какие навыки, усваиваемые новыми этносами.

Итак, принадлежность этногенеза к числу природных, т. е. географических явлений, неоспорима. Это дает право применить к этногенезу собственную систему отсчета — по возрастным фазам, что и продемонстрировано.

Таблица 1

Перечень фаз на уровне суперэтносов и пример — римский этногенез

№	Фаза	Длина	Рим как пример ортогонного этногенеза	Попытки смещения
1	2	3	4	5
1	Пассионарный толчок. Инкубационная доистория	150 лет	Середина VIII в. до н. э., легендарная эпоха	Покорение Рима этрусками (цари)
2	Самообъявление в истории; подъем пассионарности	200—250 лет	Образование республики — 510—340 гг. до н. э.	Завоевание галлов
3	Перегрев; акматическая фаза	200—300 лет	Завоевание Средиземноморья (340—100 гг. до н. э.)	Вторжение кимвров и тевтонов
4	Надлом. Снижение пассионарности и внутренний раскол	150 лет	Гражданские войны (100—30 гг. до н. э.)	Восстания Спартака и Катилины
5	Инерция — господство посредственности	300 лет	Принципат — от Августа до Коммода (30 г. до н. э. — 192 г. н. э.)	Отражение маркоманнов, квадов и роксоланов
6	Обскурация до катастрофы	200 лет	«Солдатские императоры» (192—312). Гонения на христиан	Утрата Дакии. Победы готов и персов
7	Мемориальная фаза. История культуры — доистория	100 лет	Смена доминанты. Победа христианства. Гонения на язычников	Заселение Италии провинциалами
8	Регенерация (не обязательная)		Не состоялась: «Гесперию» сменила «Византия»	Перенесение столицы из Рима в Константинополь (330)
9	Агония	100 лет	Взятие Рима готами (410) и вандалами (455). Гибель Сиagriя	Великое переселение народов
10	Гомеостаз	Неопределенно	Не состоялась, за отсутствием персистентных реликтов	

Таблица II
Хунну и Туран

№	Иран и Туран	Смещение	Хунну	Смещение
1	2	3	4	5
1	Распадение ариев на Иран и Туран. Дата – ?	Македонское завоевание Ирана	Переход хуннов через Гоби. Дата – ?	Неизвестно
2	Походы: сарматов в Скифию, парфян в Иран, юечжей в Ордос	Война с хуннами в III–II вв. до н. э.	Образование державы Хунну (209 г. до н. э. – Модэ)	Подчинение хуннов юечжам (согдам) и освобождение
3	Ликвидация Греко-Бактрии юечжами. Победы парфян над саками и греками	Эллинизация парфянской знати (II – I вв. до н. э.)	Отпор империи Хань. Распад державы Хунну. Восстановление ее (II в. до н. э. – I в. н. э.)	Взлет и распад Сяньби (87–181)
4	Низвержение парфян персами: разгром аланов гуннами	Победы Рима над парфянами и аланами	Распад хуннов на четыре части. Уцелела одна – в Джунгарии (II–VI вв.)	Хунны в Китае гибнут (304–406), гунны – 370–463 гг.
5	Сасаниды: союз трона и алтаря (224–499). Маздакизм (496–529)	Войны с римлянами, кидаритами, хионитами, эфталитами, тюркютами, греками, арабами	Тюркский каганат (545–747); объединение Великой степи	Жужани и телеуты. Империя Тан против тюрков
6	Военная диктатура шахов (531–651). Арабское завоевание		Уйгурский каганат – принятие манихейства (747–847)	Ударили кыргызы
7	Персидская культура при Аббасидах. Абу-Муслим. Бармакиды, Тахириды	Бабек (816–837). Хуррамиты	Уйгуры обратились в буддизм, карлуки в ислам, кыргызы в бон, кидани окитайлись	Проповедь иноземных религий
8	Саманиды (821–999); Саффариды (861–900); Буиды (935–1055)	Хасан Саббах – исмаилиты (1090–1256)	Тюрки-шато в Китае (880–951). Карлуки в Кашгаре. Кидани заняли Пекин (932)	Национальная реакция в Китае против всего чужого, иноземного
9	Сельджукское завоевание (1040–1070); развал Сельджукской империи (1157)	Степи заняли печенеги и гузы	Завоевание Бэй-Хань (Шато) сунцами (979). Конец хуннской традиции	Изгнание христиан из Китая в 1000 г. и проповедь несторианства в Степи

1	2	3	4	5
10	Аланы стали осетинами	Переселение куманов (1043)	Онгуты на Хуанхэ; кимаки на Иртыше; телесы в Горном Алтае	

Таблица III

Византия и гото-славянский «варварский» мир

№	Византия	Смещения	Готы и анты	Смещения
1	2	3	4	5
1	Около 5—1 гг. до н.э. появились раннее христианство и талмудический иудаизм (34—155)	Иудейские войны и гонения на христианство		
2	Образование церковной общины. Никейский собор 325 г. Победа над язычеством	Споры с гностиками и еретиками	Переселение готов; бегство ругов и вандалов. Появление славян и россомонов	Переход гуннов из Азии
3	Эпоха соборов (325—630). Оборона границ, возврат Италии и Карфагена	Войны с персами и самаритянами	Державы Германика и Алариха. Готы в Испании; в Италии — разгромлены	Гунны и анты против готов. Греки против остготов
4	Монофелитство — утрата Сирии, Египта, Африки. Иконоборчество и павликианство (630—843)	Война с арабами, болгарами, берберами	Распространение славян в VI—VIII вв. Гибель вестготов, ругов и вандалов	Захват Руси варягами в IX в.
5	Раскол с Римом и возвращение части утрат; проповедь православия (843—1070)	Войны с нормандами и русичами, с сельджуками и крестоносцами	Киевский каганат (965-1169). Распад Руси на «полугосударства»	Разгром Хазарии. Война с половцами
6	Разлад между синклитом и войском. Падение империи (1072—1204)		Развал и потери: Юрьев (1224), Сурож (1222). Поход Батыя (1236—1241)	Литовские набеги на Русскую землю
7	Спасение культуры православия и Константинополя (1205—1261)	Агрессия Рима — Уния	Компромисс Руси с Ордой (1242-1312). Усиление Москвы — новый пассионарный подъем	Обращение Золотой Орды в султанат

1	2	3	4	5
8	Палеологи: попытки компромисса с Римом (1261–1438)	Турки-османы и сербы. «Косово поле»	Новый виток этногенеза. Образование Великой, Малой и Белой Руси	Захваты Литвы
9	Падение Константинополя, Трапезунда, Мистры (1453)		Галич без боя сдался полякам, Киев – литовцам	Куликовская битва; начало обновления России
10	Под властью турок		Белая и Черная Русь в составе Литвы	Быстрый рост Москвы

Таблица IV

Арабо-мусульмане и Тибет

№	Мир ислама – арабы, персы, турки, берберы	Смещения	Тибет
1	2	3	4
1	Около 500 г. в Аравии начались: межплеменные войны, проповедь христианства, расцвет поэзии, торговля с Индией	Внедрение иудеев. Вторжение эфиопов и персов	Взаимо борющиеся племена: боты, кяны, дарды, моны. Бон – культ Митры. Приход сяньбийской дружины из Хэси
2	Проповедь Мухаммеда (622). Завоевания первых халифов. Омейяды	Восстания фанатиков (хариджитов) против «лицемеров». Шиизм – партия Алидов	Установление монархии и введение буддизма царем Сронцангамбо. Завоевание Тогона
3	Аббасиды: отпадение Испании, Атласа и Восточного Ирана (755–945)	Хуррамиты, зинджи, карматы (817–899), гулямы в Багдаде (833)	Борьба буддизма с Боном. Победа Бона и гражданская война (842–860)
4	Буиды (945–1055), Фатимиды в Египте (969–1163). Газневиды (977–1186), Гуриды (ок. 1000–1215), Хорезм (до 1231 г.)	Реконкиста в Испании (1031–1085). Вторжения каракитаев (1141) и гузов (1157)	Распад страны на мелкие племена и монастыри, враждующие друг с другом. Царство Тубот в Амдо, завоевано чжурчжэнями (1035–1831)
5	Айюбиды (1169–1260). Альморавиды (1056–1147), Альмохады (1030–1269), Гранада (1230–1492)	Монгольское завоевание Ирака. Христианское завоевание Испании. Крестовые походы	Вторичная проповедь буддизма: Атиша и Миларайба. Объединение с Монгольским улусом

1	2	3	4
6	В Иране – ильханы; на Волге – джучиды, в Египте – мамлюки; в Руме – сельджуки; в Азербайджане – туркмены	Обращение монголов в ислам: в Иране, Маверраннахре и в Золотой Орде	Монголы сослали в Амдо несторианских повстанцев. Смешение на суперэтническом уровне
7	Мусульманская культура суперэтнична: философия, наука, архитектура, поэзия	Вытеснение исмаилизма на окраины ареала, распространение – суффизма	
8	Тимур и Тимуриды (1370–1506) и «Великие моголы» до упадка (1526–1707)	Завоевание Ср. Азии узбеками в 1506 г. Упразднение «Великих моголов» англичанами в 1858 г.	Проповедь Цзонхавы (1355–1418). Далай-ламы в Лхассе
9	Падение Гранады (1492) и Золотой орды (1500)	Разгром Могулистана ойратами в битве на р. Или (1472)	Потеря независимости. Подчинение маньчжурам (1751)
10	Бедуины Аравии и Северной Африки	Турецкое завоевание XVI в.	Английское вторжение (1704); китайская оккупация – бегство Далай-ламы

Таблица V

Средневековый Китай

(Ареал пассионарного толчка VI в.)

№	Тибгачи и тангуты	Взаимодействие	Китайцы	Смещение
1	2	3	4	5
	Химерная империя Тоба-Вэй	развалилась из-за поляризации окитаенных степняков и националистов		Образование Тюркского каганата
1	Бэй-Чжоу (557–581). Переворот Ян-Цзяня	Война между ними	Бэй-Ци (550–577)	
2	Победа табгачей – Тан. Завоевание внутреннего Китая, Великой степи и Согда	Восстания пограничников против Суй	Суй (581–618). Народные восстания против Суй	Война с Тибетом
3	Тан – величие и крушение (военное восстание 756–763 гг.). Низвержение Тан (907)	Восстание Хуан Чао (874–901)	Императрица У, казни принцев Тан и ликвидация ее (705)	Восстание тюрков (682–745). Усиление киданей (905)

1	2	3	4	5
Период пяти династий и десяти царств (907–979) и Ляо (с 916 г.)				
4	Хоу Тан (923–934). шато. Хоу Цзинь (936–946), шато. Бэй Хань (951–979)	Хоу Тан (934– 936) – узурпа- ция Хоу Хань (947–951)	Хоу Лян (907–923). Хоу Чжоу (951–960)	Ляо (946–947) Вторжение киданей
5	Тангуты – империя Западное Ся (982–1227). (Декларирована тради- ция империи Тан.)	Война Ся с китайцами Сун, уйгурами и тибетцами	Сун (960–1127). Покорение Южного Китая (Южная Сун)	Завоевание чжур- чжэнями Кидани (1165–1124) и Северного Китая (1125–1142)
6	Покорение монголами. Перевалочные оазисы на караванном пути		Южная Сун (1127–1179). Под властью империи Юань (монгольской)	Вторжение монго- лов и завоевание ими Китая
7			Мин (1368–1644). Крестьянская война (1628–1645)	Вторжение маньчжуров
8	Истребление тангутов китайцами династии Мин в XV в.		Завоевание маньчжурами (1644–1683)	
9			Под властью империи Цин (маньчжурской)	Вторжение англичан: «опиумные войны»

Таблица VI

**Западная Европа – христианская
и языческая, слившиеся в XIII в.**

№	Христианский мир	Скандинавия	Славяне	
1	2	3	5	
1	Пассионарный толчок VIII в. Дата – ?	Вторжения арабов и ава- ров	Война с лопарями. Первые викинги. Проповедь католи- чества	
2	Раскол империи Карла. Образование наций (битва при Фонтенуа) – 841–1095 гг.	Вторжения венгров и викингов	Походы викингов. Держава Кнуда Великого (1016–1033) и Швеция (1011)	Война саксов с лютичами и поляками

Тысячелетие вокруг Кастия

1	2	3	4	5
3	Крестовые походы и реконкиста. Гибель Гогенштауфенов (1096–1314)	Отражение крестоносцев куманами и греками	Христианизация Скандинавии, покорение лютичей, ливов, эстов	Остановлен «натиск на Восток» русскими и татарами
4	Великая схизма, Столетняя война, «Кулачное право» в Германии. Гуситы. Реформация		Онемечивание западных славян	Уния Литвы с Польшей
5	Образование национальных государств (1610–1920)	Колониальная экспансия		Отражение турецкого натиска

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грязневич П. А. Аравия и арабы //Ислам. М., 1984. С. 128–129.

² Там же. С 122.

³ Ибн Хальдун. Прологомены. Гл. II. Разд. III. Цит. по: Игнатенко А. А. Ибн Хальдун. М., 1980. С. 139.

XI. Миф и действительность

ПАМЯТЬ И ИСТИНА

То, что науке свойственно развиваться – общеизвестно, но как она развивается, ясно далеко не всем. Обыватель, без профессиональной подготовки, полагает, что основой знания является его личная память: чем больше он запомнил, тем он учнее. А так ли это? Никто не запомнит всего, что он в жизни видел. Это невозможно, не нужно и даже вредно, так как в поле зрения наблюдателя попадают объекты важные и мелкие, приятные и досадные, воспринятые правильно или искаженно, сохранившиеся полно или отрывочно. Все это неизбежно мешает построить адекватную картину происходившего и оставляет, после процесса воспоминания, только впечатление, а отнюдь не знание.

Но это еще не самая большая беда. Наблюдатель всегда видит реальные вещи – феномены, но не соотношения между ними; он наблюдает элементы систем, а не системные связи, которые, как известно, составляют основу любого феномена, особенно при быстром его изменении. Так, мы считаем горы вечными, потому что геологические процессы относительно человеческой жизни идут медленно, а жизнь насекомых – эфемерной, но в обоих случаях мы не правы. Любая системная целостность развивается во времени, и нет ничего неизменного, хотя личная память фиксирует только моменты, создавая аберрацию их стабильности. А это создает заведомую ошибку. Значит, только помнить мало. Надо еще думать!

Но бывает хуже: запоминается не сам факт, а свое ошибочное восприятие. Иными словами: не то, что было, а то, что показалось. И нет

способов проверки, кроме одного: приемов исторической критики. А это скорее антипамять, однако она дает неплохие результаты, помогая отделить достоверную информацию от сомнительной и заведомо ложной. В древности искусством проверки не обладали; аутентичный текст принимали на веру. Так и родились мифы об Атлантиде, Шамбале, амазонках, морских змеях и, как ни странно, о народах нашей страны.

Беды, порожденные мифами, т. е. предвзятыми мнениями и переходящими ошибками, неисчислимы. Одна из главных заслуг Науки в ее способности вскрывать застарелые предрассудки, никогда не доказанные и как будто не требующие доказательств. Это значит, что Наука уничтожает ошибки Памяти, а когда она не в силах это осуществить, то торжествует Ложь и течет кровь. Каждого русского человека, знакомого с историей международных отношений за последние триста лет, неизменно приводило в изумление то отношение к России, которое в странах Западной Европы считалось вполне естественным и даже единственно возможным: недоброжелательное и несколько пренебрежительное. Ведь даже в Париже в школе восточных языков фигурировал русский, и выражение «поскреби русского и найдешь татарина» было как бы не требующим доказательств. А отношение к «татарам», под которыми подразумевались все кочевники Великой степи, было почему-то отрицательным. Их не то чтобы не уважали, но ставили ниже китайцев, индусов и арабов, не задаваясь даже вопросом: а за что им такая немилость? И это отношение распространялось на русских, причем очень давно: со времен Ивана Грозного и Алексея Михайловича.

Конечно, такое настроение ведущих социальных слоев Западной Европы было несправедливым, научно не обоснованным и попросту предвзятым, но сам этот факт был в аспекте мировой политики отнюдь не безразличен. Давление общественного мнения на решения правительств всегда имеет значение, даже если это «мнение» глубоко ошибочно. Еще Пушкин посвятил два стихотворения опровержению той странной антипатии, которую проявили «клеветники России» в 1830 г. во время польского восстания. Но ведь и до этого, при освобождении Украины в 1648 г. или во время Ливонской войны XVI в., было то же самое. Очевидно, это не случайно. У такого стойкого заблуждения должны быть глубокие причины.

Однако поиск корней «черной легенды» о неполноценности русских и «татар» увел бы нас далеко в сторону от главного сюжета нашего исследования. Отметим другое, весьма характерное с точки зрения этнологии: неявное отождествление в глазах не только средневековых западноевропейцев, но и китайцев – народов России и Монголии,

сливавшихся для них в нечто целое, хотя раздробленное и неосязаемое. Иными словами, категория «суперэтнос» была для средневекового наблюдателя не абстракцией, а очевидностью. Следует добавить, чтобы не погрешить против истины, что и в мусульманских странах родство тюрков и славян представлялось не требующим доказательств. Так считал, в частности, и величайший историко-географ из Туниса — автор первой этнологической концепции Ибн Хальдун¹. А раз так, то естественно задаться вопросом: что же сближало степных и оседлых предков нашей страны еще задолго до добровольного вхождения «под власть белого царя» калмыков и казахов и что делало для них одинаково чуждыми «Поднебесную» и католическую Европу — цивилизованный мир. Может быть, эта близость — продукт воображения иноземцев, а может быть, закономерная и устойчивая взаимная симпатия двух суперэтносов? Без этнологии, видимо, не обойтись.

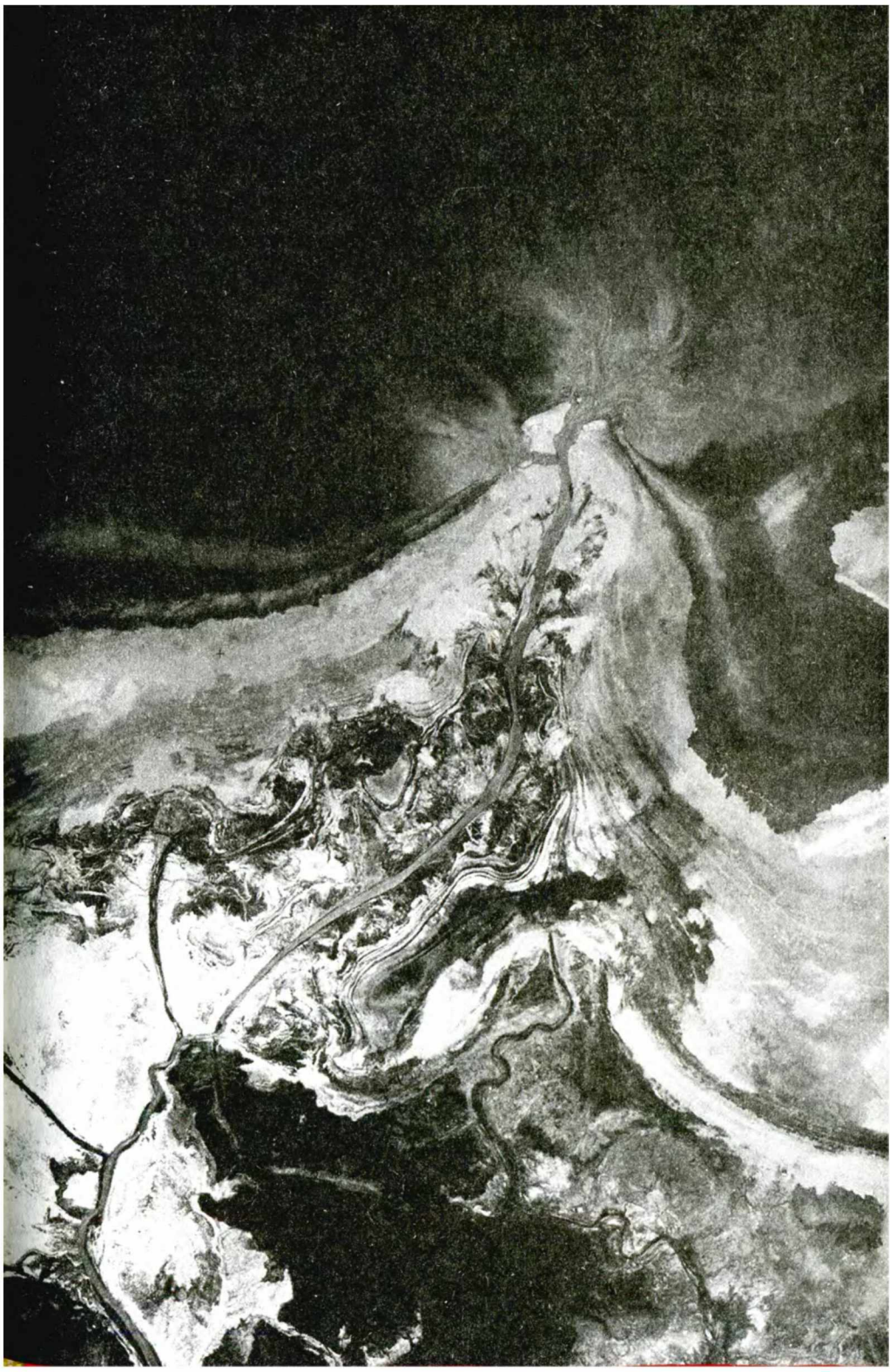
ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

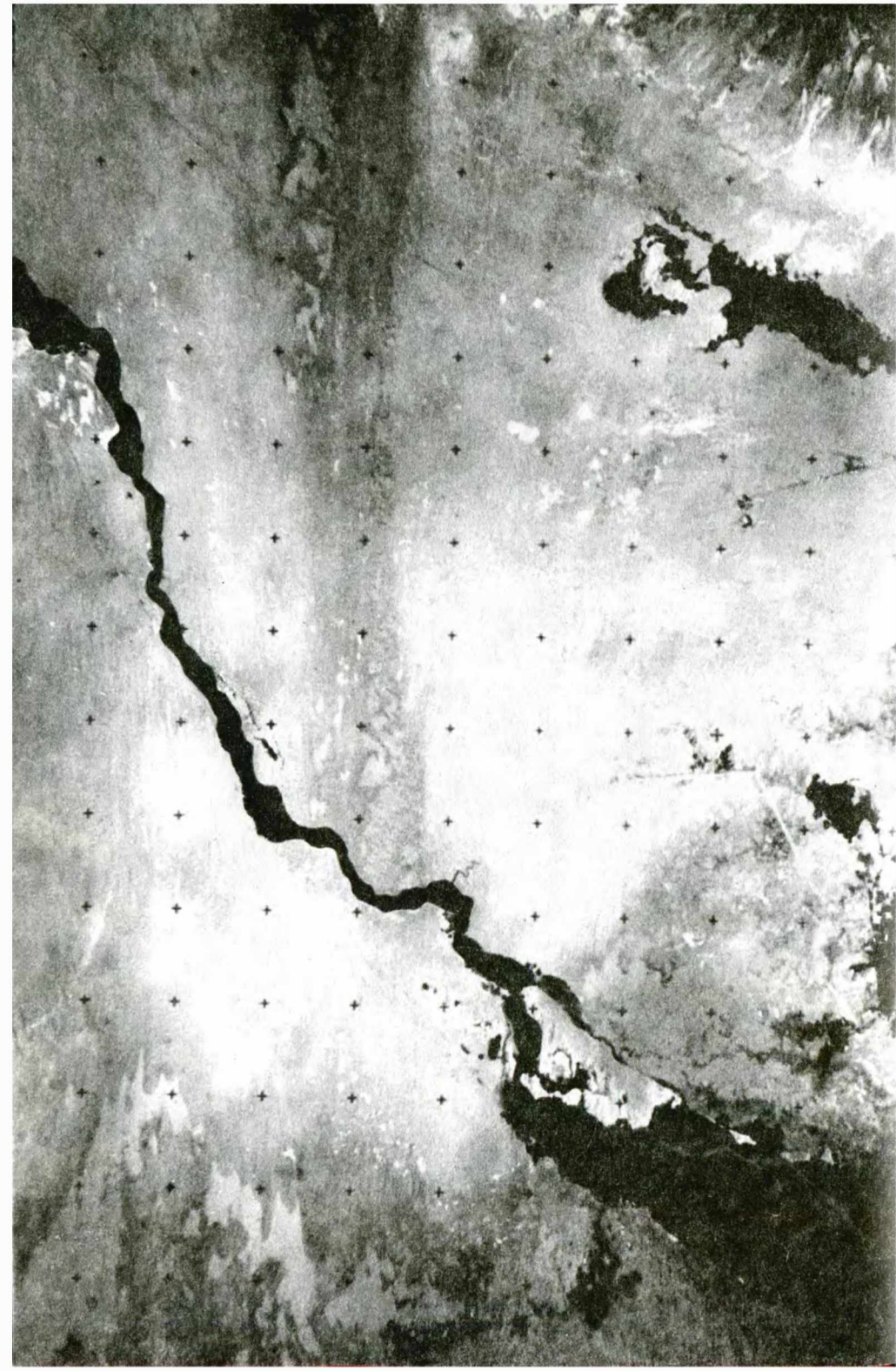
Суперэтнос, условно названный нами «хуннским», включал не только хуннов, сяньбийцев, табгачей, тюркютов и уйгуров, но и многие соседние этносы иного происхождения и разнообразных культур. Мозаичность этнического состава отнюдь не препятствовала существованию целостности, противопоставлявшей себя иным суперэтносам: Китаю древнему (IX в. до н.э. — V в. н.э.) и Китаю раннесредневековому империи Тан (618–907), Ирану с Тураном (250 г. до н.э. — 651 г. н.э.), Халифату, то есть арабо-персидскому суперэтносу, Византии (греко-славянской) и Западной романо-германской Европе; особняком стоял Тибет, который в сочетании с Тангутом и Непалом тоже следует рассматривать как самостоятельный суперэтнос, а не периферию Китая или Индии. Все эти суперэтнические целостности взаимодействовали с циркумкаспийской Евразией (Великой степью), но по-разному, что весьма влияло на характер культуры и вариации этногенеза как степных, так и окрестных суперэтносов. В чем было различие этих контактов? Решить поставленную задачу традиционными приемами столь же просто, как и бесплодно. Можно перечислить все войны и мирные трактаты, а также межплеменные распри, что, кстати, уже сделано, но это будет описание ряби на поверхности океана. Ведь воюют государства, то есть социальные целостности, а не этносы, которые являются звеньями геобиоценозов, вследствие чего они более консервативны. Войны часто идут внутри этнической системы, а с чужаками сохраняют «худой мир», который не всегда лучше «доброй ссоры». Поэтому целесообразно избрать иной путь.

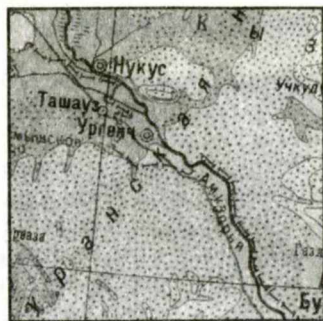

Устье Амударьи.
*Аму выносит песок,
ил, удобрения в море.
Одна из самых
красивых дельт.
При устье реки — ямы
сточных вод.
С каждым годом
вынос реки все меньше.*

Амударья в нижнем течении.

Низины, залитые отработанной на полове водой.

Выше по течению Хивинский оазис.

На горизонте золотосные горы Султан-Увайс.

Рядом — следы грандиозных развалин столицы Хорезма Топрак-кала.

Комплиментарность – вот та база, на которой не просто проходят, но осуществляются судьбы взаимодействующих этносов и суперэтносов, а иногда и отдельных персон. Уточним сие понятие.

Положительная комплиментарность – это безотчетная симпатия, без попыток перестроить структуру партнера; это принятие его таким, каков он есть. В этом варианте возможны симбиозы и инкорпорации. Отрицательная – это безотчетная антипатия, с попытками перестроить структуру объекта либо уничтожить ее; это нетерпимость. При этом варианте возможны химеры, а в экстремальных коллизиях – геноцид. Нейтральная – это терпимость, вызываемая равнодушием: ну и пусть его, была бы только польза, или хотя бы не было вреда. В этом случае чаще всего идет либо потребительское отношение к соседу, либо игнорирование его. Этот вариант характерен для низких уровней пассионарного напряжения. Комплиментарность – явление природное, возникающее не по приказу хана или султана и не ради купеческой прибыли. То и другое может, конечно, корректировать поведение контактирующих персон, руководящихся соображениями выгоды, но не может изменить искреннего чувства, которое, хотя на персональном уровне и бывает столь разнообразным, как индивидуальные вкусы, но на популяционном – приобретает строго определенное значение, ибо частые отклонения от нормы взаимно компенсируются. Поэтому установление взаимных симпатий и антипатий между суперэтносами правомерно. Здесь возможен единственный путь исследования: широкое обобщение. Легче всего запутаться в мелочах и потерять нить Ариадны – единственное, что может вывести из лабиринта противоречивых сведений, вариаций и случайных совпадений. Эта нить – селекция политических коллизий и зигзагов мировоззрений на персональном уровне, ибо источники составляли авторы, то есть люди, а суперэтносы – системы на три порядка выше. И если довести эмпирическое обобщение до конца, то получится неожиданный результат: примеров отрицательной комплиментарности к тюркомонголам – два; положительной – два, нейтральной – один.

Древние китайцы относились к хуннам с нескрываемой враждебностью. Это особенно четко проявилось в IV в., когда хунны, теснимые засухой, поселились в Ордосе и Шаньси, на заброшенных землях, обрабатываемых ирригационными системами. Китайцы так издевались над степняками, что довели их до восстания. Так же китайцы относились к тибетцам и сяньбийцам; не щадили они и метисов, но поскольку их было много, то они уцелели около развалин Великой стены, на границе степного и китайского суперэтносов⁷.

Пассионарный толчок VI в. обострил эту неприязнь, превратив ее во вражду. Обновленные китайцы династий Бэй Ци и Суй истребляли

последних потомков степняков, а те подняли на щит династию Тан и сохранили старое племенное название – табгачи, хотя говорить стали по-китайски³.

Империя Тан по идее, но не по фазе этногенеза, аналогична царству Александра Македонского. Как Александр хотел объединить эллинскую и персидскую культуры и создать из них единый этнос, так Тай-цзун Ли Ши-минь попытался совместить «Поднебесную», т. е. Китай, Великую степь и Согдиану, уповая на обаяние гуманной власти и просвещенного буддизма. Казалось бы, этот грандиозный эксперимент должен был удасться, так как уйгуры, тюрки и согдийцы, которых теснили арабы, готовы были искренне поддержать империю. Но китайская лояльность была лицемерной, вследствие чего династия Тан пала в 907 г., а этнос табгач был истреблен менее чем за одно столетие (X в.)⁴.

Но традиции пережили людей. Эстафету «Третьей силы», равно чуждой и Китаю, и Степи, подхватили на востоке кидани, а на западе, точнее в Ордосе, – тангуты. Те и другие многократно громили Китай и жестоко сражались на севере: кидани – с цзубу (татарами), тангуты – с уйгурами, «так, что кровь текла, как журчащий поток».

Однако, когда пассионарный толчок XII в. вознес монголов над Азией, покоренные тангуты, кидани и чжурчжени остались живыми подданными монгольских ханов, а уйгуры и тибетцы получили привилегии и разбогатели. Когда же победили китайцы династии Мин, тангутов не стало, а западные монголы – ойраты – еле отбились в XV–XVI веках.

Нет, нельзя считать китайцев злодеями! Они считали свою историческую миссию цивилизаторской, принимая в свой суперэтнос тех, кто был согласен превратиться в китайца. Но в случае упорства комплиментарность становилась отрицательной. Тюркам и монголам приходилось выбирать между потерей жизни и утратой души.

Иранская группа этносов: персы, парфяне, хиониты, аланы, эфталиты – все они постоянно воевали с хуннами и тюркютами, что, разумеется, их не располагало друг к другу. Исключение составляли враги сарматов – скифы, у которых хунны заимствовали знаменитый «звериный стиль» – изображение хищных зверей на охоте за травоядными, что наглядно показано открытиями П. К. Козлова и С. И. Руденко. Но, увы, детали истории столь древнего периода неизвестны.

В VI в. союзниками и искренними друзьями тюркютов стали хазары, но падение Западного Тюркского каганата и переворот в Хазарии не позволили хазарам реализовать благоприятную ситуацию – победу над персами и хионитами, благодаря чему и те и другие успели оправиться.

И тем не менее влияние персидской культуры на Великую степь имело место. Зороастризм — религия не прозелитическая, она только для благородных персов и парфян. Но манихейство, гонимое в Иране, Римской и Китайской империях и в раннехристианских общинах, нашло приют у кочевых уйгуров и оставило следы на Алтае и в Забайкалье. Высшее божество сохранило свое имя — Хормузда (отнюдь не Ахурамазда), что в сочетании с другими деталями указывает на конгенность древних иранцев и древних тюрков. Победа арабов-мусульман сменила цвет времени, но до XI в. иранские этносы: дейлемиты, саки и таджики отстаивали свою культуру и традиции от тюркского нажима. Погибли они героически, ничем не запятнав своей древней славы; арабы и тюрки сохранили к персам глубокое уважение, поэтому счесть тюрко-персидскую комплиментарность отрицательной нет ни повода, ни основания.

Несколько по-иному сложились отношения тюрков с арабами на Ближнем Востоке. Мусульмане требовали смены веры; это в те времена означало, что Кок Тенгри (Голубое Небо) надо было называть Аллахом (Единственный). Тюрки охотно принимали такую замену, после чего занимали важные должности, если они были рабами-гулямами, или пастбища для овец, если они оставались свободными скотоводами. В последнем случае возникал симбиоз, с взаимной терпимостью и даже уважением, хотя культурные персы находили тюрков «грубыми».

Острые коллизии возникали лишь в крайних случаях, например, при подавлении восстаний зинджей и карматов, при войнах с дейлемитами и при дворцовых переворотах. Но и тут многие арабы и даже персы предпочитали тюрков сектантам и грабителям. А уж когда сельджуки загнали греков за Босфор, а куманы-мамлюки сбросили крестоносцев в Средиземное море, взаимопонимание восстановилось, и обновленный суперэтнос нашел в себе силы для самоутверждения.

Византия взаимодействовала с кочевниками двояко: на своей родине греки пользовались помощью тюркютов в VII в., печенегов — в X в., половцев — в XI—XIII вв. и на чужбине, где эмигрировавшие из Византии несториане обратили в христианство много монгольских и тюркских племен, часть оседлых уйгуров и часть хорезмийцев, а православные миссионеры крестили Болгарию, Сербию и Русь; возникал уже не сдержанный симбиоз, а инкорпорация: крещеных тюрков принимали как своих. Даже укрытые от монголов последние половцы, преданные венграми, нашли приют в Никейской империи.

Видимо, аналогичная положительная комплиментарность должна была иметь место в Древней Руси. Так оно и было, но этот вопрос под-

робно будет рассмотрен в специальной работе, ибо заслуживает особого внимания.

В отличие от восточных, западные христиане — католики относились к евразийским степнякам совсем иначе. Их обращение напоминает китайское, а не персидское, греческое и славянское. При этом важно, что политические конфликты между обоими суперэтнами были эпизодичны и куда менее значительны, чем войны гвельфов с гибеллинами. Просто существовало убеждение, что гунны, тюрки и монголы — грязные дикари, а если греки с ними дружат, то ведь восточные христиане «такие еретики, что самого Бога тошнит». А ведь с испанскими арабами и берберами в Сицилии европейские рыцари воевали постоянно, но относились к ним с полным уважением, хотя африканцы заслуживали его не более, чем азиаты. Оказывается, что сердце сильнее рассудка.

И, наконец, Тибет. В этой горной стране бытовали два мироощущения: древнеарийский культ Митры — бон и разные формы буддизма: кашмирская (тантризм), китайская (чан-буддизм созерцания) и индийское: хинаяна и махаяна. Все религии были прозелитическими и распространялись в оазисах бассейна Тарима и в Забайкалье. В Яркенде и Хотане утвердилась махаяна, быстро вытесненная исламом; в Куче, Карашаре и Турфане — хинаяна, мирно ужившаяся с несторианством, а в Забайкалье симпатии обрел бон — религия предков и потомков Чингиса. С христианством бон ладил, но китайские учения и монголы и тибетцы не принимали, даже чан-буддизм. Это не может быть случайным, так что с Тибетом у степняков комплиментарность была положительной.

Как видим, проявление комплиментарности не зависит от государственной целесообразности, экономической выгоды или от характера идеологической системы, потому что сложная догматика недоступна пониманию большинства неофитов. И все же феномен комплиментарности существует и играет в этнической истории если не решающую, то весьма значительную роль. Как же его объяснить? Сама собой напрашивается гипотеза биополей с различными ритмами, т. е. частотами колебаний. Одни совпадают и создают симфонию, другие — какофонию; это явно явление природы, а не дело рук человеческих.

Конечно, можно игнорировать этнические симпатии или антипатии, но целесообразно ли это? Ведь здесь кроется ключ к теории этнических контактов и конфликтов, а тем самым перспективы международных коллизий; и не только III–XII вв., которыми мы здесь ограничимся.

Турко-монголы дружили с Православным миром, Византией и ее спутниками — славянами. Ссорились с китайскими националистами

и по мере сил помогали империи Тан или, что то же, этносу табгачей, за исключением тех случаев, когда при имперском дворе в Чаньани брали верх китайские грамотен.

С мусульманами тюрки уживались, хотя и образовывали химерные султанаты, больше среди иранцев, чем арабов. Зато агрессию католической романо-германской Европы тюрки остановили, за что до сих пор терпят нарекания.

На этих невидимых нитях выстраивалась международная обстановка вокруг берегов Каспийского моря перед выступлением монголов. Но и после монгольских походов констелляция изменилась лишь в деталях, отнюдь не принципиальных, что может проверить любой читатель, знакомый с элементарной всеобщей историей.

НЕПОЛНОЦЕННЫХ ЭТНОСОВ НЕТ!

Теперь, когда весь арсенал этнологической науки в наших руках и мы знаем о невидимых нитях симпатий и антипатий между суперэтносами, настало время поставить точки над «и» в вопросе о «неполноценности» степных народов и опровергнуть предвзятость европоцентризма, согласно которому весь мир — только варварская периферия Европы.

Сама идея «отсталости» или «дикости» может возникнуть только при использовании синхронистической шкалы времени, когда этносы, имеющие на самом деле различные возрасты, сравниваются, как будто они сверстники. Но это столь же бессмысленно, как сопоставлять между собой в один момент профессора, студента и школьника, причем все равно по какому признаку: то ли по степени эрудиции, то ли по физической силе, то ли по количеству волос на голове, то ли, наконец, по результативности игры в бабки. Но если принять принцип диахронии — счета по возрасту и сравнить шестилетнего школьника со студентом и профессором, когда им было тоже по шесть лет, то сопоставление будет иметь не только смысл, но и научную перспективу. Так же обстоит дело в этнологии. Диахрония всегда заставляет напомнить, что цивилизованные ныне европейцы стары и потому чванливы и гордятся накопленной веками культурой — как и все этносы в старости, но она же напомнит, что в своей молодости они были дикими «франками» и «норманнами», научившимися богословию и мытью в бане у культурных в то время мавров.

Этнология не ставит вопросов, кто культурнее: хунны или древние греки, тюрки или немцы, ибо культурные и творческие сегодня через триста лет вдруг оказываются равнодушными обывателями, а еще

полторы тысячи лет назад и имени-то их никто не знал. Она беспристрастна, так как единственным ее мерилom является уровень пассионарного напряжения, проявляющийся в частоте событий, последовательности которых образует плавную мелодию чередования эпох и, наконец, заметную смену фаз этногенеза. Можно до бесконечности выяснять, что «лучше»: войлочная юрта, деревянная изба, мраморная вилла или каменный замок, и так и не прийти к выводу, ибо критерий такого сравнения отсутствует, но, сопоставляя хуннов, эллинов и немцев, например, по их жертвенности и накалу страстей, легко убедиться, что в «юные лета» они одинаково горячо трепетали за свои идеалы, в зрелости – равно боролись за свободу, блистая умом и выдержкой, а в старости – одинаково остывали их чувства и ослабевали силы.

«Но как же можно сравнивать каких-то хуннов с культурными эллинами и цивилизованными немцами? – возмутится иной читатель. Ведь хунны – это дикари, жестокие и грубые, а эллины – носители самых высоких идей, учителя всех позднейших философов, поэтов и художников?» К этой оценке мы привыкли настолько, что задумываться над ее правильностью стало казаться кощунством. А если все-таки подумать? Вспомним, как часто привычные мнения опровергались научным анализом, начиная с вопроса о форме Земли и кончая законом сохранения энергии.

Об извечной «дикости» хуннов и их сверстников, степных народов, мы уже достаточно сказали в основном тексте книги. Повторяться не будем. О цивилизованности немцев говорить особенно нечего. В эпоху Гогенштауфенов и «Кулачного права» Германия была весьма не университетской страной. А какой она станет в эпоху обскурации, можно легко представить. Достаточно вспомнить 1939–1945 гг., чтобы необходимость в дополнительном анализе и споре отпала. Поэтому сравним Хунну, Германию и Элладу по возрастам, отсчитывая последние от них «рождения», как самостоятельные этнополитические системы, зафиксированные историей. Хотя мы знаем, что этим датам предшествовал инкубационный период, относительно короткий, но его мы опустим, потому что хронология в нем всегда не точна. Зато моменты выхода на арену истории всегда ярки и выпуклы. Для Хунну это 209 г. до н. э., для Германского королевства – Верденский договор 841 г. – образование на территории Священной Римской империи германской нации Арелатского, Французского, Ломбардского, Аквитанского королевств, а для Эллады дата расплывчата⁶ – VII–VI вв. до н. э. Это так называемая «Великая греческая колонизация» и образование государств с записанными законами. Чтобы дать уточнение, не необходимое, но желательное, изберем эталоном Афины. Тогда аналогичной датой начала становления будет 621 г. до н. э., т. е. Дракон-

товы законы. Спарта возникла несколько раньше, но этой неточностью можно пренебречь.

Все три этноса прошли фазу пассионарного подъема и вступили в фазу перегрева (акматическую) за период около 250–300 лет. Хунну — от создания родовой державы в 209 г. до н. э. до 46 г. н.э. — распада на Северную и Южную державы. Германия — от 841 г. до 1147 г. — неудачных крестовых походов императора Конрада III в Малую Азию и герцога саксонского Генриха Льва против вендов (полабских славян). Афины с 621 г. до н. э. до 449 г. до н.э. — конца греко-персидской войны. В фазе перегрева хунны, составлявшие с Сяньби единую суперэтническую систему, с 46 по 181 г., хотя и воевали между собой, но одерживали победы над всеми соседями: империей Хань, усунями, динлинями и аланами. В Германии Гогенштауфены в борьбе с папами держатся до 1268 г. и гибнут, оставив страну в полном распаде. Зато война за Прибалтику выиграна. Афины и Спарта, растратив силы в Пелопоннесской и Фиванской войнах, стали жертвой Македонии в 337 г. до н. э., входившей в суперэтническую систему греко-римского мира. В фазе надлома, которая в Азии была осложнена Великой засухой III в., происходит распад степной империи на мелкие химерные государства. В Германии — Междуцарствие и «Кулачное право», нажим чехов, вылившийся в гуситские войны, и блестящее «возрождение» на фоне всеобщего вырождения. И так тянулось до 1436 г., т.е. до конца гуситских войн. А в Элладе, благодаря господству Македонии, идет распространение греков вплоть до Индии, сооружение Александрии и Антиохии, расцвет эллинизма. Но сами эллины и македоняне завоеваны жестокими римлянами. Последний оплот эллинизма — Коринф разрушен в 146 г. до н.э. В инерционной фазе хуннов приветили тюркюты, воссоздавшие степную империю (546–745). В Германии навели порядок Габсбурги (1438–1918), а эллинистические государства были завоеваны Римом (Пергам — в 130 г., Понт — в 63-м, Сирия — в 62-м и Египет — в 30 г. до н.э.) и переживали эту фазу вместе с ним так же, как и следующую — фазу обскурации. Последние хунны — тюрки-шато — в обскурации еще совершили последние подвиги и вышли в гомеостаз как реликт — онгуты или белые татары.

Грекам и римлянам это не удавалось. Удастся ли немцам, покажет недалекое будущее.

Даже при очень беглом сравнении, которое можно при желании провести с еще большей точностью, чтобы обнаружить сходство и в отдельных деталях, видно, что повода считать хуннов неполноценнее европейцев, как современных, так и древних, нет.

Скорее, наоборот, надо отдать должное уму и такту хуннов, табгачей и тюрков. Они относились к окрестным народам как к равным,

пусть даже непохожим на них. Идеологии периферийного варварства они не создали. И благодаря этому, при неравенстве сил, они устояли в вековой борьбе, и победили, утвердив, как принцип, не истребление соседей, а удержание своей территории – родины – и своей культурно-исторической традиции – отечества. И потому они просуществовали свои 1500 лет и оставили в наследство монголам и русским непокоренную Великую степь.

МИФ ПРОТИВ НАУКИ

Творчество людей многолико. Наука – только один из его вариантов, и далеко не самый популярный. В науке цель – эмпирическое обобщение, в литературе – вымысел, в мифотворчестве – вымысел, выдаваемый за истину; это-то наиболее понятно и близко массовому восприятию. То, что ценной жизни устанавливается ученым исследователем, обывателю непонятно и неинтересно. А то, что выдуманно с расчетом на уровень читателя, – легкоусвояемо. Поэтому нет ничего удивительного, что древний еврейский, а точнее – аккадийский или шумерский миф о Каине и Авеле, земледельце и скотоводе, воскресает в интерпретации истории Азии и Северной Африки. Меняется лишь оценка сторон: автор книги «Бытия» сочувствовал скотоводу Авелю, а наши историки и их читатели – земледельцу Каину, но ни те, ни другие не утруждают себя доказательствами своих тезисов. Им они просто не нужны.

И тут мы наталкиваемся на новое явление: подмену исследования декларацией, тщательного изложения причинных связей во временной последовательности – живописными описаниями личных впечатлений авторов произведений, написанных столь талантливо, что они заслоняют собой историческую действительность. Литературные образы Роланда или Вильгельма Телля ничего общего не имеют со своими прототипами, но вымышленные, а не действительные герои становятся образцами для потомков, а когда проходят века, то начинаются поиски Атлантиды, Шамбалы и Эльдорадо. Места для научного анализа прошлого не остается. Соблазнительность вымысла отметил даже сам А. С. Пушкин, заявивший, что «низких истин мне дороже нас возвышающий обман». Прав ли он? Чем является миф для человечества: благом или злом?

Сначала уточним значение термина «миф» как источника информации. Значение это двояко: 1) по-русски «миф» – это вымысел, искажение фактов, несоответствие рассказа реальности; 2) «миф» – это древняя литературная форма – сказания о богах и героях¹. Приведен-

ные понимания встречаются одинаково часто, хотя по смыслу противоположны друг другу. Соответственно и отношение к мифу возможно двоякое: либо это разновидность лжи, сознательной или бессознательной, либо «миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность»⁸. Если это верно, то «призыв» создать новую мифологию – «мифологию разума», выдвинутый Гегелем как «первая программа системы немецкого идеализма»⁹ основателен и перспективен. Примирить эти два значения невозможно. Значит, надо сделать выбор.

А. В. Гулыга в цитируемой статье кратко и точно отмечает особенность мифа. «Миф не знает категории времени, жизнь в мифе – вечное повторение»¹⁰. Отсюда вытекает, что история – наука о событиях в их связи и последовательности – антипод мифа; это подкрепляет первый тезис – миф лежит в сфере лжи.

«Миф не знает различия между естественным и сверхъестественным», причем под последним понимается нечто находящееся в воображении, но формирующее и подчиняющее силы природы при помощи воображения. Под природой понимается «все предметное, включая общество»¹¹.

Это последнее утверждение поясняет механизм воздействия мифа на действительность. Воображенное хотя само по себе не субстанционально, но влияет на характер поведения людей, на выбор решения в альтернативных ситуациях, на направление творческих усилий. Но коль скоро так, то решения могут быть и ложными, а творческие усилия – губительными. Поэтому миф не так уж безобиден, и обращаться с ним следует осторожно, как с неразряженной бомбой, тем более что «в мифе есть своя логика, разрешающая противоположные высказывания. Формальная логика с запретом противоречия – антитеза мифа». Но ведь это право на безответственность и беспочвенность суждений, т. е. на ложь, пусть бессознательную; но от бессознательности и искренности лжеца ничуть не легче. Да, «миф – это форма мысли, свойственная человеку как другие формы. Разрушение мифа ведет не к победе рациональности, а к утверждению другого мифа. Демифологизация невозможна!»¹² Если это верно, то невозможна наука, а ведь она существует и приносит кое-какие результаты, от которых не стоит отказываться.

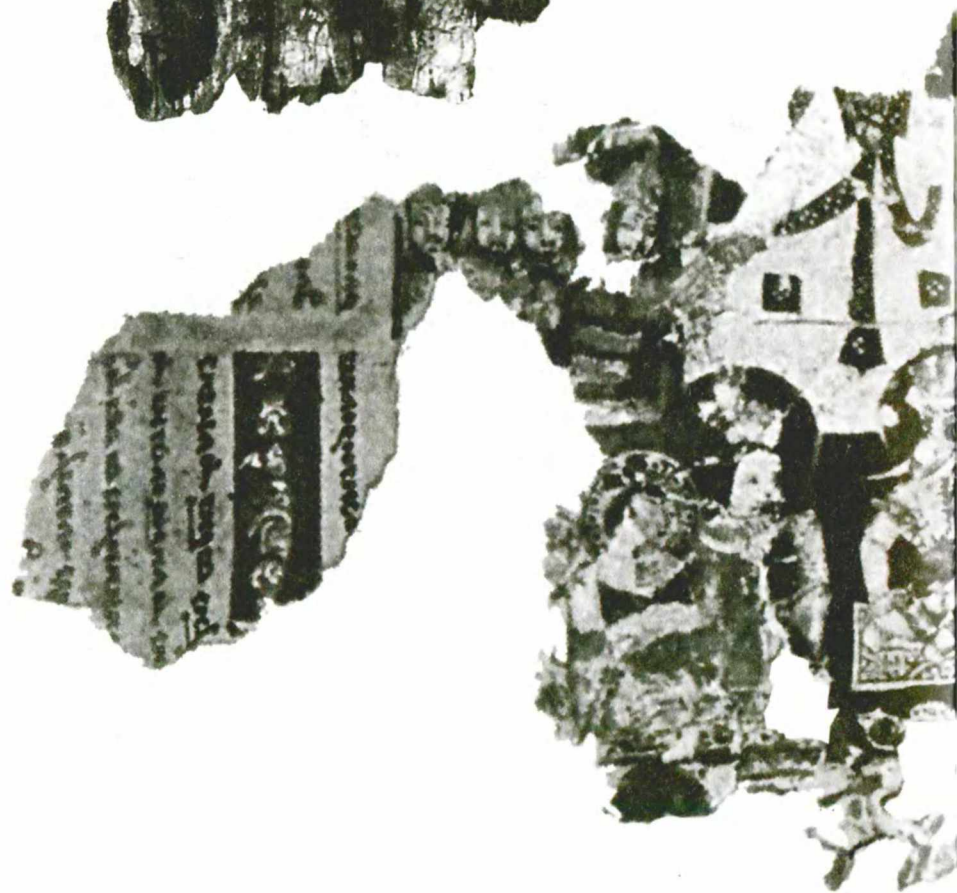
Но коль скоро так, то мифология и наука связаны не прямой, а обратной пропорциональностью; значит, мифотворчество – противник науки, тем более грозный, что оно просочилось в некоторые разделы науки и, в частности, в концепцию физического времени как четвертого измерения в пространственно-временном континууме. Но при занятиях историей, географией, геологией, зоологией и т. п. время

рассматривается как «дление», ибо оно необратимо, а потому поддается фиксации. Континуум же пригоден для мифов, порождающих призраки, не развивающиеся по ходу реального времени.

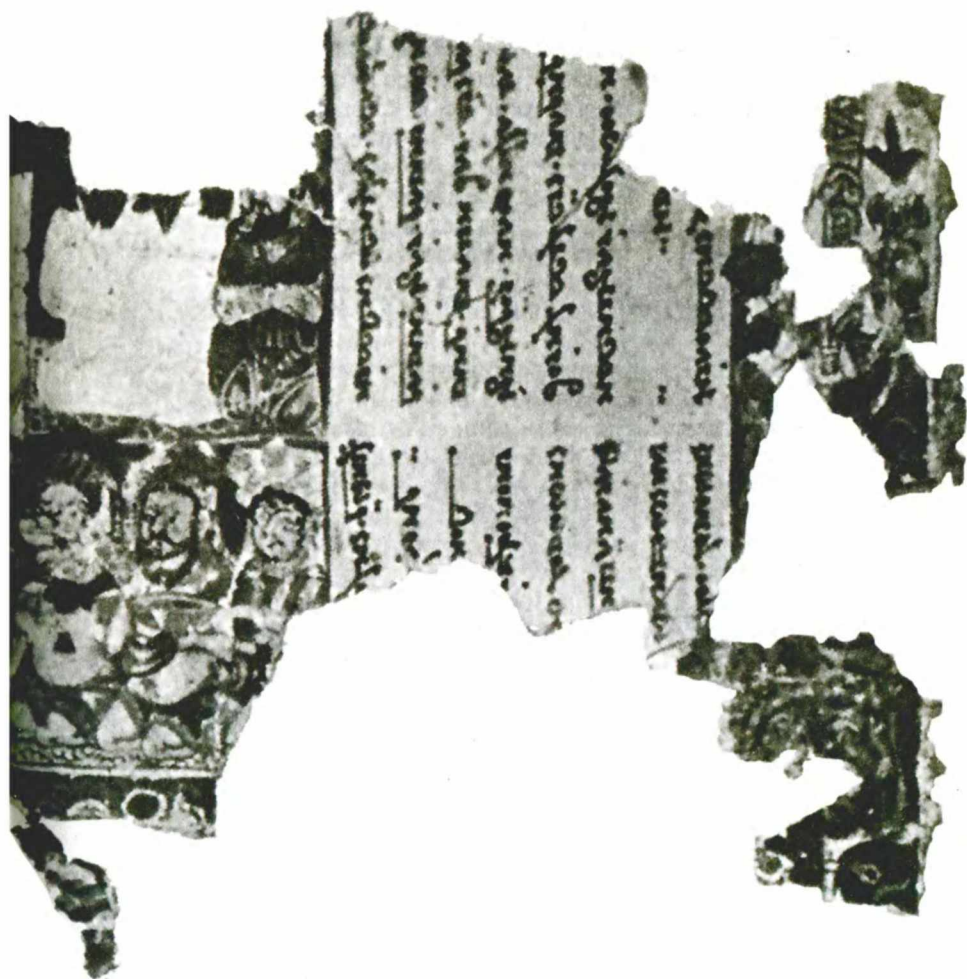
Однако мифы, несмотря на призрачность своей природы, совсем не безвредны. Они норовят подменить собой эмпирические обобщения наблюдаемых фактов, т. е. занять место науки и заменить аргументацию декларациями, подлежащими принятию без критики. Проверить данные мифа невозможно. Когда миф торжествует, то наступает подлинный упадок науки, да и всей культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Бацеева С. М.* Бедуины и горожане в Мукаддиме Ибн Хальдуна // *Очерки истории арабской культуры У—ХУ вв.* М., 1982. С. 326.
- ² *Гумилев Л. Н.* Хунну; Хунны в Китае.
- ³ См.: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки.
- ⁴ См.: *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства.
- ⁵ *Кычанов Е. Е.* Звучат лишь письменна. М., 1965.
- ⁶ Дату первой олимпиады — 776 г. до н. э., равно как и дату основания Рима — 753 г. до н. э., следует считать легендарными. Может быть, здесь начался инкубационный период, но доказать это трудно. Обойдемся без дат.
- ⁷ См.: *Гулыга А.* Миф и современность // *Иностранная литература.* 1984. № 2. С. 168.
- ⁸ *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М., 1930. С. 14.
- ⁹ *Гегель Г. В.* Работы разных лет. Т. I. М., 1970. С. 213.
- ¹⁰ *Гулыга А.* Указ. соч. С. 170.
- ¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 737.
- ¹² *Гулыга А.* Указ. соч. С. 172.
- ¹³ Термин, предложенный А. Бергсоном — «duree», Вернадский удачно перевел как «дление». (См.: *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста: Пространство и время в неживой и живой природе. М., 1975. С. 44—45).

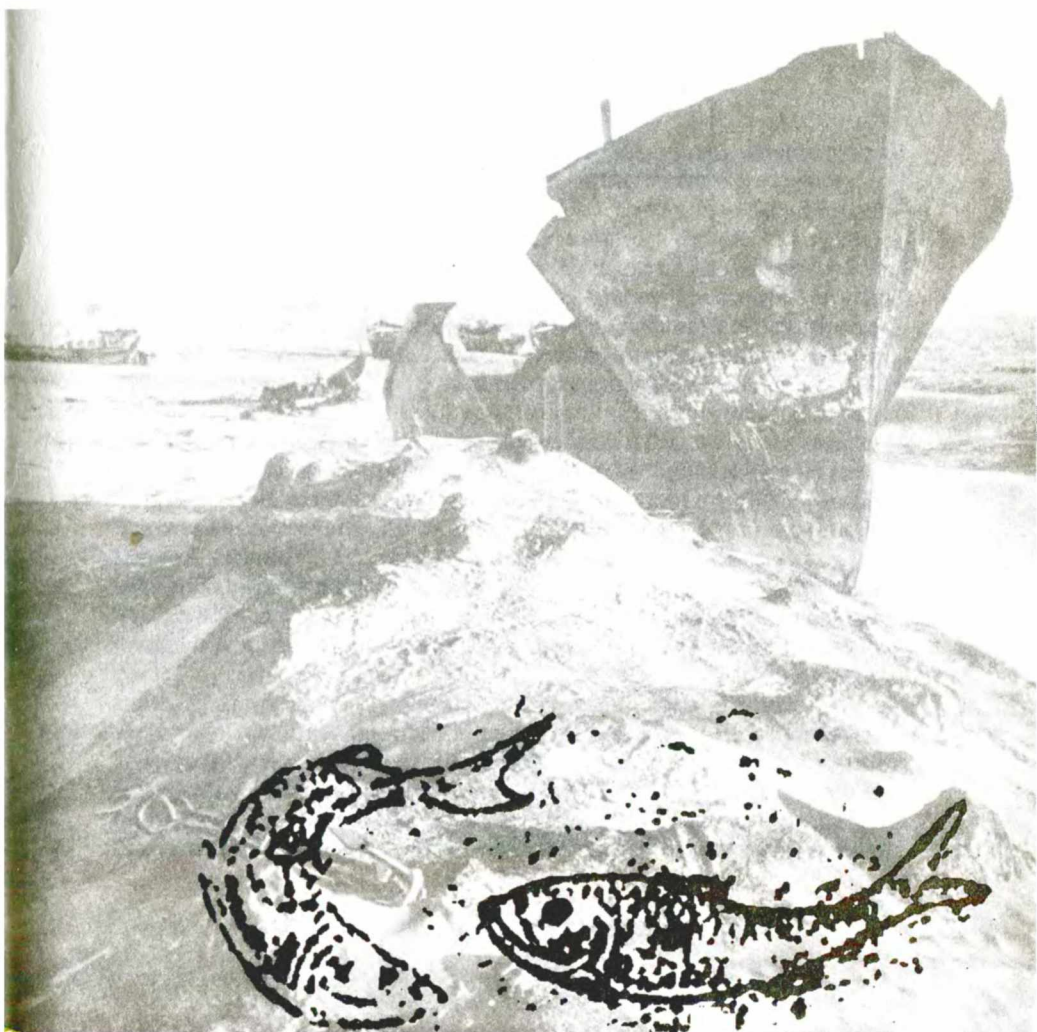
ДИАЛОГ ИСТОЧНИКОВ

Каспийское море — естественное углубление в геоморфологии Земли, остаток доисторического моря размером с Атлантический океан. Прикаспие — огромная всеазиатская впадина на 30—130 метров ниже уровня Мирового океана, два соленых моря и сухая степь, вторгающаяся на их берега — уникальная территория, сохраняющая нечеткие отпечатки прошлого. С тех пор, как человек поселился здесь, недалеко от мест, где занималась заря человеческой истории, он не переставал жаждать всемогущего эксперимента: соединить реки, связать моря друг с другом, связать Каспий с Аралом и Черным морем, прорыть туннель или канал к Индийскому океану, соединить Ледовитый океан с южными морями. Природный феномен Каспия оказался немислим без гидрографии, ирригации, без волнующих экспериментов. XX век родил глобальные, трансконтинентальные инженерные идеи — вплоть до создания искусственных морей. Верилось, что гидротехнический размах раз и навсегда покончит и с признаками различия этносов, и с несопадающими циклами их истории. Читатель знает, что из всего этого получилось.

ДИАЛОГ ИСТОЧНИКОВ

МУЧЕНИЕ КАСПИЯ

История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XVI в. н.э.)

Л.Н.Гумилев

За последние десятилетия наука отказалась от идей о неизменности географических условий на протяжении даже сравнительно короткого периода, освоенного письменными источниками. Хотя Средиземноморский бассейн имел за 3 000 лет стабильный климат — это частный случай, а не правило. Климатические условия в центре Евразийского континента менялись очень сильно. Установление гетерохронности повышенного увлажнения степной, лесной и тундровой зон Евразии (Абросов, 1962; Гумилев, 1966) позволило сопоставить климатические колебания с колебаниями уровня Каспия (Гумилев, 1964, 1966). Поскольку Каспий на 81 процент наполняется Волгой, водосбор этого бассейна лежит в гумидной зоне, повышение уровня моря совпадает с усыханием степей, и, наоборот, наполнение Арала и Балхаша реками аридной зоны означает усыхание Среднерусской равнины и западносибирской лесной зоны. Но возможно и прохождение циклонов по полярной зоне с одновременным образованием другой североиранской ветви. Тогда усыхают одновременно и Каспий, и Арал, тают льды арктических морей, и потоки влаги низвергаются с Армянского нагорья на Месопотамию, образуя там “потопы”. Эти климатические явления смещают границы пустынь Центральной Азии, степи и тайги, что особенно заметно в континентальном режиме Внутренней Азии. Разумеется, хозяйство, как скотоводческое, так и земледельческое, реагирует на длительные засухи или столь же пагубные зимние оттепели. Отметим, что усыхание или увлажнение корреспондировало с потенцией кочевых народов (Гумилев, 1970). Ведь если историческая судьба народности в значительной степени есть продукт ее хозяйственных возможностей, то она в известной степени тем самым связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта независимо от того — ландшафт естественный или некогда был

создан руками человека. Рост пустынь Центральной Азии — сложный процесс, он был прерван периодом увлажнения в сравнительно недавнее время (Мурзаев, 1952). Дать его абсолютную дату может только историческая наука, и, в частности, способом, который предлагается в данной работе, — сопоставлением хорошо изученной истории народов Евразии и степени увлажнения зон континента с применением принципа гетерохронности. Нами была установлена взаимосвязь увлажнения и некоторых цепочек событий этнической истории (Гумилев, 1966; Gumilev, 1965, 1967). Поскольку последние твердо датированы, то, перевернув систему отсчета, легко установить даты колебаний климата, имеющих с этими событиями причинную связь. Эта закономерность относится только к этнической, а не к социальной истории — смене общественно-экономических формаций, которую история этническая дополняет, но не подменяет. Изучаемый период, около 3 тыс. лет, ограничен, с одной стороны, X в. до н.э., ибо ранее история народов известна лишь отрывочно, с другой — XVIII в., потому что ныне идущие процессы незакончены, в силу чего не могут быть использованы как аргумент для обоснования концепции закономерности (рис. 1).

СТЕПЬ И КАСПИЙ

Недостаток сведений о древних уровнях Каспийского моря можно восполнить путем привлечения данных о климатических колебаниях в аридной зоне Евразии, отразившихся на истории населявших ее народов.

Кочевые народы Евразии жили на полосе степи между двумя ландшафтными зонами: тайгой и пустыней, враждебными скотоводству. Пустыня хоть весной покрывается травой и на этот короткий промежуток времени становится обитаемой. Тайга же в любое время года грозит скотоводу лишениями. Зимой снежный покров, достигающий иногда нескольких метров, лишает травоядных животных, кроме оленя и зайца, корма.

Но зеленая степь, пересеченная лесистыми горными хребтами, кормит огромные стада животных. Именно здесь у многочисленных кочевых народов — хуннов, тюрков и монголов — сложилось кочевое скотоводческое хозяйство в его классическом виде.

Сила кочевников была прямо пропорциональна количеству их скота, которое определялось и качеством площади пастбищ, а последнее зависело от дождей, выпадавших в степи. Уменьшение осадков вело к наступлению пустыни на север, увеличение — к продвижению тайги на юг, и, кроме того, глубокие снега мешали животным добывать зимой подножный корм, что приводило к массовой гибели скота. Трудно сказать, что было для кочевников хуже. Причина этих бед, однако, была та же, что и повышения уровня Каспия — перенос путей атлантических циклонов из степной зоны в лесную или даже в

Век н.э.	Направление циклонов	Аридная зона		Гумидная зона Евразии	Цивилизации	
		Западная Евразия	Восточная Евразия		Китай	Европа
I	ср.	Сарматы ⋮	Хунны ⋮	↓	Хань ↓	Рим ↓
II	ср.	Аланы ⋮	Сяньби ⋮	↓	Хань ↓	Рим ↓
III	сев.	Аланы, гуны и готы ⋮	Сяньби ⋮	Угры ⋮	Троецарствие ⋮	Упадок Рима ⋮
IV	ср.	Гуны ⋮	Жужани ⋮	Россомоны ↓	Пять варваров ⋮	Христианский Рим ⋮
V	юж.	Сабиры и болгары (с 463 г.) ↓	Жужани ↓	⋮	Тоба-вэй ↓	Великое переселение народов ⋮
VI	юж.	Авары (с 588 г.) ↓	Тюркюты ↓	Анты ⋮	Суй ⋮	Франки ⋮
VII	юж.	Болгары ↓	Тюркюты ↓	⋮	Тан (расцвет) ⋮	Франки ⋮
VIII	юж.	Хазары ↓	Тюрки и уйгуры ↓	Славяне ⋮	Тан (кризис) ↓	Франки ⋮
IX	юж.	Хазары и венгры ↓	Уйгуры и кыргызы ↓	Киевская Русь ⋮	Тан (упадок) ↓	Образование наций ⋮
X	ср.	Печенеги ⋮	Кидани ⋮	Киевская Русь ↓	Пять династий ⋮	Феодализм и викинги ↓
XI	юж.	Половцы ↓	Кераиты ↓	Киевская Русь ⋮	Сун ↓	Феодализм ⋮
XII	юж.	Половцы ↓	Татары ↓	Владимирская Русь ↓	Чжурчжени (цзинь) ↓	Крестовые походы ⋮
XIII	ср.	Завоевания монголов Чингисхана				Гвельфы и гибеллины ↓
		Золотая Орда ⋮	Мятежные ханы ⋮	Русь ↓	Монголы ⋮	
XIV	ср.	Распад Золотой Орды ⋮	Поражение и упадок Монголии ⋮	Великороссия ↓	Юань и Мин (с 1360 г.) ⋮	Столетняя война ↓
XV	ср.	Упадок Золотой Орды ⋮	Ойраты ⋮	Усиление России ⋮	Мин ⋮	Возрождение ↓
XVI	сев.	Ногаи ⋮	Калмыки ⋮	Соперничество Литвы, Москвы и Казани ⋮	Мин ⋮	Реформация ⋮
XVII	ср.	Калмыки и казаки ⋮	Конец монголов ⋮	Подчинение Сибири ↓	Маньчжуры ⋮	Реянгюзные войны ↓
XVIII	ср.	Казаки и русские ⋮	Гибель калмыков ⋮	Россия ⋮	Маньчжуры Цин ⋮	Колонизация мира ↓
XIX	ср.	Упадок кочевой культуры ⋮		Россия ↓	Цин ⋮	Эпоха прогресса ↓

Рис. 1. Таблица историко-географических соответствий

Сев. — северное направление циклона, через Скандинавию в тундру до Таймыра; Ср. — среднее направление циклона, через Балтику в Волго-Окский бассейн (водосбор Волги); Юж. — южное направление циклона, через Средиземноморье до Тянь-Шаня;

↓ — повышенное увлажнение; ⋮ — пониженное увлажнение

арктическую. Поэтому мы можем сравнивать эти процессы, но с учетом некоторых обстоятельств.

Неоднократно делались попытки объяснить завоевательные походы Агтиллы и Чингисхана ухудшением природных условий в степи (Грумм-Гржимайло, 1926). Эти попытки не дали результатов, и не случайно. Успешные завоевания и вторжения в Китай, Иран или Европу совершали не скопища голодных людей, искавших пристанища, а дисциплинированные, обученные отряды, опиравшиеся на богатый тыл. Поэтому такие исторические события, как правило, совпадали с улучшением климата в степи. Ухудшение же климата было причиной миграции мелких групп кочевников, обычно оседавших на степных окраинах. Установив два типа передвижений кочевых народов, мы можем коррелировать их с увлажненностью степной зоны без каких бы то ни было натяжек. Тем самым можно восстановить изменения климата за те 3 тыс. лет, история которых известна по письменным источникам. Этот новый подход к фактам основан на синтезе нескольких наук: географии, климатологии, истории, археологии и этнографии. Он не имеет ничего общего с “географическим детерминизмом” Монтескье и Л. Мечникова, которые сводили объяснение исторических событий и “духа народов” к географическим факторам (Яцунский, 1955). Мы устанавливаем только динамику ландшафтных зон в зависимости от климатических колебаний и рассматриваем этническую среду как показатель, чутко реагирующий на изменение внешней среды, т.е. природы.

Благодаря такому подходу удалось установить, что пространство степей, служивших экономической базой кочевого хозяйства, то сокращалось, то снова увеличивалось, и причина этого лежит в атмосферных явлениях, зависящих от степени активности солнечной радиации (Визе, 1940).

Европейская степь заселена кочевниками предельно густо, использовался каждый источник воды для водопоя. Следовательно, в эпоху усыхания кочевники мигрировали к окраинам степи, а при увлажнении заселяли степные пространства без военных столкновений, ибо в соседней пустынной зоне постоянного населения не было (Руденко, 1961).

В южной Сибири, на границе тайги и степи, в теплый и сухой суббореальный период развились палеометаллические культуры. Однако расцвет их сменился упадком, когда экономические ресурсы оказались подорванными наступлением холодов и продвижением лесов к югу. В то же время увлажнение и возникновение лесных островков, став благом для монгольских степей, привело к расцвету хозяйства их обитателей (Гумилев, 1966). Это увлажнение в южных районах Центральной Азии во II тысячелетии н.э. прекратилось, и там, где некогда были цветущие поселения, воцарились мертвые пески пустыни. Таков ход событий. Перейдем к датировкам и характеристикам отдельных периодов, которые подробно описаны в нашей “Степной трилогии” (Хунны. М., 1960; Хунны в Китае. М., 1974; Древние тюрки. М., 1967).

НИЗКИЙ УРОВЕНЬ КАСПИЯ В IV—I вв. до н.э.

В IV—III вв. до н.э. хунны обитали на склонах Иньшаня и очень ценили этот район, ибо, как пишет географ I века, “сии горы привольны лесом и травой, изобилуют птицею и зверем. Хунны, потеряв Иньшань, плакали, проходя мимо него” (Абросов, 1962, с. 94). В наше время “местность эта в общем равнинная, пустынная, встречаются холмы и ущелья; на севере большую площадь занимают развеваемые пески. Северная часть плато предоставляет собой каменистую пустыню, среди которой встречаются невысокие горные хребты, лишенные травянистого покрова” (Овдиенко, 1954, с. 159). Такое же различие в описаниях Хэси, степи между Алашанем и Наньшанем.

Очевидно, 2 тыс. лет назад площадь пастбищных угодий, а следовательно, и ландшафт были иными, чем сейчас. Степь была увлажнена обильнее, а значит, Каспий получал мало влаги из зоны лесов и уровень его должен был стоять низко.

В 1959—1963 гг. в бассейне Каспийского моря нами проведены работы, которые дали недостающие сведения о сменах периодов увлажнения и усыхания гумидной и аридной зон. Это позволило по-иному взглянуть на проблему усыхания Средней Азии, наметить опорные точки колебаний уровня Каспия, заполнить интервалы между этими точками и получить довольно стройную картину изменений климата на исследуемой территории.

Несостоятельность доводов некоторых ученых (С.А.Ковалевский, А.В.Комаров) (см.: Аполлов, 1956, с. 211—213), утверждавших на основе сведений античных авторов, что уровень Каспийского моря в I тысячелетии до н.э. достигал будто бы абсолютной отметки +1,33 м, была убедительно доказана Л.С.Бергом (1949). Низкий уровень Каспия за последние 15 тыс. лет устанавливается и нашими полевыми исследованиями. На территории Калмыкии, которая при положительной отметке моря была бы покрыта водой, найдены фрагменты керамики эпохи бронзы и даже палеолитические отщепы.

В IV—II в. до н.э. уровень Каспийского моря был весьма низок, несмотря на то что воды Амударьи через Узбой протекали в Каспийское море. Это отмечали сподвижники Александра Македонского — историк Аристокл и мореплаватель Патрокл в III в. до н.э.; мнение последнего разделяли Плутарх, Эратосфен и Страбон. О водопадах, имевшихся при впадении Амударьи в Каспий, сообщают Евдокс, а также Полибий, хотя и не столь решительно (Бартольд, 1902, с. 11—15). Готский историк VI в. Иордан в категорической форме утверждал, что есть “другой Танаис, который, возникая в Хринских горах, впадает в Каспийское море” (Иордан, 1960, с. 74). Поскольку “Хринские горы” — это место обитания “фринов”, северо-западной ветви тибетцев, живших на восточных склонах Памира (Гумилев, 1959, с. 56), очевидно, что “Хринские горы” и есть Памир, а река “другой Танаис” не может быть не чем иным, как Амударьей с Узбоем и Актамом. На основании этих сообщений

А.В.Шнитников (1957) высказал предположение о высоком уровне Каспия в середине I тысячелетия до н.э. При этом им не было учтено одно немаловажное обстоятельство: попасть в Узбой воды Амударьи могли только через Сарыкамышскую впадину, площадь которой вместе с впадиной Асаке-Аудан настолько велика, что испарение там должно было быть громадным. Этим объясняются габариты русла Узбоя, не способного пропустить воды более 100 м^3 , что было явно недостаточно для поднятия уровня Каспия.

На карте Эратосфена (II в. до н.э.), где четко показаны контуры Каспия, северный берег моря расположен южнее параллели $45^{\circ}31'$, что соответствует ныне находящейся под водой береговой террасе на абсолютной отметке -36 м (имеется в виду отметка тылового шва террасы, выше которого поднимается уступ более высокой террасы). Действительно, Узбой в это время впадал в Каспийское море, так как его продолжение — русло Актам — ныне прослеживается по дну моря на абсолютной отметке -32 м . При большей древности русла оно было бы занесено эоловыми и морскими отложениями, а в более позднее время уровень моря был выше и условий для эрозии и меандрирования не было.

Итак, можно считать несомненным, что, несмотря на относительное многоводье Амударьи, уровень Каспийского моря в IV—II вв. н.э. соответствовал отметке не выше -36 м . Это значит, что по принятой нами климатической схеме в эту эпоху шло интенсивное увлажнение аридной зоны. Действительно, во II в. до н.э. хунны начинают заниматься в Джунгарии земледелием. В это же время китайские военные репортажи о численности отбитого у хуннов скота говорят об огромных стадах, которые хунны пасли в пределах Монгольского Алтая, а усунь — в Семиречье. При неудачных набегах на хуннов, когда те успевали отойти, добыча исчислялась тысячами голов скота (1000, 7000 и т.д.), а при удачных — сотнями тысяч (Бичурин, 1950) (и это в местности, представляющей сейчас пустыню). Цифры эти достоверны, так как полководцы сдавали добычу чиновникам по счету и могли только утаить часть добычи, а никак не зависить ее.

Богатым скотоводческим государством, способным выставить до 200 тыс. всадников, было древнее царство Кангюй, простиравшееся в восточной части Казахстана от Тарбагатай до Аральского моря. Иссык-Куль в наши дни не сообщается с теряющейся в песках рекой Чу, но на картах того времени Чу вытекает из Иссык-Куля и впадает в широкое озеро. Эти факты говорят о повышенной увлажненности и относительно более густой заселенности пустынных областей Средней Азии.

Наши соображения подтверждаются геологическими исследованиями. Линзы торфа около русла Актам, перекрытые морскими отложениями, датируются I тысячелетием до н.э., характер растительных остатков указывает на значительное похолодание климата по сравнению с современным (Рихтер, Самсонов, 1961). Пресноводные отложения обнаружены на дне Красновод-

ского залива на отметке -35 м (Рихтер, 1961). Сам факт накопления торфа указывает на то, что климат Средней Азии в тот период был более влажным, чем современный.

ТРАНСГРЕССИЯ II—IV вв. н.э.

Усыхание степи происходило и в древности. История хуннов отреагировала на это чрезвычайно чутко — хуннская держава погибла.

Конечно, для крушения кочевой империи было сколько угодно внешне-политических причин, но их было не больше, чем всегда, а до 90 г. хунны господствовали в степи, говоря: “Мы не оскудели в отважных войнах” и “Сражаться на коне есть наше господство...” (Бичурин, 1950, с. 88). Но когда стали усыхать степи, погибать скот и лошади, господство хуннов в широкой зоне Евразии кончилось.

Начиная с I в. до н.э. в хрониках постоянно отмечаются для зоны степей очень холодные по сравнению с обычными зимы и катастрофические засухи. Заведенные хуннами островки земледелия погибли. Очевидно, процесс перехода к аридному климату в этот период зашел уже настолько далеко, что стал решающим фактором в примитивном хозяйстве, как оседлом, так и кочевом. Таким образом, мы можем объяснить обезлюдение северных степей в III в. н.э. сокращением пастбищных угодий и считать этот век кульминационным в процессе усыхания территории.

Победители гуннов — сяньбийцы — вынуждены были ютиться около зеленых горных склонов и отдельных непересыхающих озер. По берегам непересыхающих озер и на зеленых склонах гор оставалось малочисленное население (Гумилев, 1961).

Вести хозяйство прежними методами стало невозможно. Л.С.Берг (1951) отметил, что Балхаш имеет значительно меньшую соленость, чем должно иметь бессточное среднеазиатское озеро, поэтому им сделано предположение о том, что “Балхаш некогда высыхал, а в дальнейшем опять наполнился водой. С тех пор он еще не успел осолониться”. Высыхание большей части Балхаша датируется III в. н.э. Понижен был и уровень Иссык-Куля (Берг, 1909). В это же время, по сведениям, сообщаемым Аммианом Марцеллином, Аральское море превратилось в “болото Оксийское”, т.е. весьма обмелело (Шнитников, 1957).

В эту эпоху источники фиксируют сокращение населения степной зоны. Усуни уходят в горный Тянь-Шань; сменившие их потомки хуннов — юебань — заселяют склоны Тарбагатай; богатый некогда Кангюй сходит с исторической арены. Отсутствие внешнеполитических причин, способных вызывать ослабление этих государств и отдельных кочевых народов, дает основание предположить, что главную роль в их судьбе здесь играл физико-географический процесс аридизации климата.

Усыханию аридной зоны, согласно нашей концепции, должно было сопутствовать пропорциональное увлажнение гумидной зоны. К сожалению, деградировавшая к III в. античная наука не сохранила нам прямых географических сведений о северных странах. Однако наша точка зрения подтверждается одним важным фактом. В конце II в. нашей эры готы выселились из южной Скандинавии на южный берег Балтийского моря, к устью Вислы, а в III в. проникли в восточноевропейскую лесостепь. Зная зависимость готского натурального хозяйства от условий гумидного ландшафта, мы можем допустить, что и ландшафт, освоенный готами в III в. тоже был достаточно влажным.

И действительно, в это время через греческие порты Ольвию, Херсонес и др. из Восточной Европы экспортируется огромное количество хлеба, потреблявшегося Римской империей. Но высокие урожаи на этой территории в Причерноморье, видимо, были обусловлены прохождением пути циклонов через центральную часть Восточной Европы, что соответствовало увлажнению бассейна Волги и повышению уровня Каспийского моря.

Изучение донных отложений залива Кара-Богаз-Гол, характер которых определяется уровнем Каспия относительно высотной отметки бара, отделяющего залив от моря, дало возможность сделать В.Г.Рихтеру (1961) вывод о том, что очередная трансгрессия падает на конец II в. и сменяется незначительной регрессией около IV в. нашей эры.

С середины IV в. мы констатируем обратный процесс. В это время на север переселяются племена теле, находят себе место в степи для жизни жужани, а немного позже туда же отступают монголы Ашина, и всем им отнюдь не тесно. Идет борьба за власть, а не за пастбища и землю, т.е. сам характер взаимоотношений народов, определившихся к концу V в., указывает на рост населения, хозяйства и богатства.

Процесс первоначального переселения жужаней и племен теле стал возможен лишь тогда, когда появились свободные, незанятые пастбища. Это можно установить из китайских хроник, где для этого времени нет указаний на военные столкновения переселенцев с аборигенами. Из этих фактов можно сделать вывод, что произошло очередное увлажнение степи.

За истекший период первых столетий I тысячелетия уровень Каспия поднялся на 3 м до абс. отметки -33—34 м. Это было установлено в 1961 г. при исследовании фундамента подводного конца Дербентской стены, находящейся на абс. отметке -35,5 м. По описанию, в VI в. башня, замыкающая стену, находилась в море, где глубина была достаточной, чтобы помешать обходу пешим или конным противникам. На абс. отметке -32 м проходит древняя береговая линия, которую датирует амфора для хранения воды VI в., вкопанная в землю с южной стороны стены (Гумилев, 1964).

Усыхание степи во II—IV вв. ослабило племена, кочевавшие по берегам Нижней Волги, в частности сарматов и угров (Гумилев, 1969). Вместе с тем обилие влаги, несомой Волгой, повело к образованию дельтового ландшафта

современного типа с густыми зарослями на берегах протоков и влажными лугами на водоразделах (Гумилев, 1965). Этот малопригодный для кочевников ландшафт заселили в III в. выходцы с низовий Терека — хазары (Гумилев, 1965). При низком стоянии Каспия дельта Волги доходила почти до п-ова Бузачи (Гумилев, 1966). Она изобиловала рыбой и по берегам виноградниками. Оседлое земледельческое хозяйство хазар в этих “прикаспийских Нидерландах” расцвело, что дало возможность хазарам укрепиться в этом районе. Хазарский каганат в VII—IX вв. превратился в мощную державу, которая остановила натиск арабов (Артамонов, 1962). Но уже в IX в. события социально-этнического порядка, а также изменение физико-географических условий привели к гибели Хазарии и к исчезновению хазар.

ТРАНСГРЕССИЯ X в.

С V по IX в. включительно в степной зоне расцветали кочевые державы и, хотя Тюркский, Хазарский и Уйгурский каганаты испытывали в это время политические и социальные потрясения, экономика, основанная на натуральном скотоводческом хозяйстве, не страдала. В X в. циклоны опять сместились к северу, вплоть до Арктики. Вновь на юге они появились опять в XI веке. За этот век уровень Каспия поднялся до абс. отметки -29,5—28,5. Эта цифра вычислена по описаниям, сделанным Истархи для дербентской гавани (Гумилев, 1964).

История Великой степи подтверждает отмеченную нами закономерность. Степь усыхла. Карлуки в середине X в. из Прибалхашья стали переселяться в Фергану, Кашгар и на территорию современного Таджикистана (Кармышева, 1960). Печенеги покинули берега Аральского моря еще в начале X в. и ушли в южное Поднепровье; за ними последовали тюрки или гузы, ресселившиеся между Волгой и Уралом. Эти переселения не очень большого масштаба, но они соответствовали небольшим изменениям уровня Каспия, что подтверждает правильность принятой нами гипотезы.

Неожиданное подтверждение дает также палеогеография Северной Америки — проблема Винланд. Эта загадочная страна ныне открыта Х.Ингстадом. Она простиралась от Лабрадора и Ньюфаундленда до Пенсильвании (а может быть, и южнее). До сих пор всех исследователей смущало ее название: “Виноградная страна”, но, по данным И.Эрдейи (1977), появилась возможность предположить, что в X—XI вв., когда произошло потепление Арктики, северная граница винограда доходила до р. Св. Лаврентия (Аполлов, 1956; Гумилев, 1977).

Подъем уровня Каспийского моря и многоводье Волги резко изменили хозяйственное положение Хазарии. Площадь дельты сократилась (рис. 2). Поля, сады, пастбища и рыбные угодья оказались под водой. Население поднялось на бэровские бугры, спасаясь от наводнений при ветровых нагонах.

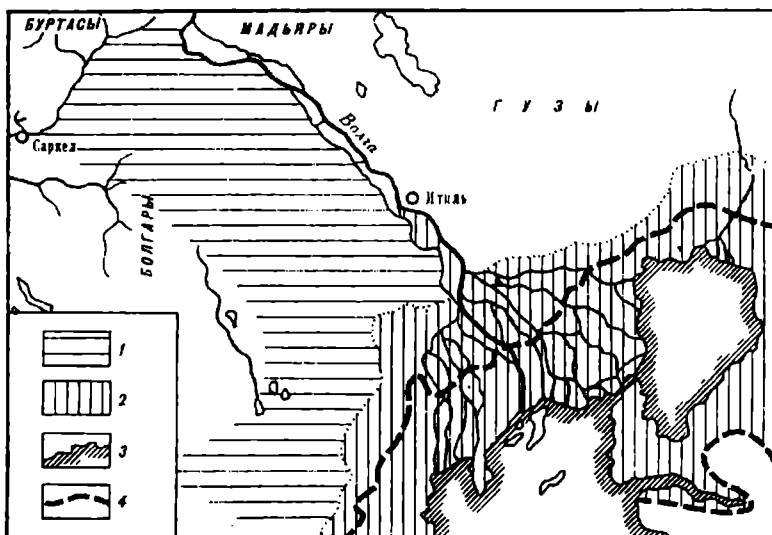

Рис. 2. Карта Волжской Хазарии VI—VII вв.

1 — хазарские степи; 2 — земли, затопленные морем в XIII в.; 3 — берег моря в VI в.; 4 — современный берег моря

Экономика Хазарии рухнула, так как хазары потеряли около $\frac{2}{3}$ своей территории, а тем самым и своего богатства. Выйти же в соседние степи хазары не могли, так как не владели навыками кочевого скотоводства и не смогли бы выдержать борьбы с гузами, союзниками киевского князя Святослава. Совместный удар на Хазарию русов, гузов и печенегов в 965 г. покончил с самостоятельностью полузатопленной страны (Гумилев, 1974).

Русы, победив хазарское государство, ушли, но гузы 200 лет оккупировали Хазарию, о чем говорят фрагменты их керамики, разбросанные в небольших количествах на буграх центральной дельты. Арабский путешественник Абу-Хамид ал-Гарнати оставил описание города Саксина, в котором жили сорок племен гузов. В этом городе были большие шатры, зимние деревянные дома и две мечети; у города большая река, а рядом “тысяча рек”. В дельте Волги есть только одно место, удовлетворяющее описанию ал-Гарнати — с. Семибугры на протоке Табола (Гумилев, 1974).

ТРАНСГРЕССИЯ XIII—XIV вв.

Еще более губительным для обитателей прибрежных районов был подъем уровня Каспия в начале XIV в. По словам итальянского географа Марино

Сануто (1320), “море каждый год прибывает на одну ладонь, и уже многие хорошие города уничтожены” (Аполлов, 1956, с. 226). Уже около 1304 г., по сообщению Неджати, порт Абаскун был затоплен и поглощен морем (см.: Дорн, 1875). Подъем уровня Каспийского моря отмечает и Казвини в 1339 г., объясняя это изменением течения Амударьи, которая стала впадать в Каспий, в связи с чем “по необходимости вода затопила часть материка для уравнивания прихода и расхода “ (Бартольд, 1897, с. 6). Таким образом, становится очевидным, что в конце XIII и в XIV в. уровень Каспийского моря поднимался. Л.С.Берг (1949) высказал сомнение в том, что уровень моря был аналогичен поднятию уровня в XVIII в., т.е. что Каспий поднимался до отметки -23,0 м. Однако, по словам арабского географа Бакуи, в 1400 г. часть Баку была затоплена и вода стояла у мечети, т.е. на отметке -20,72 м. Б.А.Аполлов (1956) считает данные Бакуи маловероятными, но наши полевые исследования позволяют считать, что в этот период Каспийское море достигло отметки -19 м.

При изучении поверхности Прикаспийской низменности обнаруженная в котловинах выдувания тюркская кочевническая керамика VII—XII вв. не была ниже абс. отметки -19 м. Это и понятно: ниже указанной отметки керамика перекрыта донными отложениями. Л.С.Берг (1949) отмечает, что осадки с моллюсками *Cardium edule* доходят до отметки -20,7 м, и датирует этот уровень более ранним временем, чем трансгрессия XIII в. Данные, полученные нами, дают возможность приурочить уровень на отметке -19 м именно к XIII в. Если раковины *Cardium edule* указывают на подъем воды, то керамика тюркского времени фиксирует береговую линию конца XIII в. Ниже этой линии керамика перекрывается пойменными либо морскими отложениями и не может быть обнаружена на поверхности почвы.

Решающее значение имеет находка трехстенного городища, недостроенной крепости в низовьях Терека, на валах которой найдены солоноводные ракушки. Абсолютная отметка гребня валов -19,3 м. Следовательно, уровень Каспийского моря немного поднимался над построенными уже валами или, вернее, омывал их, создавая оптимальные условия для моллюсков (Гумилев, 1964).

Культурный слой внутри крепости содержит, кроме обломков кирпича, шлаков и остатков (костей) рыбы, керамику золотоордынского типа XIV—XVIII вв. На основании этого Е.И.Крупнов предположил, что это и есть один из острогов Московского царства, но в XVIII в. наивысшая отметка уровня Каспия была -23,4 м (Берг, 1949). Следовательно, дату постройки надо искать раньше. Крепость, видимо, строилась еще до трансгрессии XIII в. (но после 1241 г.) местным населением, питавшимся рыбой. Это один из сторожевых постов Золотой Орды, созданный против ильханов Ирана в конце XIII в. Крепость была не достроена по каким-то причинам и вскоре залита морем. Подтопляемые луга в низовьях Терека были неудобными для скотоводства вплоть

до XVI в., когда там поселились русские казаки. Итак, перед нами хорошо датированный памятник трансгрессии XIII—XIV вв. (Яцунский, 1955; Гумилев, 1964, 1966).

Если трансгрессия X в. подорвала хозяйственную систему Хазарского каганата и тем способствовала его военному поражению, то трансгрессия XIII—XIV вв. повела к исчезновению хазарского этноса. Это не значит, что хазары утонули, но, лишенные привычных природных условий, они разделились на части, утратившие связь друг с другом. Хазары, жившие на востоке, приняли ислам и растворились в этническом конгломерате золотоордынского торгового города Сарая, стоявшего на берегу Ахтубы. Западные хазары (крещенные еще в 860 г.) продолжали жить в долине Дона и вдоль среднего течения Терека. Их потомки стали именовать себя сначала бродниками, а потом донскими и терскими казаками (Яцунский, 1955; Гумилев, 1966).

РЕГРЕССИЯ XVI в.

Нехватка пастбищных угодий в Центральной Азии, вызванная гипотетическим прогрессивным усыханием, неоднократно выдвигалась в качестве причины монгольских походов XIII в. Против этой концепции справедливо выступал Л.С.Берг (1947). Начало XIII в. характеризуется не усыханием, а наибольшим увлажнением Центральной Азии. Стихийная миграция населения из засушливых районов, описанная нами ранее для III и X вв., не имела ничего общего с организованными походами великолепно обученных войсковых соединений Чингисхана и его преемников. На это обратил внимание еще Г.Е.Грум-Гржимайло (1926). В XIII в. монгольские ханы внешнеполитические задачи решали военным путем, и средства для подобных решений давало им изобилие людей и скота. Убедительным доказательством нашей точки зрения является и то обстоятельство, что подавляющее большинство монгольских воинов вернулось на свою родину, а количество монголов-переселенцев в завоеванные земли было ничтожным. Около 1250 г. в 200-тысячном войске Батые было только 4000 монголов.

Эти факты подтверждают вывод о том, что войны XIII в. не были вызваны усыханием степей.

В конце XIII в. зона максимального увлажнения перемещается с Тянь-Шаня на Верхнюю Волгу, что, в частности, вызывает колоссальный подъем уровня Каспийского моря. В аридной зоне оптимальные климатические условия сменяются пессимальными. Это приводит к острому кризису монгольского кочевого хозяйства к началу XIV в.

Эти соображения подтверждаются исследованиями И.Е.Бучинского, отмечающего на территории Московской Руси участвовавшие в XIV в. грозы,

ливни, наводнения и другие явления, зависящие от усиления циклонической деятельности (Бучинский, 1954).

Продолжающееся смещение пути циклонов на север было сопряжено со значительным накоплением осадков и в Альпах, и в Гренландии, что привело к наступательному движению ледников (Шнитников, 1957). Выпадение максимума осадков севернее водосбора Волги обусловило резкое понижение уровня Каспия. Уже на картах 1500 г. помещен о-в Чечень, высшая отметка которого -23,83 м (Аполлов, 1956). Падение уровня моря продолжалось свыше 60 лет.

В 1558 г. английский путешественник А.Дженкинсон (Английские путешественники... 1937) определил широту Астрахани $47^{\circ}09'$ и устья судоходного дельтового протока Волги $46^{\circ}27'$. Широта Астрахани по современным измерениям не совпадает с измерениями Дженкинсона на $46'$, что можно объяснить неточностью его приборов. Очевидно, та же ошибка фигурирует и при втором измерении. Следовательно, разница измеренных двух точек по расстоянию и по долготе правильна, т.е. край дельты в 1558 г. отстоял от новой Астрахани на 75,6 км по меридиану. Если учесть, что сейчас глубина моря в этом месте около 1 м, можно считать, что уровень моря во времена Дженкинсона был близок к абс. отметке -29,0 м.

Близкую к указанной отметке нам удалось установить в Дербенте по положению башни шаха Аббаса, пристроенной к Дербентской стене в 1587 г., когда уровень моря понизился. Б.А.Аполлов по этому поводу пишет: "В то время шедший однажды с севера караван остановился у стены на ночлег, чтобы утром, когда откроют ворота, идти дальше через город. Однако утром привратники убедились, что каравана нет, верблюды обошли стену в воде. После этого Аббас I приказал соорудить в море, там где глубины недостаточны, чтобы их не могли пройти верблюды, большую башню и соединить ее с берегом стеной" (1951, с. 138).

Остатки этой башни обнаружены нами в виде стены, перпендикулярной к основной стене г. Дербента, на современном урезе воды (отметка -28 м). Большие тесаные камни, составляющие цоколь башни, уложены непосредственно на скальном дне моря на отметке -28,5 м. Очевидно, башня шаха Аббаса была надстроена на кладке сасанидского времени. Поэтому уровень моря в период надстройки башни может быть принят не выше современного. Б.А.Аполлов (1951) принял за остатки башни большой развал Дербентской стены на абс. отметке -31,2 м, но при обследовании этого места в аквалангах по характеру кладки мы убедились в том, что это не башня XVI в., а развал стены VI в. Таким образом, мы устанавливаем абс. отметку уровня Каспийского моря для 1587 г. около -28,0 м.

По-видимому, за три десятилетия (1558—1587), истекшие со времени путешествия А.Дженкинсона, море поднялось на 1 м. Подъем этот продолжался. Так, в 1623 г. московский купец Федот Афанасьевич Котов писал: "Сказы-

вают, что еще того города (Дербент) море взяло башен с тридцать, а теперь башня в воде велика и крепка” (Аполлов, 1951, с. 139). Эти данные указывают на эпизодичность понижения Каспия в XVI в. и, следовательно, обратное смещение пути циклонов к югу, в бассейн Волги (рис 3).

Подтверждение этому смещению мы видим также и в том, что на рубеже XI—XVI вв. часть Амударьи стекала по Узбою. Сарыкамышская впадина в это время представляла собой огромное пресное озеро, на берегах которого процветали многочисленные туркменские поселения, велось орошаемое земледелие. Многоводье Амударьи объясняется возникновением при северном направлении циклонов сравнительно небольшого ответвления потоков влажных масс воздуха, так называемой североиранской ветви циклонов, питающей истоки Амударьи, но не влияющей на общее климатическое состояние аридной зоны, усыхание которой в XVI в. продолжалось.

В это же время на востоке аридной зоны ширилась пустыня Гоби, о чем приводит сведения XVII в. Грумм-Гржимайло: “Вся Монголия пришла в движение, а монгольские роды и племена рассеялись в поисках за водой и хорошими пастбищами, так что их войска уже не составляют единого целого” (Грумм-Гржимайло, 1933, с. 437). Снова кочевники покидают свои родные степи. Монголы переселяются в Тибет, узбеки — в Мавераннахр, калмыки — на Нижнюю Волгу. Нет больше организованных военных походов, направленных железной рукой хана; теперь племена со своими вождями движутся в поисках пастбищ и водоемов для скота. В XVIII—XIX вв. циклоны уже приносили влагу в гумидную зону, а к XX в. переместились в арктическую. Началось новое понижение уровня Каспия и вновь поднялся уровень Аральского моря за счет той же североиранской ветви циклонов, что способствовало превращению центральноазиатских степей в пустыню.

Только из-за недостатка воды в эту эпоху были покинуты такие крупные города, как Хара-Хото, и целый ряд оазисов Восточного Туркестана. В безлюдные пустыни превращаются богатейшие охотничьи угодья на склонах Монгольского Алтая, высыхают казахстанские озера в низовьях рек Сары-су и Чу, сокращаются стада кочевников в Монголии и Джунгарии.

Итак, можно сделать весьма важные для нас выводы. Во-первых, очевидно, что точные абсолютные датировки могут быть внесены в историческую географию только путем привлечения обобщенных данных этнической истории. Во-вторых, эти обобщения еще предстоит сделать, так как их пока мало. В-третьих, поскольку “история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга”, то, установив локальные характеристики этих корреляций, можно построить два ряда последовательности явлений, расположив последние по ходу времени (см. рис. 1—3). В результате могут быть заполнены лакуны как в истории природы, так и в истории народов.

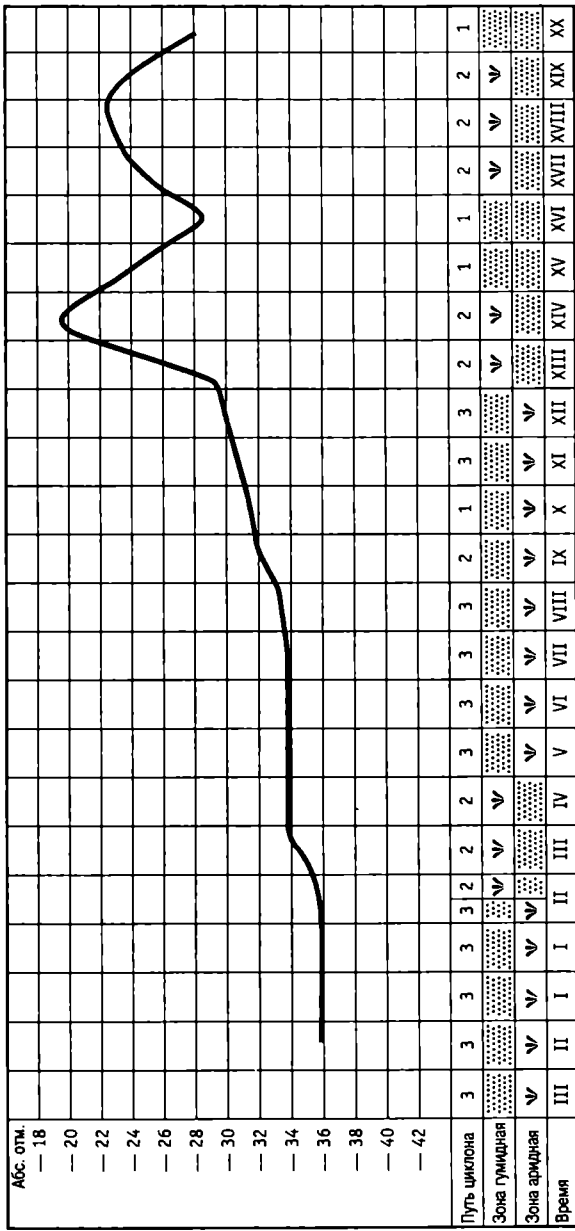

Рис. 3. График колебаний уровня Каспийского моря по данным Хазарской экспедиции Эрмитажа 1959-1963 гг. Цифры показывают путь циклона: 1 — северный; 2 — средний; 3 — южный. условные обозначения см. на рис. 1

ЛИТЕРАТУРА

Абросов В.Н. Гетерохронность периодов повышенного увлажнения гумидной и аридной зон // Изв. ВГО. 1962. № 4.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л.; Печатный двор, 1937.

Аполлов Б.А. Доказательство прошлых низких стояний уровня Каспийского моря // Вопросы географии. 1951. № 24.

Аполлов Б.А. Колебания уровня Каспийского моря // Труды Ин-та океанологии АН СССР. 1956. Т. XV.

Артамонов М.И. История хазар. Л.; Гос. Эрмитаж, 1962.

Бартольд В.В. Хафизи Абру и его сочинения // Сб. статей учеников проф. Розена. СПб., 1897.

Бартольд В.В. Сведения об Аральском море и низовьях р. Амударья с древнейших времен до XVII в.: Научные результаты Аральской экспедиции // Изв. Туркестан. отделения Рус. геогр. о-ва. 1902. Т. IV. Вып. 2.

Берг Л.С. Аральское море. СПб., 1909.

Берг Л.С. Климат и жизнь. М.: Географгиз, 1947.

Берг Л.С. Очерки по физической географии. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Берг Л.С. Беседа со студентами Московского университета // Вопросы географии. 1951. Сб. 24.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1.

Болтин И.Н. Примечания на древния и нынешния России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болгиным. СПб., 1788. Т. 2.

Бучинский И.Е. Очерки климата Русской равнины в историческую эпоху. Л.: Гидрометеоздат, 1954.

Визе В.Ю. Климат морей советской Арктики. Л.—М.: Изд-во Главсевморпути, 1940.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. II.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Изв. ВГО. 1933. Т. XV. Вып. 5.

Гумилев Л.Н. Терракотовые фигурки обезьян из Хотана // Сообщ. Гос. Эрмитажа. 1959. № XVI.

Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. 1961. Вып. 2.

Гумилев Л.Н. Хазария и Каспий: (Ландшафт и этнос I) // Вестник Ленингр. ун-та. 1964а. № 6.

Гумилев Л.Н. Хазария и Терек: (Ландшафт и этнос II) // Вестник Ленингр. ун-та. 1964б. № 24.

Гумилев Л.Н. Соседи хазар // Страны и народы Востока. 1965а. Вып. IV.

Гумилев Л.Н. Хазарские погребения в дельте Волги // Сообщ. Гос. Эрмитажа. 1965б. № XXVI.

- Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии. М.: Наука, 1966.
- Гумилев Л.Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в древности: (Ландшафт и этнос IV) // Вестник Ленингр. ун-та. 1966б. № 18.
- Гумилев Л.Н.* Кочевнические погребения в дельте Волги // Докл. ВГО. Отд-ние этнографии. 1969. Вып. 6.
- Гумилев Л.Н.* Место исторической географии в системе востоковедческих наук // Народы Азии и Африки. 1970. № 1.
- Гумилев Л.Н.* Сказание о хазарской дани // Рус. лит. 1974. № 3.
- Гумилев Л.Н.* Викинги не солгали // Природа. 1977. № 5.
- Дорн Б.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан // Зап. Акад. наук. СПб., 1875. Т. 26. № 1. Приложение.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов /Пер. с лат. и коммент. Е.Ч.Скржинской. М.: Изд-во вост. лит., 1960.
- Кармышева Б.Х.* Этнографическая группа "тюрки" в составе узбеков // Сов. этнография. 1960. № 1.
- Мурзаев Э.М.* Монгольская народная республика. М.: Географгиз, 1952.
- Овдиенко И.Х.* Внутренняя Монголия. М.: Географгиз, 1954.
- Рихтер В.Г.* Донные отложения залива Кара-Богаз-Гол как индикатор колебаний уровня Каспийского моря // Бюл. МОИП. Отд-ние геологии. 1961. Т. 36. № 1.
- Рихтер В.Г., Самсонов С.Е.* К последним страницам геологической истории Каспия // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1961. № 6.
- Руденко С.И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по Отд-нию этнографии Геогр. о-ва СССР. 1961. Вып. 1.
- Шнитников А.В.* Изменчивость общей увлажненности материалов северного полушария // Зап. Геогр. о-ва СССР. Нов. сер. 1957. Т. XVI.
- Эрдейи И.* Венгерская карта походов в Винланд // Природа. 1977. № 5.
- Яцунский В.К.* Историческая география. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Gumilev L.N.* Les Fluctuations du niveau de la mer Caspienne // Cahier du Monde russe et soviétique. Paris-Sorbonne, 1965. V. VI. № 3.
- Gumilev L.N.* New Data on the History of the Khazars // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum. Hungaricae, 19. Budapest, 1967.

Лоции Каспийского моря Описи XVIII века

Между тем как древняя география Каспия — так называемый Арало-Каспийский вопрос — разработана до самых мельчайших подробностей, исследована и переисследована многими учеными — в новейшее время Эйхвальдом, Гумбольдтом, Циммерманом — география новая, собственно гидрографические работы на этом море остаются почти неизвестными: нет даже полного перечня произведенных здесь описей, не говорим о способах, какими они производились.

Историческое познание гидрографических работ важно по многим отношениям: им определяется степень достоверности сделанных карт; обозначаются средства мореплавания в разные эпохи; разрешаются вопросы относительно изменений, происшедших в очертаниях и глубине моря; пополняются знания о нем и указывается, что еще следует сделать. Каспийское же море так интересно, что знаменитый Гумбольдт, путешествуя по России, писал: “Я умру, если не увижу Каспийского моря!”

При изложении настоящего перечня составители пользовались всеми сохранившимися документами морского архива и известными печатными источниками.

Есть известие, переданное Перри, что еще в 1699 году, по повелению Петра Великого, князь Голицын посылал какого-то датчанина, Шельтропа, для описания Каспийского моря, что этот Шельтроп был захвачен персиянами на южном берегу и умер; но что слуга его, или помощник, возвратился. Есть еще другое известие, Миллера, что в каком-то жизнеописании Петра Великого говорится об описи этого моря, сделанной в 1699—1704 году.

В 1714 году был послан поручик князь Бекович для исследования загадочного устья реки Аму и отыскания на этой реке золота. Вот что писал он о своей экспедиции графу Апраксину:

“...В приезд свой в Астрахань осведомился чрез жителей Астраханских о реке Дарье — откуда течет, где падает устьем. Сыскал таких людей, которые знают оную реку, называют Амударья, сказывают, что не малая река, берется вершиною от Индии, течет Бухарскою землею и Хивинскою, падает в озеро, называемое Аральское море, которое имеет расстояния от Каспийского моря четырнадцать дней ходу; иные сказывают, будто малый приток есть из озера в море Каспийское — токмо такого человека нет, который видел: сказывают, что видели...”

Для лучшего уверения поеду сам и буду свидетельствовать морем и от моря.

Сказывают, ни один человек не бывал никогда в тех местах, где мне повелено ехать, однако — буди воля Творца всех — принужден ехать!

Доведывался от здешних жителей о материи, о чем имели старание (золото): подлинного известия не получил; сказывают, что будто в Бухарской земле есть близ реки Аму, только подлинного свидетеля нет, кто б сам видел оное место. Того ради послал такого вверх по реке Аму, которая называем Дарью-рекою: велел подлинно осведомиться. Также послал ко озеру, где пала Аму река, велел осмотреть, каким местом пала в озеро, есть ли из озера протока в море Каспийское. Доколе возвратятся посланные, сам буду проведывать пристани и реки, какие пали в море, как мне указ повелевает...” (1 сентября 1714 г.)

Построив суда, он тою же осенью вышел из Астрахани в море, но за наступившими морозами был принужден возвратиться.

В половине апреля следующего, 1715, года он снова отправился в море, на двадцати судах. “Не ведаю, чем Бог севершит, — писал отъезжая, — а труд видим не малый. Дай Боже трудам доброе окончание”. В это лето он обошел весь восточный берег и в половине октября возвратился в Астрахань. Шел он подле берега, жители везде обходились дружно, и давали проводников; но потерял несколько судов, люди с которых спаслись однакож. “На сей стороне (восточной) сыскали несколько гаваней, которых в других картах не описуют; только рек мало. Августа 3-го числа доехал до места званием Актан, где текла Амударья-река в море Каспийское. Ныне в том месте нет воды, понеже не в ближних местах, для некоторых причин, оная река запружена плотиною на урочище Харакае, от Хивы в четырех днях езды. От той плотины принуждена течь оная река в озеро, которое называется Аральское море”. Потом доходил до Астрабатского залива: “и сделана карта оным местам, где мы были”.

Получив эти сведения, Государь послал лейтенанта Кожица для полной описи Каспийского моря. В собственноручно подписанном Государем указе, 27 января 1716 года, сказано:

“Ехать тебе в Астрахань, и там взять две скамлавеи или иныя суда, кои потребны тебе будут, и на оных все берега моря описать; также реки, гавани и острова, близ берегов лежащие; и сделать карту.

Рассмотреть описи и карты Бековичевы; и ежели право сделаны, то туда не ездить, ежели же не право, то самому тебе оно исправить.

Когда берега опишешь, то взять одно судно из морских, поболее, и все море кривошовать, и положить на карту”.

Но Кожин был определен в отправленную тогда же к восточным берегам военно-торговую экспедицию Бековича, и дело описи поручено лейтенанту Травину.

Травин, уже осенью 1717 года, сделал опись северо-восточной части этого моря, “на шлюпках и лодках”, от Астрахани до Урала, карту которой тогда же представил Государю, обещая весною продолжить работу до Тюк-Карагана, вероятно и продолжив ее до этого места.

Между тем Кожин, еще в 1716 году отправившийся с Бековичем в экспедицию, ходил на шняве из Тюк-Карагана в Астрабат, для отвоза посланного туда офицера с поручениями, и, возвратившись в Балханский залив, отсюда проехал в Астрахань, через Тюк-Караган и Гурьев, сухим путем. Отказавшись в следующем году сопровождать Бековича в окончании его экспедиции — кончившейся, как известно, несчастливо — и подав протест на его представления об устье Аму, в 1718 году Кожин еще раз ходил к восточному берегу, теперь с лейтенантом князем Урусовым, присланным нарочно для разбора протеста и для того, чтобы “доделывать” карту Кожина кругом всего моря. Они представили: карту восточной стороны Каспийского моря и описание Балханскому заливу, до которого только успели дойти в настоящее лето, произведя в окрестности некоторые изведывания касательно реки, впрочем не разрешив вопроса. “Освидетельствовать оную реку, — доносил кн. Урусов, — мне никак было невозможно, понеже другого способа к тому никакого не имел, кроме того, что, взяв сто человек солдат, ходили пешие в степь по той заливе; и до которого доходили места, показано ясно во описании заливы Красновоцкого; а далее идти нам было невозможно, понеже жаркое было время, и воды довольство нам пешком забрать было не можно; еще же и тамошнего народу видели людство. Таких ради невозможностей возвратились”. В следующее лето они хотели продолжать опись, но заспорили о старшинстве; Кожин еще завел ссору с местными властями и был арестован. Продолжение описи Государь поручил новому лицу, капитану Фон-Вердену.

“Ехать тебе в Астрахань, — сказано в собственноручно подписанной Государем инструкции ему 18 января 1719 года, — и оттол на право, подле берега (западного), до Астрабата; а от Астрабата прямо к Астрахани, не описывая Трухменкого (восточного), понеже оный уже описан.

В сем курсе прилежно усматривать: гаванов и рек, и какие суды могут где приставать; также скампаевыми мочно ль ходить и спастись во время шторму. Буде гаванов нет, то мочно ль на берег, понеже слышим, что очень отмело. А буде такие скампавей не могут вытасканы быть, какия у нас, то мочно ль плоскодонные вытаскивать. И где косы подводные, и камни и прочее, осма-

тривать и верно ставить на карту. Также крейсовать чрез море, и какие острова или мели найдут. Также море, сколько где широко, ставить на карту”.

Средства были даны большие: в помощь начальнику определены лейтенанты Соймонов и князь Урусов, унтер-лейтенанты Дорошенко и Золотарев; приготовлены три шнявы и два корабельные бота; морских команд назначено 98 человек да солдат 150.

Определив Дорошенке и Золотареву на мелких судах описывать отмельный берег между Волгой и Тереком, Верден, Соймонов и кн. Урусов на шнявах “Св. Александр”, “Св. Екатерина” и “Астрахань” в конце мая 1719 года отправились прямо к Тюленьему острову, от него к устью Терека, между о. Чечня и мысом Аграханский к Дербенту, у которого “разъезжали несколько дней по морю” и, “не отдаляясь нигде от берега”, к Апшеронскому проливу, в Бакинский залив. Крейсируя по этому заливу, двум островкам, лежащим перед ним, дали названия Вульфа и Наргэна, по сходству их положения с Ревельскими подобного именованя, а подводный камень между них назвали именем Ревельского же камня, Дивильс-эй. Третий остров, по свойству его, назван Песчаным. Отсюда пошли к устью реки Куры, вверх по которой поднимались верст на 12. Потом приняли обратный путь, 7 сентября прибыли к устью Волги, и 22-го в Астрахань. Остававшееся время навигации было употреблено на описание Волжских устий к югу до острова Двенадцати Колков.

Соймонов тою же осенью поехал в С.-Петербург, с журналом и картою, которые представил Государю 30 ноября, и был отправлен обратно. Вторая кампания, 1720 года, началась тоже в исходе мая. Те же офицеры, и на тех же трех шнявах, отправились из Астрахани прямо к устью Куры. Осмотрев дружные устья этой реки, продолжали опись вдоль западного и южного берегов, заходя в устье реки Астары, Энзилинский залив, устье реки Фузы (Рудосар) и Астрабатский залив, от которого поднялись еще на 24 мили вдоль восточного берега, к северу, и отсюда перешли назад, прямо к реке Фузе “для познания ширины моря”. Кончив этим возложенное на них поручение, пошли обратно в Астрахань, и к устью Волги прибыли чрез двенадцать дней плавания.

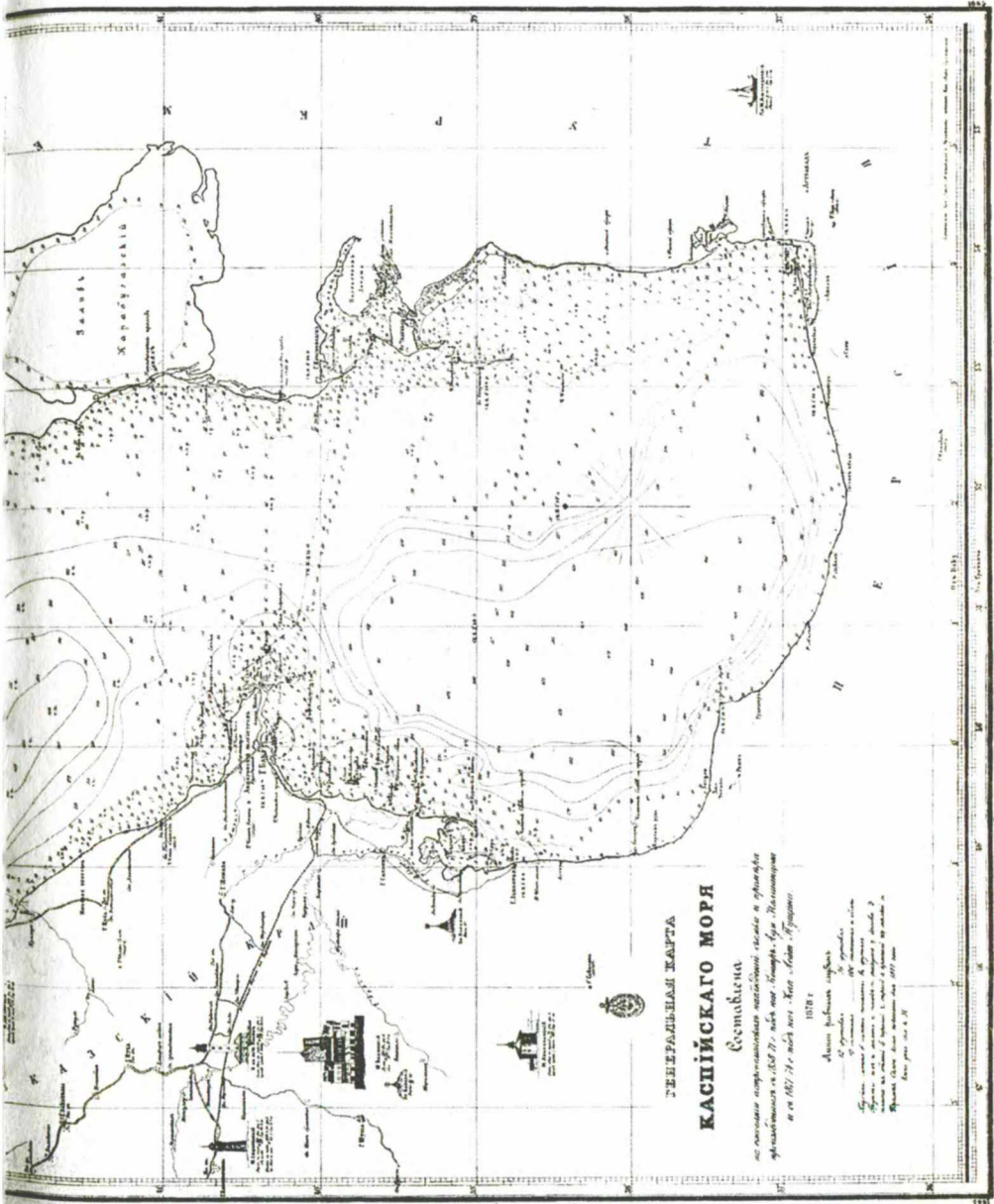
В обе эти кампании были астрономически определены следующие пункты:

о. Четыребугорный	45°20'	Апшерон	40°23'
о. Тюлений	44°12'	р. Кура	39°03'
о. Чечень	43°47'	Энзили	37°34'
Дербент	42°06'	р. Себдура	37°26'
Низовая	41°31'	р. Мезандрон	36°30'
Два Брата	40°45'	з. Астрабатский	36°40'

Карта описанных берегов тогда же была поднесена Государю. Присоединив описи восточного и северного берегов, деланные Бековичем, Кожиным, Травинным и Урусовым, составили общую карту всего Каспийского моря, и

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА КАСПИЙСКОГО МОРЯ 1878 г.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА
КАСПІЙСЬКОГО МОРЯ

Семіабітця

На основі матеріалів, наданих російським морським відомством, згідно з постановою Морського Департаменту від 1871 року, під керівництвом Г. С. Сидорова.

1878 г.

Масштаб: 1:100,000
 Висота над рівнем моря: 1000 ф'т.
 Глибина: 1000 ф'т.
 Широта: 45° 30' північної широти.
 Довгота: 48° 30' східної довготи.
 Автор: Г. С. Сидоров.

эта первая его морская карта вырезана на меди в том же 1720 году в С.-Петербурге под названием: “Картина плоская моря Каспийского, от устья Яркского до залива Астрабатского, по меридиану возвышается в градусах и минутах, глубина в саженах и футах”.

Масштаб этой карты — очень редкой теперь, один экземпляр ее хранится в зале Адмиралтейств-Совета, в числе вещей, принадлежавших Петру Великому, — 3 дюйма в градусе. Карта плоская. Долгот не означено. Склонения компаса показаны в шести местах, по западной и последнее у южной стороны моря, между широт $43 - 37\frac{1}{2}^{\circ}$, от $12^{\circ}9'$ до $13^{\circ}51'$ и $11^{\circ}18' W$. Северо-восточная часть, весьма много разнствующая очерком от истинного, протянута на два градуса севернее настоящего, до $48\frac{1}{2}^{\circ}$, и весь восточный берег, растянутый соответственно, только на юге, у Астрабатского залива, приходит в действительную широту. Внутренняя ситуация и глубины показаны по западному и южному берегу. На восточном оставлены не сведенными Карабогазский и Хивинский заливы. Все надписи сделаны обратно. По сторонам частные карточки рек: Куры, Астары, Себдуры и Крудозеля (подле Фузы), пролива Апшеронского и заливов Бакинского, Энзилинского и Астрабатского.

Эта карта тогда же была послана в Парижскую Академию наук и перегравирована Делилем под названием: *Carte marine de la mer Caspienne, levée suivant les ordres de S. M. Czarienne par M. Carl van Verden, en 1719, 1720 et 1721 (?)*, et réduite au meridiem de Paris, par Guillaume De l'Isle. Долгота Астрахани означена 47° от Парижа. Масштаб несколько меньший, $2\frac{3}{4}$, дюйма в градусе. Есть небольшие отступления в очерках. Мы имеем, в архиве Гидрографического департамента, издание 30 августа 1745 года.

Предпринятый Петром Великим поход в Персию морем, 1722 года, и следовавшие потом завоевания всего западного и части южного берега еще более познакомили с этим морем. Тогда было произведено здесь несколько частных съемок.

Между тем, в 1723 году, был послан для обзора всего Каспийского моря один из участников Персидского похода, иностранный офицер Брюс, на 40-весельной галере, с 4 при ней лодками. В течение пяти месяцев, с 18 апреля по 24 сентября, он обошел кругом все море, составил карту и поднес ее Государю. Эта карта не дошла до нас, а замечания Брюса, напечатанные в его *Mémoires* (изд. 1782 г.), очень поверхностны.

По кончине Петра Великого, в 1726 году 5 марта, Адмиралтейств-Коллегия сделала определение о новой описи Каспийского моря: “понеже сочиненная в 1721 году, Капитаном Фон Верденом, об оном море карта хотя и имеется, но токмо в той карте вновь завоеванных провинций и крепостей и гаваней и пристаней и рек не показано, и без оног о тех местах в Коллегии известия не имеется”.

Дело это было возложено на Соймонова, участника Верденевой описи и многих частных по западному берегу, деланных впоследствии. Он выбрал для

этого два судна, гекбот “Царицын” и шняву “Астрахань”, с 86 и 54 человеками команд; да для описания северо-восточной части послал штурмана Долматова на боте, с 16 человеками команды.

По выходе в море, 6 мая того же 1726 года, бот пошел по устью Урала, а гекбот и шнява к Тюленьим островам, против Тюк-Карагана. Повреждения гекбота, приключившиеся штормом, воспрепятствовали подробной описи о. Кулалы, и оба судна отсюда отправились далее вдоль восточного берега. Не останавливаясь, но только определяя берега и измеряя глубины, миновали заливы Тюк-Караганский и Александр-Бей; хотели войти в загадочный Карабогаз, но не могли; останавливались в Красноводском заливе, описи которому тоже не делали, находя достаточными предшествовавшие ему описи, Урусова и Кожина; пройдя о. Огурчинский, опять останавливались на якоре; наконец прибыли в Астрабатский залив.

По осмотре этого залива шли вдоль южного берега, до Энзилинского залива. Взяв отсюда, в помощь, корабельный бот, отправились к описи Кызылагачского залива и потом в Баку. Гекбот, судно очень ветхое, поврежденное при самом начале работ, у о. Кулалы, и потом несколько раз оказывавшее сильную течь, здесь был оставлен и заменен галеотом. На пути отсюда был еще описан Апшеронский пролив с его островами. В Астрахань прибыли 6 ноября, ровно чрез шесть месяцев по выходе.

В продолжение этой описи астрономически определены следующие пункты:

Устье Урала	46°18'
о. Кулалы	44°39'
Тюк-Караган	44°24'
м. Песчаный	43°00'
м. Камель	43°19'
з. Красноводский	39°40'

Адмиралтейств-Коллегия в ноябре 1727 года приказала еще “неописанные на Каспийском море места, удобным временем, описать”, заметив при этом, что карта 1719—20 годов, Вердена, “давних лет, и может быть в ней, против нынешних, не без перемен”; а вновь сделанная съемка обнимает не все море, “и многие места того моря еще не описаны”. Неизвестно, какие произведены по этому действия; только в марте 1750 года была доставлена из Астрахани “описанным на Каспийском море местам зей-карта”, которая вместе с прежними для составления общей карты тогда же передана профессору Фарварсону, и потом, в августе, “для показа в сочинении” ее определен капитан-лейтенант Лунин, “который у сочинения тех карт в Астрахани был”.

Соймонов, доселе находившийся в отпуске, с назначения его Прокурором Адмиралтейств-Коллегии, в 1731 году, вероятно, употребил свое старание об издании приготавливавшихся карт, и в этом же самом году они наконец бы-

ли изданы атласом, без заглавия, без имени и без всякой отчетности; однакож вместе с лоциею, составленною, по времени, весьма хорошо.

Атлас — два экземпляра его сохранились в архиве Гидрографического департамента — состоит из восьми карт, вырезанных очень грубо. Заглавие генеральной карты: “Хартина плоская генеральная, моря Каспийского, от устья Яркового до заливы Астрабацкого, по меридиану возвышается в градусах и минутах; глубина в сажнях и футах; печатана при Адмиралтейской Коллегии, во Академической типографии, сочинена с Астраханских карт”. Масштаб $3\frac{1}{2}$ д. в градусе. На полях ее карточки: Яркового устья Волги и гавани у южной оконечности о. Кулалы. Очерк берегов и географическое положение близки к истинному. Не сведенными оставлены, на восточном берегу: заливы Александр-Бей, Кара-Богаз и Хивинский. Глубины подле берегов, кругом всего моря. Склонение компаса в семи местах, по западному и восточному берегам, в широтах $46\frac{1}{2}$ — $37\frac{1}{2}$ °, от $6^{\circ}6'$ до $3^{\circ}7'$ и $6^{\circ}15'$ W. Остальные семь листов содержат: четыре — генеральную карту всего моря, в большем масштабе, с вышеупомянутыми двумя частными карточками; один — пролива между Уча и Чечня и острова Тюленьего; один — Апшеронского пролива, Бакинского залива, устья реки Куры, устья реки Астары, залива Энзилинского, залива Тюрюлю, устья реки Рудасари, устья реки Себдуры и залива Астрабатского; наконец один — реки Волги, от Седлистовой гавани до Яркового устья, и острова Седлистова.

Ни одной подлинной карты и ни одного журнала не дошло до нас из всех исчисленных описей. Все, что доселе мы знали об этом предмете, заключалось в записках Соймонова, писанных в Астрахани в 1728 году, в оригинале хранящихся в Императорской Публичной библиотеке, изданных, с некоторыми изменениями, Миллером в 1763 году.

В 1740 году, с дозволения нашего Правительства, образовалась на Каспийском море Английская торговая компания. Руководителем ее был капитан Эльтон, мореходом капитан Вудруф, а историографом некто Генве, посланный для обревизования дел, составивший записки своего путешествия и — главное в нашем деле — передавший в них замечания об этом море и карту его капитана Вудруфа.

Капитан Вудруф, на построенном им в Казани судне, названном “Empress of Russia”, отправился в море, вместе с Эльтоном, в начале 1742 года. По прибытии к южному берегу моря, в Мешедисер, и из него в Энзили, они два раза ходили отсюда в Дербент, с персидским грузом; потом, в начале следующего года, Вудруф сделал рейс в Астрахань, и обратно в Энзили; в то же лето, опять вместе с Эльтоном, ходил для исследования юго-восточной части моря в Астрабатский и Балханский заливы по поводу приготавливавшейся от персиян военной против туркмен экспедиции; возвратившись в Энзили, опять ходил в Астрахань и, приняв там Генве, в исходе этого года пришел с ним назад к Персидскому берегу, в Лангеруд. Потом Вудруф несколько раз ходил в Астрабат и

обратно, с товарами и за разными поручениями, и в конце 1743 года отвез Генве обратно в Астрахань. Дальнейшие походы Вудруфа нам не известны. Но компания вскоре за этим была уничтожена — Эльтон передался персиянам — и Вудруф уже в 1745 году был в С.-Петербурге, как это видно из надписи на карте, поднесенной им Генве.

Ознакомившись деятельным плаванием по Каспийскому морю с его свойствами, Вудруф написал лоцию и составил карту. Что касается до карты, она имеет следующее заглавие: *A plain chart of the Caspian sea, according to the observations of Capt. John Elton, Author of "Elton's quadrant" Thomas Woodrooffe, Master of the British ship "Empress of Russia", who navigated this sea three years, presented to M. Jonas Hanway of S. Petersbourngh in 1745; t.e. "Плоская карта Каспийского моря, по наблюдениям Капитана Джона Элтона, изобретателя "Эльтонова квадранта", Томасом Вудруфом, Штурманом Британского корабля "Руссийская Императрица", плававшим по этому морю три года, представлена Г. Джону Генве в С. Петербурге, в 1745 году".* Напечатана, с разрешения Парламента, в 1753 году. Масштаб 2 дюйма в градусе, следственно весьма ограниченный. Определения Эльтона, на которые опирается Вудруф, не известны. Вообще, в географических границах эта карта сходствует с картою Соймонова, кроме одного южного берега, положенного 20 минутами выше, под 37°; но в очерках берегов значительно с нею разнится; означены вполне заливы Александр-Бей и Кара-Богаз; Балханскому заливу дана совсем другая фигура; берег у Хивинского залива сплошной, простирающийся по SSO; Астрабатский залив, многие места южного берега и юго-западная часть имеют совсем иной очерк; по западной стороне некоторые пропуски против карты Соймонова; глубины чаще и в большем удалении от берега, и по середине моря, впервые нанесен "Средний банк", безотчетно существовавший на наших картах в течение ста лет, и только теперь, по сделанной проверке, счищенный. Склонения компаса означены, в разных местах, в широтах 45—38°, от 8° до 8 1/2° W, и в шир. 37°6'.

Записки Генве, из которых мы заимствовали изложенные здесь сведения — *An historical account of the British trade over the Caspian sea*, — впервые изданы в 1733 году и были так интересны для современников, что девять лет спустя, в 1762 г., вышло третье издание их (два большие тома в четверку, со множеством карт и рисунков). Но еще прежде издания их, в 1745 году, бывший тогда Астраханский губернатор, известный историк и географ В.Н.Татишев, представлял Адмиралтейств-Коллегию карту Вудруфа, предлагая при этом сделать полную съемку Каспийского моря.

Однако Коллегия не находила в этом надобности, даже не сделала никакого употребления из доставленной ей карты Вудруфа — не дошедшей до нас.

В 1745 году лейтенант Безобразов, на шверботе "Сом", описывал главный рукав Волги и прошел подле берега, от Яркового устья до залива Карагуа (Тюк-Карасу) в Мертвом Култуже, с 1 мая по 31 июля, возвратившись

назад по тому же пути 9 сентября. Сохранился журнал его описи, но карта не дошла.

В 1760 году, по требованию Сената, составлена, известным Нагаевым, общая карта Каспийского моря, в довольно большом размере и с большим пространством внутренних берегов, по картам Соймонова, Вудруфа и разным географическим, на которой, между прочим, впервые означен длинный залив в юго-восточном берегу, получивший на карте Колодкина название “Хивинского”.

В первые годы царствования Императрицы Екатерины II была совершена опись всему восточному берегу Каспийского моря Токмачевым. Поводом к ней послужило требование Иностранной Коллегии об осмотре Мангышлакского залива для предполагавшегося там заведения крепости, причем Адм.-Коллегия представляла, что было бы полезно описать весь восточный берег, до самых персидских границ, и всю северо-восточную часть моря, с целью, не сыщется ли там островов, способных для заселения и крепости. Указ о назначении экспедиции последовал в декабре 1763 года. Начальником описи назначен, бывший капитаном над портом в Астрахани, капитан Токмачев, в помощь которому присланы из С.-Петербурга штурмана Панин и Матвеев; а для осмотра удобного места под крепость — инженер-майор Ладьженский. Были наняты два галеота, “Св.Петр” и “Св.Павел”, и один шхоут “Св. Петр”, да от порта дана 10-весельная расшива “Св. Павел”. По выходе 21 мая 1764 года из Волжского устья все суда прибыли к о. Кулалы 4 июня и описывали этот остров “береговою мерою”. Перейдя потом к Мангышлаку, широта которого определена в 44°18', с 11 по 21 июня описывали этот залив, найденный, по мелководию и наносам весною льдов, неудобным под крепость. Отсюда штурман Панин, со шхоутом и расшивою, отправился к северу, а Токмачев с Матвеевым, на галеотах, к Тюк-Карагану и далее на юг. Панин, следуя подле берега, описал острова Песчаный, Колпичев, Мартышкин, определил широту в 44°43', приставал к местечку Акчагаль, где, по словам проводников, некогда была судовая пристань, и, часто отстаиваясь, за противными ветрами, на якоре, 17 августа, “не дойдя восточного угла Мервого Култука за семь немецких миль”, за открывшимися в судне повреждениями и недостатком провизии пошел обратно и прибыл к устью Волги 11 сентября. Токмачев и Матвеев, сделав опись Тюк-Караганскому заливу, 1 июля подошли к Песчаному углу, у которого налились пресною водою; миновали Александр-Бей, входить в который нашли “весьма опасным”; 4 июля открыли неизвестный дотоле Кендерлинский залив, признанный удобным для поселения, которому сделали подробную опись; 18 июля, находясь у входа в Кара-Богазский залив, промерили глубину пред устьем, меньшую до 4 футов, почему входить в него не находили возможным, а посылать гребные суда опасным; 21 прибыли в Балханский залив, которому сделали опись; потом обошли кругом о. Огур-

чинский, и 20 августа, по недостатку пресной воды и множеству больных, отправились обратно в Астрахань, куда прибыли 14 сентября.

В следующем, 1765 году те же офицеры, но уже на казенных судах, боты “Сокол”, “Орел” и “Кречет”, и на прежней расшиве dokonчили начатое в прошлом году, в плавание с 28 июня по 14 сентября. Панин довел опись до устья Урала, а Токмачев и Матвеев — до Астрабатского залива включительно. Сверх того описаны, нарочно командированным из Астрабата штурманом Лопухиным, какие-то острова и камень, открытые в прошлом году у западного берега, против Северной Куры.

Журналов этих описей не сохранилось. Мы имеем только “экстракт” из журналов первой кампании, сделанный капитан-лейтенантом Ногаткиным для поднесения Императрице, короткие донесения о второй и переписку по предмету снаряжения экспедиции, откуда и заимствовали изложенные здесь сведения. Есть еще карты этой описи, в довольно больших размерах, с означением пеленгов: от м. Бурунчук до о. Огурчинского 1764 г., от Тюк-Карагана до Гурьева 1765 г., от о. Огурчинского до Астрабата 1765 г., Мангышлакской пристани и Кендерлинского залива.

По совершении первой описи Токмачева и Панина, 1764 г., была составлена, капитан-лейтенантом Ногаткиным, общая карта Каспийского моря, которая, вместе с “экстрактом” из журналов, тогда же поднесена Императрице. По совершении второй описи, 1765 года, тому же Ногаткину было поручено составить новую карту, но в конце 1766 года все карты и журналы описей Каспийского моря переданы в распоряжение Нагаева.

Обремененный множеством разнообразных дел, расстроенный пожаром в его доме, Нагаев приготавливал карту Каспийского моря, но скончался в 1780 году, не успев сделать ее. Уже в 1793 году, по материалам, оставшимся после него, “с имеющихся в Адмиралтейской чертежной карт, исправленных бывшим адмиралом Нагаевым, последовательно многим в разные времена описям и картам”, составлена генеральная карта Каспийского моря, изданная в 1796 году.

И около того же времени, в 1807 году, но приготовленная еще в 1800-м, издана другая карта Каспийского моря, Кутузовым, на собственное его иждивение, “с последних описей и карт”.

Сделаем теперь перечень известных нам, по сохранившимся картам, частных описей этого моря в промежутке от описи Токмачева до издания карт Нагаева и Кутузова.

Еще в 1764 году, когда производились работы Токмачева и Панина, были посланы, нашим консулом в Гиляни, штурмана Ерофеев и Горбунов для описи южного берега, между рек Себдуры и Фусы, с Шахалинским заливом, что и исполнено ими в течение пяти дней, с 1 по 6 мая. В 1774 г. сделана опись Си-него морца, в устьях Волги, штурманом Ереминым; в 1776 г. пространству от Четырех Бугров до о. Двенадцати Колков, в устьях же Волги, штурманом Ва-

сильевым; в 1782 г. Астрабатского и Бакинского заливов, графом Войновичем, при путешествии которого, изданном Габлицем в 1809 г., приложена и общая карта этого моря, “сочиненная по прежним описям, исправленная разными вновь дополнениями”, но и по ограниченности масштаба, и по незначительности изменений не стоящая морского внимания; в 1785 г. Кизылагачского залива штурманом Ипатовым; в 1795 г. того же залива штурманом Талиновым; в 1786 г. Мангышлакского залива, о. Святого и плавания от устья Волги к Мангышлакской пристани, лейтенантом Моллером; в 1788 г. Энзилинского залива им же; в 1805 г. Тюк-Караганского залива инженер-генерал-майором Фелькерзамом и в 1807 г. Бакинского залива капитан-лейтенантами Михайловым и Веселым; наконец, реки Волги от Астрахани до устья Кудрявцевым, 1766 г. с промером Созонова, Баллея и Еремина, 1779 г. Из журналов всех этих описей сохранились только: Синего морца Еремина, 1774 г., и реки Волги Кудрявцева, 1766 г.

Г. Колодкин, в предисловии к его атласу, упоминает еще об описях: всего северного поморья, деланных землемерами “в нынешнее время” (?); острова Чечня кап.-лейтенанта Коробки (?); Апшеронского пролива штурмана Чекина, 1794 г., и Бакинского залива штурмана Жданова 1796 г. Но ни карт, ни журналов этих описей мы не находим.

Обе изданные карты, Нагаева и Кутузова, кроме вышеприведенных пояснений, что составлены: одна “с имеющихся в Адмиралтейской чертежной карт, исправленных бывшим адмиралом Нагаевым, последовательно многим, в разные времена описям и картам”, а другая “с последних описей и карт” — не имеют никаких других пояснений, и мы не могли отыскать в архиве никаких следов их отчетности. Обе карты плоские, масштаба почти одинакового, 3 1/2 дюйма за градус, Нагаева без долгот, Кутузова с долготами — Астрахань в 17°40' от СПб. — и обе без означения склонения компаса. Сходные в главных очерках, они много разнятся между собою в частности: восточный берег у обеих с описей Токмачева и Панина; но у Нагаева прибавлен залив Александр-Бей с карты Вудруфа, не доведен Балханский залив и оставлены вовсе не сведенными устья заливов Кара-Богазского и Краснодарского (Хивинского), “за тем, что российские мореплаватели еще случая не имели их описать и вымерять, которое дело остается исполнить в предбудущие времена”; у Кутузова, напротив, не сведен Александр-Бей, Кара-Богазский очеркнут до половины, Балханский весь, по Токмачеву, но также не сведенным оставлен Хивинский залив; западный, Волжский берег, у обеих получил новое направление, отличительное от предшествующих и последующих карт; в северо-восточной части, у Кутузова, внесена опись Моллера и еще прибавлены, в Мертвом Култуке, Буинские острова, с описи, неизвестной нам; юго-западный берег, ниже Кизылагачского залива, и южный, от Астрабатского залива к Энзилинскому, изменены и последний отнесен далеко к северу. Вообще, на карте Нагаева берега занимают боль-

шое пространство и густо покрыты ситуацией; а у Кутузова внутренних берегов очень мало, ситуации почти совсем нет, и поля заняты следующими семью частными карточками: заливов Бакинского, Шахалинского, Кизылагачского, Энзилинского, Астрабатского, Мангышлакского и Кендерлинского, о которых сказано в объяснении, что они, “как из опытов известно, лучшие для убежища, торговли, и некоторые для военных пристаней”.

Мы имеем ряд карт, довольно большого масштаба, служивших оригиналами для карты Кутузова, помеченных, но позднейшим почерком, 1788 годом; и недавно нашли, собственно нам принадлежащий, атлас из двенадцати листов, сходный с изданною картою, составленный в 1800 году, с предисловием Кутузова, в которой объяснено, что при составлении этого атласа были употреблены “новейшие и лучшие” карты из хранящихся в Адмиралтейской чертежной, именно: Войновича, Федорова, Токмачева, Моллера и других, и что “достаточнейшего и лучшего атласа о Каспийском море иметь не можно, доколь разве, прежним подобные обстоятельства, позволят или потребуют пребывание эскадр и судов российских при сих же самых частях сего моря”. Сравнивая эти оригинальные карты с изданною, находим в последней большие небрежности, извращения и пропуски.

Карты Нагаева и Кутузова, не исключая и карты Соймонова, употреблявшейся преимущественно шкиперами купеческих судов, служили каспийским мореплавателям до издания атласа Колодкина 1823 года — Нагаева для общих плаваний, Кутузова для входов.

Только что вышла карта Кутузова, как Адмиралтейский департамент, бывший тогда под управлением гидрографа Г.А.Сарычева, в 1808 году, рассуждая о недостаточности существующих карт Каспийского моря, определил сделать новую опись. Дело это возложили на штурмана 12-го класса А.Е.Колодкина, служившего с Сарычевым при описи Балтийского моря. Ему было повелено: “Сочинить полный атлас Каспийского моря, который бы заключал одну генеральную карту, четыре частных на большом масштабе, и столько подробнейших, сколько есть известных портов или важных заливов, примечательных бухт и надежных якорных мест в море”. Сделать для этого астрономические наблюдения в назначенных местах (на восточном берегу мыс Тюк-Караган и залив Красноводский; на южном заливы Астрабатский и Шахалинский; на западном устья Куры, города Баку и Дербент) и определить ширину моря хронометрами — дополнение, впоследствии данное — между о.Чечня и Тюк-Караганом и между городом Баку и мысом Тарта; описать все берега, положение которых найдется не сходным с действительным и к описанию которых не встретится важных препятствий; промеривать глубины, испытывать грунт, снимать виды берегов, замечать возвышение их, обозначить склонения компаса, отличить места, способные для пристачи гребных судов и имеющие пресную воду, собрать сведения о господствующих ветрах и течениях, и вообще о всем, что может быть полезно

для мореплавания. В помощь назначен штурманский ученик Тырин. Судно предоставлено дать местному начальству. Инструменты отпущены: земной квадрант, два секстанта, мастеров Адамса и Кука, два хронометра, столовый мастера Маджа и карманный Арнольда, теодолит, мензула, трехфутовый телескоп, труба, азимут-компас, барометр, два термометра, горизонт, магнит и проч. Замечательно, что описателю не дано никаких карт и журналов предшествующих описей, кроме новоизданных, и ничего подобного не найдено им в Астраханском порте.

Отправленный в том же 1808 году Г. Колодкин прибыл в Астрахань в начале ноября. Зимой был занят астрономическими и метеорологическими наблюдениями, составлением плана города и приуготовительными работами к будущей описи. С открытием навигации 1809 года описал окрестности города и главный фарватер реки к взморью; а 14 июня, на данном в его распоряжение корвете “Ариадна”, командир капитан-лейтенант Вараксин, отправился к обзору берегов моря: от о. Житного в устье Волги к о. Кулалы у восточного берега, подле восточного берега в Кендерлинский залив, назад к западному в Кизылагачский залив и вдоль западного к месту отплытия, о. Житному, 21 сентября — следственно, совершив этот беглый обзор средней части моря в три месяца.

В следующем, 1810 году на том же корвете “Ариадна”, теперь под командой капитан-лейтенанта Рубановского, Г. Колодкин вышел в море 13 июня и, обойдя юго-восточный, южный и юго-западный берега, нигде не приставая к ним, по случаю бывшей войны с Персией, 1 октября прибыл к устью Терека, у Сладкоэрчинской пристани, которому сделал опись на греческих судах, и 12 октября — через четыре месяца плавания — возвратился к месту отбытия.

О дальнейших работах Г. Колодкина мы не имеем полных сведений; продолжение “дела” о его описи утрачено; ни журналов, ни карт тоже не сохранилось. По разным современным перепискам и журналам Адмиралтейств-Коллегии видно только, что в 1811 году было определено строить особое, способное судно для продолжения описи; что в 1813 г. Г. Колодкин ходил к описи восточного берега, на наемной расшиве № 1, с 27 мая по 8 августа; что ежегодно представлял журналы астрономических наблюдений, заслуживавшие очень одобрительные отзывы гг. Румовского и Шуберта; что с 1814 года приступил к составлению атласа и в 1817 г. возвратился с ним в С.-Петербург.

Вообще, астрономические определения сделаны в следующих 46 пунктах — долготы по хронометру, по расстояниям и иногда по закрытиям звезд и планет; широты по полуденным и околополуденным высотам солнца, средние из многих наблюдений.

ЛОЦИЯ КАСПИЙСКОГО МОРЯ
КАРТОГРАФА ВУДРУФА, 1740—43 г.*

От Астрахани до Ярков 60 англ. миль. Фарватер, по большей части, очень хорош, исключая места пониже Иванчуга, где, в малую воду, не более 8 футов. Прежде суда входили и разгружались в Ярках; но теперь это место затоплено, в развалинах, и застава переведена на Седлистой, около 2 лиг к северу.

Близ Ярков есть островок *Carasa*, где сгружают все товары и устроен пакгауз для принятия их в карантин, тут же выдерживаемый. На Ярковском баре глубина вообще 7 $\frac{1}{2}$ ф., но при необыкновенных ветрах она возвышается до 9 или 10 ф. Для плавания через Ярковский бар к Четырем Буграм, по достижении устья реки, ниже Ярков, миновав камыши, держи несколько западнее или, если погода ясная и Четыре Бугра видны, прямо в берег; тогда, проходя по 7 $\frac{1}{2}$ ф., найдешь грунт твердый песок, почти на пространстве полумили, а глубина дойдет до 2 и 2 $\frac{1}{2}$ саж. Около 2 кабельтовых к W, против красноватого бугра о. Тюленьего, якорная кладка с 3 саж. глубины и надежным грунтом черной глины и песку.

Весь берег очень низок и болотист; а как воздух здесь большею частью туманный, то и трудно различать места. Ярки служат местом, откуда суда считают свой отходный пункт, и к которому держатся, возвращаясь с моря.

Goufna-serotka (пояныне простонародное название Чистого банка или осередка) около 9 лиг на S от Ярков. Подле него обыкновенная глубина 2 сажени; но на середине, которая лежит от Четырех Бугров между SSO и StO $\frac{1}{2}$ O, около 8 лиг, глубины только 8 ф. Надо заметить, что ниже Четырех Бугров вода пресная, исключая после крепкого южного ветра. От банки *Goufna-serotka* море глубее до того, что уже нельзя достать дна никаким лотом.

В этом море нет приливов; но свежие ветры, северные или южные, возвышают воду на 3 или на 4 фута, иногда более, и когда они стихают, вода приходит в прежний уровень с чрезвычайною быстротою и колебанием моря. Это действие бывает и на Персидском и на Русском берегах, но сильнее и непостояннее на последнем, от течений рек Волги, Эмбы и Янка. Оно причиняет гибель многим судам, обманываемым им. Капитан Вудруф, после первого путешествия, вместо лага употреблял тяжелый лот, который лучше лага показывал ему переплывтое расстояние. Надобно также заметить, что у северного берега глубина накидывается прежде, нежели войдешь в эти спорные течения, причиняемые северным или южным ветром. Русские теряют много судов на мелях северной части, по невниманию и по неискусству. Суда, сидящие в грузу 9 или 10 ф., когда приходят на 11 или 12 глубины, при южном и юго-западном ветрах, часто волнующих море, необходимо подвергаются опасности. Но

* Генве, в его путешествии, передает эту лоцию в сокращенном виде. Здесь следует полный перевод.

это легко предупредить, уходя в Караганский залив, или на восточную сторону о. Кулады, где очень хорошие рейды.

Как берег у Чечня и Кулалов низменный и болотистый, а весна и осень обыкновенно сопровождаются туманами, то неопытный плаватель должен быть всегда настороже, особенно у западного берега, где надобно часто кидать лот, и когда будешь на 35 или 40 саж., идти на SO. Около Чечня грунт ракуша, с светло-серым песком. Идя далее по NNO или NOtN, пройдешь чистый белый песок, который простирается по SO от Чечня на 12- или 15-саженную глубину. Приближаясь к Тюленьему, грунт чернее; но около 5 лиг восточнее есть чистый, серый песок, без глины.

Расстояние между Чечнем и Тюленьим около 9 лиг, и на 8 лигах хороший фарватер; но особенно надобно заметить, что Тюлений скорее банка, нежели остров, так что в высокую воду он закрывается и видны лишь одни камыши. Ежели необходимость принудит идти между косою берега и Чечнем, держи ближе к косе, ибо на другой стороне есть очень длинная мель, в немногих местах совсем открытая.

У Дербента некогда была пристань для сгруза товаров; но теперь она под водою. Это самый дурной порт на всем море, если только можно назвать его портом, не только относительно грузки, но и по каменистому грунту его рейда.

По западному берегу должно накидывать лот тотчас, как увидишь Дербент; на 30 или 40 саж. встретишь твердый каменный грунт, перемешанный с раковинами.

От мая до сентября здесь редко бывают свежие ветры, и потому на Дербентском рейде можно становиться на 7 саж. глубины, приводя нижнюю оконечность южной стены прямо на W, в $\frac{3}{4}$ англ. мили от берега. Здесь чистый, песчаный грунт, по крайней мере на два кабельгова во все стороны. Зимой надобно становиться не ближе $1\frac{1}{2}$ мили, на 11 саж., стараясь прийти к промежутку двух стен, где грунт не совсем дурен; но как тут много камней очень опасных для канатов, то и не надо давать много слабину канату, чтобы от часто изменяющихся здесь ветров и течений не перетерло его. Всегда лучше стоять на одном якоре и иметь паруса на каболках, чтобы быть готовым уйти в море. Не было никогда замечено, чтобы восточные ветры дули выше двух с половиною румбов от берега.

Следующий порт есть Низабат, иными называемый Низовой, с чистым, надежным грунтом ила и песку. Между ним и Спицбермаком (Беш-бармаком?) замечательная скала, близ морского берега. Русские карты означают между Низовой и Спицбермаком два камня, называемые Два Брата; но Вудруф, часто проходя это пространство, не находил их.

Русские и персияне часто проходят Апшеронью, между о. Святым и матерым берегом; что очень удивительно, ибо этот проход опасен, тогда как они имеют 30 лиг открытого моря между о. Жилым и материком. По необходимо-

сти, можно идти и между Святым и западным берегом, ибо там хороший фарватер, с 3 $\frac{1}{2}$ саж. глубины и глинистым грунтом, шириною около 1/2 мили; но по обе его стороны много камней, почему здесь можно ходить только днем и беспрерывно накидываясь.

На юге Жилого есть хорошая якорная кладка, закрытая от севера; надобно однакож беречься мели, которая идет на OSO от этого острова, очень приглубого, с белыми утесами на южной стороне, видными в ясную погоду, за 5 или за 6 лиг.

Идя с севера к Баку, Большую Шахову мель надо держать в довольном расстоянии и следовать почти WNW, для входа в залив, который лежит между о. Наргеном и малою рыболовною ватагою у крутого мыса. У западного берега есть проход почти в лигу, с глубиною 7 сажен.

Суда иногда ходят по восточную сторону Наргена; но камень Дервиш, также как и многие мели, бывшие прежде островами, вместе с малою глубиною, 3 саж., делают этот фарватер опасным. На восточном берегу Бакинского залива, где нагружаются суда солью и нефтью, за моллою, две сажени глубины. Это лучший, если не единственный, порт Каспийского моря.

Остров Булла лежит на SW от Баку; к O и S от него до 10 саж. глубины; но с запада есть песчаная банка, простирающаяся от материка, почти сухая. Свиной, приглубый остров, около 4 лиг от материка; около северной оконечности есть два камня.

Песчаная мель, называемая Малая Шахова, около 6 миль в длину и 2 в ширину, имеет только 14 ф. глубины. Глубина вокруг ее постепенная, и грунт, по приближении к ней, изменяется из жидкого ила в песок.

Остров Кура хотя низок, но приглуб со всех сторон. Около 3 лиг на SOfS от него есть камень, едва выказывающийся из-под воды, который издали похож на две лодки. Ни русские, ни персияне в мое время не знали о нем, и более чем вероятно, что многие суда на пути от реки Куры к Баку (т.е. с южного устья р. Куры) погибли здесь без вести. Кура при падении имеет 2 саж. глубины; здесь обыкновенное место привала для мимо ходящих персидских судов.

Подходя к берегу, суда должны особенно остерегаться песчаной банки в 5 лигах к W от Энзили, на которой только 7 ф. Лучшее якорное место, Энзилинский рейд, приводя караван на западной стороне бара, на SSW, на 10 или 12 саж. глубины. Капитан Вудруф часто замечал, что, подходя с севера, с свежим попутным ветром, к этому берегу, ветер из N изменялся в NW или SO, а вообще в W; так что, когда в море N, суда, стоящие здесь, имея его от других румбов, находились весьма в невыгодном положении.

Река Сефидруд редко имеет более 3 ф. в устье, хотя за баром хорошая глубина. Так как из этой реки идет в море быстрое течение, с сильным водоворотом, то и неудобно подходить сюда ближе, как на 7 саж. глубины, хотя в $\frac{3}{4}$ мили есть 5 или 6 сажень. Попадаясь в этот водоворот, при штиле или тихом

ветре, подвергаешься опасности быть выкинутым на южный берег, чему и представляют примеры многие персидские суда.

Около 4 миль выше устья Сефидруда из него течет малый проток в Энзилинское озеро и служит для прохода лодкам, которые, однако, в малую воду должны перетаскиваться чрез мель, ярдов на 40. Если б не было этого неудобства, между Перибазаром и Рудасаром было бы прямое сообщение на лодках.

Южнее Сефидруда есть ковш, со входом около кабельтова длины, с 2 саж. глубины, и такая же глубина внутри; 12 или 15 судов могут там стоять у самого берега, совершенно безопасно.

Следующий порт есть Лангарудь, около 2 $\frac{1}{2}$ миль по параллели и одной по меридиану. Имея при этом 10 или 11 футов глубины, он бы мог считаться отличным портом, если б фарватер его не был так узок, что им надобно следовать завозами. Лангерудский рейд, впрочем, часто посещаем; лучшее якорное место в 1 $\frac{1}{2}$ миле от берега, на 7 саж. глубины, грунт чистый песок, приводя мыс на южной стороне бара на SWtW, а вершину Лагоджанской горы на WSW. Здесь есть песчаная мель, простирающаяся от Сефидруда в самый залив почти на 3 лиги. Конец этой мели, около 20 саж., имеет глинистый грунт. Река, простирающаяся до города Лангаруда, падает около кабельтова западнее южного бара и здесь почти совсем закрыта камышами; течет по NO. Тут есть мель в 6 ф., но глубина скоро увеличивается до 2 сажен.

Алиманруд, или как ее часто называют Obeasky, есть малая деревня, лежащая к востоку, с рекою, способною для лодок, сидящих 4 фута. Посредством озера она соединяется с Мешедисером, у которого можно стоять на 9 саж. глубины, с хорошим грунтом.

Следующее место есть Фарабад, на восточном берегу малой речки. Здесь можно стоять на 10 саж., с хорошим грунтом; хотя все рейды южного берега вообще неудобны, будучи открыты с моря. Ветры обыкновенно западные, а когда дуют от востока, то умеренны и приносят ясную погоду. Плавание от Фарабада до Астрабатского залива очень легко и удобно, ибо глубины постоянны и грунт чистый. Дворец Ашреф, построенный из камня, хорошее приметное место, и виден издали.

Идя от севера или от запада, лучший путь в Астрабатский залив, через бар, есть следующий: приведя низменную косу западного берега на SW в 1 $\frac{1}{2}$ мили, в тихое время она чуть видна, а в свежий ветер на ней буруны, идти по SSO, придерживаясь к S, пока она придет прямо на W; потом следовать по S и StW, становясь в одной миле западнее устья реки Гургень. Идя на Кандагасарский рейд (Kandagaser road), необходимо замечать песчаную косу, которая выдается почти на полмили от устья той реки. Бар имеет от 11 до 12 ф. воды, и грунт мягкая глина. Ежели погода препятствует видеть песчаный мыс или буруны на западной стороне бара, можно идти в миле от восточного берега, который легко видеть, следуя на S и StW; глубина по заливу везде одинакова, от 2 до 4 сажен, весною и осенью.

Здесь есть малый островок, покрытый камышами, на NO от бара; вблизи восточного берега около него 5 ф. глубины, но на лигу западнее 2 сажени.

От Астрабатского бара до южной оконечности о. Огурчинского, или, как персияне его называют, Идак, 32 $\frac{1}{2}$ лиги по NNW $\frac{1}{2}$ W. Глубина от 7 до 10 саж., мягкий грунт; но на 10 лиг в море глубина 35 саж., увеличивающаяся постепенно. Проход по северную оконечность Идака и западную Дервиша около 1 $\frac{1}{2}$ мили ширины, с 3 или 4 саж. глубины; северная оконечность Идака отмела, и отмель при окончании возвышается из-под воды, образуя как бы островок. Между восточной стороной Дервиша и Нефтяным есть проход, но очень узкий. Между Огурчинским и Нефтяным хорошее укрытие, и от NO и от W ветров, с удобством выйти при всяком ветре. Большая глубина подле о. Даргана, где хороший грунт; но по северную его сторону грунт каменистый.

Дагадау — возвышенный остров, около 2 кабельтовых от северного берега, с 2 саж. глубины кругом; якорное место так удобно, что суда могут ошвартовываться и кидать сходню на берег. Недалеко от этого острова есть два больших камня под водою; три или четыре лиги далее глубина 9 ф., а у подошвы горы только 5. Северную сторону этого залива составляют красного цвета скалы, от которых образуется песок такого же цвета, откуда и название Красных вод.

Касательно залива Кара-Богазского, надобно заметить, что весь восточный берег, от Красноводского залива до Караганского мыса, горист, с каменистым грунтом; во многих местах есть высокие камни вдалеке от берега, которые кажутся островами; неблагоприятно приближаться к ним.

В широте 43°, кажется, есть значительный островок, позади высоких скал; мы не имели случая обозреть его. От 42 до 43° есть песчаная банка, 8 или 9 лиг в ширину и 20 лиг в длину; на ней около 25 саж. воды отличительного цвета.

О мысе Караганском и острове Кулалы было уже упомянуто. В первом хорошее укрытие от S и SO; в последнем хорошая гавань, с 10 или 11 ф. глубины и чистым песчаным грунтом. Этот остров бесплоден и необитаем; но его гавань служит для сборища всех русских судов, которые ловят рыбу в Яике, Кизляре и Дербенте. Есть много малых островков восточнее Кулалов, но мы ни разу не имели случая обозреть их.

О недавнем значительном колебании уровня Каспийского моря

Ю. М. Шокальский

О колебаниях уровня Каспийского моря, обширнейшего внутреннего бассейна на Земном шаре, существует целая литература, разбирающая в подробности вопрос о стоянии уровня этого громадного озера в предшествовавшие времена.

Настоящая работа, не касаясь обстоятельств, разбираемых в вышеупомянутых трудах, относится к исследованию случая резкого и значительного колебания уровня Каспийского моря, имевшего место в течение 1910—1912 годов.

Значительное понижение уровня моря, ставшее заметным с июля 1910 г., не могло не обратить внимания мореплавателей, потому что величина понижения была настолько велика, что имела практическое значение.

Неуспокаивающаяся тектоническая деятельность близлежащих частей Закавказья, с одной стороны, и неоднократные случаи небольших грязевых извержений поблизости Бакинского района — все это вместе заставляло многих лиц, живущих около Баку, высказывать предположение, что внезапное обмеление, замеченное прежде всего около Баку, должно свидетельствовать о поднятии дна моря и вообще о перемещении суши. Для производящейся морской описи части Каспийского моря к югу от Баку вопрос о положении уровня моря тоже имел большое значение как исходного нуля, к которому приводятся все измеренные глубины.

Наконец, вопрос этот был поднят и в постоянной сейсмической комиссии Э.Л.Нобелем.

Все это вместе заставило меня попробовать найти ответ на эту поставленную природою загадку. Материалы, имеющиеся в Главном гидрографическом управлении Морского министерства по вопросу о колебании уровня Каспий-

ского моря, которыми мне любезно было разрешено воспользоваться начальником этого управления, а затем некоторые данные, любезно предоставленные в мое распоряжение Управлением внутренних водных путей и шоссежных дорог, за что и приношу обоим управлениям свою искреннюю благодарность, позволили мне подойти настолько близко к решению вопроса, что, мне думается, сомнения в общей правильности его не может быть.

Но прежде чем перейти к нашему исследованию, необходимо разобрать характер колебаний уровня Каспийского моря по имеющимся многолетним наблюдениям на двух его противоположных берегах — в Баку и у маяка Куули, почти на той же самой параллели, что и Баку. Мы не приводим данных для других мест побережья Каспийского моря, для которых имеются наблюдения над колебаниями уровня, потому что, как выяснилось, выводы, сделанные для Баку и Куули, совершенно подходят к выводам из наблюдений в других местах.

Изучение перемещений уровня Каспийского моря показывает, что здесь существует три рода колебаний непродолжительного характера, а именно — колебания короткого периода, не более нескольких часов, колебания с годовым периодом и колебания, происходящие от ветров.

Колебания короткого периода замечаются разного рода, смотря по величине амплитуды колебания. Более продолжительные колебания, около 4-х часов, имеют амплитуды до 20 см; следующая за ними, около 1-го часа продолжительностью, имеют амплитуду до 15 см, и наконец колебания продолжительностью около 10 мин. имеют амплитуду меньшего размера.

Колебания годового периода имеют несколько различных характер в северной и южной частях моря. В северной части моря годовой максимум наступает ранее, нежели на юге. Так, на маяке Четырехбугорном (около юго-западной оконечности дельты Волги) годовой максимум наступает обычно в мае — июне, тогда как в Баку и Куули он случается неизменно в июле.

Минимум в Баку и Куули наступает в марте.

Характер годового хода колебания уровня хорошо виден на прилагаемом графике № 1, где показаны колебания уровня моря для Баку и Куули. В среднем вывод за большой период наблюдений (с 1887 до 1909 г. для Баку и с 1901 до 1909 г. для Куули: года 1910 и 1911, как исключительные по своему характеру, во внимание не приняты при выводе средних, послуживших для вычерчивания этих кривых, и кривые колебаний для обоих мест наблюдений за эти года даны на том же графике)*. На графике хорошо видно, что начало подъема уровня одинаково приходится на март месяц как на западном, так и на восточном берегах Каспийского моря. Затем идет непрерывное повышение уровня до июля месяца, после которого начинается понижение его до марта месяца.

* По ошибке цифра 1910 г. поставлена выше графика многолетних наблюдений, она относится к графику, находящемуся непосредственно под ним. — Ю. Ш.

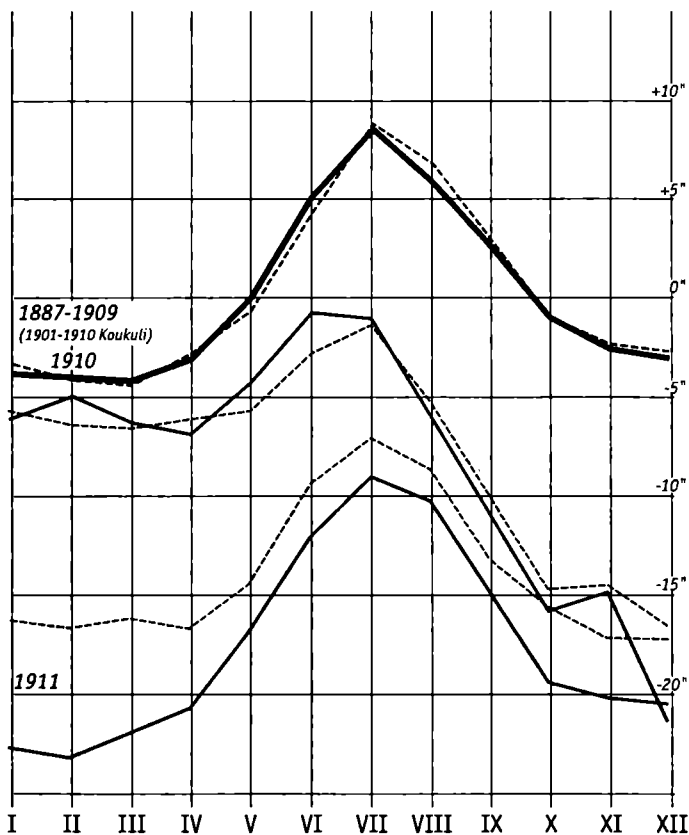

График 1. Годовые колебания уровня моря. (Сплошная кривая – Баку, прерывистая – Куули)

Время наступления максимума весьма постоянно; в Баку в течение 23-летнего периода 21 раз максимум был в июле месяце и только 2 раза в августе.

Время наступления минимума менее постоянно; в Баку в течение 23-х лет минимум случался: 6 раз — в январе, 8 раз — в феврале, 5 раз — в марте, 4 — в феврале и по одному разу — в апреле и октябре.

Амплитуды годового хода в среднем выводе для Баку (1887—1909) — 12,7 дюйма, а для Куули (1901—1909) — 12,9 дюйма, т.е. почти что одинаковы. Отсюда видно, что систематические причины, обуславливающие годовые колебания уровня моря, действуют одинаково на западном и на восточном берегах моря.

Случайные колебания уровня Каспийского моря происходят главным образом от ветров, причем, конечно, ветер того же направления производит совершенно разные колебания на противоположных берегах моря. На графике № 2 это хорошо видно. В Баку наиболее высокое стояние уровня случается при северо-восточных ветрах, а наименьшее — при юго-западных. В Куули самый высокий уровень бывает при северных ветрах, а самый низкий — при южных.

Конечно, наиболее сильно сказывается влияние ветра на положении уровня в северной мелководной части моря.

После этих предварительных указаний переходим к колебанию уровня Каспийского моря, имевшему место в течение 1910—1912 годов.

Так как Каспийское море есть в сущности только самое большое в мире озеро, то продолжительные колебания его уровня какого-либо одного смысла могут происходить исключительно в зависимости от прихода и расхода воды в нем. Приход воды получается от речного стока и от непосредственно выпадающих на его поверхность осадков, а расход обуславливается испарением и просачиванием.

Наконец возможны колебания уровня и от поднятия или опускания дна Каспийского моря.

В прилагаемых здесь двух таблицах даны для Баку и Куули отметки положения уровня моря в среднем за месяц за весь период непрерывных наблюдений. Средние цифры выведены для годов, оканчивающихся 1909 годом, и затем даны средние месячные величины стояния уровня в течение 1910, 1911 и 1912 годов. Затем внизу таблиц даны отклонения для отдельных годов от средней величины (1887—1909 и 1901—1909), а в вертикальных столбцах — крайние замечания отклонения для отдельных месяцев за весь взятый период наблюдений и отклонения для каждого месяца 1910, 1911 и 1912 годов.

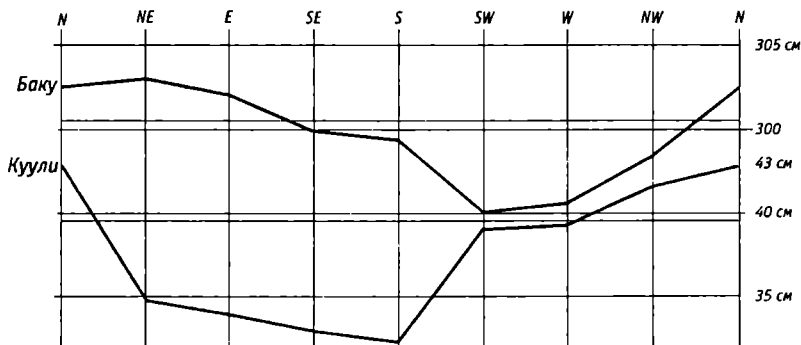

График 2. Колебания уровня моря в Баку и Куули в зависимости от ветров

Рассматривая эти таблицы, видно, что отклонения отдельных месяцев в эти годы всегда превышают крайние отклонения, бывшие в течение всего взятого периода наблюдений, и что отклонения последних трех лет как для Баку, так и для Куули, начиная с июля 1910 г., всегда больше наблюдавшихся в данном месяце ранее, причем абсолютная величина уклонений нередко в два раза превосходит величины наибольших крайних отклонений.

Наконец особенное внимание обращает на себя обстоятельство, что в течение разбираемых трех лет все отклонения имеют один и тот же знак, а именно понижения уровня, увеличивающегося от 1910 к 1911 г., сохраняя этот характер и для 1912 года.

В среднем за год для Баку и Куули получаются следующие отклонения от средней величины вниз:

	1910	1911	1912
Баку ниже среднего на	8,5 дюйма	17,6 дюйма	17,9 дюйма
Куули » » »	8,1	14,1	16,5
Среднее понижение уровня	8,3	15,8	17,2

Таким образом, общее понижение уровня Каспийского моря, произведенное случайными причинами, в 1912 г. достигло 17 дюймов ниже среднего, т.е. такой величины, которая за период времени с 1887 г. не наблюдалась ни разу.

Нет никакого сомнения, что главное количество воды доставляется Каспийскому морю его притоками, из которых наиболее мощный есть Волга. Так как из числа притоков Каспийского моря только на Волге имеются правильные и продолжительные наблюдения над колебаниями уровня и параллельно тому гидрометрические наблюдения над расходом воды, то все нижеследующие вычисления могли быть произведены только для Волги, что в данном вопросе было достаточно, потому что Волга есть главный приток.

В Царицыне на Волге с 1884 по 1890 г. работала гидрометрическая станция, определявшая расходы воды в реке. Параллельно с этим производились и наблюдения над колебаниями уровня реки там же. Сопоставляя эти наблюдения, возможно вывести коэффициент для перехода от отсчетов футштока к соответственным расходам воды. Мы это сделали графически на чертеже № 3, где были нанесены наблюдаемые расходы воды соответственно наблюдавшимся при этом стояниям уровня воды в реке. Затем по полученным точкам отдельных случаев расходов воды была вычерчена кривая расходов в зависимости от положения уровня. Полученная кривая (график № 3) давала возможность определять расходы воды по данным уровня по футштоку и для тех годов, когда гидрометрических наблюдений не производилось.

Определенные таким путем расходы воды для периода 1881—1909 гг. (полный период наблюдений по футштоку в Царицыне) были соединены по ме-

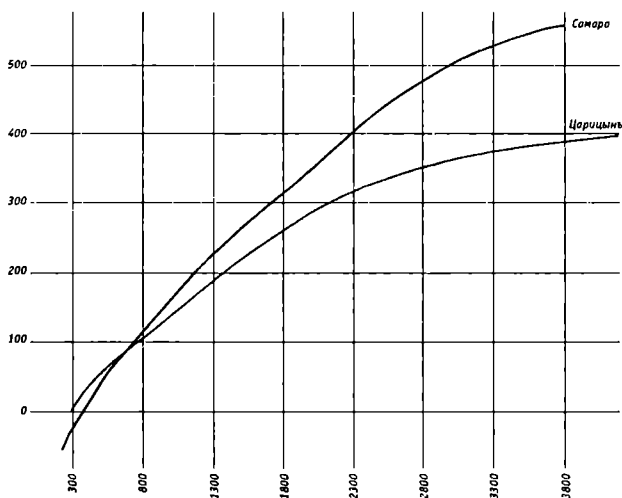

График 3

сяцам и для каждого месяца выведена средняя величина расхода. Затем по полученным таким образом данным была построена кривая среднего расхода воды в Волгу у Царицына за период 1881—1909 гг. (График № 4).

Для того чтобы иметь уверенность, что данные станции Царицына не включают в себе каких-либо отклонений, обусловленных систематической причиной, те же самые вычисления были произведены еще и для Самары, где имеются подобные же наблюдения и в то же время ниже Самары в Волгу не впадает ни одного сколько-нибудь значительного притока.

На чертеже № 3 имеется кривая расходов воды в Самаре в зависимости от положения уровня реки, построенная таким же образом, как и для Царицына, а в нижеследующих таблицах даны вычисленные расходы воды для обеих станций и соответственные положения уровня по футштоку. (В 1912 г. для Самары были данные только за 11 месяцев, почему для обеих станций и даны только годовые отклонения.)

Из разбора данных таблиц видно, что в течение всего 1910 и десяти месяцев 1911 года количество воды, несомое Волгою, у обеих станций было значительно ниже среднего (1881—1902). Для Самары в 1910 г. на 29 процентов ниже среднего, в 1911 г. — на 13,5; для Царицына в 1910 г. ниже на 27,5, а в 1911 г. — на 9,4 процента.

Начиная с 1912 г. количество воды, протекающей через поперечные сечения Волги у этих станций, немного стало превышать среднюю величину: у Самары — на 2,6, а у Царицына — на 0,3 процента.

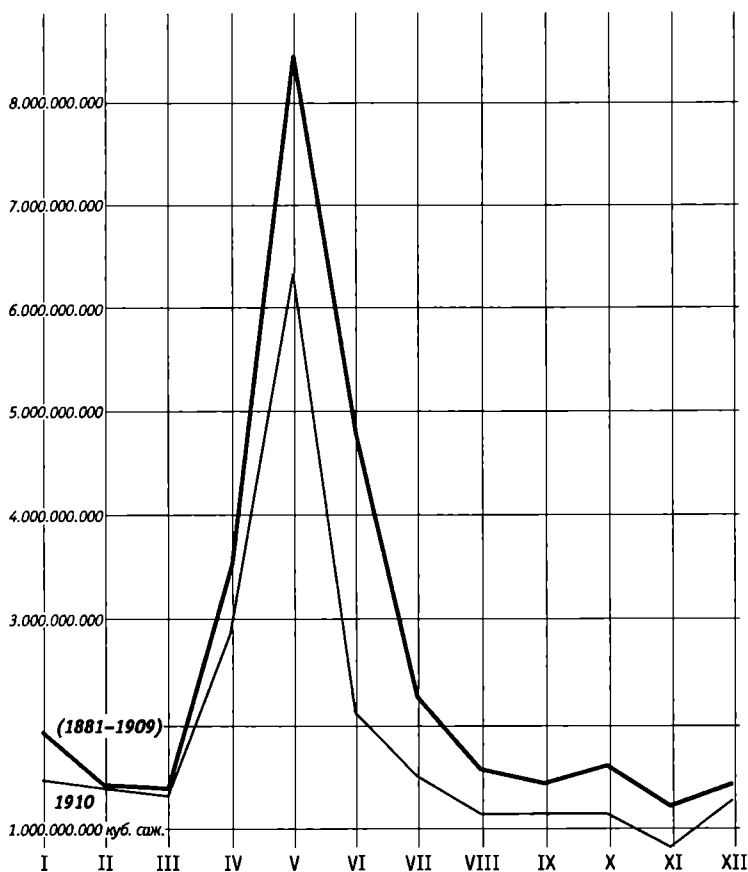

График 4. Кривая расходов воды р. Волги у Царицына за 1881–1909 гг.

Следовательно, за три года (1910, 1911 и 1912) Волгою доставлено в Каспийское море менее среднего количества, по данным станции у Самары — на 11.338.617.600 саж.³, а по данным станции в Царицыне — на 11.588.619.200 саж.³ воды.

Остается теперь посмотреть, какое изменение уровня Каспийского моря должно было соответствовать подобному уменьшению в количестве расхода воды в Волге.

Принимая поверхность Каспийского моря равной 436350 км², нетрудно видеть, что Волга в среднем за год дает количество воды, которое, будучи распределено на всю площадь моря, поднимает его уровень на 27,2 дюйма.

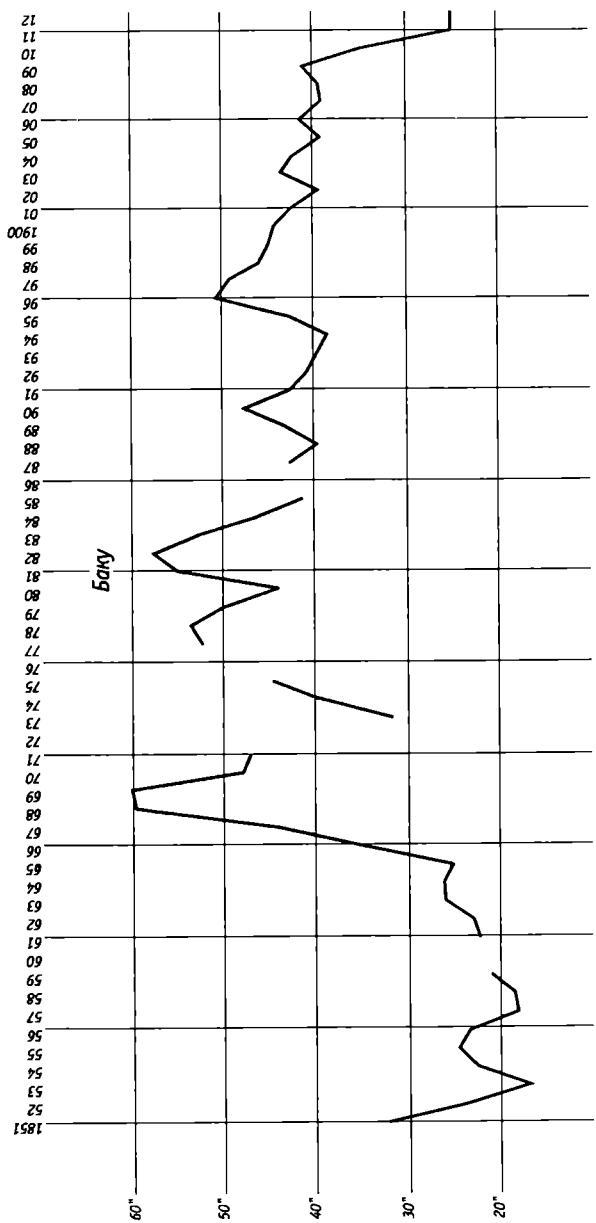

График 5. Колебания уровня моря в Баку в среднем годовом выводе

То количество воды, какое было не доставлено Волгою в 1910 г., соответствует понижению уровня Каспийского моря на 7,6 дюйма. К этому надо присоединить еще 2,6 дюйма, соответствующие недостатку в расходе воды в Волге за 1911 год, что в сумме дает 10,2 дюйма. В 1912 г. началось некоторое превышение расхода воды в Волге сравнительно со средним количеством, выражающееся в повышении уровня Каспийского моря на 0,1 дюйма. Сравнивая эти величины с действительно наблюдаемыми положениями уровня моря за те же годы, получаем:

за 1910, 1911 и 1912 годы действительное понижение уровня: 8,3 дюйма, 15,8 дюйма, 17,2 дюйма.

Понижение, зависящее от уменьшения расходов воды в Волге: 7,6; 10,2; 10,1.

Разность: 0,7 дюйма; 5,6 дюйма; 7,1 дюйма.

Эти разности и должны были получиться, так как Волга есть только главный приток Каспийского моря, но не единственный. Эмба, Урал, Терек и Кура должны доставлять в сумме заметное количество воды.

Кроме того, остаются еще неопределенными количество осадков, выпавших на поверхность самого моря, и величина испарения с его поверхности.

Рассматривая ежегодно издаваемые Николаевской главной физической обсерваторией карты отклонения количества выпавших за год осадков от нормальной величины (помещаются в "Годовых выводах из ежемесячных метеорологических бюллетеней") за 1910 и 1911 гг., ясно видно, что в 1910 г. в бассейне Волги, Урала и Эмбы выпало значительно меньше нормального количества осадков; везде менее 80 мм, а в некоторых частях недостаток в количестве выпавших осадков выражался слоем и более 80 мм. В 1911 г., за исключением самой нижней части Волги, весь остальной ее бассейн еще более отличался убылью в количестве выпавших в нем осадков.

Итак, рассматривая последнюю табличку, дающую разность между действительными понижениями уровня Каспийского моря и понижениями его, происшедшими от недостатка воды в Волге, мы можем с уверенностью сказать, что для объяснения подобных понижений уровня Каспийского моря, какие наблюдались в 1910—1912 гг., нет надобности прибегать к предположениям о каких-либо перемещениях самого ложа моря, так как одни колебания в количестве воды, стекающей в море Волгою, уже достаточны, чтобы объяснить две трети величины понижения уровня моря.

Остается заметить, что подобные понижения уровня Каспийского моря случались и ранее, так, например, в 1872—1873 гг. и в 1853 г., когда оно достигло гораздо большей величины, нежели в последние годы.

Август 1913 г.

С.-Петербург

Волго-Донской и Маньчский каналы

А. И. Фидман

Вопрос о выходе водным путем из Волги или Каспийского моря в Азовское и Черное моря, вопрос о Волго-Донском канале снова поднят нашей печатью. Несомненно, дело это громаднейшей важности. Дать выход Волге на Черное море — это значит создать для хозяйственной деятельности приволжского населения такие возможности, которые в цифрах едва ли могут быть оценены сколько-нибудь точно. Волжский лес, каспийская нефть, карабугазская глауберова соль, хлеб с Волги и Западной Сибири — это все грузы, которые сдерживаются существующей доселе естественной плотиной между Волгой и Черным морем. Все подсчеты указывают на то, что поток этих грузов измеряется несколькими сотнями миллионов пудов.

Следует заметить, что в данном случае, как и во многих других, грузы с водного пути (Волги), предназначенные для морского пути, предпочтительно передавать без перегрузки, т.е. по непрерывному водному пути.

Только в этом случае будет избегнут целый ряд потерь от хранения, перегрузки, ожидания, отправки, порчи и т.д.

Кроме того, на протяжении десятилетий мы видим, что расстояние в 600 верст между Волгою и Каспийским морем, с одной стороны, и Черным и Азовскими морями — с другой, оказывается при помощи железных дорог непреодолимым. Владикавказская железная дорога явилась пионером в деле создания грузов по главной своей линии, она возбудила жизнедеятельность края. Но транзитная работа ее царицынской ветви, с отправлением всего около 20 млн пудов груза из Царицына, является для волжского масштаба (по Волге у Царицына в 1911 г. прошло вверх и вниз разных грузов около 600 млн пудов) до смешного ничтожной.

Это обстоятельство заставляет нас попутно вспомнить, насколько выгодными, с энергетической точки зрения, являются водные пути по сравнению с железными дорогами.

Экономия расходов по тяге, а также некоторые другие преимущества водных перевозок явились следствием того, что себестоимость перевозок по железной дороге составляет 1 коп. за 60—70 пудо-верст, в то время как по Волге хлебные фрахты против течения составляли 3—4 коп. за 100 пудо-верст, а нефтяные фрахты падали до 2 коп. за 1000 пудо-верст.

Сравнение расхода топлива при движении грузов вверх и вниз по воде убеждает нас, что с устройством водного соединения Волги с Черным морем большое преимущество за новым направлением будет иметь место прежде всего потому, что хлебные и лесные грузы пойдут преимущественно по течению рек и нужно ожидать поэтому значительного понижения фрахта. В этом случае не может идти в сравнение и ожидаемое переустройство Мариинской системы, так как расходы на такое переустройство при большом ее протяжении (1054 версты) будут, вероятно, весьма велики, значение же ее для Ленинграда и всего Северо-Запада всегда будет огромным, вне зависимости от южных выходов Волги.

Следует также указать, что разница в довоенное время в морских фрахтах в Англию и на континент в пользу балтийских портов зависела по преимуществу от благоустройства портов и отчасти от наличия обратного груза в виде английского угля. Например, довоенные фрахты до Либавы были ниже николаевских на 2,5 коп., новороссийских — 3,2 коп. и ростовских — 4,5 коп. Ясно, что с устройством удобного морского подхода к Ростову, вместе с устранением погрузки хлеба в пароходы на открытом таганрогском рейде, морские фрахты на Ростов уравниются с новороссийскими и николаевскими.

Мы также далеки от времени осуществления Волго-Обского водного пути по направлению Чусовая—Исеть. Стоимость этого пути оценивается в 212 млн довоенных рублей, и постройка его, очевидно, попадает во вторую или даже третью очередь после устройства надлежащих выходов Волги к Черному и Балтийскому морям. Поэтому уголь Кузнецкого бассейна для Урала пока малодоступен.

Таким образом, несомненно, что водный выход Волги к Черному морю должен быть делом ближайшего будущего.

По какому же направлению должен быть осуществлен этот путь?

Прежде всего необходимо указать на большую разницу в наших познаниях по этому предмету.

В то время как Волго-Донское направление изучено более детально и в последние 15 лет почти без перерыва здесь велись топографические, гидрологические и буровые работы, в результате которых получены подробные карты и геологические разрезы, для Маньчжского канала мы не имеем ни одной буровой скважины, здесь почти отсутствуют топографические данные, а карты

существуют лишь пяти-десятиверстного масштаба, т.е. практически можно сказать, что для составления этого проекта карт не имеется.

Сохранилась только продольная профиль, составленная с неизвестной точностью лет 40 тому назад. Такое печальное положение отнюдь не является случайным. Дело в том, что против Маньчского судоходного канала всегда говорили его значительная длина — более 600 верст, пустыньность местности, тяжелые условия выхода в Каспийское море, которое к тому же надвигается на запад своими песками и уже засыпало устье реки Кумы. В грузовом отношении Маньчское направление дает несомненные преимущества только нефти и чисто каспийским грузам, для хлебных же и лесных грузов, как и вообще для всего грузооборота с Волгой, все преимущества на стороне Волго-Донского канала. Запасов воды для создания судоходного пути на Маньчах также не имеется, как и на Волго-Донском направлении, но эта сторона вопроса на Волго-Дону разрешается более благоприятно ввиду возможности использовать у плотины на Дону гидроэнергию для приведения насосов и подачи воды в канал¹.

Значение Маньчского канала всегда было превалярующим, главным образом для ирригационных целей. Но и в этом отношении грандиозность задачи, в связи с наличием кричащей нужды в упорядочении водного дела на Кубани и Тереке, мешала уделить внимание и средства на постановку соответственных исследований.

Поэтому до настоящего времени нет сколько-нибудь точного подсчета стоимости Маньчского канала, да такой подсчет по существу и невозможен. Приводимые же некоторыми авторами цифры стоимости при ближайшем с ними знакомстве оказываются значительно преуменьшенными и далеко не достигающими сумм возможного нижнего предела, какой мыслим по сравнению со стоимостью построенных каналов.

Целью настоящего очерка является главным образом выявление предельной нижней стоимости Маньчского канала и сравнение его с Волго-Донским направлением по возможной стоимости перевозок и продолжительности рейсов.

Напомним вкратце основные элементы обоих направлений по длине и высотам.

Расстояние и высоты по Волго-Донскому направлению. Первый участок пути, общий для Волго-Донского и Маньчского направлений, проходит по восточной части Азовского моря и дельте Дона. Он известен под названием "Азово-Донского глубокого морского канала" и имеет задачей создать условия для удобного доступа морских судов к Ростову, для чего его глубина проектируется в 28 футов. Длина этого участка около 130 верст и сметная стоимость, включая новые набережные в Ростовском порту, 39 млн рублей.

Дальнейший путь по нижнему течению Дона от Ростова до устья Маньча, длиною 50 верст, представляет широкую и глубокую часть реки, требующую для плавания судов с осадкою 9 фут. производства землечерпания. В от-

даленном будущем, если бы борьба с влиянием сгонных ветров при помощи землечерпания оказалась бы неудовлетворительной, у Нахичевани пришлось бы поставить плотину, а может быть, и шлюз.

Следующий участок Дона, от устья Маныча до Калача и входа в Волго-Донской канал, длиною 450 верст, не может быть доведен до необходимой глубины (10 фут.) одними только землечерпательными и выправительными работами. Поэтому здесь необходимо, начиная от станицы Богаевской, построить, в дополнение к имеющемуся шлюзу и плотине, еще 7 водоподъемных сооружений, из коих 2 — у ст. Константиновской и Камышевской — уже сооружением начаты и закончены процентов на 40. На постройку всех семи плотин и шлюзов требуется 24 млн чер. рублей².

Наконец для соединения Волги с Доном, по направлению от хутора Калач к Сарепте, предстоит сооружение канала. Предварительно на Дону у входа в канал будет построена плотина, которая поднимет воду на 2—3 саж. и уменьшит тем самым высоту подъема на водораздел до 11—14 саж. У этой плотины будет устроена гидроэлектрическая силовая станция, приводящая в движение насосы для питания канала.

При подходе к Волге на канале будет устроена еще одна шлюзовая лестница для спуска на 34—36 саж., после чего канал выходит на Волгу в обширный Сарептский затон.

Канал и шлюзы также приспособлены для прохода судов девятифутовой осадки, для чего поперечному сечению канала придаются размеры в 41 кв. саж., т.е. в 4,1 раза превышающие миделевое сечение судна, имеющего осадку 1,33 саж. и ширину 7,5 саж. Шлюзные камеры на всем пути делаются 60 саж. длины и 8 саж. ширины.

Полная стоимость сооружения Волго-Донского канала, включая гидросиловую станцию, составит 66 млн рублей.

Расстояния и высоты по Манычскому направлению. В случае устройства канала между Каспийским и Азовским морями по направлению Маныча необходимо исходить из двух предположений — речного и морского канала. В первом, когда движение волжских грузов будет происходить в речных баржах без перегрузки, необходимо и канал для речных судов провести вдоль северо-западной части Каспийского моря до Волги. Во втором — канал должен быть приспособлен для морских судов размерами и осадкою не меньшими, чем у судов Каспийского флота, т.е. 35 фут. шириною с осадкою в 19 фут. В морских судах пойдет нефть и все грузы Каспийского моря. Хлебные, лесные и другие товары, идущие по Волге, должны будут перегружаться на морские суда у Астрахани.

Расстояние от Царицына до Ростова по морскому каналу составит 1304 версты, по речному — 1261 верста. Водораздельный канал в районе Манычских озер проектируется на уровне 10,0 саж. выше Азовского моря: уровень Каспийского моря на 12,5 саж. ниже Азовского. Общую величину перепадов

— 32, 5 саж. — предполагается преодолеть 17 шлюзами. Увеличение длины пути вследствие задержек у шлюзов принимаем $5 \times 17 = 85$ верст.

Поперечное сечение канала для речных судов предполагаем такое же, как для Волго-Донского направления. Что же касается стоимости канала, то полный недостаток материалов делает затруднительным ее вычисление. Здесь возможны только различные более или менее гадательные предположения. В особенности неопределенно вопрос стоит в восточном районе, где Каспийское море надвигается песчаными барханами на запад и уже засыпало, по данным исследований 1922 г., устье реки Кумы более чем на 80 верст. Неизвестно, какие расходы потребуются на укрепление песков, на каком протяжении канала придется устроить глиняные противофильтрационные слои. Наконец то обстоятельство, что канал столь значительной длины придется строить в области полупустыни, при полном бездорожье, отсутствии в районе каменных, строительных материалов и цемента, — все это заставляет предполагать, что стоимость работ здесь должна быть выше, чем на Волго-Доне, где к услугам строителей будут и железная дорога, идущая параллельно направлению канала, и камень из донских карьеров, и цемент из Ростова и Вольска. Поэтому, если предположить поперстную стоимость Манычского канала одинаковой с Волго-Донским, то очевидно, что такое предположение будет в пользу первого.

Предположение инженера Ф.П.Моргуненкова об образовании на водоразделе на месте Манычских озер водохранилища, заменяющего в то же время на протяжении 250 верст судоходный канал, нам кажется, при частых в этой местности сильных ветрах, для речных судов неприемлемым. На этом протяжении должен быть построен речной канал обычного типа, водохранилища же здесь необходимы для собирания вод рек Егорлыка и Калауса в целях питания судоходного и ирригационного каналов.

Поперечное сечение и стоимость Манычского речного канала. Стоимость одной версты Волго-Донского канала, если из сметы исключить расходы, предвиденные на постройку шлюзов, составляет 492 тыс. рублей. Судоходные шлюзы обойдутся около 500 тыс. рублей на каждую сажень подъема. Примем эти нормы как низшие для канала по Манычу. Полная длина этого канала 685 верст. Падение, которое должно быть преодолено шлюзами, составляет 32,5 сажени. Сметная стоимость канала определится из выражения:

$$492\ 000 \times 685 + 500\ 000 \times 32,5 = 337\ 000\ 000 \text{ рублей.}$$

Принимая во внимание сказанное выше о тех трудностях, которые будут встречены при сооружении канала, можно признать, что сумма 340 млн рублей — это низший и притом заведомо преуменьшенный предел стоимости Манычского канала. Прибавка к этой цифре 40—50%, по нашему мнению, необходима, и даже такая прибавка едва ли даст уверенность в достаточности суммы. Таким образом, более вероятной суммой стоимости этого канала следует признать 450—500 млн рублей.

Морской Манычский канал. Выше было указано, что размеры Манычского морского канала должны допускать плавание судов, имеющих осадку 19 футов и ширину 35 футов. Для оправдания этих размеров далее приводится список судов Каспийского моря.

Канал должен допускать встречное движение, и его сечение должно быть достаточным для того, чтобы экономически выгодная скорость движения была не ниже 8 верст в час. Этим условиям примерно удовлетворяет канал глубиною 22 фута, шириною по дну 80 фут. и на поверхности воды 210 футов. Площадь живого сечения канала 3280 кв. фут., или 65 кв. саженей, относится к площади миделя судна как 4,9:1³.

Канал, приспособленный для движения морских судов, будет значительно короче речного канала. Укорочение его получается благодаря возможности выхода непосредственно в Каспийское море у 12-футового рейда близ устьев Волги. Длина такого канала от Каспийского моря до устья реки Маныч определяется в 650 верст. Если предположить, что озеро длиною 250 верст, которое может быть образовано на водоразделе, по идее инженера Моргуnenкова, посредством постройки заграждающих дамб в устьях Егорлыка и Калауса, окажется достаточно глубоким, то искусственная часть канала будет иметь длину всего 400 верст. Но главная цель устройства озера на водоразделе заключается в сбережении воды, необходимой для питания судоходного и оросительного каналов. А в таком случае уровень воды в озере не будет постоянным. Вода, накопленная весной, будет в течение лета и осени расходоваться, и к концу навигации озеро будет вообще, в опорожненном состоянии. Поэтому правильнее считать, что морской канал должен быть прорыт на всю длину 650 верст.

Подсчет стоимости морского Манычского канала. Для того чтобы подойти к вероятной стоимости Манычского морского канала, нами составлена таблица морских и речных каналов, для которых оказалось возможным получить размеры их поперечного сечения и стоимость. К сожалению, нельзя для всех каналов получить сметы с подразделением на отдельные расходы по постройке собственно канала, насосных станций, плотин, мостов и т.д. В виде первого приближения мы попытались отнести стоимость каждого канала на 1 версту длины канала и кв. сажень поперечного сечения.

При этом оказалось, что особой разницы в стоимости морских и речных каналов, отнесенных к нашему измерителю, не наблюдается. Морские каналы заключаются в пределах 8420—30 350 рублей. Для речных каналов пределы колебания измерителя — 10 650—24 100 рублей — немногим отличаются от морских. Рассматривая данные таблицы, мы можем заметить, что все каналы, для которых измеритель выше 20 тыс., имеют особые для этого причины. Так, Манчестерский и Брюгге-Гейстовский каналы построены в густозаселенной местности и потребовали высоких расходов на отчуждение земли. Панамский канал строился в тяжелых климатических условиях, и, кроме того, большие

суммы были уплачены за право постройки канала. На канале Марна—Сона построено 83 шлюза и туннель. Мы должны заключить, что полученные для Волго-Донского канала измерители: 16 900 руб. со всеми сооружениями и 12 тыс. руб. без шлюзов, насосной станции и прочего — являются вполне приемлемыми, хотя и близкими к низшим нормам.

Выводы. Итак, для движения судна от Саратова к Мариуполю требуется по Волго-Донскому каналу 22 суток, по Манычскому 35 суток.

По морскому каналу время прохода сокращается до 27 суток. В последнем случае необходимо было бы учесть перегрузку в Астрахани, но для нас важно просто сравнить время движения судов, так как этот момент является решающим при исчислении фрахта.

Мы видим, что Волго-Донской путь $66+24=90$ млн рублей⁴. Стоимость Манычского речного канала определяется в 340 и более млн рублей. Условия движения судов по продолжительности также не в пользу Маныча. Таким образом, несомненно, что путь для движения судов речного типа может быть направлен только по Волго-Дону.

По Манычам мог бы быть построен только морской канал. Но перед его осуществлением придется считаться с наличием Волго-Донско-Азовской магистрали, которая примет все волжские грузы. На долю Манычского морского канала останутся грузы Каспийского моря, Персии и Средней Азии. О начале постройки этого канала можно будет говорить тогда, когда Каспийское море даст на канал соответственное количество грузов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кстати, считаем необходимым заметить, что подача воды в судоходные каналы осуществляется все чаще и чаще. Не считая нескольких судоходных каналов во Франции (Бриарский канал, Рейн—Марка и др.), где вода подается более 40 метров, следует указать на искусственное питание водного германского “средиземного” канала, соединяющего Рейн с Везером, где вода в канал накачивается из Везера на высоту более 14 метров.
- ² Отметим кстати, что у семи плотин, имеющих перепад в 29 метров и расход воды 150 куб. метров в секунду, возможно впоследствии установить, при коэффициенте суточного использования 3 и коэффициенте полезного действия турбин 0,86, до $29 \times 150 \times 3 \times 11=150\,000$ лошадиных сил.
- ³ Наибольшее из судов, плавающих по Каспийскому морю, имеет осадку 16 и ширину 47 футов. Для встречного движения таких судов пришлось бы канал уширить до 100 футов, что возможно сделать с сохранением принятой площади сечения, если уменьшить глубину канала до 20 футов.
- ⁴ Без Азовско-Донского канала Волго-Донской — 66 млн руб. Шлюзование Дона — 24 млн руб.

Проекты использования вод бассейна Маньчей

М. М. Гришин

Небольшая высота Азовско-Каспийского водораздела, возможность непрерывного обмена даже морскими судами между Азовским и Каспийским морями, грандиозность задачи давно привлекали к себе умы исследователей и строителей. Ближайшие интересы прилегающего края, мало заселенного, пустынного, как-то оставались в стороне и блекли перед перспективами великого морского канала. Этому способствовала и ограниченность сведений об этом крае, и даже больше, наличие превратных сведений о нем как о безнадежной в хозяйственном отношении области. Благодаря этому обстоятельству все почти проекты, составлявшиеся до сего времени в отношении Маньча, имели целью создание судоходного пути и лишь некоторые, как попутную задачу, имели в виду и обводнение края.

Еще в 1757 г. Бюффон намечал соединение Азовского и Каспийского морей по Маньчам и был поддержан в этом отношении академиком Палласом.

В 1858 г. инженер Фрюстон, а в 1859 г. Бергштрессер¹ поднимали этот же вопрос с большим увлечением, причем сильно преувеличивали значение его и опирались на необоснованные и непроверенные представления о размерах реки Маньч как крупной и многоводной реки.

В 1871—1878 гг. топограф Блюм, работавший в экспедиции ген. Ходзько по триангуляции Северного Кавказа, предлагал устройство открытого канала между Азовским и Каспийским морями в целях судоходства и для повышения уровня Каспийского моря на 2—3 саж. и создания благоприятных для судоходства условий в низовьях Волги. Это предполагалось достигнуть в течение 95 лет при затрате до 800 млн руб. Аналогичное предложение было сделано в 70 годах географом Венюковым в целях восстановления прежних климатических условий на юго-востоке. Другим автором предлагалось даже для этой цели (повы-

шение уровня Каспийского даже моря) использовать бассейн р. Оби. По подсчетам А.Флоренского, повышение уровня Каспийского моря на 2—3 саж. если и возможно теоретически, то не ранее как через 1200 лет при условии, что начальный добавочный приток воды будет около 30 куб. саж. в сек., а в конце до 600 куб. саж. в сек. Затраты при этом исчисляются миллиардами рублей.

Все эти предположения, как и еще одно — Варнгорнбека (1874), были по большей части не обоснованы фактическими данными, порой являлись фантастичными, почему и были отвергнуты.

Лишь инженеру М.А.Данилову принадлежит честь основательного исследования Манычского направления на месте и составления разработанного и обоснованного проекта канала (1879—1882). По идее Данилова канал, шириной по дну 9 саж., глубиной 1,5 саж., направлялся по левому берегу Западного Маныча от Дона на водораздел помощью 7 шлюзов, падением 1,2 саж., затем спускался в Калмыцкую степь 9 шлюзами с тем же падением и в 226 верстах от водораздела разделялся на 2 ветви: к Астрахани — длиной 167 верст и к Серебряковской пристани на Каспийском море — 118 верст. Общая длина пути от Ростова-на-Дону до Астрахани составляла 755 верст.

Питание этой судоходной системы предполагалось производить двумя особыми питательными каналами: 1) из р. Терека — начинавшимся ниже устья реки Малки и тянувшимся до устья реки Каласа (326 верст), причем в нижней части своей, от р. Кумы до главного судоходного канала, он являлся и судоходным; общее падение этого канала 64, 25 саж., расход воды от 13,1 куб. саж. в сек. до 21, 2 куб. саж. в сек. при соответствующих расходах Терека 18,57 куб. саж. в сек. и 2) из р. Кубани, причем этот последний играл роль судоходной ветви Манычского канала к Черному морю². Кубанский канал начинался от р. Кубани ниже устья притока ее Урупа и до ст. Григориполисской (73 в.) шел с уклоном 0,00022 и расходом 7,5—13,7 куб. саж. в сек. как питательный; затем дальше, как судоходный, протяжением 322 в., сначала вдоль Кубани, потом через Манычско-Кубанский водораздел 68,50 саж. преодолелось в большей части 45 шлюзами. Кроме того, от ст. Григориполисской до ст. Ладожской в обход мелководной части Кубани, по левому берегу ее, проектировался еще обходной судоходный канал 87 верст длиной, падением 51,1 саж., преодолеваемым 42 шлюзами.

Как Кубанский, так и Терский питательные каналы имели расход, достаточный не только для покрытия потерь воды по всей системе и на судоходство, но и для орошения прилегающих земель в количестве 235 000 дес. по Терскому и 173 000 дес. по Кубанскому каналам, всего 408 000 десятин.

Питание каналов из Терека и Кубани — главным образом в периоды паводков в последних, чем частично разгружаются низовья рек, подверженные наводнениям.

Вся система каналов имела общую длину 1683 верст, из коих 1448 верст судоходны, допускала транзитное плавание при глубине 8—10,5 фут. речных

и небольших морских судов по разным направлениям между Волгой, Доном, Кубанью, Каспийским, Азовским и Черным морями и, по подсчетам Данилова, стоила бы всего 85 млн руб. при объеме земляных работ 16 545 000 куб. саж. при 116 шлюзах, 48 перепадах и многочисленных мелких сооружениях. Стоимость работ, по-видимому сильно приуменьшена.

Рассматривавший в 1882 г. проект Техничко-Инспекторский Комитет шоссейных и водных сообщений признал его выполнимым, подвергнув лишь сомнению гидравлические расчеты авторов, и геологические условия его проведения, а следовательно и стоимость самого проекта.

Дальнейшие проекты использования Маныча для судоходства базировались на работах и данных М.А.Данилова. Так, инженеры Лохтин и Артемов (1900) предложили устройство канала, пригодного и для морских и для речных судов, с глубиной в средней части (на ширине 12 саж.) — 21 фут., в боковых частях (шириной также по 12 саж.) — 10,5 фут. Канал начинался в Азовском море у Кривой косы и шел до Ростова-на-Дону морем (с ограждением дамбой), а затем Доном (всего 170 в.), после чего по Манычской долине, примерно по тому же направлению, что и у Данилова, но с выходом в Каспийское море у Лаганской ватаги; по всей его длине в 550 верст устраивалось 18 шлюзов. В дальнейшем одна ветвь (50 в.) морского канала идет в Каспийское море к 12-фут. рейду, другая к Бахтемировскому рукаву Волги (60 в.) и по последнему к Астрахани.

Питание канала предполагалось только из Терека расходом 11,624 куб. саж. в сек., причем меньший расход обеспечивал покрытие всех потерь в канале и получение достаточной для тяги судов водной энергии. а больший давал излишек воды для орошения до 500 000 дес. земли вдоль Терского канала.

Размеры канала и искусственных сооружений допускают проход современных каботажных судов и речных. Вследствие этого стоимость канала оказалась более значительной, чем у М.А. Данилова, — 179 млн руб., но все же приуменьшенной. Эксплуатационные расходы проектировалось покрыть сбором в 10 руб. с орошенной десятины и с перевозимых грузов (1/200 коп. с пудо-версты).

В 1901 г. инженер Юстус предложил устроить открытый со стороны Дона и шлюзованный со стороны Каспия морской порт, причем стоимость работ исчислял в 150 млн рублей.

В 1909 г. инженеры Ощевский, Крутлик и Кистер и в 1910 г. Бернард получили разрешение на производство изысканий по Манычу, но к таковым не приступили, хотя последним из них был составлен эскизный проект канала глубиной 24 фута стоимостью 208 млн. рублей.

Наконец, в последнее время (1920) группа ставропольских инженеров проектировала подъездной путь от с. Дивного (близ Б. Лимана) по Манычам до Дона для небольших судов.

Из числа проектов, о которых остались лишь некоторые заметки в журнальных статьях, нужно еще упомянуть о проекте В.Д.Менделеева, даровитого, но рано умершего сына Д.И.Менделеева. Задачей проекта было повышение глубины в Азовском море, в связи с устройством Азово-Каспийского водного пути, для чего в Керченском проливе проектировались: плотина для подъема воды в Азовском море на 10 фут. против ordinarily, два судоходных шлюза с глубиной на короле 27 фут. и гидроэлектрическая станция. При этом затоплялось до 6000 кв. верст, главным образом, плавневых земель, отчуждение коих оценивалось в 2 млн руб. Стоимость осуществления проекта без отчуждения земель 7 млн руб. В связи с этим проектом выдвигался еще Перекопский канал и ряд других работ.

Все эти проекты показывают, насколько занимательна и грандиозна идея соединения двух южных морей. Большинство проектов, однако, страдает отсутствием фактических данных для достаточного обоснования проектируемых сооружений, но все они сходятся в одном — в значительной стоимости работ.

Вопросы широкого обводнения интересующего нас края рассматривались другой группой проектов. Так, в 1852 г. кн. Урусовым, а в 1872 г. инж. Агаповым проектировался (последним на основании его изысканий) канал из Кубани в районе ст. Невинномысской по Земзюлке в Егорлык. По последнему проекту, затрагивавшему интересы 18 сел и станиц, канал с расходом воды 0,5 куб. саж. в сек. начинался из Кубани на отметке 155,14 саж. и шел до истока Земзюлки, находящегося в 4 в. от Кубани ниже ст. Николаевской, затем по Земзюлке в р. Егорлык. Стоимость работ при длине канала 63 версты выражалась в сумме около 483 000 руб. Проект этот, затрагивавший интересы 18 селений по Егорлыку, не был утвержден ввиду необследованности самого Егорлыка и опасений заболачивания его в некоторых местах; кроме того, уклон канала (0,0001) считался малым. Затем осуществлению обоих проектов помешали войны 1855 и 1877 годов.

В дальнейшем вопрос этот поднимался в 1901, 1903—1909 гг. и, наконец, в опубликованном инженерами Нырковым и Веселовским эскизном проекте 1913 г. Последние намечали устройство Кубано-Егорлыкского и Терско-Кумского каналов, наличие которых избавило бы этот район от последствий частых засух, а низовья Кубани и Терека от периодических наводнений, и, кроме того, все это предприятие дало бы определенные экономические выгоды. Стоимость первого канала исчислялась в 24 млн руб. при орошении им 411 000 дес., второго 20—21 млн рублей при орошении 183 000 дес.; стоимость 1 куб. саж. воды, доставленной на поля, получилась от 1,5 до 6 коп. Авторами детально был разработан и план финансирования предприятия в форме акционерного общества, причем первый годовой доход его выражался в 6—7% от затраченного капитала.

Другими авторами намечалась схема обводнительного канала в следующем виде: канал выходит из р. Кубани между ст. Невинномысской и Беломе-

четской с расходом в 3 куб. саж. в сек. и через 68 верст поднимается на Кубано-Егорлыкский водораздел. Отсюда он может идти или: 1) по водоразделу Маныч-Азовское море с ответвлениями в существующие русла степных рек, нуждающихся также в обводнении, или 2) ветвями по частным водоразделам.

Главный канал от устья Невинки по главному водоразделу до сел. Средне-Егорлыцкого (315 в.) имел ветви к ст. Прочноокопской, Григориполисской, Соленому озеру и др., общей длиной 370 в.

От главного канала (на 152 версте) ответвлялся Кубанский канал до г. Екатеринодара (175 в.) с ветвями на р. Челбас, Бейсуг, Бейсужек, Кирпили общей длиной 415 верст.

Наконец, на 212 версте по каналу отходил Ейский канал (до Долгой косы — 240 в.), имевший ответвления на Терновку, Тихонькую, Ею, Сосыку, Алабаши, Мичута, Ясени и др., общей длиной 275 верст.

Длина всей сети обводнительных (орошение здесь не везде необходимо) каналов достигала 1790 верст, а площадь обводнения земель 358 000 десятин.

В 1914—15 гг. Отделом земельных улучшений были начаты гидрометрические наблюдения на Кубани и Егорлыке, но последовавшая война вскоре же эти работы прекратила, причем от последних не осталось даже каких-либо материалов.

Характерно, что одновременно с обводнением бассейна Манычей во многих проектах встает вопрос обводнения долины Кумы и так называемых степных рек — Еи, Бейсуга, Челбаса и др., впадающих в Азовское море, также нуждающихся в воде из других бассейнов. Связь их водного хозяйства с водным хозяйством Кубани и Терека еще рельефнее оттеняет упомянутую выше особенность гидрографии Северного Кавказа.

В 1921 г. появилась записка, а затем доклад в Госплане инженера Ф.П.Моргуненкова: “Манычская впадина и ее использование”, в котором автор его подошел к Манычам с точки зрения всестороннего их использования. Предложенная им схема весьма удовлетворительно разрешает вопросы обводнения и орошения с одновременным созданием судоходного пути, использованием гидроэнергии и постановкой рыбоводства, но при этом в основе схемы лежат известные допущения в отношении естественноисторических условий Манычей.

Идея Ф.П.Моргуненкова заключается в устройстве в долине Манычей двух плотин простейшего типа (земляных): 1) восточной на Восточном Маныче в 5 верстах ниже устья р. Чограй, где неширокая долина реки (2 в.) ограничена сравнительно крутыми берегами и откуда начинается быстрое уширение этой долины в виду поворота ее берегов на север и на юг и 2) западной — непосредственно ниже устья Б. Егорлыка, где долина Западного Маныча имеет ширину до 10 верст при средней отметке 10,5—11,5 саж. над уровнем моря.

Первая очередь работ заключается в устройстве восточной плотины с отметкой гребня 12,60 саж., что, при отметке долины реки в этом месте

7,90 саж., дает высоту плотины — 4,70 саж., при объеме земляных работ 63000 куб. саж. Полученное при этом водохранилище, длиною 48 верст с водной площадью 80 кв. верст и вместимостью (до отметки водораздела 11,57 саж.) в 37 млн куб. саж., сможет ежегодно наполняться бассейнами и ливневыми водами р. Калауса, Ирбилю, Чограй и остального бассейна Восточного Маныча, общей площадью 11700 кв. верст. Величина стока принята здесь около 31 куб. саж. с десятины, что вполне возможно, так как на Тингуте, Жеребцовском участке и др. аналогичных районах наблюдается минимальный сток около 30—40 куб.саж. с десятины.

Избыток стекающей с водосбора воды будет переливаться через гребень Манычского водораздела, упомянутый же выше объем водохранилища, за вычетом 7 млн куб. саж. на испарение, всего 30 млн куб. саж., можно затратить на орошение до 60 000 десятин в Калмыцкой степи, по низовьям Маныча, Гайдука и Кумы.

Вторая очередь работ будет заключаться в устройстве западной плотины с гребнем на отметке 14,00 саж. над уровнем моря и повышении восточной до той же отметки. В результате может быть получено огромное озеро-водохранилище между двумя этими плотинами на месте Б.Лимана и др. озер, с горизонтом воды на отметке около 13,00 саж. и слоем воды над Манычским водоразделом около 1,50—2,00 саж. Длина водохранилища около 250 верст, ширина от 1 до 10 верст, глубина от 1,5—2,0 до 10—12 саж. и объем воды около 1,5 млрд куб. саж., при площади водной поверхности около 1000 кв. верст.

Высота западной земляной плотины около 3,5 саж. на протяжении 9 верст и 9,0 саж. на длине около полуверсты; объем земляных работ 304 000 куб.саж. Объем дополнительных земляных работ для повышения восточной плотины 67 000 куб.саж.

Общий объем работ 1—2-й очередей 434 000 куб. саж.; стоимость же устройства всего озера водохранилища с водосливом и укреплением откосов плотины исчислена Моргуnenковым в 2,5 млн зол. рублей.

Питание этого водохранилища обеспечено следующим образом. Бассейн стока и водохранилище имеют площадь 35170 кв. верст. Приняв для западной части бассейна сток в 72 куб. саж. и для восточной 48 куб. саж. с десятины, получим ожидаемый годовой приход воды в водохранилище в 230 млн куб. саж., что при площади водохранилища 1000 кв. верст соответствует слою воды толщиной 0,92 саж. Вычитая отсюда слой испаряющейся воды в 0,35 саж. =745 мм, т.е. несколько менее, чем в Каспийском море, получаем остающийся слой 0,57 саж., соответствующий объему воды в 142, 5 млн куб. саж., который может быть использован для орошения, судоходства и др. целей.

Использование Манычского озера-водохранилища намечено Моргуnenковым путем устройства двух судоходно-ирригационных каналов: от запад-

* В настоящее время Кубань впадает целиком уже в Азовское море, а старое русло занесено песком и илом.

ной плотины до р. Дон длиной 135 и от восточной до Каспийского моря — 190 верст.

Оба начинаются на отметке ниже на 2 саж., чем отметка водохранилища, и затем западный следует по возвышенному правому берегу долины Маныч, с небольшим уклоном и лестницей судоходных шлюзов у ст. Богаевской, а восточный канал общим падением 25,8 саж. направляется примерно по трассе Лохтина и Артемова, или даже южнее ее, к Каспийскому морю, причем часть падения приходится на уклон канала, остальное преодолевается шлюзами.

Западный канал командует над площадью 200 000 дес., из коих половина будет орошаться из канала, на что требуется 50 млн куб. саж. воды. Восточный сможет оросить также 100 000 десятин с затратой 60 млн куб. саж. воды. Остальное количество воды 30,5 млн куб. саж. должно пойти на покрытие потерь в каналах, на просачивание и испарение, а также на шлюзование судов при навигации в течение 250 дней.

Стоимость осуществления этой схемы достигает 45 млн руб. при количестве земляных работ около 5 млн куб. саж. В результате получается дешевый водный путь длиной 575 в., из коих каналов 325 верст, допускающих проход самых больших морских судов, для чего потребуются лишь увеличение поперечных сечений каналов и размеров шлюзов, ибо водохранилище не нуждается в каких-либо дополнительных работах. Вопрос питания водохранилища и каналов разрешается просто, не требуя особых питательных каналов или машинной перекачки и вполне обеспечивая его водами своего же бассейна, что выгодно отличает эту схему от других судоходных проектов, ибо эксплуатационные расходы будут сравнительно незначительны. Кроме того, одновременно получается возможность орошения до 200 000 десятин.

Третья очередь работ представляет собою дальнейшее развитие схемы путем привлечения вод рек Сала (дополнительное орошение 180 000—200 000 десятин) и Кубани. Последнее может быть достигнуто путем устройства канала длиной 4 версты из Кубани в Челбас у ст. Темижбекской на отметке около 45,0 саж. над уровнем моря, т.е. много ниже, чем в проекте Данилова и других. Далее канал следует по Челбасу (12 в.) и через перевал в долину р. Калалы, левый приток р. Б.Егорлыка, а по последнему в Манычское озеро — водохранилище. Общая длина трассы по этому направлению равна 246 верст (вместо 395 в. у Данилова).

Годовое количество воды, которое будет передано в Манычский бассейн, исчисляется Моргуnenковым в 730 млн куб саж., т.е. около половины всего годового расхода Кубани. Забирая воду во время ее избытка в Кубани (паводки, зимние расходы), одновременно можно избавиться от постоянных наводнений громадные площади низовых земель — плавней.

Подсчетами, аналогичным предыдущим, Моргуnenков определяет, что из общего количества годового прихода воды в водохранилище — 960 млн куб.

саж. — 792 млн куб. саж. может быть затрачено на орошение 1 300 000 десятин земли в Калмыцкой степи, при одновременном орошении 100 000 дес. на Западном Маньчжэй и удовлетворении всех нужд судоходства, которое в этом случае, при условии шлюзования Кубани, возможно будет из Каспийского как в Азовское, так и в Черное море по системе каналов, рек (Кубани) и озера-водохранилища общей длиной 1241 верста. Помимо этого, на восточном канале может быть реализовано гидроэлектрической энергии до 50 000 НР и на Кубано-Егорлыкском до 28 000 НР, всего 78 000 НР и, кроме того, возможно развитие рыбного промысла на водохранилище и каналах с производительностью до 1 млн пуд. рыбы в год.

К достоинствам этой схемы надо отнести простоту решения вопроса, относительную дешевизну и чрезвычайную гибкость, допускающую постепенное ее осуществление в зависимости от наличия средств, причем в каждый из моментов ее осуществления она будет, по-видимому, рентабельной.

Яик — золотое дно

А.А. Чибилев

Сия река за самую рыбнейшую в государстве почитается.

В.Н. Татищев

МОНОПОЛИЯ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Яик издавна славился своими рыбными богатствами. Еще в Средневековье отправлялись сюда на лов рыбы русские люди. Организованный рыбный промысел на реке существует с XVIII века. Поначалу казачий промысел сосредоточивался в районе Яицкого городка. В низовьях же, близ Гурьева, астраханскими рыбопромышленниками был устроен учуг. Он представлял собой бревенчатый перебой поперек всей реки. Первоначально в учуге были с обеих сторон открыты ворота шириной от 6 до 8 сажен, но впоследствии он стал сплошным. Рыба из моря в реку могла проходить только боковыми руслами-рукавами. По преданиям, сохранившимся среди казаков, рыба напирала на учуг так, что ее вынуждены были разгонять пушками.

Гурьевский учуг стал причиной частых споров и ссор между яицкими казаками и астраханскими рыбопромышленниками. В 1743 г. по настойчивым требованиям яицких казаков издается указ, по которому Гурьевский учуг был окончательно уничтожен, а Яицкое войско получило право владения всеми рыбными угодьями от Яицкого городка, позднее переименованного в Уральск, до Гурьева. Нужно сказать, что у Уральска на лето и осень устраивался свой учуг, который не давал уйти красной рыбе вверх по течению за пределы казачьих владений. Он просуществовал до 1918 года.

Постепенно на Яике сложилась совершенно своеобразная система рыболовства. Уже в XVIII веке по добыче рыбы казачья река была на одном из первых мест в России. “Рыбная ловля, — писал П.С.Паллас, — нигде в России столь хорошо не распорядена и законами не ограничена, как в здешнем месте”. Система казачьего рыболовства была введена еще первым оренбургским

губернатором И.И.Неплюевым и представляла собой строго организованное рыбное хозяйство. Она была рассчитана на то, чтобы поставить всех участников лова в одинаковые условия. Законы казацкого рыболовства позволяли выловить рыбу из определенного района реки с наименьшими затратами труда и времени и в нужный период года, когда рыба и ее продукция ценились дороже.

Лов рыбы на Яике в середине XVIII века производился четыре раза в году. Первый лов приходился на весну. Обычно он начинался в середине апреля после растопления льда, а заканчивался в июне. Это была так называемая весенняя плавня, когда казаки ловили плавными сетями с лодок севрюгу. Крупных осетровых — белугу, осетра и шипа, попавших в сети, выпускали обратно в реку.

Второй лов — осенняя плавня — начинался примерно 1 октября и длился недели четыре. Затем с конца ноября и до середины декабря велся лов речной рыбы неводами для домашнего пользования.

С 1 января до конца февраля происходил самый важный лов — багренье, когда баграми на ятовях (зимовальных ямах) ловили осетра и белугу. Багренье начиналось в назначенный день, когда все служащие и получающие жалованье казаки собирались к войсковой канцелярии на лошадях, запряженных в сани. Сигналом к началу багренья служил выстрел из пушки, после которого все казачество устремлялось к реке. Каждый делал столько прорубей и багрил столько, сколько мог, не используя наемных работников. Для багренья применялся длинный шест с острым крюком. С его помощью огромные рыбины накалывались и вытаскивались на лед. Багренье длилось иногда до месяца, и, как отмечал Рычков, один казак мог выбагрить около 40—50 осетров и белуг.

Выловленная рыба — свежемороженая зимой и соленая весной и летом, а также приготовленные из нее икра и клей в огромном количестве отправлялись в Москву и другие российские города. Особенно большой наезд купцов был к багренью, когда только что пойманная рыба продавалась здесь же на льду.

В середине XIX века в России назрела необходимость разработки единого рыболовного законодательства. Сбором материала по рыбному хозяйству занялся академик К.М.Бэр. В 1853—1856 гг. он подробно изучает рыбные ресурсы Каспия и впадающих в него рек. Бэр изучил экологию основных промысловых видов рыб Урало-Каспия, проследил их нерестовый ход, места нереста и зимовки. Он установил причины падения уловов на промыслах — уничтожение молодежи, перелов, закрытие доступа производителей к нерестилищам, и разработал рекомендации по рациональному ведению рыбного хозяйства. Тогда же по его предложениям были сформулированы основные принципы охраны осетровых рыб в бассейне реки Урала и поддержания их высокой численности.

Совместно с К.М.Бэром работал Н.Я.Данилевский, который не только обследовал дельту Урала, но и поднялся вверх по Уралу до Оренбурга. На ос-

новании этих исследований Данилевский пришел к печальному выводу: “Урал составляет как бы громадный вентерь, крылья которого — прибрежья моря и ряды сетей вдоль бакенных линий. Что в тот вентерь вошло, уже почти не возвращается, а составляет верную добычу казаков...”

Характерными особенностями казачьего рыболовства Данилевский считал стремление вылавливать максимальное количество рыбы в реке два раза в году, причем самыми дешевыми способами и с запретом летнего лова. Вместе с тем он высоко ценил организованность, дисциплину рыболовства на Урале и справедливое распределение добычи среди ловцов.

В 1860—1862 гг. реку Урал изучает Н.А.Северцов. Результаты своих исследований он излагает в статье “Жизнь красной рыбы в уральских водах и ее значение для порядка уральских рыболовов”. В ней Северцов подробно описал весеннюю севрюжью плавню 1861 г. Казачье войско в ожидании большого хода рыбы пришло в этот год под Гурьев 15 апреля. На отрезке около 70 км находилось 182 рыбацкие будары. К 20 апреля “севрюжники” заняли фронт до 100 км. Начался лов севрюги, шедшей в тот год большими, как и в былые годы, косяками. “В Тополинском (156 км от Гурьева. — А. Ч.), — пишет Северцов, — еще были хорошие заловы...; в Кулагинской (225 км) далеко не всякому казаку попадалось по севрюге в день; в Горской (278 км) на всю крепость ловилось от одной до трех севрюг в сутки...; в Калмыковской (345 км) севрюги были большой редкостью, а выше никто их не видал”. Таким образом, все нерестовое стадо севрюги было уничтожено на самом нижнем плесе реки. Используя свои наблюдения, Северцов разработал правила, предусматривающие такие ограничения, при которых часть севрюжьего стада благополучно проходила бы к местам нереста.

В 1894 г. на основании “Положения о технике рыболовства в Уральском казачьем войске” была впервые в России утверждена должность войскового техника рыболовства. На нее назначается уже известный к тому времени ихтиолог-исследователь Н.А.Бородин. Еще в 1884 г. Бородин начал на Урале работы по искусственному разведению севрюги, а в 1891 г. он провел успешно опыты по оплодотворению икры осетра. Им же впервые был описан редкий для Урала вид — осетр персидский.

В Уральске Бородин создает ихтиологическую лабораторию и впервые собирает коллекцию всех уральских рыб. Бородин решительно выступал против аханного рыболовства близ устья Урала, которое, по его мнению, приводило к значительному вылову молодых осетровых. Этот вид рыболовства приобрел широкий размах во второй половине XIX века. Для него использовались переметные сети из толстой пеньковой пряжи, которые опускались под лед. Аханый лов продолжался с конца декабря по 1 марта. Казаки шли на этот очень опасный промысел по морскому льду с санками иногда за 30—50 км от берега и выставляли сети у самых краин льда, где ловля была наиболее прибыльна.

По данным Бородина, в аханном рыболовстве участвовало 30—40 семей крупных предпринимателей, которые использовали также наемных казаков. При содействии Бородина в 1895 г. аханное рыболовство было запрещено. Вместо него был разрешен лов распорными неводами, которые сохраняли молодь осетровых. Нововведение позволило лично участвовать в лове 5—6 тысячам казаков.

Н.А.Бородин вел разностороннюю деятельность по улучшению рыболовства на Урале. В частности, в 1894—1898 гг. он организовал спасение молоди сазана и других рыб, массами погибшей в пойменных озерах и баклушах.

В дореволюционном промысле на Урале было три основных отрицательных фактора. Первый из них — зимнее багренье на зимовках осетровых, в результате которого сильно истощались запасы озимой расы осетра и белуги. Второй — весенняя плавня, которая сказывалась на воспроизводстве севрюги, поскольку вылавливались производители, идущие на нерест. Третий — аханый лов молодой осетровых в море, который периодически возобновлялся после запрета.

В то же время в организации казачьего промысла на Урале было немало положительных моментов, заслуживающих внимания. Примечательно, например, что законы общественной рыбной ловли создавались самими ловцами. Поскольку они были хозяевами своих рыболовных угодий, этих законов придерживался каждый член рыболовецкого коллектива.

Правила рыболовства на Урале вырабатывались на основе длительного опыта и содержали очень важные требования, необходимые для сохранения рыбных богатств. Например, во время весеннего лова севрюги все другие виды осетровых, полавшие в сети, выбрасывались обратно в воду, так как считалось, что их выгодней вылавливать зимой. Причем каждый участник рыбной ловли следил за соблюдением этого правила, виновник же строго наказывался.

О значении рыболовства в жизни уральского казачества очень образно писал Н.А.Бородин: «Как земледелие, питающее большую часть населения России, является в глазах простолюдина не простым занятием, а летом священным и окружается особым поэтическим ореолом, так и рыболовство у уральских казаков, представляя доселе любимый промысел населения, имеет свою поэзию: почти во всех местных бытовых песнях неизменно фигурирует “Якушка — сын Горынович с золотым доньшком, серебряными краишками”, заменяющий здесь “мать-сыру землю”».

В конце XIX века существенное влияние на численность осетровых в Урале стал оказывать морской промысел. Если при речном лове вылавливались только взрослые особи, то при морском промысле непрерывно стало истощаться все каспийское стадо осетровых, в том числе и молодь. Масштабы морского промысла быстро нарастали, и к 1912—1913 гг. вследствие перелова резко уменьшились уловы. Начавшаяся Первая мировая война привела к

снижению интенсивности морского промысла, что способствовало восстановлению запасов осетровых в Каспии.

В начале 30-х годов морской промысел снова получает широкое развитие. Общая протяженность самоловной снасти, применявшейся в Каспийском море, в те годы достигла 7—8 тыс. км, а длина аханых сетей превысила 10 тыс. км! В течение большей части года районы нагула и миграционные пути осетровых были перегорожены сплошными завесами самоловных крючьев и аханов.

В конце 30-х годов вследствие истощения осетровых их морской лов был прекращен. Но на рубеже 50—60-х годов получил развитие промысловый лов полупроходных рыб капроновыми сетями, в которых запутывалось и погибало огромное количество молоди осетровых.

С середины 60-х годов на Урало-Каспии стал внедряться биологически обоснованный режим рыболовства. Он предусматривает полное прекращение вылова проходных и полупроходных рыб в море и в его приуральской части. Промысловый лов осетровых был сосредоточен на нескольких тонях в районе Гурьева. Это позволило довести уловы осетровых в Урале до 100 тыс. ц в год, что составило более одной трети мировых уловов этой ценной рыбы. Для сравнения можно отметить, что в начале XIX века в Урале вылавливалось 150 тыс. ц осетровых, в начале 30-х годов — 50, в середине 60-х годов — лишь 20 тыс. ц.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что за прошедшие два с лишним столетия организованного рыбного промысла Урал не потерял своего значения в воспроизводстве осетровых. Напротив, после зарегулирования реки Волги резко возрос его удельный вес в осетровом хозяйстве всего Каспийского бассейна.

ДЕЛЬТА И ВЗМОРЬЕ

Дельта Урала начинается у поселка Зеленый, более чем за 170 км до современного устья реки. Ее ширина постепенно увеличивается от 10—15 км у Зеленого до 60 км в устье. До города Гурьева уральская дельта имеет вид обычной речной долины. Здесь отделяются от русла оттоки Нарынка и Баксай, наполняющиеся водами Урала лишь в многоводные годы. Вдоль реки, так же как и в нижнем течении, следует прирусловая пойма шириной от 0,5 до 3 км, высота ее над меженным уровнем реки постепенно снижается и составляет от 6—7 м у поселка Тополи до 2 м у поселка Кандауровка, расположенных соответственно за 156 и 24 км до Гурьева.

Верхняя и средняя дельта, расположенные выше Гурьева, заняты в основном заливными лугами. По низким местам распространены тростниковые и клубнекамышовые заросли. Широкие понижения и ложины покрыты засо-

ленными болотистыми лугами. На небольших гривах и их склонах развиты слабозасоленные вейниковые, солодковые и пырейные луга. Самые высокие гривы верхней дельты, сложенные слоистыми толщами слюдястых песков с прослойками сизовато-бурых глин и суглинков, покрыты полынью, эстрагоном, вейником, еркеком. Здесь же сохранились заросли тамариска и небольшие колки ветел.

Чем ближе к Гурьеву, тем оживленнее выглядят берега Урала. Начинаются сплошные огородно-бахчевые плантации, плодовые сады, лесные питомники, дачи. Пляжи и мелководья заняты отдыхающим домашним скотом. Покачивая горбами, шествуют вдоль Урала верблюды. Сотни мелких, десятки крупных труб и наконец мощные водозаборные станции магистральных каналов жадно пьют уральскую воду.

Гурьев... Река одевается в бетон, она широко и привольно проходит по городу, омывая городские яры. Красивый автомобильный мост — последний на реке — перекинут через Урал.

Нижняя дельта Урала начинается сразу за Гурьевом после ответвления левого рукава Перетаска. За ним отделяются рукава Бухарка и Яицкий. Яицкий рукав делится на систему протоков, а сам, углубленный в виде канала, выходит в море через Атаманский Култук. Главным руслом Урала считается Золотой рукав, переходящий в прямолинейный судоходный канал, который постоянно искусственно углубляется. Золотой рукав идет посередине косы, далеко выдвинутой в море. Около 20 рукотворных протоков, или узковок, ответвляется от него вправо и влево, соединяясь с морем.

Но вся эта система рукавов, проток и узковок действует в половодье. А летом сток Урала в море осуществляется только по двум рукавам. Более 200 лет назад Паллас указал для дельты Урала 49 рукавов и множество протоков. Со времен Палласа в устье Урала произошли большие изменения. Дельта продвинулась в море почти на 30 км.

Для уральской дельты характерен очень неустойчивый уроченный режим. Он объясняется многолетними и сезонными колебаниями уровня Каспийского моря. В течение года уровень воды в устье Урала может изменяться на 4 м.

Особенно интересны и хорошо наблюдаются сгонно-нагонные колебания. Нагоны случаются при южных ветрах (морянах), которые поворачивают течение Урала вспять. В период сгона обсыхают мелководья Каспия, обнажаются островки, сплошь устланные ракушечником.

Площадь нижней уральской дельты (авандельты), по последним данным, около 70 тыс. га. В ее состав входит и полуостров Пешной, который вдается далеко в море.

Вся дельта окаймлена камышово-тростниковыми зарослями. Они сплошной стеной стоят вдоль рукавов и узковок. Суша, недавно вышедшая из-под моря, интенсивно покрывается солелюбивой растительностью. Быстро появляется здесь поросль тамариска.

На мелководных побережьях дельты, где особенно активны сгонно-нагонные явления, образуется своеобразная полоса чистейшего песчаного мелководья и белоснежного ракушечника. До чего же прекрасны эти лучезарные пляжики на Урало-Каспийском взморье, только что, день-два, а может, час назад освободившиеся из-под морских волн! Море ушло на 100—120 м назад, оставив после себя чудесную полосу суши. Здесь еще не ступала нога человека.

Ракушечники взморья занимают не только прибрежные зоны, но и ближайšie острова, так называемые Шалыги. Являясь ценнейшим продуктом для животноводства и сырьем для комбикормовой промышленности, ракушечники интенсивно разрабатываются. Но некоторые из них, расположенные в придельтовой зоне, сохраняются как памятники природы. Их сохранность необходима для поддержания благоприятной экологической обстановки на Урало-Каспийском взморье.

Придельтовые мелководья Каспия опресняются Уралом. Они представляют собой уникальный “детский сад” для рыбьей мелочи. Река приносит сюда огромное количество плодородного ила. Благодаря этому здесь буйно разрастаются тростниково-рогозовые джунгли, которые выдвинуты далеко в море. В хорошо прогреваемых слоях воды развиваются подводные заросли из валлиснерии и других водных растений. Здесь водится неисчислимое множество лягушек, молоди рыб, личинок насекомых и моллюсков, служащих пищей для богатейшей фауны рыб и птиц.

В разные сезоны года в устье Урала скапливаются огромные полчища полупроходных (лещ, сазан, судак, жерех, вобла) и проходных (осетровые) рыб. Уральское взморье привлекает к себе потребителей рыбного корма — птиц-ихтиофагов. На многочисленных ракушечных и песчаных островах, удаленных от берега, находят себе места для гнездования чайки, чегравы, черноголовые хохотуны, речные и черноносые крачки. Они тысячами собираются на предустьевых участках моря, где концентрируются во время своих сезонных миграций стада рыб. В дельтовых тростниковых крепях к чайкам и крачкам, охотящимся за рыбой с воздуха, присоединяются обыкновенный и малый бакланы, кудрявый и розовый пеликаны, кваква и разные виды цапель. У всех этих птиц свои приемы рыбной ловли. Бакланы охотятся, ныряя под воду, и хватают даже крупных (весом 600—700 г) и быстрых рыб. Пеликаны высматривают рыбу, плавая в местах ее хода, а иногда, рассыпаясь цепью, загоняют рыбу в узкие заливы или прижимают ее к тростникам. Они поддевают крупных рыб своим огромным клювом, как сачком. Цапли подкарауливают рыбу, неподвижно стоя на мелководье и внимательно всматриваясь в воду. Точным и быстрым ударом острого клюва они оглушают рыбу, а затем выхватывают ее из воды.

На приуральских мелководьях можно наблюдать и объединенные охоты, которые устраивают птицы-ихтиофаги. Бакланы, ныряя, плотным строем гонят рыбу под водой. Пеликаны преследуют рыбу, хлопая крыльями, а чайки, с криком пикируя к воде, атакуют рыбу с воздуха.

Второй особенностью орнитофауны Урало-Каспийского взморья является сосредоточение здесь огромного количества уток, гусей, лебедей и розовых фламинго в период линьки. На мелководьях Северного Каспия, к востоку от устья Урала, птицы, потерявшие способность летать, находят места, изобилующие кормом и защищенные от четвероногих хищников. На массовые скопления линяющих лебедей и фламинго обратил внимание первый исследователь северо-восточного Каспия Г.С.Карелин, который в 30-х годах прошлого столетия совершил здесь несколько морских путешествий.

В придельтной зоне Каспия гнездятся многие редкие виды птиц: каравайка, колпица, большая и малая белые цапли, желтая и красная цапли, кваква, розовый и кудрявый пеликаны, мраморный чирок. Один только этот список убеждает в необходимости создания здесь птичьего заказника.

Завершая рассказ о животном мире уральского взморья и дельты, упомянем о нерпе — каспийском тюлене — эндемике Каспийского моря. Тюлень остался здесь с тех времен, когда Каспий был частью огромного водоема, соединявшегося с Северным Ледовитым океаном. Летом тюлени проводят в глубоководной части моря. Но некоторые из них, испытывая недостаток в пище, заходят в дельту Урала. Были случаи, когда тюлени поднимались по реке до Сарайчика, находящегося в 70 км выше Гурьева, и там зимовали, поддерживая всю зиму открытыми продушины во льду.

Осенью десятки тысяч упитанных морских зверей перекочевывают в северную опресненную воду Каспия, в район так называемой Гурьевской бороздины. На подвижных льдинах у каспийских тюленей, так же как и у их северных собратьев, происходит щенка. Самки рожают одного-двух детенышей, покрытых густой мягкой белой шерстью, за что их называют бельками.

Тюлени являются неотъемлемой частью экологической системы уральской дельты. Издавна ведется промысел этого ценного морского зверя. Тюлений жир, мех и кожи представляют собой важную продукцию Гурьевского зверобойного промысла.

Таковы в общих чертах природные особенности долины Урала на его долгом пути от горно-лесных предгорий до пустынно-соленого Каспия. Живой ток Урала и его притоков и, в особенности, волна весеннего половодья объединяют всю эту территорию в единую экологическую систему.

Каракумский канал

М.И.Павлов

Не томись, не смотри так угрюмо!
Мы развеяли душную тьму.
Пересохшую грудь Каракумов
Вновь наполнишь ты жизнью, Аму.
Рахмет Сеидов. "Сон Аму"

Стремительно несет свои мутные воды Амударья от вечных ледников Памира и Гиндукуша до Аральского моря.

Общая длина Амударьи от истоков до Аральского моря 2540 км. Значительная часть ее называется Пяндж, что значит "Пятиречье". По Пянджу проходит государственная граница с Афганистаном. Название Амударья присвоено реке только после слияния с Вахшем.

Амударья принимает в себя несколько притоков. Среди них реки: Памир, вытекающая из высокогорного озера Зоркуль, расположенного на высоте 4125 м, Гунт, Бартанг, Ванч, Кызылсу, Кафирниган, Сурхандарья и другие горные реки.

Постепенно накапливаются силы этой реки в едином потоке стремительных вод Пянджа — Амударьи. По водным запасам Амударья в четыре раза больше Сырдарьи.

Свыше 400 крупных ледников, в том числе знаменитый ледник Федченко длиной 77 км, находятся в бассейне этой реки.

Общая площадь активного водосбора Амударьи составляет 217 тыс. кв. км, что примерно равняется территории Великобритании.

В верховьях река течет в труднодоступных скалистых ущельях, по которым она несет стремительно и бурно, причем даже после выхода из гор уклон русла реки превышает падение Волги в десять раз.

Питаясь снегами и ледниками высокогорных районов, река имеет продолжительный весенне-летний паводок. Он начинается обычно с выпадением весенних дождей в горах. Горизонт реки начинает постепенно повышаться уже со второй половины марта, а с повышением температуры и усиленным таянием снега в горах уровень воды в реке резко поднимается. Паводковая

вода держится примерно до августа, когда понижение температуры в горах замедляет таяние снега и льда и уровень воды Амударьи заметно падает.

Летом река разливается широко, становится наиболее полноводной и стремительной. Если в зимние месяцы в районе Керки в секунду проходит 680—1070 куб. м воды, то в июне 3390 куб. м. Были годы, когда июньский расход составлял до 8420 м³.

Скорость течения Амударьи в межень около 1,5 м/сек, а в половодье до 3 м/сек.

Нередко бывают случаи, когда в разгар летнего паводка пароход при полных оборотах машины, плывя против течения, почти останавливается на месте — настолько велика скорость течения.

Стремительное течение реки обладает большой разрушительной силой. Известны случаи, когда Амударья разрушала берег на глубину до 10 м за 6 минут.

Бывшая столица Каракалпакии, город Турткуль, в свое время стояла в нескольких километрах от Амударьи. В разгар одного из летних паводков река вплотную подошла к городу и размыва берег настолько, что рухнуло в воду несколько улиц. В другой раз Амударья снова размыва 500 м городской территории. Столица республики в результате была перенесена на другое место — во вновь созданный город Нукус.

Побывайте летом на берегах реки, и вы увидите, как стремительно мчится мутный, шоколадного света поток воды, нередко срезая, словно ножом, глыбы земли.

Борьба с дегишем (разрушением берегов) и с затоплением отнимала всегда много сил у населения прибрежных районов. В низовьях потребовалось сооружение огромных дамб, которые тянутся на сотни километров вдоль берегов Амударьи. Но в сильные паводки не всегда помогают и дамбы.

При самых высоких горизонтах воды происходят серьезные изменения русла реки. Неожиданно возникают мели там, где их совсем не было. За несколько часов смываются целые острова.

После прохода паводка русло Амударьи становится неузнаваемым. Там, где были большие глубины, появляются острова или мели, создаются новые протоки, или рукава (арны).

Амударья относится к разряду блуждающих рек. Ее русло крайне неустойчиво; оно часто меняет направление, блуждает в пределах поймы, созданной из собственных наносов реки.

В основном русло реки проходит в легких грунтах, которые не могут противостоят стремительному течению. Отсюда размывы и разрушения берегов.

Серьезную опасность для колхозных полей и населенных пунктов представляют ледяные зажоры. Амударья замерзает преимущественно в низовьях, начиная от Дарганата. Зимой нередко наблюдается скопление шуги на перекатах и в узких местах. Это поднимает уровень воды, и река иногда выходит

из берегов, разрушает береговые сооружения (дамбы), смывает посевы, наносит большой урон прибрежным колхозам.

Туркменский, узбекский и каракалпакский народы ведут постоянную и напряженную борьбу с беспокойной Амударьей. Они укрепляют ее берега дамбами, которые протянулись на сотни километров как мощный редут обороны. Общая длина защитных дамб, ограждающих оазисные земли от затопления, достигает в низовьях реки 700 км. Часто дамбы идут в две линии. При высоких горизонтах воды с апреля по август на дамбах устанавливаются специальные караульные посты.

Несмотря на трудности плавания по Амударье, она еще со времен глубокой древности использовалась для судоходства. По ней когда-то проходил древний торговый путь из Индии в Европу.

Плиний писал, что во времена Помпея было известно, что за семь дней добирались от Инока до Бактрианы на берегу реки Икар, впадающей в Оксус*, и что индийские товары перевозились отсюда к Каспийскому морю и дальше на запад.

Население, проживавшее в бассейне Амударьи, приспособлялось к реке, вырабатывало из поколения в поколение свои приемы и способы ее транспортного освоения. Даже переправы через бурную реку имели свои специфические особенности.

На Амударье есть места, где она значительно суживается, образуя теснины, в которых скорость течения увеличивается и возникают опасные водовороты. Одна из таких теснин носит название Дульдуйль-Атлаган. Легенда говорит о том, что в этом месте через Амударью перепрыгнула мифическая лошадь Дульдуйль. В старину лошади действительно использовались на переправах через Амударью. В районе Келифа, например, переправлялись на каюках, которые тянулись пловущей лошадейю.

В горной части, где Амударья бурно несется в глубоких ущельях и переправы очень опасны, местные жители пользовались для переправ бараньими шкурами, надутыми воздухом, — гупсарями.

В равнинной части Амударьи широкое распространение получили так называемые кимэ — большие плоскдонные лодки, отлично приспособленные для плавания по этой бурной реке. Кимэ были разной грузоподъемности. Наиболее крупные могли поднимать до 4 тыс. пудов груза.

На некоторых кимэ устанавливались паруса, но и гребцы и паруса были бессильны, когда приходилось плыть против течения. В этих случаях кимэ тянули бечевой с берега. За сутки удавалось пройти всего 20—30 верст. Вниз по течению реки кимэ могли двигаться со скоростью до 70 верст в сутки. Если погода была неблагоприятная и дул сильный ветер, кимэ останавливались во избежание заливания бортов водой. Часто практиковалось наращивание бор-

* Древнее название Амударьи.

тов фашинами (пучками хвороста). Все это не мешало перевозить на кимэ, по данным 80-х годов прошлого столетия, значительное количество грузов — до 3 млн пудов в год.

Первые пароходы на Амударье появились в 1888 году, после присоединения Туркестана к России. Однако изменчивость фарватера, совершенно не изученные особенности реки, большое количество островов, мелей и перекаатов приводили к тому, что пароходы двигались как бы ощупью. Отсутствовали необходимые путевые знаки, не было опытных судоводителей, не имелось материалов, характеризующих режим Амударьи, и т.д. Только несколько лет спустя постепенно наладилось сообщение. Однако паровой флот долго не мог выдержать конкуренции с кимэ. Обычно пароходы плавали только днем, останавливаясь на ночь в определенных местах. На мели садились по несколько раз в день, часты были аварии. В результате расходы на содержание флота значительно превышали доходы от эксплуатации.

В подтверждение можно привести такие цифры: в 1908 году Амударьинское пароходство выручило за перевозку грузов и пассажиров 161 тыс. руб., а израсходовало на содержание флота 443 тыс. руб. Убытки составили больше 280 тыс. руб.

Только в советские годы на Амударье развернулись грузовые перевозки в больших масштабах. В настоящее время Амударья является важной по своему народнохозяйственному значению водной магистралью Средней Азии. Она обслуживает нужды трех республик: Таджикистана, Узбекистана и Туркмении.

С каждым годом увеличивается поток грузов, перевозимых по Амударье. Здесь широко применяется механизация погрузочно-разгрузочных работ. Своя судоремонтная база в Чарджоу обеспечивает высококачественный ремонт судов. Выросли прекрасные кадры судоводителей, умело преодолевающих трудности плавания по Амударье.

Амударья имеет еще одну примечательную особенность. Стремительное и сильное течение реки и ее притоков разрушает горные породы, отрывая мельчайшие частицы и увлекая их за собой, затем откладывая их в виде наносов в среднем и нижнем течениях.

За один год Амударья проносит 250 млн куб. м земли. Количество наносов не всегда одинаково.

По количеству взвешенного ила в воде Амударья занимает одно из первых мест среди рек мира: Амударья — 3200 г на 1 куб. м воды, Инд — 2500, Ганг — 1980, Сырдарья — 1920, Нил — 800, Миссисипи — 630, Волга — 120.

Особенно много наносов Амударья откладывает в своей дельте, которая представляет собой лабиринт старых русел, озер, заводей, заболоченных и засоленных земель. Ее протяженность 384 км.

Общее количество наносов, отлагаемых в дельте, равняется 150 млн куб. м в год. Происходит заметное повышение дна реки в среднем на 2—6 см в год.

В результате во время паводков вода быстро выступает из естественных берегов, затопляя большую площадь.

Амударьинские наносы сильно вредят оросительным системам, затрудняют подачу воды, требуют ежегодной очистки каналов.

В Туркмении объем очистки оросительных систем значительно выше, чем в других республиках нашей страны, имеющих поливные земли. Если разделить количество извлекаемых наносов на орошаемую площадь, то получится, что в Азербайджане приходится 8 куб. м на каждый гектар, в Таджикистане 12, в Узбекистане 17, а в Туркмении 50 куб. м. Только в районах, расположенных в бассейне Амударьи, ежегодно удаляется из оросительной сети до 30 млн куб. м земли. Обычно перед головными сооружениями каналов оседает прежде всего песок (около 54% всех наносов). Ниже головных сооружений процент песка уменьшается, но зато резко возрастает количество супеси, составляя до 60 процентов наносов. Минеральные вещества, взвешенные в воде, проходят дальше и беспрепятственно попадают на поля, удобряя земли.

Таким образом, наносы Амударьи приносят не только вред, но и пользу. Амударья является своеобразной фабрикой минеральных удобрений. Ее воды и увлажняют, и удобряют поливные земли известью, калием, фосфором. Знаменитая африканская река Нил, которая очень богата наносами, создала плодородие Нильской долины. Но воды Амударьи содержат больше питательных веществ, чем воды Нила, извести в два раза, а калия в четыре раза больше.

Вековой непрерывный процесс отложения ила сыграл свою роль в создании почв в зоне влияния реки.

Долина Амударьи имеет ширину от 10 до 25 км, включая русло реки. Наиболее пониженные части долины по обоим берегам современного русла заняты влажнолуговыми и луговосолончаковыми почвами на тонкослоистых аллювиальных отложениях. На глубине 30—100 см начинается серый речной песок, а на глубине 1—2 м залегают грунтовые воды. На большей части песчаные отложения в долине реки с поверхности прикрыты тяжелыми по механическому составу слоистыми аллювиальными и ирригационными наносами, мощность которых колеблется от 2—4 до 6 м. Эти почвы — типичные сероземы.

Советским ученым на основе многолетних исследований удалось заглянуть и в далекое прошлое песчаной пустыни, раскрыть многие загадки, которые помогают лучше познать природу Каракумов.

Установлено, что минералогический состав песков Каракумов и горных пород Памира, откуда течет Амударья, одинаков. Следовательно, песчано-глинистые отложения пустыни являются продуктом разрушения горных пород. Это позволило сделать вывод, что образование пустыни связано с деятельностью древней реки Амударьи.

Было время (в ледниковую эпоху), когда бурная и стремительная прамударья пересекала территорию нынешних Каракумов и впадала в Каспийское море. На протяжении длительного периода, измеряемого многими

тысячами лет, река разрушала горные породы Памира и Алая, загромождая русло наносами. Накопление песчано-глинистых отложений заставляло менять направление течения воды. Река часто перемещалась, блуждала по территории теперешних Каракумов, усиленно откладывая наносы. Накопление наносов и тектонические изменения земной коры изменили направление течения Амударьи. Река ушла от Каспийского моря, повернула в сторону Сарыкамышской впадины и Аральского моря. Это произошло во второй половине четвертичного периода геологической истории Земли. Пространства, где раньше текла древняя Амударья, постепенно превращались в пустыню. Ветер, развеивая рыхлые песчаные отложения, довершал то, что сделала река.

За многие тысячелетия возник специфический рельеф пустыни Каракумы.

Многие песчаные массивы за длительное время покрылись песчаной осолой (илаком) и другими травами, а также кустарниками — саксаулом, кандымом, черкезом.

О том, что древняя Амударья когда-то текла не на север, в Аральское море, а на запад, в сторону Каспийского моря, и пересекала всю пустыню Каракумы, имеются и другие доказательства.

Взгляните на карту. В ряде мест от Амударьи на запад протянулись тонкие извилистые пунктирные линии, идущие в общем направлении к Каспийскому морю. Одна линия пересекает центральные Каракумы. Это Унгузские впадины. Их мог создать только мощный поток воды древней Амударьи эпохи ледникового периода.

Впадины Унгуза, или котловины, различны по своим размерам — от нескольких сот метров до 15—20 км. Друг от друга они отделяются высокими перемычками, достигающими высоты иногда 40 м при длине в 2 км.

В юго-восточных Каракумах сохранилось староречье притока Амударьи — реки Балх, или Келифского Узбоя. Цепь впадин тянется с территории Афганистана в глубину Каракумов, они довольно близко подходят одна к другой, причем имеется немало и боковых впадин; затем расстояния между впадинами увеличиваются и направление их становится неясным.

На другом конце пустыни имеется староречье Западного Узбоя длиной 775 км, пересекающее Каракумы с северо-востока на юго-запад.

На всем протяжении этого высохшего русла хорошо сохранились ясно выраженные признаки стока воды.

Возникли предположения о том, что Узбой являлся старым руслом Амударьи, по которому она когда-то впадала в Каспийское море. Распространена также была точка зрения о том, что сток воды по Узбою прекратился сравнительно недавно, т.е. несколько столетий назад.

Советские ученые путем тщательных исследований восстановили правдивую картину прошлого Западного Узбоя.

Установлено, что русло Узбоя возникло много тысяч лет назад, когда Амударья заполняла Сарыкамышскую котловину. Избыточные воды этого огромного озера, площадью в 12 тыс. кв. км и глубиной до 100 м, искали себе выход из озера и постепенно проложили путь к Каспийскому морю, образовав глубоководную и широкую речную долину, пересекающую всю пустыню Каракумы. Так возник Западный Узбой.

По мере того как прекращался сток Амударьи в Сарыкамышское озеро, последнее начало усыхать, а с ним усыхал и Узбой. В конце концов в Узбой не стало поступать ни одной капли воды из озера, и древняя река прекратила свое существование.

Русло Узбоя на значительном пространстве покрыто залежами соли, достигающими нескольких метров глубины. Они образовались в результате выхода грунтовых вод на поверхность и их испарения.

В нижней части Узбоя имеется несколько озер с пресной водой, но они являются старицами Узбоя, давно потерявшими связь с основным руслом. Пресная вода в них никакого отношения к Узбою не имеет и пополняется грунтовыми водами пустыни Каракумы.

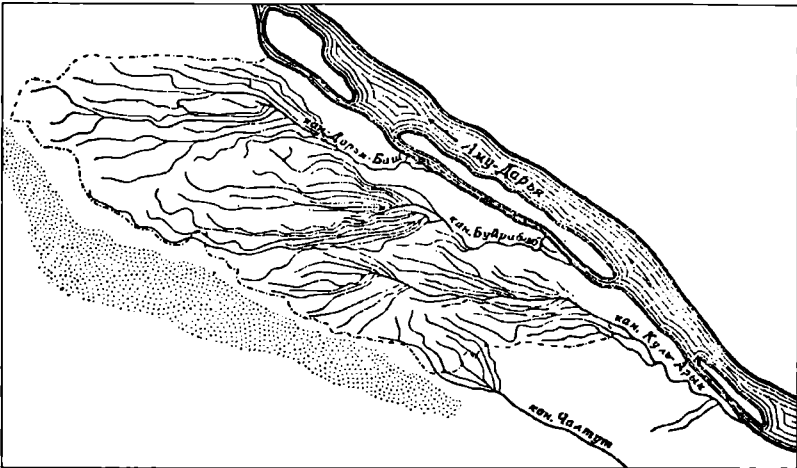
В Туркмении есть староречья Амударьи, которые сравнительно недавно были заполнены водой. Это Дарьялык (Кунядарья) и Даудан. Кунядарья, или Старая река, одно из наиболее крупных староречий, имеет длину со всеми излучинами 465 км, а по прямой 240 км при средней ширине русла 250 м. Русло это хорошо сохранилось и имеет ясно выраженные берега.

Почти параллельно Дарьялыку пролегает староречье Даудан длиной около 160 км. На значительной части Даудан засыпан песками и сохранился хуже, чем Дарьялык. Оба эти староречья впадали в Сарыкамышское озеро. Протекавшие по ним воды Амударьи широко использовались для орошения.

Наличие Унгузских впадин, Западного и Келифского Узбоев и др. вызвало разнообразные проекты решения проблемы Амударьи путем строительства оросительных и судоходных каналов.

Русские ученые, инженеры с энтузиазмом работали над этими проектами, стремясь выполнить основную задачу — полное использование огромные водные запасы Амударьи. Многочисленные следы былой жизни на орошаемых в древности землях заставляли искать пути возрождения обширных районов.

В бассейне Амударьи орошаемое земледелие развивалось в упорной борьбе со своенравной рекой. В прошлом каналы быстро выходили из строя, забиваясь наносами. Примитивные береговые укрепления не могли защитить орошаемые земли. Река или уходила в сторону, или систематически разрушала головные участки каналов, затопляла посевы, наносила огромный материальный ущерб земледельцам. В результате происходили большие изменения, вплоть до перемещения районов орошаемого земледелия. На протяжении нескольких столетий такие явления наблюдались неоднократно.

Одна из приамударьинских оросительных систем (до реконструкции)

Несмотря на огромные трудности, узбекский и туркменский народы давно используют воды Амударьи для орошения. Но по-настоящему широкое и планомерное использование водных запасов Амударьи началось в годы советской власти. Проведено крупное ирригационное строительство. Старые каналы заменены современными оросительными системами.

Были построены Басага-Керкинский, Карабекаульский, Кульварьский, Советьябский и другие каналы, питающиеся водами Амударьи, большое количество гидротехнических водораспределительных сооружений.

В результате орошаемые земли в долине Амударьи увеличились больше чем в два раза.

Введены в эксплуатацию землесосы и другие механизмы, которые в значительной степени заменили ручной труд дехкан по очистке оросительных систем от заиления.

Переустройство оросительных систем, объединение каналов, оснащение их техникой повысили полезное действие этих систем, обеспечили правильный раздел воды и создали гарантированную водоподачу.

Строительство Каракумского канала является дальнейшим шагом вперед по пути резкого улучшения водного хозяйства республики в интересах развития земледелия и животноводства, повышения их продуктивности.

Лучшие в республике земли долины Мургаба, Теджена и дальше в мало-водных прикопетдагских районах Туркменистана получают амударьинскую воду. Это о них сказано:

“...миллионы десятин прекрасных земель лежат веками, не видя воды... А Амударья, на бегу словно слизывая свои берега, как конь без узды, мчится в

сторону “Ненасытного моря”. Что, если бы она текла не в сторону “Ненасытного”, а в степи Теджена, Ахала?.. Плодородная, но заброшенная земля, встретясь с таким обилием воды, превратилась бы в сплошной цветник”*

На левом берегу Амударьи, недалеко от афганской границы, лежит небольшой туркменский поселок Басага. 25 лет назад (в 1930 г.) здесь произошло памятное событие. Начал работать Басага-Керкинский оросительный канал, построенный для орошения левобережных районов. Вступил в строй действующих оросительных систем Туркменистана крупный магистральный ирригационный канал. С помощью таких каналов в те годы перестраивалась и улучшалась старая, стихийно сложившаяся и малопроизводительная оросительная сеть с ее большой протяженностью, с извилистыми трассами каналов.

В Керкинском оазисе существовало 109 мелких самостоятельных каналов. После переустройства осталось 18 крупных оросительных систем. Общая протяженность каналов была сокращена на 309 км. В Чарджоуском оазисе вместо 150 мелких каналов построены 12 крупных, сеть сокращена на 742 км. В результате полезное действие оросительных систем значительно повысилось.

Амударьинская вода по новому Басага-Керкинскому каналу прошла десятки километров, орошая плодородные приамударьинские земли Керкинского оазиса. Теперь Басага-Керкинская водная магистраль положит начало Каракумскому каналу, протяженностью в 900 км. Сейчас здесь развернулись большие работы. Мощные землесосы расширяют канал и все дальше и дальше уходят на запад по трассе нового канала.

Выбор на Басага-Керкинский канал пал не случайно. Вся местность на запад от Амударьи в этой зоне имеет ясно выраженное понижение. Амударья занимает как бы командное положение над левобережными районами, что позволяет провести воду самотеком на большое расстояние. Кроме того, в непосредственной близости проходит староречье Келифского Узбоя — древнее русло реки Балх, что также благоприятствует строительству нового канала.

Возможность самотечного бесплотинного забора воды из Амударьи, использование готового оросительного канала и части Келифского Узбоя значительно удешевляет, упрощает и ускоряет строительство. В этом одна из основных особенностей проекта Каракумского канала.

Чтобы иметь устойчивый водозабор из Амударьи, гарантирующий от всяких случайностей, частых размывов и разрушений берегов, головной ирригационный узел канала с судоходным шлюзом будет расположен в нескольких километрах от берега Амударьи.

К головным сооружениям Каракумского канала амударьинская вода будет подводиться по трем рукавам. Два из них предназначены для забора оросительной воды и третий — для пропуска водного транспорта.

* *Кербабаев Б.* Решающий шаг. М.: Советский писатель, 1949. С. 562.

Первые 37 км Каракумский канал пройдет по культурным землям Керкинского оазиса, по старому расширенному Басага-Керкинскому каналу. Затем трасса канала пересечет 9-километровую полосу песков, соединится с Келифским Узбоем и вступит в пределы Обручевской степи. Широкая песчано-глинистая равнина впервые была описана неутомимым исследователем и путешественником академиком В.А.Обручевым более 60 лет назад.

Образованная наносами Балха, Обручевская степь является прекрасным пастбищным массивом в юго-восточных Каракумах. В степи имеются также участки плодородных земель, пригодных для земледелия.

Каракумский канал пройдет вдоль этой равнины и пересечет ее западную часть.

В 100 км от Амударьи трасса канала расширяется. Здесь намечено создать первое “море” в Каракумах — водохранилище объемом 350 млн куб. м при площади зеркала около 80 кв. км. Все пять водохранилищ, регулирующих сток Мургаба, имеют общий объем 250 млн куб. м. Водохранилище, создаваемое на базе озер Узбоя, будет иметь огромное значение для Каракумского канала, регулируя сток воды в осенне-зимний и весенний периоды.

За водохранилищем трасса канала вскоре покинет Узбой, который практически невозможно использовать на всем протяжении. Постепенно признаки древнего русла исчезают, теряются в песках. Поэтому для канала взято более прямое направление к Мургабу, через пески пустыни. Миновав широкую полосу песков, канал войдет в пределы Мургабского оазиса.

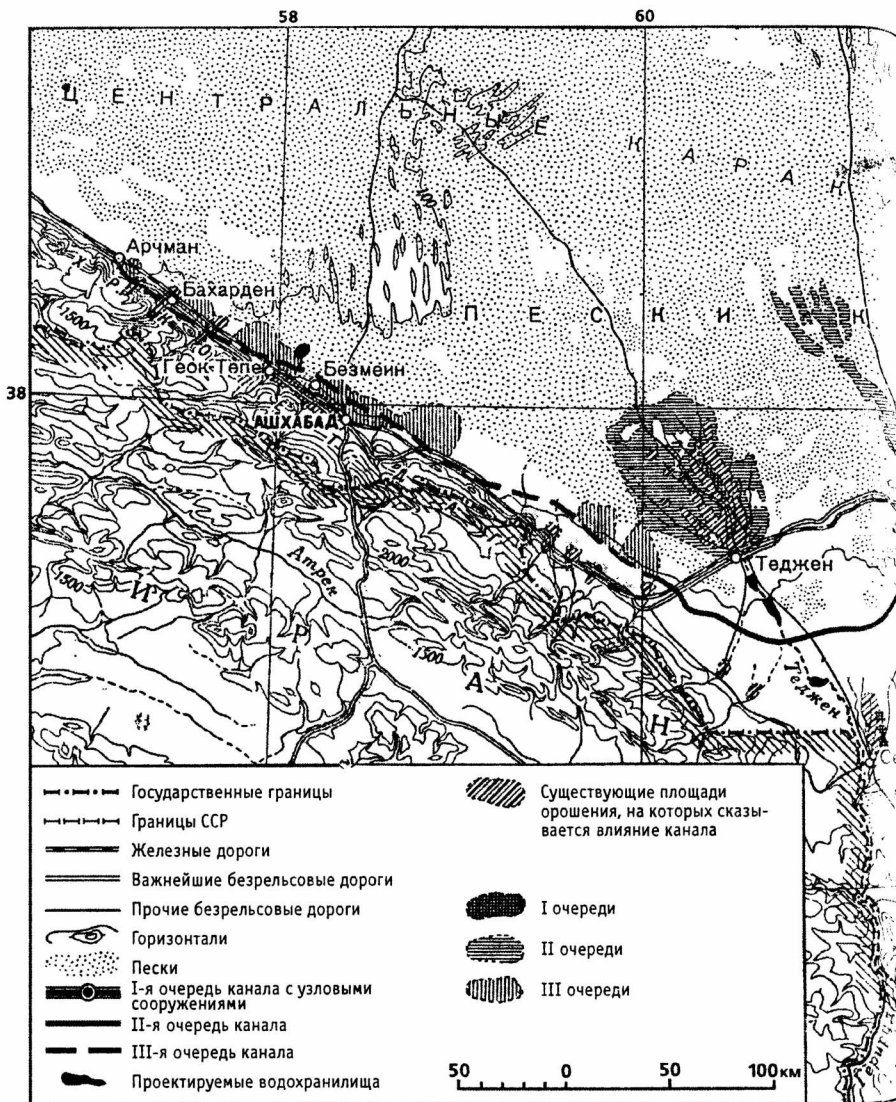
Недалеко от города Мары, после 400-километрового пути от Амударьи, канал соединится с рекой Мургаб. Сток Мургаба в районе города Мары будет перекрыт, и Каракумский канал начнет питать всю нижнюю часть Мургабской оросительной системы. Больше не потребуются направлять мургабскую воду на отдаленные участки оазиса. Туда даст воду Каракумский канал.

Сколько получит амударьинской воды долина Мургаба?

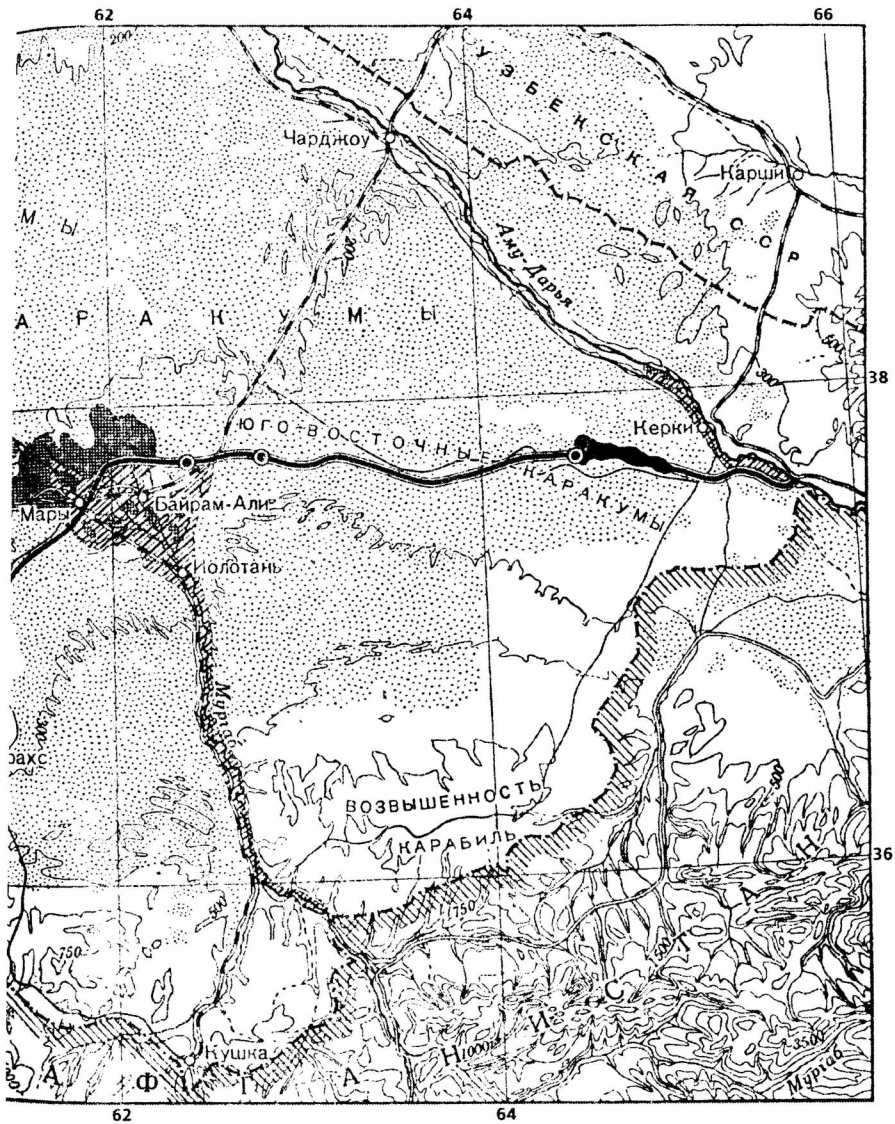
Проектом предусмотрено, что расход воды в голове канала для первой очереди составит 130 м³/сек. Из этого количества в систему Басага-Керкинского канала будет забираться 19 куб. м. На мургабские земли будет подано 57 м³/сек воды. В настоящее время Мургаб дает 50 куб. м. Одно это сравнение говорит, какое значение имеет Каракумский канал для Мургабского оазиса.

Правда, фильтрация и испарение на всем 400-километровом пути канала отнимут почти столько же воды, сколько будет подаваться в Мургабскую оросительную сеть, т.е. не менее 54 куб. м, но в природно-климатических условиях Туркмении этого избежать нельзя.

Обычно в оросительной сети на фильтрацию теряется значительно больше воды, чем на испарение. Потери на испарение составляют не больше 10 процентов от потерь на фильтрацию. Установленный в практике водного хозяйства коэффициент полезного действия оросительных систем (кпд) оп-

Трасса Каракумского канала и земли нового орошения

ределяет, сколько оросительной воды доходит до поля. Если кпд составляет 0,47, это значит, что от общего количества воды, забранной в головке магистрального канала, на поля поступило лишь 47 процентов. Коэффициент полезного действия Каракумского канала предусмотрен в размере 0,57.

Имеются разнообразные способы снижения фильтрационных потерь. Перспективным является метод кольматации, или искусственного внесения глинистых наносов на стенки оросительных каналов. Поступая в канал вместе с водой, глина закупоривает поры грунта, и в результате резко сокращаются потери воды. Такую роль сыграет пропуск по каналу амударьинской воды, в которой взвешено огромное количество наносов.

Как известно, Амударья проносит за год 250 млн тонн ила. Но если вначале ил может принести некоторую пользу для снижения фильтрации воды из канала, то в дальнейшем начнет оказывать отрицательное действие.

Борьба с наносами будет вестись еще до поступления амударьинской воды в канал. У входа в канал намечается установить специальные струенаправляющие щитовые устройства системы инженера Потапова. Они успешно испытаны на других оросительных системах Амударьи. Разработанный Всесоюзным научно-исследовательским институтом гидротехники и мелиорации метод заключается в том, что в голове канала устраивается система перегородок, благодаря которой достигается искусственная циркуляция воды у входа в оросительный канал. Циркулирующая вода заставляет наносы оседать перед входом в канал, и таким образом заиливание оросительной системы значительно уменьшается. Установленная у входа в канал Таш-Сака струенаправляющая система сократила объем очистки канала на 430 тыс. куб. м за поливной период.

Та часть наносов, которая все же осядет в подводящих частях Каракумского канала, будет удаляться с помощью плавучих землесосов. Значительная часть ила пройдет дальше по каналу, и тогда его перехватит водохранилище на Узбое. Оно станет своеобразным уловителем амударьинского ила. Отстаиваясь в водохранилище, вода потечет отсюда более осветленная, и в результате наносы не будут осложнять работу оросительных систем в зоне канала.

На трассе канала будут десятки гидротехнических сооружений и мостов, в том числе несколько шлюзов. В пяти пунктах запроектированы сооружения для сброса излишней воды в пески на случай, если по каналу начнет поступать воды больше расчетных норм, что возможно в разгар летних паводков Амударьи. От каждого такого сооружения запроектирован небольшой канал для отвода воды в пески.

Когда сооружался Басага-Керкинский канал, для этих целей был построен специальный сбросной канал через песчаный 9-километровый вал, отделяющий Амударью от низменных Каракумов и Келифского Узбоя, что позволило отводить избыток воды из системы Басага-Керкинского канала в котловины Узбоя.

Трасса канала проходит в необычных и своеобразных условиях песчаной пустыни. Может возникнуть вопрос: существует ли угроза засыпания канала подвижными песками? Да, такая угроза вполне реальна, особенно в период строительства.

Летний зной сильно иссушает верхние слои барханных, не закрепленных растительностью песков пустыни Каракумы. Ветер легко перевевает песок, увлекает его с собой. Часто образуются песчаные бури. В прошлом нередки были случаи, когда движущиеся пески засыпали оросительные каналы, возделанные земли, сады, дороги. Например, на северной окраине Бухарского оазиса, граничащего с песками пустыни Кызылкумы, каждый год выводилось из строя 60—70 га плодородной земли. То же самое происходило в Каракумах и в астраханских песках, которые отнимали каждый год до 40 тыс. га пастбищных земель.

В Туркмении пески пустыни Каракумы до революции непрерывно заносили постройную в конце прошлого века Закаспийскую железную дорогу. Из-за песчаных заносов часто останавливалось движение поездов. Потребовалось проведение больших пескоукрепительных работ.

В ходе строительства Каракумского канала также пришлось столкнуться с вредным действием песчаных заносов, особенно при прохождении грядовых, бугристых песков, когда строителям приходится делать выемки глубиной 15—18 м. В ветреные дни в русло канала сносится значительная часть грунта, вынутого экскаваторами, — до 10 процентов. В результате проводятся дополнительные работы по выемке грунта. Даже там, где канал строится землесосами, наблюдается аналогичное явление. Происходит это потому, что выброшенный на берег мокрый грунт быстро высыхает, становится пылеватым и его ветром часто гонит обратно в воду. Вот почему так важно закреплять берега Каракумского канала. Чтобы предотвратить песчаные заносы во время эксплуатации канала, будут проведены работы по укреплению берегов канала растительностью и созданию водоохранной зоны.

Вдоль всего канала запроектирована лесозащитная полоса из высокоствольных пород шириной 60 м. Она пройдет пока только по правому (северному) берегу. Так сделано потому, что в дальнейшем при сооружении второй и третьей очереди канал придется расширять для увеличения пропуска воды, что можно будет осуществить за счет левого берега. Летом здесь господствуют ветры северного направления, поэтому лесные насаждения по правому (северному) берегу сыграют свою роль и станут заслоном против знойного ветра пустыни. У водохранилища лесные полосы будут заложены по обеим сторонам канала. Общая площадь лесных насаждений составит 2400 га. Наполнение канала водой поднимет у берегов пресные грунтовые воды настолько, что в основном они и обеспечат питание деревьев. Однако там, где по условиям рельефа трудно это осуществить, намечается использовать дождевальные установки для орошения лесных насаждений.

Лесхозы и лесные питомники Туркмении дадут Каракумскому каналу миллионы саженцев разнообразных древесных и кустарниковых пород, хорошо развивающихся в условиях Средней Азии: лох, гребенщик, карагач, гледичия, белая акация, шелковица, тополь, ива древовидная, маклюра, айлант, абрикос, желтая акация, жимолость и др. Разработаны примерные схемы размещения древесно-кустарниковых пород в составе лесных полос.

Знойные ветры и чрезмерная сухость воздуха вызывают усиленное испарение воды с поверхности водохранилищ, рек и оросительных каналов. Миллионы кубических метров воды испаряются, не принося пользы сельскому хозяйству.

Лесозащитные полосы снижают непроизводительные потери воды, повышают влажность воздуха, уменьшают скорость ветра. По данным Богдинского агролесомелиоративного пункта, созданного в Астраханской полупустыне, количество испарившейся влаги в середине лесной полосы на 25 процентов меньше, чем в открытой степи. Скорость ветра в 10 м от лесной полосы составляет всего 51 процент скорости в открытой степи, причем чем выше лесные полосы, тем заметнее понижается скорость ветра.

Наблюдения над изменением ветрового потока в вегетационный период хлопчатника, проведенные Среднеазиатским научно-исследовательским институтом лесного хозяйства, показывают наибольшее затухание ветрового потока на расстоянии от 50 до 100 м от защитной полосы.

В климатических и почвенных условиях Туркмении лесные полосы на трассе канала наибольшую пользу принесут как средство снижения уровня грунтовых вод.

Такие древесные породы, как тополь, тал, лох, шелковица, белая акация, испаряют за лето до 20 куб. м воды на одно дерево. Гектар лесных насаждений может “выкачать” до 60 тыс. куб. м грунтовых вод.

В результате многолетних опытов установлено, что под воздействием древесных насаждений уровень грунтовых вод за сутки может снизиться до 8 см, а за период вегетации — до 60 см. Таким образом, лесные полосы у канала будут перехватывать фильтрующиеся из канала воды, ослаблять процесс засоления почвы.

Борьба с песчаными заносами на наиболее ответственных участках трассы потребует также использования механических защит. Обычно они делаются из камыша и длинностебельчатых трав высотой 25—30 см — клеточные или рядовые. Размер клеток устанавливается от 1 до 3 кв. м, а при рядовом размещении — от 2 до 4 м между рядами. Для проведения на трассе канала таких пескоукрепительных работ потребуется до 300 тыс. куб. м камыша.

С.И.Руденко и современная этнография аридной зоны Евразийского континента

Л.Н.Гумилев

Нет такой области в отечественном народоведении, где бы не цитировались работы С.И.Руденко. И мало таких отраслей этнографической науки XX в., где бы имя С.И.Руденко не стояло во главе нового творческого направления. В краткой статье нет возможности дать итоги многогранной деятельности столь замечательного ученого, талант которого проявился в ряде смежных дисциплин: антропологии, археологии, этнографии, географии и даже гидрологии. Поэтому мы ограничимся лишь одной темой — этнографией степной зоны Евразии, где С.И.Руденко работал с наибольшим блеском. Открытия Руденко на Алтае [20], а также, и в меньшей степени, обобщения, сделанные на основе этих открытий [21], делят историю изучения степной Евразии на доруденковский и послеруденковский периоды.

Отличительной чертой методики С.И.Руденко было умение ломать перегородки между отдельными научными дисциплинами и охватывать предмет изучения сразу со многих сторон. Первая половина XX в. в истории науки характеризуется дифференциацией наук и узкой специализацией. В то время это было оправдано стремлением к углублению накапливаемых знаний и страхом перед воинствующим дилетантизмом — болезнью предыдущей эпохи, нет-нет да и поражающей эпоху нынешнюю [2]. Действительно, в какой-то мере узкая специализация оправдала себя, ибо этим путем было накоплено огромное количество полезных сведений. Но, с другой стороны, в жертву простому наблюдению и коллекционированию фактов приносился научный синтез, цель науки, потому что систематизация наблюдаемых фактов оказалась еще более труднодоступным делом. Возникла опасность, что ученые потонут в собственном материале, но С.И.Руденко эту опасность преодолел.

Широта охвата большой темы приносит не меньшие плоды, нежели глубина проникновения в тему узкую. И бессмысленно предпочитать тот или другой подход, потому что они равноценны, хотя результаты их различны. Без детализации нельзя получить достоверный материал, а без широких сравнений нельзя его осмыслить. К началу XX в. этнографическая литература уже начала становиться необъятной, хотя проблема “избыточной информации” стояла не столь остро, как в наше время. С.И.Руденко умел смотреть вперед и пошел по пути расширения ареала исследований.

В краткой статье нет возможности, да и надобности приводить полную библиографию его работ. Достаточно отметить, что его монография “Башкиры”, выполненная к 1915 г., стала классическим “опытом этнологической монографии”. Еще большую ценность представляет аналогичная работа “Угры и ненцы”, ожидающая публикации. Эта работа не устарела, как не стареет вино при выдержке, ибо она содержит описание быта, ныне измененного, и обычаев, почти забытых. Таким образом, описание, сделанное С.И.Руденко, превратилось в исторический источник исключительной ценности.

Но не только реликты привлекали внимание ученого. В 1924 г. он открыл знаменитые курганы Пазырык, раскопки которых в 1929 г. и в 1947—49 гг. полностью перевернули традиционные представления о Центральной Азии как стране дикости и застоя; но об этом ниже. Поездка С.И.Руденко на берега Берингова моря еще более расширила диапазон исследования Азии как в пространстве, так и во времени. Теперь уже не возникает сомнения, что культура Срединной Азии была столь же динамична, оригинальна и неповторима, как культуры Ближнего и Дальнего Востока. Но Руденко добился своего огромного успеха только благодаря тому, что наряду с традиционной этнографией взял на вооружение археологию [ср. 32].

Алтайские находки С.И.Руденко в совокупности с монгольскими находками П.К.Козлова [18] произвели переворот в представлениях ученых и широкой публики о значении культуры кочевников Евразии. Чванный XIX век оставил в наследство концепцию европоцентризма, согласно которой только народы Средиземноморского бассейна создали прогрессивную цивилизацию. В Азии же будто бы царил либо застой, либо варварство и дикость. Самое плохое в этой концепции было не то, что она неправильна, а то, что она предлагалась как достижение науки, не подлежащее критике. Европоцентристы со своими противниками не спорили; они их просто не замечали. В этом — сила любого предвзятого мнения.

Чтобы заставить рутинеров задуматься, нужен был аргумент сильный, бесспорный и наглядный. Таким оказались предметы искусства из алтайских и монгольских курганов [23, 25, 27]. Попытки усмотреть в них вариации китайского, иранского или эллинского искусства оказались тщетны. Культура кочевников I тысячелетия до н.э. предстала самобытной [29]. И более того, она была высокой, гораздо выше, чем культура кочевников XVIII—

XIX вв., изученная многими этнографами досконально. А это значило, что самобытная степная культура кочевников, подобно европейской, индийской или китайской, переживала подъемы и упадки, т.е. находилась в развитии, а не в застое, как молчаливо предполагали некоторые европейские ученые [37]. Пересмотр проблемы кочевой культуры стал насущным вопросом дня, и вскоре призрак европоцентризма был изгнан из центральноазиатских степей.

Однако концепцию застойности кочевой культуры мало было отвергнуть; ее надо было заменить. С.И.Руденко отчетливо понимал эту необходимость и предложил остроумную классификацию форм кочевого хозяйства [24, 26]. Обсуждение идей Руденко вылилось в широкую дискуссию в Отделении этнографии ГГО. Они нашли отражение и развитие в последующих докладах членов Отделения. Достигнутые результаты сводились к следующему.

Несмотря на устойчивый уровень техники и форм общежития, кочевническое хозяйство весьма изменчиво вследствие постоянного взаимодействия с природой [11]. Природная же среда изучаемого региона особенно разнообразна. Она зависит от рельефа, степени увлажнения и окружения. Так, в Монголии, в зоне устойчивого антициклона, при наличии лесистых хребтов Хангая и Хэнтэя целесообразно круглогодовое кочевание на подножном корму, а в Джунгарии и Тарбагатае, куда зимние циклоны приносят обильные осадки, создающие глубокий снежный покров, необходима заготовка сена, и перекочевки совершаются по вертикали, из степи на альпийские луга (джейлау). В экстрааридных районах Приаралья, лишенных горных хребтов, идет круглогодовое кочевание, но в ослабленном, сравнительно с Монголией, ритме [13]. Неменьшее влияние на развитие кочевников оказывало соседство то активного Китая, неоднократно пытавшегося завоевать Степь, то слабого Ирана или раздробленного Согда, ограничивавшихся обороной от кочевых соседей [30]. Разные условия существования заставили кочевников избирать разные формы адаптации, что и определило известную самобытность разных народов Великой степи [14].

Неменьшее значение имели колебания степени увлажнения степной зоны, которая иногда превращалась в раскаленную пустыню [11]. Тогда обитатели ее были вынуждены выселяться из родной земли и либо ютиться по ее окраинам, либо искать пристанища в соседних регионах, не подвергшихся засухе [8]. Когда же циклоны и муссоны несли влагу непосредственно в центральные районы континента [1], пустыня быстро покрывалась травой, на которой паслись бесчисленные стада диких и домашних копытных. Тогда степные народы богатели, усиливались и наносили тяжелые удары соседним государствам, посягавших на их свободу. Больше всего доставалось Китаю. Кочевники четырежды остановили китайское передвижение на запад. В I в. до н.э. это сделали хунны; в VII—VIII вв. н.э. — древние тюрки; в XIII в. — монголы; в XV в. — ойраты [33]. Как видно, история кочевников Евразии была

столь же напряженной и разнообразной, как и история оседлых народов Европы, Леванта (Ближний Восток) и Дальнего Востока.

Наряду с этнической мозаичностью Великой степи в ней наблюдаются общие черты, свойственные всем евразийским кочевникам. Они прослеживаются прежде всего в хозяйстве и быте, основанном на вынужденно бережном отношении к скудным дарам природы. Косвенно это выражалось в бессознательном ограничении прироста населения: детская смертность, удерживалась на высоком уровне, так как выживали лишь вполне здоровые дети (это увязывалось с соблюдением древних обычаев), и немало мужчин уносили межплеменные войны.

Численность военно-демократических обществ легко рассчитывается по числу воинов, обычно составляющих около 20 процентов населения. В III в. до н.э. в Монголии было приблизительно 60 тыс. хуннских всадников [34, с. 306]; в VIII в. во Втором Тюркском каганате, т.е. на той же территории — от 40 до 60 тыс. тюрков и телесцев [12]; в XIII в. в Монгольском улусе — 110 тыс. всадников [17, с. 158, 162], но надо учесть, что в их числе были народы Алтая и Южной Сибири. Количество населения было стабильным, благодаря чему природные ресурсы степей сохранились. Это — не неполноценность народов, будто бы неспособных к прогрессу, а оригинальный способ этнического существования, непохожий на привычные нам, но отвечающий потребностям самих кочевников.

Устойчивость взаимоотношений кочевников с ландшафтами Великой степи прослеживается и на духовной культуре. Несмотря на восприимчивость степняков к эстетическим и религиозным канонам соседней, они сохраняли общую демографию и центральный культ — поклонение Небу (Тэнгри) и Земле (Йер-су) [13, 9, с. 99; 12, с. 66—76]. Этот культ прослеживается с глубокой древности до XVI в., когда восточная часть Степи была охвачена буддизмом, а западная — исламом. Но и тогда народные верования продолжали существовать. Только в XX в. наблюдаются глубокие изменения, еще подлежащие изучению.

Распространенная классификация первобытных верований, предложенная Тэйлором, имела целью проследить эволюцию религиозных представлений в глобальном масштабе и ответила на ряд сложных вопросов. Но для сравнительного изучения идеологических систем исторического периода она не была приспособлена, так как автор такой задачи перед собой и не ставил. Поэтому оказалось целесообразным подойти к предмету с другой стороны, т.е. посмотреть, как относятся к демонам, вера в которых повсеместна, разные народы. Демонов можно считать либо добрыми, либо злыми, либо нейтральными. В первом варианте их почитают как богов — таков древнеарийский политеизм. Во втором — их рассматривали как произведения природы, которые могут быть опасными, подобно хищным зверям, но они не носители зла — этот подход распространен в Китае и среди шаманистов Сибири и Маньчжурии [4]. Можно считать всех без исключения духов злыми — эта

концепция бытует среди буддистов Тибета. И наконец, можно делить их на добрых и злых, что принято в христианских и мусульманских странах, где добрых именуют ангелами, злых — чертями, причем к последним относятся и души покойных, и духи природы.

Центральноазиатские кочевники делают их на духов принципиально опасных, какими считаются души умерших, не ушедшие в загробный мир, и на духов природы, которые, вообще говоря, нейтральны, но иной раз способны приносить зло. Эта классификация прослеживается от Монголии [9] до Башкирии [19, с. 298—37]. С.И.Руденко в своем классическом труде по башкирской этнографии отметил почитание явлений природы (оборотни) и ужас перед душой колдуна, называемой “убыр”; причем перерождение души происходит еще при жизни человека, продавшего шайтану душу за познания в ворожбе [19, с. 308]. Как видно даже из беглого обзора, элементы демонографии разных групп народов сходны, но сочетания их практически неповторимы.

Археологические открытия С.И.Руденко позволили наконец увидеть подлинное лицо древней кочевой культуры и, более того, установить характер взаимоотношений этноса с ландшафтом, избегая крайностей географического детерминизма. Но Руденко не остановился на этом. С целью выяснения соотношения во времени ряда культур он применил методику радиоуглеродных и дендрологических лабораторных исследований [28]. Это позволило ему не только уточнить некоторые даты, но установить синхронность нескольких археологических культур, до этого времени считавшихся просто стадиями развития [31]. Объектом изучения стали коллекции Минусинского музея, настолько богатые, что по ним была установлена шкала археологических культур для Южной Сибири и Центральной Азии [16].

Однако при проверке датировок на С14 оказалось, что афанасьевская и андроновская культуры в Минусинском крае не сменяли одна другую, а сосуществовали в течение III—I тыс. лет до н.э., причем не андроновская культура вытеснила афанасьевскую, а эта последняя пережила андроновскую. Карасукская культура, датирующаяся по С14 980—760 гг. до н.э., справедливо рассматривается С.И.Руденко как результат вторжения южных монголоидных кочевых племен, а тагарская — как ее продолжение до 430 г. н.э. (по старым датировкам она кончилась около 100 г. до н.э.) [28].

Эти работы, начатые еще в пятидесятых годах, позволили последователям С.И.Руденко предложить этнонимы в качестве научной терминологии вместо громоздких и маловыразительных названий археологических культур.

Так, пазырыкцы обрели историческое имя — *юэчжи*, а тагарцы — *динлины*. Однако по поводу обоих этнонимов необходимо внести некоторые уточнения, так как мы имеем дело не с самоназваниями народов, а с их иероглифическими транскрипциями.

Юэчжи попали в поле зрения китайской географии на рубеже V и IV вв. до н.э. [3, с. 57]. Тогда они сомкнулись с царством Цинь. Во владении юэчжей бы-

ли пустынные районы между Ордосом и оазисом Хами, но, по-видимому, эту территорию они захватили, имея базой богатую пастбищами Джунгарию, к которой с севера примыкает Монгольский Алтай. Во II в. до н.э. хунны вытеснили юэчжей из Джунгарии и Семиречья (165 г. до н.э.). Юэчжи ушли в Бактрию и поселились на развалинах разрушенного ими Греко-Бактрийского царства (141—128 г. до н.э.) [38]. Все это установлено с достаточной точностью, но непонятно, почему в среднеазиатских источниках название “юэчжи” не только отсутствует, но даже не имеет ираноязычного аналога. Все попытки отождествить юэчжей с каким-нибудь народом, известным в Средней Азии или Иране, например с тохарами, потерпели неудачу, хотя династия кушанов, основанная потомками юэчжей, хорошо известна под этим самоназванием.

На эту запутанную проблему проливает свет небольшая работа Б.Лауфера “Язык юэчжи, или индоскифов”, изданная тиражом в 500 экземпляров и не попавшая в поле зрения европейских ориенталистов, видимо, из-за событий конца Первой мировой войны, а позже утонувшая в библиографическом океане.

Б.Лауфер проанализировал пять юэчжийских слов, сохранившихся в записях династии Хань, и пришел к выводу, что эти слова принадлежали языку североиранской группы. Шестое слово — “юэчжи” — он восстановил с учетом особенностей древнекитайской фонетики как *sgwied-di* и сопоставил его с хорошо известным названием *Sogdoi*, т.е. Согд, причем приставку *di* истолковал как суффикс множественного числа, по аналогии с осетинским, скифским, согдайским и ягнобским языками, отметив отличие этой языковой группы от тохарского языка, более близкого к западноевропейским [36].

Сображения Лауфера не получили признания в свое время и не отразились на господствующих в начале XX в. научных концепциях. Но после открытий С.И.Руденко стало понятным то, что вызвало недоумения. Народ, победивший бактрийских греков, потому и не назван нигде особо, что он назывался “согды”, так же как оседлое население Среднеазиатского Междуречья. На границы Китая они попали вследствие того, что их экспансия дошла до Хуанхэ, а отброшенные хуннами, они вернулись на свою родину, где и навели порядок, покончив с последствиями македонского завоевания. Надо полагать, что Южный Алтай был захвачен ими еще раньше, в то время, когда Туран, почитавший древнего бога Митру, боролся с Ираном, принявшим учение Заратуштры. Объем статьи не позволяет рассмотреть все следствия из вывода, сделанного на основе открытий Б.Лауфера и С.И.Руденко, но можно отметить, что проникновение Руденко в этнографию Центральной Азии нашло неожиданно блестящее и весьма плодотворное подтверждение. Исторический анализ был дополнен географическим, основанным на объективной методике естественных наук [22, с. 355].

Вторая проблема, динлинская, особенно сложна, потому что содержит в себе камуфляж. В древности в Восточной Азии существовали две европеидные расы II-го порядка: *динлины* и *ди*. Долихократные динлины издавна жи-

ли в Южной Сибири и принадлежали к кроманьонскому типу в широком смысле слова [15, с. 65]. Китайцы в древности называли Саянские горы “Динлин”, подчеркивая этим локализацию диковинного для них народа [7].

Ди и родственные им жуны обитали на территории современного Китая от оазиса до Хингана и в Сычуани [35, с. 340—349]. Они были также европеоиды, но брахикранные, близкие к памиро-ферганской расе [8]. Китайцы иногда фигурально называли их динлинами, но здесь это не этноним, а метафора, подчеркивающая европеоидность как отличительную черту. Потомки ди, смешавшиеся с монголоидными тибетцами, встречаются среди амдоских кочевников, ныне называемых *тангутами* [5].

Собственно говоря, этноним “тангут” — это средневековое монгольское название минягов, одного из племени ди. Теперь оно перенесено на кочевых тибетцев Амдо и Кама, т.е. совсем другой народ. Пожалуй, лучше не пользоваться этим искусственным термином, к тому же не являющимся самоназванием [6, с. 26].

С.И.Руденко правильно отметил, что появление в Минусинской котловине в X в. до н.э. карасукской культуры и монголоидного типа связано с переселением народа с юга. Но именно отмеченная монолоидность показывает, что это не были динлины. По нашему мнению, это скорее всего были прахунны, племена *хяньюнь* и *хуньюй* [9, с. 14]. В Южной Сибири ветвь этих племен была ассимилирована местными динлинами. Впоследствии этот этнос получил название *кыргызов* (*енисейских*). Кыргызы сохраняли европеоидный тип вплоть до конца своего самостоятельного существования, т.е. до XVII в. [10].

Итак, небольшая по объему, но исключительно важная статья заставляет пересмотреть не только даты, но и всю интерпретацию развития центральноазиатских народов. Приходится признать, что в древности этнографическая карта Центральной Азии была несравненно мозаичнее современной. Ныне там имеются всего две группы местного населения: тюркская и монгольская. С.И.Руденко отмечает наличие различных вариантов межплеменных археологических культур, фиксирующих те или иные этнические взаимоотношения, и дает, таким образом, ответ на вопрос, поставленный выше: каким образом шло интенсивное развитие при относительно стабильном уровне техники и малом числе вариантов социальных структур. Полученные данные позволяют сделать вывод, что ведущими противоречиями в кочевой культуре Евразии были противоречия между отдельными племенами, отличающимися друг от друга хозяйственными навыками и способами адаптации к ландшафту [9, 12]. За трехтысячелетнюю историю кочевой культуры племена то объединялись в разных комбинациях, то дробились на реликтовые этносы, то исчезали полностью, причем составлявшие их люди входили в состав других племен. В первом случае подчиненное племя принимало на себя функции податного сословия; во втором — возникало со-

стояние социального застоя, что в аспекте географии определяется как этноландшафтное равновесие; в третьем случае инкорпорация иноплеменников вела к социальной перестройке племени, принявшего их в союз племен или орду, т.е. специфическую форму военной демократии в кочевом обществе. Социальная история и этнография в историческом синтезе идут рука об руку, не подменяя одна другую.

С.И.Руденко ушел от нас, оставив нам светлую память и богатое научное наследие. Наше дело — продолжить его научный подвиг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абросов В.Н.* Гетерхронность периодов повышенного увлажнения гумидной и аридной зон // Изв. ВГО. № 4. 1962.
2. *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоненисейских тюрок в VI—VIII вв. Л., 1946.
3. *Бичурия Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. III. М.-Л., 1953.
4. *Воробьев М.В.* Религиозные верования чжурчженей // Докл. по этнографии ГО СССР. № 4. Л., 1965.
5. *Грум-Гржимайло Г.Е.* Материалы по этнологии Амдо и области Куку-нора. СПб., 1903.
6. *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926.
7. *Грум-Гржимайло Г.Е.* Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Изв. ВГО. Т. 65. Вып. 5. 1933.
8. *Гумилев Л.Н.* Динлинская проблема // Изв. ВГО. № 1. 1959.
9. *Гумилев Л.Н.* Хунну. М., 1960.
10. *Гумилев Л.Н.* Этноландшафтные регионы Евразии за исторический период // Докл. на ежегодных чтениях памяти Л.С.Берга. VIII—XIV. 1960—1966.
11. *Гумилев Л.Н.* Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (Опыт историко-географического синтеза) // Народы Азии и Африки. № 4. М., 1966.
12. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1967.
13. *Гумилев Л.Н.* Древнемонгольская религия // Докл. Отд. и комиссий ГО СССР. Вып. 5. Л., 1968.
14. *Гумилев Л.Н.* Опыт классификации общественно-политических систем древних кочевников Евразии // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest, 1968.
15. *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М., 1948.
16. *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
17. *Козин С.А.* Сокровенное сказание. М.—Л., 1941.
18. *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М., 1948.
19. *Руденко С.И.* Башкиры. Л., 1925.
20. *Руденко С.И.* Горно-алтайские находки и скифы. М.—Л., 1952.
21. *Руденко С.И.* Культура поселения Горного Алтая в скифское время. М., 1953.
22. *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960.
23. *Руденко С.И.* Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961.
24. *Руденко С.И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках //

Материалы по Отд. этнографии ГО СССР. Ч. 1. 1961.

25. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.—Л., 1962.
26. Руденко С.И. К вопросу об историческом синтезе // Докл. по этнографии ГО СССР. № 1 (4). Л., 1965.
27. Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М., 1968.
28. Руденко С.И. Культура бронзы Минусинского края и радиоуглеродные датировки // Докл. Отд. и комиссий ГО СССР. Вып. 5. Л., 1968.
29. Руденко С.И., Гумилев Л.Н. Археологические исследования П.К.Козлова в аспекте исторической географии // Изв. ВГО. № 3. 1966.
30. Ставинский Б.Я. Между Памиром и Каспием. М., 1966.
31. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. Т. 4. Вып. 2. Л., 1929.
32. Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. СПб., 1890.
33. Grousset R. L'Empire des steppes. Paris, 1960.
34. Haloun G. Zur Uetsi-Frage // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1937.
35. Lattimore O. Inner Asian frontier of China. N.Y., 1940.
36. Laufer B. The Language of the Yye-chi or Iodo-Scythians. Chicago, 1917.
37. Tam W.W. The Creeks in Bactria and India. Gambrige, 1951.

Об усыхании Азии

М.П.Петров

Как известно, в географической литературе нет единства взглядов по вопросу об усыхании Азии. За наличие этого процесса в Центральной Азии высказались первоисследователи ее Н.М.Пржевальский [22], В.А.Обручев [17], Г.Н.Потанин [21], М.В.Певцов [18], П.К.Козлов [11, 12], Г.Е.Грумм-Гржимайло [6], а также А.И.Воейков [4, 5], И.В.Мушкетов [16], А.Стейн (A.Stein, [31]), Е.Хэнтингтон (E.Huntington, [27, 28]) и др. Об этом же писал П.А.Кропоткин [29]. Наиболее ярко эти взгляды сформулировал В.М.Синицын [23], сторонник наличия усыхания Центральной Азии. Иной точки зрения придерживаются Л.С.Берг [1, 2, 3], К.К.Марков [14], Э.М.Муравьев [15] и др. В частности, К.К.Марков [14] и Л.С.Берг [3] подвергли высказывания В.М.Синицына суровой критике.

Однако в этой дискуссии, несмотря на категоричное высказывание Л.С.Берга, что “никакого прогрессивного усыхания Центральной Азии за историческое время не наблюдается” ([3], с. 12), все же ряд вопросов остался невыясненным. Не случайно А.И.Воейков [4] писал: “Отрицая иссушение в историческое время на запад от Памира и Тянь-Шаня, я не решаюсь отрицать его в Восточном Туркестане” (с. 374). К.К.Марков [14] также отмечает: “Гипотеза усыхания климата в историческую эпоху неверна для Средней Азии, а для Центральной Азии не доказана” (с. 116).

Проведя немало лет в пустынях Средней и Центральной Азии, я пришел к выводу, что в этом споре не всегда доказательства, приводимые сторонниками разных точек зрения, убедительны. Необходимо подойти к анализу этого процесса с другими критериями. Прежде всего следует уточнить понятие “усыхание”. Обычно под “усыханием” в литературе понимают изменение климата в сторону аридности и, как следствие этого, усиление процессов де-

градации ледников, сокращение стока рек, усыхание озер, развевание песков и рост площадей песчаных пустынь, гибель тутайной древесной растительности, ухудшение условий существования человека, что приводит к забрасыванию городов, поселков и сельскохозяйственных оазисов и миграции населения в новые районы.

По-моему, необходимо расчленить эти процессы на две группы и различать: а) процесс *аридизации климата* как такового и б) процесс *усыхания территории*, т.е. приобретение ею черт прогрессирующей аридности. С этой точки зрения интересно отметить, что, говоря об усыхании Азии, ни один из авторов, поддерживающих эту концепцию, не приводил фактов изменения в сторону аридности климата самого по себе. Обычно же оперируют фактами, связанными с возможными последствиями этого процесса, перечисленными выше.

Однако не все эти доказательства могут быть использованы для решения спора. Часть из них связана с неблагоприятным воздействием человека на пустыню, другие же — с физико-географическими процессами, протекающими как в самой пустыне, так и вне ее пределов.

Толковать первые из них можно как с одной, так и с другой точки зрения. Так, например, усиление процессов развевания песков и рост площадей подвижных песков в пустынях и полупустынях, несомненно, имеет место. Однако это является в Центральной Азии, в большинстве случаев, а в Средней Азии, как правило, результатом нерационального использования почв и растительности. Наряду с этим в Центральной Азии есть области (Бэйшань, Такла-Макан), где развевание аллювиальных отложений и более древних коренных пород и образование новых массивов подвижных песков идет без участия человека.

Безусловно, более доказательными являются географические процессы в аридных областях, свидетельствующие об аридизации климата вне воздействия на них человека. К числу таких следует относить сокращение площадей ледников, золовые процессы, соленакопление и образование солевых кор, отсутствие условий для развития высшей растительности. К сожалению, прямых доказательств аридизации климата (повышение средних месячных температур воздуха, понижение влажности воздуха, уменьшение годовых сумм осадков и пр.) в распоряжении географов не имеется, так как метеорологические станции в пустынях Азии возникли всего лишь около 100 лет назад. Поэтому приходится обращаться к анализу процессов, тесно сопряженных с возможной аридизацией климата. Эти процессы либо присущи ландшафтам самих пустынь, либо связаны с горными странами, окружающими пустыни Азии.

Одним из важных доказательств аридизации климата Средней и Центральной Азии является факт деградации ледников. А.В.Шнитников [26], анализируя вопрос о внутривековой изменчивости оледенения северного полу-

шария, приходит к выводу, что “горные ледники всего Земного шара в процессе развития очередной (VIII) послелюрмской многовековой стадии, в ее регрессивной фазе, будут в дальнейшем уменьшаться в течение многих столетий” (с. 21). С.В.Калесник [9] в своей сводке также пишет с полной уверенностью, что “ледники во всех странах мира находятся ныне в стадии генерального сокращения. Отступление — нормальное состояние современных ледников” (с. 345).

В пределах Центральной Азии современный этап эволюции ледников также характеризуется почти повсеместно их отступанием. Следы сокращения площади ледников многочисленны и свидетельствуют о нескольких (3—5 и более) стадиях отступления, сменявшихся движениями обратного знака, но без полной компенсации (Л.Д.Долгушин [7]). Ледники Каракорума также характеризуются устойчивым отступанием (Ph.Visser [32]).

Последствия сокращения площади оледенения должны были бы проявляться в увеличении стока. К сожалению, гидрологи Средней Азии не могут привести данных, свидетельствующих об уменьшении или увеличении стока рек в пустынях за исторический период. Возможно, это связано не только с коротким периодом наблюдений на гидрологических постах. Весьма вероятно, что в этом случае ледники играют роль регуляторов стока. Пока они существуют, возможный эффект аридизации климата будет этим обстоятельством затушевываться.

Соответственно режиму стока, связанному с деградацией ледников, колебание уровня воды в озерах и уменьшение их площади не должно проявляться в сильной степени.

А.В.Шнитников [26] отмечает, что в процессе многовекового усыхания таяние ледников, являющихся резервами питания этих рек, еще способствует выравниванию условий стока и, более того, их активное отступление в известной мере может способствовать усиленному питанию рек и поддержанию современной трансгрессивной фазы Арала, о чем, в частности, свидетельствует трансгрессивное состояние в последние годы ряда крупных озер горного питания (Арал, Балхаш, Алакуль с Сассыккулем).

Наряду с этим факты сокращения площадей озер равнинно-низкогорного питания, даже таких крупных, как Каспийское море, несомненны. Однако по указанной причине я не стал бы приводить их для доказательства усыхания климата в исторический период, так как совершенно очевидно, что в последние десятилетия это явление в большой степени есть результат воздействия человека на сток рек, питающих озера (увеличение площади орошаемых земель, строительство гидроэлектростанций и т.п.).

Но, может быть, нет необходимости привлекать для доказательства усыхания Азии дальнейшую аридизацию ее климата? Возможно, что современный климат уже обеспечивает усыхание Азии? При ответе на этот вопрос нельзя говорить о пустынях Азии вообще.

Процесс усыхания в аридных областях Азии необходимо рассматривать применительно к ее плакорным условиям, т.е. таким поверхностям, почвенный и растительный покровы которых развиваются за счет атмосферных осадков. Территории же, получающие дополнительное увлажнение за счет подземного и поверхностного стока, т.е. долины и дельты рек, озерные депрессии с близкими грунтовыми водами, доступными для растений, принимать во внимание следует не всегда и с оговорками.

К плакорам аридной зоны Азии следует относить структурные пластовые равнины — Устюрт, Заунгузское плато, Кызылкумы, Тургайскую столовую страну, центральную часть пустыни Такла-Макан, Гашуньскую гоби, Бэйшань, северо-западную часть пустыни Алашань, Ордос, западную часть Цайдама и часть древних великих аллювиальных равнин — Низменные Каракумы, Муонкумы, восточную часть пустыни Алашань и др.

Несомненно, что в плакорных условиях западных районов Центральной Азии (западная Алашань, Бэйшань, Гашуньская гоби, Такла-Макан) существуют условия прогрессирующего усыхания. В то же время в этих же пустынях в долинах рек по временным водотокам и в депрессиях с близкими грунтовыми водами, где увлажнение почвы обеспечивается за счет поверхностного и подземного стока, процесс усыхания подавлен. Он проявляется лишь в накоплении в почвах и грунтовых водах.

Проанализируем процессы, связанные с возможной аридизацией самих ландшафтов пустынь Азии.

В чем и как должен проявляться процесс усыхания в облике и динамике плакорных ландшафтов? Ярче всего это должно сказаться в характере рельефообразующих процессов, затем на биогенных компонентах ландшафта — растительности, почвах и животном мире.

Геоморфологи видят в пустынях Азии прямые доказательства прогрессирующего усыхания: главным фактором денудации здесь является дефляция и плоскостной смыв по сухим долинам и пологим склонам. Об этом свидетельствует преобладание характерных дефляционных и эоловых аккумулятивных форм рельефа — эоловые города, курчавые скалы, барханные пески и пр. В западной части Центральной Азии повсеместно можно наблюдать развевание древних (четвертичных) озерно-аллювиальных отложений и образование новых массивов подвижных песков без участия человека (Бэйшань, Лобнорская депрессия, Такла-Макан).

Область пустынь является прекрасным примером ведущей роли климатического фактора в геоморфологических процессах.

Растительность является другим фактором, заметно реагирующим на аридизацию климата. Растительность плакоров, где существование ее связано только с атмосферными осадками, при усыхании должна иметь признаки ксерофитизации растений или гибнуть даже при отсутствии неблагоприятного воздействия человека (нерациональный выпас и заготовка топлива). Пос-

ледного мне в пустынях Средней Азии наблюдать не приходилось. Более того, наблюдая за развитием растительности подвижных песков в Репетекском заповеднике песчаной пустыни в юго-восточных Каракумах в течение почти 40 лет, я убедился, что там, при средней годовой сумме атмосферных осадков около 100 мм, происходят естественные процессы самозарастания песков.

Как известно, самым сухим районом Средней Азии являются низовья р. Амударья, где выпадает осадков около 80 мм в среднем за год. И там, при рациональной эксплуатации растительности песчаной пустыни, не наблюдается депрессии в ее состоянии. Эти факты свидетельствуют о том, что водно-тепловой баланс песчаных пустынь Средней Азии благоприятен для существования ее специфической растительности.

Интересно отметить, что французские специалисты по аридным областям, посетив пустыни Средней Азии, не нашли возможным отнести их к настоящим пустыням (R. Maignien [30]).

Приведенные факты свидетельствуют о значительной стабильности растительного покрова пустынь Средней Азии (климакс) и отсутствии признаков ее угнетения.

Наряду с этим можно говорить о фактах ксерофитизации растительности пустынь Азии. Так, процессы естественного зарастания подвижных песков Средней Азии идут в порядке смен группировок более влаголюбивых псаммофитов (*Calligonum caput medusae*, *Ammodendron Conollyi*, *Aristida pennata* и др.) к ксероморфным (*Haloxylon persicum*, *Ephedra strobilacea*, *Calligonum turkestanicum* и др.) и галофильным (кустарничковые солянки) на заросших песках. Состав травянистой растительности меняется от длительно вегетирующих растений к эфемеровой и эфемероидной (*Carex physodes*). Климаксом для большей части песчаных пустынь Средней Азии является сазаково-илачная формация (*Haloxylon persicum*, *Carex physodes*). В современных климатических условиях она изменяется мало.

Вековые колебания климата могут заметно сказываться на изменении стока и площади ледников. Однако эти колебания недостаточны для того, чтобы синхронно за этот период изменился и характер растительности плакорных участков, так как она имеет благодаря адаптации к иссушению значительную инерцию в своем существовании.

Факты гибели растительности в плакорных условиях без участия человека в пустынях Азии мне неизвестны. Но наличие в пустынях Центральной Азии огромных территорий, где растительность отсутствует совсем, общеизвестны (предгорные равнины Куньлуня в Таримской впадине, песчано-галечные гоби Бэйшаня, подвижные пески Бадан-Джаренга и Такла-Макана). Это обстоятельство заставило меня при топологии лесорастительных условий в пустынях Азии разделить их на две группы: 1) пески пустынь с атмосферным увлажнением, обеспечивающим естественные процессы зарастания песков ксерофильными псаммофитами, кустарниками и травами (осадков от 100 до

250 мм, при испаряемости около 2300 мм); 2) пески пустынь с недостаточным атмосферным увлажнением, не обеспечивающим самозарастания песков даже травянистой растительностью (осадков менее 100 мм, при испаряемости около 2800 мм).

Во второй группе из-за ничтожного количества атмосферных осадков почвы предельно иссушены. Растительность погибла и в современных климатических условиях восстановиться не может. Отсутствие кормовой базы для диких животных привело к их исчезновению. В таких условиях органическая жизнь в песчаных и песчано-галечных пустынях не развивается; здесь нет ни почв, ни растительности, человек сюда не заходит. Мы имеем дело с мертвой пустыней. Эти области Азии находятся с конца четвертичного периода в состоянии крайней иссушенности. По отношению к ним можно говорить о прогрессирующем усыхании.

Важным критерием аридизации климата или его крайней аридности является подавленность процессов видообразования, что характерно для западных областей Центральной Азии. М.Г.Попов, побывав в 1931 г. в Таримской впадине, писал: “Кашгария и Южная Монголия должны быть обозначены как особый район... характерной чертой, вероятно, как и в Сахаре, здесь является отсутствие сколько-нибудь крупных видообразовательных процессов в послемiocеновое время” ([20], с. 288).

Пустыни Средней Азии с их более мягким и влажным климатом характеризуются активными формо- и видообразовательными процессами (*Calligonum*, *Salsola*, *Artemisia* и др.).

Остается еще один важный компонент ландшафта — почвы. По моему мнению, он может дать наиболее полный ответ на вопрос: усыхает ли Азия?

Общезвестно, что в пустынях Азии возможное испарение (испаряемость) во много раз превышает количество выпадающих осадков. Это создает постоянную предпосылку к иссушению почвогрунтов, поверхностных и грунтовых вод, как правило, всегда в той или иной степени засоленных, что приводит к накоплению солей в почвах и грунтах и грунтовых водах.

В условиях пустынь миграция воднорастворимых солей в почвах протекает слабо. Даже такие легко растворимые соли, как NaCl, сохраняются в них долго. Менее же растворимые карбонаты вообще не вымываются из почвы и коры выветривания. По этой причине все почвы и грунты пустынь карбонатны. Наряду с этим современные климатические условия пустынь способствуют сохранению солевых скоплений, образовавшихся и в предшествующие геологические периоды. Поэтому почвы пустынь Средней и Центральной Азии характеризуются, по сравнению с более влажными зонами, повышенным содержанием солей (сульфаты, хлориды, карбонаты) и низким содержанием органического вещества (менее 1—2%). При этом почвообразовательный процесс отличается резким преобладанием миграции солевых растворов над органическими веществами.

По мере аридизации климата соотношение этих процессов должно привести к полному подавлению органической части почвы, так как из-за отсутствия растительности поступление органического вещества в почву будет исключено. Как известно, это приводит к повышенному соленакоплению, образованию солончаков и солевых кор. Дальнейшее усыхание должно завершиться приостановлением почвообразовательного процесса и консервацией солевых кор.

Все это в пустынях Азии в той или иной степени имеет место. Из литературы известны факты наличия в пустынях Азии солевых (гипсовых и карбонатных) кор и обилия воднорастворимых солей в солончаках (А.И.Перельман [19]). По данным Г.В.Захарьиной [8], запасы солей в корнеобитаемом горизонте (80—100 мм) солончаков левобережья р. Тарим (Кашгария) доходят до 1300—2500 т/га, т.е. в несколько раз больше, чем в солончаках Средней Азии. Это является результатом неблагоприятного водно-теплового баланса, когда испарение резко преобладает над поступлением в почву атмосферной влаги. В таких условиях можно говорить о наличии прогрессирующего засоления как следствии современного аридного климата.

Интенсивность усыхания в различных областях Азии разная. Существующая зональность и провинциальность ландшафтов и высотная поясность то смягчают, то усиливают ее. В Средней Азии признаки усыхания проявляются слабо. Они выражены в процессах соленакопления в почвогрунтах и грунтовых водах и незначительном изменении характера растительности в сторону большей галофильности и ксерофильности.

В Центральной Азии, где водно-тепловой баланс более напряженный, процессы усыхания идут активнее. Это выражается в наличии на значительных территориях ландшафтов песчано-галечных и песчаных пустынь (вовсе лишенных растительности), гипсовых и карбонатных кор. Общий признак для всей аридной зоны Азии — прогрессирующее сокращение площади оледенения.

Приведенные факты говорят, что условия для усыхания территории в аридных областях Азии уже существуют, и этот процесс имеет место. Для доказательства этого даже не требуется привлекать критерии о прогрессирующей аридизации климата. Однако сам по себе процесс усыхания пустынь Азии в настоящее время можно рассматривать как следствие процесса аридизации климата, продолжающейся с четвертичного периода.

К аналогичному выводу приходят и исследователи пустынь Северной Африки и Юго-Восточной Азии. Так, известный исследователь пустыни Сахары Р.Капо-Рей [10] считает, что засушливость ее территории за исторический период усилилась. Доказательством этого служат обеднение флоры и фауны, иссякание подземных источников, не считая преданий коренного населения о большей обводненности Сахары в прошлом. Что же касается дальнейшей аридизации климата, то мнение Р.Капо-Рей таково: “Возможно, что в Сахаре

происходит иссушение если не на всей территории, то по крайней мере на широком пространстве... Но иссушение климата Сахары не доказано, особенно то, что такое иссушение идет непрерывно”.

Другие исследователи высказываются более определенно. Так, М. Кришнан [13] считает, что область пустыни Тар прогрессивно усыхает и она надвигается на север.

Практическое значение изложенных выводов может быть велико. Прогрессирующие процессы соленакопления в аридной зоне Азии сказываются отрицательно на земледелии и водоснабжении в животноводческих районах. Борьба с этим явлением требует постоянного внимания и разработки соответствующих мероприятий (мелиорации засоленных почв, опреснения соленых грунтовых вод).

Далее, закреплённость почвогрунтов в песчаных пустынях Азии даже там, где естественные процессы зарастания песков имеют место, фактор малоустойчивый. Если существующий растительный покров будет человеком уничтожен, то для восстановления его потребуются огромный срок — для Каракумов не менее 100—200 лет. В Центральной же Азии, где имеются крупные массивы подвижных песков, совсем лишенных растительности, на которых развитие растительности невозможно из-за их сухости, встает проблема закрепления их с помощью методов технической мелиорации. Об этом приходится говорить потому, что освоение пустынь в настоящее время не ограничивается только орошением новых территорий. Не менее важную роль уже играет использование их полезных ископаемых — нефти, газа, минеральных солей. Ряд богатых нефтегазовых месторождений обнаружен среди крупных массивов барханных песков (Котур-Тепе в западной Туркмении, окраинные районы пустыни Такла-Макан, Цайдам). При освоении их часто приходится разрушать коренной растительный и почвенный покровы, восстановление которых в ряде районов без искусственного орошения невозможно.

Усилия ученых, занимающихся проблемой освоения пустынь, должны быть направлены на разработку мероприятий, снижающих неблагоприятное влияние на хозяйство прогрессирующего иссушения Азии. Необходимо уточнить и внедрить систему рекомендаций по наиболее рациональному использованию естественных ресурсов пустынь и по охране в связи с этим их природных ландшафтов.

ВЫВОДЫ

1. В проблеме усыхания Азии следует различать два аспекта — аридизацию климата и усыхание территории пустынь.

2. Доказательствами наличия процесса усыхания территории пустынь Азии являются: а) повсеместное сокращение площади ледников, б) преобла-

дание в геоморфологических процессах дефляции и плоскостного смыва, в) частичный переход сосредоточенного стока в плоскостной, г) сокращение площади озер и их прогрессирующее засоление, д) деградация растительности в плакорных условиях до полного ее исчезновения, е) подавление процессов видообразования во флоре и фауне, ж) прогрессирующее засоление почв в плакорных условиях и консервация солевых кор.

3. Наряду с этим следует отметить, что интенсивность этих процессов, соответственно разной степени аридизации современного климата в различных частях пустынной зоны Азии, неодинакова. Она имеет крайнее выражение в наиболее засушливых западных областях Центральной Азии (Бэйшань, Гашуньская гоби, Цайдам, Кашгария).

4. Одним из прямых доказательств аридизации климата в пустынях Азии за исторический период являются факты повсеместного сокращения площади ледников. Однако процесс аридизации протекает ритмически, что выражено, как это показал А.В.Шнитников [25], в форме наложенных внутривековых ритмов (25—50 лет) на тысячелетние (1800—1900 лет). Инструментальных наблюдений для доказательства прогрессирующей аридизации климата не имеется из-за кратковременности наблюдений на существующей сети метеорологических станций (менее 100 лет).

ЛИТЕРАТУРА

1. Берг Л.С. Высыхает ли Средняя Азия? // Изв. РГО. Т. 41. Вып. 3. 1905.
2. Берг Л.С. Климат и жизнь, изд. 2-е, М.: Географгиз, 1947.
3. Берг Л.С. О проблематичном усыхании степей и пустынь // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 5. 1953.
4. Воейков А.И. Повсеместны ли колебания климата и периодичны ли они? // Метеор. вестник. 1910. № 12.
5. Воейков А.И. Продолжается ли высыхание Туркестана и Центральной Азии? // Метеор. вестник. 1920. № 1.
6. Грумм-Гржимайло Г.Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Изв. РГО. Т. 65. Вып. 5. 1933.
7. Долгушин Л.Д. Основные особенности современного оледенения Центральной Азии по новейшим данным // Матер. гляциол. иссл. Вып 1 (сер. Хроника и обсуждение). 1961.
8. Захарьина Г.В. Засоленные почвы Синьцзяна и их мелиорация // Сб. Природные условия Синьцзяна. Изд. АН СССР. М., 1960.
9. Калесник С.В. Очерки гляциологии. М., 1963.
10. Капо-Рей Р. Французская Сахара. М.: Географгиз. 1958.
11. Козлов П.К. Монголия и Кам. Т. I. Ч. 1. По Монголии до границ Тибета. Изд. Рус. геогр. общ. СПб., 1905.
12. Козлов П.К. Монголия и Кам. Т. I. Ч. 2. Кам и обратный путь. 1906, 1947.
13. Кришнан М.С. Геология Индии и Бирмы. М.: Изд. иностр. лит. 1954.
14. Марков К.К. Усыхают ли Средняя и Центральная Азия? // Вопросы географии. N. 24. М.: Географгиз. 1951.

15. *Мурзаев Э.М.* К палеогеографии северной Гоби // Тр. Монг. комиссии. Вып. 38. Изд. АН СССР, Л., 1949.
16. *Мушкетов И.В.* Туркестан. Т. I. Ч. 2. СПб., 1886.
17. *Обручев В.А.* Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань. Отчет о путешествии, совершенном по поручению Рус. геогр. общ. в 1892—1894 гг. Т. II. Изд. Рус. геогр. общ. СПб., 1901.
18. *Левцов М.В.* Путешествие по Восточному Туркестану, Кунь-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889 и 1890 гг. Ч. I. Изд. Рус. геогр. общ., СПб., 1895; Путешествие в Кашгарию и Кунь-Лунь. М.: Географгиз, 1949.
19. *Перельман А.И.* Процессы миграции солей на равнинах восточной Туркмении и западного Узбекистана в неогене // Сб. Древние почвы Средней Азии. Изд. АН СССР. М., 1959.
20. *Попов М.Г.* Избр. соч. М.—Л., 1958.
21. *Потанин Г.Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествия 1884—1886 гг. Т. I. Изд. Рус. геогр. общ. СПб., 1893; 2-е изд. М.: Географгиз. 1950.
22. *Пржевальский Н.М.* От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарима. Четвертое путешествие в Центральной Азии. Изд. Рус. геогр. общ. СПб., 1888; 2-е изд. М.: Географгиз. 1948.
23. *Синицын В.М.* Геотектонический фактор в изменении климата Центральной Азии // Бюлл. Моск. общ. испыт. прир., отд. геолог. Т. XXIV. Вып. 5. 1949.
24. *Синицын В.М.* История аридной области в мезокайнозойе // Чт. памяти В.А.Обручева. Вып. 1—5. 1956—1960. М.: Изд. АН СССР, 1961.
25. *Шнитников А.В.* Современная фаза внутривековой изменчивости горного оледенения северного полушария // Изв. Всесоюзн. геогр. общ. Т. 63. Вып. 1, 1961.
26. *Шнитников А.В.* Динамика водных ресурсов бассейна Арала в свете его климатических трансгрессий // Тр. Лаб. озеровед. АН СССР. Т. XIV. Изд. АН СССР. М.—Л., 1961.
27. *Huntington E.* The rivers of Chinese Turkestan and the desiccation of Asia // Geogr. Journ. V. 28. № 4. 1906.
28. *Huntington E.* Civilization and climate. Ed. 3. London, 1924.
29. *Kropotkin P.A.* The desiccation of Eur-Asia // Geogr. Journ. V. 23. № 6. 1904.
30. *Maignien R.* Sols des régions désertiques de l'Asie Centrale // Bull. Assoc. Franc. pour l'étude de sol. № 2. 1962.
31. *Stein A.* Innermost Asia; its geography as a factor in history // Geogr. Journ. V. 65. №5, 6. 1925.
32. *Visser Ph.C.* Gletscherbeobachtungen in Karakorum. Scherlachen und Gletscherüberschiebungen // Zs. f. Gl., Bd. 22, 1935.

О походах древних русских в Табаристан

Б.А.Дорн

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПОХОДОВ РУССКИХ ПО КАСПИЙСКОМУ МОРЮ И В ПРИЛЕГАЮЩИЕ К НЕМУ СТРАНЫ ПО ИЗВЕСТИЯМ ВОСТОЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

1. Русские нападают на Абесгун: но все погибают. 880 (?)

Властитель Табаристана и Джурджана: Хасан бен Зайд (ум. 884 г.). Саманид: Наср бен Ахмед (874—892).*

(Мухаммед бен эль-Хасан).

2. Русские являются на 16 кораблях и производят опустошения в Табаристане. 297=нач. 20 сентября 909 г.**

Саманид: Ахмед бен Исмаил (907—913).

(Мухаммед бен эль-Хасан и Захир-ад-Дин).

3. Грабительский набег русских (по Масуди, на 500 кораблях) на Сари, Пенджагезар, Гилян и Закавказье. После 300 г.=нач. 7 августа 913 г.

Саманид: Наср II бен Ахмед (913—943). Гиляншах: Джестан бен Вагсудан (?). Ширваншах: Али бен эль-Гайтем. Властитель Азербайджана: Юсуф бен Абу-с-Садж.

(Мухаммед бен эль-Хасаню Масуди).

4. Поход русских на Бердаа. 332=нач. 4 сентября 943 г.

* Библиографическое описание указанных авторов и источников см.: *Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии // Собрание сочинений. Вып. 6. М., 1996. С. 415—420.*

** Здесь и далее первая дата указана по мусульманскому календарю, началом которого стала хиджра — переселение пророка Мухаммеда из Мекки в Медину в сентябре 622 года. Перевод дат мусульманского календаря в григорианский производится по формуле: $G = M + 622 - \frac{M}{33}$, где M — дата мусульманского календаря.

Властитель Бердаа: эль-Мерзебан бен Мухаммед ас-Саллар (в 330—346=941,2—957,8 г.). Ширваншах: Мухаммед бен Йезид.

(Моисей Каганкатваци и др.).

5. Русские овладевают Семендером и Итилем. 358=нач. 25 ноября 968 г.

(При вел. кн. Святославе).

(Ибн Хаукал).

Б. Дорн

6. Вторжение русских во владения ширваншаха Ахситана. Около 1175 г. (Хакави).

7. Русские устраивают около и внутри Терки укрепления, которые разоряет беглербег Ширванский, Хосрой-хан. 1643 г.

При Михаиле Федоровиче. Шах Персидский: Аббас II (1642—1666).

(Мухаммед Тагер Вахид).

8. Казаки производят грабежи на Куре. 1647 г.

(Эвлия Эфенди).

9. Вторжение русских в Гилян. Около 1660, 1 г.

(Мухаммед Тагер Вахид).

10. Стенька Разин грабит Ферахабод. 1668, 9 г.

В Персии: Сефи II.

(Персидская география).

11. Русские в Гиляне. 1135=1722 г.

Шах Тагмасп II вступает на престол в Казани. Он отправляет великого визиря Исмаил-бега послом в Россию, чтобы сообщить о своем вступлении на престол и просить о помощи (против афган). Русские бросают якорь на рейде г. Решта (Энзели), разбивают визиря Рештского и укрепляются возле города*. Затем они овладевают Рештом, равно как Кугдумом, и остаются там два года, утверждая, что посол шаха Тагмаспа закрепил за ними обладание страны от Решта и Нгазабада до Астерабада с тем, чтобы они защищали ее от неприятелей. Они действительно и заняли всю пограничную область (Гилян и Мазандеран) до Ниазабада при помощи 10 000 человек, которых привел русский полководец. Они овладели также Лагиджаном и Тимеджаном. Между тем и царь Петр Великий сухим путем прибыл из крепости Гизляр (Кизляр) в Дербент, велел очистить тамошнее укрепление Нарин-Кала и поместил в нем гарнизон в 3000 человек (тюфянчиев). Царь занял также Бадкуба или Бадкуие, т.е. Баку и Салиан, и затем возвратился в свою столицу.

В России: Петр I. В Персии: Шах Хусейн. Шах Тагмасп II. Афганец Мир Махмуд.

(Мухаммед Мегди-хан (рукоп.); срав. также немецкий перевод: *Geschichte des Nadir Schah*. Greifswald, 1773. с. 14, и Соймонова: Описание

* В 1860 г. мне еще показывали близ Решта развалины укрепления русских; см. также сочинения Мельгунова.

Каспийского моря с дополнениями издателя историографа Миллера. СПб., 1763); упомянутые на с. 488-й. Материалы, с. 523—544, и Мельгунова, с. 213.

12. Морские разбои на Каспийском море. 1737 г.

В Персии: Надир-Шах.

(Хулефа Мирза).

13. Экспедиция графа Войновича. 1196=1781,2 г.

В Персии: Ага Мухаммед-хан.

(История Каджар).

14. Русские под начальством Завалишина вторгаются в Гилян по поручению Цицианова. 1218=1803,4 г.

(Там же).

15. Русские пытаются возмутить туркмен. 1242=1826,7 г.

(Там же).

О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г.

Н.Я.Половой

Изучение внешней политики Руси до образования централизованного государства является одной из важных задач советской исторической науки. Ее решение во многом зависит от выяснения отношений Руси с величайшей державой Средневековья — Византией¹. Однако нельзя не признать вместе с М.Левченко² и А.Флоровским³, что, несмотря на наличие большого числа работ по отдельным вопросам истории Руси и Византии, именно русско-византийские отношения изучены еще крайне недостаточно.

Русско-византийские отношения нельзя понять без выяснения отношений Руси и Византии с другими соседними странами, и в первую очередь, если это касается X в., с Болгарией и Хазарией. Однако, если отношениям Руси с Болгарией, особенно периода балканских войн Святослава, все же посвящена некоторая литература, то и поныне остаются справедливыми слова В.Мошина о том, что в области “русско-хазарских отношений мы ходим в потемках”⁴. Причиной этого является или полное отсутствие источников, или их фрагментарность и противоречивость. Ведь даже не раз подвергавшаяся сомнению подлинность таких основных источников по истории Хазарии вообще и по истории русско-хазарских отношений в частности, как документы, относящиеся к еврейско-хазарской переписке X в., окончательно была доказана лишь несколько лет назад⁵.

Выяснение русско-византийско-хазарских отношений в конце княжения Игоря, несомненно, помогло бы раскрыть ту великую роль, которую в это время играло молодое Русское государство. Походы, предпринятые тогда русскими на Византию и на Каспий, во многом отличавшиеся от прежних походов Руси, ярко продемонстрировали возросшую мощь Русского государства и побудили все окрестные страны пересмотреть свою политику по отношению

к Руси и либо пойти ей на уступки, как это было с Византией, или, напротив, подобно Хазарии и мусульманским государствам Каспия, повести еще более ожесточенную борьбу с традиционным стремлением Руси утвердиться на великих торговых путях Каспия и Причерноморья.

О русском походе на Бердаа в 943 г. долго помнили на Востоке. Этот поход заставил говорить о себе не только современников, живших поблизости от Бердаа, но и авторов, писавших столетия спустя после этого похода и живших далеко от Азербайджана⁶.

Однако, несмотря на наличие довольно значительного и разнообразного круга источников о походе русских на Бердаа в 943 г., в науке до сих пор не выяснены отношения Руси с мусульманскими государствами Каспия в это время и даже вопрос об отношении хазар к этому походу. Попытка А.Н.Насонова⁷, поддержанная многими историками⁸, доказать, что Хазария в 943 г. препятствовала походу на Бердаа и что этот поход является результатом соглашения между Русью и Византией, не может считаться успешной, потому что она находится в прямом противоречии с источниками. Одной из важнейших задач в этой связи является тщательный анализ всех источников по истории взаимоотношений Руси и Хазарии⁹.

Вопрос о роли хазарской дипломатии в походе 943 г. в исторической литературе еще не поднимался. Однако только решение этого вопроса поможет высчитать русско-хазаро-мусульманские отношения на Каспии в это время.

Настоящая статья является попыткой выяснить русско-византийско-хазаро-алано-мусульманские отношения в связи с походом русских на Бердаа в 943 г.

Историческая роль Хазарского каганата и его влияние на жизнь Древней Руси очень долго преувеличивались в литературе, и это, несомненно, сыграло свою роль в том, что многие историки согласились с мыслью А.Н.Насонова о враждебном отношении Хазарии к походу 943 г. Хазария была небольшим полукочевническим, полуседлым государством¹⁰, которое “не могло и думать о соперничестве с Византией или Халифатом”¹¹. Постоянная забота Хазарии заключалась в том, чтобы как-нибудь протянуть в повседневной борьбе с окружающими ее народами.

Однако не следует забывать, что это полукочевническое государство просуществовало около 400 лет! Причина живучести Хазарии заключалась в том, что она “превратилась в огромную таможенную заставу, запиравшую пути по Северному Донцу, Дону, Керченскому проливу и Волге”¹². “Заняв важнейшие торговые магистрали — Дон, Керченский пролив и Волгу, — хазары хищнически пользовались выгодами своего положения”¹³. Это положение Хазарии, как транзитной державы, налагало отпечаток не только на ее торговлю, но и на военную политику. Через свои заставы хазары пропускали не только торговые караваны, но и военные отряды, направлявшиеся грабить те народы, которые находились во враждебных отношениях с хазарами. В IX в. гузы по

наущению хазар воевали против печенегов; спустя век турки громили возмущившихся против хазар аланов; аланы же после их усмирения, согласно свидетельству Кембриджского документа, помогли хазарам “навести страх на все народы”, живущие поблизости от Хазарии. Хазария некоторое время умело использовала в своих интересах и движение русских на Каспий. Хазарский каган брал с русских не только пошлину за провозимые через ее территорию товары, но также половину добычи за то, что пропускали их на Каспий для грабежа враждебных Хазарии мусульманских государств. Следовательно, русским очень трудно было бы проникнуть на Каспий как для торговли, так и для военных действий без разрешения хазарских властей.

При враждебном отношении хазарского кагана к походу русских на Каспий им пришлось бы выбирать совсем другой маршрут, нежели маршрут похода 912—913 гг., который описан у Масуди, когда русские шли на Каспий Доном и Волгой через Итиль. Вопрос о маршруте на Бердаа в 943 г. приобретает особую важность именно потому, что он тесно связан с дипломатической обстановкой 943 г. и позволяет определить отношения хазарского кагана к этому походу. Если каган покровительствовал этому походу, то русский флот, бесспорно, мог свободно воспользоваться водным путем через Дон — Волгу — Итиль — Каспий, как это было в 913 г. Если же, наоборот, поход на Бердаа явился следствием соглашения Руси с Византией и встретил противодействие со стороны Хазарии, то маршрут этого похода должен был быть иным. Вот почему исследователь русско-хазаро-византийско-алано-мусульманских отношений в 943 г. должен подробно остановиться на вопросе о маршруте похода на Бердаа.

Относительно маршрута этого похода нет единой точки зрения. Одни историки (В.В.Григорьев, А.Н.Насонов, В.В.Мавродин) полагали, что русские на Бердаа шли сушей, т.е. “пересекли материк от Азовского моря до Каспийского к северу от Кавказского хребта”¹⁴. Другие исследователи (Карамзин¹⁵, Б.Дорн¹⁶, А.Ю.Якубовский, А.А.Куник) утверждали, что русы на Бердаа шли Доном — Волгой.

Самое подробное исследование о маршруте похода русов на Бердаа принадлежит А.Н.Насонову, который писал: “Каким путем решили русы выйти к Каспию? Шли они Доном и Волгой, мимо хазарской столицы Итиля, или же пересекли материк к северу от Кавказского хребта, как это сделал во второй половине IX в. Кирилл Философ, вышедший к Дербенту? Существует ли материал, позволяющий сделать определенный вывод по данному вопросу? Такой материал существует. Его рассмотрение не приводит к противоречивым выводам. Такой материал мы находим, во-первых, в некоторых восточных источниках, трактующих о походе русов на Бердаа 944 г. и содержащих данные о пути русов; во-вторых, в некоторых восточных источниках, относимых к середине X в. и содержащих указания на движение русов к берегам Каспийского моря; в-третьих, данные для решения интересующего нас вопроса мы по-

лучаем при рассмотрении общей ситуации на путях из Каспийского моря к Черному, сложившейся к середине X в.”¹⁷. Остановимся на системе доказательств А.Н.Насонова и рассмотрим прежде всего сообщения восточных источников о походе русов на Бердаа. Об этом походе пишут Ибн Асир, Ибн Мискавейх, Абуль-феда, Якут, Хазиф Абру, Ибн Хальдун, Айни, Бар-еврей, Низами¹⁸, Моисей Каганкатвази¹⁹. Из этих авторов только Низами и Бар-еврей своим указанием на этническую принадлежность участников похода “дают материал для суждения о пути русов”²⁰. Что касается Низами, то А.Н.Насонов, равно как и В.В.Григорьев²¹, использовал не все данные, содержащиеся в “Искандер-наме”, которые позволяют судить о пути русских. Оба эти историка привели только послание абхазского правителя Дувала Александру Македонскому: “Русские, жаждущие войны, пришли ночью из страны алан и греков (герков, или арков), чтобы на нас напасть, как град. Так как они не смогли пробиться через Дербент и его окрестности, они отправились в море на судах и совершили нападение”²². Однако в другом месте Низами дает более важное указание: “Кинталь, который шел во главе руссов, заметив, что небо принимает зловещий вид, собрал войско в семи провинциях, зависевших от России (буквально: семь Россий)²³, из коих он как бы сделал семь молодых невест. Его войско, составленное из пертасов (буртасов), аланов и хазар, образовало поток, обширный, как океан, и внушительный, как гора. Вооруженное мечами и панцирями, оно устремилось по странам, лежащим между областью Ису и степью Кефтшак (Кипчак)”²⁴. Это место у Низами заставило уже академика Б.Дорна сделать такой вывод: “Так как у поэта (Низами. — *Н.П.*) союзниками русских являются буртасы и хазары, с которыми они проходят чрез земли, лежащие между Ису и Кефчаком, то он, должно быть, предполагал, что они шли с Волги”²⁵.

Приводя только первое известие Низами о приходе русских “из страны алан и герков” (вариант: “равно как и аланы и герки”), историки, между тем, не имели четкого представления о том, кто такие герки (арки) и где находится их страна. Это обстоятельство, конечно, позволяло в герках (арках) усматривать различные народы и давало обширную пищу для самых фантастических предположений. Ф.Эрдман, полагавший, что все восточные известия о походе на Бердаа есть не что иное, как перифраз Игорева похода на Константинополь, утверждал, что “арки” — это исковерканное “варяги”²⁶, а сам город Бердаа в этих источниках есть не что иное, как переделка имени Варды Фоки, воевавшего с русскими в 941 г.²⁷ Ф.Шармуа и В.В.Григорьев полагали, что арки (герки) — это грузины (георги). А.Ю.Якубовский вообще вместо “из страны алан и герков (арков)” пишет: “из земель герков и аланов”²⁸. Но и до сих пор название арков как исторического народа считается неизвестным²⁹. Разгадать, какой народ скрывался под названием арки (герки), историкам в значительной степени помешало то обстоятельство, что они обращали мало внимания на остальной текст Низами. Между тем в другом месте своей поэ-

мы Низами дал перечень народов, воевавших против Бердаа: это — русские, аланы, хазары и буртасы³⁰. Мы видим, что хотя здесь указываются аланы, однако арков нет и вместо них указаны хазары и буртасы. Не скрываются ли у Низами под именем арки именно хазары и буртасы? Для решения этого вопроса нужно выяснить, не названы ли в каких-нибудь источниках хазары или буртасы арками (герками), а их страна Арканией (Гирканией). Положительный ответ на этот вопрос мы находим в известном Кембриджском документе, где говорится: “Вот сообщаю я моему господину: имя нашей страны (т.е. Хазарии. — Н.П.) как мы нашли (это) в книгах, Ар-к-нус”³¹. П.К.Кокковцов полагал, что это “своеобразное и ни в одном из известных источников о хазарах не встречающееся” название Хазарии Арканией (Гирканией) взято автором Кембриджского документа из “Книги Иосиппон”, в которой имеется легендарный рассказ о народе *ιταρις*, жившем по соседству с аланами, запертыми в горах Александром Македонским³². Однако Данлоп указал, что и в Сирийской хронике Бар-еврея *Νυγσαπια* отождествляется со “страной хазар”³³. Следовательно, Хазария, хотя и очень редко, называлась Арканией или Гирканией. Может быть, и в самом деле это было книжное название Хазарии, и Низами мог его встретить в тех многочисленных источниках, шедших из Византии, Сирии, Ирана, которые тщательно изучал для написания поэмы “Искандер-наме”: “Кроме новейших историй (изучал я и книги) еврейские, христианские и пехлевинские”³⁴.

Что касается алан, то русские вполне могли их встретить, идя Доном — Волгой, так как из сообщения Константина Багрянородного о том, что аланы могут закрывать хазарам пути в Саркел и Крым³⁵, следует, что “аланы контролировали византийские коммуникации на Нижнем Дону”³⁶ и их, следовательно, можно было встретить в донских степях.

Но если это так, то слова Низами “из страны алан и арков (герков)” следует понимать “из страны алан и хазар”. Такое толкование находит полное подтверждение в другом месте поэмы Низами, где указывается, что на Бердаа напали русские, аланы и хазары с буртасами.

Следовательно, согласно Низами, русские напали на Бердаа из Алании и Хазарии, и хазары не только не препятствовали походу на Бердаа, но даже участвовали в нем со своими союзниками — аланами и данниками — буртасами. Зачем же русским было бросать свой флот в Черном море и “пересекать материк” от Черного до Каспийского моря, если хазары не только покровительствовали их походу на Бердаа, но даже сами участвовали в нем?

Может быть, исторические сведения, сообщаемые Низами, вообще не заслуживают внимания, как полагал, например, А.В.Флоровский³⁷. Однако мы уже видели, что указание Низами на участие алан в походе на Бердаа находит подтверждение и в “Сирийской хронике” Бар-еврея, умалчивающего о хазарах, но указывающего не упоминающихся у Низами лезгов. Таким образом, относительно участия алан в походе русских на Бердаа в 943 г. мы имеем по-

ложительные свидетельства у Низами и у Бар-еврея. Но как можно проверить или подтвердить сообщаемый только Низами факт участия хазар в походе на Бердаа? На этот вопрос можно было бы ответить исходя из общей ситуации, сложившейся в 943 г. на путях от Византии и Руси до Хазарии и мусульманских государств Каспия. Если эта общая ситуация характеризовалась дружественными отношениями Хазарии и Алании и враждебными отношениями между Хазарией и мусульманскими государствами Каспия, то, конечно, сообщаемый Низами факт об участии хазар в походе на Бердаа вполне мог иметь место.

А.Н.Насонов в своем анализе “общей ситуации 40—50-х годов X в. на путях от Черного моря к Каспийскому” старается доказать близость алан к грекам и их враждебность к хазарам: “При покровительственном отношении империи и при дружественном отношении “владельца Алании” к императору ромеев русы могли пересечь материк от Азовского до Каспийского моря, не испрашивая разрешения хазарского кагана”³⁸. Иными словами, А.Н.Насонов стремится доказать, что поход на Бердаа был всецело делом византийской дипломатии и не только не допускает мысли об участии хазар в походе на Бердаа, но даже заявляет о враждебном отношении хазар к этому походу.

Можно ли в действительности говорить о “дружественном отношении “владельца Алании” к императору ромеев” в 943 г. и его враждебном отношении к хазарам? Конечно, нет.

Позиции греков в Алании укрепились в начале X века³⁹. Но “дружественная” связь Византии с Аланией продолжалась недолго⁴⁰ и к интересующему нас времени (к 943 г.) произошел полный разрыв. Масуди писал в 943—947 гг.: “После 320 (932) г. аланы отреклись от христианства и прогнали епископов и священников, которых они (раньше) приняли и которых к ним отправил царь греков”⁴¹. Отношения Византии с Аланией оставались прерванными и в его время, радуя душу правоверных последователей пророка.

Еврейско-хазарская переписка также опровергает предположение, что в 943 г. между Византией и Аланией существовали дружественные отношения, а между Хазарией и Аланией враждебные.

В Кембриджском документе этой переписки сообщается: “И во дни царя Аарона воевал царь аланский против хазар, потому что подстрекнул его греческий царь. Но Аарон нанял против него царя турок, так как тот был [с ним дружен], и низвергся царь аланский перед Аароном, и тот взял его живым в плен. И оказал ему [царь большой] почет и взял дочь его в жены своему сыну Иосифу. Тогда [обязался] ему аланский царь в верности, и отпустил его царь Аарон [в свою землю]. И с того дня напал страх пред хазарами на народы, которые [живут] кругом их. [Также и] во дни царя Иосифа, моего господина... (аланский царь был. — *Н.П.*) [ему подмогой], когда было гонение [на иудеев] во дни злодея Романа”⁴².

Таким образом, вместе с поражением аланского князя в войне с хазарами и браком аланской принцессы с иудейским царевичем Иосифом “должны были прекратиться успехи христианской миссии в Алании”⁴³. И они действительно, как сообщает Масуди, прекратились в 932 г.

Согласно Кембриджскому документу, “дружба алан составляла главную основу хазарской дипломатии”⁴⁴. Поэтому понятно стремление греков подорвать эту основу.

Указание Константина Багрянородного своему сыну, приведенное А.Н.Насоновым, о необходимости жить в мире с “владельцем Алании” направлено не на дальнейшее укрепление уже существующей связи двух народов, а лишь на *восстановление* этой связи, прерванной в 320 г. хиджры (13.I.932 г. — 31.XII.932 г.). В царствование Константина Багрянородного эта связь так и не была восстановлена.

Во времена Масуди “властитель Алании” вместо сближения с греками решил сблизиться с их врагами — хазарами. “Восстановление хазарского влияния в Алании может быть точно датировано 932 годом”⁴⁵. Константин Багрянородный знал это, но он знал также, какую огромную помощь могли бы оказать грекам аланы, сменив свою дружбу с хазарами на вражду. Вот почему, пользуясь выражением Ю.Д.Бруцкуса, “византийский двор в то время... очень уваживал за аланским князем”⁴⁶. Однако заигрывания византийской дипломатии с аланским князем еще не свидетельствуют о ее успехах в этом деле.

Когда Константин Багрянородный пишет о печенегах, то он указывает, что печенеги уже навели и продолжают наводить страх на венгров, русских и хазар своими неоднократными набегами. Но об аланах Константин Багрянородный сообщает лишь, что они могли бы навести страх на хазар, если бы захотели: “И если этот владетель Алании постарается чинить им препятствия, то Херсон и Климаты будут пользоваться долгим и прочным миром”⁴⁷. Смысл поучений Константина Багрянородного заключается в том, что византийская дипломатия должна сделать все возможное, чтобы рассорить алан и хазар, чтобы возможность алан вредить хазарам стала действительностью.

Во время Константина Багрянородного аланы для Византии не были тем же, чем были для нее ранее печенеги, но греки страстно желали и из алан сделать наемных стражей империи.

Таким образом, владетель Алании вовсе не был в дружбе с Византией и во вражде с Хазарией, как полагает А.Н.Насонов, и не думал стоять на страже интересов империи.

Мы видим, что при выяснении отношения аланского князя к походу русов на Бердаа А.Н.Насонов пошел неправильным путем. Вместо того, чтобы, пользуясь материалами, относящимися к 943 г., убедительно доказать, что это покровительственное отношение явилось результатом такого же покровительственного отношения хазар к походу на Бердаа, А.Н.Насонов, используя

данные, относящиеся к началу X в. (факт обращения алан в христианство в 921—925 гг.), попытался доказать, что оно явилось следствием дружественных отношений с Византией.

В 943—944 гг. “владелец Алании” был в союзе с русским князем, и это сближение должно быть признано всецело делом русско-хазарской дипломатии, а не византийской. Хазар и алан сблизило с русскими стремление разгромить усиливающиеся государства Каспия. Образовавшийся в 943 г. русско-алано-хазарский союз усиливал все эти три государства за счет мусульманских государств Каспия, а поэтому, конечно, был нежелателен Византии, которая в 943 г. враждовала с хазарами и аланами. Мы видим, насколько независимо вела себя русская дипломатия в 943 г. Заключение перемирия на Дунае и выгодный торговый договор с Византией не помешали русскому государству заключить военный союз с врагами греков — хазарами и аланами. Таким образом, общая ситуация 943 г. убеждает в том, что поход на Бердаа является всецело делом русско-алано-хазарской дипломатии, а не византийской. Разгром Бердаа, бесспорно, был очень выгоден Хазарии и никакой пользы не давал Византии. Поход на Бердаа не был “походом на Хазарию и в Закавказье”⁴⁸ — это был поход в Закавказье с помощью Хазарии. Этот поход не только не “ослаблял Хазарию”⁴⁹, а, напротив, усиливал ее, потому что ослаблял мусульман Каспия.

Рассмотрим, какие отношения были у Хазарии с мусульманскими государствами Каспия, имелись ли причины, побуждающие хазар к походу против этих государств в 943 г.?

Таких причин было больше чем достаточно. Масуди сообщает, что в 943 г. евреи бежали в Хазарию не только из византийских областей, но и из мусульманских стран⁵⁰. Он подчеркивает враждебность Хазарии мусульманам: хазары потому пропускают русских на Каспий, что “царь хазарский не имеет судов и его люди непривычны к ним; в противном случае мусульмане были бы в великой опасности с его стороны”⁵¹. И это писалось в 943—947 гг.!

Весь ход исторического и экономического развития обуславливал непримиримую противоположность хазарских и мусульманских интересов. Арабы постепенно вытеснили хазар из Закавказья, и ко второй половине VIII в. хазары были отброшены за Кавказские горы.

Борьба с арабскими странами была одной из постоянных государственных забот Хазарии. Арабы хотели “превратить Хазарию в мусульманскую страну”⁵². “В случае победы мусульман в Хазарии политическое положение на берегах Каспийского моря, конечно, резко изменилось бы в пользу Халифата”⁵³.

“Хазарское царство преграждало самый удобный и легкий путь для торговли с далеким Севером”⁵⁴. И наоборот, такое мусульманское государство, как Булгария, стояло Хазарии поперек дороги. “Ввиду географического положения хазарского и болгарского царств интересы их находились в непримиримом противоречии”⁵⁵.

В мусульманских странах неоднократно, как сообщают Ибн Фадлан и Масуди, разрушали еврейские синагоги, а хазарский каган отвечал разрушением мечетей в своих городах⁵⁶.

Могли ли хазары отказаться от искушения использовать силу русских в своих жизненных интересах, причем не только даром, но даже получая огромную добычу? Конечно, нет.

Масуди сообщает, что в 913 г. русских на Каспий пропустил именно хазарский каган, которому они пообещали половину добычи, награбленной у мусульман Каспия. Когда русские в 913 г. закончили свои грабительские операции на Каспии и возвращались на родину, мусульманская гвардия кагана потребовала, чтобы он разрешил им разгромить русских. И Масуди с иронией замечает, что каган потому отпустил аспийцев (мусульманская гвардия кагана) на битву с русскими в 913 г., что “не мог им препятствовать”⁵⁷. Однако его ненависть к мусульманам была столь сильна, что он и здесь попытался им вредить: “...послал к русам и известил их, что мусульмане намереваются воевать с ними”⁵⁸. Следовательно, в разгроме русских близ Итиля в 913 г. повинны, собственно, не хазары, а “именно мусульмане Хазарского царства”⁵⁹.

Хазария являлась державой транзитной и хищнически пользовалась годами своего географического положения. Русские, пробивающиеся на Каспий с торговыми или с грабительскими целями, должны были платить пошлину и отдавать половину награбленной добычи. В 913 г. русские ничуть не удивили кагана своим предложением пограбить прикаспийские страны. Хазария уже привыкла видеть в этом один из источников государственных доходов и одно из средств борьбы с мусульманским продвижением на север.

Русские своими мощными ударами по арабским странам в 880, 909, 910, 913 и 943 годах объективно помогли хазарам устоять не только против арабского продвижения, идущего с юга Каспия на север, но и против самого русского продвижения на Каспий, потому что эти удары, в сущности, приводили к укреплению Хазарского каганата. В самом деле, хазары, пропуская русских на Каспий, получали не только половину добычи, но, что гораздо важнее, не пролив ни капли крови, наносили такие страшные удары мусульманам Каспия, от которых те долго не могли оправиться. Таким образом, анализ русско-арабско-хазарских отношений на Каспии показывает, что русские, очередной задачей которых являлось уничтожение Хазарского каганата как государства, сами укрепляли его, нанося тяжкие удары злейшим врагам Хазарии — мусульманам. Для мусульман же Каспия русские были такими же врагами, как и хазары. Понятно поэтому, какие горькие основания имел Балами в своем персидском переводе Табари сделать интересную для историка X в. интерполяцию: царь Дербента Шахриар говорил в 644 г.: “Хазары и русы суть враги целому миру, в особенности же арабам”⁶⁰. Балами переводил историю Табари в 963 г. и, конечно, знал не только о походе русских на Бердаа, но и об остальных походах русских на Каспий, осуществлявшихся с согласия хазар.

Еврейско-хазарская переписка X в. также указывает на вражду Хазарии с мусульманскими государствами Каспия, в частности с Дербентом⁶¹. У Масуди имеется известие, что правитель Ширвана Мухаммед бен Иезид, овладев Баб-аль Аббабом (т.е. Дербентом) и другими областями, велел в Дербенте выстроить стены. Академик Б.Дорн делает из этого справедливый вывод: “В таком случае можно было бы предположить, что он принял эти меры после вторжения русских в Дербент — начало его правления относится приблизительно к 944 году, — чтобы обеспечить себя от подобных неожиданных нападений”⁶². Но Низами тоже сообщает, что русские и хазары, прежде чем захватить Бердаа, пытались взять Дербент: “Так как они (русские. — *Н.П.*) не смогли пробиться через Дербент в его окрестности, они отправились в море на судах и совершили нападение”⁶³.

Все эти сообщения подкрепляют и дополняют друг друга и заставляют верить сообщению Низами о попытке русских и хазар захватить в 943 г. Дербент.

Не потому ли, как свидетельствует Масуди, евреи в 943 г. бежали из мусульманских стран, что мусульмане объявили на них гонение в связи с участием хазар в походе на Бердаа?

Итак, общая ситуация 943 г., сложившаяся на огромном пространстве от Византии и Руси до Хазарии и мусульманских государств Каспия, свидетельствует, во-первых, о том, что Хазария и Алания находились во враждебных отношениях с Византией и в дружественных отношениях между собой, и, во-вторых, о том, что Хазария находилась во враждебных отношениях с мусульманскими государствами Каспия. Следовательно, Низами прав, утверждая, что хазары в союзе с аланами и русскими напали сперва на Дербент, а затем на Бердаа, а А.Н.Насонов ошибается, утверждая, что хазары препятствовали походу на мусульманский Бердаа и находились во враждебных отношениях с аланами, которых якобы только “дружественное расположение” к византийскому императору побудило помогать русским в походе на Бердаа. Поэтому у нас нет никаких оснований сомневаться в исторической ценности сообщаемых Низами сведений относительно похода на Бердаа.

В доказательство враждебного отношения хазар к походу на Бердаа и сухопутного продвижения русов на Каспий в 943 г. А.Н.Насонов приводит письмо хазарского царя Иосифа, в котором тот говорит, что “не пускает русов, приходящих на кораблях, приходить морем, чтобы идти на исмаильтян”⁶⁴.

Однако письмо Иосифа, написанное почти 20 лет спустя после похода на Бердаа, бесспорно, не может служить основой для суждения о хазарской дипломатии в 943 г.

Известно, что раньше хазары пропускали русов на Каспий, например в 913 г. Известие Низами, что хазары вместе со своими вассалами — аланами и буртасами — участвовали в походе русов на Бердаа, убеждает нас в том, что и в 943 г. хазары пропустили русов на Каспий. Свое письмо Иосиф писал около

960 г., следовательно, свою традиционную политику по отношению к приближающимся на Каспий русским дружинам хазары изменили в промежутке между 943 и 960 гг.

Почему это произошло? Почему хазарский каган, ведя непрерывные войны с мусульманскими странами Каспия, отказался использовать в этой борьбе русов, не только не платя им за погромы этих стран, но даже получая половину награбленной добычи? Ведь нельзя же допустить, что каган стал отстаивать интересы Саманидов?!

Мы уже видели, что Хазария и мусульманские государства Каспия находились в непримиримых противоречиях⁶⁵, поэтому впечатление, которое на первый взгляд можно было бы вынести из письма Иосифа, что Хазария защищала мусульман Каспия от русских, так же ложно, как и подвергнутое уничтожающей критике Б.А.Рыбаковым представление о том, что Хазария являлась защитницей русских племен от кочевников.

В настоящее время твердо установлено, что “в истории морских походов русских на Каспийское море следует отметить два этапа: на первом этапе, до середины X века, походы русских на Закавказье и Каспийское море носили характер налетов с целью захвата военной добычи; с середины X века наблюдаются изменения в организации походов, меняются их цели. Русские дружинники стремятся обосноваться в Закавказье, восстановить прерванные войной связи и наладить хозяйственную жизнь, установив дружеские отношения с населением завоеванных ими городов и областей”⁶⁶.

Хазарская дипломатия на этих двух совершенно противоположных этапах истории походов русских на Каспий не могла оставаться одной и той же. Новый по характеру и задачам русский поход не мог не вызвать и изменений в хазарской дипломатии. Анализ особенностей похода русских на Бердаа в 943 г. заставляет нас признать, что именно эти особенности явились причиной изменения отношения хазар к походам русских на Каспий.

В литературе вопрос о роли хазарской дипломатии в походе русов на Бердаа не поднимался. Между тем несомненно, что разгром Бердаа, который находился во власти мусульман уже около двухсот лет⁶⁷, был прежде всего выгоден хазарам, которые поэтому охотно участвовали в этом походе.

Во время всех предшествующих походу на Бердаа набегов случалось так, что выгоды от русских ударов по мусульманам Каспия доставались хазарам, помогая им бороться с арабским продвижением на север. Прежде русы в течение лета заканчивали свои грабительские операции и перед заморозками возвращались домой, но в 943 г. они впервые зазимовали в завоеванной мусульманской стране.

Поход русских войск на Бердаа в 943 г. качественно отличался от всех прежних русских набегов на Каспий, предпринимавшихся исключительно с целью грабежа и захвата добычи. Последний грабительский набег зафиксирован в 913 г. Поход 943 г. был завоевательным походом⁶⁸. Об этом свидетельст-

вуют несколько фактов, имеющих в рассказе Ибн Мискавейха о походе на Бердаа: “Рассказали мне (Ибн Мискавейху. — *Н.П.*) Абу-Аббас ибн Нудар, а также некоторые из исследовавших, что люди эти (русы) вошли в город, сделали в нем объявление, успокаивали жителей его и говорили им так: “Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственное, чего мы желаем, — это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас — хорошо повиноваться нам”. Подступили со всех окрестных земель к ним (русам) мусульманские войска. Русы выходили против них и обращали их в бегство. И бывало не раз так: вслед за ними (русам) выходили и жители Бердаа, и, когда мусульмане нападали на русов, они кричали “Аллах велик!” и бросали в них камни. Тогда русы обратились к ним и сказали, чтобы они заботились только о самих себе и не вмешивались в отношения между властью и ими (русам). И приняли это во внимание люди, желающие безопасности, главным образом это была знать. Что же касается простого народа и большей части черни, то они не заботились о себе, а обнаруживали то, что у них в душах их, и препятствовали русам, когда на них вели нападение сторонники (войска) власти”⁶⁹.

Мы видим, что русам была нужна не добыча, а власть, не грабежи населения, а покорение. “Подробности рассказа показывают, что взятие Бердаа было совершено более стройными и дисциплинированными силами, чем во время набегов норманнов на христианские и мусульманские города Европы. В рассказах об этих набегах норманны изображаются беспощадными варварами, истребляющими и сжигающими все на пути. Едва ли в Европе был случай, чтобы язычники-норманны при взятии большого города объявляли жителям, что будут охранять безопасность их жизни и имущества”⁷⁰.

В Бердаа русские “стремились восстановить порядок в занятом городе, а это для языческих войск, какими являлись русские, есть замечательное явление. Известно, что в Западной Европе норманнские войска, которые в это время совершали набеги, были дикими ордами, огнем и мечом уничтожавшими все. Здесь же было наоборот”⁷¹. Итак, русские “стремились использовать завоевание, стремились захватить город, пользоваться его доходами, но не уничтожать его”⁷².

Таким образом, в 943 г. русские, разгромив мусульман, не только не ушли на родину, предоставляя хазарам воспользоваться результатами своих побед, но, напротив, остались в Бердаа, проявили стремление к умиротворению населения и стали проводить политику создания рядом с Хазарией независимого русского княжества. Традиционная русская политика грабежа мусульманских государств Каспия, выгодная хазарам, превратилась в завоевательную политику. Вместе с этим, конечно, изменилась политика Хазарии по отношению к русским отрядам, проживавшим на Каспий.

Интересна мотивировка каганом Иосифом своего нежелания пропускать русов на Каспий: “Если бы я их (русов. — *Н.П.*) оставил (в покое), они унич-

тожили бы всю страну исмаильтян до Багдада”⁷³. Так говорится в краткой редакции письма Иосифа. Пространная редакция добавляет: “Если бы я их оставил (в покое) на один час”⁷⁴.

Таким образом, хазары лишь тогда перестали пропускать русских на Каспий, когда последние стали настолько сильны, что “за один час” (т.е. за довольно короткое время) смогли бы “уничтожить всю страну исмаильтян до Багдада”. Когда русские были послабее, их использовали и пропускали на исмаильтян. Но теперь это было губительно для самой Хазарии. Ведь русские, покорив мусульманские народы, могли вступить с ними в союз для последующего разгрома Хазарии. То, что грозные завоеватели в Бердаа вместо грабежей и убийств обращались к жителям с мирными, преисполненными сдержанности и терпения речами, конечно, не порождало иллюзий у хазар, усмотревших в этой политике угрозу.

Низами тоже указал на опасность утверждения Руси на Каспии для восточных стран. Абхазский правитель Дувал в поэме Низами советует Александру Македонскому уничтожить русское завоевательное движение в самом зародыше: “Если наш державный повелитель отомстит за нас нашим врагам, пусть божество ему в том поможет своим содействием; если же нет, то ты увидишь через малое число лет — русы внесут опустошение и в Грецию, и в Армению... Так как они уже осмелились опустошать эти страны, то и Хоросан, и Греция точно так же возбуждают их алчность”⁷⁵. Отсюда ясно видно, как на Востоке была воспринята дерзкая попытка Руси утвердиться на Каспии. Восточные дипломаты считали, что завоеванием Бердаа русские подготавливали плацдарм для будущих завоеваний.

Поход 943 г. многому научил хазар, которые не могли не сделать выводов из новой тактики русских. Новая политика Иосифа в период между 943 и 960 гг., заключавшаяся в том, что он не пропускал русов на Каспий, могла родиться только после одного из завоевательных походов Руси, когда хазары почувствовали всю силу русской опасности. Но после 943 г. мы не знаем ни одного завоевательного похода Руси на Каспий, поэтому не подлежит сомнению, что именно поход 943 г. заставил Иосифа изменить эту традиционную политику хазар. Старым, идеальным, в понимании хазар, отношениям пришел конец. И как ни выгодны были кагану могучие русские удары по мусульманским странам, ему пришлось отказаться от них после 943 г. из-за боязни испытать их на себе.

Диалектика русско-хазаро-мусульманских отношений на Каспии после 943 г. приводила к тому, что хазары, препятствуя русскому проникновению на Каспий, невольно этим самым отстаивали мусульманские интересы и укрепляли своих злейших соперников — мусульман Каспия.

Утверждение Иосифа о том, что он не пускает русских, прибывающих на судах, чтобы идти на мусульман, заставляет нас признать, что в промежутке между 943 и 960 гг., т.е. в княжение Ольги и Святослава, русские снова не раз

пытались проникнуть на Каспий. Возможно, это были еще более мощные вооруженные силы, чем войско, захватившее Бердаа, об этом свидетельствует уверенность Иосифа, что русские легко могли бы завоевать всю страну мусульман вплоть до Багдада. То обстоятельство, что каган Иосифа перестал пропускать русские вооруженные силы на Каспий, явилось, может быть, тем поводом, которым воспользовался Святослав, чтобы уничтожить каганат.

Иосиф писал свое письмо за несколько лет до восточного похода Святослава. Чтобы понять, насколько опасно было для Хазарии в 960 г. пропускать русские вооруженные силы завоевывать мусульманские государства Каспия, стоит только представить себе, что произошло бы с мусульманскими государствами Каспия, если бы Святослав пожелал, подобно русским в 943 г., пройти на Каспий и если бы хазарский каган не препятствовал ему в этом. Святослав легко завоевал бы мусульманские области вплоть до Багдада, и, таким образом, на юге Хазарии появился бы еще более грозный сосед, нежели арабы, которому уже никакого труда не представляло бы покончить с Хазарией. Но Святослав не стал спрашивать у кагана разрешения для выхода на Каспий, он решил уничтожить эту вековую преграду и прочно утвердиться на Каспии не на месте отдаленных мусульманских государств, а на месте самой Хазарии. Может быть, следующим шагом в воинственной деятельности этого князя было бы “уничтожение страны измаильтян до Багдада”, однако поход в Болгарию отвлек его от восточных дел. Если во время похода на Бердаа русские только создавали плацдарм для завоевания Хазарии, то Святослав без всякого плацдарма завоевал Хазарию. Местное население смотрело на власть русского князя как на законную и покорилось ей без сопротивления⁷⁶.

Итак, анализ русско-хазарских отношений на Каспии в 943 г. приводит к следующим выводам.

1. Поход на Бердаа в 943 г. явился следствием русско-хазаро-аланского союза против мусульман Каспия. Поэтому русский флот из Черного моря в Каспийское, бесспорно, шел Доном — Волгой.

2. Новая завоевательная политика русских в Бердаа, пришедшая на смену прежней грабительской политике на Каспии, свидетельствует о том, что русские хотели создать в Бердаа княжество, в котором местное население поддерживало бы их власть.

3. Стремление русских создать рядом с Хазарией новое русское княжество вызвало ожесточенное сопротивление Хазарии, которая после 943 г. перестала пропускать русские войска на Каспий.

* * *

В.В.Бартольд, признавая, что второй поход на греков и поход на Бердаа были в 944 г., пришел к выводу, что, “вернувшись к концу 945 г. на родину, русы, вероятно, уже не застали в живых Игоря”⁷⁷. Однако мы в одной из своих статей⁷⁸

доказали, что русы ушли на Бердаа весной — летом 944 г. Таким образом, русское войско имело полную возможность встретиться с Игорем, который отправился в полюдье, где он нашел свою смерть осенью 944 г.

Анализ одного места в летописи, может быть, прольет свет на судьбу участников похода на Бердаа. Как раз перед отправлением Игоря в полюдье “рекоша дружина Игорева: отроки Свенельжи изоделися суть оружием в порты, а мы нази: поиде, княже, с нами в дань: да и ты добудеши и мы. Послуша их Игорь, иде в Деревя в дань”.

Уже С.М.Соловьев отметил, что “за год только Игорь возвратился из греческого похода, взявши с греков и золото и паволоки и “на вся воя, а между тем дружинники его жалуются, что они наги”⁷⁹. Это сравнение противоречивых показаний летописи о богатстве Игоря и его бедности заставило С.М.Соловьева даже сомневаться в счастливом исходе второго похода на греков.

Многие историки ограничивались простым признанием буквального смысла выражения “мы нази”. Однако Н.Знойко в своих выводах пошел значительно дальше. “В год смерти Игоря, — писал он, — положение киевского князя было весьма незавидно. Торговля Приднепровья благодаря несчастным походам Игоря оказалась в критическом положении...

Казна княжеская благодаря тем же походам опустела. Дружина, получавшая гроши, роптала, завидовала дружинникам Свенельда, готова была бросить своего князя.

Игоря заставила горькая необходимость, а не алчность брать еще дань с древлян: дружинники были “нази”, оборваны.

Преемники Игоря Ольга и Святослав всю жизнь бились над этим печальным наследством, пытаясь хоть как-нибудь отстоять былую экономическую и политическую мощь страны”⁸⁰.

Вот что неизбежно вытекало из признания, что воины Игоря действительно были оборваны. Поэтому выражение “мы нази” нельзя понимать в буквальном смысле, а только в переносном: одежда и оружие воинов Свенельда, видимо, были настолько роскошными, что воины Игоря почувствовали себя в сравнении с ними просто оборванными, несмотря на греческие дары.

Справедливо возникает вопрос, где мог Свенельд обогатиться так, что стал богаче князя? Летопись не указывает: 1) ни места, где Свенельд добыл оружие и одежду, 2) ни способа обогащения. Она только констатирует факт обогащения.

Богатства Свенельда бросились в глаза воинам Игоря именно осенью, перед полюдьем, следовательно, он добыл их не в полюдье, не “в древлянах”. Это давно уже было отмечено А.А.Шахматовым: “Конечно, Игорь пошел в Деревя не тогда, когда годовая дань была уже собрана Свенельдом, а тогда, когда наступил срок для сбора этой дани; дружина Игорева выбрала, конечно, удобный для себя момент, а таковым была осень, когда вообще собирали

дань”⁸¹. Это значит, что осенью, когда Свенельд с богатой добычей возвратился в Киев, он пришел из какого-то далекого обогатившего его похода.

Летопись не указывает ни места, где обогатился Свенельд, ни способы обогащения, но в ней указывается, чем он обогатился: “Изоделись суть оружием и порты”, а Архангелогородская летопись, которая дает более полные сведения относительно захваченной добычи, сообщает, что Свенельд не только изоделся “оружием и порты”, но и наполнил эти порты монетами, добыл себе коней и всякие доспехи: “Рекоша бояре Игореви: “Княже, отроцы Свиньделовы изоделись суть коньми, и оружию, и всяким доспехом, и порты полны, а мы нази, неконны и неоружны”⁸².

Свенельд не мог обогатиться в земле древлян или вообще у какого-либо другого племени Руси. Древляне были бедным земледельческим племенем, и у них не было ни роскошных тканей, ни драгоценного оружия. Раскопки в древлянской земле обнаружили только примитивные топоры, ножи и стрелы. “Почти полное отсутствие оружия в древлянских могильниках свидетельствует лишь о том, что воинственность им была чужда”⁸³. Раскопки не обнаружили в земле древлян ни одной монеты! Это дало возможность В.Б.Антоновичу предполагать, что “торговые сношения носили характер торговли меновой”⁸⁴.

Если Свенельд обогатился в полюдье, во время сбора дани, то как объяснить, что дань эту составляли оружие и одежда? С другой стороны, нельзя допустить, что Свенельд во время полюдья награбил шкуры, воск, мед, рабов и т.д. и продал все это в Царьград, а на вырученные деньги накупил одежду и оружия, потому что с 941 г. до заключения договора 944 г. русские и греки находились во враждебных отношениях и, конечно, не торговали друг с другом.

Итак, в пределах Русского государства Свенельд не мог награбить столько оружия (конечно, драгоценного) и одежды (бесспорно, роскошных), чтобы возбудить зависть у воинов Игоря.

Исследователями давно уже было отмечено то удивительное обстоятельство, что имени Свенельда нет в договоре 944 г. Свенельд в X веке был такой политической фигурой, которую не могли обойти или “забыть” при заключении договора. Ведь договор Святослава с Цимисхием заключен от имени Святослава и Свенельда, а при Игоре Свенельд играл в политической жизни Руси не менее важную роль, чем при Святославе. Поэтому если в договоре Игоря, в котором перечислено почти 50 послов, о которых больше нигде не упоминается, нет имени Свенельда, то это говорит о том, что его в момент заключения договора не было в Киеве.

Обращаясь к русской истории, мы видим, что именно в 944 г. был предпринят поход на далекий и богатый Бердаа, причем русские из Бердаа ушли весной — в начале лета этого года и могли прийти в Киев осенью, т.е. тогда, когда было обращено внимание на богатство Свенельда. Поэтому есть основания предполагать, что Свенельд и его разбогатевшие воины прибыли в Киев осенью

944 г. именно из Бердаа⁸⁵. Этой мысли не противоречит даже имя русского князя, захватившего Бердаа. Это имя сохранилось только у Низами, и оно очень напоминает имя Свенельда: Кинтал. На фонетическое родство имен Кинтал и Свенельд давно уже указал М.Тебеньков, который, основываясь только на созвучии имен Свенельд — Сфенкал — Кинтал (или Квинтал), предположил, что поход на Бердаа возглавил Свенельд⁸⁶. Теперь мы видим, что эту мысль М.Тебенькова подтверждают, во-первых, анализ летописного известия об обогащении Свенельда, а во-вторых, отсутствие имени Свенельда в списке послов, заключивших с Византией договор 944 г. Следовательно, именно Свенельд, по нашему мнению, являлся вождем похода русских на Бердаа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. изложение доклада акад. В.П.Волгина “О перспективном плане в области исторической науки” // Исторический журнал. 1945. № 3. С. 66.
- ² Левченко М. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 3—5; *Его же*. Проблема русско-византийских отношений в русской дореволюционной и советской историографии // ВВ. 1956. Т. 8. С. 8.
- ³ Флоровский А. К изучению истории русско-византийских отношений // BS. 1952. 13. № 2. С. 307.
- ⁴ Мошин В. Русь и Хазария при Святославе // Seminarium Kondakovianum. 1933. V. 6. С. 187.
- ⁵ Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954. P. 116—170.
- ⁶ Обзор источников о походе русских на Бердаа имеется в работах: Григорьев В. О древних походах русских на Восток // ЖМНП. 1835. Февраль (переиздана в кн.: Григорьев В. Россия и Азия. СПб., 1876); Дорн Б. Каспий. СПб., 1875; Якубовский А. Ибн Мискавейх о походе русов в Бердаа в 322 г. — 943/4 г. // ВВ. 1926. Т. 24. См. также: Флоровский А. Известия о Древней Руси арабского писателя Мискавейха X—XI вв. и его продолжателя // Seminarium Kondakovianum. 1927. V. 1.
- ⁷ Насонов А. Тмуторокань в истории Восточной Европы X в. // Историч. зап. 1940. №6. С. 86—87.
- ⁸ Мавродин В. Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955. С. 54; Очерки по истории СССР. Т. 1. М., 1953. С. 83—84. Проф. С.Семенов-Зусер утверждает, что в 943 г. русских разгромили именно хазары, а Святослав якобы во время своего восточного похода жестоко отомстил хазарам за это поражение (Семенов-Зусер С. Князь Святослав. Харків, 1946. С. 12).
- ⁹ Рыбаков Б. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА. 1953. Т. 18. С. 132.
- ¹⁰ Якубовский А. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. // Изв. АН СССР. 1946. Т. III. № 5. С. 469; Рыбаков Б. Указ. соч. С. 130, 131, 150.
- ¹¹ Рыбаков Б. Указ. соч. С. 130.
- ¹² Там же. С. 150.
- ¹³ Там же. С. 131.
- ¹⁴ Насонов А. Указ. соч. С. 85.
- ¹⁵ Карамзин Н. История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818. С. 158—169.
- ¹⁶ Дорн Б. Указ. соч. С. 501. В этой книге заметка А.Куника о походе на Бердаа.
- ¹⁷ Насонов А. Указ. соч. С. 84—85.

- ¹⁸ Дорн Б. Указ. соч. С. 123, 497, 515, 516.
- ¹⁹ Моисей Казанкатваци. История Агван. СПб., 1861. С. 275—276. Характеристику Казанкатваци см.: Якубовский А. Ибн Мискавейх. С. 72.
- ²⁰ Насонов А. Указ. соч. С. 85.
- ²¹ Григорьев В. О древних походах руссов на Восток // ЖМНП. 1835. Ч. 2. С. 250, 265.
- ²² Дорн Б. Указ. соч. С. 498; Тебеньков М. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма Низами “Искандер-наме” как источник характеристики сношений. Тифлис, 1896. Абхазами Низами называл не жителей современной Абхазии, а жителей Грузии, Дагестана и Ширвана; Гольцев В. Шота Руставели. М., 1952; Григорьев В. Указ. соч. С. 286.
- ²³ Во втором походе Игоря на греков тоже участвовало семь народов: печенеги, варяги, русы, словены, кривичи, тиверцы, поляне. Такое совпадение, несомненно, свидетельствует о связи двух походов.
- ²⁴ Тебеньков М. Указ. соч. С. 50; Дорн Б. Указ. соч. С. 501; См. также: Низами. Искандер-наме / Пер. К.Липскерова. Т. 1. Баку, 1953. С. 351, 363.
- ²⁵ Дорн Б. Указ. соч. С. 499.
- ²⁶ Erdmann F. De expeditione Russorum Berfaam versus. Casani, 1826. Pars. II. P. XIX—XXX.
- ²⁷ Ibid. Pars. I. P. 72.
- ²⁸ Якубовский А. Ибн Мискавейх. С. 83.
- ²⁹ См. комментарии Е.Э.Бертельса к “Искандер-наме”. Т. 1. С. 476.
- ³⁰ К этому перечню, может быть, следовало бы добавить и лезгин, об участии которых в походе на Бердаа указывает Бар-еврей.
- ³¹ Коковцов П. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 120.
- ³² Там же. С. 120—121, прим. 16.
- ³³ Dunlop D.M. Op. cit. P. 163.
- ³⁴ Бертельс Е.Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.; Л., 1948. С. 53; Сутанлы А. «Искандер-наме» и западноевропейская литература // Низами Гянджеви. Материалы научной конференции. Баку, 1947. С. 68.
- ³⁵ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio greek / Text ed. by C. Moravcsik, English translation by R. J. II Jencins. Budapest, 1949. § 10, 11. P. 62—64.
- ³⁶ Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów słowianszczyzny. T. 1. Wrocław; Krakow, 1956. С. 38.
- ³⁷ Флоровский А. Указ. соч. С. 182.
- ³⁸ Насонов А. Указ. соч. С. 87.
- ³⁹ Кулаковский Ю. Христианство у алан // ВВ. 1808. Т. 5. С. 7.
- ⁴⁰ Она существовала всего лишь несколько лет. Инициатором крещения алан был патриарх Николай Мистик; посредником между аланами и византийцами был абхазский царь Георгий (921—925). Крещение могло произойти между 921 и 925 гг., т.е. в период от начала царствования Георгия Абхазского (921) до кончины патриарха (925). Уже через каких-нибудь 7—10 лет (в 932 г.) греков изгнали из Алании.
- ⁴¹ Васильев А. Византия и арабы. СПб., 1902. Приложения. С. 24 (Vasiliev A.A.. Byzanz et les arabes. T. II. Bruxelles, 1950. P. 33).
- ⁴² Коковцов П. Указ. соч. С. 117—118.
- ⁴³ Бруцкус Ю.Д. Письмо хазарского еврея от X века. Берлин, 1924. С. 17—18.
- ⁴⁴ Там же. С. 16.
- ⁴⁵ Там же. С. 18.
- ⁴⁶ Там же. С. 17.
- ⁴⁷ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. P. 64.
- ⁴⁸ Мавродин В. Начало мореходства на Руси. Л., 1949. С. 56.
- ⁴⁹ Там же. С. 57.

- ⁵⁰ *Vasiliev A.A.* Op. cit. P. 31—32.
- ⁵¹ *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 133.
- ⁵² *Ковалевский А.* Посольство халифа к царю волжских булгар в 921—922 гг. // Ист. Записки. № 37. 1951. С. 194; *Его же.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 15.
- ⁵³ *Ковалевский А.* Посольство Ахмеда Ибн Фадлана... С. 29.
- ⁵⁴ Там же. С. 195.
- ⁵⁵ Там же. С. 207; *Его же.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 29.
- ⁵⁶ *Ковалевский А.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 33.
- ⁵⁷ *Гаркави А.* Указ. соч. С. 133.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ *Ковалевский А.* Посольство халифа... С. 195.
- ⁶⁰ *Дорн Б.* Указ. соч. С. XLIII—XLIV; *Гаркави А.* Указ. соч. С. 74.
- ⁶¹ *Коковцов П.* Указ. соч. С. 123.
- ⁶² *Дорн Б.* Указ. соч. С. 498.
- ⁶³ Там же. С. 497—499; *Тебеньков М.* Указ. соч. С. 45.
- ⁶⁴ *Коковцов П.* Указ. соч. С. 83, прим. 6; С. 102.
- ⁶⁵ *Ковалевский А.* Посольство халифа... С. 164, 210; *Его же.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 15, 33.
- ⁶⁶ *Мавродин В.* Начало мореходства на Руси. С. 43—44.
- ⁶⁷ *Якубовский А.* Ибн Мискавейх. С. 76.
- ⁶⁸ *Бартольд В.* Арабские известия о русах // Советское востоковедение. 1940. Т. 1. С. 34; *Его же.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925. С. 40—41.
- ⁶⁹ *Якубовский А.* Ибн Мискавейх. С. 65—66.
- ⁷⁰ *Бартольд В.* Арабские известия о русах. С. 34.
- ⁷¹ *Бартольд В.* Место прикаспийских областей... С. 40.
- ⁷² Там же. С. 41.
- ⁷³ *Коковцов П.* Указ. соч. С. 81.
- ⁷⁴ Там же. С. 102.
- ⁷⁵ *Тебеньков М.* Указ. соч. С. 46—47. Насколько дальновидным оказался Низами, подтверждает завоевательная деятельность Святослава. Свои завоевания Святослав начал с похода на Восток и сразу вслед за тем вступил в войну с Византией.
- ⁷⁶ *Бартольд В.* Место прикаспийских областей... С. 42—43.
- ⁷⁷ Там же. С. 34.
- ⁷⁸ *Половой И.Я.* О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа // ВВ. 1958. Т. 14. С. 144.
- ⁷⁹ *Соловьев С.* История России. Т. 1. СПб., 1874. С. 326.
- ⁸⁰ *Знойко Н.* О походах Святослава на Восток // ЖМНП. 1908. № 12. С. 293—294.
- ⁸¹ *Шахматов А.* Розыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 363.
- ⁸² Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 23.
- ⁸³ *Антонович В.* Древности юго-восточного края. Раскопки в стране древлян // МАР. № 11. 1893. С. 20.
- ⁸⁴ Там же. С. 21.
- ⁸⁵ Ибн Мискавейх сообщает, что русы, покидая Бердаа, захватили с собой “все, что могли, из своего имущества, драгоценностей и прекрасного платья”. См.: *Якубовский А.* Указ. соч. С. 69.
- ⁸⁶ *Тебеньков М.* Указ. соч. С. 67.

Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века

В. В. Бартольд

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как известно, так называемую проблему Окса — Амударьи и Арала, — которой посвящена настоящая работа, вышедшая на русском языке еще в 1902 г., многократно объявляли окончательно решенной. Возвращение к подобной проблеме может оправдаться только в том случае, если будет привлечен не использованный до сих пор материал источников и если этот материал будет иметь решающее значение для ответа на соответствующие вопросы. В данном случае можно еще добавить, что, пожалуй, ни в одной проблеме судьбы научной географии вообще не отражаются так отчетливо, как в этой.

Недостаточность греческой науки обнаруживается здесь особенно отчетливо. Почти два столетия греческие наместники и правители царствовали на Оксе; на Каспийском море греческое владычество было менее продолжительным, но и за это время была снаряжена особая экспедиция для исследования моря, и все-таки грекам оставались неизвестными как устья Окса, так и география восточного берега Каспийского моря. Окс и Яксарт считались притоками Каспийского моря; расстояние между обеими реками в среднем течении, установленное уже во времена Александра, было перенесено на их устья. Географам древности не были известны ни Аральское море, в которое, без сомнения, уже тогда впадал Яксарт и по крайней мере часть Окса, ни степное плато Устюрт, которое даже независимо от Аральского моря должно было преградить Яксарту путь к Каспийскому морю. В таком виде известия о Каспийском море и его мнимых притоках были включены в труд Птолемея, в котором греческая география достигла своей вершины и который еще полтора тысячелетия спустя считался высшим авторитетом в вопросах географии.

Еще в XVII веке “некоторые добрые друзья в университетах” упрекали честного Олеария, “почему он при составлении географической карты Персии и особенно Каспийского моря отошел от всемирно известных древних географов — Птолемея, Страбона, Дионисия, Александра и других”.

Когда арабы переняли культурную работу, превращенную в Европе, то в основу арабской географии был также положен труд Птолемея; однако, вероятно, ни в одной области арабы не превзошли своих греческих учителей так быстро и так основательно, как в этой. В первой половине IX века н.э. этот греческий фундаментальный труд впервые был переведен на арабский; арабские географы этого столетия сохраняли еще некоторые ошибочные сведения своих греческих источников, среди них сообщение о впадении Окса в Каспийское море. Но уже географам X века мы обязаны тщательно разработанным, почти свободным от привнесенных географических ошибок описанием всех стран ислама от Пиренеев до Китая и Индии — достижением, которым может гордиться любой культурный народ и рядом с которым научная география греко-македонской и римской мировых держав не может поставить ничего равноценного. Значение этого достижения для проблем географии до сих пор не оценено полностью. Из географической литературы арабов мы узнаем, что соотношение между землями, пригодными для обработки, и пустыней в Персии и Средней Азии еще 1000 лет назад было примерно тем же, что и теперь. В отношении Персии на это указал уже В.Томашек¹. Несмотря на это, и ныне часто утверждают, что упадок культуры в этих странах следует объяснять не политическими, а климатическими причинами, что количество осадков там в историческое время, по достоверным сведениям, значительно сократилось и что никакие политические изменения не смогли бы изменить судьбу культурных областей, “неминуемо обреченных на упадок”. Этих и подобных утверждений наука могла бы избежать, изучая арабских географов.

Отдельные арабские карты были использованы европейцами уже в Средневековье; отдельные труды арабских географов появились уже в XVII веке в латинском переводе; все же подробные и точные сообщения арабов о Каспийском и Аральском морях, об Оксе и Яксарте не оказали никакого влияния на европейскую науку. То, что Западная Европа могла бы узнать от арабов еще 800 лет назад, она узнала лишь в XVIII веке от русских. Исправление прежних взглядов на Окс, Яксарт и Каспийское море принадлежит к первым достижениям русских исследований, заимствованным западноевропейской наукой. На карте, изготовленной Ремезовым в 1697 г., Аральское море (Море Аральско) впервые изображено как внутреннее озеро, полностью отделенное от Каспийского моря, в которое впадают “Амун-Дарья” (Амударья, Окс), “Сырт” (Сырдарья, Яксарт) и много небольших речек². Более подробные сведения о географии этой области были собраны в России в начале XVIII века и сообщены Петром Великим отчасти лично (во время его пребывания в Па-

риже в 1717 г.), отчасти в письмах французскому придворному географу Делилю. На делилевской карте 1723 г. Аральское море впервые названо Аральским, хотя грек Василий Ватаци утверждает, что он принес в Европу первое известие об этом море и произвел этим в 1732 г. в Лондоне большую сенсацию³. Во всяком случае, карты XVIII века доказывают, что о географии соответствующей области имели еще очень неясное представление и старались спасти как можно больше утверждений греческих географов; Делиль провел даже реку от Аральского моря к северной части Каспийского, назвав ее “древним течением реки Сыр”⁴.

Если Окс теперь впадает только в Аральское море, то только ли из-за “неведения” древние заставляли реку впадать в Каспийское море, как это считает Василий Ватаци? Этот вопрос должен был прийти в голову всякому, кому было известно, что уже в 1713 г. туркмен Ходжа Нефес принес в Россию известие о сухом русле реки у Балханской бухты на Каспийском море, которое сами туземцы считали прежним руслом Окса. Ходжа Нефес, как сообщают, утверждал, что хивинцы лишь совсем недавно отвели реку в другом направлении из страха перед русскими, вследствие чего прежнее русло пересохло. Что такое русло имеется на самом деле, подтвердила экспедиция, снаряженная Петром Великим. Вскоре после этого шведские пленные привезли из Сибири в Европу экземпляр “Родословной тюрок”, написанный хивинским ханом Абулгази (1603—1663); из этого труда было заимствовано сообщение, что еще в XVI веке Окс изливался в Каспийское море и лишь за 30 лет до рождения автора (следовательно, около 1570 г.) проложил себе новый путь к Аральскому морю. Таким образом, был найден туземный источник, который, казалось, полностью подтверждает сведения греческих географов. Пока был известен только этот источник, пришлось прийти к заключению, что водный путь от Индии до Кавказа, упоминаемый Страбоном и Плинием, существовал до XVI века и может быть восстановлен без особого труда, поскольку река лишь так недавно повернула свои воды к Аральскому морю.

Этот взгляд не мог больше удерживаться, когда в первой половине XIX века лучше познакомились со сведениями арабских географов. Выяснилось, что уже у географов X века находятся подробные сведения о впадении Окса в Аральское море, зато уже около этого времени ничего не говорится о впадении в Каспийское море. Некоторые, как например Сен-Мартен, уже тогда пришли к выводу, что Окс, так же как Яксарт, никогда в историческое время не имел связи с Каспийским морем и что известия древних, как и рассказ Абулгази (даже подлинность этого рассказа оспаривалась), следует отвергнуть. Другие, особенно А.Гумбольдт⁵, пытались устранить противоречие предположением о “раздвоении”: река с древнейших времен до XVI века изливалась одним рукавом в Аральское, другим — в Каспийское море; большинству писателей был известен только один из этих двух рукавов; лишь в XVI веке левый рукав окончательно пересох.

Последующие исследователи, как например Ролинсон, Ленц, Лерх и др., постепенно пришли к пониманию того, что попытка согласовать в этом смысле все известия от Ариостобула (современника Александра) до Абулгази не может иметь никакой надежды на успех; что сообщения древних свидетелей относятся только об их неосведомленности о действительном положении дел; что подробные известия арабских географов X века не только не подтверждают предположения о раздвоении Окса в то время, но безусловно исключают ее. Бифуркация Окса в историческое время все-таки принимается, но ограничивается значительно более коротким временем (два-три столетия). Узбой в таком случае должен был образоваться лишь после XIII века. Последнее мнение было впервые опровергнуто де Гук, благодаря эпохальному труду которого “*Das alte Bett des Oxus*” (1875) историческое исследование проблемы Окса было надолго закончено. В нем впервые было указано, что Узбой упоминается в X веке как сухое русло. Сообщениям XIV и XV веков, которые заставляют Окс изливаться в Каспийское море, противопоставлены другие сообщения, которые по-прежнему говорят только о впадении в Аральское море; этим последним сообщениям отдается предпочтение, а все противоположные известия, среди них также рассказ Абулгази, возводятся к недоразумениям и ошибочным взглядам. Результат исследования таков: “Начиная с древнейших времен, от которых у нас только сохранились достоверные известия, Окс впадал только в Хорезмское озеро (Аральское море)”.

Этот результат исторического исследования позже (1898) был распространен И. Вальтером⁶ на основе геологических наблюдений также и на доисторическое время. При обследовании мнимого русла у Балханской бухты даже на глубине 35 м не было обнаружено никаких следов амударьинского ила. По И. Вальтеру, Узбой поэтому вообще не мог быть руслом реки; мнимое “старое русло Окса” — всего лишь углубление, возникшее вследствие деятельности дождевых потоков, подобно *вади* в Африке⁷. Как там туземцы часто принимают такие вади за высохшие рукава Нила, так и здесь возникла легенда о прежнем течении Окса. Решение проблемы Окса И. Вальтер формулирует в следующей фразе: “Древняя река никогда не текла на запад к Каспию, она всегда текла на север к Аральскому морю”.

Для научного исследования изыскания И. Вальтера не имели большого значения; Узбой и местность между нынешним и предполагаемым прежним руслом еще раньше были тщательно изучены и описаны русскими исследователями. Со времени основания Красноводска (1869) и завоевания Хивы (1873) в этот район было выслано множество русских экспедиций; результаты первых экспедиций были использованы уже в монографии де Гуе; результаты дальнейших исследований были подробнейшим образом рассмотрены А. Коншиным в работе под названием “Разъяснение вопроса о древнем течении Амударьи”. После этой работы едва ли могло оставаться сомнение в том, что предположение о раздвоении реки полностью соответствует условиям по-

верхности в нижней части русла. Эта область понижается не только на север, к Аральскому морю, но и на запад, к небольшой, ныне пересохшей котловине озера, к Сарыкамышу; сейчас только в самом глубоком месте этой котловины, 15 м ниже уровня Каспийского моря, сохранились два небольших соленых озера. Между Сарыкамышем и Аральским морем находится еще одна пересохшая котловина — Айбугир. В давно прошедшие времена Аральское море, должно быть, соединялось через Айбугир с Сарыкамышем. Что Сарыкамыш еще в историческое время мог принимать часть Окса, признано де Гье на основании исторических сведений и полностью подтверждено исследованиями Коншина. Северная часть Сарыкамыша и в настоящее время заполнена амударьинским илом, повсюду сохранились следы ирригационных сооружений⁸. Немного южнее этой котловины начинается Узбой и идет к Каспийскому морю. Узбой и по Коншину нельзя считать старым руслом Окса. Подробно обосновывается мнение, уже высказывавшееся ранее другими исследователями (напр., в 1879 г. Гедройцем)⁹: Узбой вообще не сухое русло, а пролив, образовавшийся при отделении (тогда еще объединенных) бассейнов Аральского моря и Сарыкамыша от Каспийского моря. Остатков амударьинского ила там не имеется; да и по другим признакам Узбой никогда не был наполнен водой Окса, в нем была только соленая вода. Исторические свидетельства, которые заставляют Окс с XIII по XVI век течь в Каспийское море, согласно Коншину, могут быть отнесены только к Сарыкамышу, а не к этому морю. К сожалению, все свидетельства, приведенные Коншиным, заимствованы из одной лишь “*Asie Centrale*” Гумбольдта; даже монография де Гье осталась ему неизвестна.

Что этот вопрос должен быть еще раз исследован с точки зрения историка, мне стало ясно лишь в 1897 году. На основании того же материала, который имел перед собой де Гье, я пришел тогда к заключению, что принципы исторической критики требуют иного решения проблемы, так как все сообщения, которые в XIV и XV веках заставляют по-прежнему Окс впадать только в Аральское море, почти дословно выписаны из сочинений X века, зато в противоположных сообщениях нельзя указать никаких следов какой-либо зависимости от географов древности или ранних арабских географов; кроме того, нельзя усомниться в том, что авторам этих сообщений также были известны сочинения географов X века.

Позже, с 1901 г., мне удалось привлечь и другой, не использованный де Гье материал. Выяснилось, что не только у Абулгази, исторические сообщения которого, по мнению де Гье, находятся под влиянием ошибочных географических представлений, но и в значительно более ранних исторических сочинениях, в которых нельзя найти ни следа каких-либо географических предположений, Узбой предстает как русло Окса, наполненное водой. Рассказ подобного рода имеется у Хондемира, который как географ, подобно большинству своих современников, рабски переписывает сведения географов X века и

поэтому сообщает только об одном устье Окса (у Аральского моря). Это противоречие автора самому себе, естественно, более показательно для достоверности его исторических сообщений, чем взгляд, последовательно проводимый Абулгази. После этого открытия у меня не оставалось никакого сомнения, что точка зрения, представленная де Гье и геологами, не может быть правильной.

В это же время (1899) Туркестанский отдел императорского Русского географического общества независимо от проблемы Окса решил еще раз исследовать Аральское море. Л. Берг, которому было дано это поручение, уже в 1901 г. опубликовал в журнале "Землеведение" краткое физико-географическое описание озера¹⁰; в 1902 г. работы были почти окончены (только на северном берегу еще в 1906 г. проводились некоторые наблюдения; отношение Аральского моря к Сарыкамышу и Узбою Берг также рассматривал тогда в духе теории Коншина). Сначала результаты моих исследований были встречены в Туркестане с большим недоверием; поэтому мне пришлось, не беря на себя решение геологических и физико-географических вопросов, еще раз указать, на какое значение могут претендовать привлеченные мной согласно принципам исторической критики сообщения источников. После этого мне предложили в качестве приложения к "Научным результатам Аральской экспедиции" дать сводку исторических сведений об Аральском море и нижнем течении Окса. Однако вскоре выяснилось, что это возможно выполнить только в виде самостоятельной монографии, а не в форме короткой заметки, как того желало [Географическое] общество. Монография была напечатана летом 1902 г. в "Известиях" Общества и позже использована Л. Бергом в его работе "Аральское море. Опыт физико-географической монографии", вышедшей в 1908 году. И теперь взгляды Берга не совсем совпадали с результатами моих исследований; согласно Бергу, главный рукав Окса постоянно изливался в Аральское море, даже в период с XIII по XVI в. только сравнительно небольшая часть вод реки могла, по его мнению, достигать Сарыкамыша и через Узбой Каспийского моря. Но теперь Берг признает, что этот последний факт нельзя больше оспаривать, и пытается показать, что геологические и физико-географические условия Узбоя также ни в коей мере не противоречат этому выводу исторического исследования.

Учитывая это, не будет слишком смелым утверждать: судьбы проблемы Окса могут служить доказательством того, что научное познание иногда может быть больше продвинуто методами исторического исследования, которые столь часто подвергают сомнению, чем якобы безошибочными методами так называемых точных наук.

Западноевропейская наука после де Гье и Вальтера мало интересовалась проблемой Окса. Результаты моих исследований были приведены в ежегодных обзорах для "MSOS"¹¹, составленных мною самим, но, кажется, остались без внимания, так же как и короткие заметки об этом в парижских "Annales de

géographie". Независимо от меня Ле Стрэндж¹² в 1905 г. пришел к выводу, что, несмотря на утверждения де Гье, данные Хамдаллаха Казвини, Хафиз-и Абри и Абулгази не могут быть опровергнуты. Де Гье¹³ ответил на это ссылкой на свою монографию 1875 г. (которую Ле Стрэндж тоже цитировал); де Гье сожалеет, что в общем полезная книга Ле Стрэнджа в данном случае распространит "в корне неверное" представление. Что после 1875 г. были приведены новые доказательства факта впадения Окса в Каспийское море, явно не было известно тогда ни де Гье, ни Ле Стрэнджу. Когда мне поручили составление статьи "Амударья" для "Энциклопедии ислама", то я, естественно, использовал и этот случай, чтобы обратить внимание западноевропейских ориенталистов на соответствующие сообщения источников; к сожалению, это смогло произойти лишь после кончины великого голландского ориенталиста, чье признание имело бы для меня наибольшую ценность.

Если теперь, кроме этого, широкому кругу немецких читателей предлагается полный перевод моей монографии 1902 г., то это происходит только по желанию господина издателя этой серии. Русская работа, напечатанная в Ташкенте, была, естественно, в первую очередь предназначена для русского читателя в Средней Азии, что, понятно, не могло не оказать влияния на расположение и рассмотрение материала; чтобы полностью удовлетворить запросы нового круга читателей, эту работу в переводе следовало бы полностью переработать — такую задачу не мог взять на себя ни я, ни переводчик. При чтении корректур я (а частично издатель) кое-что добавил, кое-что вычеркнул, некоторые цитаты заменил указанием работ, более доступных западноевропейским читателям, была также принята во внимание литература, вышедшая после 1902 г., для каждого свидетельства, по возможности, дан первоисточник. При проверке перевода я обращал внимание только на то, чтобы было правильно передано содержание оригинала; за форму ответствен только издатель, так же как и за транскрипцию имен собственных¹⁴.

Вопрос о том, впадала ли Амударья еще в историческое время в Каспийское море, давно уже является предметом географических, геологических и исторических изысканий. Еще недавно этому вопросу придавали также практическое значение: доказывали возможность и необходимость вновь направить реку в Каспийское море и проложить таким образом непрерывный водный путь от грани Афганистана в Европейскую Россию. Теперь этот проект едва ли имеет сторонников; сам вопрос представляет только академический интерес, но среди научных задач продолжает занимать выдающееся место. Вопрос о том, какое направление в разные эпохи имела река, которой определяется вся жизнь орошаемой ею страны, имеет существенное значение для всех, кто занимается выяснением истории земной поверхности или истории населения Средней Азии. Разрешение проблемы требует совместной работы представителей нескольких специальностей; выводы, основанные на изучении современного состояния русла Амударьи и Узоя и котловин Арала и Са-

рыкамыша, нуждаются в проверке путем критического рассмотрения известий историков, географов и путешественников разных эпох. Амударьинскому вопросу посвятил исследование один из наиболее выдающихся ориенталистов-историков нашего времени, де Гье¹⁵; его выводы совершенно совпали с выводами представителей естествознания, из которых многие в настоящее время склонны сдать вопрос в архив в качестве решенного. Ближайшее рассмотрение данных, собранных в исследовании де Гье, привело меня к противоположному выводу; кроме того, мне удалось найти некоторые новые данные, на которые прежде не было обращено внимания и которые также, на мой взгляд, опровергают как взгляды де Гье, так и взгляды, господствующие в настоящее время в геологической науке¹⁶. Одновременно с этим Туркестанский отдел ИРГО предпринял исследование Аральского моря, причем также выяснились некоторые новые факты, важные для решения амударьинского вопроса. Ввиду этого мне было предложено составить для "Известий" Отдела свод исторических данных об Аральском море и низовьях Амударьи. Для выяснения вопроса о направлении Амударьи мне придется в некоторых случаях коснуться также известий о Каспийском море, особенно о его восточном побережье.

1

Области Средней Азии сравнительно поздно вошли в круг исторической жизни. Сказания древних о походах ассирийских царей на Бактрию опровергаются ассирийскими надписями, из которых видно, что даже в эпоху величайшего могущества Ассирии (IX и VIII вв. до н.э.) войска ассирийских царей не заходили на восток дальше Демавенда. Ввиду этого должны быть безусловно отвергнуты попытки найти сведения о Средней Азии или ее населении в ассирийских и вавилонских надписях¹⁷ или в библейских книгах¹⁸. Ассирийцы знали о существовании Каспийского моря, которое в их надписях носит название "Восточного"¹⁹.

Только с образованием персидской монархии в VI веке до н.э. среднеазиатские области были присоединены к культурному миру Передней Азии. Северо-восточной границей государства была река Сырдарья; о покорении среднеазиатских народов персами мы не имеем сколько-нибудь точных данных; из рассказов о походах Александра Македонского мы знаем, что основание главного укрепленного города в бассейне Сырдарьи приписывалось Кирю²⁰; вообще нет основания сомневаться в том, что государство уже при Кире достигло крайних пределов своего распространения на северо-востоке²¹. Государство, основанное Киром, получило правильное устройство при Дарии (521—485). В знаменитой Бисутунской надписи Дарий среди подчиненных ему 23 провинций называет область хорезмийцев²²; та же область упоминает-

ся и в других надписях этого царя, но без сообщения каких-либо подробностей о стране или происходивших в ней событиях.

К той же эпохе относятся древнейшие известия греческих писателей о Каспийском море и соседних странах.

Предшественник Геродота Гекатей Милетский²³ называет Каспийское море Гирканским, по имени известной области на юго-восточном берегу моря (то же самое название сохранилось до сих пор в названии реки Гюрген), и, по-видимому, знал главным образом западное и южное побережья, как можно видеть из его слов, что “вокруг Гирканского моря расположены высокие горы, покрытые густым лесом”. О “городе Хорасмии” и стране народа “хорасмийцев” говорится, что город и страна были расположены к востоку от Парфии (т.е. нынешнего Хорасана), что страна состояла из равнин и гор и что на горах росли дикие древесные растения: вид артишоков, ива, тамариск.

Геродот первым называет море Каспийским, по имени народа каспиев, жившего, судя по известиям более поздних географов, на юго-западном берегу²⁴. Геродот знал, что Каспийское море не соединяется ни с каким другим (I, 202), и указывает его размеры: в длину 15 дней плавания на веслах, в ширину, в самом широком месте, 8 дней (I, 203)²⁵. На западном берегу моря возвышался Кавказ; к востоку простиралась “необозримая равнина”, значительная часть которой была занята народом массагетов. Описывая поход Кира на этот народ, Геродот заставляет Кира переправляться через реку Аракс, но тут же (I, 202) замечает, что “Аракс вытекает из страны матиенов, как и река Гинд, которую Кир разделил на 360 каналов”; о последнем событии сам Геродот говорит при описании похода Кира на Вавилон: Гинд, по его словам, “вытекает из матиенских гор и впадает в другую реку, Тигр” (I, 189). В Гинде древних авторов видят обыкновенно известный приток Тигра — Диялу²⁶. В другом месте (IV, 40) о реке Аракс также говорится, что она течет на восток. Таким образом, Геродот вообще понимает под Араксом ту же реку, которая носит это название теперь, но в некоторых местах смешивает эту реку с какой-то другой, через которую переправлялся Кир в стране к востоку от Каспийского моря. Обыкновенно полагают, что эта последняя река — Сырдарья и что ошибка Геродота произошла вследствие созвучия слов Аракс и Яксарт. Трудно сказать, относится ли к настоящему Араксу или к реке, впадавшей в Каспийское море с востока, замечание Геродота, что река при устье разделяется на 40 рукавов, из которых один “течет по открытой местности в Каспийское море”, а другие “впадают в болота и лагуны, где, как говорят, живут люди, питающиеся сырыми рыбами и одевающиеся в кожи тюленей” (I, 202).

Перечисляя сатрапии Дария, Геродот (III, 93) объединяет в одну сатрапию (16-ю) “парфян, хорасмийцев, согдийцев и арийцев” (жителей Арианы); в надписях Дария каждая из четырех областей (Парфия, Хорезм, Согдиана и Ариана) названа в качестве особой провинции. Полагают, что геродотовский список сатрапий, вопреки словам самого Геродота, относится к более позд-

ней эпохе, к царствованию Артаксеркса I (464—425)²⁷; но список сатрапий у Геродота вообще внушает большие сомнения: иногда один и тот же народ назван в двух местах; трудно допустить, чтобы Согдиана когда-нибудь входила в состав одного наместничества с Хорезмом и Парфией и была отделена от Бактрии. Наиболее тесная связь существовала между хорезмийцами и парфянами; в войске Ксеркса парфяне и хорезмийцы составляли один отряд и находились под начальством одного предводителя (VII, 66). О местоположении Хорезма, даже по отношению к Парфии, Геродот не говорит; зато мы находим у него известие, хотя и очень темное, о большой реке, которой пользовались как сами хорезмийцы, так и их соседи (III, 117):

“Есть в Азии долина, окруженная со всех сторон горами: в горах пять проходов; когда-то эта долина принадлежала хорасмийцам, находясь на границе земель самих хорасмийцев, парфян, сарангов²⁸ и фаманейцев, а с тех пор как господство перешло к персам, она принадлежит [персидскому] царю. Из окрестных гор течет большая река; имя ее Ак. Прежде река орошала земли упомянутых народов, причем отовсюду были проведены каналы, и каждый народ приводил к себе воду по одному из проходов; но с тех пор как они находятся под властью персов, их постигло следующее: запрудив выходы из гор, царь у каждого выхода поставил ворота; воде был закрыт выход, и долина внутри гор обратилась в озеро, так как в нее входила река, а выхода нигде не имела. Для тех, кто раньше привык пользоваться водой, лишение возможности пользоваться ею составляет большое бедствие. Зимой бог посылает им дождь, как и другим людям, а летом они, когда сеют просо и сезам, пользуются водой. Когда они перестают получать воду, то они идут со своими женами в страну персов, становятся у ворот царского дворца, кричат и плачут; царь тогда велит открыть соответствующие ворота тем, кто более всего нуждается [в воде]. Когда же земля достаточно пропитается водой, то эти ворота закрываются, и [царь] велит открыть ворота другим, кто более всего нуждается [в воде] из остальных. Как мне рассказывали, он за открытие ворот взимает большие деньги, независимо от [ежегодной] дани”.

Название реки довольно близко подходит к древнему названию Амударья²⁹ (Вахш); в пользу такого сближения говорит и принадлежность долины хорезмийцам; но действительно ли Амударья или какая-нибудь другая река имела в V веке до н.э. такое направление, что ею кроме хорезмийцев могли пользоваться парфяне, гирканцы и народы северо-западной части Афганистана, остается более чем сомнительно; подробности рассказа Геродота едва ли позволяют видеть в этом рассказе точное воспроизведение слов лица, хорошо знакомого с географическими условиями страны. Из приведенного рассказа можно сделать только один достоверный вывод: что земледелие в Средней Азии уже в эту эпоху было возможно только при условии искусственного орошения.

Со времени Геродота до Александра Македонского географические познания греков почти не увеличились. Ктесий, Ксенофонт и другие дают нам

скудные известия о восточных областях государства³⁰, которые по степени культуры, конечно, значительно уступали западным. К такому заключению приводят как отзывы спутников Александра и писавших с их слов о нравах бактрийцев и согдийцев³¹, так и все, что мы знаем о парфиях; едва ли хорезмийцы были образованнее своих соседей. До сих пор не найдено никаких указаний на существование письменности у иранцев до усвоения ими месо-потамской культуры. Хорезмийский историк и астроном XI века Бируни утверждает, что у хорезмийцев была эра на 980 лет древнее эры Александра (Селевкидской), т.е. начинавшаяся с 1292 г. до н.э.³², и что эта дата выражала собой начало земледелия в стране. Ролинсон справедливо считает эту эру “скорее астрономической, чем политической”, т.е. счетом, искусственно введенным в более поздние века на основании астрономических вычислений. С этим мнением соглашается и Захау, делающий попытку объяснить эту и другую хорезмийскую эру (с 1200 г. до н.э., со времени прибытия в Хорезм мифического Сиявуша) на основании преданий и космогонических представлений последователей Зороастра³³. Едва ли можно думать, что у древних хорезмийцев были какие-нибудь письменные памятники и что скудные известия греческих писателей когда-нибудь могут быть дополнены открытием местных надписей или других туземных источников.

Географические познания, с которыми Александр предпринял свой поход, были крайне скудны. Даже слова Геродота о том, что Каспийское море не соединяется ни с каким другим, были забыты или подверглись сомнению. Еще учитель Александра, Аристотель, говорит то же самое, хотя вместо одного внутреннего моря называет два, ошибочно отличая Гирканское море от Каспийского³⁴. Поход Александра окончательно установил тождество обоих названий, но вопрос о соединении Каспийского моря с океаном оставался темным для Александра и его спутников; в последний год жизни Александра (323) даже была предпринята экспедиция, не состоявшаяся вследствие его смерти, для исследования вопроса, “с каким морем соединяется море, называемое Каспийским и Гирканским, соединяется ли оно с Понтом Евксинским, или океан, омывающий с востока Индию, образует Гирканский залив, подобно тому как Александру уже удалось установить, что таким заливом океана является Персидский залив или так называемое Красное море. Еще не было исследовано, где начинается Каспийское море, хотя вокруг него живет небольшое число народов и хотя в него впадают судходные реки”³⁵. К этим рекам греческие авторы причисляют Амударью и Сырдарью. Александр, как известно, не был в Хорезме, но переправлялся через Амударью и весной 328 г. принимал в Бактрах хорезмийского владельца Фарасмана; тем не менее даже Аристокл, лично сопровождавший Александра и считающийся одним из более достоверных историков его походов³⁶, держался такого мнения об устье Амударьи; по словам Страбона, “Аристокл свидетельствует, что Окс — самая большая из виденных им рек, кроме индийских; он же говорит, что река судо-

ходна (то же самое говорит и Эратосфен со слов Патрокла) и что по ней возят много индийских товаров в Гирканское море, откуда их переправляют в Албанию (область на низовьях Куры), а оттуда по Куру (Куре) и дальше привозят в Евксинское (Черное) море³⁷. Замечательно, что греки заставляли впадать в Каспийское море и Сырдарью. До Александра, иногда и после него, Сырдарью смешивали с Доном, считавшимся границей между Азией и Европой, и к обеим рекам прилагали одно и то же название — Танаис³⁸. Арриан различает два Танаиса и описывает Сырдарью в следующих словах: “Из Мараканд (Самарканда) Александр двинулся к реке Танаису. Истоки этой реки, которой, по словам Аристула, местные варвары дают еще другое название — Яксарт, также находятся в Кавказских горах³⁹, а впадает она также в Гирканское море”⁴⁰.

Несмотря на образование в Средней Азии сильного греко-бактрийского царства, греческим авторам и в последующие века не удалось получить более точные сведения о Каспийском море и странах к востоку от него. Рассказы историков Александра показывают, что Хорезм в эту эпоху не входил, как при Дарии, в состав персидской монархии, но, как впоследствии, в эпоху монгольского владычества⁴¹, в политическом отношении составлял одно целое с юго-востоком нынешней Европейской России. По словам Арриана, владелец Хорезма Фарасман прибыл к Александру в Бактры весной 328 г. в сопровождении 1500 всадников; он говорил, что его страна граничит с Колхидой, и предлагал доставить Александру проводников и все необходимое для войска, если бы Александр предпринял поход к Черному морю. Александр, думавший тогда уже о походе в Индию, не мог воспользоваться этим предложением, но рекомендовал Фарасмана персу Артабазу, наместнику Бактрии, и сатрапам других соседних областей⁴². В том же 328 г. Артабаза сменил в качестве наместника Бактрии грек Аминта⁴³; об отношениях его и возникшей впоследствии династии греко-бактрийских царей к Хорезму мы не имеем никаких известий.

План Александра — исследовать Каспийское море — был возобновлен при Селевке (312—280), причем это поручение было возложено на Патрокла, “мужа, казавшегося благоразумным и Селевку верным другом”, как рекомендует его Плутарх⁴⁴. Плаванию Патрокла посвящено исследование К. Нейманна⁴⁵, который доказывает, что Патрокл был на Каспийском море между 285 и 282 годами. Замечательно, что Патрокл не только вполне подтвердил мнение о впадении в Каспийское море Окса и Яксарта, но даже пришел к заключению, что Каспийское море соединяется на севере с океаном и что возможно плавание из прикаспийских стран в Индию мимо северного берега Азии. На основании приводимого им расстояния вдоль южного берега Каспийского моря и дальше до устья Окса (4800 стадий, т.е. около 840 верст) Нейманн приходит к выводу, что Патрокл принял за устье большой реки пролив, соединяющий Каспийское море с заливом Кара-Бугаз. Едва ли,

однако, Патрокл мог принять за реку пролив, по которому соленые воды текут из моря в залив, а не обратно.

Сочинения Патрокла не дошли до нас, но его взгляды господствовали в науке в течение нескольких столетий. Александрийский ученый Эратосфен (275—194), предложивший систему объяснения устройства вселенной, черпал свои сведения о Каспийском море и прилегающих к нему областях главным образом из сочинений Патрокла⁴⁶; взгляды Эратосфена в общем были приняты также Страбоном (род. ок. 63 г. до н.э.). Несмотря на расширение географических познаний греков благодаря походам Александра, Селевкидов и бактрийских царей, эти взгляды представляют значительный шаг назад по сравнению со взглядами Геродота. По Эратосфену и Страбону, Каспийское море занимает с запада на восток значительно большее пространство, чем с юга на север, и узким проливом соединяется с Северным океаном; с востока в него впадают судоходные реки Окс и Яксарт; расстояние между устьями обеих рек 2400 стадий (около 420 верст) или, по Патроклу, 80 парасангов⁴⁷ (фарсахов). Замечательно, что эта цифра приблизительно соответствует расстоянию между устьями Амударьи и Сырдарьи вдоль берега Аральского моря⁴⁸. Правильный взгляд на Каспийское море, как на внутренний, не соединяющийся с океаном бассейн, был вновь установлен только Птолемеем⁴⁹ (II в. н.э.); в том, что Каспий занимает с запада на восток большее пространство, чем с юга на север, и что в него впадают Окс и Яксарт, не сомневался, насколько известно, ни один географ древности.

Рассказам древних о судоходстве по Оксу до самого устья противоречат, однако, рассказы некоторых ученых той же эпохи о громадном водопаде при впадении Окса в море. Евдокс, живший, по всей вероятности, в III веке до н.э.⁵⁰, говорит об этом, по словам Страбона⁵¹, следующее: “Около Гирканского моря находятся скалистые с пещерами высоты, между ними и морем — низменный берег. Реки, низвергающиеся с высоких обрывов, текут вниз с такой стремительностью, что вода от стен скал падает прямо в море, а берег остается сухим, и под водопадом могут проходить даже войска”.

О том же водопаде более подробно говорит Полибий (208—127), сомневающийся, однако, в его существовании. По словам Полибия (X, 48), “аспасаки живут в местности между Оксом и Танаисом, из которых первый впадает в Гирканское море, а Танаис — в Меотийское болото⁵²; обе реки по своей величине судоходны, и кажется удивительным, каким образом кочевники переправляются через Окс со своими конями, отправляясь сухим путем в Гирканию. Есть об этом два рассказа, из которых один правдоподобный, а другой невероятный, хотя не невозможный. Именно: Окс имеет свои истоки в кавказских горах; реки, впадающие в него в Бактриане, значительно увеличивают в нем количество воды; после этого он несется по ровной местности обильным и мутным потоком. Достигнув пустыни, поток по некоторым крутым скалам пробивает себе путь силой, благодаря своей величине и [присое-

динению] вод с лежащих выше мест, так что поток низвергается в местности под скалой на расстоянии более стадия (около 90 саженой). Говорят, что аспасиаки проходят со своими конями в Гирканию по этому месту, у самой скалы, под низвергающимся потоком реки. Другой рассказ имеет более правдоподобный вид, чем предыдущий. Именно: в местности выше [по течению реки] есть большие глыбы камня, к которым низвергается [река]; их она силою течения выдалбливает, разрывает и протекает небольшое пространство под землей, на [некоторой] глубине, потом снова показывается; варвары, знакомые с местностью, по этому промежуточному месту проходят в Гирканию со своими конями”.

Трудно сказать, лежит ли в основании этих рассказов факт существования водопадов на Узбое или, как полагают некоторые, фантастическое предание, придуманное для объяснения постоянных вторжений северных кочевников в Гирканию; греки были убеждены, что к северу от Гиркании в Каспийское море впадает Окс, и старались объяснить себе, каким образом кочевники обходят это препятствие⁵³.

У некоторых греческих авторов находят намек на существование Аральского моря. Так, о кочевом народе даев у Страбона говорится, что он жил к востоку от Каспийского моря и в то же время что он вышел из страны “за Танаисом и Меотидой”; Гутшмид⁵⁴ полагает, что под этими названиями в этом случае следует понимать Сырдарью и Аральское море. К последнему относят также слова некоторых авторов об “Оксийском болоте” (*palus Oxiana*); однако еще Птолемей понимает под этим названием небольшое озеро вблизи Окса, образованное какой-то степной рекой, по мнению некоторых — озеро, образованное Зеравшаном⁵⁵.

Римские писатели черпали свои географические сведения главным образом из греческих источников; непосредственные сведения о прикаспийских областях римляне могли получить во время походов Помпея, который в 66 г. до н.э. доходил до Куры. Плиний⁵⁶ приводит слова современника Помпея, известного Варрона (116—27), написавшего, между прочим, три книги о Помпее⁵⁷; по словам Варрона, во время этого похода были собраны сведения о торговом пути из Индии; товары шли из Индии семь дней до Бактрианы, именно до устья Икара, впадающего в Окс, оттуда перевозились по Оксу в Каспийское море, дальше по морю и по Куре, от Куры в пять дней сухим путем до Фасиса на Черном море (Поти).

В I веке н.э. римляне имели непосредственные сношения с Гирканией, отделившейся в 58 г. от парфянского государства; уже в 59 г. в Риме было гирканское посольство⁵⁸; однако эти сношения, насколько известно, не расширили географических познаний римлян.

Неизвестно, из какого источника историк IV века Аммиан Марцеллин заимствовал свои любопытные сведения об Оксийском болоте (XXIII, 6, 59): “Между горами, которые называются Согдийскими, текут две реки, вполне

судоходные, Араксат и Дима; через горные хребты и долины они стремительно низвергаются⁵⁹ в равнину, покрытую лугами, где образуют болото, называемое Оксийским и занимающее обширное пространство”. Аммиан Марцелин — первый и единственный из древних писателей, в словах которого можно видеть ясное указание на Аральское море⁶⁰, но он еще не знал, что одна из двух впадающих в это море рек — тот же Окс, о котором говорят его предшественники; “многоводное течение Окса” (*immania Oxi fluenta*) названо у него отдельно (XXIII, 6, 57). Название *Demus* или *Dymus* прилагается другими авторами к одному из верхних притоков Яксарта⁶¹.

Приведенные данные показывают, что древние авторы имели только крайне неясные сведения о прикаспийских странах; поэтому мы, несмотря на согласное свидетельство этих авторов, не решаемся утверждать, что Амударья в эту эпоху действительно впадала в Каспийское море. Умолчание тех же авторов об Аральском море еще менее дает нам право прийти к заключению, что этого моря в то время не существовало. Что такое заключение было бы ошибочным, видно, между прочим, из китайских известий, начинающихся со II века до н.э.

Западные области Средней Азии “открыл для китайцев Чжан Цянь, отправленный китайским правительством в 138 г. до н.э. на запад для искания союзников против хуннов; по дороге он был захвачен последними и достиг Западного Туркестана только в 128 г., где пробыл до 126 г. Сведения из отчета Чжан Цяня⁶² вошли в состав “Исторических записок” Сыма Цяня. Чжан Цянь был в Фергане и в областях к западу и к юго-западу от нее до Балха; о странах, лежащих дальше к западу, он мог собрать только расспросные сведения. По его словам, все реки к западу от Юйтяня (Хотана) впадали в “Западное” море; в то же время о стране Яньцай, лежавшей к северо-западу от страны Кангюй (а последняя — к северо-западу от Ферганы), говорится, что она “лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов. Это есть Северное море”. Последние слова китайского текста, приведенные нами по переводу о. Иакинфа Бичурина, толкуются различно; в переводе Броссе⁶³, которым пользовался Гутшмид⁶⁴, говорится о “большом озере, на берегах которого нет гор”; по переводу проф. Хирта страна “лежит у большого озера, которое не имеет берегов и которое поэтому считают Северным морем”. Река Амударья упоминается под названием Гуйшуй; о том, куда впадает река, не говорится; подтверждаются слова классических писателей об Амударье как о торговом пути: “По реке Гуйшуй живут торговцы и купцы, которые и сухим путем, и водою развозят свои товары по соседним владениям, даже за несколько тысяч ли” (ли — около полверсты⁶⁵). Бактрийские купцы ездили в Индию, откуда привозили, между прочим, и китайские товары (бамбуковые посохи и холсты), проникавшие тогда в Туркестан только этим кружным путем.

Со времени Чжан Цяня начались дипломатические и торговые сношения Западного Туркестана с Китаем. В последующих китайских историче-

ских сочинениях мы находим некоторые сведения о туркестанских областях, преимущественно о восточной части страны; сведения о западных областях менее определены, хотя китайские посланники и даже военные отряды в конце I века н.э. проникли довольно далеко на запад. Слова Чжан Цяня и последующих авторов, во всяком случае, свидетельствуют о существовании большого озера на северо-западе, т.е. Аральского моря. В “Истории старшего дома Хань” (сведения I в. до н.э.) об этом озере и о стране Яньцай, по-видимому, говорится в тех же словах, как у Чжан Цяня; по переводу о. Иакинфа⁶⁶: “... оно (государство Яньцай) прилегает к великому озеру, имеющему отлогие берега. Это есть Северное море”. В “Истории младшего дома Хань” (сведения II в. н.э.) прибавлено, что страна Яньцай носит также название Аланья⁶⁷, из чего видно, что имеется в виду народ, известный классическим писателям под названием аланов. Кочевья этого народа иранского происхождения, известного также под названием аорсов (транскрипцией последнего названия Хирт⁶⁸ считает китайское Яньцай), могли доходить на востоке до низовьев Сырдарьи; к сожалению, китайцы не говорят, впадала ли в “Северное море” какая-нибудь большая река. Что касается “Западного моря”, в которое впадали, по китайским известиям, реки страны, то известия о нем менее определены. Гутшмид и Хирт полагают, что под этим названием также следует понимать Аральское море. О более позднем китайском историке, авторе “Истории династии Вэй” (написанной в VI в.), Хирт говорит, что он “несомненно имел в виду только восточные пределы (страны аланов) к северу от Аральского моря, к которому, вероятно, относится выражение “большое озеро”; существование обширных водных пространств дальше к западу, именно Каспийского и Черного морей, было ему так же мало известно, как более ранним географам классической древности различие между Аральским и Каспийским морями. Перед воображением китайцев носилась страна, отстоявшая только на 16 тыс. ли от китайской столицы Дай”⁶⁹ (находившейся, по словам Хирта, в северной части провинции Шаньси)⁷⁰. В связи с расстояниями, указанными от того же города до городов бассейна Тарима, это расстояние приводит нас только к Аральскому морю. О других морях китайцы, несомненно, также слышали, но относили эти рассказы все к тому же известному им бассейну. Так, по мнению Хирта, даже слова Чжан Цяня о большом озере, “не имеющем берегов”, объясняются рассказами, которые он мог слышать у индо-скифов или бактрийцев о судоходстве на Черном море; Черное море, с одной стороны, могло считаться большим озером, с другой — все-таки было соединено с океаном⁷¹. Другими словами, Хирт полагает, что как классические писатели знали только Каспийское море и относили к нему рассказы, в которых имелся в виду Арал; так, китайцы, зная только восточный берег Аральского моря и не имея понятия о его действительном протяжении, относили к нему то, что им рассказывали о Каспийском или даже Черном морях. До “Северного мо-

ря” в 94 г. доходил китайский полководец Бань Чао; это известие Гутшмид⁷² также относит к Аральскому морю. В 97 г. Бань Чао отправил на запад посланника Гань Ина, который “доходил до Западного моря и возвратился”⁷³. О том же посольстве в другом месте⁷⁴ говорится, что Гань Ин был отправлен в Дацинь. “По прибытии в Тяочжи к великому морю он хотел отправиться далее. Судозозяева на западной границе Аньси (страны парфян) сказали ему, что море очень пространно и для совершения обоюдного пути при хорошем ветре потребно три месяца, а при слабом — около двух лет; почему отправляющиеся в море запасаются хлебом на три года. В морском плавании усиливается тоска по родине, отчего некоторые умирают. Ин, услышав это, оставил намерение”. Под названием Тяочжи китайцы понимали юго-западную часть Персии и Месопотамию, позднее “государство Боссы”⁷⁵ (персидскую монархию Сасанидов). По-видимому, Гань Ин доходил до Индийского океана⁷⁶. По справедливому замечанию Хирта⁷⁷, китайцы знали только о существовании азиатской части Римской империи и считали столицей государства Антиохию (в “Истории Северных дворов”, по переводу Иакинфа⁷⁸, Аньду). Жители страны Дацинь вели выгодную морскую торговлю “с Аньси и Индией”, но в то же время можно было “обойти море северной его стороной и проникнуть в Дацинь по западную сторону моря”⁷⁹.

Река Амударья упоминается в “Истории Северных дворов” (VI в.) и в более поздних сочинениях под названием Уху⁸⁰, Сырдарья — под названием Яоша⁸¹ (Яксарт, собств. Яхшарт⁸²). К сожалению, и здесь не говорится, доходила ли река до страны аланов; сведения об этой стране остаются столь же краткими, хотя аланские купцы еще в V веке приезжали для торговли в Китай⁸³. О впадении рек в “Северное море” говорится, насколько известно, только в “Истории династии Тан”; по исследованию Хирта⁸⁴, сообщенные в этой истории географические данные восходят к Ду Хуаню, который в 751 г. был взят в плен арабами в битве при Таласе и только в 762 г. вернулся морским путем в Кантон. По его словам, “реки, текущие к северу от гор Лин (т.е. Тянь-Шаня), все текут через области тюрков и впадают в Северное море”⁸⁵. По мнению Хирта⁸⁶, Аральское море, однако, упоминается в известиях, заимствованных из того же источника, под названием “Западного моря” (Сихай); к этому морю был путь от Таласа. Хорезм упоминается в “Истории старшего дома Хань”⁸⁷ под названием Юегянь [Юецзянь] (по мнению Иакинфа⁸⁸, Ургенч, т.е. древняя форма этого названия — Гургандж); о нем только говорится как об одном из “пяти малых кангюйских владений”, без сообщения каких-либо подробностей. В “Истории династии Тан” о Хорезме (“Хосюнь, иначе Холисими и Боли”) говорится, что область лежит на южной стороне реки Уху и что она на северо-западе граничит с областью народа гэса (т.е. тюрков-гузов). “Из всех тюркских владений только здесь (в Хорезме) есть волы с телегами. Торговые употребляют их в своих путешествиях по разным странам”⁸⁹. Последние слова, конечно, свидетельствуют о торговом значении Хорезма.

Таким образом, мы из китайских источников до VIII века также не получаем точного и ясного понятия о географических условиях страны. Еще менее точных данных о течении и устьях Амударьи дают древнеиранские источники. Древнеперсидское название Амударьи было Вех-руд; в Бундехеше об этой реке говорится, что она впадает в Индийское море и там носит название Мехран, т.е. Амударья смешивается с Индом⁹⁰. Взгляд на Инд и Амударью как на два рукава одной и той же реки мы встречаем еще у ранних арабских географов, как у Ибн Хордадбеха⁹¹.

Еще в X веке Мас'уди считает необходимым серьезно опровергать взгляд, по которому Амударья одним рукавом впадает около Кермана в Индийский океан⁹².

В известиях о династии Сасанидов (III—VII вв.) Хорезм почти не упоминается и не рассказывается никаких подробностей о каких-либо событиях или военных действиях на нижнем течении Амударьи. Для решения амударьинского вопроса может, однако, иметь значение мнение одного из новейших ученых, Маркварта, по которому еще в V веке существовал город Балхан около гор того же имени, “на старом течении Окса, вероятно у Малого Балхана, к востоку от бухты Красноводска”⁹³. Маркварт основывается на китайских известиях о движении на запад ветви юэчжийцев (кушанов, или эфталитов) под начальством царя Кидары (у китайцев Ци-до-ло; по имени вождя эта ветвь народа носит у греков название кидаритов); эти кушаны утвердились в городе Боло⁹⁴. Из греческих источников мы знаем, что этот народ должен был вести борьбу с персами; по рассказу историка V века Приска, в Константинополь в 468 г. прибыло персидское посольство с известием, что персы “одержали победу над кидаритскими гуннами и взяли их город Балаам”⁹⁵. Прежние ученые, как Нёльдеке⁹⁶ и Гутшмид⁹⁷, видели в Боло китайских источников и в Балааме греческих — город Балх; Маркварт доказывает, что указанное китайцами расстояние (15 760 ли от китайской столицы Дай и 2100 ли от области Фудиша, т.е. от Бадахшана⁹⁸, что последняя цифра слишком велика для Балха, признает и Гутшмид) свидетельствует о более западном местоположении, тем более что в той же “Истории Северных дворов”, откуда заимствовано это известие, Балх упоминается под названием Бочжи, в 13 320 ли от города Дай⁹⁹. Вследствие этого Маркварт считает китайское Боло и греческое Балх различными транскрипциями названия Балхан. Приведенные цифры, конечно, не могут иметь решающего значения, тем более что для Ферганы, лежащей значительно восточнее Балха, указывается расстояние в 14 450 ли от Дай¹⁰⁰. Более важно другое обстоятельство, также приводимое Марквартом, а именно, что, по согласному свидетельству византийских и мусульманских историков, военные действия между персами и кочевниками происходили в эту эпоху не около Балха, а в Гиркании; вследствие этого Нёльдеке¹⁰¹ делает предположение, что владетели Бактрианы вооружили против персов кочевников туркменских степей. Однако мы знаем, что кидариты после своего пребывания в

городе Боло перешли через Гиндукуш и завоевали часть Индии¹⁰²; если помещать Боло у Балхана, то этот факт трудно поддается объяснению.

Успехи персов в областях к востоку от Каспийского моря были непродолжительны; последующие цари, даже великий Хосрой Ануширван (531—579), заботились только о защите от кочевников линии Гюргена¹⁰³; по словам географа X века Ибн Русте¹⁰⁴, Хосрой даже отказался от Гиркании и для защиты от набегов кочевников построил стену из кирпича от морского берега до гор на восточной границе Табаристана (Мазендерана), проходившей несколько юго-западнее города Астрабада. Прочное завоевание Туркестана удалось только арабам, которым мы обязаны также первыми подробными географическими описаниями страны. Прежде чем перейти к изложению арабских известий, мы должны еще упомянуть об отправленном в 568 г. византийском посольстве к туркам¹⁰⁵; существует предположение, хотя и не вполне доказанное, что в рассказе об обратном путешествии этого посольства упоминаются Хорезм и Аральское море. Посол Земарх, покинув турецкую орду несколько западнее Таласа (хан двинулся из Таласа с намерением идти на персов), достиг страны холиатов, куда часть посольства прибыла еще раньше. Владелец холиатов получил позволение отправить своего посла в Византию; вместе с этим послом Земарх и его спутники переправились через реку Оих и оттуда после долгого странствования прибыли к обширному озеру (или болоту). Здесь они оставались три дня; часть посольства была отправлена в Византию “по кратчайшей дороге, проходившей через пустынную местность, совершенно лишенную воды”. Земарх с остальными шел двенадцать дней вдоль песчаных берегов озера, причем эти переходы иногда были очень трудными, наконец достиг реки Их (Эмба?), потом реки Даих (Яик, Урал), наконец по другим топким местностям прибыли к реке Аттиле (Итиль, Волга).

Гумбольдт, Клапрот и Лерх¹⁰⁶ полагали, что под “обширным озером” Земарха надо понимать Аральское море. Под Оихом одни понимали Сырдарью, другие, как Лерх, Амударью; холиатов Лерх считает хорезмийцами. Однако при последнем объяснении остается непонятным целый ряд подробностей рассказа, именно слова о продолжительности странствования от берегов реки до озера; о двенадцати днях пути вдоль берегов последнего; о песчаном характере этих берегов (как известно, такой характер имеет только восточный берег Арала).

II

Хорезм был завоеван арабами в 712 г.; в рассказе об этом завоевании говорится только о взятии Хазараспа и столицы области Кята (ныне селение Шейх-Аббас-вели)¹⁰⁷; после взятия столицы покорилась вся область, и дальше к северу арабы, насколько известно, уже не встретили сопротивления. Арабы со-

хранили местную династию хорезмшахов, но в то же время оставили в стране своего наместника; постепенно это двоевластие привело к распадению Хорезма на два самостоятельных владения — владение хорезмшахов с главным городом Кятом и владение арабских эмиров с главным городом Джурджанией (у туземцев Гургандж, около нынешнего Куля-Ургенча). Между обеими династиями происходили постоянные столкновения, и в 995 г. эмиры Гурганджа завоевали также и южную часть Хорезма¹⁰⁸.

Несмотря на образование арабского владения на низовьях реки, сведения первых арабских географов об устьях реки крайне неопределенны. Самый ранний из этих географов, Ибн Хордасбех (писал около 865 г.)¹⁰⁹, говорит, по толкованию де Гюе, о впадении реки в Аральское море, которое он называет “Курдерским озером”¹¹⁰, по имени города, находившегося в дельте реки¹¹¹, но это толкование остается спорным; по другому чтению (и по первому изданию текста, сделанному Барбье де Менаром), река впадала в Джурджанское, т.е. Каспийское, море. Другой географ IX века, Якуби (891 г.), ясно говорит, что река впадала в Дейлемское, т.е. в Каспийское, море¹¹². То же самое говорит и писавший около 903 г. Ибн ал-Факих, но в таких темных выражениях, которые заставляют предполагать искажение текста: “Река прорезывает Хорезм, впадает в Хорасанское море и вступает в Син” (Китай)¹¹³. Названные авторы не обнаруживают такого подробного знакомства с географией Средней Азии вообще и Хорезма в частности, чтобы мы на основании их слов имели право утверждать, что Амударья действительно до начала X века впадала в Каспийское море¹¹⁴.

В отчете экспедиции Глуховского¹¹⁵ делается ссылка на надгробный камень около развалин Талайхан-Ата, на котором “хивинским муллой был прочитан 170 год хиджры”, но для лиц, знакомых с мусульманской палеографией, не может быть сомнения в том, что, если бы надпись действительно относилась ко II веку, ее не мог бы прочитать ни один туземный мулла¹¹⁶.

Подробные данные о низовьях Амударьи и Аральском море впервые дает Ибн Русте, писавший, как доказывает его издатель де Гюе¹¹⁷, не раньше 903 г. и не позже 913 г., т.е. современник Ибн ал-Факиха. По его словам, “река образует водоемы, камышовые болота и луга на расстоянии около 4 фарсахов ниже города Хорезма (Кята). Потом она течет к западу (собств. в сторону киблы) от Хорезма между Джурджанией и Миздахканом; Джурджания на западной, Миздахкан на восточной стороне ее; Джурджания находится ниже города [Кята] на 24 фарсаха. К Миздахкану принадлежит селение на восточном берегу, по имени Херваз¹¹⁸; ниже его еще другое селение, потом третье; если плыть от этого места вниз по течению, то от реки отделяется рукав по левую сторону и течет до места, называемого Варагдех (собств. “Селение плотин”), на 4 фарсаха ниже Джурджании. Здесь река подходит к селению Варагдех и горам, называемым Сях-кух (“Черные горы”); отсюда спускаются вниз по течению к селению Берабид (?). Ниже селения река образует множество

водоемов, носящих название Халиджан. Это то место, где ловится рыба, вывозимая из Хорезма в [разные] стороны. Сама река впадает в озеро, имеющее в окружности около 80 фарсахов; по западному берегу его тянутся горы, называемые Сиях-кух, по восточному берегу — болота, покрытые густыми зарослями сросшихся деревьев; почти невозможно проникнуть туда и пройти там иначе, как по узкой и неровной дороге, проложенной входившими и выходившими кабанями, и [по дороге] у конца (края?) берега в сторону севера, по которой проходит владетель так называемого Нового селения¹¹⁹.

Последующие географы подробнее перечисляют каналы реки и города на берегах ее, но ни один из них не дает нам таких точных сведений о низовьях Амударьи и о берегах Арала, как Ибн Русте. Ближайший по времени географ, Истахри, писавший около 961 г., пользовался не дошедшим до нас трудом своего предшественника ал-Балхи; в свою очередь труд Истахри был вновь издан и дополнен Ибн Хаукалем (около 976 г.); отнесительно Амударьи и Аральского моря Ибн Хаукаль почти ничего не прибавляет к труду своего предшественника. У Истахри мы находим следующие сведения: «От канала Ведак до города Хорезма (Кята) около 2 фарсахов. Ниже города в сторону Джурджании [отделяется] канал под названием Бувве (или Буе); вода его соединяется с водой Ведака в пределах селения, известного под названием Ан-дерастан, несколько ниже, по направлению к Джурджании. Ведак больше Бувве; по обоим идут суда до места на расстоянии одной гальяы ($\frac{1}{24}$ фарсаха) от Джурджании; там есть плотина, задерживающая суда. От места соединения обоих каналов до Джурджании около одного перехода. К [городу] Курдеру проведен канал, начинающийся на 4 фарсаха ниже города Хорезма (Кята) из четырех мест, отстоящих недалеко одно от другого; [эти истоки] превращаются в один канал, равный Бувве и Ведаку после их соединения. Говорят, что Джейхун прежде протекал в этой местности; когда уменьшается вода в Джейхуне, она уменьшается и в этом канале. Против Гита¹²⁰, в степи, на расстоянии 1 фарсаха с северной стороны [реки] есть город по имени Медминия; он отстоит от Джейхуна на 4 фарсаха, но принадлежит к Джурджании; так произошло оттого, что река от Курдера изменила свое течение и проходит между Гитом и Медминией¹²¹. После Медминии на берегу нет населенного пункта. Между Джейхуном и [каналом] Курдером — округ (рустак) Миздахкан; между [городом] Миздахканом и Джейхуном — 2 фарсаха; он (город) лежит на пути Джурджании. К каждому селению между Курдером и городом [Кятюм] проведен канал из Джейхуна: все эти каналы из Джейхуна. Потом Джейхун доходит до Хорезмийского озера в месте, где [живут] рыбаки; там нет ни селения, ни построек; это место называется Халиджаном; на берегу этого моря, около Халиджана, земля гузов; в мирное время они приходят с этой стороны в селение Бератегин¹²², с другой стороны — в Джурджанию; оба поселения — пограничные пункты¹²³. От того места, куда впадает река Джейхун, до места впадения Шашской реки (Сырдарьи) в это озеро — около 4-х дней пути (по

Ибн Хаукалю¹²⁴ — около 10 дней, что правильнее). На берегу Хорезмийского озера есть горы Чакыр-огуз, у которых замерзает вода и остается замерзшей до лета (по Ибн Хаукалю — все лето). Оно (место) представляет (у Ибн Хаукаля: около них [гор] есть) камышовое болото. Окружность этого озера, как мне говорили, около 100 фарсахов. Вода его соленая; озеро не имеет видимого истока; в него впадают реки Джейхун, Шашская река и еще другие реки; между тем вода его не становится пресной и не увеличивается по количеству, а остается на одном и том же уровне. Бог лучше знает, существует ли между ним и Хазарским (Каспийским) морем подземный проход, по которому соединяется вода обоих. Между обоими морями около 20 дней пути по прямому направлению¹²⁵. “От города [Кята] до Держаса — 2 перехода, от Держаса до Курдера — 1 переход¹²⁶, от Курдера до селения Бератегин — 2 дня. Медминия и селение Бератегин — близко одно от другого, только Медминия ближе к Джейхуну. От Медминии до русла Джейхуна — 4 фарсаха; между Миздахканом и рекой Джейхуном — 2 фарсаха; город лежит напротив Джурджании; между Джурджанией и Джейхуном — 1 фарсах¹²⁷.”

Ибн Хаукаль, не прибавляющий ничего существенного к словам своего предшественника о низовьях Амударьи, сообщает некоторые новые сведения о низовьях Сырдарьи, именно о “Новом селении”¹²⁸, которое находилось на расстоянии фарсаха от берега реки, в двух переходах от места впадения реки в Хорезмийское озеро (Аральское море), в 10 переходах от Хорезма и в 20 переходах от Фараба¹²⁹ (около Отрара). Эти данные показывают, что устье Сырдарьи в X веке находилось приблизительно в том же месте, как теперь.

Неизвестный персидский географ, писавший в 982 г.¹³⁰, только в самых общих словах говорит о впадении Амударьи и Сырдарьи в Аральское море. Макдиси, писавший около 985 г., сообщает некоторые подробности о плотине около Гурганджа и о городах на низовьях реки, которых нет у его предшественников. Эти подробности заимствованы или из не дошедших до нас книжных источников, или от лиц, знакомых со страной; сам Макдиси, по видимому, никогда не был в Хорезме¹³¹. О плотине около Гурганджа у него сказано: “Джурджания — главный город хорасанской стороны¹³² на Джейхуне [так близко к нему], что вода наводняла его окрестности; [жители] придумали для отведения ее [сооружение] из досок и дров, так что река направилась к востоку; было совершено удивительное дело. Потом река была проведена в степь к селению Фератегин и стала течь только по одной стороне (?). От нее провели каналы к воротам города, но не в самый город, вследствие тесноты места”¹³³. Из городов на низовьях Амударьи Курдер, Миздахкан, Бератегин и Медкаминия (очевидно, то же, что у Истахри — Медминия) помещены на правой, Джит (Гит) — на левой стороне реки, причем сказано, что было два селения этого имени¹³⁴. О Бератегине сказано, что он расположен “в степи около гор; отсюда вывозят камни”¹³⁵. В противоположность словам Истахри, что около Гита не было других селений, у Макдиси сказано: “Джит — большое

селение с обширными рустаками (употребление этого термина заставляет предполагать ряд оседлых поселений) в степи; это укрепленный пограничный пункт на границе с гузами; отсюда вход в их [страну]”¹³⁶. Халиджан не назван вовсе.

Между отдельными городами у Макдиси указаны более значительные расстояния, чем у Истахри, и приведено более значительное число промежуточных пунктов; соответствующие дорожки приведены мною в другом месте¹³⁷. Макдиси считает от Кята до Миздахкана 5 переходов и еще 2 перегона (перегон в восточных областях равнялся двум фарсахам)¹³⁸, причем непосредственно перед Миздахканом было 2 перехода через степь, от Миздахкана до Курдера — 1 переход и 2 перегона или, по другой дороге, 2 перехода; от Курдера до Бератегина — 1 переход и 2 перегона; от Бератегина до озера — 1 переход¹³⁹. Дорожник левого берега обрывается на Джурджании; не указаны ни расстояния между Джурджанией и Гитом, ни пути из Джурджании в Курдер, Бератегин и к устью реки.

Между рассказами Ибн Русте, с одной стороны, и Истахри и Ибн Хаукаля — с другой, замечается разногласие относительно местоположения Халиджана; по словам Истахри и Ибн Хаукаля, Халиджаном называлось место впадения Амударьи в Аральское море, по Ибн Русте — водоемы, к которым доходил только левый рукав реки, отделившийся от главного русла немного ниже Гурганджа; о впадении главного рукава в Аральское море говорится отдельно. В другом месте¹⁴⁰ я высказал предположение, что Халиджан Ибн Русте следует искать у Айбутира; слова Ибн Русте, по которым этот рукав реки у селения Варагдех достигал гор и потом протекал еще некоторое пространство, может быть, скорее указывают на Сарыкамыш. Большой плотины около Гурганджа в ту эпоху, которую имеет в виду рассказ Ибн Русте, по-видимому, еще не было; очень вероятно, что после ее сооружения левый рукав реки перестал течь и что в таком смысле надо понимать приведенные слова Макдиси, что река “стала течь только по одной стороне”. По имеющимся в нашем распоряжении данным трудно сказать, могло ли в Сарыкамыше и после этого в течение некоторого времени сохраняться такое количество воды, что рыбаки на берегах его могли продолжать свой промысел, или рыбацье поселение должно было быть перенесено на берег Арала; другими словами, следует ли видеть в словах Истахри о Халиджане просто ошибку или указание на перемену местоположения этого пункта. Едва ли можно сомневаться в том, что Курдер арабских географов соответствует нынешнему главному руслу, начиная от расширения реки близ селения Бийбазар. Крайне любопытны слова Истахри, что Курдер считался прежним главным руслом реки; из этого видно, что до X века произошло перемещение русла реки с востока на запад, а не наоборот¹⁴¹, и что Амударья еще задолго до X века впадала в Аральское море. Под “Хорезмийским озером” понимали, по-видимому, только Аральское, а не Арало-Сарыкамышское море, как полагает г-н Коншин¹⁴². Из Гурганджа караваны хо-

дили на юго-запад в Хорасан и Гурган и на северо-запад к хазарам¹⁴³, подробностей о последнем пути географа X века нам не сообщают, хотя этим путем проехал в Россию в начале X века знаменитый Ибн Фадлан¹⁴⁴; но Гардизи, автор XI века, писавший по более ранним источникам, замечает, что на пути “из Гурганджа к Хорезмийским горам и от этих гор к печенегам встречаются Хорезмийское озеро, оставляют озеро по правую руку и идут дальше”¹⁴⁵. Эти слова ясно показывают, что Арал в ту эпоху не соединялся с Сарыкамышем.

К X веку относится также первое известие об Узбое как о сухом русле. Макдиси рассказывает, что “в древности царь востока однажды разгневался на 400 человек из людей его царства и его свиты и велел их переселить в место, отделенное от населенных местностей расстоянием приблизительно в 100 фарсахов”. Это было то место, где впоследствии возник Кят. Впоследствии царь пожаловал им 400 тюркских девиц (вследствие чего, как замечает Макдиси, в наружности хорезмийцев сохранилось сходство с наружностью тюрков) и велел прорыть для них канал от главного русла Джейхуна: “В то время главное русло доходило до города, [расположенного] за [городом] Неса и носившего название Балхана”. Однажды изгнанников посетил эмир этого города (Балхана), играл с их начальником в кости и проиграл партию; ставка заключалась в том, что победителю будет предоставлено направить всю реку на один день и ночь в свой канал. Река тогда направилась к Хорезму, и после этого уже оказалось невозможным снова повернуть ее в старое русло. Хорезмийцы “провели от нее каналы и построили на ее берегах города, а Балхан пришел в разрушение”. Жители Неса и Абиверда говорили автору, что они иногда “отправляются в Балхан и приносят оттуда много яиц; говорят, что быки и лошади [там] одичали”¹⁴⁶. Из рассказа Макдиси видно, что в X веке у туземцев существовало предание о прежнем течении Амударьи к Балхану, но что этот факт относили к эпохе до возникновения культуры в Хорезме, т.е. к мифическим временам; из этого можно заключить, что Узбой был сухим руслом задолго до X века. Историк Ибн ал-Асир также говорит о горах Балхан, что “около них [находится] древний Хорезм”¹⁴⁷. Тем более странное впечатление производят слова другого географа X века, Мас’уди, о “Джурджанийском озере”, в которое недалеко от города Джурджани впадала Амударья: “Это озеро одно из самых больших в населенной части мира; пространство его — около 40 дней пути в длину и столько же в ширину; из этого озера вытекают большие реки, впадающие в Хазарское (Каспийское) море. В это озеро течет [также] Шашская река”¹⁴⁸. Если бы до нас из всех географических сочинений X века дошел только труд Мас’уди, то мы, вероятно, пришли бы к заключению, что Арало-Сарыкамышское озеро в данную эпоху не только существовало, но и соединялось, посредством Узбоя, с Каспийским морем¹⁴⁹.

Столь же ошибочно было бы вывести заключение о существовании поселений близ Балхана из слов арабских географов о месте Дихистан, которое находилось, по словам Истахри и Ибн Хаукаля¹⁵⁰, на расстоянии 50 фарсахов

от гавани Абескун. Абескун, гавань области Гурган, несомненно, находился около устья реки Гюрген (Макдиси¹⁵¹ считает 1 переход от города Джурджана, или Гургана, около развалин башни Гумбез-и Кабус, до Абескуна и столько же от Абескуна до Астрабада, находившегося на пути из Абескуна в Сари; в первом случае расстояние на самом деле более значительно). Расстояние в 50 фарсахов от устья Гюргена могло бы привести нас к Балханской бухте; но это определение расстояния противоречит другим, более достоверным данным. Истахри и Ибн Хаукаль сами в другом месте¹⁵² дают другое определение — 6 переходов, что для 50 фарсахов слишком мало; Макдиси даже считает всего 4 перехода от города Джурджана до Дихистана¹⁵³. По Табари, между Джурджаном и Дихистаном было 25 фарсахов¹⁵⁴, по Хамдаллаху Казвини, писавшему в XIV веке, — 23 фарсаха¹⁵⁵; кроме того, Хамдаллах Казвини говорит о реке Атреке, что она впадает в Хазарское (Каспийское) море, “пройдя через пределы Дихистана”¹⁵⁶. Дихистан совершенно иначе описывается у Макдиси, чем у его предшественников, Истахри и Ибн Хаукаля. По Истахри, Дихистан был местом (у Ибн Хаукаля прибавлено: “похожим на селение с небольшим количеством жителей”), куда в бурную погоду приставали суда и куда приходило много народа для рыбной ловли. Макдиси, напротив, описывает Дихистан, как целый рустак, один из лучших округов Гургана, с городом Ахур, 24 селениями и укрепленным рабатом, в котором было несколько мечетей, на краю степи¹⁵⁷. Остатком Дихистана являются, как полагают, развалины Мешхед-и Мисриян (на современных картах обыкновенно Месториан), впрочем относящиеся к значительно более позднему времени¹⁵⁸. Из слов Табари мы знаем, что в домусульманское время правитель Дихистана жил на острове Бухейре (собств. “Озеро”). в 5 фарсахах от Дихистана¹⁵⁹. Арабское слово *джазира* значит как остров, так и полуостров; из слов персидского географа X века мы узнаем, что в этом случае речь идет о полуострове¹⁶⁰. Из слов арабских географов о Дихистане мы можем заключить, что даже в то время, когда Амударья еще не направилась снова к Каспийскому морю, последнее в этом месте простиралось на восток значительно дальше, чем теперь, может быть, вследствие большого количества воды в Атреке.

X век был эпохой высшего процветания арабской географической литературы; все последующие авторы, вплоть до XVII века, пользовались известиями географов этого периода большей частью без всякой критики, допуская, таким образом, в своем изложении множество анахронизмов. Этот факт необходимо всегда иметь в виду при пользовании сочинениями восточных географов второй половины Средних веков. Кроме того, у многих компиляторов известия географов X века приводятся в искаженном виде, по дурным рукописям. К числу таких компиляторов принадлежит Идриси, написавший свой труд в 1154 г. при дворе норманнского короля Сицилии и Неаполя Рожера II. Все, что говорится у Идриси об Аральском море и Амударье, заимствовано у географов X века, особенно у Ибн Хаукаля; расстояния, сообщаемые там в

фарсах, здесь переведены на мили (в фарсах 3 мили); встречаются искажения источников, по крайней мере судя по французскому переводу Жобера¹⁶¹, который и сам по себе возбуждает много сомнений; подлинник пока не издан и мне недоступен. Расстояние между устьями Амударьи и Сырдарьи определено в 10 миль вместо 10 переходов¹⁶²; известие Ибн Хаукаля о квартале Дерджаш (у Идриси — Дергаш) в Кяте отнесено к Джурджани¹⁶³ и т.п. Из рассказов Идриси об Аральском море не находится у дошедших до нас географов X века только фантастическая сказка о какой-то рыбе, время от времени появлявшейся над водой озера; появление ее предвещало смерть кому-нибудь из князей гузов¹⁶⁴. Ввиду такого характера этого источника трудно искать в нем новые сведения и выводить из слов Идриси о реке Бура¹⁶⁵, что русло одного из каналов Амударьи в ту эпоху начало просачиваться через горы Шейх-Джели¹⁶⁶. Под словом *Бура* Идриси, как уже определил де Гье¹⁶⁷, несомненно, понимает тот же канал, который у географов X века носит название Бувве; различие между описанием этого канала у авторов X века и у Идриси, вероятно, следует объяснить ошибкой компилятора или переводчика.

Несколько ранее, также на отдаленном Западе (в Испании), были написаны труды другого компилятора, ал-Бекри, умершего в 1094 г.: географический словарь, изданный Вюстенфельдом, и компилятивный труд “Книга о государствах и путях”. В последнем труде для нас представляют некоторый интерес слова о башне на “Хорезмийской горе”, в 12 фарсах от города Джурджани, на пути в страну печенегов; у подошвы горы находились пашни переселенцев из Джурджани¹⁶⁸.

Упадком культуры в Средней Азии после падения государства Саманидов следует объяснить, что мы с X до XIII века не имеем почти никаких трудов местных ученых, кроме трудов упомянутого выше хорезмийца ал-Бируни, в которых нет ничего нового об Аральском море и низовьях Амударьи. В начале XIII века Хорезм и Гургандж достигли небывалого блеска; хорезмшаху Мухаммеду подчинилась вся восточная часть мусульманского мира. Для этого государя написал свою книгу Мухаммед ибн Неджиб Бекран¹⁶⁹, под заглавием Джахан-наме. К сожалению, и здесь только очень кратко говорится о течении Амударьи и Сырдарьи и об их впадении в Аральское море, которое названо “Джендским озером”, по имени известного города на нижнем течении Сырдарьи¹⁷⁰. Автор считает 12 переходов от Аму (Чарджуя) до Хорезма и 6 переходов от Хорезма до озера¹⁷¹.

Из данных, приведенных в словарях Сам’ани и Якута, любопытно известно о селении Бугайдид (или Багдадек, т.е. “Малый Багдаль”) “между Хорезмом и Джендом”¹⁷². В рассказах историков о событиях 1204 г. упоминается Кара-су, один из каналов восточной стороны, через который приходилось переправлять войску до прибытия к Гурганджу¹⁷³. В словаре Якута под словом “Мангышлак” говорится о впадении Амударьи в Каспийское море¹⁷⁴, что явно противоречит другим известиям самого Якута; вероятно, последний в этом

случае находился под влиянием Ибн ал-Факиха или какого-нибудь другого раннего арабского географа.

111

Опустошение Хорезма монголами в 1221 г. и разрушение плотин совершенно изменили течение Амударьи. О нескольких городах и селениях левого берега говорится, что они были затоплены водой; такой же участи подверглась столица области, Гургандж. Из слов Якута, бывшего здесь незадолго до разрушения города монголами, мы знаем, что плотина Гурганджа требовала ежегодного ремонта; таким образом, после разрушения города и истребления жителей река должна была прорвать ее. По рассказу Ибн ал-Асира, монголы сами разрушили плотину, после чего «вода хлынула и затопила весь город; строения разрушились, и место их заняла вода»¹⁷⁵. Однако, по словам других историков, некоторые из зданий города уцелели¹⁷⁶. В 1900 г. в развалинах Куны-Ургенча в основании одной древней башни была найдена свинцовая плита с арабской надписью, из которой видно, что башня была построена в 401/1010—11 г.¹⁷⁷; эта находка показывает, что в развалинах города и до настоящего времени сохранились некоторые здания домонгольского периода.

Насколько можно судить по приводимым ниже известиям, река после монгольского нашествия снова направилась к Сарыкамышу. Рукав, о котором рассказывает Ибн Русте, не только был восстановлен, но даже сделался главным руслом. Город Гургандж, восстановленный через короткое время после своего разрушения¹⁷⁸ и получивший от монголов название Ургенча¹⁷⁹, очутился теперь, по картинному выражению географа XIV века ал-Омари, «между двумя рукавами Джейхуна, похожими на шаровары»¹⁸⁰. Многочисленные известия различных авторов, которые будут приведены ниже, показывают, что главным рукавом реки был протекавший к югу от Ургенча. Отголоском наводнения, постигшего всю страну, особенно местность от Ургенча к Сарыкамышу, является, по всей вероятности, легенда о Хаким-Ата, могила которого в месте Бакырган, к западу от «города Хорезма», сорок лет стояла под водой: вскоре после смерти святого Амударья, «протекая из области города Кыта, затопила Бакырган»¹⁸¹.

К сожалению, мы для XIII века (после события 1221 г.) не имеем сколько-нибудь подробных сведений о Хорезме, хотя страну еще в 1246 г. посетил на пути к монголам Плано Карпини¹⁸². Астроном Кутб ад-дин Ширази, умерший в 1310 г., говорит об изменении течения Амударьи, по-видимому, только по дошедшим до него темным слухам и объясняет непостоянство течения только песчаным характером местности: «Джейхун хорезмийский по той причине, что проходит по пескам, не всегда течет по одному направлению, но направляется в разные стороны; поэтому он впадает то в Абескунское (Каспийское) море, то

в Хорезмийское озеро, занимающее пространство в 100 фарсахов; между ним и Абескуном двадцать дней пути. Таким же образом и Сейхун, т.е. Ферганская река (Сырдарья), вытекающая из отдаленнейших мест востока и области тюрков, впадает то в Абескунское [море], то в это озеро”¹⁸³.

Подробные известия об изменившемся течении Амударьи впервые дал персидский географ Хамдаллах Казвини в своем сочинении “Отрада сердец” (*Нузхат ал-кулуб*), написанном в 1339 году. Рассказ его об Амударье приведен мною в другом месте¹⁸⁴; здесь я позволю себе повторить только ту часть рассказа, где говорится об устьях реки: “Некоторые протоки изливаются в Хорезмийское озеро; главный рукав Джейхуна, пройдя через Хорезм, низвергается с перевала Хульм, который по-тюркски называется Герледи; шум его слышен на два, даже на три фарсаха; после этого [река] впадает в Хазарское море в земле, которую называют Халиджаном; там живут рыбаки. От Хорезма до моря 6 переходов”.

Рассказ Хамдаллаха Казвини о водопаде, с приведением тюркского названия¹⁸⁵ последнего, очевидно, не мог быть заимствован у классических писателей; по-видимому, этот рассказ может быть отнесен только к Узбою и может быть признан доказательством, что в Узбое в эту эпоху снова протекала вода. Некоторое сомнение возбуждают, во-первых, название местности Халиджан; во-вторых, указанное расстояние от Хорезма до “моря”: в 6 дней можно было идти от столицы Хорезма только до Аральского моря (мы видели, что такое же определение расстояния дает Бекран) или до Сарыкамыша, но никак не до Балханского залива. Насколько известно, автор сам никогда не был в Хорезме; по-видимому, он слышал как рассказы об Узбое, так и рассказы о рукавах реки, впадающих в Аральское море, и в своем изложении ошибочно отнес к первому некоторые данные, рассказанные ему о последнем.

Что Хамдаллах Казвини действительно был убежден в том, что главный рукав Амударьи с XIII века стал впадать в Каспийское море, видно также из его рассказа об этом море, особенно об исчезновении острова (может быть, полуострова) Абескун: “Абескун теперь скрыт под водой по той причине, что Джейхун, прежде впадавший в Восточное море, расположенное напротив страны Яджудж и Маджудж, около времени появления монголов изменил направление и стал впадать в это море. Так как море не соединено с другими, то по необходимости [река] присоединила к морю часть суши, для уравнивания прихода и расхода”. Интересно еще замечание Хамдаллаха Казвини, будто в его время Хазарское (Каспийское) море было отделено от Франкского (Черного) только горами, занимавшими пространство в 2 или 3 фарсаха. Прежде пространство между двумя морями, по его словам, было гораздо значительнее, но потом Черное море затопило часть суши и образовало новый “залив Искендера”¹⁸⁶. Расстояние между Азовским и Каспийским морями, конечно, не было так незначительно, как рассказывает автор; но что оно в эту эпоху значительно уменьшилось, подтверждается и другими источниками. Хамдал-

лах Казвини говорит о расширении Черного или, вернее, Азовского моря; по словам гемуэзца Марино Санудо, писавшего в 1325 г., происходило также повышение уровня Каспийского моря и затопление его западных берегов: “Было прежде водоворот, куда опускалась вода моря, но он был закрыт землетрясением; с тех пор море прибывает каждый год на одну ладонь (palme), и уже несколько хороших городов были разрушены, так что в конце концов Каспийское море соединится с морем Таны” (Азовским)¹⁸⁷. Водоворот, о котором говорится здесь, упоминается уже у географов X века и находился близ полуострова Мангышлак. Из слов Хамдаллаха Казвини¹⁸⁸ мы знаем, что действительно существовало мнение, будто здесь вода Каспийского моря стекала в Черное; другие, как видно из приводимых ниже слов автора XV века Джурджани, полагали, что здесь с Каспийским морем соединяется вода Аральского. О повышении уровня Каспийского моря свидетельствуют также давно известные данные об уровне моря близ Баку в начале XV века, которые мы находим у местного географа этой эпохи, Бакуви¹⁸⁹. Конечно, изменение уровня моря объясняется не только изменением течения Амударьи, но и другими причинами, выяснить которые предоставляем специалистам. Что Хамдаллах Казвини мог иметь довольно точные сведения об Узбое, видно из приведенного им дорожника из Персии, именно из Бистама, через Джурджан и Дихистан в Ургенч; после Дихистана (ныне развалины Мешхед-и Мисриян) приводятся следующие станции¹⁹⁰:

Рабат Кермин (?)	7 фарсахов
Рабат Абу-л-Аббаса	9 »
Рабат Абу Тахира	7 »
Город Везаве (или Везаре)	7 »
Рабат из жженого кирпича (рабат-и хишт-и пухте)	8 »
Хушабдан (“Место с пресной водой”)	7 »
Рабат Тамгач (“Китайский”)	7 »
Каравангах (“Место караванов”)	7 »
Рабат-и Серхенг (“Рабат военачальника”)	9 »
Минаргах (“Место башни”)	7 »
Мушк-и бини (“Мускус для носа”)	8 »
Рабат-и Марьям (“Рабат Марии”)	9 »
Хорезм-и Науду	8 »
Хульм-и Науду ¹⁹¹	6 »
Ургенч	4 фарсаха
Всего от Дихистана до Ургенча	110 фарсахов

По-видимому, имеется в виду путь через Кызыл-Арват, где, по всей вероятности, находился город Везаве (?), соответствующий Фераве или Афраве арабских географов X века¹⁹². Теперь главная дорога из Кызыл-Арвата в Куня-Ургенч проходит через Игды и Бала-Ишем, т.е. дважды пересекает Узбой. В то

время, когда в русле была вода, дорога, по всей вероятности, огибала его и проходила близ нынешних колодцев Куртыш, где, судя по расстояниям, следует поместить станцию Каравангах. Еще в XVI веке Куртыш, по словам Абулгази, находился на большой дороге из Астрабада в Куня-Ургенч¹⁹³. Здесь начинаются пороги на Узбое; по мнению В. А. Обручева, в этом месте “происходила перегрузка товаров с каюков на верблюдов и обратно”¹⁹⁴. Это мнение находит себе довольно веское подтверждение в самом названии станции Каравангах.

При составлении главы о дорожниках Хамдаллах Казвини пользовался, между прочим, данными официального измерения некоторых путей, произведенного при монгольском султани Персии Худабенде, или Улджэиту (1304—1316)¹⁹⁵. Хорезм не входил в состав владений Улджэиту и был подчинен золотоордынским ханам, но торговое значение Ургенча должно было привлечь и персидские караваны, так что чиновники Улджэиту, производившие измерение путей, имели основание собрать сведения и об этой дороге. В конце того же царствования, в 1315 г., был даже произведен набег на Хорезм из Хорасана, но, судя по немногим имеющимся данным об этом набеге, войско шло не из Кызыл-Арвата мимо Узбоя, а из Мерва в Хазарасп и подвергло опустошению главным образом южную часть области¹⁹⁶.

Гораздо чаще посещались Хорезм и Куня-Ургенч с северо-запада. Вместе с образованием Монгольской империи возник новый торговый путь из Европы в Азию, путь от берегов Волги через Сарайчик на Урале, Куня-Ургенч, Отрар и Алмалык. Этим путем пользовались как мусульманские, так с XIV века и европейские купцы. От одного из “странствующих купцов”, Бедр ад-дина Хасана ар-Руми, через посредство третьего лица получил свои сведения арабский географ Шихаб ад-дин ибн Фадл-аллах ал-Омари, живший в Египте и Сирии и умерший в 1348 году¹⁹⁷. Бедр ад-дин рассказывал, что между крайними пределами владений Джучидов на востоке и западе, т. е. между Сырдарьей и Дунаем, было около четырех месяцев пути: “Между Сейхуном и Джейхуном — 15 дней, от Джейхуна до Яика — 15 дней, от Яика до Итиля — 10 дней, от Итиля до Дона — месяц, от Дона до Торлу (Днестра) — 10 дней, от Торлу до Дуная — один месяц. Джейхун и Итиль поворачивают к Кульзумскому¹⁹⁸ (Каспийскому) морю, а Сейхун течет среди тростников и песков ниже города Дженда три дня и здесь сворачивает. Остальные упомянутые выше реки направляются к морю Оманскому¹⁹⁹. Эти 7 рек [текут] в этом государстве; из них до Мавераннахра доходит Сейхун и Джейхун. Вернее, говорю я (ал-Омари), что Джейхун поворачивает в соленое озеро, приблизительно в 100 фарсахов [в окружности], в которое впадает и река Шашская. Кто же полагает, что Джейхун впадает в море Кульзумское, тот ошибается: ему показалось это только так вследствие величины этого озера. Между устьем Джейхуна и рекою Шашской около десяти дней пути. Это озеро известно под названием Хорезмийского; посередине его²⁰⁰ (sic) гора, называемая Чагыр; у нее замерзает вода,

которая остается [в таком виде] до лета”²⁰¹. Из последних слов видно, что автор сопоставляет рассказ Бедр ад-дина с книжными известиями, заимствованными у географов X века, и отдает предпочтение последним. В другом месте ал-Омари ссылается еще на одного очевидца, толмача Шуджа ад-дина Абд ар-Рахмана ал-Хорезми, но, по-видимому, не вполне точно передает его показания и примешивает к ним книжные известия. По этим данным, “расстояние Сарая от Хорезма — около 1,5 месяца [пути]; между ним (Хорезмом) и Сараем — города Хива²⁰² и Кутлукент...”²⁰³. Есть там гора, называемая “Горою добра из Хорезма”; на ней известный ключ, к которому приезжают люди, одержимые хроническими болезнями. Они остаются у него семь дней и каждый день купаются в воде его утром и вечером и после каждого купания пьют ее до тех пор, пока не напьются вдоволь и не получают исцеления²⁰⁴... [Город] Хорезм [лежит] на Джейхуне между двумя рукавами его, похожими на шаровары. В Хорезме 100 домов еврейских и 100 домов христианских, не более; им (евреям и христианам) не разрешено иметь больше этого. К Хорезму прилегает кругловатая земля; называется эта кругловатая земля Мангышлаком. Длина ее — пять месяцев [пути] и ширина такая же²⁰⁵ (!). Вся она [представляет] степь, и жители ее — многочисленные народы из разбойников²⁰⁶. Эту землю отделяет от Джейхуна гора, имя которой Ак-Балкан, на север от Хорасана. Хорезм — область, отрезанная от Хорасана и от Мавераннахра; ее со всех сторон окружают степи. С севера и запада Хорезм граничит с [землями] гузов²⁰⁷, с юга и востока — с Хорасаном; он лежит по обеим сторонам Джейхуна. Главный город его [находится] на северной стороне и носит на хорезмийском языке название Кят. На южной стороне [главный город] Джурджания. В этой области несколько городов; первый пограничный город Хорезма носит название Тахирии, недалеко от Амуля. Поселения простираются одинаково по обеим сторонам Джейхуна”²⁰⁸. Текст Омари ясно показывает, что в его труде книжные известия перемешаны с рассказами очевидцев. К последней категории, вероятно, следует отнести любопытное известие о положении Балханских гор между Мангышлаком и течением Джейхуна. Кроме того, замечательно, что купец Бедр ад-дин Хорезми, знавший южные и северные, западные и восточные пределы государства Джучидов, не говорит ни слова об Аральском море даже при описании течения Сырдарьи. Когда и по каким причинам произошло изменение направления последней, совершенно неизвестно. Хамдаллах Казвини еще говорит об Аральском море, как о соленом озере, в которое впадают Сырдарья и часть вод Амударьи²⁰⁹. Известно, что в двух днях пути от места впадения Сырдарьи в Аральское море, на расстоянии фарсаха от берега, находился город Яныкент, ныне развалины Джанкент²¹⁰; при осмотре последних Лерх нашел некоторое число джучидских монет XIV века и надгробный памятник 1362 года²¹¹. Из этого видно, что город существовал еще во второй половине XIV века, хотя возможно, что около него в эту эпоху протекало не главное русло реки, а боковой рукав.

Из мусульман, посетивших в XIV веке Хорезм, оставил описание своего путешествия Ибн Баттута, родившийся в 1304 г. в Танжере, проведший в путешествии 30 лет (1325—1355) и бывший в Хорезме в 1333 году²¹². От Сарая до Хорезма Ибн Баттута считает 40 дней пути; по этой дороге “не ездят на лошадях вследствие недостатка корма; арбы возят там только верблюды”. Однако Ибн Баттута и его спутники проехали на лошадях до Сарайчика (10 дней от Сарая); река Яик носила название Улу-су (“Большая вода”); на ней был “мост из судов, как мост багдадский”. Здесь они продали лошадей и наняли верблюдов. “Оттуда мы ехали 30 дней быстрой ездой, останавливаясь только по два часа: один раз поздним утром, а другой — на закате солнца... У едущих по этой степи в обычае быстрота [езды] вследствие недостатка свежей травы. Верблюды, которые пересекают ее (степь), большей частью погибают; теми из них, которые остаются [в живых], пользуются только на другой год, после того как они потучнеют. Вода в этой степи [встречается] в известных водопоях через два-три дня; это вода дождевая и скопляющаяся в песчаной почве. Пройдя эту степь и пересекши ее, как нами сказано, мы прибыли в Хорезм. Это один из самых больших, значительных и красивых²¹³ тюркских городов, богатый славными базарами, просторными улицами, многочисленными постройками, отборными красотоми. Он [точно] колеблется от множества своих жителей и волнуется от них, как волна морская. Однажды я поехал по нему верхом и заехал на рынок. Забравшись в середину его и доехав до крайнего предела давки на место, которое называется Шаур²¹⁴, я не был в состоянии пробраться через это место вследствие чрезвычайной толкотни; хотел я вернуться, но [также] не мог вследствие множества народа. Я растерялся и возвратился [лишь] после больших усилий. Один из народа сказал мне, что в пятницу на этом рынке [бывает] меньше давки, потому что они [хорезмийцы] запружают [в этот день] Кайсарийский базар и другие рынки²¹⁵... За чертою Хорезма — река Джейхун, одна из четырех рек, которые [текут] из рая. Во время стужи она замерзает, как Итиль; люди ходят по ней, и она остается замерзшей 5 месяцев. Иногда ходили по ней в то время, когда она начинала распускаться, и погибали. В летнее время ездят по ней в судах до Термеза и привозят оттуда пшеницу и ячмень. Для спускающегося вниз [по реке] это переезд в 10 [дней]. За Хорезмом [находится] скит, построенный над могилой шейха Неджм ад-дина ал-Кубра, одного из великих праведников²¹⁶. Из произведений Хорезма путешественник с особенным восторгом говорит о хорезмийских дынях, которые, по его словам, вывозились “из Хорезма в самые крайние земли Индии и Китая”. Из Хорезма Ибн Баттута отправился в Бухару; по его словам, “это [составляет] путешествие в 18 дней по пескам, где нет ни села, ни города единого²¹⁷... Мы ехали 4 дня и прибыли в город Кят. Кроме его, по этой дороге нет [другого] поселения²¹⁸”. Из Кята Ибн Баттута отправился “по дороге, известной под названием Сепая”; на этом пути ехали шесть дней по безводной местности, потом прибыли в селение Вабкену (Вафкенд), откуда был еще день пути до Бухары²¹⁹.

Под названием города Хорезма Ибн Баттута, конечно, описывает Ургенч. Как известия об Ургенче после монгольской эпохи, так и направление руслу Кунядарьи показывают, что город находился на правой стороне тогдашнего главного руслу Амударьи²²⁰, так что Ибн Баттута на пути из Ургенча в Кят мог переправляться только через боковые протоки реки. Совершенно неосновательно де Гук ставит нашему автору в упрек, что он не упоминает о переправе через Амударью²²¹. Рассказ о путешествии через Кят в Бухару показывает, как мало страна, за исключением столицы, успела оправиться от монгольского нашествия. Слова о “дороге на Сепая” (букв. “три ступени”)²²² показывают, что Ибн Баттута покинул берег реки значительно выше Кята; станция Сепая, по рассказу Истахри, находилась в 4 днях пути ниже Амуля (Чарджуя) и в 3 днях выше Даргана²²³. По той же дороге, как мы увидим дальше, совершал свои походы на Хорезм Тимур.

Со времени хана Узбека (1312—1340) получил развитие также упомянутый торговый путь из Европы в Азию. Средоточием торговли Южной России с Европой и мусульманскими странами издавна служил город Судак (собств. Сугдак) в Крыму, впоследствии также основанная генуэзцами Кафа (Феодосия). После 1316 г. в Тане, при устье Дона (ныне Азов), образовалась генуэзская, в 1332 г. венецианская колония²²⁴; этот город сделался исходным пунктом торгового пути на Восток. Наиболее подробные данные об этой торговле дает Бальдуччи Пеголотти²²⁵, находившийся на службе у флорентинской компании Барди и написавший свое руководство для купцов около 1340 года. В этой книге указываются торговые пути, перечисляются термины, употреблявшиеся в разных странах для обозначения базаров и торговых пошлин, даются сведения о товарах, какие где следует покупать, и вообще практические советы купцам. Пеголотти считает от Таны до Хаджи-Тархана (Астрахани; старый город, разрушенный Тимуром в 1395 г., находился несколько западнее нынешнего) 25 дней в арбах, запряженных волами, или 10 — 12 дней езды на лошадях; отсюда до Сарая — 1 день водой²²⁶, от Сарая до Сарайчика — 8 дней, также водой; можно ехать и сухим путем, но это обходится дороже. От Сарайчика до Ургенча — 20 дней в арбах, запряженных верблюдами; от Ургенча до Отрара — 35 — 40 дней, тем же способом. У кого есть товары, тому лучше заехать в Ургенч, так как здесь всякие товары имеют хороший сбыт; у кого их нет, тому лучше ехать более кратким путем (к северу от Аральского моря) из Сарайчика прямо в Отрар (50 дней). Пеголотти советует брать с собой из Европы полотняные ткани, продавать их в Ургенче и там запасаться *сомами*, т.е. слитками серебра, ходившими в татарских странах²²⁷. Эти подробные инструкции купцам показывают, что если бы в эту эпоху Сарыкамыш соединялся с Аралом, т.е. если бы на пути из Сарайчика в Ургенч приходилось переправляться через значительную озерную поверхность, то Пеголотти не мог бы умолчать об этом. Ибн Баттута, как мы видели, также не говорит ни слова о подобной переправе; о ней не упоминает и миссионер Пасхалис, проехавший

в 1338 г. из Таны в Сарай, из Сарая по Волге и Бакинскому (Каспийскому) морю в Сарайчик, отсюда в телегах, запряженных верблюдами, в Ургенч²²⁸.

Еще меньше мы узнаем из европейских источников о Каспийском море и сопредельных с ним странах. Плавание генуэзцев по Каспийскому морю началось, по словам Марко Поло, незадолго до написания его книги, т.е. в конце XIII века; генуэзцы “перевезли сюда свои суда”²²⁹, вероятно, из Дона в Волгу. Целью стремлений генуэзцев был гиянский шелк²³⁰; восточный берег моря не представлял для них ничего привлекательного и, по-видимому, мало посещался ими. Составители довольно многочисленных карт XIV века²³¹, на которых изображено Каспийское море и впадающие в него реки, находились под явным влиянием классических географов, особенно Птолемея. Исключение представляет только так называемая Каталанская карта (Carta Catalana) 1375 г.; здесь на восточном берегу помещен целый ряд урочищ, не упомянутых в других источниках. По этой карте в “Сарайское, или Бакинское” море, несколько западнее города Ургенча, впадала “река Ургенча” (flum d’Orgaçi); место впадения реки отмечено под названием Cavo (мыс) de Strayta. Южнее этого места помещены на карте следующие названия (в порядке от севера к югу):

Punta de Sabium. Oqus. Daldozen. Flum Amo. Amo. Cavo d’Oschi. Golf de Dayo. Deystam (Дихистан).

Между устьями “Ургенчской реки” и Яика (flum Layech) помещены следующие урочища (в порядке от юго-востока к северо-западу):

Cavo Yancho. Chocinacho. Mebnemeselach (Мангышлак?) Trefargo (город). Golf de Monimentis (Мертвый Култук)²³².

Некоторые из этих названий, как видно уже из их звукового состава, несомненно представляют тюркские географические термины, но определить истинное произношение названий и действительное местоположение урочищ не представляется возможным. Из того, что устье “flum d’Orgaçi” отмечено отдельно от устья “flum Amo”, заключают, что река впадала в море несколькими устьями²³³. Никаких данных о плавании торговых судов по нижнему течению Амударьи и отсюда по Каспийскому морю мы не имеем. Хейд (Heud), автор классического труда о левантийской торговле, допускает, что до разрушения города Астрахани товары могли перевозиться из Средней Азии “вниз по Джейхуну через Ургенч и Астрахань в Тан”²³⁴, но не приводит фактических примеров подобных торговых сношений.

Некоторый историко-географический материал дают нам известия о походах Тимура на Хорезм, преимущественно Зафар-наме Шереф ад-дина Йезди. Первый поход произошел в 1372 году. Незадолго перед этим в Хорезме утвердилась самостоятельная династия Суфи из рода Кунграт; правитель Хусейн Суфи лет за пять²³⁵ до похода Тимура овладел городами Кятом и Хивой, причислявшимися уже со времени Чингисхана к владениям Чагатайского улуса. Из слов арабских писателей, особенно ал-Омари, можно заключить, что по крайней мере при хане Узбеке Джучидам принадлежал весь Хорезм, до

Даргана на юге²³⁶; в рассказе Ибн Баттуты граница между владениями Джучидов и Чагатаидов точно не указывается; на китайской карте 1329—1331 гг., обозначенной архим[андритом] Палладием²³⁷, эта граница действительно проведена между городами Кэти (Кят) и Хуалацзыму (Хорезм, Ургенч).

Тимур требовал возвращения этих городов и, получив отказ, начал поход. Войско шло из Самарканда через Бухару и достигло берега Амударьи в месте Сепая; здесь был разбит авангард врагов; оттуда пошли на Кят и взяли этот город приступом. Лерх делает из этого рассказа ошибочный вывод, что в Сепая произошла переправа через реку и что Кят находился на левом берегу²³⁸; о такой переправе нет ни слова. Из Кята двинулись на Хорезм (Ургенч); авангард встретил и разбил отряд врагов у “Гурленского протока” (Джу-и Гурлен), т.е., очевидно, там, где теперь проходит главное русло и где в XIV веке был только боковой проток реки. Хусейн заперся в своей столице и хотел просить мира, но изменил свое намерение, когда получил от одного из военачальников Тимура тайное обещание перейти во время битвы на сторону хорезмийцев. Тогда он вывел свои войска и расположился у “Реки дыни” (Аб-и Кавун), в двух фарсах от города²³⁹. Конница Тимура вплавь переправилась через этот проток; изменник не исполнил своего обещания, и хорезмийцы были разбиты. Тимур осадил столицу; во время осады умер Хусейн Суфи; его брат и преемник Юсуф заключил с Тимуром мир. Было решено выдать племянницу Юсуфа, носившую как внучка хана Узбека прозвание Ханзаде, за сына Тимура, Джехангира; кроме того, конечно, было исполнено требование относительно уступки Кята и Хивы. Тимур вернулся обратно в Самарканд через Хас²⁴⁰, город, находившийся, по дорожнику Мақдису, на один переход ниже Кята²⁴¹.

Юсуф Суфи уже осенью того же года нарушил договор и разграбил Кят. Весной 1373 г. Тимур снова пошел на Хорезм, но, пройдя через пески, встретил посольство Юсуфа, с извинениями за набег, принял извинение и вернулся обратно²⁴². В 1374 г. состоялась свадьба Джехангира²⁴³, тем не менее Тимур уже в 1376 г. предпринял свой третий поход на Хорезм. Войско пришло в Сепая²⁴⁴; с другой стороны²⁴⁵ к этому же месту должен был прийти военачальник Туркен, наместник Гурзивана и местности по Аб-и Меймене; но тот до прибытия Тимура покинул берег реки и вернулся в свое наместничество, где поднял восстание; Тимур должен был выслать против него отряд. Сам Тимур через Кят дошел до Хаса, откуда вернулся обратно вследствие известия о смутах в его владениях²⁴⁶.

В 1377 г., во время пребывания Тимура в Отраре, Юсуф совершил набег на Бухару и впоследствии заключил в тюрьму посла Тимура, когда тот потребовал объяснений. В 1379 г. снова был предпринят поход на Хорезм. О походе войска до прибытия к столице на этот раз не говорится; сказано только, что войско, “переправившись через Эски-угуз (“Старый проток”, вероятно, старое русло реки), окружило город”²⁴⁷. После продолжительной осады, во время которой умер Юсуф Суфи, город был взят и разграблен;

знатные люди, ученые, художники и ремесленники были уведены в Кеш (Шахрисабз)²⁴⁸, где в следующем году году хорезмийскими мастерами был построен дворец Ак-Сарай²⁴⁹.

Хорезму еще раз пришлось испытать на себе гнев Тимура в 1388 году. Зимой 1387—88 г. Тохтамыш совершил набег на Мавераннахр; жители Хорезма приняли его сторону²⁵⁰; Тимур, находившийся в то время в Персии, поспешно вернулся в Самарканд, после чего враги бежали, оставив в Хорезме одного из джучидских царевичей, Иль-ыгмыш-оглана, и члена местной династии Сулеймана Суфи. Тимур прибыл в место Эгри-яр (“Кривой яр”); авангард переправился через “речку Багдадек” (очевидно, один из северных протоков Амударьи), где захватил патруль врагов. Тимур на дальнейшем пути переправился через “проток Чедрис” (Джу-и Чедрис); там же он получил известие, что оба предводителя врагов бежали к Тохтамышу. Отряд, посланный для преследования бежавших, прошел через места Кумкент и Кыр, настиг врагов и нанес им большой урон. Кумкент, как видно из сочинения Абулгази²⁵¹, находился к западу от Ургенча, на расстоянии фарсаха к востоку от города Везира. Заняв город Хорезм (Ургенч), Тимур отдал приказ переселить всех жителей в Самарканд, а самый город сровнять с землей и на месте его посеять ячмень. Разграбление города продолжалось десять дней²⁵². Только в конце 1391 г., после возвращения Тимура из похода на Тохтамыша, было дано разрешение восстановить город; назначенный Тимуром наместник Мусаке восстановил один из кварталов Ургенча, именно так называемый квартал *каани*²⁵³, который в прежнее время вместе с Кятом и Хивой считался собственностью чагатайских ханов. Еще при Шереф ад-дине Йезди, писавшем в 1425 г., новый город Ургенч состоял только из этого квартала²⁵⁴.

В рассказе о походах Тимура на Хорезм Узбой не упоминается; тем более драгоценен приведенный мною в другом месте²⁵⁵ рассказ историков об отправлении в 1392 г. правителей Мазендерана, сейидов, с южного берега Каспийского моря в Хорезм на судах. Наиболее подробно рассказывающий об этом событии Захир ад-дин ал-Мар’аши, мазендеранец по происхождению, сам происходил из рода сейидов и говорит о плавании со слов своего отца, которому в то время было 12 лет. По его словам, Тимур, прибыв в Сари, приказал “приготовить суда в гаванях и отправить сейидов, посадив их на суда, в Мавераннахр. Согласно приказанию продержали сейидов в крепости, пока не были готовы суда, назначили эмира, пользовавшегося доверием, с несколькими людьми из стражи составили инструкцию и вручили ее тому доверенному лицу, с тем чтобы, когда судно с сейидами достигнет такого-то места на реке Джейхуне, высадить их на берег, дать им подводы и отправить каждого из них в то место, которое указано в инструкции. Согласно высочайшему повелению посадили сейидов на судно, отвезли их в Огурчу и таким же образом из Огурчи по реке Джейхун до определенного места, там высадили их и распределили по различным областям согласно инструкции”.

Можно только пожалеть о том, что Захир ад-дин не сообщил нам названия места высадки; очевидно, суда могли доходить только до порогов на Узбое. Насколько нам известно, здесь впервые названо урочище Огурча, которое, как мы увидим дальше, упоминается у авторов XV и XVI веков как место впадения Амударьи в Каспийское море. В настоящее время только один остров носит название “Огурчинского”; в половине XVIII века, по словам Вудруфа, бывшего здесь в 1743 г., так называлась целая группа островов²⁵⁶; может быть, в Средние века существовало место с подобным названием и на материке. Судя по правописанию большей части рукописей, первоначальная форма этого названия — Агрыча или Огурча, от слова *агры* или *огру* (по-киргизски²⁵⁷ уру) “вор, разбойник”; перестановка звуков могла произойти впоследствии, может быть, уже под русским влиянием.

IV

Мусаке оставался правителем Хорезма до смерти Тимура (1405). Во время смут, последовавших после этого события, Хорезм (в конце того же или в самом начале следующего года) снова вошел в состав государства Джучидов, которым тогда полновластно распоряжался известный мирза Едигей. Когда Едигей в 1410 г., после вступления на престол хана Тимура, подвергся опале, он нашел убежище в Хорезме. В рассказе об этих событиях²⁵⁸, между прочим, упоминается место Сам²⁵⁹, в 10 днях пути от Хорезма (Ургенча). По-видимому, следует читать Шам; по русским расспросным сведениям начала XVIII века, так назывался город на пути в Ургенч, в трех днях быстрой и в шести днях медленной езды от берега Эмбы; всего от берега Эмбы до Ургенча ехали не более 10 дней²⁶⁰. Смутами в Хорезме воспользовался Шахрух, чтобы в 1412 г. отправить туда отряды из Хорасана и Мавераннахра и после некоторого сопротивления восстановить свою власть в стране (в начале 1413 г.). Правителем Хорезма был назначен эмир Шах-Мелик, оставшийся в этой должности до своей смерти (1426)²⁶¹.

К эпохе управления Хорезмом Мелик-шаха относятся те сведения об Амударье, которые мы находим у Хафизы Абру, придворного историка и географа султана Шахруха. Та часть его географической компиляции, в которой говорится об Амударье и Сырдарье, написана в 820/1417 году. Знавший по книжным источникам о существовании “Хорезмийского озера” (Аральского моря), Хафиз-и Абру в самых определенных выражениях заявляет, что “теперь, т.е. в 820 г., этого озера нет; вода Джейхуна проложила себе [новый] путь и изливается в Хазарское море в месте Герледи”; дальше прибавлено, что “другое название этого места — Агрыча” (или Огурча) и что “после Хорезма река течет большей частью по степи до того места, где изливается в Хазарское море”. О Сырдарье сказано, что она “в Хорезмийской степи соединяется с Джейхуном и впадает в Хазарское море”²⁶².

Положение автора едва ли позволяет заподозрить его в том, что он не знал, куда впадает Амударья. Любопытно также его свидетельство, что берега реки после ее выхода из пределов Хорезма большей частью представляли степь, другими словами, что водой Узбоя в то время еще мало пользовались для целей ирригации. Что касается его слов о тождестве названий Герледи и Огурча, то тут им, вероятно, допущена ошибка; как нынешний вид русла, так и приведенный выше рассказ о плавании сейидов в 1392 г. заставляют предполагать, что река протекала еще некоторое пространство ниже порогов, по определению Глуховского — 193 версты. Русло Узбоя исчезает в трех верстах ниже пересечения рельсов железной дороги; здесь начинается Бала-Ишемская низменность, составлявшая в эпоху впадения Амударьи в Каспийское море продолжение Балханского залива²⁶³. Свидетельство Хафиз-и Абру о соединении Сырдарьи с Амударьей очень любопытно, но пока не находит себе подтверждения ни в каких других источниках. Подтверждается только, что река изменила свое течение и от Джэнда направлялась к юго-западу, в пески; еще Бабур говорит о Сырдарье, что “эта река значительно ниже [города] Туркестана вся впитывается в пески и не соединяется ни с какой рекой” (или морем)²⁶⁴. Можно полагать, что в течение небольшого промежутка времени этот проток был так многоводен, что мог доходить до Амударьи²⁶⁵.

Мелик-шаху в 1426 г. наследовал его сын Насир ад-дин Ибрахим; но уже в 1431 г. в страну произвел вторжение с низовьев Сырдарьи юный узбекский хан Абулхайр²⁶⁶, дед Шейбани; Ибрахим должен был бежать в Кят и Хиву. Вторжение не имело завоевательного характера; по рассказу Абд ар-Раззака Самарканди, узбеки взяли и разграбили Хорезм (Ургенч), посло чего ушли в свои степи; Шахрух отправил отряд на кочевья узбеков, который “всех тех дерзких уничтожил и рассеял”²⁶⁷.

По рассказу среднеазиатского историка Абулхайра, Мас’уда Кухистани, который ссылается на слова сына Абулхайра, Суюнич-хана, Абулхайр подверг разграблению только казну правителей Хорезма, а жителям города не причинил никакого вреда; возвращение в степь было вызвано климатическими условиями Хорезма, неблагоприятно отражавшимися на здоровье войска²⁶⁸. Как бы там ни было, этот рассказ подтверждает, что Абулхайр очистил Хорезм, не оставив в области ни наместника, ни гарнизона. Лет тридцать после этого мы видим Хорезм под властью другого Джучида, хана Мустафы, противника Абулхайра²⁶⁹; о том, когда Мустафа отнял Хорезм у Тимуридов, мы не имеем известий. В 1460 г., по рассказу Хондемира, в Хорезм бежал из Астрабада потомок Тимура Хусейн, соперник тогдашнего главы Тимуридов, султана Абу Са’ида (1452—1469). Направляясь из Астрабада “в сторону Агрычи (Огурчи) и земли Адак”, он через 7 дней достиг Амударьи, “переправился на судах и лодках”²⁷⁰, вмешался в происходившие в стране смуты, но в конце года заключил мир с Мустафой и вернулся в Астрабад. В 1461 г. он снова бежал

из Астрабада на север, заблудился в местности, где его войско много терпело от “близости моря и обилия глины и грязи”, и через 3—4 суток после этого достиг Адака. Поссорившись с ханом Мустафой, Хусейн переправился через Амударью и расположился на берегу протока Асаф-угузу (“Проток Асафа”), где разбил отряд подчиненного Мустафе Османа Суфи и после этого взял город Везир, столицу хана. Жителям Везира, которых Мустафа насильно переселил туда для основания города, Хусейн позволил вернуться в Ургенч²⁷¹.

Город Везир, как видно из этого рассказа, был основан только при Мустафе; по Абулгази, он находился на расстоянии 6 агачей (фарсахов) к западу от Ургенча²⁷², по Дженкинсону — на высоком холме²⁷³, очевидно, на краю возвышенности Устюрт. Мы видели, что на расстоянии фарсаха к востоку от Везира, “на краю кыра” (плоской возвышенности), находилось селение Кумкент; другое место на краю возвышенности, Баят-кыры (“Баятская возвышенность”), находилось к северу от Везира²⁷⁴. “Проток Асафа”, через который переходили на пути от берега Узбоя к Везиру, не упоминается ни в каких других известных источниках. Название Адак есть, по всей вероятности, турецкое слово *адак* (старая форма), или *аяк* — “нога”, а в применении к рекам — “низовье”, “устье”. Хондемир употребляет это название, во-первых, для обозначения всей местности по Узбою, во-вторых, для обозначения урочища на левом берегу его. Туркменское племя, жившее вдоль верхней части Узбоя, носило, по словам Абулгази, название *адакль*²⁷⁵, очевидно, образованное от того же самого слова. Точно определить местоположение урочища Адак мы, к сожалению, пока не в состоянии, хотя это урочище упоминается также в рассказе о действиях в Хорезме Шейбани до завоевания им Мавераннахра, еще в царствование султана Хусейна, который после смерти Абу Са’ида объединил под свою власть все иранские владения Тимуридов и владел также Хорезмом. Об этих действиях Шейбани мы имеем два рассказа, из которых один принадлежит Хондемиру (в том же сочинении *Хабиб ас-сийар*), другой — анонимному автору сочинения *Нусрат-наме*, написанного для самого Шейбани в 1502 году. В обоих рассказах говорится об одних и тех же событиях, только в различном порядке. По Хондемиру, Шейбани первый раз прошел через Хорезм на пути из Мангышлака в Бухару, причем получил подарки от наместника Хорезма, Насир ад-дина Абд ал-Халика Фирузшаха, и, по-видимому, не причинил вреда области. Во второй раз Шейбани произвел набег на Хорезм в отсутствие наместника, между прочим, два дня бился под Везиром с хорасанскими войсками без решительного результата, оттуда пошел на Адак, из Адака — на Астрабад, где разграбил область; из Астрабада он вернулся в Хорезм, в находившуюся в его руках крепость Терсек²⁷⁶, но здесь получил приглашение от монгольского хана Султан-Махмуда и отправился к нему в Отрар²⁷⁷. Автор *Нусрат-наме*²⁷⁸ прежде рассказывает о набеге, который, по его словам, произошел в 891 г., в год лошади (1486). Военные действия под Везиром в этом рассказе подробно описываются в качестве геройского подвига узбеков.

Под Везиром соединились два десятитысячных отряда из Хорасана, из которых один был приведен Абд ал-Халиком “по хивинской дороге”, другой прошел через Адак, где (как показывает употребление глагола *бастурмак*) проложил себе путь силой²⁷⁹. С другой стороны, у Шейбани было всего 600 человек; с этими силами он с утра до вечера бился с двадцатитысячным войском врагов и заставил его отступить в крепость. Хорасанское войско направилось через некоторое время из Везира в Ургенч, откуда был распушен ложный слух о прибытии в Хиву нового десятитысячного отряда под начальством сына султана Хусейна. Шейбани сдал находившийся в его руках Терсек Султан-Махмуд-хану и оставил здесь свой багаж, а сам “взял оружием Адак, который до тех пор не удалось взять оружием ни одному царю”²⁸⁰, на дальнейшем пути “перешел через Феравские горы”²⁸¹ и произвел набег на Астрабадскую область, после чего вернулся в Хорезм. Когда Шейбани возобновил осаду Везира (по-видимому, в следующем году), то отправление из Хорасана тридцатитысячного отряда под начальством сына Хусейна и возмущение некоторых узбецких военачальников побудили его снять осаду и удалиться на зимовку в Мангышлак. Из Мангышлака он (очевидно, следующей весной) пошел через Хорезм на Бухару, получил в Хорезме подарки от Абд ал-Халика и прибыл на Сырдарью, к озеру Каракуль.

Из приведенного рассказа видно, что через урочище Адак проходил в XV веке один из главных путей в Хорезм; упоминание “Феравских гор” заставляет предположить, что на этом пути переходили через горы Копет-Даг около Кызыл-Арвата и что, следовательно, Адак находился около порогов на Узбое. По-видимому, местные туркмены не подчинялись ни Хорасану, ни Хорезму; урочище Адак было так сильно укреплено, что взять эту крепость до Шейбани не удалось ни одному владельцу. К сожалению, в рассказе о действиях Шейбани нет никаких подробностей о пути узбецкого войска от Везира до Адака²⁸²; рассказ Хондемира о походе Хусейна в 1464 г. также очень краток и не дает нам сведений о том, где происходила переправа через Амударью и проходила ли дорога к востоку или к западу от Сарыкамышской котловины (более вероятно, конечно, первое). Все-таки не подлежит сомнению, что в рассказе Хондемира о действиях Хусейна в 1460 г. говорится о течении Амударьи и о переправе через нее на судах в той местности, где теперь находится сухое русло Узбоя. Свидетельство Хондемира тем более заслуживает внимания, что автор для географических приложений к своим собственным историческим трудам и к *Раузат ас-сафа* своего деда Мирхонда²⁸³ занимает данные не у Хамдаллаха Казвини, а, подобно большинству компиляторов, у географов X века, с их слов определяет размеры “Хорезмийского озера” и говорит о впадении в него Джейхуна и Сейхуна. В литературе по амударьинскому вопросу это последнее свидетельство Хондемира даже приводилось в доказательство того, что Амударья в его время не могла впадать в Каспийское море²⁸⁴. Уже этот один факт показывает, как осторожно следует относиться к словам

компиляторов этой эпохи. Что касается рассказа Хондемира о действиях Хусейна, то о жизни этого государя наш историк вообще оставил нам более подробные сведения, чем все прочие источники, и мог получить эти сведения в Герате от приближенных самого Хусейна²⁸⁵. Хондемир родился в Герате в 880/1475—76 г. и прожил в этом городе до сдачи его узбекам в 913/1507—08 г. Подобно Мирхонду, он пользовался покровительством известного везира и поэта Мир Али-Шира, который в 904/1498—99 г. вверил ему свою библиотеку²⁸⁶.

Число компиляторов XIV и XV веков, заставляющих Амударью и Сырдарью по-прежнему впадать в Аральское море, довольно велико. Кроме приведенного выше свидетельства Ибн Фадлаллаха ал-Омари в монографии де Гье²⁸⁷ сделана ссылка на труды Абу-л-Фиды, Димашки, Ибн Халдуна и некоторых других авторов XIV века; из географов XV века особенное значение придается труду Джурджани, умершего в 881/1476—77 г., вероятно, потому, что этот автор происходил из местности, прилегающей к Каспийскому морю и находящейся только в небольшом расстоянии к югу от Узоя, следовательно, мог иметь о географических условиях местности более подробные сведения, чем другие. К сожалению, эти ожидания не оправдываются; показания Джурджани обнаруживают безусловную зависимость этого автора от географов X века, и в особенности от Джухан-наме Мухаммеда Бекрана, и потому не имеют, на наш взгляд, никакого самостоятельного значения. Но ввиду того, что де Гье и разделяющие его взгляд противопоставляют свидетельство этого автора показаниям Хамдаллаха Казвини, Хафиз-и Аbru и Абулгази (рассказы Захир ад-дина и Хондемира тогда не были известны), мы считаем нужным привести полностью из перевода отрывков, помещенных, в немецком переводе, в монографии де Гье²⁸⁸.

1. “Море Абескунское, Хазарское, Джурджанское — все названия одного и того же моря; ему придают разные названия, так как все эти места лежат вокруг него. Абескун — небольшое селение на берегу моря, в пределах Джурджана и Мазендерана. Вправо от Абескуна — Дихистан, потом Сиях-кух и страна Балхан, потом Мангышлак²⁸⁹, потом Хазар, потом Семендер, потом Дербент хазарский, носящий также название Баб ал-авбаб, и Баку²⁹⁰, потом Ширван, Мукан, Арран, Гилян и Дейлем, потом Табаристан, потом Гурган и прилегающие к нему земли, наконец Абескун. Длина моря от Абескуна до Хазара (земли хазаров) — 260 фарсахов²⁹¹, ширина — 218 фарсахов. Большие реки (*джейхуны*) изливаются в это море, особенно из Мазендерана, Дейлема и Гиляна. Вода этого моря горько-соленая, кроме тех мест, где в него впадает вода рек и еще не успела смешаться [с морской водой]. И река (*джейхун*) Итиль впадает в это море”²⁹².

2. “Озеро Джендское и Хорезмийское. В пределах Дженда есть озеро, которое называют также Хорезмийским. В окружности оно имеет 100 фарсахов, в диаметре²⁹³ — 32 фарсаха; вода его соленая. Река (*джейхун*) хорезмийская

впадает в это озеро, также река шашская и ферганская. Между местом впадения реки хорезмийской и местом впадения рек шашской и ферганской расстояние в 20 фарсахов²⁹⁴. Эти обе большие реки, названные мною, и еще несколько меньших впадают на озеро; хотя его размеры невелики и количество воды незначительно, все-таки оно не прибывает. По-видимому, вода имеет сток; возможно, что это упомянутый выше водоворот в Абескунском море. На берегу озера есть горы, носящие название Чагра”.

3. “О реках (*джейхунах*). Большой проток (*джуй*) называется рекой (*руд*); большая река называется *джейхуном*, хотя [слово] Джейхун собственно есть название той большой реки, которая течет мимо Термеза и впадает в Джендское озеро”.

4. “Джейхун хорезмийский. Выше было сказано, что название Джейхун собственно принадлежит этой реке, но что многие прилагают его ко всем большим рекам. Джейхун вытекает в стране Вахан из Тибетских гор, течет мимо пределов Бадахшана; в пределах Хутталяна и Вахша в него впадают пять больших рек, вследствие чего это место носит название Пенджаб²⁹⁵. Из Кабадиана он получает еще притоки и доходит до Балхской области, протекает между Балхом и Термезом, потом мимо Келифа, Земма и Амуля, наконец достигает Хорезма, где впадает в озеро Дженда и Хорезма. По берегу Джейхуна считают от Бадахшана до Термеза 13 станций (переходов), от Термеза до Земма — 5, от Земма до Амуе — 4, от Амуе до Хорезма — 12, от Хорезма до Джендского озера — 6²⁹⁶. Из Джейхуна отведен большой канал в сторону Кята, который носит название Кят-хоре²⁹⁷. За день пути до прихода к этому каналу²⁹⁸ есть на Джейхуне место, очень опасное для судов, так как русло Джейхуна здесь стеснено двумя горами и вода стремительно низвергается сверху через эту теснину. Там можно провести суда только с большой осторожностью. Зимой поверхность воды покрыта таким твердым льдом, что по нему могут проходить люди и скот. Замерзание начинается со стороны [озера] Дженда и постепенно распространяется до места, лежащего против Хорезма (Кята?)”.

5. “Чачская река носит в книгах название Нахр аш-Шаш (“Шашской реки”), так как пишут Шаш вместо Чач. Она вытекает из Туркестана, недалеко от Чигиля, проходит через область Узгенда, потом принимает илакский проток (Ангрэн), течет по области Ахсикета, потом через Ходжент, потом через Фараб, наконец через области тюркских и туркменских племен [и впадает] в Джендское озеро”²⁹⁹.

6. “Пустыня между Хорезмом и Хорасаном настолько известна, что не нуждается в более подробном описании. Ширина ее — около 100 фарсахов”³⁰⁰.

Кроме того, де Гук замечает, что основательное знакомство Джурджани с этими областями видно также из его таблиц широт и долгот, в которых, между прочим, названы гавань Суль на Мангышлаке, колодец Миянгах в степи между Неса и Хорезмом, упомянутый также у Макдиси, рабат Ферова в Джур-

джанской области, пограничное место с впадениями гузов, Джурджания, главный город Хорезма, Кят, второй город, и Дарган, последний город в сторону Бухары.

Де Гук основательно замечает, что только употребление нашим автором слова *джейхун* в нарицательном смысле могло ввести в заблуждение ученых (Эйхвальд и др.), видевших в словах Джурджани доказательство того, что Амударья в его время одним рукавом впадала в Каспийское море³⁰¹. Но трудно согласиться с мнением де Гука, что показаниями Джурджани доказывается обратное и опровергаются слова Хафиз-и Аbru и других. Самое употребление в конце XV века терминов *Джурджания*, *гузы*, *хазары* и т.п. достаточно показывает, что перед нами только компилятор, черпающий свои сведения из старых книг, а не автор, лично изучивший страну и сообщаящий нам результаты своих исследований. Книжное происхождение всех известий Джурджани, за исключением еще не объясненного названия мангышлакской гавани, может быть документально доказано; в тех случаях, где он отступает от текста своих источников, его слова заключают в себе, как мы видели, явные ошибки и несообразности³⁰².

Так же мало дает нам другой географ, Бакуви, живший в начале XV века. Значение города Баку в эту эпоху видно уже из того, что Каспийское море в то время часто называлось Бакинским. Живя в этом городе, автор имел полную возможность получить подробные и точные сведения о состоянии прикаспийских стран в его время. К сожалению, он не воспользовался этой возможностью; говоря о северном берегу моря, он не называет ни монголов, ни Сарая, ни Сарайчика, ни Хаджи-Тархана, а выписывает из книг рассказы об Итиле и хазарах³⁰³. Не удивительно, что и этот автор, подобно Джурджани, знает только о впадении Амударьи в Аральское море³⁰⁴.

Мы имеем для XV века еще два свидетельства о впадении Амударьи в Каспийское море, но эти два показания принадлежат авторам, не посещавшим никогда ни Хорезма, ни восточного берега Каспия и не указывающим своих источников. Испанский посол Клавихо, который в 1404 г. на пути в Самарканд к Тимуру переправлялся через Амударью к северу от Балха, называет эту реку Виадме (Аб-и Амуе) и говорит о ней, что она “выходит из гор, протекает по равнинам Самаркандской области и впадает в Бакинское море”³⁰⁵. Ибн Арабшах, автор “Истории Тимура”, написанной в 840/1436—37 г., говорит при описании похода Тимура на Золотую Орду о Волге (Итиле): “Впадает она (река) в море Кульзумское (Каспийское), подобно *Джейхуну* и прочим рекам аджемским (персидским)”³⁰⁶. Ибн Арабшах, вероятно, видел Хорезм, как и устье Волги, собственными глазами: в Астрахани он провел несколько лет³⁰⁷. Оба свидетельства могут быть приведены в дополнение к более подробным данным, без которых они, конечно, не имели бы значения.

v

Шейбани завоевал Хорезм в 911/1505 г., незадолго до смерти султана Хусейна³⁰⁸. В 1510 г., после поражения и смерти Шейбани, Хорезм на короткое время перешел во власть персидского шаха Исмаила; вскоре после этого произошло новое вторжение узбеков, которым при поддержке местного духовенства, не желавшего примириться с господством шиитов, удалось подчинить себе сначала Везир, потом Ургенч, наконец и южную часть Хорезма и образовать здесь самостоятельное ханство; основателями новой династии были хан Ильбарс и его брат Байбарс³⁰⁹. Сведения об истории этого ханства в XIV веке мы получаем почти исключительно из сочинения хана Абулгази, родившегося в 1603 г.³¹⁰, вступившего на престол в 1643 г. (в Хиве только в 1645 г.) и умершего в 1663 году. Историю своих предков Абулгази, по его собственным словам³¹¹, мог написать только по устным рассказам и преданиям за отсутствием письменных источников; оттого в его рассказах много неясного, особенно по отношению к хронологическим датам; но в тех редких случаях, когда мы имеем возможность проверить его рассказ другими, более ранними источниками, слова Абулгази в общем находят себе полное подтверждение.

В состав нового ханства вошли также города Атека³¹² (Неса, Абиверд, Дурун и др.). Атек носил название "Стороны гор" (Таг-бою), в противоположность Хорезму в собственном смысле, или "Стороне воды" (Су-бою), т.е. берегам Амударьи. Вопреки мнению де Гье³¹³, существование такого деления в XVI веке нисколько не доказывает, что Амударья в эту эпоху не могла доходить до Балханского залива. Если Узбой в это время был речным руслом, то и тогда расстояние между городами Атека и этой "водой" остается довольно значительным. Балхан, вопреки словам де Гье, не входил в состав Таг-бою; сам де Гье³¹⁴ приводит слова Абулгази, где "туркмены, жившие по берегам Амударьи, в Балхане и Дихистане", названы отдельно от Таг-бою и Су-бою и не причисляются ни к той, ни к другой стороне. К Хорезму в собственном смысле (Су-бою) эта часть берегов Амударьи не могла быть причислена; по Кунядарье ниже Везира, по Сарыкамышу и Узбою никогда не было городов, и местность всегда оставалась в руках туркменских кочевников. Хорезмийские ханы старались и этих кочевников подчинить своей власти и обложить данью, что некоторым из них удавалось. В рассказах Абулгази об этих походах сообщаются некоторые географические сведения; о той же местности говорится также при описании междоусобий среди правителей Хорезма и Атека и при описании набегов хорезмийских узбеков на Астрабад и прикаспийские области, ибо мимо Узбоя вела дорога из Хорезма как в Атек, так и в Астрабад.

Наиболее подробный рассказ Абулгази об Узбое и населении его берегов относится к царствованию Суфьян-хана. Точно определить время этого царствования не представляется возможным; в этом отношении существует разногласие между Абулгази и персидским историком Хайдером Рази. По Абул-

гази, Суфьян-хан правил “несколько лет”; его брат и преемник Буджуга-хан был современником бухарского хана Убейдаллаха (1533—1539) и шаха Тахмаспа (1524—1576); Буджуга-хан также правил “несколько лет”³¹⁶. Хайдер Рази дает более ясные хронологические указания, но называет Суфьян-хана не предшественником, а преемником Буджути. По Хайдеру Рази, предшественник Буджути, умер в 930/1524 г.; Буджуга правил пять лет, после него Суфьян, низложенный в 941/1534—35 г. своим братом Аванешом³¹⁷ (по Абулгази, Аванеш мирно вступил на престол после смерти Буджути). Подробный рассказ Абулгази о посольстве Буджути к шаху Тахмаспу и о женитьбе шаха на дочери Суфьяна не помогает нам разрешить это хронологическое противоречие, так как пока не находит себе подтверждения в персидских источниках³¹⁸. Во всяком случае кратковременное царствование Суфьян-хана началось и окончилось между 1525 и 1535 годами.

Племя эрсари, жившее около Балхана, убило сборщиков податей хана, который вследствие этого предпринял поход против туркмен. По этому поводу описывается местность по Амударье ниже Ургенча в следующих словах³¹⁹:

“В то время³²⁰ идти от Ургенча к Балхану значило идти от одного аула к другому, так как река Аму, пройдя мимо подножия ургенчской крепости, направлялась к восточному [краю] Балханских гор; дойдя до подножия гор, она меняла направление *кибли* (юго-западное) на западное³²¹, дальше текла к Огурче и впадала в Мазандеранское море. По обоим берегам Аму-Дарьи до Огурчи были пашни, виноградники и рощи³²². Весной [жители] удалялись на возвышенные места; владельцы стад в период оводов и комаров уходили к колодцам, находившимся на расстоянии одного или двух переходов, а после исчезновения комаров возвращались к берегу реки; населенности и цветущему состоянию [местности] не было пределов. От Пишгаха (букв. “Передняя часть”, “Фасад”) до [урочища] Кары-кичит (букв. “Старушечий брод”) жило племя адаклы-хызыр, от [урочища] Кары-кичит до западной стороны Балханских гор по обеим берегам — племя али³²³, оттуда до места впадения [реки] в море — племя³²⁴ тиведжи (“погонщики верблюдов”). Но не будем больше отклоняться от своего рассказа”.

Пишгах упоминается у Абулгази несколько раз; из его слов видно, что так назывались колодцы на расстоянии одного большого перехода от Ургенча³²⁵, притом на левой стороне реки, так как на пути из Пишгаха в Ургенч приходилось переправляться через Амударью; к Пишгаху приходили направлявшиеся к Ургенчу от колодцев Куртыш³²⁶. Урочище Кары-кичит упоминается только в этом одном месте, так что местоположение его остается неизвестным; вероятно, оно находилось ниже порогов, так как название племени *адаклы*, несомненно, имеет связь с названием урочища Адак.

Суфьян-хан разбил туркмен; остатки их бежали в урочище Чутак, находившееся в трех переходах к северу от Балхана. Абулгази много раз лично посетил это урочище; оно было почти недоступно для нашествия врагов, так как

в него вела только узкая тропа, но было совершенно лишено воды; если бы не последнее обстоятельство, то урочище могло бы выдержать без вреда самую продолжительную осаду³²⁷. Недостаток воды заставил туркмен сдаться и прибегнуть к заступничеству младшего брата хана, благодаря которому они получили помилование. Все племена были обложены данью; племена, жившие по Амударье и носившие общее название *уч-иль* (“три племени”), платили десятину со всех пашен; с племен али и тиведжи взимался также налог со стад; племя адаклы должно было доставлять хану нукеров³²⁸.

Все эти подробности в устах автора, достоверность которого вообще признает сам де Гуге³²⁹, несомненно, заслуживают внимания и едва ли позволяют принять объяснение рассказа Абулгази, предложенное тем же ученым. Абулгази прожил среди балханских туркмен около двух лет³³⁰ (1639—1641); в это время он, по мнению де Гуге, видел русло Узоя и слышал о нем рассказы от туркмен. Кочевники знали только, что когда-то здесь протекала Амударья; для обозначения далекого прошлого у необразованных людей нет более сильного выражения, как “сто лет тому назад”; такое же выражение о старом русле реки употребили балханские туркмены в разговоре с путешественником Вудруфом, бывшим здесь в 1743 году³³¹. То же самое, вероятно, слышал Абулгази, но понял слова “сто лет” буквально; поэтому он в своих рассказах о походе Суфьян-хана и других событиях первой половины XVI века исходил из того представления, что в эту эпоху река доходила до Балханского залива, и соответственно этому излагает происходившие в этой местности военные действия и т.п.³³². Теперь, когда известны рассказ Захир ад-дина о плавании сейидов и рассказ Хондемира о походах Хусейна, едва ли можно утверждать, что рассказ Абулгази стоит так одиноко среди других известий, как полагал де Гуге, и едва ли может быть оправдано безусловно скептическое отношение к этому рассказу, тем более что в самом тексте Абулгази нет никаких неясностей и противоречий. Две странные фразы, отмеченные в монографии де Гуге (в одной говорится, что река только от Балхана принимает юго-западное направление, в другой — что пашни вдоль реки составляли “непрерывный ряд”), находятся только в переводе Демезона, которым пользовался де Гуге, а не в подлиннике. Де Гуге видит “непримиримое противоречие”³³³ еще в том, что жители берегов реки, с одной стороны, описываются как земледельцы, с другой — кочуют летом и осенью со своими стадами; дорога вдоль берегов реки идет “от аула к аулу” и в то же время вдоль пашен, садов и виноградников. Между тем жизнь современных туркмен по берегам Атрека и Гюргена показывает, что в их быту довольно высокое развитие земледелия не исключает сохранения некоторых привычек кочевой жизни, что совершенно отказываются от перекочевков и остаются круглый год на берегах рек только бедняки, у которых почти нет скота, как и в рассказе Абулгази перекочевывают только “владельцы стад”. Если бы у Абулгази говорилось не о туркменских запашках, а о городах и многолюдных селах, то его рассказ находился бы в проти-

воречии с остальными источниками и потому возбуждал бы гораздо больше сомнений.

Несколько лет спустя, в царствование Аванеш-хана, брата Суфьяна и Буджути, в стране произошли смуты, которыми воспользовался бухарский хан Убейдаллах, чтобы в 1538 г. овладеть Хорезмом. Начало смутам положил, по рассказу Абулгази³³⁴, набег юного Дин-Мухаммеда, сына Аванеш-хана, из Ургенча на Астрабад и Мазендеран. Дин-Мухаммед шел вдоль берега реки до тугая³³⁵ Чекдалик, оттуда к колодцам Динар. Первое урочище упоминается только в этом месте; колодцы Динар, по справедливому замечанию де Гюе, отмечаются и на современных картах (к юго-западу от Игды). Отправившись оттуда, Дин-Мухаммед имел столкновение со сборщиком податей Мухаммед-Гази-султана, владетеля Дуруна, и отнял у него верблюдов и баранов. За это люди Мухаммед-Гази-султана на обратном пути схватили Дин-Мухаммеда и отправили его в Дурун; часть его свиты, сплashedая бегством, от стыда не решалась вернуться в Ургенч без царевича и осталась “на большой дороге, в Курдыше (Куртыше), прося милостыню у людей”. Мимо того же урочища прошел и Дин-Мухаммед, которого его враг связанным отправлял к его отцу. У Куртыша было в то время много аулов; Дин-Мухаммед, стыдясь своих оков, упросил своих спутников не останавливаться там и проехать еще некоторое расстояние. Когда они расположились отдыхать, явились товарищи Дин-Мухаммеда, перебили стражу, освободили своего султана и вместе с ним вернулись в Ургенч, где он тотчас принял меры для отмщения своему врагу.

Убейдаллах, завоевав Хорезм, оставил в Ургенче своего сына Абд ал-Азиза³³⁶. Хорезмийские царевичи, избежавшие бухарского плена, удалились к Дин-Мухаммеду, который во время предшествовавших смут овладел Дуруном. Некоторые царевичи из Ургенча переправились через реку на судах, так как “в то время между Ургенчем и Везиром ходили суда”³³⁷.

Дин-Мухаммед и его союзники решили идти на Ургенч и на пути остановились в Куртыше; здесь они создали знатных людей племен адаклы-хызыр³³⁸, просили у них помощи и обещали им в случае успеха свободу от податей и почетное место на левой стороне, наравне со знатными узбекскими родами. Туркмены доставили им 1000 человек, вместе с которыми войско царевичей достигло трех тысяч; с этими силами они дошли до Пишгаха, но не решились продолжать путь на Ургенч, а направились в сторону Хивы и Хазараспа³³⁹. Победа их в этих местах заставила Абд ал-Азиза очистить Ургенч и освободила страну от бухарского ига.

После ухода бухарцев в Хорезме возобновились смуты; в рассказах Абулгази об этих событиях нет данных о местностях по Узбою. Эти смуты окончились в 1558 г. возведением на престол Хаджи-Мухаммеда, или Хаджим-хана (деда Абулгази), под непосредственным управлением которого сначала находился только город Везир³⁴⁰. В том же 1558 г. в Хорезм прибыл англичанин

Антоний Дженкинсон — насколько известно, единственный европеец, посетивший в XVI веке Хорезм и оставивший описание своего путешествия³⁴¹.

Дженкинсон, посланник королевы Елизаветы и агент торговой компании, основанной в Англии для развития торговли с “Московией”, приобрел расположение Иоанна Грозного и получил от царя рекомендательные письма, когда отправился из Москвы через Казань и Астрахань в Среднюю Азию, чтобы вновь исследовать торговый путь в Китай. Дженкинсон и его спутники в начале августа³⁴² 1558 г. покинули на корабле Астрахань и плыли к востоку, останавливаясь по дороге несколько раз, между прочим, около устьев Яика и Эмбы. Мели около входа в Мертвый Култук заставили их быстро повернуть на юг; “чем дальше они плыли, тем выше становился берег”; наконец они достигли залива, где южный берег был выше северного; здесь около мыса их настигла буря, продолжавшаяся три дня. Текст Дженкинсона в этом месте крайне неясен³⁴³, но, по-видимому, его слова надо понимать в том смысле, что буря помешала им достигнуть мангышлакской гавани, находившейся “на 12 лье (36 англ. миль) внутри одного залива”, и заставила их пристать к низменному (северному) берегу того же залива³⁴⁴. Оттуда они отправили людей к местному правителю и, получив от него благоприятный ответ на свою просьбу — дать средства для путешествия в Везир, 3 сентября покинули свой корабль. Несмотря на некоторые притеснения со стороны туркмен, англичане 14 сентября могли отправиться в путь, “образуя караван в 1000 верблюдов”. По справедливому замечанию де Гукс³⁴⁵, англичане, конечно, не могли бы приобрести такого количества верблюдов в той пустынной местности, где сперва высадились; едва ли они даже нуждались в таком количестве для привезенных ими товаров; очевидно, они пристали к большому каравану, направлявшемуся из Мангышлака в Хорезм.

Через пять дней караван прибыл во владения Тимур-султана, правителя Мангышлака, который взял с Дженкинсона в виде пошлины девятую часть его товаров, ценностью в 15 рублей, но зато дал ему охранный лист и коня ценностью в 7 рублей³⁴⁶. Этот Тимур-султан, брат Хаджим-хана, упоминается и у Абулгази³⁴⁷. Покинув ставку султана, караван шел “20 дней³⁴⁸ по пустыне от берега моря, не встречая ни города, ни жилищ, неся с собой съестные припасы для всего этого времени; необходимость вынудила нас (очевидно, припасы оказались недостаточными) съесть одного из моих верблюдов и лошадь; то же самое сделали и другие. Все эти двадцать дней мы не встречали воды, кроме той, которую добывали из старых, глубоких колодезев, но и она была очень горькой и соленой; иногда проходило два-три дня даже без такой воды. 5 октября³⁴⁹ мы снова прибыли к заливу Каспийского моря”, где “мы нашли воду очень свежей и вкусной”. У этого “залива” они уплатили пошлину таможенным чиновникам туркменского царя, остались там день отдохнуть, выехали оттуда 4 октября (sic!) и 7-го прибыли к “замку Sellizure”, т.е. к городу Везиру (Шехр-и Везир). О заливе делается еще следующее замечание: “За-

меть, что в прежние времена в этот залив впадала большая река Окс, имеющая свои истоки в Паропамисских горах, в Индии; теперь она сюда не доходит, но впадает в другую реку, называемую Ардоком, которая течет к северу, теряется в земле, протекает под почвой около 1000 миль, потом снова выходит на поверхность и впадает в озеро Китай”³⁵⁰.

О Везире говорится, что он “расположен на высоком холме, где живет царь, называемый каном (ханом); его дворец выстроен из земли (из глины) очень плохо и не представляет сильного укрепления; народ беден и ведет только небольшую внутреннюю торговлю. К югу от этого замка — низменная местность, но очень плодородная, где растет много хороших плодов”. Из последних названы дыни и арбузы, из хлебных растений Jegug (джугара). Все каналы, орошавшие местности, были проведены “из реки Окса, к великому ущербу для означенной реки; по этой причине она не впадает в Каспийское море, как в прежние времена, и через короткое время, вероятно, вся местность будет разорена и обратится в пустыню вследствие недостатка воды, когда река Окс истощится”³⁵¹.

Передав Хаджим-хану письма московского царя и получив от него охранный лист, Дженкинсон 14 октября уехал из Везира и 16-го³⁵² прибыл в Ургенч, где, так же как в Везире, заплатил пошлину и получил охранный лист от местного правителя Али-султана, который, как мы знаем из слов Абулгази, владел большею частью “обоих юртов”, т.е. Таг-бою и Су-бою³⁵³, и был самым могущественным представителем династии, хотя ханский престол занимал его двоюродный брат Хаджим. Город Ургенч находился в равнине и был окружен земляным валом, всего в 4 мили в окружности. Базар состоял из длинной крытой улицы; но вследствие бывших перед тем продолжительных междоусобий значение города совершенно упало; было немного купцов, и даже те были очень бедны, так что Дженкинсон во всем городе не мог продать и четыре куса саржи. Товары привозились из Бухары и Персии, но в ничтожном количестве³⁵⁴.

Только 26 ноября англичане выехали из Ургенча и шли 100 миль вдоль берега Окса, потом “переправились через другую большую реку, называемую Ардоком”, где заплатили большую пошлину. О реке Ардок говорится в нескольких иных выражениях, чем раньше: “Река Ардок велика и очень быстра, вытекает из упомянутого Окса, проходит около 1000 миль к северу, там теряется в земле, протекает под ней около 500 миль, снова выходит на поверхность и впадает в озеро Китай”³⁵⁵. Дальнейший путь до Кята, куда англичане прибыли 7 декабря, не описывается. Дальше караван шел в небольшом расстоянии от правого берега Амударьи почти до самой Бухары, которой достиг 23 декабря³⁵⁶.

В Бухаре Дженкинсон прожил зиму и убедился в полном упадке торговли между Бухарой и Китаем. В сопровождении послов от владетелей Бухары и Балха он решил вернуться в Россию и на пути пробыл 8 дней в Ургенче и Ве-

зире для снаряжения каравана. Здесь к нему присоединились послы из Хорезма, отправлявшиеся в Москву с большим страхом, так как перед тем долго не было посольств из “Тартарии” в Россию. 2 апреля Дженкинсон выехал из Везира и 23-го достиг берега Каспийского моря³⁵⁷.

Слова о пресной воде и о прежнем течении Амударьи едва ли позволяют сомневаться в том, что Дженкинсон принял за залив Каспийского моря не Айбугир, как думали Ленц и де Гукс³⁵⁸, а Сарыкамыш³⁵⁹. На карте Дженкинсона³⁶⁰ изображен длинный залив, который тянется от Каспийского моря к востоку почти до города Везира. Это показывает, что караван мог подойти к Сарыкамышской котловине только с восточной, а не с западной стороны, т.е. что и тогда не было соединения между Аралом и Сарыкамышем. Руслу Амударьи Дженкинсон около Сарыкамыша, по-видимому, не видел, так как впервые упоминает о реке при описании местности к югу от Везира. В Везире ему, по всей вероятности, рассказали, что река уже не доходит до Каспийского моря; он пришел к заключению, что местом прежнего впадения реки мог быть только виденный им “залив”. Вообще текст Дженкинсона в том виде, как он дошел до нас, оставляет крайне неясным вопрос, как представлял себе автор течение Амударьи. В одном месте сказано, что река впадает не в Каспийское море, как прежде, а в другую реку, Ардок; объясняется, что река перестала доходить до моря вследствие множества оросительных каналов, проведенных из нее в окрестностях Везира. Дальше оказывается, что не Окс впадает в Ардок, а Ардок вытекает из Окса, притом значительно выше Везира, так что образование этого протока или увеличение количества воды в нем могло отразиться на условиях орошения в окрестностях Везира, но не наоборот. На карте Дженкинсона проток Ardock отделяется от реки Ougus и направляется к северу; несколько ниже Ougus разделяется на два рукава; северный рукав течет мимо “Urgence” (на правом берегу) и “Shaysure”, т.е. Везира (на левом), и теряется в песках; южный — впадает в длинный залив Каспия, т.е. в Сарыкамыш. Но такой вид берегов Амударьи, особенно местоположение Везира, мало соответствует как рассказу самого Дженкинсона, так и другим источникам³⁶¹.

Под Ардоком Дженкинсон, несомненно, понимает нынешнее главное русло Амударьи, Курдер арабских географов, проток, вытекавший из реки несколько ниже Кята. Дженкинсон ехал, вероятно, по той же дороге, по которой в 1333 г. проехал из Ургенча через Кят в Бухару Ибн Баттута и по которой впоследствии шли войска Тимура. Проток, который у Ибн Баттуты совсем не упоминается и еще в эпоху Тимура не имел почти никакого значения, ко времени Дженкинсона обратился в широкий и многоводный рукав, хотя настоящим “Оксом” Дженкинсон все еще мог считать рукав, протекавший мимо Ургенча и Везира. Еще труднее объяснить, как возникло представление Дженкинсона о подземном течении Ардока и о лежащем на далеком севере озере Китай. Из двух мест, где говорится о подземном течении, ближе соответствует представлению самого Дженкинсона, по-видимому, первое; по

крайней мере на карте Ардок протекает на север не 1000 миль, а только небольшое расстояние и оканчивается небольшим озером; значительно севернее, на одной широте с Пермью, помещено озеро Kitaia, в которое впадает река Sur (Сыр) и из которого вытекает река Oba (Обь); на левом берегу последней помещен город Siber (Сибирь). Можно допустить, как и полагает де Гук, что в воспоминаниях Дженкинсона рассказы об Иртыше и озере Зайсан смешались с рассказами об Аральском море; де Гук приводит слова другого автора XVI века, у которого Иртыш носит название Ardoh³⁶². На Аральское море, во всяком случае, указывает название реки Sur, протекавшей в небольшом расстоянии от Ташкента (Taskent), хотя Дженкинсон заставляет реку протекать огромное пространство на север. Замечательно, что на карте в реку Sur впадает река Atow, протекавшая мимо Бухары (Boghar) и Кермине (Kutmina); другими словами, Дженкинсон прилагает к Зеравшан название, принадлежавшее Амударье, и заставляет Зеравшан впадать в Сырдарью.

Предсказание Дженкинсона, что посещенная им местность обратится в пустыню, исполнилось очень скоро. Абулгази рассказывает, что за тридцать лет до его рождения «река Аму проложила себе путь от тугая Кара-Уйгур, выше Хаст-минаре, направилась к крепости Тук и стала впадать в море Сыра (Сырдарья); по этой причине Ургенч обратился в пустыню (чуй). Население (*pa'uyat*), хотя Ургенч и обратился в пустыню, все-таки осталось жить там; войско (*sinax*) с ханом во главе весной уходило на берега реки Аму обрабатывать поля и после собрания жатвы возвращалось в Ургенч»³⁶³.

Год рождения Абулгази — 1603 г.³⁶⁴; итак, описанное им событие произошло лет через 15 после путешествия Дженкинсона. Урочище Хаст-минаре упоминается у Абулгази несколько раз, притом на левой стороне реки³⁶⁵; де Гук считает его тождественным с местом Хас³⁶⁶, которое, как мы видели, упоминается у географов X века и в рассказах о походах Тимура, но помещается на правом берегу. Мы видели, что Макдиси помещает Хас на расстоянии одного перехода ниже Кята; мы знаем также, что приблизительно на таком же расстоянии от Кята (4 фарсаха) находился исток канала Курдер, нынешнего главного русла. Расположенное в месте разветвления двух главных рукавов реки, селение Хас должно было получить некоторое значение, что подтверждается фактом постоянного упоминания его в рассказах о походах Тимура. Таким образом, указанное у Абулгази место поворота реки действительно соответствует тому месту, где от прежнего главного русла отделяется проток, в который потом направилась вся вода реки. Что касается крепости Тук, то она после поворота реки была одним из ближайших к Ургенчу пунктов на Амударье. В рассказе об одном хорезмийском царевиче Абулгази заставляет этого царевича вечером отправиться из Тука и в полночь достигнуть Ургенча; перед этим тот же царевич рано утром видел стены Ургенча с вершины крепости Тука³⁶⁷. В 1602 г. из одного места немного выше Тука был прорыт канал; вода текла через урочище Куйгун в «горько-соленое море» (аджи тенгиз), т. е. в

Арал³⁶⁸. Де Гук полагает, что речь идет о рукаве Куванш-Джарме, теперь обратившемся в главное устье реки³⁶⁹.

По мнению де Гуе, Абулгази преувеличил значение события 1575 (или 1573) г.; его слова “направилась к крепости Тук” являются результатом его “фантастического представления”, будто новое русло Амударьи образовалось только в эту эпоху³⁷⁰. В словах Дженкинсона об Ардоке де Гук видит несомненное доказательство, что уже в середине XVI века главное русло реки, по крайней мере от плотины (Бенд), где отделяется рукав Лаудан (70 верст от Куны-Ургенча), находилось там же, где теперь; событие, рассказанное у Абулгази, могло состоять только в том, что один канал ниже Кята, вероятно Курдер, сделался главным руслом; перемена касалась только части реки ниже Кята и выше Бенда³⁷¹. Что касается протока, направлявшегося к Ургенчу, то размеры его увеличились вследствие разрушения монголами в 1221 г. плотины, очевидно, потом не восстановленной; оттого проток мог доходить до Везира и дальше; но ко времени путешествия Дженкинсона уже началось засыпание его песками, и вскоре после этого он совершенно высох³⁷². Последнее явление объяснено у Абулгази, по мнению де Гуе, неверно; вероятно, оно было вызвано устройством плотины у Бенда³⁷³; Абулгази слышал рассказы о старом протоке и ошибочно сблизил эти рассказы с туркменскими преданиями о прежнем течении реки к Каспийскому морю³⁷⁴.

Все эти доводы разбиваются о тот простой факт, что Абулгази вовсе не говорит, будто река только около 1575 г. перестала впадать в Каспийское море, а только определяет время, когда река перестала протекать мимо Ургенча. Последний факт имел такое значение в жизни хорезмийских узбеков, что неверное определение времени или причин этого явления само по себе маловероятно. Что событие действительно произошло в царствование Хаджим-хана, доказываются словами современника этого хана, турецкого автора Сейфи, писавшего в 990/1582 г.: “Всевышний бог за что-то прогневался на них (хорезмийцев); реку Джейхун он повернул от Ургенча, столицы Хорезма; теперь река изменила свое течение и стала протекать на расстоянии нескольких дней пути от города”³⁷⁵. Из этих слов видно, что современники объясняли это событие “гневом Божиим”, т.е. что оно действительно имело характер неожиданного явления природы, а не было естественным последствием человеческого сооружения вроде плотины.

Едва ли необходимо понимать слова Абулгази в том смысле, будто река в это время прорыла себе совершенно новое русло, а не направилась по одному из существовавших каналов. Проток, направлявшийся к Аральскому морю, несомненно, существовал гораздо раньше, хотя вполне возможно, что только после рассказанного события он стал достигать Арала. По крайней мере нет никаких доказательств противоположного; даже рассказ Дженкинсона заставляет предполагать, что “Ардок” терялся в песках до достижения того озера, в которое впадал Сыр. Соединение Сырдарьи с Аральским морем, оче-

видно, было восстановлено значительно раньше, но о том, когда это произошло, мы не имеем известий. В упомянутом рассказе о действиях Шейбани около 1486 г. говорится, что когда Шейбани, после возвращения из Адака, вторично осаждал Везир, некоторые беки остались “у места впадения Сыра”³⁷⁶, но из текста не видно, говорится ли о впадении Сыра в Амударью (как у Хафиз-и Абру) или в Аральское море. Из того, что Абулгази называет Аральское море “морем Сыра”, можно заключить, что, по его представлению, река всегда текла в это море. Вопреки мнению де Гюе, маловероятно, чтобы местность по нижнему течению Сырдарьи в эту эпоху жила одной жизнью с Хорезмом. Абулгази говорит, что от города Везира прежде зависело несколько городов, имевших каждый своего правителя, но что ко времени завоевания Хорезма узбеками осталось только два таких города, Терсек и Яны-шехр³⁷⁷. Де Гюе считает этот Яны-шехр тождественным с известным городом на нижнем течении Сырдарьи³⁷⁸; но в таком случае зависимость города от Везира, от которого он был отделен еще более обширным расстоянием, чем от Ургенча, становится совершенно непонятной. Во время междоусобий, предшествовавших бухарскому завоеванию 1538 г., Султан-Гази-султан (брат убитого Дин-Мухаммедом Мухаммед-Гази) стоял в Везире, Аванеш-хан и его сторонники — в Ургенче; Султан-Гази ожидал помощи из Яны-шехра, но правители этого города медлили, так что Аванеш-хан предупредил их, разбил войско Султан-Гази у Кумкента и занял Везир. Царевичи, отправившиеся из Яны-шехра, недалеко от Везира узнали, что Султан-Гази выступил к Кумкенту, быстро двинулись туда, но нашли там только поле битвы со множеством трупов и узнали о поражении и смерти своего союзника. Вместо того чтобы вернуться в Яны-шехр, они направились в Бухару, причем прошли “выше Ургенча”³⁷⁹. Из этого рассказа можно заключить, что Яны-шехр находился в довольно значительном расстоянии от Везира, но, вероятно, в западном или северо-западном направлении. Это подтверждается тем, что первый владетель этого города, Байбарс, брат Ильбарса, постоянно совершал набеги на балханских и мангышлакских туркмен³⁸⁰.

Из слов Абулгази видно, что после поворота реки земледелие в окрестностях Ургенча, следовательно, и ниже вдоль прежнего русла, стало невозможным. Из жителей Ургенча земледелием занимались только узбеки, вероятно, обрабатывавшие поля при помощи рабов³⁸¹; они должны были перенести свои пашни на берег нового русла, но после жатвы возвращались в Ургенч, где продолжали жить горожане, сарты, очевидно, занимавшиеся исключительно ремеслами и торговлей. Таким образом, для орошения полей воды было слишком мало, но в течение некоторого времени еще оставалось вполне достаточное количество для питья. Не только в Ургенче и Везире, но и вдоль Узбоя жизнь прекратилась не сразу. Туркменское племя эрсари, вытесненное мангыштами (ногайцами) с Мангышлака, удалилось к колодцам Куртыш и Орта-кудук (Орта-кую); в 1595 г. сюда прибыли из Персии Хаджим-хан и его сы-

новья получили от эрсари 500—600 человек и направились дальше через Пишгах к Ургенчу³⁸².

Везир в последний раз упоминается у Абулгази под 1623 г.; в этом году вступил на престол старший брат Абулгази Исфендияр-хан и дал в удел самому Абулгази Ургенч, а младшему брату Шериф-Мухаммеду — Везир³⁸³. Абулгази и Шериф-Мухаммед возмутились против своего брата, но не имели успеха; около 1625 г. ургенчские узбеки рассеялись; часть их ушла в Бухару, часть к казакам (киргизам) и часть к мангытам (ногайцам)³⁸⁴. Через несколько лет 200 богатых узбекских семейств вернулись из Бухары, но поселились не в Ургенче, а в Арале³⁸⁵ — географический термин, впервые встречающийся в эту эпоху.

Под Аралом, по словам Абулгази, понимали “место, где река впадает в море”³⁸⁶. Так как слово “Арал” значит “остров”, то, по мнению де Гюе, это название могло прилагаться к дельте реки, т.е. к острову, образованному ее главными рукавами и морем, но возможно, что так назывался какой-нибудь местный владетель: у Абулгази встречается и личное имя Арал³⁸⁷. Первое предположение кажется нам более основательным. Итак, Аралом первоначально называлась дельта реки, и уже отсюда море, в которое впадала река, получило название Аральского.

Ургенч в качестве торгового города существовал еще во второй половине XVII века³⁸⁸, может быть, и позже; но постепенно жизнь из Ургенча и Везира перешла отчасти в дельту Амударьи, отчасти в южные города ханства, которые теперь получили главное значение. Ургенчское, или, по русской терминологии, “Юргенское”, ханство превратилось в “Хивинское”³⁸⁹. Еще Хаджим-хан в 1598 г., после освобождения страны от бухарского ига, при разделе уделов оставил за собой Ургенч и Везир; в 1600 г. он уступил эти города своему старшему сыну и отправился в Хиву к своему другому сыну Араб-Мухаммеду³⁹⁰. Последний в 1602 г. наследовал своему отцу и остался в Хиве, хотя несколько раз посещал Ургенч³⁹¹. Исфендияр-хан (1623—1642) также жил в Хиве. Абулгази в 1643 г. был провозглашен ханом в Арале, в 1645 г. занял Хиву и с тех пор всегда возвращался из своих походов в этот город³⁹².

Незадолго до поворота реки, в половине XVI века, начались торговые и дипломатические сношения России со среднеазиатскими ханствами, между прочим и с Хорезмом. Торговые сношения должны были начаться после 1554 г., т.е. после присоединения к России Астрахани.

По русским источникам, “гости” (купцы) из “Юргенча” прибыли в Астрахань уже в июле 1557 г.; послы “из Юргенча от царя Хаджима” (Хаджим-хана) достигли Москвы в октябре 1558 г.; вместе с ними упоминаются и бухарские послы³⁹³. Очевидно, здесь допущена некоторая хронологическая ошибка, так как ясно, что говорится о том посольстве, которое прибыло из Средней Азии с Дженкинсоном. После этого несколько раз приезжали хорезмийские посланцы в Россию и русские в Хорезм; в 1592 г. персидский гонец, рас-

сказывая в Москве о хорасанских событиях, мог прибавить: “То вам будет самим ведомо от посланника вашего, которой у Юргенского Азима царя”³⁹⁴. Тем не менее мы не находим в русских источниках XVI века никаких известий о повороте реки и вообще никаких подробностей о происходивших в Хорезме событиях. Первое русское посольство, оставившее описание своего путешествия, относится к 1614 году. Послы Михаил Тихонов и Алексей Бухаров отправились через Хорезм в Персию и выехали из Самары 25 марта; перед этим они собрали сведения о предстоявшем им пути, но могли получить эти сведения только от восточных купцов; из русских в Самаре не было никого, “кто б знал дорогу хотя до Юргенчи, не токмо до Кизылбашской земли (Персии); никто не знает дале Яика”³⁹⁵. Из Самары шли две недели до Яика, оттуда четыре недели до Эмбы, откуда вернули провожатых, взятых из Самары, и отправились дальше в “опчестве юргенских и бухарских тезиков”³⁹⁶. О дальнейшем пути нам известны только расспросные сведения, причем не сказано, насколько эти сведения потом подтвердились. Послам говорили, что “от Енбы реки до Шама лехким делом, о двуконь, три дни, а их ходом, как они в те поры шли, чаеть ходу вдвое. А говорят де бухарцы и юргенцы, что они начаютца от Енбы дойти и до Юргенча в десять ден, а больши де себе тово ходу до Юргенча от Енбы не чают”³⁹⁷. Послами были взяты с собой подарки для разных лиц, между прочим “в тюрхменской земле на Шама царя Арапову свату Хозе (Ходже) пара соболей для того, чтоб тюрхменцом велел лошади и верблюды продавать и в наем давать”; также “на заставе на Куйгу на реке (ниже”³⁹⁸: “на Куйгуне реки”), от Юргенчи за 20 верст, ясаулу Куюку з дьяком 3 пары соболей для того; татарове хотели сильно рухлядь смотреть и грабить, и он не дал”³⁹⁹. 27 мая прибыли “в Юргенчь к царю Арапу... на качевье в торговщище Бовод”⁴⁰⁰; из другого места видно, что это кочевье находилось “блиско озера”⁴⁰¹ (Кара-куль?). Из Ургенча выехали 28 июня и 16 июля “пришли в первой шахов город в Дрюнь” (Дурун)⁴⁰². Об этой части своего пути ими раньше были собраны следующие сведения: “...итти им из Юргенчь к шаховым городом, на первой на шахов город на Корасан степью, на верблюдох, для того, что место будет безводно; а были в тех местех, куды им будет из Юргенчь итти, копани и озера, и те копани и озера юргенской Арап хан царь велел позасыпать землею, и лошади мертвые метали, и мышьяки сыпали для того, что блюлся от шаха юргенской войны; а то де им ведомо, что шах с юргенским ныне в дружбе: торговые люди на обе стороны торговать ездят”⁴⁰³. Из этого можно заключить, что процесс высыхания страны после поворота Амударьи был искусственно ускорен при Араб-Мухаммеде (1602—1622), опасавшемся нашествия на Хорезм со стороны Аббаса Великого. К сожалению, не сказано, насколько при проезде купцов подтвердились рассказы о полном безводии местности.

Какие сведения об Аральском море, Амударье и Хорезме имелись в Московской Руси в начале XVII века, видно из любопытной “Книги, глаголемой

Большой Чертеж”, издававшейся несколько раз; мы пользуемся изданием Г.И.Спасского (Москва, 1846), сделанным по поручению Императорского Общества истории и древностей российских. Самый чертеж был составлен или дополнен около 1600 г., а книга к нему написана в 1627 году. По этой книге⁴⁰⁴:

“...От Астрахани Хвалимским морем вдоль до Юргенской земли, 1200 верст, а поперег Хвалимским морем, от усть⁴⁰⁵ реки Яика, до Кизылбашской земли (Персии) 800 верст... А от Хвалимского моря до Синего моря, на летний на солнечный восход прямо, 250 верст. А Синим морем до усть реки Сыра 280⁴⁰⁶ верст, а поперег Синим морем 60 верст. А в Синем море вода солоня. Из Синего моря вытекла река Арзас⁴⁰⁷ и потекла во Хвалимское море. А в реку Арзас с востоку пала река, Амударья⁴⁰⁸; протоку Амударьи реки 300 верст. А Арзаса протоку 1060 верст. А от Синего моря 300 верст Урук⁴⁰⁹ гора; вдоль Урука горы 90 верст. Из горы потекли три реки: река Вор, течет в реку в Яик, в ночь; река Ирғыз, течет в озеро Акбашль, на восток; река Гем, течет на полдень, к Хвалимскому морю, и пала, не дошед до моря, в озеро.

А к Синему морю, от Ирғыз реки 280⁴¹⁰ верст, пески Барсук-кум поперег того песку⁴¹¹ 25 верст; да пески Кара-кум⁴¹² от Синего моря 200 верст. Пески Кара-кум вдоль 250 верст⁴¹³, а поперег 130 верст. А те три пески прилегли к Синему морю к берегу.

В Синее моря с востоку пала река Сыр...

А противу града Бухара 170 верст потекла река из озера Угус⁴¹⁴, по нашему Бык, в Хвалимское море: протоку 1000 верст. А на реке на Угус град Каган, живет в нем Юргеченского⁴¹⁵ царя брат. А от Каган града 220 верст, к Хвалимскому морю, град Иргенч⁴¹⁶, от реки Арзаза 50 верст; а от Хвалимского моря 400 верст⁴¹⁷. А вод⁴¹⁸ под ним ни рек, ни озер, в чертеже не написано”.

Последнее показывает, что чертеж был составлен после поворота реки. Составители чертежа, очевидно, хорошо знали местность к северу от Аральского моря, пески Барсук-кум и Кара-кум, Мугоджарские горы и вытекающие из этих гор реки Ирғыз (вернее, его правые притоки) Орь и Эмбу; но об Амударье, Сырдарье и о притоках обеих рек они имели только самое смутное представление⁴¹⁹. “Синим морем” назван, конечно, Арал, хотя еще Дженкинсоном это название прилагалось к одному из заливов в северной части Каспия⁴²⁰. Арзас, вероятно, тождествен с Ардоком Дженкинсона, хотя составители чертежа заставляют эту реку вытекать из Аральского моря и впадать в Каспийское. Де Гук и здесь предполагает смешение с Иртышом⁴²¹, что маловероятно, так как Иртыш назван отдельно, в качестве притока Оби⁴²². Амударья названа два раза, один раз как приток Арзаса, другой раз как река, впадавшая в Каспийское море, причем во втором случае название Угус по ошибке отнесено не к реке, а к озеру, из которого она вытекала. Под Каганом, по мнению де Гуе, следует понимать Кят⁴²³.

Конечно, данные “Большого Чертежа” не могут служить доказательством, что соединенное Арало-Сарыкамышское озеро еще в начале XVII века

существовало и имело связь с Каспийским морем. Более точные данные неопровержимо доказывают, что с того времени до наших дней в бассейнах Ара-ла и Каспия не произошло существенных перемен²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Zur historischen Topographie. II. S. 561—562.
- ² См. теперь воспроизведение этой карты: *Берг*. Аральское море. С. 44.
- ³ *Legrand. Voyages de Basile Vatace*. P. 188, 214, 269.
- ⁴ *Берг*. Аральское море. С. 52.
- ⁵ *Asie Centrale*. Т. II. P. 147 sq.
- ⁶ *Das Oxusproblem*. S. 204—214.
- ⁷ То же мнение еще ранее было высказано некоторыми русскими исследователями, например, проф. К. Богдановичем (*Берг*. Аральское море. С. 91); ср. также выводы покойного генерала А. Комарова (*Возражения*. С. XI—XII).
- ⁸ Об ирригационных сооружениях у Сарыкамыша см.: Низовья Амударьи. С. 236—261.
- ⁹ Этот взгляд поддержан также проф. Мушкетовым (*Туркестан*. С. 698 и сл.) и благодаря научному авторитету этого ученого возведен в ранг несомненной истины, которая не требует больше никаких доказательств.
- ¹⁰ *Берг*. Очерк Аральского моря.
- ¹¹ *Barthold. Russische Arbeiten*. [1898]. S. 85; *idem. Russische Arbeiten*. [1901]. S. 46; *idem. Russische Arbeiten* [1902]. S. 20.
- ¹² *Le Strange. The Lands*. P. 458.
- ¹³ *De Goeje // DLZ*, 1905, N 45.
- ¹⁴ Поскольку читатель постоянно отсылается к работе де Гье, мне лично казалось самым целесообразным возможно меньше отклоняться от принятой в этой работе системы транскрипции, проведенной, к сожалению, непоследовательно; впрочем, господину издателю была предоставлена полная свобода решать этот вопрос по своему усмотрению.
- ¹⁵ *Das alte Bett des Oxus*.
- ¹⁶ Статьи: *Хафизи-Абру*. По поводу амударьинского вопроса. К вопросу о впадении Амударьи в Каспийское море. Ср. теперь: *Берг*. Аральское море.
- ¹⁷ В эту ошибку впадает еще Г.Е. Грумм-Гржимайло (*Описание путешествия*. Т. II. С. 5).
- ¹⁸ Фантастическая теория г-на А. Чайковского (*Туркестан*; Его же. *Далекое прошлое Туркестана*) еще до сих пор вводит в заблуждение некоторых путешественников.
- ¹⁹ *Winckler. Untersuchungen*. S. 111—112.
- ²⁰ О Кирополе: *Appian*. IV. 3, 1; *Курций*. VII. 6, 20.
- ²¹ *Winckler. Das alte Westasien*. S. 137.
- ²² *Ménant. Les Achéménides*. P. 105. В общем трижды: Bb 1, 6; Dar. pers. e, 2; NRa, 3.
- ²³ *Hecataei Fragmenta*, № 172, 173 (FHG, I, p. 12a).
- ²⁴ *Forbiger. Handbuch*. S. 452. О месте обитания каспиев ср. теперь также: *Marquart. Untersuchungen*. Н. II. S. 28, Ант. Как доказывают слова Страбона (502), каспии вымерли уже в I в. до н.э.
- ²⁵ Ввиду безлюдности восточного побережья ширина моря, вероятно, определялась по диагонали от юго-восточного берега; еще Истахри замечает, что при благоприятном ветре можно переехать море в ширину от Табаристана (Мазендерана) до Дербента в одну неделю (*Истахри*. 226—227).

- ²⁶ Коншин (Разъяснение. С. 166) и Глуховской (Пропуск вод Амударьи. С. 2) ошибочно смешивают Гинд с Индом и вообще неточно передают слова Геродота.
- ²⁷ *Justi. Geschichte.* S. 390. Маркварт (*Untersuchungen*, Н. II. S. 171) считает, что список податных округов "был не совсем удачно соединен из нескольких более древних источников, которые отличались друг от друга уже внешне, определенными формулами".
- ²⁸ Сарангами (др.-перс. *эранка*) назывались жители Сеистана, столица которого еще в Средние века носила название Зерендж. Возможно, что в эпоху Геродота тот же народ жил несколько севернее. Маркварт (*Untersuchungen*, Н. II, S. 176) отождествляет фаманейцев с арахосцами (жителями области Кандагар).
- ²⁹ См. мой труд: Туркестан. Ч. II. С. 66.
- ³⁰ О картине географических условий Внутренней Азии, которую составил себе Аристотель, главным образом по Ктесию, см. теперь: *Bolchert. Aristoteles Erdkunde.* S. 37 sq.
- ³¹ Слова Страбона (XI, 11). Контекст показывает, что выражение "в древности" означает "до Александра" (*Бартольд.* Еще о самаркандских оссуариях. С. 100).
- ³² Явная ошибка или, вернее, обмолвка Григорьева (*Pittner — Григорьев.* Восточный Туркестан. Вып. II. С. 12—13: "эра, от которой вели хорезмийцы свое летосчисление, 980-ю годами древнее селевкидской, значит, начиналась она за 678 лет до Р.Х.") ввела в заблуждение Мушкетова (Туркестан. Т. I. С. 45) и Обручева (Закаспийская низменность. С. 17).
- ³³ *Sachau. Zur Geschichte.* I. S. 9—19.
- ³⁴ *Berger. Geschichte.* Bd I, S. 31 с цитатой из *Aristot. meteor.* II, 1, 10.
- ³⁵ *Арриан.* VII, 16, 1—3.
- ³⁶ Новейшие ученые относятся к Аристобулу несколько более отрицательно (ср.: *Kaerst. Geschichte.* S. 422).
- ³⁷ *Страбон.* 509; *Scriptores rerum Alexandri Magni.* P. 100a.
- ³⁸ *Berger. Geschichte.* Bd IV. S. 36.
- ³⁹ Как известно, греки соединяли под этим названием горные цепи, прорезывающие Азию, до Гималаев включительно.
- ⁴⁰ *Арриан.* III, 30, 7.
- ⁴¹ На эту аналогию указывает Гутшмид (*Geschichte, Irans.* S. 10).
- ⁴² *Арриан.* IV, 15, 4—5. По Курцию (VIII, 1, 8), хорезмийский владетель, которого он называет Фратаферном, только отправил послов к Александру.
- ⁴³ *Арриан.* IV, 17, 3.
- ⁴⁴ *Demetr.*, 47.
- ⁴⁵ *Die Fahrt des Patrocles.*
- ⁴⁶ О влиянии Патрокла на Эратосфена см.: *Berger. Geschichte.* Bd III. S. 58, 69.
- ⁴⁷ *Страбон.* XI, 11; *Forbiger. Handbuch.* S. 32, 78.
- ⁴⁸ Нейманн (*Die Fahrt des Patrocles.* S. 179) полагает, что к низовьям рек ошибочно было отнесено расстояние между ними на пути из Балха к Ходженту, приблизительно соответствующее приведенной цифре.
- ⁴⁹ Бергер (*Geschichte.* Bd IV. S. 95—96) справедливо объясняет этот факт восстановлением торгового пути к северу от Каспийского моря.
- ⁵⁰ О времени жизни Евдокса см.: *ibid.* Bd II. S. 71—72.
- ⁵¹ *Страбон.* 510.
- ⁵² Полибий принадлежит к числу авторов, смешивавших Сырдарью с Доном.
- ⁵³ *Forbiger. Handbuch.* S. 79: "Hätte man gewußt, da ihnen (den Scythen) hier gar kein Fluß im Wege war und daß weder Oxus noch der Jaxartes so weit westlich bis zum M. Caspium reichen, so würde man auch schwerlich von diesem wunderbaren Wasserfalle etwas erwähnt finden"

- ⁵⁴ Geschichte. Irans. S. 31.
- ⁵⁵ *Forbiger*. Handbuch. S. 76.
- ⁵⁶ Historia Nat. VI, 19 (по одному делению), VI, 52 (по другому): “adicit idem (M. Varro) Pompei ductu exploratum, in Bactros VII diebus ex India perveniri ad Bactrum flumen quod in Oxum influat et ex eo per Caspium in Cyrum subvectos et V non amplius dierum tereno itinere ad Phasim in Pontum Indicas posse devehi merces”.
- ⁵⁷ *Schaefer*. Abriß der Quellenkunde. S. 75; *Модестов*. Лекции. С. 349; *Schanz*. Geschichte der römischen Literatur. Bd I, S. 368.
- ⁵⁸ *Gutschmid*. Geschichte. Irans. S. 130, 134.
- ⁵⁹ Совсем другой смысл получается при чтении Гардтхаузена: “alii fluvii decurrentes Oxiam nomine paluden efficiunt”; [*Ammian Marcellin* / ed. Gardthausen, XXIII, 6, 59].
- ⁶⁰ *Forbiger*. Handbuch. S. 76: “... sub imis montium pedibus, quos appellant Sogdios; inter quos amnes duo fluunt navium capacissimi, Araxates et Dymas, qui per juga vallesque praecipites in campestem planitiem decurrentes Oxiam nomine paludem efficiunt longe lateque diffusam”.
- ⁶¹ Ibid. S. 77. По китайским источникам, название Думо носила Кашкадарья; см.: *Бичурин*. Собрание сведений. III, 203; теперь также: *Chavannes*. Documents. P. 146.
- ⁶² О них см.: *Бичурин*. Собрание сведений. III, 1—16; *Hirth*. Ueber Wolga-Hunnen. S. 249—250; idem. Zur Kulturgeschichte der Chinesen. S. 11—12.
- ⁶³ Relation. P. 424: “ils sont voisins d’un grand lac sans montagnes sur ses rivages; c’est la mer du Nord”.
- ⁶⁴ Geschichte Irans. S. 68: “ohne feste Ufer”, что не вполне соответствует переводу Броссе.
- ⁶⁵ В древности и Средневековье — $\frac{1}{2}$ версты.
- ⁶⁶ *Бичурин*. Собрание сведений. III, 58.
- ⁶⁷ Там же. III, 121; ср.: *Hirth*. Ueber Wolga-Hunnen. S. 250.
- ⁶⁸ Ueber Wolga-Hunnen. S. 251. Шлегель и Маркварт оспаривают это мнение по лингвистическим соображениям; согласно Маркварту (*Untersuchungen*. Н. II. S. 240), “древнее произношение Am-tsaï” должно передавать название массагеты, что мне кажется в высшей степени сомнительным.
- ⁶⁹ *Hirth*. Ueber Wolga-Hunnen. S. 251.
- ⁷⁰ Ibid. S. 248.
- ⁷¹ Ibid. S. 252—253.
- ⁷² Geschichte Irans. S. 139 (со ссылкой на: *Mailla*. Histoire. Т. III. P. 397). В “Истории младшего дома Хань”, по переводу Бичурина (*Собрание сведений*. III, 103), сказано только, что “все 50 владений признали себя зависимыми от Китая и представили заложников” и что все государства “до самого моря за 40 000 ли прислали с переводчиками дары двору”; о походе Бань Чао до Северного моря не говорится; сказано только, что он “разбил Харашар” (в Восточном Туркестане). По “Истории Северных дворов”, Бань Чао “проник на запад даже до Западного моря” (*Бичурин*. Собрание сведений. III. 136).
- ⁷³ *Бичурин*. Собрание сведений. III. 103.
- ⁷⁴ Там же. III, 115; *Hirth*. China and the Roman Orient. P. 39.
- ⁷⁵ *Бичурин*. Собрание сведений. III. 114, 166. Хирт отождествляет Тяочжи с Халдеей (*Zur Kulturgeschichte der Chinesen*. S. 14).
- ⁷⁶ Однако еще Гутшмид (*Geschichte Irans*. S. 140) приводил его к Средиземному морю. Правильное объяснение дал еще Юл (*Cathay*. Vol. I. P. LXI).
- ⁷⁷ *Zur Kulturgeschichte der Chinesen*. S. 19.
- ⁷⁸ *Бичурин*. Собрание сведений. III. 173; *Hirth*. China and the Roman Orient. P. 48.
- ⁷⁹ Так по Бичурину (III. 117—118); несколько иначе у Хирта (*China and the Roman Orient*. P. 42—43).

- ⁸⁰ [Вуху]. *Бичурин*. Собрание сведений. III. 188.
- ⁸¹ Там же. III. 184.
- ⁸² *Marquart*. Die Chronologie. S. 5. Впрочем, предложенное там объяснение названия реки, производимое от иранского *йахша-арта* ("настоящий, чистый жемчуг"), возможно лингвистически: как доказывают все имена собственные, образованные с *арта* (греческие Артакоана, Артаксата и т.д.), в этом случае название должно бы было звучать "Артайахша".
- ⁸³ *Бичурин*. Собрание сведений. III. 166; *Hirth*. Ueber Wolga-Hunnen. S. 248—249.
- ⁸⁴ *Nachworte*. S. 3, 70.
- ⁸⁵ Так по переводу Хирта (*Nachworte*. S. 70); в "Истории династии Тан", по переводу Бичурина (Собрание сведений. III. 244), сказано только, что реки, "текущие на север, проходят через тюркистанские земли и впадают в море".
- ⁸⁶ *Nachworte*. S. 71. В переводе Бичурина (Собрание сведений. III. 245) несколько иное понимание текста.
- ⁸⁷ *Бичурин*. Собрание сведений. III. 58—59.
- ⁸⁸ Там же. III. 246.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ *Marquart*. *Eránsahr*. S. 148.
- ⁹¹ *Ибн Хордадбех*. 135 (франц. пер.).
- ⁹² *Мас'уди*. Танбих, 66.
- ⁹³ *Marquart*. *Eránsahr*. S. 55. "Малый Балхан", очевидно, назван по ошибке автором, располагавшим, по его собственному признанию, очень скудным картографическим материалом.
- ⁹⁴ Ср. также: *Бичурин*. Собрание сведений. III. 172.
- ⁹⁵ *Marquart*. *Op. cit.* S. 58.
- ⁹⁶ *Табари* / Пер. Нёльдеке. 11.
- ⁹⁷ *Geschichte Irans*. S. 169.
- ⁹⁸ Ср.: *Бичурин*. Собрание сведений. III. 179.
- ⁹⁹ Там же. III. 170.
- ¹⁰⁰ Там же. III. 166.
- ¹⁰¹ *Табари* / Пер. Нёльдеке. 131.
- ¹⁰² Об этом говорит и сам Маркварт (*Op. cit.* S. 58). [С.К.Кабанов считает, что город Боло располагался в Каршинском оазисе и соответствует городу Эркурган северо-западнее Карши (см.: *Кабанов*. К вопросу о столице кидаритов)].
- ¹⁰³ *Табари* / Пер. Нёльдеке, 158.
- ¹⁰⁴ *Ибн Русте*. 150.
- ¹⁰⁵ Рассказ об этом посольстве сохранил нам Менандр Протектор в своих *Excerpta de legationibus*. Подлинный текст был издан несколько раз: FHG. Vol. IV. 235 sq.; *Corpus script. hist. Byz. Pars I*. P. 298—301; *Historici Graeci minores* / Ed. Dindorfus. Vol. II. P. 49, sq. Английский перевод в кн.: *Yule*. *Cathey*. Vol. I. P. CLX—CLXVI. На русском языке: *Иловайский*. Разыскания. С. 248—251. См. также: *Chavannes*. *Documents*. P. 235 sq.
- ¹⁰⁶ *Khiva oder Kharezem*. S. 24.
- ¹⁰⁷ *Табари*. II. 1238—1239. [Позднее город Шаббаз, ныне Бируни].
- ¹⁰⁸ См.: *Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 243, 275—276.
- ¹⁰⁹ Так у де Гье (*Das alte Bett des Oxus*. S. 8); ср. более позднее мнение де Гье (BGA. VI. P. XX) о двух редакциях, первая из которых якобы была завершена в 846—47 гг., а вторая в 885—86 гг. Маркварт (*Streifzüge*. S. 390), напротив, старается доказать, что можно говорить только об одной редакции, законченной не ранее 885—86 гг.
- ¹¹⁰ *Ибн Хордадбех* / Пер. 135; текст, 173.
- ¹¹¹ *Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 146, 151.

- ¹¹² *Китаб ал-булдан*. 278.
- ¹¹³ *Ибн ал-Факих*. 324.
- ¹¹⁴ Против такого предположения говорит и существование города Курдера, который упоминается у Табари (II, 1525) под 110/728 г.; в этом году здесь произошло восстание против арабов, поддержанное турками.
- ¹¹⁵ Пропуск вод Амударьи. С. 8.
- ¹¹⁶ Это замечание в такой общей и категорической форме вряд ли можно считать справедливым. — *А. Беленицкий*.
- ¹¹⁷ *Ибн Русте*. V—VI. Другая датировка (для меня неубедительная) у Маркварта (*Streifzüge*. S. 25 sq.).
- ¹¹⁸ В моем труде Туркестан (Ч. II. С. 150, 153) по ошибке Херавез.
- ¹¹⁹ *Ибн Русте*. 91—92. Местоположение “Нового селения”, или Яныкента, как известно, определяется развалинами Джанкент, верстах в 22 к юго-западу от Казалинска и верстах в 5 от бывшего хивинского укрепления Джан-кала. О Джанкенте см.: *Чабров*. История изучения.
- ¹²⁰ О Пите у Истахри несколько выше (302) сказано: “Селение Гит, на расстоянии 5 фарсахов от Кудажага (?); это — селение вблизи гор; на той широте нет населенного пункта, кроме него; за этой горой — степь”.
- ¹²¹ По-видимому, отсюда вывод Глуховского (Пропуск вод Амударьи. С. 11—12), что Курдер “пересекал русло Вадак (Куныдарью) и затем переходил в нижнюю часть русла Даудан”. Во всяком случае, слова арабских географов едва ли позволяют отождествлять Медминию с нынешней крепостью Медемин-кала, как это делает Глуховской.
- ¹²² У Ибн Хаукаля (354) — Фератегин.
- ¹²³ В тексте Ибн Хаукаля (там же) пограничным пунктом названа только Джурджания.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ *Истахри*. 302—304.
- ¹²⁶ У Ибн Хаукаля (402) вследствие пропуска в тексте сказано, что от Кята до Курдера — один переход.
- ¹²⁷ *Истахри*. 341—342.
- ¹²⁸ См. прим. 119.
- ¹²⁹ *Ибн Хаукаль*. 393. Там же сказано, что ширина реки во время половодья оставляет $\frac{2}{3}$ ширины Джейхуна.
- ¹³⁰ Ср. о нем: *Туманский*. Новооткрытый персидский географ; мой труд: Туркестан. Ч. II. С. 14. Ср. также теперь: *Marquart*. *Streifzüge*. S. XXX. [В.Ф. Минорский предполагает теперь, что автором *Худуд ал-'алам* может быть Ибн Феригун, автор *Джавами' ал-улум* (*Minorsky*. *Ibn Farighun*).]
- ¹³¹ Это особенно ясно видно из того места, где Макдиси, не поняв слов Истахри, утверждает, что канал Хазараспа достигает ширины около 1 перехода (*Макдиси*. 292); у Истахри то же самое сказано о культурной полосе левого берега от Хазараспа до места против Кята (*Истахри*. 301—302).
- ¹³² Макдиси делит владения Саманидов по течению Джейхуна на стороны хорасанскую (левую) и хайтальскую (правую); см.: *Макдиси*. 260.
- ¹³³ Там же. 288.
- ¹³⁴ Там же. 286—287.
- ¹³⁵ Там же. 288.
- ¹³⁶ Там же. 289. Не сказано, который из двух Питов имеется в виду.
- ¹³⁷ Туркестан. Ч. II. С. 149.
- ¹³⁸ *Макдиси*. 66.
- ¹³⁹ Там же. 343—344.
- ¹⁴⁰ *Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 152. [Позднее В.В. Бартольд отождествлял Халиджан с Сарыкамышской впадиной].

- ¹⁴¹ На такое же перемещение русла указывают слова Истахри, что река “от Курдера изменила свое течение и проходит между Гитом и Медминией”.
- ¹⁴² Разъяснение. С. 171.
- ¹⁴³ *Истахри*. 299.
- ¹⁴⁴ Ср.: *Lerch*. Khiva oder Kharezm. S. 34. Ибн Фадлан совершил путешествие из Гурганджа в страну болгар весной 922 г. в 70 дней; см.: *Якут*. Му’джам, I, 724; а также: *Гаркави*. Сказания. С. 86.
- ¹⁴⁵ См. персидский текст: *Бартольд*. Отчет о поездке в Среднюю Азию. С. 95; русский перевод там же. С. 119.
- ¹⁴⁶ *Макдиси*. 285 (ср.: de Goeje. Das alte Bett des Oxus. S. 13—15).
- ¹⁴⁷ *Ибн ал-Асир*. Изд. Торнберга. IX. 267.
- ¹⁴⁸ *Мас’уди*. Танбих. 65. В более раннем труде того же автора “Промывальни золота” сказано, что длина озера — месяц пути и ширина приблизительно такая же, что по “реке Ферганы и Шаша” (Сырдарье) идут суда до этого озера и что у тюрков там город, носящий название “Нового города” (*Мас’уди*. Мурудж. I. 211—212).
- ¹⁴⁹ Это обстоятельство еще более нас побуждает осторожно относиться к показаниям древних авторов, пока мы не имеем для той же эпохи более ясных и точных данных.
- ¹⁵⁰ *Истахри*. 219; *Ибн Хаукаль*. 277.
- ¹⁵¹ *Макдиси*. 372—373.
- ¹⁵² *Истахри*. 226; *Ибн Хаукаль*. 286.
- ¹⁵³ *Макдиси*. 372.
- ¹⁵⁴ *Табари*. II. 1323. Ср.: *Marquart*. Eránsahr. S. 73.
- ¹⁵⁵ *Хамдаллах Казвини*. Нузхат ал-кулуб (рук. ун-та N 150, л. 243а).
- ¹⁵⁶ Там же, л. 254б.
- ¹⁵⁷ *Макдиси*. 358—359. [Позднее В.В.Бартольд установил, что рыбацкий поселок назывался Дихистанан-Сур.]
- ¹⁵⁸ На сохранившемся портале мечети имеется надпись строителя, султана Мухаммеда хорезмшаха (1200—1220); ср. об этом: *Семенов*. Надписи на портале.
- ¹⁵⁹ *Табари*. II. 1232.
- ¹⁶⁰ Худуд ал-’алам. Л. 56. Буквальный перевод текста: “В этом море находится другой остров, но один угол его, напротив Дихистана, соединен с материком; его называют Дихистанан-Сур”.
- ¹⁶¹ Géographie d’Edrisi trad... par A. Jaubert. T. I—II. Paris, 1836—1840. Оригинал Идриси появится в этом собрании [имеется в виду серия “Quellen und Forschungen zur Erd- und Kulturkunde”, в которой был опубликован перевод данной работы В.В.Бартольда] в фотографическом воспроизведении с переводом проф. Зейбольда. [Издание текста так и не осуществлено до сих пор.]
- ¹⁶² *Идриси* / Пер. Жобера. II. 191, 338.
- ¹⁶³ Там же. II. 189. Ср.: *Ибн Хаукаль*. 351. [Дарджаш (?) у Ибн Хаукаля (351) — название города, бывшего столицей Хорезма до переноса ее в Кят, т.е., судя по ал-Бируни (*Асар ал-бахийа* / Пер. Захау. 35), до начала IV века н.э. Не соответствует ли это городу Топрак-кала, в котором примерно до этого времени находилась резиденция хорезмшахов?]
- ¹⁶⁴ *Идриси* / Пер. Жобера. II. 338—339.
- ¹⁶⁵ Там же. II. 190. Здесь сказано, что река “вытекает из горы по соседству с пустыней и течет в небольшом расстоянии ниже Дергаша”.
- ¹⁶⁶ *Глуховской*. Пропуск вод Амударьи. С. 10.
- ¹⁶⁷ *Истахри*. 302, прим. п.
- ¹⁶⁸ *Defrémery*. Fragmens. P. 8 (текст), 14 (перевод). Ср.: *Куник — Розен*. Известия ал-Бекри. С. 42 (текст), 58 (перевод).
- ¹⁶⁹ См. мой труд: Туркестан. Ч. II. С. 37.

- ¹⁷⁰ Там же. С. 179—181; а также статья: *Каллаур*. О следах древнего города “Джэнд”.
- ¹⁷¹ *Бекран*. Джахан-наме (рук. Нах. б-ки. Л. 191).
- ¹⁷² *Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 153; *Якут*. Муджам. I. 698.
- ¹⁷³ *Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 375; Текст: *Ибн ал-Асир*. Изд. Торнберга. XII. 122; *Джужуджани* / Пер. Раверти. 474.
- ¹⁷⁴ *Якут*. Муджам. VI. 670.
- ¹⁷⁵ СМИЗО. I. 32; *Ибн ал-Асир*. Изд. Торнберга. XII. 257.
- ¹⁷⁶ *Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 471; Текст: *Джужуджани* / Пер. Раверти. С. 281, 1100; *Абд ал-Керим Бухари* (текст). 78; (Перевод), 177.
- ¹⁷⁷ См.: *Катанов*. Хорезмийская свинцовая плита. С. 15—17 (там же воспроизведение свинцовой плиты).
- ¹⁷⁸ *Ибн ал-Асир*. Изд. Торнберга. XII. 323; СМИЗО. I. 38.
- ¹⁷⁹ *Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 494 — по Рашид ад-дину. Изд. Березина. III. 104.
- ¹⁸⁰ СМИЗО. I. 242; араб. текст, 221.
- ¹⁸¹ Ср. персидский текст — *Залеман*. Легенда про Хаким-Ата. С. 110 и 117; перевод (с. 124 и 125) не совсем точен. Отголоском событий 1221 г. считает эту легенду и К.Г.Залеман (с. 206).
- ¹⁸² *Плано Карпини*. Изд. Языкова. Кн. I. Гл. 6.
- ¹⁸³ *Rosen*. Les manuscrits persans. P. 317.
- ¹⁸⁴ *Бартольд*. Хафизии-Абру. С. 5—7.
- ¹⁸⁵ Соответствующие глагол и отглагольное существительное (только по внешнему образованию сходное с формой 3-го лица ед. ч. наст. времени в северотурецких наречиях) имеют такое значение в османском наречии, как известно, принадлежащем к той же группе турецких диалектов, как язык туркмен. У Радлова (Словарь. II. 1639) упоминается только глагольный корень *qürfä* и существительное *qürfätä*; однако существительное *qürfädi* (или *qürfädi*) имеется у Будагова, II, 149.
- ¹⁸⁶ *Хамдаллах Казвини*. Нузхат ал-кулуб (рук. ун-та № 171. Л. 263а).
- ¹⁸⁷ Эти слова помещены около изображения Каспийского моря на карте Марино Сандудо (см. последнюю в изд.: *Hommaire de Hell*. Les steppes).
- ¹⁸⁸ Нузхат ал-кулуб (рук. ун-та № 171. Л. 263а).
- ¹⁸⁹ *Бакуви*. 509.
- ¹⁹⁰ При установлении чтения названий я пользовался шестью рукописями (рук. ун-та № 171. Л. 243а, и пять рукописей Аз. муз.), из которых наиболее старые рукописи Аз. муз. 603 bbc [С 604] (л. 238а) и 603 bbb [С 603] (л. 207а). Вопросительный знак означает, что произношение названия для меня сомнительно.
- ¹⁹¹ Такое чтение дают обе старые рукописи, поэтому мы не решаемся заменить его чтением более новых рукописей: Хорезм-и Нау и Хульм-и Нау (“Новый Хорезм” и “Новый Хульм”). Замечательно, что и в астрономических таблицах Улугбека рядом с “Гурганджем, столицей Хорезма” назван “Новый Гургандж”: *Sedillot*. Prolegomenes. II. 267.
- ¹⁹² Ср.: *Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 154; где по недосмотру не приведены слова Истахри (283; *Ибн Хаукаль*, 331), по которым Ферава находилась в 4-х переходах от Неса. По всей вероятности, мы имеем одно и то же название у географов X века и у Хамдаллаха Казвини, но трудно сказать, следует ли в первом случае читать Фезава и Афзава вместо Ферава и Афрава или во втором случае — Вераве вместо Везаве. Ср. название одного из бухарских селений: Афрахша, Фарахша или Варахша (*Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 118). Соответствующие тексты: *Нершахи*. Изд. Шефера, 15; *Якут*. Муджам. I, 323 и III, 869 по Сам’ани; ср.: *Бартольд*. Туркестан. Ч. I. С. 53. Местность около Кызыл-Арвата у туркмен по сей день носит название “Парава”; ср.: *Самойлович*. Из туркменской старины. С. 560. [Ферава находилась около современного кишлака Парау, в 18 км западнее Кызыл-Арвата.]

- ¹⁹³ *Абулгази*. Родословная тюрков. Изд. Демезона. I, 255; II, 231.
- ¹⁹⁴ *Коншин*. Разъяснение. С. 255; ср.: *Обручев*. Закаспийская низменность. С. 203.
- ¹⁹⁵ *Хамдаллах Казвини*. Нузхат ал-кулуб (рук. ун-та N 171. Л. 239а).
- ¹⁹⁶ Единственный источник: *d'Ohsson*. Histoire des Mongols. Т. IV. P. 572, из сочинения продолжателя Рашид ад-Дина; ср. рук. Аз. муз. а 566 [D 66], л. 470 [*Зайл джаму' ат-таварих*], где сказано, что Баба-Огул после своего поражения пришел в Мерв, и перечислены следующие разоренные им города: Замахшар, Гарбин (?), Хазар-Земин, Кят, Кермарун (?), Шавкан (или Савкан. См.: *Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 148). Д'Оссон (Histoire des Mongols. Т. IV. P. 572) и Хаммер-Пургштал (Geschichte der Ichane. Bd II. S. 235) опустили даже немногие приведенные там географические сведения.
- ¹⁹⁷ СМИЗО. I. 148.
- ¹⁹⁸ Это название собственно принадлежит Красному морю, но прилагалось, по свидетельству Хамдаллаха Казвини (Нузхат ал-кулуб, рук. ун-та № 171, л. 262), иногда и к Каспийскому.
- ¹⁹⁹ Так собственно назывался Индийский океан; здесь это название прилагается к Черному морю. Рассказчик или передававший его слова забыл о Яике.
- ²⁰⁰ Очевидно, в тексте (как у Истахри, 304, откуда заимствовано это место) следует читать “на его берегу”.
- ²⁰¹ СМИЗО. I. 236—237; ср. 215—216 (текст).
- ²⁰² Так по конъектуре издателя.
- ²⁰³ Дальше говорится о монетах, ценах, растениях и животных.
- ²⁰⁴ Дальше о рыбе в Джейхуне.
- ²⁰⁵ Из слов самого автора видно, что пять месяцев пути — длина не Мангышлака, а всего государства Джучидов от его южных пределов до северных (СМИЗО, I, 236; текст, 215).
- ²⁰⁶ Текст испорчен; по толкованию Катрмера (Омари, извлеч. в пер. Катрмера, 289) — туркмены.
- ²⁰⁷ Издатель принял неверное чтение; и здесь автор буквально повторяет слова Истахри (299).
- ²⁰⁸ СМИЗО. I. 241—243; ср. текст, 219—221.
- ²⁰⁹ *Хамдаллах Казвини*. Нузхат ал-кулуб (рук. ун-та № 171. Л. 263б).
- ²¹⁰ *Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 179.
- ²¹¹ *Лерх*. Археологическая поездка. С. V—VI.
- ²¹² *Yule*. Cathay. Vol. II. P. 397—404. Ибн Баттута говорит в одном месте (II, 248), что в 1332 г. совершил паломничество в Мекку; по этому хронологическому определению можно заключить, что его пребывание при дворе Узбека и путешествие в Константинополь относятся к 1334 г., возвращение в Сарай — к зиме 1334/35 г., путешествие в Хорезм — к весне 1335 г. Такая хронология принята покойным бар. В. Тизенгаузеном (СМИЗО. I. 289, 302). С другой стороны, Ибн Баттута в другом месте (III, 93) относит свое прибытие к берегу Инда к 1 мухаррема 734/12 сентября 1333 г. Отмечая это хронологическое противоречие, французские издатели Ибн Баттуты отказываются разрешить его, но указывают на то, что старым императором, которого Ибн Баттута видел в Константинополе, мог быть только Андроник II Палеолог, умерший в феврале 1332 г. (*Ибн Баттута*. II. С. XII). К этому можно прибавить, что чагатайский хан Тармаширин, с которым Ибн Баттута виделся в Средней Азии, едва ли был в живых после 1334 г. (*Yule*. Cathay. Vol. I. P. 185, 188).
- ²¹³ Так по переводу В. Тизенгаузена (СМИЗО. I. 308); в подлиннике “самый большой, значительный и красивый” (*Ибн Баттута*. III. 3).
- ²¹⁴ Французские издатели Ибн Баттуты предполагают здесь персидское слово шур (собств. “волнение”, “спор”, но также “конный базар”); ср.: *Ибн Баттута*. III, 3.

- ²¹⁵ Далее говорится о некоторых обычаях жителей.
- ²¹⁶ *Ибн Баттута*. II. 450 и сл.; III. 1 и сл.; СМИЗО. I. 307—309. О шейхе ср.: *Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 403—404, 470 — по Рашид ад-Дину; ср. также (по тому же источнику): *Абулгази*. Родословная тюрков. Изд. Демезона. I. 112 и сл.; II. 119 и сл.
- ²¹⁷ Далее о прощании с эмиром и казем.
- ²¹⁸ СМИЗО. I. 313—314; *Ибн Баттута*. III. 19 и сл.
- ²¹⁹ *Ибн Баттута*. III. 21.
- ²²⁰ *Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 494.
- ²²¹ *De Goeje*. Das alte Bett des Oxus. S. 21: “Ebenso könnte man aus Ibn-Batūta folgern, dass man zu seiner Zeit, um von Urgendj nach Kāt zu kommen, den Oxus nicht zu passieren hatte, da er auch der Ueberfährt keine Erwähnung thut”.
- ²²² Сепая, или — в современном таджикском произношении — сепоя, означает “треножник”, “тренога”, но никак не “три ступени”. Сепоя — также технический термин, так называется специальное сооружение из связанных бревен, предохраняющее берег от размывания водами реки. (О сепоя в Хорезме см.: *Гулямов*. История орошения Хорезма. С. 245.) Возможно, что указанная местность получила название по таким сепоя, укреплявшим здесь берег Амударьи).
- ²²³ *Истахри*. 338; *Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 141. Из слов Истахри видно, что в Сепая к Амударье подходила также дорога в Хорезм из Мерва (Истахри. 284).
- ²²⁴ *Heyd*. Geschichte des Levantehandels. Bd II. S. 183—184.
- ²²⁵ *Yule*. Cathay. Vol. II. P. 279 sq.
- ²²⁶ Ибн Баттута считает от Хаджи-Тархана до Сарая 3 дня пути по льду “реки Итиля и соединенных с нею вод” (СМИЗО. I. 306; *Ибн Баттута*. II. 446).
- ²²⁷ *Ибн Баттута*. II. 287—289; известно, что слово *сом* теперь употребляется тюркскими народами в России в значении “рубль”.
- ²²⁸ *Мосейм*. Прилож. № ХСII; *Yule*. Cathay. Vol. I. P. 231—234.
- ²²⁹ *Марко Поло* / Пер. Минаева. 31; изд. Потье, I, 44; изд. Юла — Кордые, I, 52.
- ²³⁰ *Heyd*. Geschichte des Levantehandels. Bd II. S. 112.
- ²³¹ Помещены в кн.: *Hommaire de Hell*. Les steppes.
- ²³² *Buchon — Tastu*. Atlas en langue catalane. P. 125—128 (карта при с. 118).
- ²³³ *Reclus*. Geographie. P. 404—405. Юл отмечает указанное на карте течение Амударьи как одну из ошибок карты (*Yule*. Cathay. Vol. I. Prelim. essay. P. ССХХVI), но в своих примечаниях к книге Марко Поло видит в многочисленности приведенных на карте географических названий вдоль берегов Каспия доказательство, что плавание по Каспийскому морю к этому времени сделалось для генуэзцев обычным явлением (*Марко Поло*. Изд. Юла. I, 61).
- ²³⁴ *Heyd*. Geschichte des Levantehandels. Bd II. S. 377.
- ²³⁵ По словам Низам ад-дина Шами (рук. Брит, муз., л. 476), пять лет; по словам Шериф ад-дина Йезди (I, 232), 5—6 лет.
- ²³⁶ СМИЗО. I. 243.
- ²³⁷ Помещена в ТЧРДМ. Т. IV [Чан-чунь / Пер. Кафарова]. Об этой карте ср.: *Bretschneider*. Researches. Vol. II. P. 3 (к этому же тому приложено воспроизведение карты).
- ²³⁸ *Lersch*. Khiva oder Kharezm. S. 21.
- ²³⁹ В сочинении Мусеви [Та’рих-и хайрат] (об этом историке см.: *Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 55; проток назван “протоком кагана”.
- ²⁴⁰ *Шериф ад-дин Йезди*. I. 235—243.
- ²⁴¹ *Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 149; *Макдиси*. 343; *de Goeje*. Das alte Bett des Oxus. S. 110.
- ²⁴² *Шериф ад-дин Йезди*. I. 244—245.
- ²⁴³ Там же, 252.
- ²⁴⁴ И здесь неправильно у Лерха (Khiva oder Kharezm. S. 39): “Bei Se-paje ging er über den Dscheihun”.

- ²⁴⁵ Мы видели, что к Сепая приводила та же дорога из Мерва.
- ²⁴⁶ *Шереф ад-дин Йезди*. I. 260—263.
- ²⁴⁷ Там же, 290—293.
- ²⁴⁸ Там же, 298—300.
- ²⁴⁹ Так по Абд ар-Раззаку Самарканди (рук., л. 736). Возможно, что постройка получила название по одному из зданий в окрестностях Ургенча. Еще при описании похода Шейбани на Ургенч (в начале XVI в.) в окрестностях Ургенча упоминается место Ак-Сарай, где остановился один из отрядов Шейбани, подошедший к Ургенчу по хивинской дороге (*Мухаммед-Салих*. Шейбани-наме. Изд. Вамбери. 392).
- ²⁵⁰ *Абд ар-Раззак*. Рук. Л. 876.
- ²⁵¹ Родословная тюрков. Изд. Демезона. II. 236.
- ²⁵² *Абд ар-Раззак*. Рук. Л. 876.
- ²⁵³ Здесь, вероятно, находился упомянутый выше “проток кагана”.
- ²⁵⁴ *Шереф ад-дин Йезди*. I. 447—449. У Лерха (Khiva oder Kharizm. S. 40) событие 1391 г. рассказано крайне неточно (“ließ er Kharizm wieder aufbauen and die Städte Kât und Khivaq (das jetzige Khiva) mit Mauern umgeben”).
- ²⁵⁵ Статья “К вопросу о впадении Амударьи”. Ср. текст: *Захир ад-дин Мар’аши*. 436.
- ²⁵⁶ *De Goeje*. Das alte Bett des Oxus. S. 48.
- ²⁵⁷ По-казахски.
- ²⁵⁸ Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 191а—198а) и писавший с его слов Абд ар-Раззак Самарканди (рук., л. 1946—1956).
- ²⁵⁹ Одинаковое чтение у Хафиз-и Абру (л. 1926) и у Абд ар-Раззака.
- ²⁶⁰ Эти сведения взяты из отчета русского посольства, опубликованного проф. Веселовским: ПДТС, II, 250. По всей вероятности, Шам и Сам — диалектические произношения одного и того же названия. Город мог находиться недалеко от озера (на Устюрте), которое и теперь носит название Сам.
- ²⁶¹ Основным источником сведений об этих событиях является Абд ар-Раззак (рук., л. 2326).
- ²⁶² *Бартольд*. Хафиз-и-Абру. С. 7—8; там же персидский текст по рук. Публ. библ. *Дорн* 290. Ср. английский перевод Ролинсона: PRGS. Vol. XI. P. 116 [заседание 11. III. 1867 г.]; немецкий перевод: *Roesler*. Die Aralseefrage. S. 245 sq.
- ²⁶³ *Глуховской*. Пропуск вод Амударьи. С. 199, 205.
- ²⁶⁴ *Бабур-наме*. Изд. Ильминского, 2; изд. Беверидж, л. 2а.
- ²⁶⁵ Ср. оригинальное стихотворение об участии киргизского народа, найденное М. С. Андреевым в одной старой рукописи (Старая киргизская элегия): “Была в старое время у нас река; называлась она Кызыл-Дарья; ее началом был Сейхун (Сыр-дарья); перерезывала она Кызыл-кумы до Джейхуна (Амударьи). Была культура везде, когда была река, но и она высохла по повелению бога”. В примечании это место приведено и в подлиннике.
- ²⁶⁶ Он родился, по словам его биографа, в 816/1413 г.
- ²⁶⁷ *Абд ар-Раззак* (рук., л. 240а).
- ²⁶⁸ Та’рих-и Абулхайр-хани (без пагинации).
- ²⁶⁹ Там же (рассказ о битве между Мустафой и Абулхайром).
- ²⁷⁰ В тексте неясное слово, вместо него в одной старой рукописи, виденной мною в Самарканде, стоит “мост”.
- ²⁷¹ Текст из Хабиб ас-сийар Хондемира (тегеран. изд., II, 244—246) опубликован мною в статье “К вопросу о впадении Амударьи”. Более короткое, но независимое от Хондемира известие об этом событии мы находим у Исфизари, автора истории Герата (ср. об этом труде СІРФ. Вд II. S. 339), в этом известии также упоминаются названия Адак и Агрыча (*Исфизари*. Рук., л. 2256, 233а).
- ²⁷² *Абулгази*. Родословная тюрков. Изд. Демезона. II. 235.

- ²⁷³ Early voyages. Vol. I. P. 69; *de Goeje*. Des alte Bett des Oxus. S. 30 [Соответствует городищу Дэв-кескен; *Толстов*. По следам. С. 53.].
- ²⁷⁴ *Абулгази*. Родословная тюрков. Изд. Демезона. II. 239.
- ²⁷⁵ Там же, 221, 224—225, 241.
- ²⁷⁶ Терсек упомянут у Абулгази (там же, 212) в качестве города, зависевшего от Везира, т.е. находившегося в северо-западной части Хорезма; более точного указания на его местоположение нет.
- ²⁷⁷ Рассказ Хондемира приведен, в тексте и русском переводе, В.В.Вельяминовым-Зерновым в его “Исследовании о Касимовских царях”. Ч. 2. С. 245—249 (перевод), 256—258 (текст).
- ²⁷⁸ По рукописи Аз. муз. 590 [Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме]. Л. 99а—103а. Это сочинение послужило источником для автора “Шейбаниады” (Шейбани-наме), изданной проф. Березиным в тексте и русском переводе (*Березин*. Библиотека. Т. I). В “Шейбаниаде”, по крайней мере по печатному изданию, текст *Нусрат-наме* часто сильно искажен.
- ²⁷⁹ Текст (л. 99б).
- ²⁸⁰ Л. 101а.
- ²⁸¹ Там же.
- ²⁸² Позднее [т.е. после первого издания этой работы] из другого источника (из персидской героической поэмы *Фатх-наме*, написанной в честь Шейбани; единственная рукопись в Самарканде) мною было опубликовано подробное описание осады Адака [Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.). С. 184 и сл.]. По этому рассказу Адак лежал на берегу бурного моря Кара-тенгиз (быть может, на Сарыкамыше). К сожалению, трудно решить, насколько автор придерживался в своей поэме фактической географической обстановки.
- ²⁸³ Географическое приложение входит в состав VII тома этого труда (ср. рук. ун-та № 292, л. 166, 196).
- ²⁸⁴ *Риттер*. Иран. С. 264 (из дополнений Ханыкова).
- ²⁸⁵ Историк, наиболее близкий к этим событиям по времени, Абд ар-Раззак Самарканди (писал в 875/1470—71 г.) под 864/1460 г. говорит только о бегстве Хусейна из Астрабада в Хорезм, без сообщения каких-либо подробностей (*Абд ар-Раззак*. Рук., л. 322б); под 868/1464 г. — о набеге Хусейна на Хорасан и Кухистан и возвращении в Хорезм через Мерв (там же, л. 333а).
- ²⁸⁶ *Elliot*. The History of India. Vol. IV. P. 141—142; GIPH. Bd II. S. 356.
- ²⁸⁷ Des alte Bett des Oxus. S. 20
- ²⁸⁸ Некоторые выдержки еще раньше были напечатаны, также в немецком переводе, Дорном (*Auszüge*. S. 36—43). Дорн “пользовался рукописью Брит. муз., де Гье — рукописью Лейденской библиотеки; третья рукопись находится в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде (по каталогу Эте [Sachau — Ethe. Catalogue], N 413). В петербургских библиотеках, насколько мне известно, нет экземпляра этого сочинения.
- ²⁸⁹ Примечание де Гье (*Das alte Bett des Oxus*. S. 23. Anm. 1): “Es ist aber in beiden HSS ein offener Schreißfehler, dass das Siah-Kuh vor Balkhan genannt wird”. Еще труднее объяснить опечаткой, что Сиях-кух вообще назван отдельно от Мангышлака.
- ²⁹⁰ Де Гье (*ibid.*, S. 24, Anm. 1) приводит примечание Дорна: “Die Angabe findet sich öfters, ist aber nicht genau”. Названия областей заимствованы у географов X в.; ср.: *Истахри*. 219.
- ²⁹¹ Та же цифра у Хамдаллаха Казвини (Нузхат ал-кулуб, рук. ун-та № 171. Л. 263а).
- ²⁹² В переводе Дорна (*Auszüge*. S. 40) дальше говорится об “очень вероятном” существовании подземного соединения Арала с Каспием, оканчивающегося водоворотом; расстояние между обоими морями — 8 дней, а по другим — 60 фарсахов (?). Приводится еще рассказ ездившего вдоль берега всадника о внезапной буре, причем вода

- дошла до груди его лошади, и рассказ мореплавателей о семи волнах, следующих при сильном ветре одна за другой, после чего море успокаивается.
- ²⁹³ У Дорна: в ширину.
- ²⁹⁴ Неизвестно, из какого источника заимствовано (безусловно неверное) показание.
- ²⁹⁵ Это место буквально соответствует тексту *Джахан-наме* (ср.: Бартольд. Туркестан. Ч. II. С. 73. Прим. 9).
- ²⁹⁶ Цифры также взяты из *Джахан-наме* (ср.: [Бекран. Джахан-наме], рук. Нац. б-ки, л. 191).
- ²⁹⁷ Явное искажение сведений географов X в. о канале Гавхорэ (“Коровья еда”; ср.: *Истахри*. 301; *Ибн Хаукаль*. 352; *Бартольд*. Туркестан. Ч. II. С. 143).
- ²⁹⁸ Такое же расстояние между тесниной и истоком канала Гавхорэ указано у Ибн Хаукаля (354); по Истахри (304) — только 3 фарсаха.
- ²⁹⁹ Начало и конец отрывка о Сырдарье буквально соответствуют тексту *Джахан-наме* (рук. Нац. б-ки. Л. 192). К сожалению, я в свое время не выписал полностью всего отрывка из этой рукописи, которой теперь у меня нет под руками; не могу поэтому определить, находится ли уже в источнике нашего автора допущенная им географическая ошибка (как известно, Ангрэн впадает в Сырдарью ниже Ахсикета и Ходжента). [Эта ошибка содержится уже в тексте *Джахан-наме* (см.: Бекран. Джахан-наме. Изд. Борщевского, л. 116).]
- ³⁰⁰ И здесь автор пользуется *Джахан-наме*. Слова об “известности” страны также принадлежат не Джурджани, а Бекрану; ср. персидский текст в моем труде: Туркестан. Ч. I. С. 81. Буквальный перевод слов Бекрана: “Между Хорезмом и Хорасаном есть известная пустыня, и состояние ее знают вследствие многочисленности очевидцев”.
- ³⁰¹ *De Goeje*. Das alte Bett des Oxus. S.27—28.
- ³⁰² Джурджани, конечно, слышал рассказы некоторых лиц, ездивших по Каспийскому морю и вдоль его берегов, что не помешало ему иметь крайне неточное понятие о бассейне Каспия вообще. Таким же образом Мас’уди, несмотря на всю неточность сообщаемых им сведений, лично совершил плавание из Абескуна в Табаристан и собирал сведения от купцов (*Мас’уди*. Мурудж. I. 274).
- ³⁰³ *Бакуви*, 532.
- ³⁰⁴ Там же, 514.
- ³⁰⁵ *Клавихо*. Изд. Срезневского. С. 225. Ср.: *Pumper*. Иран. С. 621. Ханыков, как и де Гье (*Das alte Bett des Oxus*. S.22), использовал также английское издание этого описания путешествия.
- ³⁰⁶ *Ибн Арабшах*. Изд. Мангера. I, 382. Ср. СМЗО. I, 464.
- ³⁰⁷ *Ибн Арабшах*. I, 376; СМЗО. I, 461; *Brockelmann*. GAL. Bd II. S. 29.
- ³⁰⁸ До нас дошел подробный рассказ об этом завоевании, принадлежащий Мухаммед-Салиху, участнику похода, хорезмийцу по происхождению (Шейбани-наме. Изд. Вамбери, 388—444). Шейбани шел по дороге через Кят (С. 390), причем через реку переправился только один отряд, отправленный по “Хивинской дороге” (С. 392). В Хорезме правил, в качестве наместника султана Хусейна, Чин Суфи и защищал Ургенч 10 месяцев; особенно выдающееся участие в обороне города принимало туркменское племя адак, которое понесло наиболее тяжелые потери (С. 432). Город был взят в пятницу 21 раби’ I 911/22 августа 1505 г. (С. 442).
- ³⁰⁹ *Абулгази*. Родословная тюрков. Изд. Демезона. II, 208—215. Кроме Абулгази о тех же событиях говорит несколько более ранний автор Хайдер Рази, по словам которого персидский наместник еще до прибытия узбеков был низложен Шерифом Суфи, очевидно представителем упоминающей кунратской династии (*Хайдер Рази*. Та’рих-и Хайдари, берл. рук., без пагинации).
- ³¹⁰ Дата правильно установлена проф. Н.И.Веселовским (Очерк историко-географических сведений. С. 129). Вообще во всех случаях, где в изложении Абулгази дата по

- хиджре не соответствует дате по животному циклу, более правильной оказывается последняя дата.
- ³¹¹ *Абулгази*. Родословная тюрков. Изд. Демезона. II, 78.
- ³¹² Атеком (собств. “Этек” — “край”) называется узкая культурная полоса к северу от гор Кюрен-Даг, Копет-Даг и пограничных гор Хорасана, теперь — преимущественно восточная ее часть с Абивердом. Развалины города Неса находятся примерно в 10 км западнее Ашхабада, Дурун лежал между Кызыл-Арватом и Геок-Тепе. [О Неса (Ниса) см.: Массон М. Городища Нисы; о Дуруне см.: *Литвинский — Мошкова*. Изучение Така-Языра, Дуруна.]
- ³¹³ *Das alte Bett des Oxus*. S. 54.
- ³¹⁴ *Ibid*. S. 53.
- ³¹⁵ *Абулгази*. Родословная тюрков. Изд. Демезона. II, 220.
- ³¹⁶ Там же, 221—228.
- ³¹⁷ *Хайдер Рази*. Та’рих-и Хайдари, берл. рук., ср. об этой рукописи *Pertsch. Verzeichniss*, № 418 (S. 410 sq.).
- ³¹⁸ Во главе посольства стоял, по *Абулгази*, сын Суфьяна Агыш-султан, который получил от шаха город Ходжент в Хорасане и мирно прожил здесь 30 лет, ни разу не покинув города для какого-нибудь похода (*Абулгази*. Родословная тюрков. Изд. Демезона. II, 228; I, 212). Между тем, по словам Хасана Таки, писавшего в 985/1577 г., Агыш-султан, хорезмийский царевич, принимал участие в битве Убейдуллы бухарского с персами в начале 1536 г., притом на стороне узбеков (рук. Публ. 6-ки *Дорн* 287, л. 59а; пагинация сделана неверно, с конца), а в 1539 г. — в битве Дин-Мухаммеда с бухарцами (там же, л. 51; ср. об этой битве *Абулгази*. Родословная тюрков. Изд. Демезона. II, 243—244).
- ³¹⁹ *Абулгази*. Родословная тюрков. Изд. Демезона. I, 207; II, 221—222. Перевод сделан нами вновь с подлинника ввиду некоторых неточностей в переводе Демезона.
- ³²⁰ Известно, почему г-н Коншин (Разъяснение. С. 177) начинает рассказ *Абулгази* словами: “В 880 г. хиджры”.
- ³²¹ Неточно у Демезона: “... d’ où le fleuve tournait (pendant quelque temps) vers le sud-ouest, pour se diriger ensuite à l’ouest”.
- ³²² В переводе Демезона: “Les deux rives... n’offraient qu’une suite de terres cultivées, de vignobles et de vergers”.
- ³²³ Как известно, такое племя (али-эли) существует и в настоящее время.
- ³²⁴ В этом случае употреблено два различных написания в арабской транскрипции.
- ³²⁵ *Абулгази*. Родословная тюрков. Изд. Демезона. II, 299.
- ³²⁶ Там же, 241. Между тем г-н Коншин помещает Пишгах “на берегу Каспийского моря” (Разъяснение. С. 178).
- ³²⁷ *Абулгази*. Родословная тюрков. Изд. Демезона. II, 222. Путем исследований на месте, вероятно, удалось бы точно определить местоположение Чутака.
- ³²⁸ Там же, 224—225. О племени тиведжи *Абулгази* в другом месте (II, 271) говорит, что оно состояло из 5—6 тыс. семейств.
- ³²⁹ *Das alte Bett des Oxus*. S. 46: “...seine Erzählung trägt im allgemeinen das Gepräge von Treue und Wahrheitsliebe”.
- ³³⁰ *Абулгази*. Родословная тюрков. Изд. Демезона. II, 338.
- ³³¹ *De Goeje*. *Das alte Bett des Oxus*. S. 49—50
- ³³² *Ibid*. S. 55.
- ³³³ *Ibid*. S. 47: “Dieser Widerspruch ist nicht zu heben”.
- ³³⁴ Родословная тюрков. Изд. Демезона. I, 214—217; II, 230 — 233.
- ³³⁵ В переводе Демезона (там же, II, 230): “endroit, où il (le fleuve) forme un coude”; у де Гье (*Das alte Bett des Oxus*. S. 53): “wo dieser (der Fluss) einen Winkel macht”. Как известно, термин тугай имеет более обширное значение; ср.: *Радлов*. Словарь. III, 1430 — “мель”. [Тугай — пойменный лес.]

- ³³⁶ *Абулгази*. Родословная тюрков. II, 239.
- ³³⁷ Там же. I. 224; II. 241.
- ³³⁸ Новое доказательство, что местность около порогов на Узбое была занята этим племенем. По Хасану Таки, л. 516 (об этом историке, называвшемся также Хасан Румлу, см.: GIPh. Bd II. S. 587), в войске Дин-Мухаммеда были также туркмены племенни али.
- ³³⁹ *Абулгази*. Родословная тюрков. I, 225; II, 241.
- ³⁴⁰ Там же. II. 253.
- ³⁴¹ *Early voyages*. Vol. I.
- ³⁴² Даты указываются крайне неясно и противоречиво; Дженкинсон говорит, что покинул Астрахань 6 августа (*Early voyages*. Vol. I. P. 59), а несколько ниже (*ibid*. P. 63), что он 2 августа покинул устье Яика.
- ³⁴³ Буквальный перевод (*Early voyages*. Vol. I. P. 64): “От этого мыса мы проследовали к гавани, называемой Mangoslaue. Место, где мы должны были достигнуть самой южной части Каспийского моря (т.е. самый южный пункт предполагавшегося плавания), находится в 12 лье внутри одного залива; но, так как мы были очень измучены и отброшены упомянутой бурей, мы были принуждены пристать к другой местности, на другой стороне залива, поперек упомянутого Mangoslaue, представлявшей очень низменную страну”. Между тем дальше (р. 66) Mangoslaue (Мангышлак) называется именно та страна, куда буря помешала пристать кораблю.
- ³⁴⁴ Вероятно, Кочак, между полуостровами Бузачи и Мангышлак. Так полагают и издатели (*Early voyages*. Vol. I. P. 64). Де Гье (*Das alte Bett des Oxus*. S.32) принимает мнение Ленца, по которому высадка произошла на северном берегу залива Кара-кичу.
- ³⁴⁵ *Das alte Bett des Oxus*. S.39.
- ³⁴⁶ *Early voyages*. Vol. I. P. 66. Рубль того времени представлял значительно большую ценность, чем нынешний.
- ³⁴⁷ Родословная тюрков. II, 254, 269—271.
- ³⁴⁸ Это число и приводимая дальше дата заставляют де Гье (*Das alte Bett des Oxus*. S.36) полагать, что дата 14 сентября относится ко дню отъезда из ставки Тимур-султана, а не ко дню оставления берега моря.
- ³⁴⁹ По мнению издателей, опечатка вместо “3-го”, так как 4-го произошел отъезд. Де Гье считает первую дату (5-го) правильной, а вторую (4-го) ошибочной, ввиду указанного выше числа дней путешествия (двадцать). По мнению де Гье, путешественники 6-го покинули Айбугир и 7-го прибыли и Везир. Но мы увидим ниже, что предположение о тождестве “залива” с Айбугиром маловероятно.
- ³⁵⁰ *Early voyages*. Vol. I. P. 67—68.
- ³⁵¹ *Ibid*. P. 69—70.
- ³⁵² У Лерха (*Khiva oder Kharezem*. S. 27) по ошибке: 14 и 16 декабря.
- ³⁵³ *Абулгази*. Родословная тюрков. II, 260.
- ³⁵⁴ *Early voyages*. Vol. I. P. 70—72.
- ³⁵⁵ *Ibid*. P. 74—75.
- ³⁵⁶ *Ibid*. P. 80—81.
- ³⁵⁷ *Ibid*. P. 94.
- ³⁵⁸ *Das alte Bett des Oxus*. S.32, 39—41.
- ³⁵⁹ Таково мнение издателей отчета Дженкинсона (*Early voyages*. Vol. I. P. 74). Замечательно, что такого взгляда держится г-н Коншин (Разъяснение. С. 177), утверждающий, однако, что Сарыкамыш никогда не был совершенно пресным, а только “полупресноводным” озером (Там же. С. 99).
- ³⁶⁰ *Early voyages*. Vol. I, против с. СХХ. Карта помещена также в издании: *Hommaire de Hell*. Les steppes. Ср. теперь также: *Берг*. Аральское море. С. 30. Карта составлена самим Дженкинсоном в 1562 г.

- ³⁶¹ Возможно, что под двумя рукавами реки следует понимать Даудан и Куныдарью, что главным руслом считался Даудан и что Куныдарья упоминается у Хондемира под названием “протока Асафа”.
- ³⁶² *De Goeje*. Das alte Bett des Oxus. S. 81.
- ³⁶³ *Абулгази*. Родословная тюрков. I, 291; II, 312.
- ³⁶⁴ У де Гюе (*Das alte Bett des Oxus*. S.29) ошибочно: 1605 г.; ошибка возникла вследствие того, что сам Абулгази неправильно отождествил год зайца (1603), в котором он родился, с 1014/1605—06 г. (*Абулгази*. Родословная тюрков. I, 291; II, 312). Там, где у Абулгази дата по циклу не совпадает с датой по хиджре, повсюду, как показывает сопоставление этих дат, правильным является циклический год.
- ³⁶⁵ *De Goeje*. Das alte Bett des Oxus. S.79.
- ³⁶⁶ Таким же образом известное селение Хаваст в Голодной степи (где ныне узловая станция Черняево) в письменных источниках всегда носит название Хаваст [ныне город Хаваст, станция Урсатьевская].
- ³⁶⁷ *Абулгази*. Родословная тюрков. I, 230—231; II, 247.
- ³⁶⁸ Там же. I. 280; II. 301. Там же сказано, что место Куйгун находилось “по сю сторону от Бакыргана”; дальше мы увидим, что, по русским источникам, “застава” Куйгу, или Куйгун, находилась в 20 верстах от Ургенча, на пути из России. По этим данным можно скорее предположить, что имеется в виду, вопреки мнению де Гюе, один из западных каналов, направлявшихся к Айбугиру. Ср. также рассказ Абулгази о бегстве царевича Касим-султана ночью из Ургенча и о прибытии его на рассвете в болотистый лес “между Буру-кыры и Куйгуном” (там же, II, 250).
- ³⁶⁹ *De Goeje*. Das alte Bett des Oxus. S.57. По новейшим сведениям (1907 г.), этот рукав в настоящее время совершенно пересох, ср.: *Бере*. Аральское море. С. 554.
- ³⁷⁰ *De Goeje*. Das alte Bett des Oxus. S. 56.
- ³⁷¹ *Ibid*. 78—80. По Лерху (*Khiva oder Kharezm*. S. 9), крепость Бенд находилась на левом берегу реки, в 30 верстах ниже города Кипчака.
- ³⁷² *De Goeje*. Das alte Bett des Oxus. S.71.
- ³⁷³ *Ibid*. S. 76.
- ³⁷⁴ *Ibid*. S. 74.
- ³⁷⁵ *Бартольд*. Хафизи-Абру. С. 10. В лейденской рукописи [Сейфи] (От. 917), которой я пользовался, нет имени автора, но отрывки из того же сочинения (не относящиеся к Хорезму) приведены Шефером (во французском переводе) в приложении к его переводу сочинения Абд ал-Керима Бухари [6 (введ.), 292 и сл.]. Что местность вокруг Ургенча и Везира именно тогда запустела вследствие перемены течения, упоминает также Махмуд ибн Эмир Вели, автор Бахр ал-асрап (ср. об этом сочинении GIPH. Bd II. S. 362; упоминаемая Эте [Ethe. Catalogue Ind. Off.] рукопись Ind. Off. 1496 содержит только четвертую часть, первые три части сохранились в одной рукописи, найденной мной в Ташкенте, ср. об этом: *Hartmann*. Der Islamische Orient. Bd I. S. 290). Отрывок об осаде Везира Абдулла-ханом в 1593 г. (упоминаемой также: *Абулгази*. Родословная тюрков. II, 280) переведен мной в “Туркестанских ведомостях”. Там говорится, что река в это время покинула свое прежнее русло и приняла “разрушительное направление” (самт-и касиф); хан приказал копать колодцы в старом русле, но и они вскоре высохли.
- ³⁷⁶ Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме, л. 1026; Шейбани-наме. Изд. Березина. С. LXII (перевод), 70 (текст).
- ³⁷⁷ *Абулгази*. Родословная тюрков. II, 212.
- ³⁷⁸ *De Goeje*. Das alte Bett des Oxus. S. 65.
- ³⁷⁹ *Абулгази*. Родословная тюрков. II, 236—237.
- ³⁸⁰ Там же. 216.
- ³⁸¹ *Веселовский*. Очерк историко-географических сведений. С. 146.

- ³⁸² *Абулгази*. Родословная тюрков. II, 286.
- ³⁸³ Там же. 319.
- ³⁸⁴ Там же. 328.
- ³⁸⁵ Там же. 331.
- ³⁸⁶ Там же. 338.
- ³⁸⁷ *De Goeje*. Das alte Bett des Oxus. S. 29—30. Ср.: *Абулгази*. Родословная тюрков. II, 67.
- ³⁸⁸ *Ханыков*. Пояснительная записка. С. 307; *Веселовский*. Очерк историко-географических сведений. С. 151.
- ³⁸⁹ Термин “Юргенский хан” употребляется еще в грамотах начала XVIII в. (ср.: *Веселовский*. Очерк историко-географических сведений. С. 161). В связи с окончательным запустением северо-западной части ханства находится, по всей вероятности, возникновение городов Везира и Ургенча в южной части Хорезма. Время возникновения этих городов точно неизвестно, но во всяком случае они существовали еще в первой половине XVIII в. Гладышев и Муравин, бывшие в Хиве в 1741 г., называют первым городом ханства на пути из Оренбурга Гурлянь (Гурлен); дальше следовали города Везирь, Кент (Кят, на левом берегу), Шабас (Шахабад), Казабат (Газават), по ту сторону Хивы: Ханки, Ургенч, Адарус (Хазарасп?), Бетняк (Питняк) и Аксарай (*Ханыков*. Пояснительная записка. С. 276).
- ³⁹⁰ *Абулгази*. Родословная тюрков. II, 293—294.
- ³⁹¹ Там же 298.
- ³⁹² Там же 338, 343 и сл.
- ³⁹³ *Карамзин*. История. Т. VIII. Прим. 415.
- ³⁹⁴ ПДТС. I. 162.
- ³⁹⁵ ПДТС. II. 270
- ³⁹⁶ Тезиками (собств. таджик=перс) в русских сведениях этого времени называются купцы восточного происхождения.
- ³⁹⁷ ПДТС. II. 250.
- ³⁹⁸ Там же. 303.
- ³⁹⁹ Там же. 302.
- ⁴⁰⁰ Там же. 277.
- ⁴⁰¹ Там же. 300.
- ⁴⁰² Там же. 280.
- ⁴⁰³ Там же. 250—251.
- ⁴⁰⁴ Большой Чертеж. С. 72—73, 75—76. В примечаниях отмечены разночтения. Издатель пользовался двумя печатными изданиями (1773 и 1792 гг.) и семью рукописями. [Ср. теперь новое издание: Книга Большому Чертежу. С. 94—95.]
- ⁴⁰⁵ До усть.
- ⁴⁰⁶ 250.
- ⁴⁰⁷ Аргас, Азар, Арзан, Арзар.
- ⁴⁰⁸ Амедария.
- ⁴⁰⁹ Урок, Урак.
- ⁴¹⁰ 250; осмнадцать.
- ⁴¹¹ Тех песков.
- ⁴¹² Аракум, Арашка.
- ⁴¹³ Пропущено в двух рукописях.
- ⁴¹⁴ Агус... В печатном тексте Урус, по неудачной поправке издателя (“правильнее урус, как называется по-татарски бык”). Как известно, слово *уеуз* значит и “проток”, и “бык”.
- ⁴¹⁵ Юргенского, Юргевского.
- ⁴¹⁶ Юргечь.
- ⁴¹⁷ По Спасскому (Большой Чертеж. С. VII), эти версты “могли быть в 1000 и 700 сажень”. Де Гье (*Das alte Bett des Oxus*. S. 83) считает 50 старых верст равными 70 но-

- вым. Напротив, у А.М.Коншина (Разъяснение. С. 146) сказано, что “старая верста равна $\frac{1}{5}$ теперешней”. Теперешняя верста=500 сажен=1,06 км [точнее 1,067 км].
- ⁴¹⁸ Воды.
- ⁴¹⁹ Зеравшан совсем не упоминается, и сказано, что “к Бухару граду, и во всю землю Бухарскую, из Сыра реки разведены воды по пашням” (Большой Чертеж. С. 75).
- ⁴²⁰ Early voyages. Vol. 1. P. 60.
- ⁴²¹ *De Goeje*. Das alte Bett des Oxus. S. 82—83: “Der Arsas (Argas) der Grossen Karte ist ebenso der Irtysch”.
- ⁴²² Большой Чертеж. С. 205.
- ⁴²³ *De Goeje*. Das alte Bett des Oxus. S. 83.
- ⁴²⁴ Выводы В.В.Бартольда о нижнем течении Амударьи в исторический период не терпели серьезных поправок, несмотря на многочисленные геологические и археологические исследования, проведенные за последние десятилетия. Однако эти исследования, не меняя существа выводов В.В.Бартольда, позволяют уточнить ряд положений и проиллюстрировать некоторые из них конкретным материалом. В этом отношении много дали исследования Сарыкамыша и Узбоя, проведенные Хорезмской экспедицией в 1950—1956 гг., которым посвящен специальный выпуск “Материалов” этой экспедиции (Низовья Амударьи; там же указана литература).

Сейчас можно считать установленным, что в течение всего неолита через Узбой стекала вода из большого Сарыкамышского озера, куда впадала Амударья; на рубеже III и II тысячелетий до н.э. произошел прорыв вод Амударьи на север в Аральское море через Акчадарью. Поступление воды в Сарыкамыш сократилось, к середине I тысячелетия до н.э. Узбой окончательно пересох, а вскоре вода Амударьи перестала доходить и до Сарыкамыша (Низовья Амударьи. С. 23—25). Причиной этого в значительной мере было создание обширной ирригационной системы, изменившей водный режим дельты.

После разрушения ирригационной системы Хорезма, вызванного монгольским нашествием, часть воды Амударьи вновь стала течь к Сарыкамышу, уровень воды в нем поднялся до 50 м над уровнем моря, но недостаточно для того, чтобы образовался сток по Узбою. Затем уровень Сарыкамыша несколько понизился, но в конце XIV в., после разгрома Хорезма Тимуром, произошел новый прорыв Амударьи, в результате которого вода в Сарыкамыше достигла наивысшего за историческое время уровня — не менее 53—54 м над уровнем моря. “В моменты максимального подъема уровня Сарыкамышского озера вода могла переливаться в Узбой, но лишь в небольших количествах и ненадолго. Именно к этому времени (1393—1417) относятся наиболее важные свидетельства восточных авторов об обводнении Узбоя” (Низовья Амударьи. С. 29—31).

Сток значительной части вод Амударьи в Сарыкамыш подтверждается заметным понижением уровня Аральского моря, в котором в связи с посолонением началось осаждение гипса. В XV в. наблюдается понижение уровня Сарыкамыша, прерванное в начале XVI в. временным повышением. Окончательно поступление воды в Сарыкамыш прекратилось на рубеже XVI—XVII вв. К этому времени относятся сообщения Абулгази о повороте Амударьи в Аральское море.

Таким образом, выводы В.В.Бартольда, основанные на изучении письменных источников, в самом главном выдержали проверку временем. Тщательные комплексные исследования русла Узбоя показали лишь, что сток по нему был более кратковременным, чем это предполагал В.В.Бартольд, — не с XIII по XV в., а самое большее несколько десятилетий в конце XIV — начале XV века. Кроме того, некоторому пересмотру и уточнению подверглась локализация караван-сарая на караванном пути по Узбою, но сведения, на которые он опирался, оказались достоверными и подтверждаются объективными данными.

А. И. Бутаков — исследователь Аральского моря (к 150-летию со дня рождения)

В. В. Хлопов

Алексей Иванович Бутаков родился 19 февраля 1816 г. в г. Кронштадте в морской семье. Его отец, флота капитан Иван Иванович Бутаков, с детства приучил своего старшего сына к морю. Брат Алексея Ивановича, адмирал Григорий Иванович (1820—1882), был активным участником обороны Севастополя.

В 1832 г. Алексей Иванович окончил морской кадетский корпус с присвоением звания мичмана. Ежегодно плавая по Балтийскому морю, Бутаков деятельно готовился к кругосветному плаванию, которое он совершил в 1840—1842 гг. на транспорте “Або” по маршруту Кронштадт — мыс Доброй Надежды — Камчатка — мыс Горн — Кронштадт. Алексей Иванович вернулся из этого плавания опытным моряком.

В начале 1848 г. Бутаков был назначен для съемки и описи берегов Аральского моря. На это дело Бутакова рекомендовал князю А. С. Меншикову знаменитый кругосветный мореплаватель Ф. Ф. Беллинсгаузен. В Оренбурге под наблюдением Бутакова была построена весной 1848 г. двухпушечная шхуна “Константин” длиной 16 м и доставлена на Сырдарью, откуда 30 июня шхуна вышла в море для описи. В экипаж этой шхуны, в составе 27 человек, входил также находившийся в ссылке писатель Т. Г. Шевченко, который был известен и как художник. Бутаков поручил ему зарисовку береговых видов моря. В течение двух месяцев были проделаны общая рекогносцировка Арала, промер глубин, определение широт; открыта группа островов Возрождения.

В 1849 г. работы по описи Аральского моря длились 5 с половиной месяцев. Съемка проводилась как с моря, так и с суши; делались астрономические определения, собирались коллекции ископаемых и гербарий приаральской флоры.

На основании съемок Бутакова в 1852 г. Гидрографическим департаментом Морского министерства была издана морская карта Аральского моря. Это доставило Алексею Ивановичу Бутакову заслуженную славу и широкую известность. В том же году Бутаков вернулся с Аральского моря в Петербург и был командирован в Швецию для заказа двух судов для Аральской флотилии. В 1852 г. пароходы “Перовский” и “Обручев” в разобранном виде были доставлены Бутаковым на Аральское море. Летом 1853 г., находясь на пароходе “Перовский”, Бутаков отличился при взятии кокандской крепости Ак-Мечеть. Осенью 1854 г. Аральская верфь была перенесена в Казалинск.

В 1855 г. Бутаков сделал опись Сырдарьи на 85 км выше Кызыл-Орды. Он получил звание капитана 2-го ранга, а в 1856-м — капитана 1-го ранга. Летом 1858 г. Бутаков плавал с судами Аральской флотилии по Амударье до Кунграда для содействия посольству в Хиве. В 1859 г. с десантом в 140 человек он произвел военные действия у Кунграда, а затем сделал опись Амударьи вплоть до Нукуса. 1 января 1860 г. был вызван в Петербург и командирован в Англию и США для заказа двух пароходов для Аральской флотилии. В 1862 г. пароходы “Арал” и “Сыр-Дарья” были уже спущены на воду в Казалинске. Летом 1863 г. Бутаков проводил опись Сырдарьи от Перовска (на протяжении 807 км).

В 1864 г. он был переведен на Балтийское море и переехал в Петербург после 15-летней службы в Приаральском крае. За свою службу Алексей Иванович был произведен в контр-адмиралы. Осенью 1868 г. он заболел и в июне 1869 г. скончался на 54-м году жизни.

Научные заслуги Бутакова были оценены во всем мире. Еще в январе 1848 г. он был представлен в члены Географического общества. С 1867 г. и до конца своих дней А.И. Бутаков являлся членом Совета Географического общества.

За исследования Аральского моря по предложению А. Гумбольдта в 1853 г. был избран почетным членом Берлинского географического общества. В мае 1867 г. Лондонское географическое общество присудило А.И. Бутакову медаль за исследования в Аральском море и в устье Амударьи.

Баку

А. Ф. Писемский

Наконец я был в море. Адмирал пошел в Баку и пригласил меня. В девять часов утра вышли мы из Астрахани. Я еще хорошо помнил мою поездку на Бирючью косу, но на этот раз дула моряна: ни Княжеская, ни Харбайская, ни даже Ракушинская россыпи нас не задержали. К пяти часам мы прошли Волгу, подошли к Бирючьей косе и пересели на большой пароход “Тарки”. Впереди, за Знезинской россыпью, виднелся четырехбукторный маяк, место для которого будто бы еще выбрано было Петром Великим, а там уж и море, настоящее море; но дальше мы не пошли: дул свежий ветер, и пароход не в состоянии был выгрести.

Проснувшись на другой день поутру, я по стуку машины догадался, что мы идем, поспешил одеться и вышел на палубу. Надо мной было небо, а кругом вода. Приятное и вместе с тем какое-то боязливое чувство овладело мною; на телеграфях, на железной дороге, на пароходах как-то невольно начинаешь больше уважать человека, больше верить в силу его разума, видя, как он почти с волшебной силой пробегает пространства, на враждебной ему среде строит себе дом, заставляет этот дом слушаться руля; воспользовался ветром, изобрел компас, наконец приложил новый двигатель — пар; но, с другой стороны, сильна и неразумная стихия; новичков обыкновенно пугают качкой, и это еще, говорят, ничего, — но бывает шторм: руль сломан, компас бесполезен, пар бессилен. При этой мысли мне невольно захотелось увидеть хоть бы где-нибудь вдали землю.

— Будут ли на нашем пути острова? — спросил я штурманского офицера.

— Нескоро; ближе всех Тюлений остров, да и тот вряд ли увидим, — отвечал он.

“На землю, стало быть, рассчитывать нечего”, — подумал я. Между тем задул небольшой ветерок, нанесли облака, и стал накрапывать дождик.

— Непогодь делается, — сказал я простодушно капитану.

— Какая непогода? — спросил он.

— А ветер и дождик, — отвечал я.

— Это хорошо, зыбь скорей уляжется, — объяснил он мне. У моряков на все свой расчет.

Тюленьего острова мы действительно не видали, но зато видели целый косяк тюленей: там и сям стали показываться на море одно, два, более двадцати черных пятен; вынырнут, поиграют и скроются, а потом опять вынырнут. Хоть все это не очень любопытно и живописно, однако среди морской пустыни нас заняло на целый час.

К вечеру на другой день мы подошли к острову Чечень; но было уже темно, так что я едва рассмотрел что-то зеленеющее вдаль.

— Вот мы теперь в настоящем море, — сказал мне поутру адмирал.

— А там? — спросил я, указывая назад.

— Там лужа, мелко, а здесь глубоко.

— Глубоко?

— Да, совсем дна нет, нельзя смерять, — отвечал адмирал.

“Мало что я в море, да еще в бездонном”, — подумал я и невольно посмотрел на ровно идущие одна за другой волны, которые как будто бы похожи на речные, только шире разливаются и совершенно аквамаринового цвета; а там, внизу, под водою, продолжал я рассуждать сам с собой, поглощены, может быть, горы, леса, города. Предположение, что море Каспийское некогда было соединено с морем Черным, не имеет в настоящее время никакого сомнения. Начиная от Кубани через всю землю Войска Донского и поднимаясь выше вплоть до Каспия, можно проследить одни и те же породы раковин, одинакового свойства наносный грунт, всюду раскиданы соленые озера, озерки, ясно свидетельствующие, что некогда все это пространство было морским дном. Но куда девалась вода? Испарения тут недостаточно. Я говорил об этом любопытном факте с Бэрром. Он полагает, что Каспийское море в соединении с Черным занимало только северную часть свою, но последовавшим действием вулканических сил подняты восточные Кавказские горы, и образовалась пропасть, составляющая ныне южную часть Каспия, вода хлынула в нее, мелкие места обмелели еще более, обсушились, и море разделилось.

К полудню на горизонте забелелось что-то вроде туманной полосы — это Кавказские горы. Чем дальше, тем берег виднее, наконец показалась и Два Брата, два огромные камня, стоящие вдаль от берега и на довольно значительной глубине. Адмирал желал бы устроить здесь маяк; но как его укрепить от напора волн и ветров? Мы знаем, сколько хлопотали англичане со своим Эддистонским маяком. Вставши в параллель с камнями, мы увидели на них целую стаю тюленей, выстрелили из пушки ядром и не убили ни одного: все нырнули в море.

Апшеронский пролив был уже недалеко: его образует морской берег и голый, пустой, низменный остров, называемый Святым, от могилы какого-то

благочестивого дервиша, на поклонение которой ходили некогда персияне. На берегу между тем показалась башня, потом другая, третья. Кавказское предание говорит, что это сторожевые башни, построенные Александром Македонским (Искендером), который, между нами сказать, совсем и не бывал в этих краях.

Вечером обогнули мы Шахову косу и вошли на Бакинский рейд, а к утру подтянулись к пристани. “Где ж Баку?” — спросил я, входя на палубу; мне указали на другую сторону. Я обернулся и чуть не вскрикнул: впечатление мое очень походило на впечатление человека, который вдруг неожиданно взглянул на театральную сцену, где давали какой-нибудь восточный балет. Представьте себе дугообразный морской залив, в недалеком от него расстоянии крепость, над которой идут, возвышаясь по берегу, белые, без крыш, вроде саклей, домики и, образуя как бы пирамиду, коронуются ханским дворцом с высоким минаретом. Ко всему этому прибавьте благораствореннейший воздух, которым грудь не насытится. Сначала я думал, что это личное мое ощущение, но оказалось, что и другие то же самое чувствуют: сухой и горный, притекает он с берега и здесь увлажняется и смягчается морем и пропитывается нефтяными газами. “Душа наша” — называют персияне Баку за ее климат. Для наших астрабадских крейсеров она служит лечебницей: часто болезненные и изнуренные лихорадкой, приезжают они из Астрабада в Баку — и в неделю поправляются.

В настоящее время есть предположение устроить в Баку порт. Адмирал со своими офицерами объездил для испытания всю бухту: глубина оказалась достаточною, грунт для якорных стоянок удобный, а защиту от ветров мы сами испытали; в день нашего приезда к вечеру задул сильнейший SO, а пароход хоть бы колыхнулся. Говорят, еще Петр Великий, по своему гениальному историческому провидению, думал связать Кавказ с Россиею — Каспийским морем. Дело, по-видимому, очень простое; достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, какие преимущества представлял этот естественный и самой природой устроенный путь; но истина редко дается человеку прямо в руки: целое столетие мысль эта была забыта, и только в настоящее время является она снова в своей неотразимой силе.

По общему желанию мы прежде всего пошли осматривать ханский дворец и, пройдя таможеню, тотчас же должны были подниматься в гору. Прелесть первого впечатления Баку совершенно пропадает, когда войдешь вовнутрь ее. Кто не бывал в азиатских городах, тот представить себе не может, что такое бакинские улицы: задние, грязные закоулки наших гостинных дворов могут дать только слабое о них понятие; мы шли между стенами без окон по двое в ряд, и уж третий с нами не устоял бы; над собой видели только полосу неба, а под ногами навоз. Задыхаясь от усталости мы добрались наконец до обиталища властителей. Каково оно было в свое время внутри, судить невозможно: в главном здании теперь сделаны казармы, а в мечети хранятся оружие и артиллерийские принадлежности. Наружный вид сохранился еще довольно цельно: галерея,

идущая вокруг дворца, и некоторые входы, украшенные резьбой, прекрасны; видимо, что это дело греков и никак не персидского вкуса; но что лучше всего, перед чем действительно можно простоять несколько минут в восторге — это вид с террасы на спускающуюся вниз уступами Баку, на раскинувшееся в стороне предместье и, наконец, на море, уставленное судами и сливающееся вдали с горизонтом, и все это как бы облитое ярким солнечным светом.

Из ханского дворца мы пошли к чрезвычайно высокой башне в левой стороне крепости. Вероятно, это был прежде тоже сторожевой пункт, но народное воображение, назвав ее Девичьей башней, украсило такого рода преданием, что один из древних ханов воспылал страстью к родной своей дочери и долго склонял ее на свои преступные желания; дочь противилась, наконец объявила, что готова разделить любовь в таком только случае, если для нее построена будет на берегу морском особая башня. Безумный отец согласился и выстроил эту самую башню. Дочь перешла, и в ту же ночь, спасая свое девство, бросилась в море.

Осмотрев, таким образом, город, мы предприняли прогулку на море. Верстах в двух от пристани и в очень недалеком расстоянии от берега, на шестифутовой глубине, существует подводное здание; оно состоит из нескольких башен, между которыми идет стена, внизу у башен есть на морское дно сходы уступами, наподобие лесенки. Вообще вид его совершенно напоминает некогда бывший караван-сарай, но каким образом он очутился под водою? Предания об этом, как водится, и бестолковы и противоречат друг другу: одни говорят, что уровень моря поднялся, а другие, наоборот, рассказывают, что прежде море обмывало основание Девичьей башни, которая теперь стоит довольно далеко на берегу. Всего, кажется, вероятнее объяснить это явление присутствием в огромном количестве нефтяного газа по всему Бакинскому полуострову, который заставляет предполагать пустые пространства в самом материке; очень может быть, что над одной из этих подземных пустот берег обрушился и с находившимся на нем зданием опустился на дно морское; но в таком случае трудно понять, каким образом при провале каменное строение могло так целно сохраниться.

От караван-сарая мы отправились дальше. Темнело, море слегка колебалось и вместе с небосклоном более и более тускнело, как бы подергиваясь матовыми черноватыми пеленами. Верст через шесть нас вдруг обдал сильный запах нефти, и мы рассмотрели, что море невдалеке от нас слегка пенилось и шипело. Подъехав к месту, мы бросили зажженную пеньку: вспыхнуло яркое-светлое пламя и разлилось на большое пространство*.

На другой день приехал шемахинский губернатор для совещания с адмиралом по случаю устройства порта и пригласил нас съездить на так называемые индийские огни. Близ селения Суруханы почва до того пропитана неф-

* Здесь отделяется углеводородный газ, как продукт нефти. — *Прим. автора.*

тью и углеводородным газом, что стоит на каком угодно месте раскопать немного землю, приложить огня — и тотчас появится пламя, которое не угаснет до тех пор, пока его не задувет ветер. На месте этом существует монастырь, обитаемый огнепоклонниками. Несколько лет тому назад некто индейский купец Собра-Магундас, откупщик сальянских рыбных промыслов, покровительствовал обители, и в ней было до восьмидесяти отшельников; но в персидскую кампанию он разорился, обитель оскудела в средствах, братия перемерла, новые не приходили, и теперь налицо оставалось только всего двое. Самое ближайшее, по-видимому, предположение — что монастырь устроен персидскими огнепоклонниками (гебрами), но выходит не так: наш ориенталист Березин, в своем путешествии по Дагестану и Закавказью, положительно говорит, что на Апшеронском полуострове никогда не было собственно гебров, а всегда обитали индусы, которых иные ученые, как, например, Лангле и Сузани, принимали за гебров; исповедуемая ими религия, обряды, идолослужение, язык, родина и наконец самая физиономия — все говорит об их индийском происхождении. Персидские гебры, с которыми г-н Березин имел случай познакомиться в Тегеране, не имеют ничего общего с индусами апшеронскими и на вопрос его о бакинских неугасаемых огнях отвечали отрицательно и даже с любопытством спрашивали: “Что это у вас там за атешгар? Нам и дела нет до него. Огонь мы уважаем как начало, но никакого почтения к бакинскому атешгару не питаем”.

Часов в пять вечера мы отправились на огни в трех экипажах; впереди нас скакали казаки, и сзади конвоировали комендант и несколько морских офицеров верхами. Дорога шла довольно ровная, и я с любопытством оглядывал окрестности: последнее время я видел то великолепный Невский проспект, то холодные, но прелестные и сотни тысяч стоящие дачи на Крестовском, на Елагине, то Неву с ее пароходами, то мертвые приволжские степи, то грязные улицы Астрахани; но вот наконец передо мной старые знакомые — хлебные поля, и какие поля: земля здешняя удобрения не знает, пашут ее, едва поднимая верхний дерн, а между тем пшеница родится сам-восемьдесят. Припоминая кровавые труды наших северных мужиков, я невольно подумал: что бы они сделали на этой почве? Или, может быть, так же бы обленились, как ленив и здешний туземец?

Подъезжая к монастырю, мы увидели бедно одетую толпу народа с музыкантами, которые при нашем приближении заиграли на зурнах, заколотили в барабаны. Напрасно я старался в этих оглушительных звуках словить хоть какое-нибудь сочетание: каждый, кажется, выколачивал и выигрывал, что ему вздумалось и захотелось. Утешив нас музыкой, старшие из народа предложили видеть их пляску: для этого один из музыкантов снял с себя верхний кафтан, сапоги и пошел выхаживать, складывая руки, нагибая голову и закатывая глаза, а между тем музыканты старались, насколько сил хватало, особенно зурнисты, у которых от напряжения лица были красные и глаза налились

кровью. Окружающая толпа народа принимала, в свою очередь, тоже немалое участие: кто прихлопывал в ладоши, кто прикрикивал, и вообще приветствовали нас с самым неподдельным и искренним радушием. Мне объяснили, что все это татары, хоть они совершенно непохожи на татар астраханских: горский характер ярко отпечатывается и в одежде, и в стройном складе тела, и в каком-то благородном и воинственном выражении лиц.

В монастырских воротах нас встретили двое индусских отшельников, желтолицых, худых и босиком. Один из них уж несколько лет исполняет положенный на себя обет нечесания волос, и потому можно судить, в каком положении была его голова; другой тоже, кажется, не чешется, но уж так, без куска.

В центре монастырской площадки стоял главный жертвенник — что-то вроде каменной, на четырех столбах беседки. Один из индусов принялся зажигать огни: сначала он бросил огня на пол беседки, и пламя вспыхнуло, потом поднес на длинных шестах огня к верхушкам столбов — и те запылали. Но, кроме того, нам хотелось еще видеть их богослужение; оказалось, что это довольно нетрудно. Отрекшиеся от мира подвижники в надежде получить какой-нибудь рубль серебра совершают обыкновенно свои священнодействия для всякого путешественника, в какое угодно время и насколько тому желается. Мы вошли в их моленную — это была небольшая комната с купольным сводом, в одном углу ее помещался жертвенник, на котором стояли колокольчик, раковины, вода в чашечке и медные истуканчики. Я взял одного из них и спросил индуса, что он изображает? “Баба-Адам”, — отвечал он. “А другой?” — “Абель”, — отвечал он. “А этот, третий?” — “Дьявол!” Словом, пустынножитель, не зная сам хорошенько, болтал мне, что только пришло ему в голову. Свое молебствие индусы совершают обыкновенно нагие, но с нами были дамы, и потому им запретили выполнение этих подробностей, и они начали с того, что в нескольких местах зажгли проведенный в трубочки газ; один из индусов сел на корточки перед жертвенником, что-то зачитал, потом покадил, кажется, кипарисом, позвонил в колокольчик, а другой, нечесаный, стоя у стены и понутив голову, бил в тарелочки. В моленной между тем была невыносимая жара и какой-то удушающий серный запах.

— Будет!.. — сказал, махнув рукою, уездный начальник, сам задыхавшийся и заметивший, что все мы, посетители, побледнели до обморока. Индусы остановились и пошли нас обходить, поднося на маленьком блюдечке кусочки леденца, который мы брали и клали им за это деньги, чем они, кажется, остались весьма довольны, потому что кланялись нам, улыбались и прижимали руки к сердцу.

После идолослужения оставалось осмотреть еще два колодца, вырытые поселянами неподалеку от монастыря. Получаемая из них вода была довольно годная и отзывалась только немного нефтью, но, кроме того, в ней случайно заметили такое свойство, что если колодец закрыть ненадолго досками, потом

бросить огня на воду, то на поверхности ее вспыхивало пламя. Все это стали показывать как фокус путешественникам, но года два тому назад в одном из колодцев пламя разгорелось, его оставили непогашенным, и на другой день, к ужасу, увидели, что в колодце воды уже не было ни капли, а вместо нее зияло огненное жерло, которое горит и до сих пор и в которое мы заглядывали. Вероятно, зажженный газ передал пламя нефти, находящейся на дне колодца, вода испарилась, и образовалось что-то вроде маленького вулканического кратера.

Осматривать больше было нечего; порядком усталые, мы вошли в небольшую башенку, устроенную над монастырскими воротами, и стали тут пить чай. Музыканты перебрались за нами и уселись на стене, переменяя на этот раз свои инструменты: один надувал что-то вроде флейты — дюдюк; другой бил в бубны — каваль; у третьего была как будто бы скрипка — каманчар; у четвертого гитара с проволочными струнами — сас; барабан — нагара и зурна. Заиграли они песню, и как будто бы несколько поскладнее прежнего; но вот один из музыкантов, кажется, гитарист, запел или, скорее, завизжал, как будто кто-нибудь ущипнул его за руку или за ногу и немилосердно жал. Наступившие темные сумерки придали всей картине какой-то фантастический характер. Эта толпа народа, наигрывающие музыканты, желтолицые индусы и наконец наши дамы в шляпах и бурнуссах, мы в шинелях, мундирах, аксельбантах и все освещенные ярким пламенем пылающих огней казались какими-то огнепоклонниками, пришедшими совершать поклонение великой стихии.

Но обратный наш поезд в Баку совершился еще того торжественнее и был почти царственный: кроме нашей конницы, нас конвоировали верхами человек тридцать татар с зажженными факелами из нефти, по-здешнему — машалами. Среди темной ночи раздавались лошадиный топот, крики и перебранка гарцюющих взад и вперед татар, ярко пылали машалы, с которых сдуваемый ветром огонь сыпался на землю. Когда у кого-нибудь из машальников пламя ослабевало, его нагонял молодой татарчонок и на всем скаку подливал в машалу нефть; напрасно лошади фыркали и рвались в сторону от огня: наездники их сдерживали. Подъезжая к Баку, мы увидели весь город иллюминированным: на горе, где воздвигнут памятник князю Цицианову, извивались разнообразными линиями огни, по дороге стоял народ с такими же машалами.

— Каково бакинцы торжествуют! — заметил я адъютанту Р—ри.

— Это им дешево стоит — всего девять целковых, — отвечал он.

“Девять целковых — тысячи огней! В Петербурге перелука не осветишь на эти деньги. Что бы сделали и каких бы фабрик настроили здесь англичане, имея под руками даровое топливо и освещение”, — подумал я.

Три дня мы пробыли таким образом в Баку, и я желаю одного — чтобы стейка моя представила воображению читателя этот маленький городок в столь же яркой картине, в какой останется он навсегда в моем воспоминании!

Коротко об авторах

- Лоци* — публикуются по “Запискам Гидрографического департамента Морского министерства Российской империи”. Ч. X. СПб., 1852.
- Юлий Михайлович Шокальский (1856—1940)* — крупнейший русский географ, океанограф, картограф. Основатель школы исследователей морских территорий в России—СССР. С 1916 г. начал публиковать картографические “Материалы по гипсометрии России”, возглавлял метеорологическую службу Морского военного министерства империи. В 1925—29 гг. руководил глубоководной Черноморо-Азовской экспедицией. С 1917 по 1931 г. состоял президентом Русского географического общества (потом Всесоюзного). Член многих европейских академий. Классическая работа — основа современной картографии — “Исчисление поверхности Азиатской России”. Публикуемая работа взята из “Сборника в честь 70-летия профессора Д.Н.Анучина”. М., 1913.
- А.И.Фидман, М.М.Гришин* — инженеры-гидрологи, специалисты по водному хозяйству, работавшие в Северо-Кавказской плановой комиссии, образованной в связи с разработкой плана ГО-ЭЛРО (Государственная электрификация России) в отношении использования сырьевых и водных ресурсов отсталых районов страны. Задача организации хозяйства на территории всего Северного Кавказа с использованием Каспия как единого органического целого была сформулирована в Госплане в Москве и в Ростове-на-Дону, в центре Южной России, еще в 1921—22 г. План, представленный на рассмотрение правительству, содержал небывалый объем реорганизации всего южного бассейна России — Каспия, Азова, Волги, Дона, Яика, Дагестана, Азербайджана. Темы Манычей и Волго-Дона — часть этой общей разработки и часть огромного инженерно-гидрологического исследования, которое последовательно велось в СССР фактически до конца 40-х годов.

Авторы статей публиковались в "Вопросах электрификации" в 1923—27 гг., в "Бюллетене Госплана", "Плановом хозяйстве". Итог деятельности региональной группы исследователей по Северному Кавказу и Прикаспию опубликован в "Материалах по изменению водных ресурсов СССР". М., 1925. Статьи А.И.Фидмана и М.М.Гришина публикуются в сокращении по изданию: "Водная магистраль Волга—Дон—Азовское море". Вып. 3. Ростов-на-Дону, 1925.

Александр Александрович Чибилев — современный исследователь, географ, историк ландшафтов бассейна реки Урал (Яик) и северного Прикаспия, руководитель ряда историко-экологических проектов в 1970—80 гг. Автор ряда статей и книг. Живет в Оренбурге. Публикуемый текст взят из книги: "Река Урал. Историко-экологические очерки о бассейне реки Урал". Л., 1987.

Михаил Иванович Павлов — гидротехник, один из создателей грандиозного плана переброски вод Амударьи в Каспийское море. Его работы относятся к 1940—50 гг. Проектировщик комплексной экспедиции по увеличению водных ресурсов Туркмении, известной как "преобразование пустынь Турана". Текст публикуется по изданию: "Каракумский канал". М., Географгиз, 1955.

М.П.Петров — статья публикуется по "Известиям ВГО". Т. ХСVIII. М.—Л., 1966.

Борис Андреевич (Бернгард) Дорн (1805—1881) — академик Санкт-Петербургской Академии наук, с 1842 г. назначен Николаем I директором Азиатского музея, ставшего главным этно-археологическим музеем России в XIX веке. Владел многими восточными языками, древними и современными, изучал письменные памятники, эпиграфику, обрабатывал итоги археологических экспедиций. Описал впервые грамматику афганского языка, ввел его в практику преподавания на восточном факультете университета в Петербурге. Составил руководство по Азиатскому музею в 1846 г. (на немецком языке). Написал четырехтомную историю Прикаспия, связанную с появлением ислама на берегах Каспия ("Muhammedanische Quellen Z. Geschichte d. Sudlichen Kustenlander des Kaspischen Meers", Bd. I—IV, St.-Pet., 1850—1858), не переведенную на русский язык. Один из предшественников изучения письменных памятников, связанных с историей Хазарии. Текст Б.А.Дорна печатается по книге: "О походах древних русских в Табари-

стан, с дополнительными сведениями о других набеггах их на побережья Каспийского моря” // Записки Императорской АН. Т. 26, кн. 1. СПб., 1875.

В.В.Бартольд — работа академика В.В.Бартольда публикуется по III тому его “Сочинений” (М., 1965).

*Алексей
Феофилактович
Писемский
(1820—1881)* — русский прозаик, драматург. Автор известных романов и пьес, а также “Очерков из крестьянского быта” (1856). В 1857—1863 гг. был редактором известного журнала “Библиотека для чтения”. Как и другие его современники — И.Гончаров, И.Тургенев, Ф.Достоевский, Н.Лесков — А.Ф.Писемский обладал огромным даром натуралиста-наблюдателя и эссеиста. “Путевые очерки” писателя были крайне популярны до начала 1930-х гг. В 1857 г. по заданию Морского военного ведомства Писемский вместе с другими известными литераторами отправился в командировку в Астрахань и на Каспийское море для описаний России, вступившей на путь реформ. Текст печатается по “Морскому сборнику”, № 4. СПб., 1857.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ТЕКСТОВ Л.Н.ГУМИЛЕВА

1. *Тысячелетие вокруг Каспия*. Баку, 1991.

2. *История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XIV в. н.э.)* // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., “Наука”, 1980.

3. *С.И.Руденко и современная этнография аридной зоны Евразийского континента* // Известия ВГО. Т. 102, вып. 1. Л., 1969.

Фонд “Мир Л.Н.Гумилева” принимает участие в Международной программе “Памятные даты тюркской истории и культуры”, разработанной на основе Декларации встреч глав государств Центральной Азии в 1996 г. Программа, рассчитанная на пять лет (1998—2003), детализована по годам и по ряду пунктов и дат предполагает участие международной общественности и ЮНЕСКО. Календарь включает и знаменательные исторические даты, и юбилеи выдающихся людей. Особое внимание уделяется 1450-летию со времени создания Великого Тюркского каганата. В рамках Международной культурной программы ТЮРКСОЙ в 1998 г. будет дан старт четырехлетнему празднованию под патронажем и при участии глав тюркоязычных государств и соседних с ними стран. Предусмотрены издания на разных языках мира специальных книг, сборников исследований, альбомов, подготовка фильмов, программ телевидения.

Фонд “Мир Л.Н.Гумилева” готовит в связи с этим событием специальную научную конференцию, посвященную роли классической русской тюркологии и Л.Н.Гумилеву как ее последователю и продолжателю в исследовании и создании истории Тюркского каганата и освещении важнейших сторон жизни тюрко-ирано-славяноязычных миров. Конференция будет проходить в рамках, предусмотренных Международным проектом, материалы будут изданы. Заявки на участие с обозначением темы просим направлять по адресу: 103009 Москва, Тверская, 9, подъезд 6.

Фонд “Мир Л.Н.Гумилева” совместно с ведущими институтами РАН начинает издание Библиотеки русской ориенталистики. В нее войдут наиболее значительные работы крупнейших русских востоковедов XIX—XX вв. по Евразии, Китаю, Японии, Индии.

В поддержку этой программы Фонд “Мир Л.Н.Гумилева” готовит к переизданию четырехтомник знаменитого немецкого исследователя Востока Рихарда Хеннига “Неведомые земли”.

Фонд *“Мир Л. Н. Гумилева”*
Серия I. *Сочинения Л. Н. Гумилева в 15 томах*
Bibliotheca Gumieivica

Том 11 ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ВОКРУГ КАСПИЯ

Издатель
А. И. Куркчи

Руководитель программ
И. В. Мамаладзе

Редактор
В. Л. Акопян

Обложка
Ю. К. Курбатов

Художник
В. В. Гусейнов

Технический редактор
З. С. Теплякова

Корректор
А. В. Яковлев

Верстка
Д. В. Полукеев

Компьютерный редактор
Е. В. Мартынова

Фонд "МИР Л.Н.ГУМИЛЕВА"

Лев Николаевич Гумилев

**ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ
ВОКРУГ КАСПИЯ**

Составитель А.И.Курчки

Издательство "Институт ДИ-ДИК"
Изд. лиц. № 065405 от 16.09.1997 г.
103009, Москва, ул. Тверская, 9.
Телефон 229-19-10

**Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 37,0. Тираж 12 000 экз.
Заказ 4045.**

**При участии ООО «Харвест».
Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35–305.**

**Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
на Минской фабрике цветной печати.
220024, Минск, ул. Корженевского, 20.**

Сканирование - *Беспалов, Николаева*
DjVu-кодирование - *Беспалов*

KALMYCKEN LANDT

Stadt eine Russische

Land

von

Guwyn

Land der Bocharen

Schastie

Derralson

Kallioe

M A P P E D E C A S P I V M

Russische flotte

Hier ist die See ohne Grund das Salz Meer genant

Sitsona

Russische Stadt

Dieser Land hat die Circasische Tartaren im obar

Tarku Barmack

die Stadt Der bent die erste Stadt in der Tartaren

Makansche

Golf von Gilan

SEE-KART von der CASPISCHEN SEE

mit denen inliegenden Inseln Flüssen und daran gelegenen Stätten

LEV N. GUMILEV

Лев Н. ГУМИЛЁВ

LEV N. GUMILEV

тысячелетие
вокруг Каспия

Лев Н. ГУМИЛЁВ